ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-ая.

ЯНВАРЬ. 1870.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 1-ая. — ЯНВАРЬ, 1870.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

fifth year

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

1870
1

ТОМЪ I.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

"VESTNIK EVROPY,"



КОСТЮШКО

и

РЕВОЛЮЦІЯ 1794 ГОДА.

I.

Молодость Костюшки.—Очерки его предшествовавшей дѣятельности.—Зачатки возстанія.

Тадеушъ Костюшко, человѣкъ, которому суждено было сдѣлаться главнымъ политическимъ лицомъ въ Польшѣ послѣ второго ея раздѣла [1]), былъ сынъ дворянина изъ новогродскаго повѣта. Въ 1764 г., при вступленіи на престолъ Станислава-Августа, онъ имѣлъ около 12 лѣтъ и поступилъ въ только-что заведенную школу кадетъ. Школа эта, подъ дирекціею Чарторыскаго, содержалась на счетъ отпускаемой изъ казны суммы, 400.000 злотыхъ; сверхъ того 200,000 злот. давалъ на нее король. Она была мѣстомъ воспитанія всѣхъ почти знаменитыхъ людей того времени, разсадникъ

[1]) Событія второго раздѣла Польши изложены въ особой монографіи: «Паденіе Рѣчи-Посполитой» (см. №№ 2-12 «Вѣстника Европы», 1869 г.), по отношенію которой настоящее изслѣдованіе можетъ служить непосредственнымъ продолженіемъ. Авторъ, при составленіи его, пользовался документами, означенными въ перечнѣ источниковъ къ вышеупомянутой монографіи (см. «В. Евр.», февр. 1869), подъ №№ 5, 13, 14, 17, 18, 19, 24, 26, 27, 29, 31, 32, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 50, 54, 57, 61, 65, 75, 79, 82, 97, 100, 105, 114, 115, 120, 121, 122, 123. Кромѣ того, авторъ имѣлъ подъ рукою дѣла Высочайшаго Совѣта и Индигаціонной Коммиссіи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ, и собственноручныя бумаги Суворова, за которые приноситъ глубокую благодарность князю Александру Аркадіевичу Суворову-Рымникскому.

новой Польши. Костюшко былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Разсказываютъ, что во время ученія онъ такъ былъ прилеженъ, что вставалъ утромъ въ 3 часа, и чтобы не проспать долѣе опредѣленнаго времени, привязывалъ къ себѣ шнурокъ, который былъ проведенъ къ сторожу, и послѣдній получалъ приказаніе дергать за шнурокъ и будить примѣрнаго ученика; иногда же онъ не спалъ по нѣскольку ночей, и чтобы сохранить присутствіе умственныхъ способностей, обливался холодною водою. По окончаніи курса, въ его жизни случилось обстоятельство, которое потрясло его и оставило сильное вліяніе на строй его понятій. Его отецъ былъ человѣкъ жестокій съ крестьянами. Когда зашевелилась Украина и на всемъ пространствѣ, гдѣ были русскіе хлопы, вспыхнула непріязнь русскаго народа къ панамъ-ляхамъ, отца Костюшки убили крестьяне. Молодой Тадеушъ видѣлъ ужасную казнь хлоповъ, которые расплатились за смерть своего владѣльца. Талантливый юноша постигъ тогда тайну, которой не знали и знать не хотѣли цѣлыя поколѣнія: Польша была въ упадкѣ преимущественно отъ того, что громада народа, ей подвластнаго, живя въ государствѣ, которое называлось республикою, не имѣла ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ; и прежде чѣмъ народу не отданы будутъ эти права, напрасны будутъ всякія усилія къ возрожденію націи,— такъ рѣшилъ въ своемъ умѣ молодой Тадеушъ. Онъ былъ отправленъ на казенныя деньги оканчивать воспитаніе во Франціи, оставался тамъ нѣсколько лѣтъ и учился инженерному искусству. То были времена всеобщаго либерализма, подготовлявшаго близкую революцію, эпоха высшаго поклоненія Вольтеру и Руссо, когда слова о правахъ человѣка, о равенствѣ, о свободѣ совѣсти и науки были въ ходу. Костюшко проникался ими.

По возвращеніи въ Польшу, Костюшко испыталъ, что его знанія и дарованія мало могли быть нужны отечеству. Въ Польшѣ подобный человѣкъ, незнатнаго происхожденія, небогатый, при самыхъ блестящихъ способностяхъ и съ образованіемъ, могъ не найти себѣ пріюта; ему оставалось увлечься общимъ потокомъ нравовъ и по обычаю бо̀льшей части своихъ собратій жить при дворѣ какого-нибудь пана резидентомъ и цѣловать полы его одежды, или же, сидѣть въ своемъ имѣньицѣ и одичать въ захолустьи, прерывая скуку однообразной обывательской жизни поѣздками на сеймики, гдѣ все-таки надобно было служить не отечеству, а какому-нибудь пану. Судьбы, одолѣвшей весь край, не могъ избѣгнуть и Костюшко. И онъ поселился у пана Сосновскаго, литовскаго польнаго писаря, который прежде покро-

вительствовалъ его отцу и всему его роду. Костюшко сталъ учить его дочерей и влюбился въ одну изъ нихъ, Людвику. И дѣвица полюбила его. Тогда «Новая Элоиза» была любимымъ чтеніемъ молодежи и многимъ кружила головы; легко возникало желаніе осуществить въ собственной жизни то, что съ такою жадностію читалось въ книгахъ. Но бракъ былъ немыслимъ между бѣднымъ сыномъ новогродскаго обывателя и дочерью ясневельможнаго пана. Костюшко обратился къ покровительству князя Чарторыскаго, который зналъ его и любилъ еще въ школѣ. Князь, охотникъ до романическихъ приключеній, выслушалъ его съ участіемъ, но не взялся хлопотать за него передъ Сосновскимъ. Дѣло было черезчуръ неподходящее къ принятымъ издавна обычаямъ польскаго общества. Онъ совѣтовалъ ему искать въ этомъ дѣлѣ покровительства короля, и Костюшко обратился къ Станиславу-Августу. Король посовѣтовалъ ему выкинуть несбыточную мысль изъ головы. Но Костюшко, сговорившись съ молодыми друзьями и бывшими товарищами, затѣялъ увезти свою возлюбленную. Король какъ-то узналъ или можетъ быть подозрѣвалъ, что такъ будетъ, предостерегъ обо всемъ Сосновскаго, который былъ тогда въ Варшавѣ, и Сосновскій написалъ женѣ, чтобы она выѣзжала съ дочерьми изъ имѣнія. Костюшко прибылъ туда поздно. Онъ видѣлъ только старую Сосновскую и не видѣлъ дочери. Онъ принужденъ былъ разстаться съ нею навсегда. Она забыла его скоро и вышла замужъ за князя Іосифа Любомирскаго; богатый и знатный, онъ былъ не чета Костюшкѣ.

Это событіе еще болѣе увеличило ту пропасть, которая уже образовалась въ душѣ Костюшки между его убѣжденіями и старою Польшею. Костюшкѣ нечего было дѣлать въ отечествѣ. Душа его жаждала дѣла. Онъ уѣхалъ въ Америку безъ надежды когда-нибудь возвратиться на родину, гдѣ въ жизни не представлялось ему ничего утѣшительнаго. Костюшко отправился въ далекій край, не запасясь никакою рекомендаціею, съ пятью другими поляками, едва спасся отъ кораблекрушенія, прибылъ въ Филадельфію, и прямо отправился къ Франклину; своею откровенностію и прямотою онъ понравился ему, несмотря на то, что вначалѣ былъ принятъ сухо. Франклинъ самъ проэкзаменовалъ его, нашелъ въ немъ основательныя знанія, рекомендовалъ конгрессу, и Костюшко вступилъ въ американскую службу прямо съ чиномъ полковника.

Въ борьбѣ съ Англіею, которой послѣдствіемъ было существованіе федераціи Сѣверо-американскихъ штатовъ, Костюшко былъ не послѣднимъ человѣкомъ, и особенно отличился въ роковомъ дѣлѣ подъ Саратогою, гдѣ сдался англійскій генералъ

Бургоинъ. По окончаніи войны, въ 1783 году, онъ наравнѣ съ другими, приходившими изъ разныхъ странъ свѣта сражаться за свободу человѣка въ Новомъ Свѣтѣ, получилъ орденъ Цинцинната.

Надежда на возрожденіе Польши побудила Костюшку воротиться въ отечество. Наступившая война 1792 года доставила ему поле дѣйствія. Война окончилась безславно для Польши, но Костюшко былъ тогда единственный даровитый польскій предводитель, и эта война возвысила его въ глазахъ шляхетской націи. Когда пришлось склониться подъ гнетомъ необходимости, Костюшко оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ частнымъ человѣкомъ, потомъ уѣхалъ во Львовъ, гдѣ, какъ говорили, пани Коссаковская хотѣла дать ему имѣніе, но онъ не принялъ этого дара. Онъ уѣхалъ въ Саксонію, гдѣ его встрѣтили убѣжавшіе туда заранѣе творцы конституціи 3 мая. Тамъ съ Малаховскимъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ, Нѣмцевичемъ и Вейсенгофомъ, Костюшко совѣщался о спасеніи отечества. Соображая, что Польша, тѣснимая Пруссіею и Россіею, должна возбуждать сочувствіе Франціи, они отправили туда Костюшку. Въ Парижѣ Костюшко видѣлся съ министромъ Лебренемъ, выслушалъ отъ него много любезностей, но ничего не услыхалъ положительнаго, и воротился назадъ. Предъ началомъ гродненскаго сейма, патріоты прочитали грозные манифесты Россіи и Пруссіи. Костюшко, какъ показываютъ записки Гонсяновскаго, переодѣвшись, подъ чужимъ именемъ прибылъ въ августѣ въ Гродно, побывавъ предварительно въ Пулавахъ у Чарторыскаго, прожилъ нѣсколько времени въ Гродно у Краснодембскаго, былъ у княгини Огинской и предложилъ планъ спасенія отечества. Совѣщаніе объ этомъ происходило ночью, въ послѣднихъ числахъ августа. На немъ былъ генералъ Бышевскій, Гроховскій и еще другіе польскіе генералы и военные чины. Планъ Костюшки былъ таковъ: разослать расторопныхъ и опытныхъ офицеровъ по разнымъ краямъ Рѣчи-Посполитой. Каждый долженъ будетъ взять письмо за подписью какого-нибудь изъ важныхъ пановъ, извѣстныхъ своимъ патріотическимъ направленіемъ. Письмо это, сочиненное Костюшкою, для всѣхъ имѣло аллегорическій смыслъ, и составлено было въ такихъ выраженіяхъ: «Любезные земляки, такой-то, служащій въ войскѣ, отправляется въ отпускъ туда-то, по важному семейному дѣлу, именно, чтобы возвратить и возстановить разоренное свое имѣніе, захваченное у него въ значительной части врагами. Онъ просилъ моего ходатайства передъ вами; такъ какъ онъ безъ вашей помощи не можетъ никакъ привести въ исполненіе своего дѣла, я обращаюсь къ вамъ, по-

чтенные земляки, и прошу васъ, поддержите его вашими совѣтами, хотя бы даже и съ пожертвованіемъ части вашего собственнаго имѣнія, для удаленія интригъ, которыя могутъ внѣдриться въ судебныя инстанціи вопреки правосудію. Если, возлюбленные братья, эта почтенная фамилія будетъ поднята изъ своего упадка, то не только внуки и правнуки мои будутъ вамъ благодарны, но и въ народѣ слава о вашемъ человѣколюбивомъ поступкѣ никогда не умретъ». Были бланки за подписью Чарторыскаго, Огинскаго, Сапѣги, и еще вѣроятно другихъ. Сдѣлавши свое дѣло, Костюшко уѣхалъ въ Пулавы, и оттуда за границу, какъ бы его и не было въ Польшѣ. Впослѣдствіи, когда вѣсть о его путешествіи распространилась, и русскіе, взявши его въ плѣнъ, допрашивали его о такомъ путешествіи въ Польшѣ, онъ запирался; это было естественно и дѣлалось для того, чтобы не компрометтировать другихъ, которыхъ имѣнія достались Россіи.

Агенты отправлялись въ разныя мѣста дѣлать свое дѣло. Мы имѣемъ разсказъ одного изъ нихъ, Гонсяновскаго и по немъ вообще можемъ представить себѣ, какъ это дѣлалось. Агентъ, получивъ деньги отъ пановъ, разъѣзжалъ по тѣмъ воеводствамъ, которыя каждому выпадали на долю при разсылкѣ. Онъ ѣздилъ отъ обывателя къ обывателю, выпытывалъ и узнавалъ ихъ образъ мыслей, и тамъ, гдѣ находилъ себѣ сочувствіе, открывалъ тайну. Было принято, для узнанія образа мыслей того, на кого нужно было дѣйствовать, не только не открываться ему съ перваго раза, и не говорить правды, а прикидываться человѣкомъ противнаго образа мыслей, завлекать въ споръ, доводить спорящаго до того, что тотъ, не узнавъ еще, что его хотятъ вербовать въ заговоръ, самъ высказывалъ необходимость заговора и охоту вступить въ него. Впрочемъ, пути были разнообразны, смотря по характеру и воспитанію тѣхъ, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло. Иного нужно было разжигать риторикою, съ другимъ вести разговоръ объ экономическихъ предметахъ и заманивать въ заговоръ надеждою на выгоды, третьяго надобно было подпоить, четвертаго обыграть въ карты, съ тѣмъ шутить, съ другимъ хандрить; однихъ вербовать по одиночкѣ, другихъ цѣлою компаніей; однимъ достаточно сказать, что такъ думаетъ такой-то важный панъ, другихъ увлекать примѣромъ, что вотъ въ такомъ-то повѣтѣ обыватели уже подписали. Болѣе всего помогали тогда дѣлу духовные. У нихъ уже зарождалось опасеніе, что православная Россія будетъ стѣснять католичество и начнетъ уничтожать унію; въ южныхъ провинціяхъ отъ этого, уніатскіе монахи были ревностными пособниками дѣла. Пріѣдетъ въ какой-нибудь мона-

стырь къ пробощу или канонику агентъ; духовный сановникъ знаетъ въ своемъ околоткѣ обывателей, кто какого нрава и какихъ мыслей, собираетъ къ себѣ на обѣдъ такихъ, какихъ нужно; здѣсь, выпивши венгерскаго, агентъ воспламеняетъ собесѣдниковъ, говоритъ рѣчь о горькой судьбѣ отечества, о несправедливостяхъ сосѣднихъ дворовъ, задаетъ руготню москалю и нѣмцу, плачетъ надъ гибелью шляхетской свободы, указываетъ на опасность церкви, и наконецъ, когда нужно, объявляетъ о тайнѣ. Обыватели иногда тутъ же даютъ подписки, иногда назначаютъ день, и въ этотъ день собирается еще больше обывателей. Духовный сановникъ служитъ обѣдню, призываетъ св. Духа, говоритъ проповѣдь о наступающей необходимости католикамъ защищать истинную вѣру противъ угрожающей проклятой фотіевской схизмы и въ такой же степени проклятаго нѣмецкаго лютеранства; потомъ слѣдуетъ обѣдъ, попойка и цѣлый потокъ рѣчей, гдѣ обывателямъ предстоитъ свободное поле отличиться краснорѣчіемъ. Религія возбуждала ихъ сильнѣе отечества: если дѣло отечества требовало размышленія, то опасность для вѣры, для будущаго спасенія души, не допускала долго размышлять. Дѣйствовать во всякомъ случаѣ, казалось, хорошо; еслибы и успѣха не было, все равно хорошо умирать за истинную вѣру.

Этимъ дѣло не оканчивалось. Гостепріимные обыватели устроивали у себя обѣды; и тамъ также лилось венгерское вино и польское краснорѣчіе, и дѣло отечества скрѣплялось. Чтобы заручить на свою сторону мелкую шляхту, духовные сановники дѣлали такіе же обѣды для вліятельныхъ изъ шляхты. Они выбирали изъ среды ея такихъ, о которыхъ знали, что ихъ пять или шесть двинутъ за собою тысячу; агентъ склонялъ ихъ на свою сторону именемъ знатнаго пана, отъ котораго имѣлъ уполномочіе; отъ его имени агентъ давалъ имъ по нѣскольку червонцевъ: панъ съ простою шляхтою не долженъ былъ говорить иначе, какъ показавши свои панскія щедроты. Эта отборная шляхта, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и благоговѣнія къ пану, подписывала не только за себя, но и за своихъ товарищей, принимая званіе ихъ уполномоченныхъ. Вообще, какъ зажиточные обыватели, такъ и простые шляхтичи проникались чувствомъ подобострастія и благоговѣнія къ высокимъ именамъ, и обращеніе къ нимъ какого-нибудь Радзивилла (бердичевскаго), Чарторыскаго, Сапѣги, Потоцкаго, внушало имъ надежду на успѣхъ, и обязывало ихъ содѣйствовать. Оттого возстаніе удобнѣе принималось въ тѣхъ воеводствахъ и повѣтахъ, гдѣ паны, давшіе уполномочіе агентамъ, издавна имѣли вѣсъ и значеніе. Много помогали дѣлу женщины. Въ повѣтахъ почти вездѣ были красивыя

умныя дамы, въ той порѣ жизни, когда онѣ вертѣли головы всему околотку. Къ такой дамѣ обращался агентъ; дѣло шло какъ по маслу, если агентъ былъ ловокъ, красивъ, и обладалъ способностію и навыкомъ обращаться съ женщинами, но въ особенности тогда, когда у молодой госпожи былъ мужъ гораздо старѣе ея лѣтами. Тутъ женское кокетство переплеталось съ патріотизмомъ. Агентъ то говорилъ госпожѣ о ея красотѣ, о своихъ вздохахъ, то воспламенялъ ее героическимъ жаромъ любви къ погибающему отечеству; то бросался къ ея ногамъ, то цѣловалъ ея руки, то бралъ у нея деньги въ видѣ пожертвованія на общую пользу. Такова была, по извѣстію Гонсяновскаго, пани Прушинская въ овручскомъ повѣтѣ, молодая жена очень стараго мужа, великая патріотка, и смѣлая, остроумная, ловкая, понятливая, съ даромъ краснорѣчія, подобнымъ Цицерону, но съ оттѣнкомъ романизма[1]). Гонсяновскій сознается, что онъ разомъ и ухаживалъ за нею и дѣлалъ ее орудіемъ патріотической пропаганды между обывателями повѣта, въ которомъ она имѣла вѣсъ и силу. Женщины особенно помогали тѣмъ, что устроивали складчины (коллекты) для поддержки дѣла спасенія отечества, и такимъ образомъ собирали капиталы, которые передавались вліятельнѣйшему обывателю; и такъ составлялась казна для будущаго возстанія. Заговоръ распространился по всей Польшѣ и счастливо избѣжалъ вниманія русскихъ и прусаковъ. Для того, чтобы ускользнуть отъ ихъ вниманія, употреблялись тогда затѣйливыя выходки. Такъ Гонсяновскій разсказываетъ, что для этой цѣли, его, маіора арміи, посвятили въ ксендзы, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ ксендзовскомъ званіи и одѣяніи, и когда это оказалось болѣе не нужнымъ, снова надѣлъ военный мундиръ.

Въ Варшавѣ пропагандою занимались Дзялынскій и банкиръ Капостасъ. Около нихъ собирались молодые люди. Изъ нихъ на виду предъ всѣми стояли Ельскій, Гореславскій, Ясинскій, Павликовскій. Ясинскій отправленъ въ Вильну. Общество варшавскихъ заговорщиковъ имѣло сношенія съ обществами Великой Польши и Малой Польши и Литвы. Въ Великой Польшѣ все было готово къ возстанію, и этотъ край, подпадавшій Пруссіи, болѣе другихъ порывался сбросить чужеземное иго. Они вели сношенія и съ эмигрантами въ Саксоніи. Костюшко между тѣмъ ѣздилъ по Европѣ и испытывалъ положеніе умовъ, отыскивалъ союзниковъ и пособниковъ готовящемуся возстанію. Между тѣмъ

[1]) . . . . patryotce wielkiej żony dużo podeszłego męża, rozsądnej, śmiałej, każdą rzecz obejmującej, wymową oratorską, etc. (Pam. Gąsianowsk.).

въ Варшавѣ собирались ночныя сходки, куда пріѣзжали изъ полковъ офицеры; тамъ избрали начальникомъ возстанія Костюшку и послали къ нему Ельскаго. Костюшко отправилъ Заіончека въ Варшаву провѣдать, что̀ тамъ дѣлается. Заіончекъ прибылъ туда въ декабрѣ 1793 года, и самъ являлся къ лицамъ русской партіи; надъ нимъ устроенъ былъ надзоръ, но несмотря на это онъ выпытывалъ о состояніи края, сносился съ заговорщиками и доносилъ Костюшкѣ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ Костюшкѣ, средства, какими обладала страна, не были еще достаточны для начала возстанія, а главное, нельзя было положиться на народъ. Костюшко, съ своимъ демократическимъ духомъ, пріобрѣтеннымъ въ Сѣверной Америкѣ, полагалъ всю надежду на громаду народа, поэтому приказывалъ черезъ Заіончека разсылать по повѣтамъ патріотовъ возбуждать болѣе всего простой народъ. Чрезъ разговоры съ шляхтичами и присмотрѣвшись лично, Заіончекъ пришелъ относительно этого къ такому убѣжденію, что народъ въ Польшѣ ничего не выказывалъ, кромѣ тупого, ничѣмъ не оживленнаго терпѣнія, необходимаго слѣдствія закоснѣлой неволи, вѣчнаго гнета шляхты надъ многими поколѣніями. «Вся надежда на народъ,—говорилъ онъ сначала агентамъ,—выбирайте расторопныхъ солдатъ, разсылайте ихъ по краю; пусть подвигнутъ поселянъ къ свободѣ.» Но то была китайская грамота для большей части поляковъ; воззвать простой народъ къ возстанію было также трудно для шляхты, какъ возстать народу. Народъ въ Рѣчи-Посполитой могъ возставать только противъ владѣльцевъ.

Одинъ изъ современниковъ и участниковъ этихъ событій, Войда, замѣчаетъ, что въ эту эпоху выражался тотъ же характеръ, какъ и въ прежнія времена. Шляхта твердила о свободѣ и вольности, но думала, что свобода состоитъ въ правѣ установлять законы и безнаказанно ихъ нарушать, и не платить опредѣленныхъ закономъ налоговъ. Шляхтичъ полагалъ, что платить должны мѣщане и хлопы, самъ онъ, человѣкъ съ правами, могъ освобождать себя отъ этой непріятности. Третье мая не нравилось польской шляхтѣ, потому что конституція хотѣла обуздать ее; она ошиблась и въ тарговицкой конфедераціи: вмѣсто возлюбленной шляхетской свободы, двѣ части страны поступили подъ власть Россіи и Пруссіи, а эти государства, конечно, не могли допустить въ своихъ владѣніяхъ такой свободы; третья, оставаясь по наружности независимою, на дѣлѣ уже поступала въ полную зависимость отъ Россіи. Многіе охотно отдавались Россіи, они надѣялись отъ новой власти выгодъ, а главное ихъ успокоивало то, что подъ властію Россіи у нихъ не отнимутъ власти надъ крестьянами. За то также многіе изъ тѣхъ, кото-

рые желали чего-нибудь поболѣе неограниченной власти надъ хлопами и прежде боялись конституціи 3-го мая, теперь стали къ ней склоняться, видя въ ней средство удержать цѣлость и независимость отечества. Когда ихъ воспламеняли патріотическими рѣчами и воззваніями, они дѣлались сторонниками революціи, но когда нужны были пожертвованія, то они налагали новые поборы на своихъ хлоповъ, и послѣдніе должны были усилить свой трудъ для спасенія шляхетской свободы. Искренними сторонниками революціи были мѣщане, которые въ конституціи 3-го мая видѣли залогъ своей равноправности со шляхетствомъ и надѣялись, что имъ будетъ выгоднѣе жить. Были такіе обыватели, которыхъ обольщалъ въ революціи личный выигрышъ; они соображали, что если революція удастся, то они будутъ послѣ того играть первую роль и значеніе въ Рѣчи-Посполитой, какъ ея спасители и избавители. Но наибольшая часть пристававшихъ къ революціи обывателей была такого рода, что въ сущности имъ было все равно, кто бы ни побѣдилъ: они приставали къ ней потому, что имъ ловко натолковали и представили, что за предпріятіемъ есть сила. Имъ говорили: «Австрія на нашей сторонѣ, потому что Австрія не хочетъ допустить усиливаться Пруссію и Россію; Швеція и Англія за насъ; Турція скоро объявитъ, если уже не объявила, Россіи войну; Франція естественно намъ благопріятствуетъ, потому что Россія и Пруссія во враждѣ съ ней; наконецъ, сами Россія и Пруссія уже не ладятъ между собою и скоро поссорятся. Всѣ обстоятельства сложились какъ нельзя превосходнѣе для Польши.» Все это казалось правдоподобнымъ, особенно, когда въ этомъ увѣряли поляковъ именемъ какого-нибудь Чарторыскаго, Сапѣги, Потоцкаго, Огинскаго и т. п. Изъ подобнаго класса соучастниковъ революціи были и такіе, что приставали къ революціи только изъ трусости, чтобы впослѣдствіи имъ не было худо, когда возстаніе удастся. Но были люди, совершенно противоположные послѣднимъ: это молодыя и горячія головы. Эти люди мало разсуждали о томъ: возможенъ или невозможенъ успѣхъ; имъ лишь бы скорѣе начинать, и всякую хладнокровную и разсудительную осторожность они сейчасъ же клеймили подозрѣніемъ въ измѣнѣ. Эти люди желали и надѣялись черезчуръ многого. Такихъ приходилось не возбуждать, а сдерживать, охлаждать, приводить на путь разсудка. Уже въ началѣ 1794 г., молодежь варшавская горячилась и готова была начинать: Капостасу и Дзялынскому стоило большого труда удерживать ихъ. Капостасъ показывалъ впослѣдствіи, что 23-го февраля назначена была конференція у одного изъ заговорщиковъ, Венгерскаго, гдѣ было до семидесяти человѣкъ. Заговорщики такъ разгорячи-

лись, что начали даже своихъ вожаковъ обвинять въ измѣнѣ, за ихъ благоразумную медленность. Артиллеристъ Миллеръ замахнулся даже на Капостаса шпагою, и говорилъ: «ты измѣнникъ, ты присталъ къ намъ, чтобы намъ мѣшать и отдать въ руки враговъ средства къ возстанію. Черезъ пять или шесть дней отнимутъ у насъ оружіе. Враги наши притворяются, будто не знаютъ о томъ, что̀ мы затѣваемъ; они дожидаются только уменьшенія войска, чтобы насъ перехватать.» — «Что же, — отвѣчалъ Капостасъ, — лучше умереть отъ безумнаго человѣка, чѣмъ погибнуть вслѣдствіе несвоевременнаго предпріятія.»

Это совѣщаніе сдѣлалось извѣстнымъ. Игельстромъ приказалъ арестовать Венгерскаго. На снятомъ съ него допросѣ послѣдній объявилъ, что дѣйствительно существуетъ заговоръ произвести возстаніе; главными агитаторами были Чарторыскій, Казимиръ Сапѣга, маршалъ Малаховскій. На что̀ они надѣются? — спросили его. — Венгерскій объявилъ, что говорятъ, будто Вѣна за Польшу и обѣщаетъ тридцать тысячъ войска, Англія даетъ на этотъ предметъ значительныя суммы; думаютъ также, что Пруссія скоро разсорится съ Россіею. Чтобы поддѣлаться къ русскимъ и облегчить судьбу свою, Венгерскій говорилъ, что онъ имѣлъ сношенія съ революціонерами только по денежнымъ дѣламъ, а самъ считаетъ невозможнымъ успѣхъ возстанія въ Польшѣ, что онъ только сдѣлался жертвою собственныхъ ошибокъ и неосновательности національнаго характера. По слѣдствію надъ нимъ, однако, Игельстромъ не открылъ собственно ничего. Всѣмъ было извѣстно, что эмигранты, живущіе за границею, помышляютъ о возстаніи, но эмигрантовъ достать было невозможно; важно было перехватить тѣхъ изъ ихъ соучастниковъ, которые находились въ краѣ. Игельстромъ бросилъ подозрѣніе прежде всего на Заіончека. Но Заіончекъ, предувѣдомленный заранѣе, предупредилъ русскаго военачальника, и не дожидаясь, пока за нимъ придутъ, отправился къ нему самъ. Игельстромъ оборвалъ его самымъ солдатскимъ образомъ, но Заіончекъ хладнокровіемъ и притворствомъ поставилъ его втупикъ, и дѣло окончилось тѣмъ, что Игельстромъ приказалъ Заіончеку выѣхать изъ Польши. Заіончеку и безъ того уже нужно было выѣзжать и донести посылавшимъ его эмигрантамъ о состояніи Польши, о томъ, что̀ онъ, присмотрѣвшись, могъ въ ней замѣтить. Дзялынскій былъ арестованъ и посланъ въ Кіевъ. Но заговора не открыли.

II.

Игельстромъ. — Мѣры въ Варшавѣ. — Возстаніе Мадалинскаго. — Прибытіе Костюшки въ Краковъ.—Актъ повстанья.—Декларація Игельстрома. —Битва подъ Рацлавицами.—Успѣхъ Костюшки.—Волненіе въ Варшавѣ.—Мѣры русскихъ къ оборонѣ.

Постановивъ законъ объ уменьшеніи польскаго войска, гродненскій сеймъ еще прежде обращался къ Сиверсу съ просьбою о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи ихъ числа въ государствѣ польскомъ. Сиверсъ сообщилъ о томъ Игельстрому, но генералъ-квартирмейстеръ Писторъ представилъ военачальнику, что выводъ русскаго войска преждевременемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уменьшено польское войско. Игельстромъ пріостановился съ этимъ и разставилъ русское войско около Варшавы, до тѣхъ поръ, пока польское войско не будетъ уменьшено. Тогда началось это уменьшеніе польскаго войска постепенно, и шло всю зиму чрезвычайно лѣниво. Офицеры, оставшіеся внѣ службы, расходились по домамъ, иныхъ изъ нихъ принимали обыватели къ себѣ въ домà, и эти отпущенные были самыми рьяными возмутителями. Ихъ положеніе казалось для нихъ тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ нихъ заплатили деньги за свои чины и потратили какое-нибудь скудное имѣніе, чтобы имѣть возможность получать постоянное жалованье, которое теперь у нихъ отнимали.

Въ Варшавѣ русскіе замѣчали, что Польша уже готовится къ чему-то важному, и особенно боялись отпущенныхъ военныхъ, чтобы они не вошли въ столицу, а потому и разставили русское войско тремя концентрическими линіями, такъ что Варшава была трижды окружена русскимъ войскомъ.

Заговорщики очень много разсчитывали на уменьшеніе польскаго войска; съ одной стороны для нихъ подручно было то, что, такимъ образомъ, многіе военные, оставаясь безъ хлѣба, были настроены къ возстанію по крайней необходимости, съ другой, надобно было имъ спѣшить, чтобы предупредить дальнѣйшее уменьшеніе войска. Многихъ польскихъ военныхъ уже завербовали въ русскія и прусскія войска, но они готовы были измѣнить при первомъ случаѣ и пристать къ своимъ, и это послѣднее обстоятельство, производя безпорядокъ въ томъ войскѣ, которое должно будетъ усмирять возстаніе, должно было помогать самому возстанію.

Если Сиверсъ былъ человѣкъ, какъ будто созданный для управленія поляками, то Игельстромъ, его преемникъ, составлялъ съ нимъ въ этомъ отношеніи разительную противоположность.

Сиверсъ, ласковый, любезный въ обращеніи, строгій и рѣшительный въ дѣлѣ, заставлялъ ихъ и бояться себя, и уважать, и даже любить. Отъ этого, когда его смѣнили, многіе поляки приходили къ нему прощаться съ истиннымъ чувствомъ. Сиверсъ гнулъ ихъ, давилъ, но чрезвычайно любезно. Игельстромъ, напротивъ, былъ изъ такихъ господъ, у которыхъ даже самая любезность кажется грубостію. Храбрый и смѣлый, но мало образованный, мало проницательный, онъ началъ вести себя въ Польшѣ такъ, какъ могъ бы, съ бо̀льшимъ правомъ и благоразуміемъ, вести себя въ Азіи. Ему ни почемъ было оборвать пана, наговорить ему дерзостей и не извиниться; вмѣсто того, чтобы въ пору удерживать подозрѣніе и догадку, онъ высказывалъ ее преждевременно, вооружалъ противъ себя, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникамъ поводъ дѣйствовать осторожнѣе; вмѣсто того, чтобы щадить самолюбіе націи, въ высшей степени щекотливой къ собственнымъ истиннымъ и мнимымъ достоинствамъ, Игельстромъ напротивъ при всякомъ случаѣ любилъ показать, что русскіе здѣсь побѣдители, а поляки побѣжденные. Польскіе магнаты и должностныя лица были для него словно русскіе, подначальные ему, офицеры. Съ министрами и съ самимъ королемъ онъ обращался свысока, приказывалъ и предписывалъ, вмѣсто того, чтобы вѣжливо просить, напоминалъ о своемъ полновластіи въ Польшѣ и о ихъ зависимости отъ себя. Мало обнадеживая поляковъ, что подъ властію Россіи имъ будетъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ лучше, онъ только угрожалъ имъ, пугалъ ихъ, и тѣмъ располагалъ къ возстанію. Но въ то же время никто менѣе его не имѣлъ выдержки, энергіи и осторожности, необходимыхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Оскорбляя и раздражая поляковъ своимъ солдатскимъ обращеніемъ, онъ готовъ былъ тѣмъ же полякамъ позволить водить себя за носъ, если они успѣвали къ нему поддѣлаться. Шведъ Бауръ былъ его любимцемъ — человѣкъ слабый, находившійся подъ польскимъ вліяніемъ; Игельстромъ во многомъ, касавшемся управленія, особенно военнаго, смотрѣлъ его глазами. Но болѣе всего надъ нимъ имѣла вліянія графиня Залуская, а черезъ нее и другіе поляки. По отношенію къ военной дисциплинѣ Игельстромъ былъ очень неудовлетворителенъ. Онъ умѣлъ кричать, горячиться, ругаться, выказывать свою власть, но распорядительности у него было мало. Его мало уважали, мало любили и мало боялись. Въ войскѣ у него между офицерами вкрались безпорядки. Современникъ Войда положительно говоритъ, что если бы Сиверсъ не былъ отозванъ, революція не могла бы произойти въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ такъ скоро; одинъ изъ ближайшихъ поводовъ къ ней подалъ именно самъ

Игельстромъ своимъ высокомѣрнымъ поведеніемъ и запальчивымъ характеромъ.

Возстаніе ускорило именно то, что въ половинѣ марта назначенъ былъ послѣдній срокъ уменьшенія польскаго войска. Русская императрица хотѣла затянуть распущенное войско въ свою службу, и потому каждому вступавшему обѣщаны были 90 зл. по выслугѣ 12 лѣтъ, земли и усадьбу. Нехотѣвшимъ вступить въ русскую службу предоставлялась свобода избрать родъ жизни. Современникъ Зеймэ замѣчаетъ, что это необходимое сокращеніе могло быть удобнѣе достигнуто, еслибы только давали отставки и отпуски желающимъ, а не принимали бы вновь никого въ военную службу. Тогда, при содѣйствіи обыкновенной смертности, войска сами собою, въ короткое время, дошли бы до требуемаго количества.

Въ числѣ бригадъ, которыя предназначались къ редукціи, (уменьшенію) была бригада Мадалинскаго, стоявшая въ Остроленкѣ, между Бугомъ и Наревою. Мадалинскій объявилъ, что не хочетъ подчиняться редукціи и написалъ объ этомъ рапортъ въ военную коммиссію. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана, огласила измѣнниками его и ротмистра Зборовскаго. Игельстромъ отправилъ противъ Мадалинскаго генерала Багрѣева, стоявшаго въ Граннѣ, а вслѣдъ за тѣмъ выслалъ изъ Варшавы батальонъ кіевскаго полка, подъ командою Нечаева, и два эскадрона ахтырскаго полка на перерѣзъ Мадалинскому. Узнавъ, что на него идутъ русскіе, Мадалинскій перешелъ Нареву, вошелъ въ ту часть Польши, которая присоединяема была къ владѣніямъ Пруссіи, вступилъ въ Солдау, ограбилъ прусскую военную казну, оттуда бросился къ Вышегроду, перешелъ тамъ Вислу, вторгся въ сендомирское воеводство, и пошелъ къ Кракову, зная, что въ это время тамъ явится Костюшко. Русскіе не могли ни догнать его, ни перерѣзать ему пути. Его шествіе было сигналомъ возмущенія прочихъ войскъ; стоявшія въ сендомирскомъ воеводствѣ войска взбунтовались, пристали къ Мадалинскому и готовились отражать силу силою.

Костюшко успѣлъ недавно съѣздить въ Италію, возвратился въ Дрезденъ и узналъ, что въ Варшавѣ русскіе открываютъ заговоръ, что польскія войска долѣе терпѣть не могутъ и, въ виду уменьшенія ихъ комплекта, поднимаютъ оружіе. Обстоятельства указывали время начинать. Костюшко не считалъ, какъ и его единомышленники, чтобы возстаніе созрѣло, и отваживался на авось. Онъ отправился въ Краковъ. Городъ этотъ давно уже настроенъ былъ въ духѣ революціи. Агентомъ, дѣйствовавшимъ тамъ по распоряженію Костюшки, былъ Ружниц-

кій, поручикъ въ бригадѣ, которою командовалъ вице-бригадиръ Мангатъ. Военные вошли въ заговоръ. Еще 19 ноября 1793 г., они намѣревались-было начать возстаніе, хотѣли обезоружить русскій гарнизонъ, стоявшій въ городѣ подъ начальствомъ подполковника Лыкошина, состоявшій изъ батальона пѣхоты, одного эскадрона (славянскаго полка) и двухъсотъ казаковъ. Но этотъ планъ не удался, потому ли, что не согласились на способы, или потому, что разсудили, что такое преждевременное возстаніе принесло бы только вредъ дѣлу.

Городъ заволновался, услыша, что ѣдетъ Костюшко. Подполковникъ Лыкошинъ, съ своимъ отрядомъ, вышелъ изъ Кракова. Костюшко прибылъ туда въ бричкѣ и остановился у генерала Водзицкаго. Онъ тотчасъ нареченъ былъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа.

Капостасъ прибылъ въ Краковъ изъ Варшавы и купилъ на свой счетъ пять тысячъ косъ для вооруженія крестьянъ. Костюшко отправился съ патріотами въ близкій костелъ Капуциновъ, и тамъ монахи освящали ихъ сабли.

Составленъ актъ повстанья. Кромѣ раздѣла Польши, совершеннаго двумя державами, поводомъ возстанія объявлялось состояніе Польши послѣ Гродненскаго сейма. Оно изображалось такъ: «Царица обрекла Польшу въ жертву своей варварской и ненасытной мести, она попираетъ священнѣйшія права свободы, безопасность собственности, личности, обывательскихъ имѣній; мысли и чувства честнаго поляка не найдутъ убѣжища отъ ея подозрительныхъ преслѣдованій; слово въ оковахъ; только одни измѣнники покровительствуются и совершаютъ безнаказанно всякія преступленія; они разграбили имущества и общественные доходы, отняли у обывателей собственность, раздѣлили между собою должности, какъ добычу послѣ покоренія отечества, и святотатственно, присвоивая себѣ имя народныхъ правителей, служатъ чуждому тиранству. Постоянный Совѣтъ, уничтоженный народною волею, и вновь возобновленный измѣнниками по волѣ московскаго посла, преступаетъ даже тѣ границы, какія онъ съ раболѣпствомъ принялъ отъ того же посла; правленіе, свобода, собственность — все въ рукахъ невольниковъ царицы, подъ защитою введеннаго въ нашъ край иноземнаго войска. Краковскіе обыватели единодушно объявили, что рѣшились или погибнуть подъ развалинами отечества, или освободить родную землю отъ хищническаго насилія и позорнаго ярма, не щадя никакихъ средствъ и пожертвованій». Цѣль возстанія была — освободить Польшу отъ чужого войска и утвердить народную свободу и независимость Рѣчи-Посполитой. Избранному начальнику Ко-

стюшкѣ повѣрялся выборъ и организація высочайшаго народнаго совѣта, устроеніе вооруженной силы, назначеніе лицъ въ военныя должности, право судить и казнить преступниковъ. Высочайшій народный совѣтъ будетъ заботиться о покрытіи всѣхъ военныхъ издержекъ, о рекрутовкѣ войска, о снабженіи его всѣмъ потребнымъ, будетъ назначать сборы, управлять народными имуществами, употреблять ихъ, дѣлать займы, наблюдать за порядкомъ, благочиніемъ и правосудіемъ въ краѣ, отстранять противныя повстанью намѣренія, стараться о снисканіи помощи отъ иностранныхъ народовъ. Этотъ совѣтъ долженъ дѣйствовать посредствомъ воеводскихъ порядковыхъ коммиссій, и краковское воеводство первое возобновляло таковую у себя. По открытіи высочайшаго совѣта, положено устроить верховный уголовный судъ, гдѣ будутъ судимы поступки, совершенные съ цѣлію вредить и препятствовать успѣху повстанья. Всѣ установленныя на время повстанья правительственныя учрежденія не будутъ имѣть права постановлять законовъ. Таково было въ главномъ содержаніе этого акта. Онъ весь покрытъ былъ множествомъ подписей; недоставало бумаги, и многіе подписывали на отдѣльныхъ листахъ, которые потомъ приклеивались и подшивались, такъ что, по замѣчанію очевидца, ихъ можно было легко приставить къ какому-нибудь другому листу.

Этотъ-то актъ, составленный въ Краковѣ, послужилъ руководящею канвою для всего наступившаго потомъ повстанья въ Польшѣ. Вслѣдъ за тѣмъ явился рядъ воззваній къ народу. «Помогайте мнѣ, соотечественники,—писалъ Костюшко,—помогайте всѣми силами, спѣшите съ оружіемъ подъ знамя отчизны! единая ревность къ единому дѣлу должна овладѣть всѣми сердцами, посвятите отечеству часть вашего имущества, которое уже сдѣлалось добычею деспотовъ; не жалѣйте для войскъ нашихъ припасовъ, муки, сухарей, зерна, доставляйте лошадей, рубахи, обувь, простое сукно и полотно на шатры. Благодарность цѣлаго народа будетъ вамъ заплатою». Краковское воеводство положило денежный поборъ, ротные командиры должны были выдавать квитанціи, которыя будутъ приняты при отдачѣ податей. Образована въ Краковѣ порядковая касса, и вслѣдъ за тѣмъ начались признаки революціоннаго террора. У подозрительныхъ дѣлали обыски, перечитывали ихъ бумаги; если подозрѣваемый не оказывался виновнымъ, то давали ему патентъ на очищеніе отъ подозрѣнія. Тогда можно было видѣть и молодыхъ и старыхъ, и умныхъ и глупыхъ, и честныхъ людей и плутовъ, равнымъ образомъ доходившихъ до ярости. То и дѣло

что кричали: «тотъ измѣнникъ, того слѣдуетъ посадить въ тюрьму, заковать въ кандалы, бить и мучить»!

Начались пожертвованія. Кто несъ пистолеты, сабли и ружья, олово на алтарь отечества, кто полотно, рубахи, кто какой-нибудь подсвѣчникъ или чайникъ, кто бубенъ, кто деньги. Замѣчали, что небогатые больше давали сравнительно съ тѣмъ, что жертвовали зажиточные; послѣдніе обыкновенно давали по принужденію, со вздохомъ, а не могли не давать, потому что иначе имъ грозили сдѣлать у нихъ обыскъ и взять насильно. Лихоцкій, типъ спокойнаго мѣщанина, крѣпко жалуется на то, что онъ давалъ, давалъ, а съ него требовали все больше да больше, и говорили: мало даешь, ты бездѣтенъ, и ты президентъ; на тебя глядя, будутъ другіе мало давать! Бѣдному президенту было очень чувствительно давать и давать. «Я было-спряталъ себѣ кое-что на прожитокъ отъ непріятеля, и это хотѣли ограбить и взять у меня земляки и почтенные патріоты въ противность Божіей заповѣди: не пожелай чужого,—все подъ предлогомъ пожертвованія для пользы отечества, а сами они ни одного шеляга не дали».

Въ отвѣтъ на прокламацію Костюшки, Игельстромъ написалъ декларацію (отъ 20 (31) марта); онъ называлъ ее чудовищнымъ соединеніемъ лживыхъ изъявленій патріотизма съ наглымъ покушеніемъ на права собственности, указывалъ, что мятежники осмѣливаются налагать произвольныя контрибуціи и подвергать цвѣтущіе города Рѣчи-Посполитой и ихъ окрестности разбойническому грабежу. «Эти преступленія, выражался онъ, не могутъ оставаться безнаказанными. Войска ея императорскаго величества, которой дорого спокойствіе Рѣчи-Посполитой, получили приказаніе разсѣять мятежниковъ и уже начали свое дѣло съ успѣхомъ. Они перенесутъ свою дѣятельность въ центръ возмущенія и накажутъ злодѣянія дерзкихъ, возставшихъ противъ законной власти. Дай Богъ, чтобы ихъ удары поражали только виновныхъ и ихъ присутствіе оказало покровительство угнетенной невинности; великіе преступники, зачинщики стольких несчастій, должны быть наказаны, съ лицемѣровъ должна быть снята маска, интрига уничтожена; власть правительства должна выказаться ужасною, явить великій примѣръ правосудія и устрашить тѣхъ, которые дерзнутъ соблазнять и увлекать другихъ».

Игельстромъ требовалъ отъ короля и отъ Совѣта, чтобы немедленно созванъ былъ сеймъ и открыты трибуналы, которымъ принадлежитъ судъ надъ такими преступниками, чтобы передъ эти трибуналы были позваны мятежники, которые не убоялись

поставить свои имена на зажигательной и оскорбительной прокламаціи, чтобы не только авторы, но и разнощики этой прокламаціи и всѣхъ вообще подобныхъ листковъ получили наказаніе, равно какъ и тѣ, которые посредственно или непосредственно способствовали ихъ распространенію, а на будущее время со всею бдительностію открывать писателей и разсѣявателей такихъ воззваній и предавать ихъ строжайшему наказанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игельстромъ хотѣлъ показать, что онъ не боится и вѣритъ въ свою силу. Онъ въ концѣ своей деклараціи выразился такъ: «Мятежники, которыхъ безумное бѣшенство требуетъ мщенія, внушаютъ только презрѣніе, если у нихъ отняты средства поддерживать мятежъ, и потому они не могутъ безпокоить насъ. При настоящихъ требованіяхъ нижеподписавшійся имѣетъ единственную цѣль — утвердить въ Польшѣ спокойствіе, въ которомъ она нуждается».

Вмѣстѣ съ Игельстромомъ написалъ декларацію Бухгольцъ, и тоже презрительно отозвался о манифестѣ Костюшки, называлъ «хвастовство его смѣшнымъ», но заявлялъ, что нужно пресѣчь намѣренія преступныхъ начальниковъ возстанія; извѣщалъ, что прусскія войска вмѣстѣ съ русскими войдутъ въ земли Рѣчи-Посполитой для положенія конца духу демагогическаго якобинства, разрушающаго Польшу, и просилъ короля и Постоянный Совѣтъ приказать встрѣтить прусскія войска дружески и давать имъ все необходимое, чтобы они имѣли возможность, вмѣстѣ съ русскими войсками, поскорѣе укротить дерзость преступниковъ и изгнать адскій духъ безначалія и безпорядка, угрожающій сосѣднимъ провинціямъ.

Въ тотъ же день подалъ декларацію и австрійскій посланникъ Декаше. Онъ не ругалъ мятежниковъ, но объявлялъ, что слухъ, распространенный въ Польшѣ, будто вѣнскій дворъ благопріятствуетъ мятежникамъ, ложенъ; вѣнскій дворъ не можетъ поддерживать предпріятія, затѣяннаго въ подражаніе принципамъ, господствующимъ во Франціи.

Второго апрѣля, Станиславъ-Августъ издалъ универсалъ противъ прокламаціи Костюшки. Король убѣждалъ поляковъ не слушаться «обманчивыхъ мечтательныхъ обѣщаній, которыя легко могутъ взволновать сердца, сильно пораженныя свѣжими несчастіями». «Васъ стараются возбудить видимыми надеждами улучшить ваше положеніе и возвратить отобранныя провинціи, но какое время для этого выбрали? Отъ васъ хотятъ, чтобы вы пожертвовали остатками вашего состоянія и малымъ количествомъ звонкой монеты, которая уже становится рѣдкостію въ краѣ. Развѣ вы будете слѣпы настолько, чтобы, въ неразсудительной

ревности, безъ связей, безъ помощи, безъ достаточныхъ средствъ, дать новый предлогъ тѣмъ, которые желаютъ вашей гибели и даже истребленія польскаго имени»?

Въ этихъ строкахъ русскіе увидѣли до нѣкоторой степени сочувствіе дѣлу революціи. Король выставлялъ на видъ какъ бы только несвоевременность начинанія, а не порицалъ самой сути дѣла. Онъ называлъ это дѣло незаконнымъ, но только потому, что оно начинается безъ инціативы со стороны законныхъ властей, слѣдовательно беззаконность дѣла состояла только въ отсутствіи необходимыхъ формъ. Въ заключеніе онъ предписывалъ всѣмъ магистратурамъ, юрисдикціямъ и канцеляріямъ содѣйствовать, чтобы всякое писаніе, противное религіи, достоинству престола, правительству, добронравію, чести гражданъ, священнымъ правамъ собственности и преимуществамъ шляхетскаго сословія, было доставляемо къ свѣдѣнію Постояннаго Совѣта и короля, дабы авторы такихъ зажигательныхъ сочиненій были наказаны.

Игельстромъ отправилъ противъ взбунтовавшагося Мадалинскаго и приставшихъ къ нему войскъ—генерала Денисова, который остановился въ Скальмержѣ и послалъ на непріятеля отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тормасова. Разсчитывая, что у непріятеля силъ еще немного, Денисовъ далъ Тормасову небольшой отрядъ, всего два батальона и двѣ роты пѣхоты, шесть эскадроновъ конницы и казацкій полкъ. Костюшко узналъ, что Мадалинскому угрожаетъ опасность, вышелъ изъ Кракова и соединился съ Мадалинскимъ прежде, чѣмъ достигъ до него Тормасовъ. Съ Костюшкою были бригады Мангета и Валевскаго, Заіончекъ съ народовой конницею и 16 пушекъ. По русскимъ извѣстіямъ, съ нимъ было 7 батальоновъ, 26 эскадроновъ и 11 пушекъ, да до двухъ тысячъ мужиковъ съ пиками и косами. Кромѣ войска, къ Костюшкѣ пришли и приведены были отряды шляхты изъ воеводствъ равскаго, сѣрадзькаго и ленчицкаго — молодые безземельные шляхтичи, которымъ терять было почти нечего.

Враждебныя войска встрѣтились при деревнѣ Рацлавицы. Глубокая долина раздѣляла оба войска. Тормасовъ сдѣлалъ нападеніе. Сначала дѣло шло для русскихъ успѣшно. Народовая конница не выдержала атаки и бѣжала. Но Костюшко, сосредоточивъ свои силы, ударилъ на русскихъ; впередъ бросились косиньеры—хлопы, вооруженные косами; русскаго войска оказалось меньше и оно зашло въ долину, гдѣ неудобно было поворачиваться. Тормасовъ приказалъ пробиваться въ штыки. Но поляки наперли на нихъ такъ сильно, что русскіе не выдержали.

Первый побѣжалъ гренадерскій батальонъ графа Томатиса, побросавъ ружья. Тормасовъ двинулъ въ сѣчу роту полка углицкаго, но эта рота послѣдовала примѣру товарищей и, побросавъ ружья, бѣжала. Держался болѣе другихъ третій батальонъ, но и тотъ наконецъ былъ смѣшанъ и побѣжалъ въ лѣсъ. Полковникъ Муромцевъ съ четырьмя эскадронами бросился на непріятельскую конницу, но былъ убитъ. Русскія пушки достались побѣдителямъ. Русскіе насчитывали убитыми: двухъ штабъ-офицеровъ, десять оберъ-офицеровъ, и рядовыхъ 425. Въ числѣ убитыхъ, кромѣ Муромцева, былъ другой штабъ-офицеръ, подполковникъ Пустоваловъ, отличавшійся прежде своею храбростію. Костюшко двухъ хлоповъ произвелъ въ офицеры за храбрость, оказанную при взятіи русскихъ пушекъ.

Денисовъ между тѣмъ спѣшилъ къ Тормасову на помощь, но было поздно. Костюшко, побѣдивъ русскихъ, отступилъ и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Промника, недалеко отъ Кракова. Туда каждый часъ приходили къ нему новыя силы.

Этотъ первый успѣхъ имѣлъ чрезвычайно важное нравственное вліяніе на поддержку возстанія. Сначала въ Краковъ прибѣжала испуганная и разстроенная народовая конница и въ страхѣ наговорила, что все потеряно, что самъ Костюшко въ плѣну или убитъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Краковъ узналъ противное разглашаемому, а именно, что выигрышъ принадлежалъ хлопамъ, не бывавшимъ въ сраженіи. Народовая конница, какъ извѣстно, составлена была исключительно изъ дворянъ; ротмистры въ ней были лица высокихъ родовъ. Это избранное войско осрамилось теперь въ дѣлѣ. Хлопы, презрѣнные хлопы, считавшіеся неспособными и недостойным ичести служить въ военной службѣ, показали, что они способнѣе спасать отечество, чѣмъ богатыри родовитые. Это приходилось по душѣ Костюшкѣ, съ его американскими понятіями. Радость и надежда наполнили поляковъ. Вѣсть о томъ, что на первой же стычкѣ «москали» разбиты, разнеслась по всей Польшѣ. Если москали разбиты хлопами, то что̀, казалось, будетъ съ этими врагами Рѣчи-Посполитой, когда примутся за нихъ потомки великихъ воителей, какъ только постараются пробудить въ благородной крови жаръ любви къ отечеству? Тѣ, которые до сихъ поръ не вѣрили въ возможность успѣха, теперь стали вѣрить. Но въ то же время усилился въ Краковѣ, главномъ центрѣ революціи, и терроръ. Прибылъ туда Коллонтай. «Этотъ почтенный прелатъ, говоритъ Лихоцкій, пожелалъ управлять казною и поддерживать равенство лицъ и имуществъ страхомъ. Около него столпились горячія головы. Онъ проповѣдовалъ равенство на основахъ французской революціи; мяс-

ники, сапожники, кожевники и всякіе ремесленники находили въ немъ своего идола; негодяямъ, плутамъ, пьяницамъ, также очень нравился такой порядокъ вещей, съ своей точки зрѣнія. Установленъ въ Краковѣ уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ Стадницкаго, изъ семи особъ. Этотъ судъ долженъ былъ, по представленію порядковыхъ коммиссій, судить преступленія противъ революціи».

Игельстромъ передъ началомъ возстанія не ожидалъ его и не принималъ мѣръ къ оборонѣ столицы. Когда Костюшко былъ въ Краковѣ, Игельстромъ, по донесеніямъ своихъ шпіоновъ, воображалъ, что Костюшко въ Римѣ. Правда, Игельстромъ сдѣлалъ нѣсколько арестовъ [1]), но это только раздражало поляковъ, а не помогало русскимъ. Изъ найденныхъ у арестованныхъ лицъ бумагъ видно было, что существующій заговоръ распространился въ Малой Польшѣ, но не отыскано было нитей, за которыя бы можно было схватиться. Одинъ изъ арестованныхъ открылъ, что Капостасъ привозилъ въ Варшаву отъ эмигрантовъ 15,000 черв. для произведенія мятежа, но Капостаса не успѣли схватить: онъ убѣжалъ. Въ Варшавѣ до возстанія Мадалинскаго было русскаго войска всего одинъ батальонъ, да еще двѣ роты стояли за рѣкою въ Прагѣ, тогда какъ столица была наполнена польскимъ войскомъ. Въ сравненіи съ малочисленностію русскаго войска поляки имѣли два батальона коронной гвардіи, два батальона полка Дзялынскаго, пять канонирскихъ ротъ, 6 ротъ разныхъ наименованій, и восемь эскадроновъ конной гвардіи, народовой конницы, королевскихъ улановъ. Варшавскій магистратъ безпрестанно просилъ Игельстрома освободить столицу отъ военныхъ тягостей, а его возлюбленная, графиня Залуская, заставляла его дѣлать все, что только было выгодно для ея единоземцевъ, хотя, быть можетъ, и безъ задней цѣли. Послѣ возстанія Мадалинскаго, Игельстромъ приказалъ усилить варшавскій гарнизонъ; въ городъ введены были изъ окрестностей и изъ-подъ Бреста

---

[1]) Арестованными русскимъ посланникомъ, по документамъ того времени, значатся: литовскій маршалъ Станиславъ Солтыкъ, Михаилъ Радзишевскій, Мих. Бржостовскій, ксендзъ Францъ-Ксаверій Богушъ, Игнат. Грабовскій, Игнат. Дзялынскій, Ад. Вержейскій, Мих. Дзеконскій, Кириллъ Моравскій, секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ Маріонъ Филиберъ, учитель фехтовальнаго искусства въ кадетскомъ корпусѣ Дешампъ, учитель франц. языка Левъ Костъ, маіоръ литовской артиллеріи Спенсбергеръ, наконецъ Бонно, арестованный еще Сиверсомъ. Такой списокъ указанъ впослѣдствіи, когда поляки оправдывали себя въ задержаніи русскаго посольства тѣмъ, что это сдѣлано было въ вознагражденіе за арестованіе поляковъ. Господина, который показывалъ о привозѣ Капостасомъ 15,000 черв., Бухгольцъ въ своемъ письмѣ называетъ Потоцкимъ.

десять гренадерскихъ батальоновъ (днѣпровскаго, сибирскаго и кіевскаго полковъ), шесть эскадроновъ конныхъ егерей, два легкоконныхъ полка (харьковскій и ахтырскій) и полкъ казаковъ подъ начальствомъ маіора Денисова, да еще два казацкихъ эскадрона и отрядъ конвойныхъ казаковъ. Съ этими войсками привезены были двадцать полевыхъ орудій. Прибылъ въ столицу также отрядъ Багрова, преслѣдовавшій Мадалинскаго и состоявшій изъ двухъ батальоновъ и карабинернаго полка. Но для спокойствія города ихъ помѣстили не въ самомъ городѣ, а поближе въ окрестностяхъ, въ Прагѣ, Волѣ и въ подгородныхъ деревняхъ. Только одинъ батальонъ ввели въ самый городъ. Варшава казалась спокойною, а между тѣмъ ненависть къ русскимъ и пруссакамъ достигала крайняго предѣла. Демократическіе клубы сходились тайно по ночамъ, вели сношенія съ провинціями; кипѣла дѣятельная работа. Игельстромъ ничего не могъ открыть. Поляки не только избѣгали всякаго сближенія съ русскими, но даже не хотѣли имъ отвѣчать, когда къ нимъ обращались. Молодежь толпами уходила изъ столицы въ войско Костюшки, въ провинціи, въ чаяніи начать тамъ-и-сямъ возстаніе и подготовлять къ нему жителей. Но когда въ Варшавѣ узнали о пораженіи Тормасова, народъ явно сталъ показывать приближеніе грозы. Игельстромъ приказалъ изъ расположенныхъ въ подгородныхъ поселеніяхъ войскъ вдвинуть въ городъ, но часть ихъ еще оставалась въ Прагѣ. Всего въ городѣ было, по польскимъ извѣстіямъ, 7,948 человѣкъ.

Тѣ поляки, которые доказали свою преданность Россіи, участвовали въ раздѣлѣ Польши и слѣдовательно получили право на довѣріе къ себѣ со стороны русскихъ, увѣряли Игельстрома, что благомыслящіе граждане всѣ противъ мятежа, а сочувствуютъ ему какіе-нибудь пьяницы, мошенники, игроки, которые ради своихъ личныхъ выгодъ желаютъ безпорядка. Игельстромъ такъ довѣрялъ этимъ представленіямъ, что призвалъ къ себѣ президента варшавскаго муниципальнаго совѣта и приказалъ сообщить совѣтникамъ, чтобы они наблюдали за духомъ горожанъ и доносили по начальству обо всемъ. Заносчивый въ обращеніи, безпрестанно и безтактно оскорблявшій каждаго своимъ тономъ, Игельстромъ былъ слабъ на дѣлѣ и довѣрчивъ. Онъ напоминалъ полякамъ, что можетъ съ ними сдѣлать и то, и другое, а когда нѣкоторые совѣтовали ему взять подъ свое управленіе польскій арсеналъ, онъ не рѣшился этого сдѣлать, потому что Рѣчь-Посполитая все еще государство самостоятельное и имѣетъ свое войско, которымъ, притомъ, начальствуютъ люди преданные Россіи. Такимъ дѣйствительно и былъ главноначальствующій, по-

жалованный недавно титуломъ великаго гетмана, Ожаровскій. Но этотъ восьмидесятилѣтній старикъ смотрѣлъ глазами варшавскаго коменданта Циховскаго, и во всемъ довѣрялъ ему, а Циховскій тайно мирволилъ возстанію. Игельстромъ, на предложеніе генералъ-квартирмейстера Пистора о взятіи отъ поляковъ арсенала, сказалъ: «У насъ есть договоръ съ Рѣчью-Посполитою; я не смѣю поступать вопреки договору. Рѣчь-Посполитая съ нами не во враждѣ. Мятежъ затѣваютъ негодяи, противъ которыхъ мы будемъ дѣйствовать съ польскими войсками вмѣстѣ. Взять у нихъ арсеналъ, значитъ раздражить поляковъ и побудить ихъ къ мятежу, когда безъ того они не рѣшились бы на это».

«Такимъ образомъ—говоритъ Пистор—никого изъ насъ не допускали до арсенала; всѣ мы хорошо знали, что тамъ днемъ и ночью льютъ пули и приготовляютъ все, что нужно для орудій».

Поэтому и положено было повѣрить защиту столицы польскимъ войскамъ, вмѣстѣ съ русскими. Генералъ Апраксинъ съ русской стороны, и генералъ Циховскій съ польской, завѣдывали размѣщеніемъ войскъ въ столицѣ. Циховскій постарался взять на долю поляковъ важнѣйшіе посты. Арсеналъ отданъ былъ подъ стражу батальону полка коронной гвардіи и четыремъ артиллерійскимъ ротамъ. Къ пороховымъ магазинамъ поставили другой батальонъ коронной гвардіи, полкъ королевскихъ улановъ и двѣ роты канонировъ. Въ замкѣ поставили королевскую стражу, отрядъ полка коронной гвардіи, четыре эскадрона конной гвардіи и отрядъ канонировъ съ восемью орудіями, да кромѣ того двѣ пушки у гауптвахты. Оставался полкъ Дзялынскаго, простиравшійся, за редукціею, до 600 человѣкъ. Циховскій хотѣлъ-было и его помѣстить у арсенала, но Ожаровскій не согласился: этотъ полкъ уже прежде заклейменъ былъ подозрѣніемъ въ революціонныхъ наклонностяхъ; тарговицкая конфедерація не терпѣла его, помнила, какъ онъ стоялъ вооруженный въ день 3-го мая, и первый присягнулъ новой конституціи. Ожаровскій приказалъ оставить его въ казармахъ, опасаясь, чтобы въ случаѣ возстанія онъ не присталъ къ повстанцамъ. Кромѣ того, часть коронной гвардіи и часть канонировъ оставлены въ своихъ казармахъ. Вообще польскаго войска въ городѣ было не болѣе четырехъ тысячъ.

Русскіе распредѣлились такъ:

Отъ замка, находящагося на берегу Вислы, сначала параллельно Вислѣ, потомъ, уклоняясь отъ нея вправо, идетъ большая улица, носящая названіе Краковскаго предмѣстья до пере-

сѣкающей ее улицы, которой одна половина называется Ординадскою, а другая Варецкою. За этимъ пересѣченіемъ Краковское предмѣстье называется уже Новымъ Свѣтомъ. Между замкомъ и пересѣкающею улицею вправо отъ Краковскаго предмѣстья есть обширная площадь, называемая Саксонскою, а далѣе въ глубинѣ ея находится Саксонскій садъ. Эту площадь съ садомъ можно считать пунктомъ раздвоенія города. Прямо за садомъ по направленію къ Вольскимъ рогаткамъ находились казармы конной гвардіи. Сѣверная половина Варшавы была самая населенная часть города. Близъ замка находился тѣсно построенный старый городъ, а за нимъ къ западу, почти параллельно одна другой, шли улицы Сенаторская и Долгая (Długa); послѣдняя доходила до площади, называемою Тлумацкою; близъ нея былъ арсеналъ; отъ него правѣе, на пути къ Повонзковской рогаткѣ, были казармы артиллеріи, а на противоположномъ концѣ Долгой улицы упиралась въ нее Закрочимская, и вела по Новому городу къ казармамъ коронной гвардіи до Маримонтскихъ рогатокъ. Между Сенаторскою улицею и Долгою шла, соединяя ихъ поперекъ, Медовая улица съ монастыремъ капуциновъ, и на этой улицѣ жилъ Игельстромъ. Въ этой части города были сосредоточены русскія войска. Кіевскій полкъ занималъ своими ротами площади Маривильскую, Тлумацкую, улицы Медовую, Долгую, Сенаторскую, Бонифратскую, и часть берега Вислы противъ Праги. Тѣсно населенная часть города, называемая Старымъ городомъ, оставалась незанятою. Предполагалось въ случаѣ мятежа зажечь ее. На другой половинѣ отъ Саксонскаго сада расположенъ былъ сибирскій полкъ; первый батальонъ его занималъ, подъ начальствомъ полковника Гагарина, Краковское предмѣстье, сосредоточиваясь у костела св. Креста и начала Свято-крестовой (Swiętokrzyżska) улицы; второй стоялъ за Саксонскимъ садомъ, на Грибовѣ, и на улицѣ Твердой; третій у рогатокъ Вольской и Іерусалимской. Эти два батальона, съ прикомандированными къ нимъ двумя эскадронами харьковскаго полка, составляли бригаду подъ начальствомъ генералъ-маіора Сухтелена. Конница преимущественно располагалась на Новомъ Свѣтѣ. Побаивались болѣе всего полка Дзялынскаго, котораго казармы находились направо отъ Новаго Свѣта, и на случай измѣны при появленіи повстанцевъ онъ могъ первый начать непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ; поэтому сдѣлали распоряженіе о сообщеніи между собою войскъ и назначили подполковнику Клюгену съ батальономъ екатеринославскихъ егерей и подполковнику Игельстрому съ двумя эскадронами стоять на двухъ мѣстахъ, по которымъ полкъ Дзялынскаго долженъ

былъ проходить изъ своихъ казармъ, чтобы преградить ему путь въ случаѣ нужды.

Костюшко, усилившись взятыми у русскихъ орудіями и новымъ наборомъ рекрутовъ, угрожалъ Варшавѣ. Ему представлялось два пути: онъ могъ напасть на прусскія войска, или идти на столицу. По замѣчанію Пистора, близко знакомаго съ дѣломъ, еслибы Костюшко выбралъ первое, то для него было бы лучше. Командовавшій прускими войсками графъ Шверинъ распоряжался очень неблагоразумно: онъ распустилъ своихъ военныхъ въ отпускъ, не заботился ни о продовольствіи, ни о снарядахъ, ни о палаткахъ, не устроилъ полевой пекарни; онъ считалъ польское возстаніе ничтожнымъ дѣломъ. Костюшко конечно разбилъ бы его на голову и чрезъ то придалъ бы возстанію нравственную силу, поднялъ бы на ноги всю западную Польшу. Но Костюшко предпочелъ прежде овладѣть Варшавою. Услышавъ о его намѣреніи, Игельстромъ собралъ военный совѣтъ. Было два мнѣнія: одни говорили, что слѣдуетъ покинуть Варшаву и идти въ Сендомирское воеводство и уничтожить Костюшку; другіе представляли, что оставить Варшаву, центръ патріотическаго движенія, значитъ усилить возстаніе и оставить позади себя врага, и сознаться передъ поляками, что ихъ боятся; рѣшили отправить противъ Костюшки отрядъ генерала Хрущова, состоявшій изъ трехъ батальоновъ, десяти эскадроновъ, казацкаго полка, съ четырьмя пушками. Онъ долженъ былъ охранять переправу на рѣкѣ Пилицѣ, а изъ Варшавы тѣми силами предполагалось заходить уже тогда, когда Костюшко будетъ недалеко.

Игельстромъ, поддаваясь полякамъ, увѣрявшимъ его, что громада жителей столицы не пристанетъ къ Костюшкѣ, чувствовалъ, однако, слабость своихъ силъ, еслибы случилось иначе, а ему доносили, что уже въ Холмѣ, Люблинѣ, Владимірѣ, Луцкѣ завелись клубы и готовится открытое возстаніе, что и Литва готова идти за Короною, что повсюду успѣхи Костюшки возбуждаютъ поляковъ къ возстанію. Въ Коронѣ русскихъ войскъ всего было 18,000, кромѣ стоявшихъ въ Варшавѣ. Въ письмахъ своихъ въ Петербургъ, Игельстромъ умолялъ о присылкѣ свѣжихъ силъ, замѣчалъ, что на прусскія войска надежда плоха. «Богъ знаетъ, гдѣ дѣлась эта сила, которая прежде такъ заявляла себя. Они только хитрятъ и всего боятся. Батальоны у нихъ состоятъ человѣкъ изъ 200, а эскадроны изъ 250. Меня страшатъ тайные враги и шпіоны. Не знаю, что̀ буду дѣлать безъ помощи союзниковъ и безъ свѣжихъ войскъ моей государыни, тѣмъ болѣе, что нужно отдалить отъ нашихъ границъ опасное возстаніе мужиковъ».

III.

Янъ Килинскій.—Приготовленія къ варшавской революціи.

Тотчасъ по составленіи краковскаго повстанья, Костюшко отправилъ къ варшавскому магистрату актъ краковскаго воеводства и просилъ пристать къ дѣлу возстанія; это воззваніе прочитано было въ магистратѣ радными. Всѣ только смотрѣли другъ на друга, всѣ другъ друга боялись, чтобы одинъ другого не выдалъ. Осмѣлился высказаться одинъ изъ радныхъ, Янъ Килинскій, башмачникъ: «не постараться ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, оказать Костюшкѣ помощь въ его предпріятіи?» Но президентъ съ другими товарищами были противъ этого; Килинскій самъ спохватился, и убоявшись, чтобы объ немъ не донесли русскому военачальнику и чтобы не пришлось за патріотизмъ посидѣть въ тюрьмѣ, извинялся въ сказанномъ. Но самъ Килинскій тайно работалъ въ пользу возстанія.

Игельстромъ употребилъ полицейскія мѣры, чтобы до варшавянъ не доходили слухи о пораженіи русскихъ, но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти мѣры приводили только къ тому, что вѣсти о событіи, столь отрадномъ для польскаго сердца, принимали баснословные, преувеличенные размѣры. Уже у многихъ варшавянъ возстаніе было на умѣ и на словахъ, не доставало еще опредѣленной мысли, твердой рѣшимости, ни обдуманныхъ средствъ; нуженъ былъ руководитель, который бы могъ собрать около себя патріотическія побужденія и направить къ дѣлу. Килинскій задумалъ быть этимъ руководителемъ. А между тѣмъ дѣлалось все, чтобы раздражить и взволновать умы. Такимъ образомъ, давали на театрѣ пьесу Богуславскаго: «Кракусы», смѣшеніе драмы, оперы и балета въ народномъ духѣ. Мошинскій, тогдашній маршалъ, не нашелъ ее предосудительною, ибо въ ней не было ничего политическаго, а только свое, народное, и позволилъ играть. Она казалась до того невинною, что даже русскіе военные музыканты наигрывали изъ нея мотивы. Всѣ понимали, что одно названіе «кракусы» указывало на Костюшку и на зачинавшееся въ Краковѣ возстаніе. «Мы были на представленіи, говоритъ бывшій въ Варшавѣ нѣмецъ, и сами почувствовали глубокое, поразительное впечатлѣніе. Пѣвецъ на сценѣ вставлялъ прибавки и дѣлалъ перемѣны въ пьесѣ, примѣнимыя къ текущимъ событіямъ». Игельстромъ приказалъ запретить, но уже тогда, когда она, между прочимъ, сдѣлала свое дѣло. Килинскій, одинъ изъ виновниковъ возстанія, составилъ объ этомъ

дѣлѣ подробный разсказъ, но къ сожалѣнію онъ весь проникнутъ такимъ безмѣрнымъ хвастовствомъ и явными выдумками, что пользоваться имъ можно только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, не носитъ явныхъ слѣдовъ очевиднаго вымысла. По этому разсказу, Килинскій вмѣстѣ съ ксендзомъ Мейеромъ отправился въ кофейную поiезуитскаго коллегіума, и тамъ нашелъ толпу офицеровъ, которые объявляли о себѣ, что они патріоты и сторонники возстанія, и хотѣли узнать мнѣніе Килинскаго.

«У меня одна душа, сказалъ Килинскій, и ту отдамъ на защиту отечества».

—А скажите откровенно, какъ вы думаете о революціи? спросили его.

«Я—сказалъ Килинскій—спрошу у васъ, много ли особъ въ заговорѣ?»

Они сказали, что не знаютъ этого.

«А есть у васъ изъ посольства такой, чтобы могъ стать на челѣ народа?»

—Будемъ просить пана Закржевскаго,—сказали офицеры—онъ популяренъ въ городѣ.

«А мое мнѣніе такое, сказалъ Килинскій: есть у меня дядя въ Прагѣ, панъ Кіянскій, онъ коммиссаромъ при мостѣ. Я сдѣлаю то, что онъ прикажетъ свезти всѣ перевозы на середину Вислы, чтобы москали изъ Праги не могли подать помощи тѣмъ изъ своихъ, которые находятся въ Варшавѣ, и обратно, чтобы изъ столицы никто изъ москалей не могъ уйти на другой берегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно поспольству стеречь всѣ рогатки, чтобъ москаль не убѣжалъ, а я самъ буду стараться, сколько моихъ силъ, поднять горожанъ. Вы же назначьте день и начинайте революцію. Нужно только, чтобы обыватели были заранѣе увѣдомлены объ этомъ дѣлѣ, чтобы каждый былъ готовъ».

За эти слова всѣ расцѣловали Килинскаго, а онъ ихъ просилъ къ себѣ, сказавши имъ, что живетъ на улицѣ Дунай, подъ № 145.

Вслѣдъ за тѣмъ разговоръ перемѣнился; начали болтать о женщинахъ, хвастались подвигами волокитства. Килинскому это чрезвычайно не понравилось. «Это временные патріоты», подумалъ Килинскій, и сталъ жалѣть, что былъ съ ними слишкомъ откровененъ.

На другой день, въ 9 часовъ утра, явился къ Килинскому офицеръ и просилъ идти съ нимъ къ Игельстрому. «Ну, теперь придется посидѣть какой-нибудь мѣсяцъ въ тюрьмѣ», подумалъ Килинскій, и сталъ собираться, но офицеръ замѣтилъ ему, чтобы онъ поторопился, иначе онъ его поведетъ публично по улицѣ.

Тогда Килинскій понялъ, что его зовутъ не за добромъ, схватилъ ножъ и воткнулъ его себѣ за голенище. «Если бы, говорилъ онъ, Игельстромъ велѣлъ меня посадить, я бы и его и себя убилъ». Однако онъ сознаетъ очень наивно, что когда они подходили къ помѣщенію Игельстрома, то икры у него дрожали отъ страха. Его ввели къ Игельстрому. Русскій генералъ спросилъ: «Ты Килинскій?» и получилъ утвердительный отвѣтъ. «Ты башмачникъ?» спросилъ русскій генералъ. — Да, отвѣчалъ башмачникъ. Игельстромъ по своему обыкновенію выпустилъ на него словарь ругательствъ—бестія, бунтовщикъ, измѣнникъ, шельма, мерзавецъ, каналья, и прочее и прочее, съ разными приправами. Килинскій спрашивалъ: «чѣмъ я виноватъ, какой я бунтовщикъ?» а Игельстромъ прервалъ его словомъ «молчать!» и снова угостилъ его разными ругательствами и заключилъ такими словами: «я велю тебя, каналья, повѣсить передъ капуцинами на новой висѣлицѣ.»

Наругавшись вдоволь, Игельстромъ сталъ охладѣвать и болѣе спокойно сказалъ: «Ну что̀, дуракъ, думаешь?»—Позвольте мнѣ объясниться, просилъ Килинскій. Игельстромъ сказалъ: «говори.» — Позвольте спросить, за что вы на меня гнѣваетесь, до сихъ поръ я не вижу, въ чемъ мое преступленіе? Игельстромъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ оттуда бумагу. «Слушай», сказалъ онъ Килинскому, и началъ читать.

Это было донесеніе лазутчиковъ Игельстрома: описано было съ чрезвычайною точностію и правдивостію все, что̀ говорилъ Килинскій офицерамъ въ поіезуитской кофейнѣ. «Видишь, бестія, каналья, мерзавецъ? что̀ ты дѣлалъ. Вотъ велю поставить висѣлицу и повѣсить тебя.»

«Ясно было — говоритъ Килинскій — кто-то меня предалъ, и еслибы я узналъ, кто это такой, то послѣ успѣха революціи наградилъ бы его первой висѣлицей».

Давши еще время Игельстрому побраниться, Килинскій сказалъ такъ: «Ясневельможный панъ добродѣй! Хоть я и кажусь передъ тобою виновнымъ, но кто же къ этому далъ поводъ, какъ не вы сами? А вотъ какимъ образомъ: третьяго дня былъ у васъ президентъ; вы поручили ему просить насъ всѣхъ, радныхъ, отъ вашего имени, чтобы мы ходили по кофейнямъ, распивочнымъ и бильярднымъ и слушали, что̀ говорятъ шулеры и прочіе о бунтѣ, а объ немъ говорятъ уже громко, и люди затѣваютъ бунтъ — если кто изъ насъ о чемъ-нибудь узнаетъ, тотъ долженъ донести президенту, а президентъ тотчасъ доложитъ вамъ или прикажетъ самъ арестовать говорящихъ. Президентъ, воротившись отъ васъ къ намъ въ ратушу, отъ вашего имени просилъ всѣхъ радныхъ

угодить желанію вашему, и я, узнавъ о такомъ желаніи вашемъ, старался отыскать говорящихъ о бунтѣ, и затѣмъ вчера вечеромъ отправился въ такое мѣсто, гдѣ собирались подобные люди толковавшіе о бунтѣ, и какъ я къ нимъ вошелъ, они меня подговаривали. Я долженъ былъ прикинуться передъ ними и отвѣчать, что хочу съ ними принадлежать къ бунту, иначе я не узналъ бы отъ нихъ ничего. Я говорилъ точь-въ-точь тѣ самыя слова, за которыя обвиняюсь, но еслибы я имъ отвѣчалъ, что не хочу принадлежать къ нимъ, такъ они бы меня вытолкали, а можетъ быть гдѣ-нибудь въ уголку и убили изъ боязни, чтобы я не донесъ объ нихъ вамъ. Наблюдатель, который нарочно назначенъ для вывѣдыванія, долженъ необходимо прикинуться великимъ патріотомъ, если хочетъ что-нибудь узнать; такъ и я долженъ былъ поступить, и потому говорилъ всѣ эти слова для того, чтобы узнать отъ нихъ, что они замышляютъ. Еслибы вашъ агентъ не донесъ объ нихъ, я уже самъ началъ-было писать объявленіе и хотѣлъ подать президенту списокъ именъ и прозваній этихъ людей, чтобы онъ сообщилъ вамъ для арестованія ихъ, потому что мы не смѣемъ арестовать офицеровъ, и я ихъ зазывалъ къ себѣ для того, чтобы тогда, какъ они придутъ, послать за городскимъ карауломъ и велѣть посадить ихъ въ ратушѣ, какъ бунтовщиковъ, и донести президенту; еслибы они ко мнѣ пришли, я бы непремѣнно такъ съ ними поступилъ, только вы уже знаете объ нихъ, такъ мнѣ уже нечего дѣлать вамъ донесенія. Теперь разсудите, ясневельможный панъ, кто изъ насъ виноватъ: еслибы вы не просили объ этомъ, я бы конечно между ними не былъ. Если вы мнѣ не вѣрите, пошлите за президентомъ, пусть онъ самъ скажетъ, что онъ насъ всѣхъ, радныхъ, просилъ отъ вашего имени; а затѣмъ вы будете слышать и о другихъ, которые будутъ по всей Варшавѣ искать толкующихъ о бунтѣ, а ваши шпіоны, не зная этого, на насъ станутъ вамъ доносить».

Игельстромъ вынесъ изъ кабинета другое донесеніе; то былъ доносъ на другихъ членовъ магистрата (то были Тыкель, Лалевичъ и Балферсъ). «Что же? и ихъ также просилъ президентъ?» сказалъ онъ.—Такъ точно, просилъ, отвѣчалъ Килинскій.—Игельстромъ началъ успокоиваться, и Килинскій сказалъ: «Если вы, ясневельможный панъ добродѣй, не примете во вниманіе моего извиненія, то я буду съ своими товарищами искать судомъ на президентѣ; значитъ, онъ насъ подвелъ своими словами; значитъ, вы его не просили, а онъ, чтобы вамъ прислужиться, самъ выдумалъ и насъ просилъ, чтобы насъ подвести».—«Да, я точно просилъ президента, сказалъ Игельстромъ, чтобы онъ старался

удерживать спокойствіе. Извините меня, г. Килинскій, что я погорячился и оскорбилъ васъ». Онъ велѣлъ принести ликеру и угощалъ Килинскаго.

«Если будете узнавать и вѣрно доносить о намѣреніяхъ бунтовщиковъ, сказалъ онъ, то получите награду. А много ли у васъ пріятелей, которыхъ вы обѣщались доставить бунтовщикамъ?» — «Еслибы, отвѣчалъ Килинскій, вы изволили огласить, что я подъ арестомъ, то увидѣли бы изъ окна, сколько у меня пріятелей. Позвольте только, я въ одинъ часъ поставлю вамъ тридцать тысячъ изъ ремесленниковъ, все тѣхъ, которые меня выбрали въ должность раднаго въ магистратѣ».

«О, какой вы опасный человѣкъ, сказалъ, засмѣявшись, Игельстромъ. Ступайте домой, а то они еще сюда за вами придутъ».

И Килинскій спокойно ушелъ домой.

«Я такъ былъ доволенъ, замѣчаетъ Килинскій, какъ будто бы въ другой разъ на свѣтъ родился. Богъ спасъ и его и меня отъ смерти; еслибы не такъ, то я и его и себя убилъ бы ножомъ».

Съ тѣхъ поръ Килинскій, находясь подъ покровительствомъ и благосклонностію главнаго русскаго начальника, могъ свободно и успѣшно работать для распространенія заговора.

Патріотизмъ однако на словахъ былъ сильнѣе, чѣмъ на дѣлѣ. Въ Варшавѣ было особенно много такихъ, какимъ былъ Лихоцкій въ Краковѣ, то-есть предпочитавшихъ всему на свѣтѣ собственную безопасность и выгоду; много было такихъ, которые способны были воспламеняться, кричать противъ насилія, восхвалять Костюшку, величать свободу и независимость, но когда все это, прекрасное и привлекательное въ отдаленіи, приближалось и становилось лицомъ къ лицу съ тяжелою необходимостью жертвовать жизнію и имуществомъ, то жаръ къ возстанію у нихъ охладѣвалъ. Надобно было, чтобы Варшаву возбудило что-нибудь явно опасное, черезчуръ страшное, что-нибудь такое, что требовало бы безотлагательныхъ мѣръ къ спасенію.

Игельстромъ успѣлъ въ послѣдніе дни раздражить поляковъ еще болѣе. По сношенію съ прусскимъ военачальникомъ Шериномъ, условились, что генералъ Хрущовъ вмѣстѣ съ пруссаками будетъ дѣйствовать наступательнымъ образомъ противъ Костюшки, а въ Варшаву на помощь русскимъ Шеринъ пришлетъ отрядъ прусскихъ войскъ. По этому соглашенію и явился подъ Варшаву прусскій генералъ Вольки съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ батальона пѣхотнаго полка и шести эскадроновъ драгунъ съ двумя орудіями. Съ появленіемъ пруссаковъ, вообще, въ то время болѣе ненавистныхъ для поляковъ, чѣмъ русскіе, начался ропотъ. Думали, что пруссаки

займутъ городъ, и магистратъ обратился къ Игельстрому съ просьбою, не допускать этого. Игельстромъ отвѣчалъ, что не пуститъ прусаковъ въ городъ только съ такимъ условіемъ, если городъ будетъ спокоенъ. И дѣйствительно, городъ послѣ того сталъ какъ будто спокойнѣе, перестали появляться плакарды, но патріоты толковали, что появленіе пруссаковъ у воротъ Варшавы есть предвѣстіе чего-то рокового для Польши, волновали умы опасеніями, побуждали къ мысли о необходимости предупредить бѣду общимъ возстаніемъ. Но еще болѣе послужило для волненія Варшавы другое обстоятельство. Килинскій вмѣстѣ съ соумышленникомъ своимъ ксендзомъ Мейеромъ продолжали работать неутомимо. Килинскій старался ввести въ заговоръ ремесленниковъ, а Мейеръ обывателей и офицеровъ. Килинскій собралъ у себя сходку и объявилъ, будто у Игельстрома есть такое злодѣйское намѣреніе: въ вечеръ великой субботы, когда народъ уйдетъ на резурекцію, москали отнимутъ у поляковъ арсеналъ, запрутъ народъ въ костелахъ, поставивъ на караулахъ своихъ солдатъ, одѣтыхъ для обмана въ польскіе мундиры, и начнутъ избіеніе патріотовъ. «Мнѣ, говорилъ онъ, секретъ объ этомъ сообщилъ одинъ офицеръ-москаль изъ канцеляріи Игельстрома; онъ пришелъ ко мнѣ покупать башмаки своей любовницѣ, и сказалъ: забери жену и дѣтей и уходи изъ Варшавы недѣли на двѣ. Я спрашивалъ, что̀ это значитъ, и онъ открылъ мнѣ, что въ великую субботу въ Варшавѣ будутъ васъ рѣзать. Москали хотятъ взять у васъ арсеналъ обезоружить все ваше войско и перебить тѣхъ, которые будутъ защищать арсеналъ, а если имъ не удастся взять арсенала, то Игельстромъ далъ приказаніе зажечь Варшаву и все что̀ можно, ограбить въ ней и вывезти изъ нея. Для доказательства онъ указалъ мнѣ на московскія орудія, поставленныя по близости костеловъ. Онъ открылъ мнѣ, что этотъ совѣтъ подали Игельстрому два измѣнника наши, гетманъ Ожаровскій и епископъ Коссаковскій. Коссаковскій съ этою цѣлью издалъ приказаніе, чтобы во всѣхъ костелахъ резуррекція началась непремѣнно въ одинъ часъ, именно въ восемь часовъ, а Ожаровскій приказалъ польскимъ командирамъ дѣйствовать противъ польскаго народа вмѣстѣ съ москалями, когда нужно будетъ. Кромѣ того, тотъ же офицеръ открылъ мнѣ по секрету, что въ Прагѣ у москалей приготовлено шесть сундуковъ острыхъ ножей; этими ножами москали будутъ рѣзать поляковъ, а чтобы не пропали при этомъ и такіе, которые продали себя Москвѣ, такъ Игельстромъ приказалъ надѣлать маленькихъ деревянныхъ табакерокъ съ печатью изъ сургуча и раздать ихъ всѣмъ тѣмъ, которые не подпадали подъ роковой приговоръ.»

Послѣ такого страшнаго донесенія, восемь офицеровъ отправились сейчасъ же повѣрить, точно ли поставлены московскія орудія вблизи костеловъ, и нашли, что дѣйствительно орудія поставлены такъ точно, какъ говорилъ Килинскій. Это входило въ планъ распоряженій объ охраненіи города, сдѣланныхъ Циховскимъ. Вдобавокъ, Килинскій указалъ даже на сосѣда своего, портного, который будто бы получилъ заказъ нашить для москалей польскіе мундиры; нетрудно было расположить портного подтвердить эту сказку. Килинскій прибѣгнулъ къ этимъ выдумкамъ для того, что иначе не видѣлъ возможности подвинуть народъ къ возстанію: только явная, близкая опасность и необходимость защищать жизнь могли соединить поляковъ и направить къ желанному дѣлу. Ему помогали ксендзы, и они-то болѣе всего содѣйствовали тому, что взрывъ совершился скоро. Однимъ Мейеромъ не ограничивалась его дружба съ духовными. Другіе ксендзы говорили на исповѣдяхъ, что москали хотятъ перебить варшавянъ, возбуждали горожанъ именемъ короля и вѣры и заранѣе сулили отпущеніе грѣховъ.

Вѣсть Килинскаго разошлась съ быстротою молніи по всей Варшавѣ, и на возстаніе были готовы сейчасъ же десятки тысячъ горожанъ: шло дѣло о спасеніи собственной ихъ жизни. Выдумки Килинскаго казались правдоподобными еще и оттого, что между русскими и поляками и безъ того происходили уличныя ссоры, и при этомъ русскіе отпускали полякамъ ругательства и угрозы, которыя легко было согласить съ извѣстіями Килинскаго; такъ, напр., поляки хвастали передъ русскими тѣмъ, что Костюшко одержалъ побѣду надъ москалями, а русскіе говорили: «А вотъ забунтуйте только, такъ мы Варшаву сожжемъ. Смотрите, чтобъ съ васъ не было ветчины на пасху.»

Насколько въ этой баснѣ было зачатковъ правды, опредѣлить трудно, но кажется, что Ожаровскій и Коссаковскій дѣйствительно пришли къ тому убѣжденію, что арсеналъ оставлять въ рукахъ поляковъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ опасно, и нужно, чтобы онъ быстро перешелъ въ руки русскихъ. Было очень сподручно воспользоваться для этой цѣли тѣмъ временемъ, когда народъ придетъ на резуррекцію. Служившій тогда въ русской службѣ нѣмецъ Зейме говоритъ также, что Игельстромъ хотѣлъ захватить арсеналъ именно потому, что надѣялся выступить противъ Костюшки, о которомъ безпрестанно доносились вѣсти, что онъ приближается къ Варшавѣ, хотя Зейме и прибавляетъ, что онъ навѣрное не знаетъ. Обстоятельства вынуждали эту мѣру, какъ крайне необходимую, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что Игельстромъ хотѣлъ это сдѣлать. Рѣдкій пре-

минулъ бы пойти въ храмъ на резуррекцію. Въ то время русское войско могло овладѣть арсеналомъ, пороховыми складами и казармами. Что Игельстромъ былъ тогда въ большой тревогѣ, видно и потому, что въ апрѣлѣ онъ обратился къ Постоянному Совѣту и требовалъ отъ него арестованія двадцати шести подозрительныхъ лицъ. Постоянный Совѣтъ, въ 11 часовъ утра, отправилъ къ Игельстрому канцлера Сулковскаго съ представленіемъ. Игельстромъ отказалъ ему. «Едва возвратился Сулковскій въ засѣданіе Постояннаго Совѣта, какъ съ нимъ сдѣлался смертельный апоплексическій ударъ, и это избавило его отъ висѣлицы, которая иначе суждена была бы ему наравнѣ съ другими», говоритъ современникъ Войда.

Килинскій между тѣмъ обращался къ нѣкоторымъ военнымъ и получилъ отъ многихъ уклончивые отвѣты. Такимъ образомъ, обратился онъ къ ротмистру Панговскому, записавшемуся въ число мѣщанъ, и тотъ отказался. Легко приставали къ договору только низшіе офицеры. 15 апрѣля, на страстной недѣлѣ во вторникъ вечеромъ было большое засѣданіе заговорщиковъ, въ казармахъ, куда были приглашены, кромѣ офицеровъ, цеховые мастера. Чтобы не подать на себя подозрѣнія, они шли на мѣсто сходки разными улицами. Сборище было въ квартирѣ поручика Кубицкаго. Тамъ положено, за неимѣніемъ начальниковъ изъ знатныхъ чиновъ, выбрать вождя въ своемъ полку изъ тѣхъ офицеровъ, которые были въ заговорѣ. Изъ офицеровъ артиллеристы дѣйствовали дружнѣе всѣхъ. Эта часть войска, вмѣстѣ съ полкомъ Дзялынскаго, давно уже рвалась къ революціи. Но дзялынцы не довѣряли своему полковнику Гауману.

Днемъ возстанія назначенъ четвергъ, въ три часа пополудни. Распредѣлено, гдѣ кому стоять, куда идти и какъ начинать.

По полкамъ штабъ-офицеры были люди противные революціи, дорожившіе своимъ положеніемъ или привязанные ко двору. Даже и тѣ немногіе въ артиллеріи, которые, будучи немолодыми, раздѣляли патріотическія побужденія, были черезчуръ осторожны; они желали революціи, но считали, что еще время къ ней не доспѣло. Молодежь не рѣшалась повѣрить имъ своей тайны. Планъ былъ составленъ такой: отрядъ изъ мѣщанъ, подъ начальствомъ Килинскаго, постарается схватить Игельстрома въ его помѣщеніи, все же польское войско нападетъ на русскіе отряды въ разныхъ мѣстахъ и будетъ помогать мѣщанамъ. Если послѣдніе встрѣтятъ сопротивленіе въ Медовой улицѣ, то предполагали захватить порохъ, чтобы его не сожгли русскіе. Въ среду Килинскій молился въ церкви за успѣхъ своего дѣла, исповѣдывался и очистилъ совѣсть ксендзовскимъ разрѣшеніемъ, а

потомъ цѣлый день ѣздилъ въ каретѣ отъ одного къ другому, посѣщалъ старшихъ цеховыхъ и далъ имъ инструкцію, гдѣ кому стоять съ своими ремесленниками. Килинскій назначилъ тремъ стамъ ремесленникамъ быть у уяздовскихъ казармъ готовыми на помощь полку Дзялынскаго, по сту человѣкъ у каждой заставы на караулъ; толпу распущенныхъ изъ службы солдатъ до четыреxсотъ человѣкъ послалъ къ казармамъ коронной гвардіи. Главную силу возстанія онъ думалъ направить на домъ русскаго посольства, чтобы внезапно схватить Игельстрома. Его безпокоило поведеніе полковника полка Дзялынскаго, Гаумана. Въ пять часовъ вечера ему далъ знать изъ этого полка маіоръ Зайдлицъ, что Гауманъ не расположенъ приставать къ возстанію. Килинскій, увѣренный въ томъ, что офицеры этого полка съ нимъ заодно, отправился туда, сговорился съ ними и пошелъ къ полковнику съ тремя обывателями, у дверей стали офицеры? «Полковникъ! сказалъ онъ Гауману — къ вамъ пришли обыватели отъ народа; не извольте отвергать ихъ просьбы; народъ полагаетъ на васъ надежду и проситъ васъ нашими устами: будьте на челѣ вашего полка и всѣхъ насъ. Времени осталось мало до начала революціи; дайте намъ благосклонный отвѣтъ?»

Гауманъ былъ озадаченъ этою внезапностію, смѣшался, не зналъ что̀ отвѣчать. Килинскій продолжалъ: «теперь не время обдумывать; кто не за насъ, тотъ противъ насъ!»

«Вы всѣ пропадете — сказалъ Гауманъ — вы сейчасъ же будете арестованы!»

Тогда Килинскій, если вѣрить разсказу его самого, вынулъ изъ-за голенища большой ножъ и сказалъ:

«Панъ полковникъ! знайте, что вы пропадете сейчасъ, если намъ откажете; полковыя знамена взяты, и вы у насъ подъ арестомъ; либо произносите присягу на вѣрность, и мы поставимъ васъ въ ряду достойныхъ славы, либо вы окончите жизнь вашу позорно».

Съ этими словами онъ положилъ передъ нимъ присяжный листъ и, растворивъ дверь, сказалъ стоявшимъ тамъ офицерамъ: «почтенные офицеры! Вашъ полковникъ за насъ, а не противъ насъ!»

Полковникъ преклонилъ колѣно, произнесъ присягу, поцѣловался съ Килинскимъ и его товарищами, приказалъ принести бутылку вина, роспилъ ее съ гостями и офицерами и розыгрывалъ изъ себя пламеннаго патріота. Килинскій, уходя, замѣтилъ офицерамъ, что полковнику не надобно слишкомъ довѣрять и слѣдуетъ смотрѣть за нимъ.

Въ арсеналѣ сидѣли офицеры подъ арестомъ за проявленіе

патріотизма, а караульные офицеры, наблюдавшіе надъ ними, были въ заговорѣ. Килинскій, узнавъ объ этомъ отъ другихъ офицеровъ, поѣхалъ туда и просилъ зарядовъ. Солдаты, по приказанію офицеровъ, наклали ему въ платокъ шесть тысячъ пистоновъ и Килинскій отвезъ ихъ въ каретѣ домой, потомъ поѣхалъ въ другой разъ и набралъ еще узелъ патроновъ. Возвращаясь уже ночью, Килинскій у костела св. Троицы встрѣтилъ отрядъ королевскихъ улановъ, дѣлавшихъ ночной обходъ. Эти уланы три дня тому назадъ прибыли въ Варшаву. Обратившись къ начальнику улановъ Зелинскому, онъ объявилъ ему, что у него есть важное дѣло, которое онъ намѣренъ ему открыть, и просилъ его зайти въ кофейню выпить съ нимъ вина. Сначала офицеръ отговаривался должностію, но потомъ извинилъ себя тѣмъ, что обходъ уже кончался, отпустилъ своихъ солдатъ и отправился съ Килинскимъ къ купцу Брайниху въ кофейню. Наливая ему вина, Килинскій сталъ говорить: «Мосци добродѣй! я знаю, что вы охранитель нашей отчизны, вы польскій воинъ, скажите, прошу васъ, извѣстно ли вамъ, что завтрашній день москали хотятъ взять у насъ арсеналъ, обезоружить нашихъ солдатъ или же перебить ихъ и даже самую Варшаву сжечь вмѣстѣ съ нами? Я доложу вамъ, что мы, посполъство, рѣшились не допустить москалей овладѣть нашимъ арсеналомъ, будемъ всѣми силами защищать жолнеровъ нашихъ. Извѣстно ли вамъ это или нѣтъ? Мы уже пришли въ соглашеніе со всѣмъ гарнизономъ, только васъ не достаетъ намъ, а такъ какъ вы присягнули королю, то мы боимся, чтобъ вы не пристали къ москалямъ и не били поляковъ. Завтрашній день москали положили напасть на насъ, такъ я, именемъ обывателей, прошу васъ помогать намъ отбивать непріятелей нашихъ, чтобы намъ не навлечь такого безчестія предъ всей Европой, когда мы отдадимъ нашъ арсеналъ, такое сокровище».

— А кто вы такой? сказалъ офицеръ. Съ кѣмъ я говорю и гдѣ вы живете?

«Я — сказалъ Килинскій — мѣщанинъ, имя мое Игнатій Заблоцкій, живу я на Рынкѣ.»

Эту басню придумалъ Килинскій потому, что боялся, чтобы офицеръ не донесъ на него.

— Вотъ вамъ рука моя, сказалъ офицеръ; я сейчасъ ѣду къ своему войску и скажу всѣмъ офицерамъ, чтобы они были готовы. Дѣло это какъ ваше, такъ и наше. Благодарю васъ, что увѣдомили меня; мы ничего не знали и попали бы въ руки непріятеля. Обыватель, будьте увѣрены, мы хоть и присягали королю на вѣрность, но теперь видимъ, что король призвалъ насъ сюда затѣмъ, чтобы мы положили оружіе передъ непріятелемъ.

Этого мы не сдѣлаемъ. Лучше отважимся на смерть, чѣмъ позволимъ себя публично въ столицѣ обезоружить. Научите насъ, любезный обыватель, что̀ намъ дѣлать, когда начнется революція?

«Держите, сказалъ Килинскій, вашихъ лошадей въ готовности и начинайте разомъ съ мировскими жолнерами (полки Мира); отъ васъ они не далеко».

По одному извѣстію Килинскаго, онъ все еще не довѣрялъ ему, не сказалъ ему условленнаго часа и отклонилъ его намѣреніе пріѣхать къ нему. По другому извѣстію, напротивъ, онъ все открылъ ему, назначилъ временемъ возстанія три часа пополуночи въ четвергъ, объявилъ, что выстрѣлъ изъ тридцати орудій будетъ сигналомъ революціи.

Варшава спала. Многіе изъ тѣхъ, которымъ пришлось дѣйствовать, не знали, что̀ произойдетъ утромъ въ страстной четвергъ. Посвященныхъ въ тайну заговора было незначительное число въ сравненіи съ тѣми, которые, не будучи подготовлены къ дѣлу, должны были увлечься самымъ потокомъ дѣла. Килинскій, пріѣхавъ домой, нашелъ уже во дворѣ человѣкъ до двухсотъ ремесленниковъ-заговорщиковъ,—онъ роздалъ заряды, потомъ написалъ завѣщаніе, а передъ свѣтомъ отправился къ ратушѣ и выдалъ заряды для раздачи городской стражѣ вахмистру Климанкевичу. «Вотъ тебѣ пилюльки—сказалъ онъ—позови ко мнѣ трубача». Потомъ онъ сказалъ одному изъ служителей: «какъ услышите хоть одинъ выстрѣлъ — трубачъ пусть трубитъ тревогу, а если не захочетъ, такъ ты запусти въ него вотъ этотъ ножъ!» Онъ подалъ ему большой ножъ. «Прикажи, вахмистръ — продолжалъ онъ — запереть всѣ ворота ратуши и поставь солдатъ съ заряженными ружьями, какъ станутъ москали выходить на рынокъ—бить ихъ! Если все сдѣлаешь, какъ я тебѣ велѣлъ—будешь офицеромъ».

Оттуда Килинскій отправился на главную гауптвахту маршалковской стражи; караульные офицеры ушли; Килинскій призвалъ двухъ унтеръ-офицеровъ и сказалъ:

«Черезъ полчаса начнется революція. Есть у васъ заряды?»

«Мы совсѣмъ не готовы—сказали унтеръ-офицеры—гдѣ теперь искать офицеровъ».

«Если будете меня слушать — сказалъ Килинскій — я васъ обоихъ произведу въ офицеры, только раздайте эти патроны вашимъ солдатамъ и будьте съ ними готовы къ бою, а какъ услышите сигналъ — сейчасъ бросайтесь и бейте москалей; не давайте имъ пройти на Подвале, чтобъ они не пробились во дворъ къ Игельстрому. Офицеровъ своихъ не будите. Вашъ маршалъ противъ насъ, но онъ намъ ничего не сдѣлаетъ, какъ начнется революція.»

Они съ благодарностію приняли заряды и обѣщали дѣйствовать вмѣстѣ съ другими.

Воротившись домой, Килинскій послалъ своихъ слугъ на колокольни костеловъ доминиканскаго, св. Яна, бернардиновъ, павлиновъ, св. Креста, по два человѣка и приказалъ звонить въ набатъ, а самъ отправился вновь въ ратушу приказать вахмистру, какъ только ударятъ въ набатъ, захватить русскую канцелярію, которая находилась на рынкѣ. Но тамъ онъ узналъ, что вахмистръ отправился къ президенту доносить на него.

Килинскій пришелъ въ ужасъ. Его планы были разрушены. Игельстромъ, предувѣдомленный во-время, приметъ свои мѣры. Килинскій собралъ своихъ приверженцевъ и разсказалъ имъ въ отчаяніи, что оказалось предательство. Это было передъ его домомъ на улицѣ. Въ это время какой-то русскій офицеръ подходилъ къ толпѣ, вѣроятно желая узнать, что за шумъ. Килинскій схватилъ у стоявшаго возлѣ него ксендза Мейера кортикъ и убилъ офицера. «Товарищи, закричалъ онъ, пора, послѣдуйте моему примѣру, бейте москалей». Всѣ бросились, и по всѣмъ костеламъ ударили въ набатъ, революція открылась.

IV.

Дни 17-го и 18-го апрѣля. — Изгнаніе русскихъ изъ Варшавы. — Возстаніе въ Вильнѣ. — Казнь Коссаковскаго.

Разбуженные набатомъ и криками, русскіе выскакивали изъ домовъ. Какой-то капитанъ, квартировавшій подлѣ Килинскаго, съ изумленіемъ выскочилъ изъ своей квартиры. Килинскій положилъ его на мѣстѣ. «Не будешь водить свои роты противъ насъ», сказалъ онъ. За нимъ выскочилъ казакъ — Килинскій положилъ и его. «Не будешь колоть своею пикою мужчинъ и женщинъ нашихъ», сказалъ онъ.

Въ это время выскочила изъ дома беременная жена Килинскаго, испугалась крови, проливаемой ея мужемъ, умоляла его пожалѣть семью, тащила въ домъ; Килинскій вошелъ съ нею въ свой домъ, заперъ ее съ дѣтьми на ключъ и пустился въ городъ, бить русскихъ.

Въ то же время и польское войско вступило въ дѣло. Первый сигналъ показалъ командиръ какого-то патруля польскихъ королевскихъ улановъ; онъ застрѣлилъ русскаго офицера, бѣжавшаго во всю прыть, вѣрно всполошеннаго тревогою и хотѣвшаго дать знать высшему начальству. Вслѣдъ затѣмъ изъ казармъ конной гвардіи

выскочилъ отрядъ человѣкъ въ пятьдесятъ, подъ командою Космовскаго, и напалъ на русскій пикетъ, стоявшій близъ Желѣзной брамы Саксонскаго сада, опрокинулъ пикетъ, подрубилъ у пушекъ колеса, заклепалъ пушки и воротился въ казармы. Полковникъ ничего не зналъ о заговорѣ въ этотъ день, и когда ему сказали, что революція уже началась, онъ тотчасъ присталъ къ ней. Солдаты, не знавшіе ничего, услышали набатъ и крики и съ недоумѣніемъ спрашивали: что̀ это? Офицеры имъ объясняли: «это москаль хочетъ забрать у насъ порохъ и арсеналъ;—не дадимъ, не дадимъ, у насъ есть руки, умремъ какъ слѣдуетъ честнымъ воинамъ, побьемъ непріятеля». Человѣкъ триста гвардіи и два эскадрона бросились на арсеналъ. Начальство, предувѣдомленное о намѣреніи взять арсеналъ, заперло ворота. Но польскіе солдаты вошли въ боковые входы, вытащили маленькую пушку, разбили ворота, ворвались въ арсеналъ и овладѣли имъ. Изъ арсенала дали нѣсколько выстрѣловъ: это былъ сигналъ, что оружіе въ рукахъ заговорщиковъ, и толпа бросилась туда за ними. Разбирали оружіе, какое кому было нужно.

Между тѣмъ ремесленники и мѣщане, пущенные Килинскимъ, врывались въ квартиры, гдѣ помѣщены были русскіе, и били послѣднихъ; не было спуска ни офицерамъ, ни солдатамъ, ни прислугѣ. Впрочемъ, захваченныхъ во снѣ было немного; русскіе успѣли выскочить, стали собираться, и ихъ били на улицахъ выстрѣлами, направленными изъ домовъ.

По Варшавѣ возрасталъ ужасный шумъ; набатный звонъ гудѣлъ во всѣхъ костелахъ, выстрѣлы, свистъ пуль, неистовый крикъ убивающихъ: «до брани! бей москаля! кто въ Бога вѣруетъ, бей москаля!» вопли умиравшихъ, лай и вой испуганныхъ собакъ. Убивали не однихъ русскихъ. Довольно было указать въ толпѣ на кого угодно и закричать, что онъ московскаго духа, что онъ продавалъ себя москалямъ; толпа расправлялась съ нимъ, какъ и съ русскимъ.

Килинскій бросился на улицу Подвале, думая оттуда напасть на домъ русскаго посольства, выходившій главнымъ фасадомъ на Медовую, но Игельстромъ былъ уже предувѣдомленъ. Генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, помѣщавшійся недалеко отъ Желѣзной брамы Саксонскаго сада, узналъ о первомъ нападеніи конной гвардіи на русскій пикетъ и прискакалъ къ Игельстрому, прежде чѣмъ заговорщики успѣли начать свое дѣло. Игельстромъ, узнавъ о возстаніи, далъ знать генераламъ Апраксину и Зубову, чтобы собрать около себя стоявшее близко войско. Уже самъ онъ былъ на лошади и русскіе заняли всю Медовую улицу, до двора Красинскихъ, когда мѣщане сдѣлали нападеніе съ улицы Подвале.

Писторъ совѣтовалъ поскорѣе пригласить пруссаковъ войти въ городъ, но Игельстромъ отвѣчалъ ему: «пруссаки-то и причина этой тревоги, потому что ихъ патрули доходятъ до рогатокъ. Отъ этого и произошли волненія въ Варшавѣ». Игельстромъ не думалъ, чтобы произошло что-нибудь важное, и полагалъ, что всё ограничится какими-нибудь криками и нѣсколькими выстрѣлами.

Уже былъ седьмой часъ. Русскіе успѣли занять улицы, прилегавшія къ Медовой, Сенаторскую и Долгую. Мѣщане не нападали. Мимо проходили польскія войска и приставали къ повстанью. Такъ, полкъ коронной гвардіи оставилъ своего полковника, который не приставалъ къ возстанію, прошелъ черезъ Новый городъ и отправился къ пороховымъ складамъ. Изъ Праги прибыли понтоньеры, эскадроны народовой кавалеріи и скарбовой милиціи и небольшими отрядами прошли къ арсеналу и къ пороховымъ складамъ. Игельстромъ не велѣлъ задѣвать ихъ. «Русскіе — говорилъ Килинскій — словно оглупѣли, не зная, что имъ дѣлать, бить насъ или нѣтъ». Самъ Килинскій, стѣсненный русскимъ войскомъ, въ небольшой улицѣ близъ Долгой, сталъ съ толпою мѣщанъ, и взлѣзъ на заборъ. «Одинъ офицеръ — говорилъ онъ — велѣлъ насъ колоть, а другой не приказывалъ, видя, что мы стоимъ спокойно». Килинскій, какъ онъ говорилъ, убилъ изъ ружья одного казака съ забора и вмѣстѣ съ своими мѣщанами безопасно прорвался черезъ Долгую улицу.

Только тѣ части русскаго войска, которыя были недалеко отъ квартиры главноначальствующаго, успѣли собраться подъ ружье. Тѣ, которыя стояли далеко, не могли получить приказанія Игельстрома, посылавшаго адъютанта за адъютантомъ съ приказаніями, а повстанцы били этихъ адъютантовъ на дорогѣ. Отъ этого въ отдаленныхъ отъ главной квартиры городскихъ частяхъ русскіе солдаты, не зная въ чемъ дѣло, и видя приближающіяся польскія войска, по привычкѣ отдавали имъ честь.

Съ семи часовъ начались одни за другими нападенія горожанъ на квартиру главнаго начальника. Сначала толпа народа покушалась напасть на Медовую улицу съ Сенаторской,—ее разогнали; потомъ другая толпа попыталась напасть на ту же улицу съ другой стороны, съ Долгой, — и ту разогнали. Нападающіе выходили преимущественно съ Стараго Мѣста: тамъ около ратуши были главные предводители возстанія ремесленниковъ и чернорабочихъ: мясникъ Сѣраковскій, Килинскій. По ихъ настроенію, рабочіе бросились въ оружейныя лавки и хватали оружіе, какое кому попадалось подъ руку.

Поляки вредили русскимъ тѣмъ, что забрались въ домы и

дворы и стрѣляли по нимъ; но скоро русскіе должны были оставить Сенаторскую улицу. Послѣ этого явился къ Игельстрому генералъ Бышевскій, и отъ имени короля просилъ оставить городъ съ войскомъ.

Въ пять часовъ, король былъ разбуженъ набатнымъ звономъ и суматохою. Анквичъ, Мошинскій, Ожаровскій пріѣхали къ нему одинъ за другимъ. Король послалъ приказаніе коронной и конной гвардіи явиться во дворецъ, но ихъ уже не было, они пристали къ возстанію; король вышелъ на дворъ и увидалъ, что отдѣлъ гвардіи, который тогда стоялъ на очередномъ караулѣ, хочетъ уходить. Король бросился за нимъ, заклиналъ, умолялъ не оставлять его и не приставать къ повстанью. «Ваше величество, сказалъ ему начальникъ отряда капитанъ Стршалковскій, вамъ нечего бояться, отечеству же грозитъ великая бѣда. Сперва я исполню свой первѣйшій долгъ, а потомъ уже возвращусь къ вамъ». На глазахъ короля они ушли биться съ русскими. Король послалъ тогда своего офицера къ Игельстрому просить, чтобы онъ вышелъ изъ города съ войсками. Неизвѣстно, что ему отвѣчалъ Игельстромъ, но потомъ, когда король узналъ, что повстанье разгорается, онъ послалъ къ нему въ другой разъ генерала Бышевскаго, который былъ однимъ изъ первыхъ зачинщиковъ заговора, вмѣстѣ съ Костюшкою, но не участвовалъ въ распоряженіяхъ настоящаго повстанья, какъ и многіе другіе генералы и штабъ-офицеры.

Игельстромъ отправилъ съ Бышевскимъ обратно къ королю для личныхъ объясненій своего племянника, маіора Игельстрома. Къ Бышевскому присоединился генералъ Макрановскій; оба ѣхали вмѣстѣ съ русскимъ маіоромъ. Когда они подъѣзжали къ зàмку, толпа кинулась на маіора Игельстрома и растерзала его въ глазахъ польскихъ генераловъ. Бышевскій пытался-было оборонить его, но его ранили въ голову, несмотря на его патріотизмъ. Король вышелъ на балконъ къ народу и просилъ дать Игельстрому уйти изъ Варшавы. Поляки кричали: пусть онъ положитъ оружіе! Тогда послали къ генералу Игельстрому польскаго офицера и опять приглашали русскаго военачальника отъ имени короля оставить городъ, но прибавляли, что не иначе, какъ безъ оружія. Само собою разумѣется, что Игельстромъ не могъ согласиться на это, не бывши еще въ безнадежномъ положеніи.

Вслѣдъ затѣмъ были, одно за другимъ, два покушенія завладѣть Медовой улицой, одно чрезъ сосѣдственный домъ банкира Теппера, другое съ Свято-Юрьевской улицы, чрезъ дворъ и садъ костела и Долгую улицу. Оба не удались. Такъ продолжалось до полудня.

Между тѣмъ, на другой половинѣ города, отъ Саксонскаго сада, сибирскій и харьковскій полки тягались съ полкомъ Дзялынскаго съ самаго разсвѣта. Какъ только ударили въ набатъ, генералъ Циховскій первый сталъ на сторону повстанья, скакалъ по городу съ обнаженною саблею, кричалъ: do broni, do broni! Онъ послалъ приказаніе полку Дзялынскаго идти въ дѣло. Полковникъ Гауманъ въ пять часовъ вывелъ цѣлый полкъ (до 600 ч.). На пути поставлены были два русскихъ отряда, которые должны были не пропускать его: на Братской улицѣ, при ея соединеніи съ Госпитальною, стояла третья рота 1-го батальона сибирскаго полка, на Новомъ Свѣтѣ подполковникъ Игельстромъ, съ двумя эскадронами харьковскаго полка, а на мѣстѣ, называемомъ Три Креста, батальонъ екатеринославскихъ егерей съ семью пушками, обращенными къ сторонѣ казармъ Дзялынскаго. У Святокрестовой рогатки былъ поставленъ 1 батальонъ сибирскаго полка съ генераломъ Милашевичемъ и подполковникомъ Гомзинымъ.

Полкъ Дзялынскаго выступилъ и преспокойно прошелъ мимо екатеринославскихъ егерей. Клюгенъ пропустилъ его потому, что не имѣлъ приказаній, а приказанія не доходили оттого, что тѣхъ, кого посылали съ приказаніями, убивали на дорогѣ. Полкъ Дзялынскаго дошелъ до костела св. Креста и доминиканскаго монастыря, гдѣ расположился съ своимъ отрядомъ Милашевичъ. При переходѣ изъ Новаго Свѣта на Краковское предмѣстье, стояли русскія пушки. Милашевичъ послалъ сказать Гауману, что полку далѣе нѣтъ ходу, и если онъ не остановится, то съ нимъ станутъ поступать какъ съ непріятелемъ.

Отъ Гаумана явился къ Милашевичу офицеръ и сказалъ:

«Мы далеки отъ непріятельскихъ замысловъ, мы, напротивъ, идемъ по приказанію короля къ зàмку, для того, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ вами противъ мятежниковъ».

Милашевичъ понялъ, что это обманъ и отвѣчалъ: — «я не пропущу васъ безъ разрѣшенія главнокомандующаго.»

Онъ немедленно отправилъ маіора Милашевича къ Игельстрому съ донесеніемъ о просьбѣ поляковъ и просилъ приказанія, чтò дѣлать ему съ полкомъ Дзялынскаго.

Маіоръ Милашевичъ не воротился. Толпа посполъства окружила его на возвратномъ пути. «Это московскій шпіонъ!» кричала она. Одинъ дубиною повалилъ его съ коня, другіе изрубили его саблями. Въ карманѣ у него нашли приказаніе Игельстрома не пропускать полка Дзялынскаго.

Это случилось на Козьей улицѣ, недалеко отъ почты. Гауманъ еще послалъ къ русскому генералу просить пропуска. Генералъ Милашевичъ снова отвѣчалъ ему, что не пуститъ, не-

получивъ разрѣшенія главнокомандующаго. Онъ рѣшился послать еще разъ къ Игельстрому, и спросить, что̀ ему дѣлать; вмѣстѣ съ русскимъ офицеромъ отправился польскій.

Между тѣмъ, Милашевичъ черезъ адъютанта пригласилъ къ себѣ съ Сенаторской улицы роту князя Гагарина, и поставилъ передъ кадетскимъ корпусомъ. Другого адъютанта Милашевичъ послалъ къ Клюгену съ приказаніемъ приблизиться къ полку Дзялынскаго въ тылъ и атаковать его, какъ только поляки начнутъ непріятельскія дѣйствія. Этотъ адъютантъ не доѣхалъ до Клюгена. Польскій офицеръ, сопровождавшій другого адъютанта, посланнаго къ Игельстрому, на возвратномъ пути покинулъ русскаго, видно, нарочно, чтобы тотъ безъ его обороны достался въ жертву народной злобѣ. Но русскій адъютантъ отдѣлался только ранами и привезъ приказаніе Милашевичу никакъ не пропускать полкъ Дзялынскаго.

Вслѣдъ затѣмъ съ противоположной стороны прислали къ Милашевичу Макрановскаго.

«Именемъ его величества короля я присланъ, говорилъ Макрановскій, просить, чтобы полкъ Дзялынскаго былъ пропущенъ. Онъ дѣйствительно идетъ къ за̀мку для укрощенія мятежа».

Милашевичъ показалъ ему приказаніе Игельстрома и сказалъ: «перемѣна этого приказанія зависитъ отъ одного главнокомандующаго».

«Такъ я поѣду самъ въ полкъ», сказалъ Макрановскій.

Ему сказали, что его не пропустятъ. Макрановскій попытался не послушаться, пришпорилъ лошадь и поскакалъ-было на Новый Свѣтъ, но гренадеры штыками преградили ему дорогу.

Макрановскій разгнѣвался, поворотилъ коня и уѣхалъ назадъ къ за̀мку.

Милашевичъ еще разъ послалъ къ Клюгену офицера другимъ уже путемъ, черезъ Александровскую улицу, но и этотъ офицеръ былъ задержанъ и взятъ въ плѣнъ.

Было восемь часовъ. По всему городу раздавался неумолкаемый набатный звонъ и сильные выстрѣлы въ той сторонѣ, гдѣ была Медовая улица и арсеналъ. Гауманъ еще разъ послалъ къ Милашевичу просьбу пропустить его, съ маіоромъ Грефеномъ.

Милашевичъ арестовалъ маіора Грефена въ отместку за своихъ арестованныхъ и убитыхъ посланцевъ. Тогда Гауманъ приказалъ палить по русскимъ картечью. Русскіе отвѣчали тѣмъ же. Открылась съ обѣихъ сторонъ канонада. Милашевичъ оставилъ свои орудія тамъ, гдѣ они были, т. е. при соединеніи улицы Новаго Свѣта съ Краковскимъ предмѣстьемъ, и располо-

жилъ свое войско такъ, что оно стояло подъ защитою стѣнъ доминиканскаго монастыря. Толпа вооруженнаго посполъства пыталась заходить на русскихъ изъ сосѣднихъ улицъ, изъ Бернадской и Александровской; ее отбили. Клюгенъ и третья рота стояли въ тылу непріятеля и не двигались, потому что не получали приказовъ. А между тѣмъ у поляковъ прибывало силы: предводители охотниковъ, выбывшіе изъ службы офицеры Уминскій, Кроликевичъ и другіе раздѣлывались съ русскими на улицѣ Лешно; къ нимъ присталъ и Килинскій съ толпою мѣщанъ и чернорабочихъ. Солдаты третьяго батальона кіевскаго полка въ этотъ день причащались; они собрались гдѣ-то въ устроенной въ палацѣ церкви. Было ихъ человѣкъ пятьсотъ. По извѣстіямъ Пистора, всѣхъ, находившихся въ церкви, перерѣзали безоружныхъ. Другая часть батальона, составлявшая не болѣе двухъ ротъ, лишившись своего маіора, была принята подъ начальство генерала Тищова, и окруженная разъяренною толпою и конною гвардіею не могла долго биться. Поляки кричали солдатамъ: «кладите оружіе и отступите отъ него»; но офицеры говорили: «лучше умереть, чѣмъ сдаваться вамъ». Однако, выстрѣлявши всѣ заряды до послѣдняго, солдаты, тѣснимые превозмогающей силой, стали класть оружіе. Поляки забрали его, солдатъ отвели въ цейхгаузъ, а офицеры, рѣшившіеся умереть съ оружіемъ, были избиты [1]).

По совершеніи дѣла на Лешнѣ, поляки, тамъ работавшіе, бросились на Милашевича отъ Саксонской площади. Въ то же время съ другой улицы также нападали на него мѣщане. Ихъ было тутъ болѣе трехъ тысячъ, русскихъ же не болѣе восьмисотъ человѣкъ. Оказалось, что русскіе много потеряли оттого, что, въ эту критическую минуту, Саксонская площадь осталась незанятою, и поляки могли, захвативъ ее, дѣйствовать съ одной стороны противъ главной русской квартиры, съ другой—противъ Милашевича. Окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, русскіе отбивались отчаянно; на Краковскомъ предмѣстьѣ имъ болѣе всего повредило то, что поляки успѣли занять окна близъстоявшихъ домовъ, забрались на башни и крыши костеловъ и оттуда, сверху, стрѣляли и убивали русскихъ. Такъ, на вершину башни доминиканскаго монастыря взобрались съ солдатами поручикъ Липницкій и хорунжій Урбановскій и поражали оттуда русскихъ.

---

[1]) Говорятъ, что за твердость поляки заперли ихъ въ погребъ, приковали одного къ другому и держали такимъ образомъ безъ пищи до перваго дня пасхи. Они только тогда ихъ вывели, будто для того, чтобы перевести въ другое мѣсто, и народъ бросился на нихъ и заколотилъ палками до смерти.

Подпоручикъ Сыпневскій поражалъ ихъ изъ дома Браницкаго. Килинскій хвалитъ двухъ своихъ молодцовъ; одинъ билъ русскихъ съ вершины костела св. Креста, другой изъ школьнаго дома, находившагося при дворцѣ Тышкевичей. Кадеты палили изъ своего дома: чуть русскій хочетъ приложить фитиль къ пушкѣ, поставленный стрѣлокъ его убиваетъ сверху; падавшій подъ польскою пулею гасилъ тѣломъ своимъ фитиль. Эти выстрѣлы сверху болѣе всего вредили русскимъ; «хорошо драться съ открытымъ непріятелемъ, говорили они, а не съ такимъ, который стрѣляетъ изъ щелей, а потомъ прячется.»

«Маневра эта была ужасна, пишетъ Писторъ, и она-то доставила полякамъ побѣду. Сами они были защищены, а мы обречены на смерть. Въ такомъ положеніи оставалось ретироваться, и русскіе рѣшились пробиваться на Саксонскую площадь, но только-что стали подвигаться, какъ пуля попала въ генерала Милашевича. Его взяли въ плѣнъ и отнесли во дворецъ Малаховскаго. Полковникъ Гагаринъ принялъ команду; не прошло нѣсколько минутъ, какъ Гагаринъ былъ раненъ. Толпа бросилась на него и какой-то кузнецъ хватилъ его въ високъ желѣзною шиною и убилъ. Лишенные начальниковъ, израненные выстрѣлами сверху, русскіе солдаты пробивались сквозь толпы повстанцевъ рукопашнымъ боемъ и поворотили съ Краковскаго предмѣстья въ Королевскую улицу, думая соединиться со вторымъ батальономъ сибирскаго полка, а этотъ батальонъ, стоявшій до сихъ поръ безъ дѣйствія на Грибовѣ, двигался на Краковское предмѣстье по той же Королевской улицѣ, и на углу Мазовецкой улицы, въ дыму, не распознавши своихъ, ударилъ по нимъ; тогда, поражаемые не только чужими, но и своими, оставшіяся безъ начальства роты поворотили въ Мазовецкую улицу.

Такимъ образомъ, отряды полковника Клюгена, Игельстрома, второй и третій батальоны сибирскаго полка, стоя на своихъ мѣстахъ, не подали въ пору помощи первому батальону сибирскаго полка. Ясно было, что еслибы они, пропустивъ полкъ Дзялынскаго, ударили на него въ тылъ, они не только спасли бы Милашевича и Гагарина, съ ихъ отрядами, но вѣроятно могли бы уничтожить полкъ Дзялынскаго и значительно поправить русское дѣло. Тупое повиновеніе начальству и неимѣніе права дѣйствовать безъ его приказанія заставляло ихъ стоять на мѣстѣ въ то время, какъ били ихъ товарищей, хотя здравый разсудокъ долженъ былъ указать имъ, что они находятся съ такомъ положеніи, когда приказанія не могутъ до нихъ доходить и что слѣдуетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Замѣчательно, что

эта именно часть города, обнимающая улицы Маршалковскую, Мазовецкую, Госпитальную, была спокойна и не принимала повидимому участія въ возстаніи, можетъ быть оттого, что отсюда трудно было пробѣжать до арсенала за оружіемъ по причинѣ собраннаго и въ разныхъ мѣстахъ поставленнаго русскаго войска. Но еще въ началѣ возстанія произошло тамъ разстройство. Бригадный генералъ фонъ-Сухтеленъ былъ взятъ въ плѣнъ около шести часовъ, выходя къ своей бригадѣ изъ квартиры главноначальствующаго, гдѣ самъ помѣщался. Подчиненные не знали о его плѣнѣ. Начальство, за неявкою его, принялъ генералъ Новицкій. Маіоръ Баго, командовавшій 2-мъ батальономъ, послалъ къ главноначальствующему спросить, что дѣлать, но посланный офицеръ былъ схваченъ. Тогда хирургъ Лебедевъ добровольно вызвался идти и принести отъ Игельстрома приказаніе. Ему удалось пробраться и онъ принесъ приказаніе, чтобы всѣ войска шли къ главной квартирѣ: Новицкій требовалъ письменнаго приказанія. Хирургъ отправился въ другой разъ, былъ раненъ въ ногу и уже не могъ возвратиться. Такъ проходило время. Тогда маіоръ Баго рѣшился уже помимо приказанія генерала Новицкаго двинуться съ своимъ батальономъ на Королевскую улицу, а другой маіоръ, Каменевъ, отправился приглашать Клюгена и подполковника Игельстрома. Тутъ-то случилось приключеніе на Королевской улицѣ, какъ свои не узнали своихъ. Послѣ этого приключенія всѣ, стоявшіе на разныхъ мѣстахъ — Новицкій, Баго, Клюгенъ, подполковникъ Игельстромъ и остатки разбитаго перваго батальона, разными путями бѣжали къ Іерусалимской рогаткѣ и вышли изъ города. Такимъ образомъ, одна половина Варшавы налѣво отъ Саксонскаго сада была совсѣмъ очищена отъ русскихъ (со стороны рогатокъ: Мокотовской, Шубеничной, Вольской, Іерусалимской).

Неутомимый хирургъ Лебедевъ пробрался-таки съ письменнымъ предписаніемъ Игельстрома. Генералъ Новицкій собралъ военный совѣтъ. Надобно было теперь повиноваться главноначальствующему и идти къ нему къ главной квартирѣ. Новицкій откомандировалъ туда отрядъ подъ начальствомъ Клюгена (батальонъ егерей Клюгена) третій батальонъ сибирскаго полка, два эскадрона подполковника Игельстрома и два эскадрона маіора Каменева; они пришли въ Королевскуюулицу, но встрѣтили сопротивленіе со стороны саксонскаго палаца и особенно увидя, что на нихъ идетъ полкъ Дзялынскаго, повернули назадъ. Современники, Писторъ и Билеръ, говорили, что полка Дзялынскаго жолнѣровъ было тогда какихъ-нибудь человѣкъ пятьдесятъ, или шестьдессятъ,

и посполььства вовсе небольшая толпа. Трудно принимать это извѣстіе безъ критики.

Новицкій съ своимъ отрядомъ отошелъ къ Карчеву, куда прибылъ на другой день къ вечеру. По уходѣ его изъ города волненіе стало утихать. Нападеніе на главную квартиру ослабѣвало, только по временямъ проносилась пуля-другая изъ окна. Но оно возобновилось съ двухъ часовъ по полудни. Толпа мѣщанъ и ремесленниковъ, подкрѣпляемая жолнѣрами, опять покушалась на главную квартиру съ Подвальной улицы. Свалка происходила на дворахъ. Между тѣмъ съ Сенаторской улицы продолжали палить изъ оконъ. Поляки нападали на склады, принадлежавшіе русскому войску, убивали караульныхъ, овладѣвали складами; такимъ образомъ захвачены были кассы, гауптвахта, коммиссаріатъ; поляки врывались всюду, гдѣ только подозрѣвали, что есть русскіе, хотя бы они не были военные, а посольскіе или просто частныя лица, искали и найденныхъ убивали.

Игельстромъ дожидался своихъ войскъ, удивлялся, почему ихъ нѣтъ, несмотря на его приказаніе, и сталъ догадываться, что они ушли изъ города. Русскіе взлѣзали на крыши домовъ, но ничего не видѣли. Нашли какую-то женщину, которой поручили отыскать русское войско и сообщить ему приказаніе поспѣшить. И женщина не могла пробиться. Игельстромъ, напрасно ожидая своихъ, рѣшился послать отрядъ кавалеристовъ за городъ къ генералу Вольки и пригласить пруссаковъ. Вмѣсто пруссаковъ въ восьмомъ часу прибылъ маіоръ Титовъ съ четвертымъ батальономъ кіевскаго полка. По распоряженію о размѣщеніи войска ему приходилось стоять на Бонифратской улицѣ. Утромъ на него напали жолнѣры коронной гвардіи, близко отъ него стоявшіе въ своихъ казармахъ. Они не допускали его идти къ главной квартирѣ; онъ отражалъ нападеніе, такъ что наконецъ его оставили. Но далѣе двигаться было трудно. Въ это время Вольки, слышавшій набатъ и выстрѣлы въ городѣ, послалъ къ нему спросить, что все это значитъ. Въ то же время, отправивши адъютанта, прусскій военачальникъ подвинулся къ городу и прислушивался къ выстрѣламъ. Маіоръ Титовъ не могъ самъ объяснить пруссакамъ, что это значило и какъ шло дѣло въ городѣ, потому что самъ ничего обстоятельно не зналъ, только и могъ сказать, что русскихъ бьютъ, и просилъ прусаковъ вступить въ городъ. Вольки, получивъ отъ него это свѣдѣніе, послалъ къ нему приглашеніе соединиться съ нимъ. Титовъ полагалъ, что соединившись съ пруссаками, онъ можетъ побудить ихъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, и отправился къ нимъ. Прусское войско стояло близъ города между Повонзками и Маримонтомъ,

въ числѣ двухъ батальоновъ и четырехъ эскадроновъ. Польскіе королевскіе уланы сновали около него къ пороховымъ складамъ и обратно. Генералъ Вольки отправилъ офицера къ королю, спросить, что значитъ эта бѣготня улановъ: дѣлаютъ ли это по приказанію короля или противъ него. Неизвѣстно, былъ ли офицеръ у самого Станислава-Августа или Макрановскій по сношеніи съ королемъ далъ ему отвѣтъ отъ королевскаго имени, только отвѣтъ, который онъ привезъ своему генералу, былъ таковъ:

«Народъ и король — все едино есть. Нашъ непріятель — одни русскіе. Поляки уважаютъ своего короля и не станутъ нападать на пруссаковъ и надѣются, что прусскій генералъ не станетъ начинать непріятельскихъ дѣйствій и нападать на наши пороховые склады.»

Титовъ въ нерѣшимости стоялъ съ пруссаками до тѣхъ поръ, пока подъ вечеръ опять не раздались выстрѣлы около главной квартиры. Тогда онъ сказалъ, что не можетъ болѣе терпѣть, и во что бы то ни стало, хочетъ пробиться на помощь своему главному командиру. Вольки отвѣчалъ, что если Титовъ встрѣтитъ препятствія въ своемъ маршѣ, то пруссаки поспѣшатъ къ нему на помощь. Такимъ образомъ, Титовъ съ своимъ батальономъ отправился по Закрочимской или по Святоюрьевской улицѣ чрезъ площадь Красинскихъ. Онъ долженъ былъ выдержать сильный напоръ отъ повстанцевъ, потерялъ довольно много людей и, самъ раненый, прибылъ къ Игельстрому.

Къ нему обратились съ распросами, гдѣ русское войско, но онъ не могъ ничего сказать.

Стемнѣло. Нападеніе прекратилось, но выстрѣлы изъ домовъ все-таки время отъ времени раздавались. По улицамъ, среди валявшихся труповъ, слышны были вопли и стоны недобитыхъ русскихъ. Никто не подбиралъ ихъ; повстанцы тѣшились ихъ мученіями. Люди, несочувствовавшіе революціи, сидѣли тихо по домамъ, потому что боялись навлечь на себя мщеніе посполъства. Многіе изъ тѣхъ, которые отличались прежде расположеніемъ къ Россіи, или которые только подозрѣвались въ этомъ, были взяты въ своихъ помѣщеніяхъ и отведены въ замокъ.

О русскомъ войскѣ не было ни слуху, ни духу. «Вѣроятно войско оставило городъ, говорили Игельстрому—не лучше ли отправиться намъ самимъ ночью, часовъ послѣ десяти, отыскивать его и вмѣстѣ съ нимъ напасть на Варшаву?» — Если войско оставило городъ — сказалъ Игельстромъ — то оно воротится снова ночью. — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Писторъ, надо отправить отрядъ къ пруссакамъ и просить, чтобы они

шли на Волю; вѣроятно наше войско тамъ, пусть они усилятъ его и идутъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ».

Откомандировали полуэскадронъ къ пруссакамъ. Ждали до полуночи. Никто не приходилъ и не подавалъ вѣсти.

Опять стали говорить Игельстрому: лучше бы оставить городъ, пока темно. Игельстромъ не согласился и не хотѣлъ думать, чтобы войска, которымъ онъ приказалъ черезъ хирурга собраться въ главной квартирѣ, вышли вонъ изъ города. Послѣ полуночи онъ призвалъ къ себѣ подполковника Фризеля и велѣлъ сжечь секретнѣйшія бумаги, чтобы онѣ не попались полякамъ, если на слѣдующее утро придется ему погибать.

Уже оставалось немного времени до разсвѣта. Выстрѣлы все не прекращались, отъ времени до времени раздавались колокола, дребезжали барабаны, слышны были и яростные крики: «да здравствуетъ революція! да здравствуетъ Костюшко», и вопли умирающихъ и мучимыхъ. «Ночь была страшно прекрасна— говоритъ очевидецъ Зейме — луна разливала ярко-лиловый свѣтъ на глупости бѣднаго человѣка».

Генералъ Писторъ упрашивалъ Игельстрома покинуть городъ. «Еще есть время, — все равно же намъ придется покидать его, такъ лучше теперь, а то какъ станетъ свѣтло,—насъ станутъ задерживать и мы потеряемъ много людей». — «Я остаюсь здѣсь, говорилъ Игельстромъ, и не оставлю своего дома».

Разсвѣло. Выстрѣлы стали чаще и опять посполъство начало подступать къ главной квартирѣ черезъ заднюю часть двора съ улицы Подвальной, а съ Сенаторской улицы и изъ оконъ разныхъ домовъ пули сыпались какъ дождь. Игельстромъ увидѣлъ, что дѣйствительно держаться трудно. У него было, съ батальономъ Титова, всего три батальона, и тѣ были сильно утомлены. Дисциплина падала. Солдаты третій день ничего не ѣли, человѣкъ сто изъ нихъ самовольно ушли съ разсвѣтомъ на грабежъ. Одна толпа прорвалась ночью на Лешно, врывалась въ дома и неистовствовала, отмщая полякамъ за то, что они дѣлали съ русскими. Польскія войска, призванныя жителями, напали на нихъ и перебили. Писторъ говоритъ, что шестьдесятъ человѣкъ забрались въ погребъ, перепились мертвецки и были всѣ замучены. Другая кучка гренадеровъ выкатила на площадь бочку съ виномъ и такъ усердно принялась за него, что не замѣтила, какъ положили ее всю на мѣстѣ польскія пули. Иные опустили руки, и не слушались командира.

Игельстромъ оставилъ около 400 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Парфентьева защищать главную квартиру, а самъ съ остальными двинулся къ площади Красинскихъ и Дол-

гой улицѣ. Онъ приказалъ тащить за собою одну пушку отъ главной квартиры, но солдаты, которымъ это было приказано, не двигались съ мѣста. «Что я буду дѣлать съ этими людьми?» говорилъ онъ. «Когда они при меньшей опасности не слушаются, пойдутъ ли они туда, гдѣ ихъ ожидаетъ большая?» — Солдаты были голодны и выбились изъ силъ, безпрестанно ожидая смерти изъ оконъ сосѣднихъ домовъ.

Когда Игельстромъ перешелъ на площадь Красинскихъ, съ окрестныхъ домовъ посыпались частые выстрѣлы. Русскіе падали. Игельстромъ послалъ бригадира Бауэра въ арсеналъ къ польскому командиру, вступить съ нимъ въ объясненіе, не ошибка ли все это или быть можетъ одно недоразумѣніе, которое легко можно уладить.

«Къ чему — говорилъ ему Писторъ — просить у поляковъ дружелюбныхъ объясненій. Вѣроятно они арестуютъ Бауэра.»

Бауэръ уѣхалъ, и вопреки всякимъ существующимъ на свѣтѣ правиламъ, взятъ военноплѣннымъ; а генералъ Макрановскій, бывшій, какъ оказалось, комендантомъ у повстанцевъ, самъ требовалъ отъ бывшихъ на Долгой улицѣ ротъ, чтобы онѣ отдались. «Уже, говорили имъ поляки, Игельстромъ проситъ пардона и отдается намъ на всю нашу волю». Но русскіе отвѣчали имъ ружейнымъ огнемъ и прогнали ихъ. Черезъ четверть часа явился отъ Бауэра офицеръ и сообщилъ, что генералъ Макрановскій велѣлъ сказать русскому главноначальствующему такъ: «единственное средство прекратить недоумѣніе—перестать стрѣлять по насъ и отдаться на произволъ поляковъ».

Это предложеніе не могло быть принято никакимъ русскимъ военачальникомъ. «Невозможно отдавать судьбу нашу измѣнникамъ, говорили тогда, — они не сдержатъ слова, еслибы и дали его.» Между тѣмъ нельзя было пробиться, когда всѣ улицы заняты повстанцами, а главное—русскія войска, какъ только двинутся, будутъ поражаемы сверху изъ оконъ и съ крышъ домовъ. Писторъ сдѣлалъ планъ пробиться черезъ заднія ворота двора Красинскихъ, потомъ выступить на улицу Святоюрьевскую, а затѣмъ поворотить вправо и слѣдовать по Закрочимской и Фаворамъ къ Маримонтской заставѣ. Игельстромъ долженъ былъ согласиться на этотъ планъ. Войско бросилось на садъ Красинскихъ; поляки встрѣтили его выстрѣлами изъ воротъ. Русскіе выставили съ своей стороны двѣ пушки противъ воротъ; чуть первая пушка высунулась въ ворота, поляки предупредили ея выстрѣлъ, выскочили изъ своихъ засадъ и перебили канонировъ и вслѣдъ за тѣмъ русскіе дали выстрѣлъ изъ другой пушки, повалили польскихъ канонировъ и потомъ выстрѣлили изъ первой. Этотъ послѣдній выстрѣлъ былъ удаченъ,

поляки потеряли нѣсколько человѣкъ и отбѣжали. Солдаты ринулись во дворъ и садъ, пробились сквозь садъ и высыпали на Святоюрьевскую улицу. Но тутъ съ обѣихъ сторонъ улицы, оконъ, поляки открыли на нихъ густую ружейную пальбу. Подъ градомъ пуль русскіе бѣжали впередъ, потерявши строй, пробѣжали Святоюрьевскую улицу и уже подходили къ Закрочимской. Тутъ стояло человѣкъ шестьдесятъ поляковъ съ ружьями, направленными на нихъ, и съ пушкою. Но русскіе ударили на нихъ въ пору, предупредивъ непріятельскій залпъ, разогнали поляковъ и вышли на Закрочимскую улицу. Сзади продолжали въ нихъ стрѣлять изъ оконъ домовъ Святоюрьевской улицы въ тылъ заднимъ рядамъ, а передніе были встрѣчаемы выстрѣлами изъ домовъ Закрочимской. Не вытерпѣвъ новой пальбы, русскіе бросились влѣво, въ Глухой переулокъ, выходящій изъ Закрочимской улицы. Отъ этого переулка вправо шла очень тѣсная улица Козла. Поляки, увидя, что русскіе двинулись въ Глухой переулокъ, кинулись черезъ дворы въ улицу Козла и заняли въ ней окна домовъ. Русскіе думали пройти чрезъ эту улицу, но улица была очень узка, въ нее нельзя было входить иначе, какъ только немногимъ заразъ, и этихъ немногихъ, одного за другимъ, могли перебить изъ оконъ. Тогда русскіе двинулись отъ улицы Козла по Глухому переулку, ворвались прямо на близълежащіе дворы, разломали заборы, отбили одинъ дворъ, вошли въ другой дворъ, а затѣмъ разломали другой заборъ, потомъ очутились въ третьемъ дворѣ и еще разломали одинъ заборъ и вошли въ четвертый, принадлежавшій каменному большому дому съ проѣздными воротами. Этими воротами русскіе стали пробиваться на Францисканскую улицу, но противъ воротъ, изъ которыхъ пришлось выходить русскимъ, на Францисканской улицѣ уже стояла пушка, готовая угостить ихъ картечью. Тогда генералъ Писторъ приказалъ нѣсколькимъ молодцамъ взлѣзть на крышу каменнаго дома и оттуда дать залпъ по польскимъ пушкарямъ. Солдаты исполнили порученіе превосходно; поляки пустились въ разсыпную отъ выстрѣловъ, для нихъ неожиданныхъ, и покинули свою пушку. Русскіе такимъ способомъ благополучно вырвались изъ проѣздныхъ воротъ во Францисканскую улицу, овладѣли брошенною непріятельскою пушкою, которая, на счастіе имъ, была оставлена заряженною. Изъ этой пушки ударили они нѣсколько разъ сряду по бѣгущимъ и по тѣмъ, которые готовились принять русскихъ въ бока. Поляки разсыпались; въ то же время и засѣвшіе въ улицѣ Козла выбѣжали оттуда, и за ними черезъ эту улицу свободно перешли тѣ солдаты, которые оставались еще въ Глухомъ переулкѣ подъ предводительствомъ маіора Батурина.

Такимъ образомъ, русскіе съ чрезвычайнымъ трудомъ и отчаяннымъ мужествомъ пробились на Францисканскую улицу. Русскіе пошли уже не по Закрочимской улицѣ, которая запружена была поляками, а двинулись по Инфлянтской, очень грязной и витой, которая вся почти состояла тогда изъ заборовъ. Улицею этою приходилось имъ пройти съ полверсты. Надобно было спѣшить, пока здѣсь не было еще непріятеля. Отъ этого, когда гренадеры успѣли убѣжать впередъ, пушки не могли поспѣть за ними, и Писторъ, какъ разсказываетъ самъ, принужденъ былъ покинуть на дорогѣ пушки съ двадцатью человѣками пушкарей, и бѣжать за войскомъ. Изъ Инфлянтской улицы русскіе поворотили по улицѣ Покорной. Поляки, потерявши-было ихъ слѣдъ, нашли его снова, пустились за ними съ выстрѣлами и убили нѣсколько заднихъ. Уже наконецъ русскіе приближались къ выходу изъ столицы. Тутъ въ послѣдній разъ встрѣтилъ ихъ отрядъ польскаго войска, караулившій пороховой складъ, и ударилъ на нихъ изъ восьми пушекъ, а при самомъ выходѣ стояли сто двадцать четыре человѣка королевскихъ улановъ, но эти не посмѣли напасть и ушли прочь, когда увидѣли, что пруссаки двигались къ русскимъ на встрѣчу отъ Повонзковскаго кладбища. У деревни Бабье русскіе благополучно соединились съ пруссаками.

Генералъ Вольки объяснилъ Игельстрому, что, по его просьбѣ, онъ дѣлалъ движеніе къ Волѣ, для отысканія пропавшаго безъ вѣсти русскаго войска, но увидалъ, что русскіе выходятъ съ двухъ сторонъ изъ города и обратился къ нимъ. Игельстромъ все-таки не могъ добиться, куда дѣлось русское войско. По извѣстіямъ Пистора, и въ этой ретирадѣ, которую исполнили русскіе такъ блистательно и мастерски, они потеряли не болѣе тридцати человѣкъ. Вѣроятно, число это нѣсколько уменьшено, тѣмъ болѣе, что честь устройства этой ретирады Писторъ приписываетъ себѣ, стараясь притомъ указать на неспособность природныхъ русскихъ начальниковъ. Ретирада русскихъ тѣмъ была труднѣе и тѣмъ доблестнѣе, что они унесли съ собою и своихъ тяжело раненыхъ.

Оставленные въ главной квартирѣ на произволъ судьбы, русскіе съ полковникомъ Парфентьевымъ защищались до послѣдней степени. Не стало у нихъ пуль; они продолжали стрѣлять, заряжая ружья маленькими монетами и пуговицами, оторванными отъ мундировъ, а когда не стало у нихъ фитилей для пушекъ, они замѣняли пушечные выстрѣлы выстрѣлами изъ карабиновъ и пистолетовъ. Наконецъ, къ вечеру они выбросили бѣлое знамя. Но когда послѣ того приблизился къ нимъ трубачъ, присланный Макрановскимъ, они дали по немъ выстрѣлъ.

Такъ говоритъ современникъ и очевидецъ. Вѣроятно условія, которыя предлагалъ имъ полякъ, были таковы, что русскіе рѣшились лучше погибнуть. Поляки разложили огонь, съ тѣмъ, чтобы допечь ихъ огнемъ и задушить дымомъ: русскіе, въ отчаяніи, хотѣли-было по слѣдамъ бросившихъ ихъ товарищей вырваться изъ дома и пробиться изъ города. Но, какъ только они стали выходить изъ дома, поляки ударили на нихъ. Другіе взлѣзали по лѣстницамъ въ окна дома, уже съ одной стороны внизу объятаго пламенемъ. Тѣхъ изъ русскихъ, которые имѣли слабость бросить оружіе и просить пардона, они съ ругательствами вели въ плѣнъ. «Сердце разрывалось—говоритъ прусскій посланникъ Бухгольцъ — смотря на то, какъ бѣдныхъ русскихъ солдатъ убивали словно скотъ на бойнѣ. Но большая часть ихъ перебита защищаясь.»

Въ квартирѣ Игельстрома захватили много денегъ, серебра, въ томъ числѣ серебряный сервизъ, подаренный Екатериною, архивъ; главнѣйшія дѣла онъ успѣлъ истребить, тѣмъ не менѣе тамъ оставались такія бумаги, которыя могли компрометтировать многихъ, продававшихъ Польшу Россіи. Килинскій говоритъ, будто поляки нашли шесть бочекъ голландскихъ талеровъ, семь бочекъ русскаго серебра и шесть боченковъ золота. «По просьбѣ народа, я приказалъ высыпать изъ одной бочки деньги на Медовую улицу, а изъ другой на Подвале, и народъ бросился на деньги съ такою жадностію, что многіе убивали другъ друга». Это сказаніе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ за собою достовѣрности. Нѣкоторые въ значительномъ числѣ бросились въ костелъ капуциновъ, но остервенѣвшіе поляки ворвались туда и всѣхъ замучили. Въ эти два мрачные дня плѣнныхъ заперли въ арсеналѣ, въ казармахъ, въ ратушѣ и другихъ мѣстахъ. Домъ русскаго посольства былъ уничтоженъ. Революція произвела пожаръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, но онъ былъ потушенъ. Изъ числа русскаго гарнизона, состоявшаго въ числѣ 7,948 человѣкъ, убито 2,265, ранено 121, взято въ плѣнъ 1,764, изъ нихъ 161 офицеръ.

Несчастіе русскихъ произошло отъ плохой распорядительности Игельстрома, который разставилъ войска въ разныхъ частяхъ города, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ поближе къ себѣ; не далъ надлежащихъ распоряженій какъ дѣйствовать въ случаѣ возстанія, не ввелъ болѣе войска въ городъ, не предупредилъ въ пору поляковъ строгими мѣрами, не забралъ у нихъ арсенала, и наконецъ не умѣлъ съ поляками обращаться, хотя нельзя отказать ему въ храбрости и неустрашимости; подъ нимъ

убиты было двѣ лошади, онъ самъ получилъ рану въ лицо, и мундиръ на немъ былъ пробитъ пулею, вѣроятно на отлетѣ.

Варшавскіе зажиточные люди мало участвовали въ революціи и мало ей сочувствовали. Произвели ее войска и такъ-называемая чернь—толпа ремесленниковъ, прислуга, дворники и чернорабочіе; евреи тоже принимали участіе. Тѣмъ не менѣе число повстанцевъ могло быть не велико и вѣроятно справедливо извѣстіе Зейме, который полагаетъ число дѣйствовавшихъ тогда поляковъ до 20,000.

Игельстромъ, вышедши изъ города, соединился съ пруссаками при Бабинцахъ, двинулся въ четыре часа къ Модлину и приказалъ поспѣшать къ себѣ отряду, стоявшему въ Прагѣ, вмѣстѣ съ лазаретомъ. Это было исполнено тѣмъ легче, что Прага совсѣмъ не волновалась во все продолженіе времени, когда Варшава расправлялась съ русскими.

На другой день по присоединеніи пражскаго отряда, Игельстромъ вышелъ изъ Модлина и двинулся къ Новому Двору, перешелъ Нареву и послѣ нѣсколькихъ переходовъ прибылъ къ Зегрину, и только здѣсь, $^{9}/_{20}$ апрѣля, узналъ о судьбѣ гарнизона, вышедшаго изъ Варшавы во время погрома, подъ начальствомъ генерала Новицкаго. Послѣдній съ своимъ отрядомъ находился въ Рычеволѣ близъ Вислы, недалеко отъ впаденія въ нее Пилицы. Игельстромъ собралъ отрядъ, стоявшій около Варшавы и сталъ въ Ловичѣ. Всего войска у него было до семи тысячъ.

Въ Варшавѣ, въ самый развалъ революціи, выбранъ вмѣсто президента, утвержденнаго русскими, Закржевскій, тотъ, который былъ уже президентомъ города во время конституціи 3-го мая. Макрановскій наименованъ начальникомъ мѣстной военной силы. На другой день по изгнаніи Игельстрома, $^{8}/_{19}$ апрѣля, составленъ актъ приступленія Мазовецкаго княжества къ акту краковскаго повстанія. Костюшко объявленъ главнымъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа, признанъ предначертанный въ Краковѣ Высочайшій Совѣтъ, а для Варшавы и Мазовецкаго княжества установленъ провизоріальный совѣтъ, который долженъ зависѣть отъ будущаго Высочайшаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Закржевскаго. Членами его были: Ксаверій Дзялынскій, Игнатій Заіончекъ, бывшій членъ гродненскаго сейма Шидловскій, Андрей Целковскій, Іосифъ Выбицкій, Янъ Гораинъ, Станиславъ Рафаловичъ, Фр. Макаровичъ, Мих. Вульфертъ, Фр. Такель, Фр. Готье и Янъ Килинскій. Это новое правительство, по своемъ составленіи, обратилось къ королю. Чрезъ своихъ двухъ депутатовъ оно объявило, что готово оказывать королю всякое уваженіе, но будетъ послушно только одному Костюшкѣ, про-

сило его благосклонности къ ихъ предпріятію и не покидать Варшавы. «Я не думаю выѣзжать изъ Варшавы — сказалъ король—благодарю васъ за изъявленіе любви и уваженія; никто болѣе меня не желаетъ добра отечеству, но вы прежде покажите, что вы уважаете религію, права собственности, различіе сословій, престолъ, однимъ словомъ, что вы не имѣете ничего общаго съ якобинами.»

По извѣстію Зейме, бывшаго тогда въ Варшавѣ и пряташагося въ домѣ Борха по сосѣдству съ главною русскою квартирою, поляки окончательно раздѣлались съ этимъ послѣднимъ домомъ уже утромъ въ субботу. Тамъ находилась толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ посольству, и нѣсколько солдатъ. Всѣ они сбились въ кучку въ одномъ изъ флигелей зданія. Неистовая толпа посполъства вырывала ихъ оттуда и убивала. Сидя за бочкою, нѣмецъ слышалъ крики и стоны умиравшихъ женщинъ и дѣтей.

На день пасхи водили русскихъ плѣнныхъ по улицамъ и ругались надъ ними, плевали на нихъ, издѣвались надъ ними. Когда одинъ русскій, вышедши изъ терпѣнія, сталъ отгрызаться отъ нихъ крѣпкими словами, за это какой-то молодецъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но попалъ не въ плѣнника, а въ польскаго офицера, который начальствовалъ надъ конвоемъ, провожавшимъ плѣнныхъ. Испугавшись, онъ бросилъ у ногъ плѣнника пистолетъ и закричалъ, что въ офицера выстрѣлилъ плѣнникъ. Толпа заревѣла, что всѣхъ плѣнныхъ надобно вырѣзать. Тутъ плѣнные, которыхъ было 18 человѣкъ, стали на колѣни, просили пощады, вопили, что можно наказывать одного, а не всѣхъ. Самъ командиръ хотѣлъ спасти ихъ, но чернь растерзала ихъ всѣхъ.

Послали къ Костюшкѣ курьера, извѣщали его о революціи, а между тѣмъ оказалось, что Варшава совсѣмъ не такъ единодушно принимала участіе въ революціи, какъ можно было подумать. На другой же день по образованіи провизоріальнаго совѣта, многіе бѣжали изъ столицы подъ защиту русскихъ войскъ: имъ легче было бросить свое имущество, даже оставить навсегда отечество, чѣмъ находиться подъ властію революціоннаго правительства. Свѣжій примѣръ французскаго конвента и комитета общественнаго благосостоянія стоялъ передъ ихъ глазами ужаснымъ пугаломъ. Они боялись, что открытіемъ революціи въ Польшѣ будетъ и здѣсь то же самое, что дѣлалось во Франціи. Варшавскія газеты извѣщали публику, что возстаніе было вызвано крайностію защиты; получены были депеши къ Игельстрому изъ Петербурга, съ повелѣніемъ обезоружить все войско и многихъ обывателей перебить, а другихъ заслать въ неволю.

Вслѣдъ за Варшавою возстаніе разразилось въ Вильнѣ. Несіоловскій, князь Антонъ Гедройцъ, Прозоръ и Петръ Завиша склонили тотчасъ на свою сторону стоявшаго тамъ съ бригадою Сулистровскаго и нѣкоторыхъ обывателей. Всѣ поклялись не покидать оружія, пока не очистятъ Литвы отъ москалей. Взяли въ плѣнъ каштеляна Коссаковскаго и его сына. Гедройцъ съ отрядомъ конницы (въ 800 человѣкъ, если вѣрить польскимъ извѣстіямъ) напалъ въ Шатахъ на польскій полкъ Коссаковскаго и побѣдилъ его; оттуда двинулся по дорогѣ въ Вильно; къ нему приставали обыватели и товарищи. Несіоловскій между тѣмъ вступилъ въ Вильковишки и разбилъ тамъ стоявшій отрядъ войска Коссаковскаго, и потомъ прибылъ въ Вильну.

Въ городѣ начальствовалъ русскимъ отрядомъ генералъ Арсеньевъ. Отрядъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, нарвскаго и псковскаго, одного батальона егерей, донскаго полка (Киреева) и четырехъ ротъ артиллеріи. Орудій было всего девятнадцать. Артиллеріею командовалъ маіоръ Тучковъ, только-что получившій команду вмѣсто полковника Челищева. Артиллерійскій паркъ расположенъ былъ въ полѣ, на Погулянкѣ. Польскія войска, находившіяся передъ возстаніемъ въ Вильнѣ, состояли изъ трехъ ротъ пѣхотныхъ полковъ (одна перваго и двѣ четвертаго), изъ артиллеріи, двухъ татарскихъ эскадроновъ и седьмого полка, прибывшаго уже наканунѣ возстанія въ городъ. Замокъ, арсеналъ, коммиссаріатъ были въ рукахъ поляковъ, какъ союзниковъ. Генералъ Арсеньевъ былъ человѣкъ безпечный и еще болѣе, чѣмъ Игельстромъ, способный поддаться вліянію поляковъ, тѣмъ болѣе, что подобно Игельстрому подпалъ подъ вліяніе польки, пани Володкевичъ. Энергичнѣе его дѣйствовалъ гетманъ Коссаковскій; по его стараніямъ были удалены нерасположенныя къ Россіи патріоты Бржостовскій, Радзишевскій, Грабовскій и ксендзъ Богушъ. Самъ онъ, какъ главный начальникъ литовскаго войска, арестовалъ нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и старался объ уменьшеніи своего войска; онъ былъ чрезвычайно ненавидимъ.

Главнымъ зачинщикомъ заговора явился тогда инженерный полковникъ Ясинскій, пламенный патріотъ, отважный фанатикъ, готовый на самыя крайнія мѣры, поклонникъ французскаго террора. Выѣхавши изъ Вильны, онъ успѣлъ склонить къ заговору трехъ полковниковъ съ ихъ полками, Мея, Несіоловскаго, князя Гедройца, и бригадира Хлевинскаго, и воротился въ Вильно.

Гетманъ Коссаковскій, подмѣтивъ, что Ясинскій затѣваетъ возстаніе, арестовалъ его. Но Ясинскій убѣжалъ, и скрываясь въ Вильнѣ у друзей, положилъ вмѣстѣ съ ними въ назначенную ночь

напасть на сонныхъ русскихъ, перебить ихъ или взять въ плѣнъ. Главные соумышленники его въ Вильнѣ были: нѣкто Хацкевичъ — извѣстный шулеръ, поручикъ Коллонтай, Бржостовскій, Поцѣй и др. Жолнѣры были подговорены снабдить обывателей оружіемъ. Подъ предлогомъ полученія жалованья они приходили на польскую гауптвахту и выносили оттуда подъ шинелью оружіе и раздавали обывателямъ. Въ ночь, когда надобно было начать рѣзню, заговорщики положили собраться въ замкѣ; жолнѣры должны были зарядить ружья и сверхъ того взять съ собою по заряженному пистолету. Оттуда они должны были идти кучками, по количеству русскихъ постовъ, и дожидаться сигнала. Пушечный выстрѣлъ на башнѣ замка долженъ былъ служить сигналомъ: всѣ, услышавши его, должны были броситься на русскихъ и бить ихъ, гдѣ и какъ попало.

Предъ взрывомъ возстанія носились слухи, что въ Вильнѣ готовится рѣзня. Факторъ-еврей, по прозвищу Гордонъ, указалъ Тучкову, что на домахъ, гдѣ квартируютъ русскіе, были буквы RZ, а надъ воротами Тучкова: № 13. Тучковъ донесъ объ этомъ Арсеньеву, но тотъ сказалъ: «это шалость какихъ-нибудь повѣсъ», и приказалъ плацъ-маіору Багоуту стереть ихъ. Тучковъ однако принялъ предосторожности, поставилъ караулъ у парка и велѣлъ держать горящіе фитили при орудіяхъ. Арсеньевъ, обманываемый поляками, даже разсердился на Тучкова за принятіе этихъ мѣръ предосторожности въ артиллерійскомъ паркѣ, и говорилъ: «не стыдно ли вамъ бояться поляковъ», и запретилъ жечь напрасно фитили, но Тучковъ велѣлъ держать ихъ горящими въ латунныхъ фонаряхъ, чтобъ начальникъ не зналъ, а все-таки не оставилъ предосторожностей.

Наступила пасха, случившаяся въ этотъ годъ въ одинъ день у православныхъ и католиковъ. Между русскими и поляками начались недоразумѣнія и драки. Люди, желавшіе себя успокоить, приписывали это пьянству, обычному обоимъ народамъ въ такой торжественный праздникъ.

Въ этотъ день прибѣжалъ въ городъ гетманъ Коссаковскій; онъ былъ недалеко отъ Вильны въ Яновѣ, у своего брата, и намѣревался тамъ пробыть до Ѳоминой недѣли. Вдругъ вечеромъ въ великую субботу напалъ на яновскую усадьбу генералъ Хлевинскій, съ цѣлію схватить гетмана. Но гетманъ успѣлъ убѣжать черезъ калитку, которая выходила въ узкую улицу деревни и, вскочивъ во дворъ къ одному крестьянину, сѣлъ на его лошадь и убѣжалъ къ пріятелю сосѣду, а у послѣдняго взялъ повозку и поѣхалъ наскоро въ Вильну. Онъ пріѣхалъ туда уже поздно на первый день пасхи. Въ понедѣльникъ, 11-го (22-го апрѣля),

гетманъ собралъ войсковую коммиссію, и говорилъ: «принимайте мѣры; войско бунтуетъ, возстаніе вспыхнетъ если не сегодня, такъ завтра, и наша кровь польется по улицамъ». Оттуда онъ отправился къ Арсеньеву, жившему въ палацѣ Паца, на Замковой улицѣ. «Надобно скорѣе русскимъ войскамъ выходить въ лагерь, сказалъ онъ. Поляки взбунтовались. Вамъ самому грозитъ опасность».

«Правила, наблюдаемыя въ россійскомъ войскѣ, сказалъ Арсеньевъ, не дозволяютъ выводить войско въ лагерь раньше 15-го мая. Я не вижу никакой опасности въ Вильнѣ.»

Когда Коссаковскій разсказалъ ему о своемъ приключеніи, Арсеньевъ смѣялся и говорилъ: «вы напрасно струсили».

Вечеромъ Ясинскій назначилъ заговорщикамъ сборище въ Зарѣчьѣ, въ саду, гдѣ часто собиралась молодежь пить пиво. Туда привезли и артиллерію. Тамъ условились, какъ овладѣть гауптвахтою, и арестовать генераловъ и офицеровъ.

Въ половинѣ перваго ночью раздался пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ затѣмъ ударили по костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны. Выстрѣлы пошли одни за другими чаще и чаще. Раздались крики: do broni, do broni! Заговорщики, одни съ ружьями, другіе съ кольями, саблями, ножами, бѣжали по разнымъ улицамъ, толпы ихъ на каждомъ шагу умножались пристававшими къ нимъ жителями; иные изъ послѣднихъ ждали условнаго знака, другіе ничего не ждали, но, внезапно пробужденные, поняли, что происходитъ и тотчасъ увлеклись давно сдержаннымъ чувствомъ. Маіоръ Собецкій съ жолнѣрами седьмого полка бѣжалъ къ ратушѣ и напалъ на гауптвахту, перебилъ часть русскихъ, которые тамъ находились, другіе отдались въ плѣнъ. Поляки взяли восемь орудій (не входившихъ въ число девятнадцати, которыя были въ паркѣ на Погулянкѣ). Офицеръ Хелкевичъ съ двадцатью заговорщиками напалъ на Арсеньева, приказалъ дать залпъ по окнамъ и закричалъ: «весь батальонъ впередъ»! Арсеньевъ тотчасъ закричалъ пардонъ. По однимъ извѣстіямъ, русскій генералъ былъ схваченъ на Антоколѣ, въ домѣ госпожи, съ которою любезничалъ. По другимъ—Арсеньевъ захваченъ въ собственной квартирѣ. Ясинскій прибѣжалъ къ нему, взялъ его подъ руки и сказалъ: «господинъ генералъ! Таковъ жребій войны. Вы арестованы, но за вашу доброту и благородство вы будете въ сердцахъ нашихъ уважаемы и любимы». Подполковникъ Гурскій, которому онъ передалъ его, увелъ его въ арсеналъ для помѣщенія подъ стражею.

Схваченъ полковникъ Языковъ, комендантъ Ребокъ, взяты русскіе чиновники. Взяли гетмана Коссаковскаго, Швейковскаго

и другихъ сторонниковъ и совѣтниковъ тарговицкой конфедераціи. У гетмана на караулѣ стояло двѣнадцать карабинеровъ. Когда заговорщики приблизились къ его дому, гетманъ приказалъ стрѣлять изъ оконъ, а самъ съ пистолетомъ въ рукѣ бросился по задней лѣстницѣ и встрѣтилъ на ней своего адъютанта Михаловскаго. «Бунтъ»! закричалъ гетманъ. Но Михаловскій отвѣчалъ ему ударомъ въ лицо. Коссаковскій повернулъ назадъ вверхъ по лѣстницѣ, убѣжалъ на чердакъ и спрятался за трубу. Заговорщики искали его по всему дому, наконецъ нашли, вытащили и отправили въ арсеналъ. Другой адъютантъ его, Рудзинскій, хотѣлъ его защищать и былъ застрѣленъ. Гетмана вели на веревкѣ, при неистовыхъ крикахъ толпы, и награждали его пинками и плевками, какъ предателя отечества.

Страхъ неожиданности поразилъ русскихъ до того, что они потеряли присутствіе духа. Иные прятались въ печи, другіе надѣвали женское платье. Такимъ образомъ, взяли въ плѣнъ, кромѣ вышеозначенныхъ господъ, пять маіоровъ, четырехъ капитановъ, одиннадцать поручиковъ, восемь подпоручиковъ, одного адъютанта, двѣнадцать прапорщиковъ и 964 нижнихъ чиновъ. Всѣхъ ихъ заперли въ костелъ св. Казимира (нынѣшній соборъ Николая Чудотворца), откуда Ясинскій приказалъ вынести св. Дары.

Тучковъ, выскочивъ изъ своей квартиры, сѣлъ на лошадь и рѣшился пробиться на Погулянку, къ своему парку. У рогатки поляки остановили его и кричали: дай гасло! Тучковъ попытался сказать вразумительное слово, но поляки смекнули, что это русскій и бросились на него изъ сторожки. Тучковъ повернулъ назадъ, пришпорилъ лошадь и бросился въ глухой переулокъ вмѣстѣ съ однимъ гусаромъ. Такъ какъ изъ переулка выхода не было, то они развалили плетень, огораживавшій дворы, переводили чрезъ него лошадей за поводья, перебрались черезъ дворы и такимъ образомъ выбрались изъ города и достигли парка. Мало-по-малу сходились къ Тучкову русскія роты, которыя также, какъ Тучковъ, за невозможностію проѣхать чрезъ рогатку, пробивались сквозь заборы дворовъ. Одна изъ этихъ ротъ дралась съ поляками въ городѣ на штыкахъ и положила много поляковъ, но отъ нея самой осталось всего сорокъ человѣкъ.

Тучковъ началъ бомбардировать городъ. Въ Вильнѣ сдѣлался пожаръ. Поляки, увидя, откуда имъ угрожаетъ опасность, отправили противъ Тучкова одну за другою команды, но казаки заманивали ихъ подъ орудія, которыя угощали ихъ картечью. Между тѣмъ въ монастырѣ, находившемся въ предмѣстьѣ, канониры, подмѣтивъ складъ пороха, донесли Тучкову и, по его приказанію, зажгли его.

Остатки русскихъ убѣжали изъ города къ Тучкову, и привели взятаго въ плѣнъ служившато въ польской службѣ, родомъ прусскаго нѣмца, маіора Теттау, который имѣлъ предписаніе арестовать Тучкова. Прибывшіе съ нимъ русскіе успѣли даже захватить съ собой припасовъ и въ томъ числѣ свяченаго (пасхальныхъ освященныхъ снѣдей), котораго по обычаю много приготовили поляки у себя въ домахъ. Около полудня собралось на Погулянкѣ ускользнувшихъ отъ избіенія и плѣна въ Вильнѣ тысячъ около двухъ съ двумя стами человѣкъ, считая деньщиковъ, слугъ и всякаго званія русскихъ людей. Арсеньевъ, находясь въ плѣну, прислалъ къ Тучкову русскаго плѣннаго офицера въ сопровожденіи польскаго офицера, съ запискою такого содержанія:

«Я арестованъ. Жизнь моя въ опасности; не затѣвайте съ поляками никакого дѣла».

«Мы знаемъ, — сказалъ полякъ, — что въ Варшавѣ русское войско истреблено и уже во всей Польшѣ только и остается русскаго войска, что вашъ отрядъ». То же подтвердилъ и русскій плѣнный, приведенный полякомъ.

Тучковъ отписалъ Арсеньеву такъ:

«Я не дамъ себя арестовать полякамъ. Честь и жизнь мою буду защищать до послѣдней капли крови. Не я одинъ, а всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, которыми я имѣю честь начальствовать, одного со мною мнѣнія».

Послѣ подписи Тучкова, подписали эту записку, въ знакъ единомыслія съ нимъ, и всѣ офицеры, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и трое грамотныхъ изъ рядовыхъ.

Наперекоръ просьбѣ Арсеньева, Тучковъ усилилъ бомбардированіе Вильны. Противъ него выходили поляки изъ города, съ цѣлію захватить или прогнать русскую артиллерію, но убѣгали назадъ, поражаемые изъ орудій.

Между тѣмъ, въ продолженіе всего этого дня Тучковъ дѣлалъ приготовленія къ отступленію. Для запряжки лошадей подъ орудія употреблялись, за недостаткомъ хомутовъ, свернутые и связанные въ видѣ клещей солдатскіе плащи.

Не зная, что Тучковъ собирается уходить, жители Вильны пришли отъ непріятельской бомбардировки въ такое смятеніе, что близки были къ потерѣ духа и къ сдачѣ. Тутъ Ясинскій далъ приказаніе всѣмъ, подъ страхомъ смерти, зажечь въ каждомъ окнѣ по двѣ свѣчи и всѣмъ собираться на рынокъ съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ, хотя бы съ дубиной или кочергою, подѣлилъ ихъ на отряды и высылалъ партіями за разныя городскія ворота, готовясь къ битвѣ. Но страхъ и заботы

его были напрасны. Тучковъ оставилъ горящіе костры на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и приказалъ, для бо́льшаго впечатлѣнія, зажечь корчму, чтобы жители думали, что онъ остается тамъ, гдѣ былъ, и не оставляетъ намѣренія вредить городу, а между тѣмъ отступилъ на Понарскія высоты. Путь шелъ по яру. Дорога была вязка и узка; русскіе шли посреди зарослей, посреди обрывовъ. Лошади, непривычныя къ запряжкѣ подъ пушки, бились и падали. Люди должны были везти орудія на себѣ. Къ разсвѣту они достигли Понарской горы, а тамъ должны были переправляться черезъ рѣку Ваку. Здѣсь прислали къ Тучкову извѣстіе отъ князя Циціанова изъ Гродно, о томъ, что отрядъ, стоявшій въ Гродно, цѣлъ и желаетъ, чтобы Тучковъ примкнулъ къ нему поскорѣе. Тучковъ ускорилъ маршъ къ Гродно. За нимъ по слѣдамъ погнался полковникъ Гедройцъ. Они встрѣтились въ лѣсу, пушки у русскихъ были лучше, чѣмъ у поляковъ, и послѣдніе, потерявъ достаточное число людей, перестали нападать. Тучковъ благополучно добрался до Гродно.

Отрядъ князя Циціанова въ Гродно также былъ приговоренъ къ избіенію, какъ отряды, находившіеся въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, но его спасъ одинъ расторопный и храбрый казакъ, убѣжавшій изъ Варшавы. Когда тамъ началось избіеніе русскихъ, онъ ускакалъ, пробрался въ Гродно, и раньше почты извѣстилъ Циціанова. Приняты мѣры предосторожности. Вслѣдъ затѣмъ пришла почта. Ее вскрыли и нашли письма къ заговорщикамъ, гдѣ имъ предписывалось начать рѣзню надъ русскими. Заговорщиковъ переловили въ одномъ монастырѣ, сломали мостъ на Нѣманѣ и вышли изъ города въ лагерь. За казакомъ пришло въ Гродно другое извѣстіе: шелъ туда батальонъ королевской гвардіи съ тѣмъ, чтобы напасть врасплохъ на русскихъ, но увидѣлъ, что мостъ на Нѣманѣ сломанъ, и повернулъ назадъ. Циціановъ стоялъ за городомъ и дожидался Тучкова. По прибытіи его, оба отряда соединились, и Тучковъ вмѣстѣ съ Циціановымъ входилъ въ Гродно съ музыкою, ведя за собою плѣнныхъ поляковъ съ ихъ знаменемъ; русскіе офицеры слышали, какъ польскія дамы, стоя на балконахъ, громко говорили: «вотъ идутъ россійские недорѣзки!»

Тучковъ съ своимъ отрядомъ поспѣшно сдѣлалъ нѣсколько движеній и присоединился къ другому отряду русской арміи, генералъ-поручика Кнорринга.

Въ Вильнѣ какъ только узнали, что Тучковъ ушелъ, созвано было народное собраніе на рынкѣ: оглашено революціонное устройство. Нѣкто Бялопіотровичъ, казистый мужчина, одаренный крѣпкимъ горломъ, по приказанію Ясинскаго, прочиталъ

всенародно актъ литовскаго повстанья, объявилъ, что девизомъ его будутъ слова, произнесенныя въ Краковѣ Костюшкою: «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Ясинскій, руководитель заговора, былъ наименованъ начальникомъ вооруженной народной силы въ Литвѣ. Составился литовскій высочайшій совѣтъ. Учреждался уголовный судъ, первая необходимость торжествующей революціи: всегда въ такихъ случаяхъ является охота и потребность вспрыснуть ее кровью.

Въ тотъ же день вечеромъ, увидали жители Вильны, какъ плотники навезли дерева къ гауптвахтѣ близъ ратуши, и построили изъ него висѣлицу, примкнувъ ее къ фонарю. Такъ приказано было изъ подражанія французамъ, у которыхъ тогда въ модѣ было вздергивать на фонарь лицъ (à la lanterne), объявленныхъ врагами отечества. Въ четвергъ, въ три часа пополудни, толпа народа собралась около этого мѣста. Отъ арсенала шли жолнѣры съ барабаннымъ боемъ; за ними въ каретѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, везли послѣдняго литовскаго гетмана. Онъ былъ одѣтъ въ желтомъ шлафрокѣ, опушенномъ бѣлымъ смушкомъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его схватили ночью. По сторонамъ кареты ѣхали конные. Трубачи играли маршъ. Зрители наполняли не только окна, но и кровли домовъ. Когда карета приблизилась, Ясинскій выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ панами Ніосоловскимъ и Тизенгаузомъ, и обратившись къ народу, сказалъ:

«Милостивые государи! Здѣсь будетъ происходить событіе, о которомъ запрещается разсуждать. Нравится ли оно кому изъ васъ, или нѣтъ, извольте молчать, а кто подниметъ голосъ, тотъ будетъ повѣшенъ на этой висѣлицѣ».

Сказавши это, онъ поѣхалъ назадъ къ гауптвахтѣ.

Жолнѣры составили каре. Глубокое молчаніе господствовало въ народѣ, сообразно предупрежденію Ясинскаго.

Передъ каретой выѣхалъ верхомъ на бѣломъ конѣ инстигаторъ (обвинитель) новаго уголовнаго суда, адвокатъ Эльснеръ, и развернувъ бумагу, читалъ приговоръ.

Коссаковскій обвинялся въ томъ, что оказывалъ содѣйствіе иноземнымъ интригамъ противъ Польши и варварству иноземныхъ государствъ, старался вмѣстѣ съ тарговицкою конфедераціею уничтожить народную конституцію, преслѣдовалъ нехотѣвшихъ вступить въ конфедерацію, присвоилъ себѣ званіе литовскаго гетмана и растрачивалъ казенное достояніе на пользу тарговицкой шайки и на свои собственныя потребности. За это онъ присуждался къ лишенію чести, имущества и къ повѣшенію.

Эльснеръ, прочитавши эти слова, отъѣхалъ.

Тогда бернардинскій монахъ вошелъ въ карету исповѣдовать осужденнаго. Палачъ между тѣмъ уже взлѣзъ на висѣлицу поднимать въ свое время вверхъ петлю съ повѣшеннымъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ исповѣди въ каретѣ, бернардинъ вышелъ оттуда, и стоявшіе близъ кареты гицели [1]) вывели подъ руки литовскаго гетмана. Онъ хотѣлъ сказать народу прощальное слово, но чуть открылъ ротъ, какъ раздался крикъ: «нельзя! нельзя! барабанщикъ, бей въ барабанъ!» Гицели сняли съ него его желтый халатъ, посадили на кресло, связали назадъ руки. Послѣдній литовскій гетманъ еще попытался-было блеснуть предсмертнымъ краснорѣчіемъ. Но опять закричали: «нельзя»! и забарабанили еще громче прежняго. Палачъ дурно охватилъ петлею его жирную шею. Гетманъ нѣсколько минутъ томился и бился подъ барабанный бой.

Когда не стало въ немъ признаковъ жизни, молчаніе прервалось, и кто-то осмѣлился крикнуть: виватъ! Такъ какъ Ясинскій не показалъ за это своего гнѣва, то и другіе кое-кто повторили то же, а вслѣдъ за ними множество голосовъ залпомъ крикнули: виватъ!

Тѣло гетмана безъ гроба зарыто было нарочно неглубоко, такъ что собаки откопали его и растерзали.

Черезъ нѣсколько дней, $^{15}/_{26}$ апрѣля изданъ былъ универсалъ ко всей Литвѣ. Въ немъ извѣщалось объ установленіи въ Вильнѣ высочайшаго совѣта для великаго княжества литовскаго, требовалось, чтобы всѣ мѣстныя власти и учрежденія подчинялись ему исключительно и безусловно.

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Такъ назывались служители, исполнявшіе низкія работы, напр., бйди собакъ и пр., они служили помощниками палачей.

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ

РАЗСКАЗЪ.

... Лѣтъ пятнадцать тому назадъ—началъ г-нъ X..., обязанности службы заставили меня прожить нѣсколько дней въ губернскомъ городѣ Т.... Я остановился въ порядочной гостинницѣ, устроенной за полгода до моего пріѣзда разбогатѣвшимъ портнымъ изъ евреевъ. Говорятъ — она процвѣтала недолго, что̀ у насъ весьма обыкновенно; но я засталъ ее еще въ полномъ блескѣ: новыя мебели стрѣляли по ночамъ какъ изъ пистолетовъ, постельное бѣлье, скатерти и салфетки пахли мыломъ, а отъ крашеныхъ половъ несло олифой, что̀ впрочемъ, по мнѣнію полового, человѣка весьма изящнаго, хоть и не совсѣмъ опрятнаго, препятствовало распространенію насѣкомыхъ. Половой этотъ, бывшій камердинеръ князя Г., отличался развязностію обращенія и самоувѣренностію; ходилъ постоянно во фракѣ съ чужого плеча и стоптанныхъ башмакахъ, носилъ подъ мышкой салфетку и множество угрей на щекахъ, и свободно размахивая потными руками, произносилъ короткія, но внушительныя рѣчи. Онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторое покровительство, какъ человѣку способному оцѣнить его образованность и знаніе свѣта; но на собственную судьбу взиралъ нѣсколько разочарованнымъ окомъ. — «Извѣстно, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — какое наше теперь положеніе? За хвостъ, да на солнце!» Звали его Ардаліономъ.

Мнѣ предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ чиновнымъ лицамъ города. Тотъ-же Ардаліонъ досталъ мнѣ коляску и лакея,

одинаково развинченныхъ и истертыхъ: но на лакеѣ была ливрея— а коляску украшали гербы. Окончивъ всѣ оффиціальныя посѣщенія, я заѣхалъ къ одному помѣщику, старинному знакомому моего отца, съ давнихъ поръ поселившемуся въ городѣ Т.... Я съ нимъ лѣтъ двадцать не видался; онъ успѣлъ жениться, развести порядочное семейство, овдовѣть и разбогатѣть. Онъ занимался откупами, то-есть, ссужалъ откупщиковъ залогами за крупные проценты.... «Рискъ—благородное дѣло!» впрочемъ, и риску было мало. Въ теченіи нашей бесѣды, въ комнату, нерѣшительнытъ, но легкими шагами, словно на ципочкахъ, вошла дѣвушка лѣтъ семнадцати, тоненькая и худенькая. «Вотъ, сказалъ мнѣ мой знакомый, старшая моя дочь, Софи, рекомендую; замѣнила мнѣ покойницу; хозяйничаетъ въ домѣ, за братьями и сестрами наблюдаетъ». Я вторично поклонился вошедшей дѣвушкѣ (она между тѣмъ, молча, опустилась на стулъ), и подумалъ про себя, что на хозяйку, на воспитательницу она мало похожа. Лицо у ней было совсѣмъ дѣтское, круглое, съ маленькими, пріятными, но неподвижными чертами; голубые глазки, подъ высокими, то же неподвижными, неровными бровями, глядѣли внимательно, почти изумленно, точно они начинали замѣчать что-то для нихъ неожиданное; пухлый ротикъ съ приподнятой верхней губой, не только не улыбался, но казалось, не имѣлъ этой привычки вовсе; на щекахъ, нѣжными продолговатыми пятнами, не прибавляясь и не уменьшаясь, стояла розовая кровь подъ тонкой кожей. Пушистые бѣлокурые волосы висѣли легкими гроздьями съ обѣихъ сторонъ небольшой головы. Грудь дышала тихо и руки какъ-то неловко и строго прижимались къ узкому стану. Голубое платье падало безъ складокъ — по-дѣтски — на маленькія ножки. Общее впечатлѣніе, производимое этой дѣвушкой, было не то, чтобы болѣзненное, но загадочное. Я видѣлъ передъ собою не просто робѣвшую провинціальную барышню, но существо съ особеннымъ, для меня неяснымъ отпечаткомъ. Оно меня не привлекало и не отталкивало; я его не вполнѣ понималъ и только чувствовалъ, что мнѣ еще не удавалось встрѣтить болѣе искреннюю душу. Жалость.... да! Жалость возбуждала во мнѣ эта молодая, серьезная, настороженная жизнь—Богъ вѣдаетъ почему! «Не отъ земли сея», думалось мнѣ, хотя собственно въ выраженіи лица не было ничего «идеальнаго», и хотя въ гостинную mademoiselle Sophie очевидно появилась для того, чтобы исполнить роль хозяйки, на которую намекалъ ея отецъ.

Онъ началъ говорить о жизни въ городѣ Т., объ общественныхъ удовольствіяхъ и удобствахъ, доставляемыхъ ею. «У насъ смирно, замѣтилъ онъ, губернаторъ меланхоликъ, губернскій предводитель — холостякъ. А впрочемъ, послѣзавтра въ дворянскомъ собраніи большой балъ. Совѣтую съѣздить: здѣсь не безъ красавицъ. Ну и всю нашу *интеллигенцію* вы увидите».

Мой знакомый, какъ человѣкъ нѣкогда обучавшійся въ университетѣ, любилъ употреблять выраженія ученыя. Онъ произносилъ ихъ съ ироніей, но и съ уваженіемъ. Притомъ извѣстно, что занятіе откупами, вмѣстѣ съ солидностію, развивало въ людяхъ нѣкоторое глубокомысліе.

— Позвольте спросить, вы будете на этомъ балѣ? обратился я къ дочери моего знакомаго. Мнѣ хотѣлось услыхать звукъ ея голоса.

— Папенька намѣренъ поѣхать, отвѣчала она, и я съ нимъ.

Голосъ у ней оказался тихій и медленный, и выговаривала она каждое слово, точно недоумѣвала.

— Въ такомъ случаѣ позвольте пригласить васъ на первую кадриль.—Она наклонила голову въ знакъ согласія, но и тутъ не улыбнулась.

Я вскорѣ удалился, и, помнится, взглядъ ея глазъ, пристально на меня устремленныхъ, показался мнѣ до того страннымъ, что я невольно посмотрѣлъ себѣ черезъ плечо, ужъ не видитъ ли она кого-нибудь, или что-нибудь у меня за спиною?

Вернувшись въ гостинницу и пообѣдавъ неизмѣннымъ «супъ-жульенъ», котлетами съ горошкомъ и просушеннымъ до черноты рябчикомъ, я присѣлъ на диванъ и предался размышленіямъ. Предметомъ ихъ была эта Софія, эта загадочная дочь моего знакомаго; но убиравшій со стола Ардаліонъ растолковалъ по своему мою задумчивость. Онъ приписалъ ее скукѣ.

— Оченно у насъ въ городѣ мало развлеченій для господъ проѣзжающихъ, заговорилъ онъ съ обычной развязной снисходительностію, въ то же время продолжая похлопывать грязной салфеткой по спинкамъ стульевъ; это похлопываніе, какъ извѣстно, свойственно однимъ лишь образованнымъ слугамъ. «Очень мало!» Онъ помолчалъ, а громадные стѣнные часы, съ лиловой розой на бѣломъ циферблатѣ, своимъ однообразнымъ и сиплымъ чиканіемъ то же какъ бы подтверждали его слова. «О...чень! о-чень!» щелкали они. «Ни концертовъ никакихъ, ни театровъ», продолжалъ Ардаліонъ (онъ ѣздилъ съ своимъ бариномъ за границу,

и чуть ли не побывалъ въ Парижѣ; онъ хорошо зналъ, что одни мужики говорятъ: кіятръ), «ни танцовъ напримѣръ или вечернихъ пріемовъ между господами дворянами, ничего этого не существуетъ». (Онъ остановился на мгновеніе, вѣроятно для того, чтобы дать мнѣ замѣтить отборность своего слога). «Даже другъ друга видятъ рѣдко. Сидитъ каждый у себя на тычкѣ, какъ «кѐтикъ» какой. И выходитъ, что заѣзжимъ посѣтителямъ дѣваться бываетъ—просто некуда».

Ардаліонъ глянулъ на меня изкоса.

— Развѣ вотъ что̀, продолжалъ онъ съ разстановкой. Въ случаѣ, если имѣется такое ваше расположеніе....

Онъ вторично глянулъ на меня и даже усмѣхнулся, но, должно быть, надлежащаго расположенія во мнѣ не замѣтилъ.

Изящный слуга подошелъ къ двери, подумалъ, вернулся, и, помявшись немного на мѣстѣ, нагнулся къ моему уху и съ игривой улыбкой промолвилъ:

— Не желаете ли вы мертвыхъ видѣть?

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да, продолжалъ онъ уже шопотомъ; у насъ есть тутъ такой человѣкъ. Изъ простыхъ мѣщанъ и даже безграмотный, а дѣла совершаетъ чудныя. Если, напримѣръ, вы къ нему отъявитесь и пожелаете увидать какого-ни-на-есть покойника изъ вашихъ знакомыхъ, онъ вамъ его безпремѣнно покажетъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Это ужъ его секретъ. Потому хотя онъ и человѣкъ безграмотный, прямо сказать: безсловесный, но въ божественности очень силенъ! Большое отъ купечества къ нимъ уваженіе!

— И всѣмъ это въ городѣ извѣстно?

— Кому нужно—знаютъ-съ; ну, а конечно, отъ полиціи спасеніе соблюдается. Потому, что̀ ни толкуй, дѣла̀ все-таки запрещенныя, и для простого народа—соблазнъ; простой народъ—чернь, значитъ, извѣстно — сейчасъ въ кулаки!

— Вамъ онъ мертвецовъ показывалъ? спросилъ я Ардаліона. Такого образованнаго смертнаго я не рѣшался «тыкать».

Ардаліонъ качнулъ головою.—Показывалъ-съ; родителя какъ живого представилъ.

Я уставился на Ардаліона. Онъ посмѣивался и наигрывалъ салфеткой—и снисходительно, но съ твердостью, поглядывалъ на меня.

— Да это очень любопытно! воскликнулъ я наконецъ. Нельзя ли мнѣ съ этимъ мѣщаниномъ познакомиться?

— Съ ними прямо никакъ нельзя-съ; а черезъ ихнюю мамыньку нужно дѣйствовать. Старушка почтенная; на мосту мочеными яблоками торгуетъ. Если прикажете, я ее спрошу-съ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Ардаліонъ кашлянулъ въ руку. И благодарность, какую вы положите, небольшую, разумѣется, то же ей вручить слѣдуетъ, той самой старушкѣ. А я съ своей стороны ей доложу-съ, что опасаться васъ нечего, такъ какъ вы господинъ заѣзжій, баринъ—ну и конечно можете понимать, что сіе есть тайна, и до непріятности ни въ какомъ случаѣ ее не доведете.

Ардаліонъ взялъ подносъ въ одну руку и, граціозно виляя и собственнымъ станомъ и подносомъ, направился къ двери.

— Такъ я могу на васъ надѣяться? крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Будьте благонадежны! раздался его самоувѣренный голосъ. Побесѣдуемъ со старушкой и отвѣтъ вамъ передадимъ въ аккуратѣ.

Не стану распространяться о томъ, какія мысли возбудилъ во мнѣ необычайный фактъ, сообщенный Ардаліономъ; но готовъ сознаться, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго отвѣта. Поздно вечеромъ вошелъ ко мнѣ Ардаліонъ и объявилъ свою досаду: онъ не могъ отыскать старушку. Я все-таки, въ видахъ поощренія, вручилъ ему трехъ-рублевую бумажку. На слѣдующее утро онъ снова, и съ радостнымъ лицомъ, явился въ мою комнату: старушка соглашалась на свиданіе со мною.

— Эй! мальчуга! крикнулъ Ардаліонъ въ корридорѣ; мастеровой! Поди-ка сюда! Вошелъ младенецъ лѣтъ шести, весь перепачканный въ сажѣ какъ котенокъ, съ остриженной, мѣстами даже голой головой, въ изорванномъ полосатомъ халатѣ и огромныхъ калошахъ на босу ногу. Вотъ ты ихъ проведешь, куда знаешь, промолвилъ Ардаліонъ, обращаясь къ «мастеровому» и указывая на меня. А вы, господинъ, какъ придете, спросите Мастридію Карповну. Мальчикъ издалъ сиплый звукъ, и мы отправились.

Мы шли довольно долго по немощенымъ улицамъ города Т.; наконецъ, въ одной изъ нихъ, едвали не самой пустынной и унылой, мой вожатый остановился передъ ветхимъ двухъ-этажнымъ деревяннымъ домикомъ и, утеревъ носъ всѣмъ рукавомъ халата, проговорилъ:

«Здѣся; на право ступайте». Я вошелъ черезъ крылечко въ

сѣни, толкнулся на право: низенькая дверь завизжала на ржавыхъ петляхъ, и я увидѣлъ передъ собою толстую старушку въ коричневой, зайцемъ подбитой кацавейкѣ и пестромъ платочкѣ на головѣ.

— Мастридія Карповна? спросилъ я.

— Она самая и есть, отвѣчала мнѣ старушка пискливымъ голоскомъ. Милости просимъ. На стульчикъ не угодно-ли?

Комната, въ которую ввела меня старушка, была до того завалена всякимъ хламомъ, тряпьемъ, подушками, перинами, мѣшками, что повернуться въ ней почти не было возможности. Солнечный свѣтъ едва пробивался сквозь два запыленные окошка; въ одномъ углу, за грудой наставленныхъ другъ на дружку коробовъ, слабо охалъ и жаловался... неизвѣстно кто: быть можетъ, больной ребенокъ, а быть можетъ—щенокъ. Я усѣлся на стулъ, а старушка стала прямо передъ мною. Лицо у ней было жолтое, полупрозрачное, какъ восковое; губы до того ввалились, что среди множества морщинъ представляли одну, поперечную; клокъ бѣлыхъ волосъ торчалъ изъ-подъ головного платка, но воспаленные, сѣрые глазки умно и бойко выглядывали изъ-подъ нависшей, лобовой кости; а заостренный носикъ такъ и выдавался шиломъ, такъ и нюхалъ воздухъ: плутъ-молъ я! Ну! ты баба не промахъ! подумалось мнѣ; притомъ же отъ нея попахивало водочкой.

Я объяснилъ ей причину моего посѣщенія, которая впрочемъ, какъ я замѣтилъ, должна была ей быть извѣстной. Она выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще вострѣе выдвинула свой носъ, словно клюнуть имъ собиралась.

— Такъ-съ, такъ-съ, заговорила она наконецъ; Ардаліонъ Матвѣичъ намъ сказывали-съ, точно-съ; вамъ сыночка моего, Васиньки, искусство понадобилось.... Только сумлѣваемся мы, государь мой.....

— Отчего же? перебилъ я. На мой счетъ вы можете быть совершенно спокойны.... Я не доносчикъ.

— Охъ, батюшка вы мой, поспѣшно подхватила старушка; что̀ вы это? Смѣемъ мы про ваше благородіе такое думать! Да и доносить-то на насъ съ какой стати? Развѣ мы что̀ грѣшное затѣваемъ? Не таковскій мой сыночекъ, батюшка, чтобы ему на какое нечистое дѣло согласиться,... или какимъ колдовствомъ баловаться.... да сохрани Богъ, мать пресвятая Богородица! Старушка три раза перекрестилась. По всей губерніи первый постникъ и молельщикъ; первый, батюшка вы мой, ваше благородіе! А это точно—милость его посѣтила великая. Чтожъ? Это дѣло не его рукъ. Это, голубчикъ мой, свыше; да.

— Такъ вы согласны? спросилъ я; когда я могу съ вашимъ сыномъ повидаться?

Старушка опять заморгала глазами и раза два перепихнула скатанный носовой платокъ изъ рукава въ рукавъ. Охъ, государь мой, государь мой, сумлѣваемся мы....

— Позвольте, Мастридія Карповна, вручить вамъ слѣдующее, перебилъ я ее, и подалъ ей десятирублевую бумажку.

Старушка тотчасъ схватила ее своими пухлыми кривыми пальцами, напоминавшими мясистыя когти совы, проворно засунула ее въ рукавъ, подумала немного и, какъ бы внезапно рѣшившись, хлопнула себя обѣими ладонями по ляшкамъ.

— Приходи сюда сегодня вечеромъ, въ восьмомъ часу, заговорила она не своимъ обычнымъ, а другимъ, болѣе важнымъ и тихимъ голосомъ: только не въ эту комнату, а прямо изволь подняться во второй этажъ; и будетъ тебѣ дверь на лѣво, и ты ту дверь отвори; и войдешь ты, ваше благородіе, въ пустую комнату и въ той комнатѣ увидишь стулъ. Сядь ты на этотъ стулъ и жди; и что̀ бы ты ни видѣлъ, никакихъ словъ не произноси и не дѣлай ничего; и съ сыночкомъ моимъ то же не изволь разговаривать; потому — онъ еще младъ, да и онъ же у меня въ падучкѣ. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется, словно цыпленокъ какой.... бѣда!

Я посмотрѣлъ на Мастридію. Вы говорите онъ молодъ, но коли онъ вашъ сынъ....

— По духу, батюшка, по духу! Много у меня сиротъ-то! прибавила она, мотанувъ головою въ направленіи угла, откуда раздавался жалобный пискъ. О-охъ, Господи Боже ты мой, пресвятая мать Богородица! А вы, батюшка мой, ваше благородіе, прежде чѣмъ сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вамъ изъ вашихъ покойныхъ сродственниковъ или знакомыхъ, царство имъ небесное! увидѣть желательно. Переберите своихъ покойничковъ, и котораго выберете, такъ ужъ его въ умѣ держите, все держите, пока сыночекъ придетъ!

— А развѣ я не долженъ сказать вашему сыну, кого именно...

— Ни, ни, батюшка, ни единаго слова. Онъ самъ въ вашихъ мысляхъ откроетъ, что̀ ему нужно. А вы только знакомца вашего хороше..енько въ умѣ держите; да за обѣденнымъ столомъ винца выпейте — стаканчика два, три; винцо никогда не мѣшаетъ. Старуха разсмѣялась, облизнулась, провела рукою по рту и вздохнула.

— Такъ въ половинѣ восьмого? спросилъ я, поднимаясь со стула.

— Въ половинѣ восьмого, батюшка, ваше благородіе; въ половинѣ восьмого, успокоительно отвѣчала Мастридія Карповна.

Я простился со старухой и вернулся въ гостинницу. Я не сомнѣвался въ томъ, что меня собирались одурачить, но какимъ образомъ? вотъ что̀ возбуждало мое любопытство. Съ Ардаліономъ я помѣнялся всего двумя, тремя словами. «Допустила?» спросилъ онъ меня, нахмуривъ брови, и на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: «Баба министръ!» Я принялся, по совѣту «министра», перебирать своихъ покойничковъ. Послѣ довольно долгихъ колебаній, я остановился наконецъ на одномъ давно умершемъ старичкѣ, французѣ, бывшемъ моемъ гувернерѣ. Я выбралъ именно его не потому, чтобы чувствовалъ особенное къ нему влеченіе; но вся фигура его была такъ оригинальна, такъ не походила на современныя фигуры, что поддѣлаться подъ нее было совершенно невозможно. Онъ имѣлъ огромную голову, зачесанные назадъ пушистые бѣлые волосы, густыя черныя брови, крючковатый носъ и двѣ большія бородавки лиловаго цвѣта посрединѣ лба; носилъ зеленый фракъ съ мѣдными гладкими пуговицами, полосатый жилетъ со стоячимъ воротникомъ, жабо и маншетки. Коли онъ мнѣ моего старика Дессѐра покажетъ, подумалъ я, ну, надо будетъ согласиться, что онъ колдунъ!

За обѣдомъ я, по совѣту старухи, выпилъ бутылку лафиту, первѣйшаго сорта по увѣренію Ардаліона, но съ сильнѣйшимъ вкусомъ жженой пробки и съ густымъ осадкомъ сандала на днѣ каждой рюмки.

Ровно въ половинѣ восьмого я находился передъ домомъ, въ которомъ бесѣдовалъ съ почтенной Мастридіей Карповной. Всѣ ставни оконъ были заперты, но дверь была раскрыта. Я вошелъ въ домъ, взобрался по шаткой лѣстницѣ во второй этажъ, и, отворивъ дверь на лѣво, очутился, какъ мнѣ предсказывала старушка, въ совершенно пустой, довольно просторной комнатѣ; сальная свѣчка, поставленная на подоконникъ, тускло ее освѣщала; у стѣны, напротивъ двери, стоялъ плетеный стулъ. Я снялъ со свѣчки, которая порядкомъ успѣла нагорѣть, усѣлся на стулъ и началъ ждать.

Первыя десять минутъ прошли довольно скоро; въ самой комнатѣ рѣшительно ничто не могло привлечь мое вниманіе; но я прислушивался къ каждому шороху, внимательно глядѣлъ на закрытую дверь... Сердце билось. За первыми десятью минутами прошли другія; потомъ полчаса, три четверти часа — и хоть бы что̀ пошевельнулось кругомъ! Я нѣсколько разъ кашлянулъ, чтобы дать знать о моемъ присутствіи; я началъ скучать, сердиться: *этакимъ* образомъ быть одураченнымъ не входило въ

мои разсчеты. Я уже собирался подняться со стула и, взявъ свѣчку съ окна, пойти внизъ... Я посмотрѣлъ на нее; свѣтильня опять нагорѣла грибомъ; но отведши взоры отъ окна къ двери, я невольно вздрогнулъ: прислонясь къ этой самой двери, стоялъ человѣкъ. Онъ такъ проворно и безъ шума вошелъ, что я ничего не слышалъ.

На немъ была простая синяя чуйка; росту онъ былъ средняго и довольно плотенъ. Закинувъ руки за спину и потупивъ голову, онъ уставился на меня. При тускломъ свѣтѣ свѣчки, я не могъ хорошенько разглядѣть его черты: я видѣлъ только косматую гриву спутанныхъ волосъ, падавшихъ на лобъ, да крупныя, слегка искривленныя губы, да бѣлесоватые глаза. Я хотѣлъ-было заговорить съ нимъ, но вспомнилъ наставленіе Мастридіи и закусилъ губы. Вошедшій человѣкъ продолжалъ глядѣть на меня; я также глядѣлъ на него и, странное дѣло! въ одно и то же время я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха и, словно по приказанію, немедленно принялся думать о моемъ старомъ гувернерѣ. *Тотъ* все стоялъ у двери и дышалъ усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднималъ, а глаза его какъ будто расширялись, какъ будто приближались ко мнѣ—и неловко мнѣ становилось подъ ихъ упорнымъ, тяжелымъ, грознымъ взоромъ; по временамъ эти глаза загорались зловѣщимъ внутреннимъ огонькомъ; подобный огонекъ замѣчалъ я у борзой собаки, когда она «воззрится» въ зайца, и подобно борзой собакѣ, *тотъ* весь устремлялся *своимъ* взоромъ вслѣдъ за моимъ, когда я «дѣлалъ угонку», т. е. пробовалъ отвести глаза въ сторону.

Такъ прошло не знаю сколько времени; быть можетъ, минута: быть можетъ, четверть часа. Онъ все глядѣлъ на меня; я все ощущалъ нѣкоторую неловкость и страхъ и все думалъ о моемъ французѣ. Раза два я попытался сказать самому себѣ: чтò за вздоръ! чтò за комедія! попытался улыбнуться, пожать плечемъ... Напрасно! Всякое рѣшеніе во мнѣ тотчасъ «застывало»; я другого слова подобрать не умѣю. Мною овладѣвало какое-то оцѣпенѣніе. Вдругъ я замѣтилъ, что *тотъ* уже отдѣлился отъ двери и стоялъ на шагъ или на два ближе ко мнѣ; потомъ онъ чуть-чуть подпрыгнулъ обѣими ногами разомъ, и сталъ еще ближе... Потомъ еще... потомъ еще; а грозные глаза такъ и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и ши-

рокая грудь дышала усиленно. Мнѣ эти прыжки показались смѣшными, но и жутко мнѣ становилось и, что̀ я уже никакъ понять не могъ, сонливость вдругъ начала находить на меня. Вѣки мои слипались... косматая фигура съ бѣлесоватыми глазами въ синей чуйкѣ задвоилась передо мной—и вдругъ совсѣмъ исчезла!... Я встрепенулся: *онъ* опять стоялъ между дверью и мною, но уже гораздо ближе... Потомъ онъ опять исчезъ—словно туманъ набѣжалъ на него; опять появился... исчезъ опять... появился опять... и все ближе, ближе... его трудное, почти храпѣвшее дыханіе уже добѣгало до меня... Опять надвинулся туманъ, и вдругъ изъ этого тумана, начиная съ бѣлыхъ, кверху приподнятыхъ волосъ, явственно стала вырисовываться голова старика Дессèра! Да; вотъ его бородавки, его черныя брови, его носъ крючкомъ! Вотъ и зеленый фракъ съ мѣдными пуговицами, и полосатый жилетъ и жабò... Я вскрикнулъ, я приподнялся... старикъ исчезъ, и на мѣстѣ его я снова увидѣлъ человѣка въ синей чуйкѣ. Онъ подошелъ, шатаясь къ стѣнѣ, уперся въ нее головой и обѣими руками и, задыхаясь какъ запаленная лошадь, хриплымъ голосомъ проговорилъ: «Чаю!» Откуда ни возьмись Мастридія, подскочила къ нему, и приговаривая: «Васинька, Васинька», принялась заботливо утирать потъ, который такъ и струился съ его волосъ и лица. Я было-приблизился къ ней, но она такъ убѣдительно, такимъ раздирающимъ голосомъ воскликнула: «Ваше благородіе! отецъ милостивый, не губите, уйдите, Христа ради!» что я повиновался; а она снова обратилась къ своему сыночку. «Кормилецъ, голубчикъ, успокоивала она его, сейчасъ тебѣ будетъ чай, сейчасъ. Да и вы, батюшка, чайку у себя дома выкушайте!» крикнула она мнѣ въ слѣдъ.

Вернувшись домой, я послушался Мастридіи, и велѣлъ подать себѣ чаю; я чувствовалъ усталость — даже слабость. — Ну что̀-съ? спросилъ меня Ардаліонъ; были-съ? видѣли-съ?

— Онъ мнѣ, точно, показалъ что-то... чего я, признаюсь, не ожидалъ, отвѣчалъ я.

— Великой премудрости человѣкъ! замѣтилъ Ардаліонъ, вынося самоваръ; отъ купечества къ нимъ—ба-альшое уваженіе!

Ложась спать и размышляя о случившейся со мной исторіи, я наконецъ вообразилъ, что добился ея объясненія. Человѣкъ этотъ несомнѣнно обладалъ значительной магнетической силой; дѣйствуя, конечно непонятнымъ для меня способомъ, на мои нервы, онъ такъ ясно, такъ опредѣленно возбудилъ во мнѣ об-

разъ старика, о которомъ я думалъ, что мнѣ наконецъ показалось, что я его вижу передъ глазами... Наукѣ извѣстны подобныя «метастазы» — перестановленія ощущеній. Прекрасно; но сила, способная производить такія дѣйствія, все-таки оставалась чѣмъ-то удивительнымъ и таинственнымъ. «Что̀ ни говори, думалъ я — я видѣлъ, своими глазами видѣлъ покойнаго моего гувернера!»

На слѣдующій день происходилъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Отецъ Софи заѣхалъ ко мнѣ и напомнилъ мнѣ приглашеніе, которое я сдѣлалъ его дочери. Въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ рядомъ съ нею посреди залы, освѣщенной множествомъ мѣдныхъ лампъ и готовился выдѣлывать немудреные па̀ французской кадрили подъ громогласныя завыванія военнаго оркестра. Народу съѣхалось пропасть; особенно много было дамъ, и прехорошенькихъ; но пальма первенства между ними непремѣнно осталась бы за моей дамой, еслибы не нѣсколько стра́нный, нѣсколько даже дикій ея взоръ. Я замѣтилъ, что она очень рѣдко мигала; несомнѣнное выраженіе искренности въ ея глазахъ не выкупало того, что̀ въ нихъ было необычнаго. Но сложена она была прелестно и двигалась граціозно, хоть и застѣнчиво. Когда она вальсировала, и, немного перегнувъ назадъ свой станъ, наклоняла тонкую шею къ правому плечу, какъ бы желая отдалиться отъ своего танцора, ничего болѣе трогательно-молодого и чистаго нельзя было себѣ представить. Она была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ крестикомъ на черной ленточкѣ.

Я пригласилъ ее на мазурку и постарался разговорить ее. Но она отвѣчала мало и неохотно, а слушала внимательно, съ тѣмъ же выраженіемъ задумчиваго изумленія, которое поразило меня въ первое мое свиданіе съ нею. Никакой тѣни кокетства въ ея лѣта, съ ея наружностію, и отсутствіе улыбки, и эти глаза, постоянно и прямо устремленные въ глаза собесѣдника — эти глаза, которые въ то же время какъ будто видятъ что-то другое, чѣмъ-то другимъ озабочены... Что̀ за странное существо! Не зная, наконецъ, чѣмъ расшевелить ее, я вздумалъ разсказать ей мое вчерашнее приключеніе.

Она выслушала меня до конца съ видимымъ любопытствомъ, но, чего я никакъ не ожидалъ, не удивилась моему разсказу и только спросила меня, не Василіемъ ли зовутъ *его?* Я вспомнилъ,

что старуха при мнѣ называла его «Васинькой».—Да; его имя Василій, отвѣчалъ я; развѣ вы его знаете?

— Здѣсь живетъ одинъ богоугодный человѣкъ, котораго зовутъ Василіемъ, промолвила она; я подумала, не онъ ли?

— Богоугодность тутъ ни къ чему, замѣтилъ я; это простое дѣйствіе магнитизма—фактъ, интересный для докторовъ и естествоиспытателей. Я принялся излагать свои воззрѣнія на ту особенную силу, которую зовутъ магнитизмомъ, на возможность подчиненія воли одного человѣка воли другого и т. п.; но мои, правда, нѣсколько сбивчивыя объясненія, казалось, не производили впечатлѣнія на мою собесѣдницу. Софи слушала, уронивъ на колѣни скрещенныя руки съ неподвижно-лежавшимъ въ нихъ вѣеромъ, она не играла имъ, она вообще не шевелила пальцами, и я чувствовалъ, что всѣ мои слова отскакивали отъ нея, какъ отъ каменной статуи. Она понимала ихъ, но у ней видимо были свои, незыблемыя и неискоренимыя убѣжденія.

— Не допускаете же вы чудесъ воскликнулъ я.

— Конечно, допускаю, спокойно промолвила она. Да и какъ возможно не допускать ихъ? Развѣ не сказано въ Евангеліи, что у кого на одно горчишное сѣмя вѣры, тотъ можетъ горы поднимать съ мѣста? Нужно только вѣру имѣть, чудеса будутъ.

— Видно, мало вѣры въ наше время стало, возразилъ я; чтò-то не слыхать про чудеса!

— Однако вотъ бываютъ же; вы сами видите. Нѣтъ; вѣра не перевелась въ наше время; а начало вѣры...

— Начало премудрости страхъ Божій, перебилъ я.

— Начало вѣры продолжала Софи, нисколько не смутившись: самоотверженіе... уничиженіе!

— Даже уничиженіе? спросилъ я.

— Да. Гордость человѣческая, гордыня, высокомѣріе, и чтò надо искоренить до тла. Вы вотъ упомянули о волѣ... ее-то и надо сломить.

Я окинулъ взоромъ всю фигуру молоденькой дѣвушки, произносившей такія рѣчи... «А вѣдь этотъ ребенокъ не шутитъ!» подумалось мнѣ. Я взглянулъ на нашихъ сосѣдей по мазуркѣ: они также взглянули на меня, и мнѣ показалось, что мое удивленіе ихъ забавляло; одинъ изъ нихъ даже улыбнулся мнѣ сочувственно, какъ бы желая сказать. «А? чтò? какова у насъ барышня-чудачка? здѣсь всѣ ее за такую знаютъ.»

— Вы попытались сломить свою волю? обратился я снова къ Софи.

— Всякій обязанъ дѣлать то, чтò ему кажется правдой, отвѣчала она какимъ-то догматическимъ тономъ.

— Позвольте васъ спросить, началъ я послѣ небольшого молчанія, вѣрите ли вы въ возможность вызывать мертвыхъ?

Софи тихо покачала головою.

— Мертвыхъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Душъ мертвыхъ нѣтъ; онѣ безсмертны и могутъ всегда явиться, когда захотятъ... Онѣ постоянно окружаютъ насъ.

— Какъ? Вы полагаете, что, напримѣръ, подлѣ того гарнизоннаго маіора съ краснымъ носомъ, можетъ въ эту минуту витать безсмертная душа?

— Почему же нѣтъ? Солнечный свѣтъ освѣщаетъ же его и его носъ,—а развѣ солнечный свѣтъ, всякій свѣтъ, не отъ Бога? И что̀ такое наружность? Для чистаго нѣтъ ничего нечистаго! Лишь бы учителя найти! наставника найти!

— Да позвольте, позвольте, вмѣшался я, признаюсь, не безъ злорадства. Вы желаете наставника... а духовникъ вашъ на что̀?

Софи холодно посмотрѣла на меня.

— Вы, кажется, хотите смѣяться надо мною. Батюшка мой духовный говоритъ мнѣ, что̀ я должна дѣлать; но мнѣ нуженъ такой наставникъ, который самъ бы мнѣ на дѣлѣ показалъ, какъ жертвуютъ собою!

Она подняла глаза къ потолку. Своимъ дѣтскимъ лицомъ и этимъ выраженіемъ неподвижной задумчивости, тайнаго, постояннаго изумленія, она напоминала мнѣ до-Рафаэлевскихъ мадоннъ... я предпочитаю мадоннъ позднѣйшихъ.

— Я читала гдѣ-то, продолжала она, не оборачиваясь ко мнѣ и едва шевеля губами, что одинъ вельможа велѣлъ себя похоронить подъ папертью церковною для того, чтобы всѣ приходившіе люди ногами попирали его, топтали... Вотъ это надо еще при жизни сдѣлать...

Бумъ! бумъ! тра-ра-рахъ! гремѣли съ хоровъ литавры... Признаюсь, подобный разговоръ на балѣ показался мнѣ черезчуръ эксцентричнымъ: онъ невольно возбуждалъ во мнѣ мысли... свойства, совершенно противоположнаго религіозному. Я воспользовался приглашеніемъ моей дамы на одну изъ фигуръ мазурки, чтобы уже не возобновлять нашихъ quasi-богословскихъ преній.

Четверть часа спустя я отвелъ mademoiselle Sophie къ ея родителю, а дня черезъ два я покинулъ городъ Т., и образъ дѣвушки съ дѣтскимъ лицомъ, и непроницаемой, точно каменной душой, скоро изгладился изъ моей памяти.

Минуло два года, и этому образу опять пришлось возникнуть передо мною. А именно: я разговаривалъ съ однимъ сослуживцемъ, только-что вернувшимся изъ поѣздки по южной Россіи. Онъ прожилъ нѣсколько времени въ городѣ Т. и сообщилъ мнѣ кое-какія свѣдѣнія о тамошнемъ обществѣ.—Кстати! воскликнулъ онъ, вѣдь ты, кажется, хорошо знакомъ съ В. Г. Б?

— Какъ-же, знакомъ.

— И дочь его, Софью, ты знаешь?

— Я видѣлъ ее раза два.

— Представь: сбѣжала!

— Какъ такъ?

— Да также. Вотъ уже три мѣсяца, какъ безъ вѣсти пропала. И удивительно то, что никто не можетъ сказать, съ кѣмъ она сбѣжала. Представь, никакой догадки, ни малѣйшаго подозрѣнія! Она всѣмъ женихамъ отказывала. И поведенія была самаго скромнаго. Ужъ эти мнѣ тихони, да богомолки! Скандалъ по губерніи ужасный, Б. въ отчаяніи... И какая ей была нужда бѣжать? Отецъ во всемъ исполнялъ ея волю. Главное, непостижимо то, что всѣ губернскіе ловеласы на лицо, всѣ до единаго!

— И ея до сихъ поръ не отыскали?

— Говорятъ тебѣ, какъ въ воду канула! Одной богатой невѣстой на свѣтѣ меньше, вотъ что скверно.

Извѣстіе это меня очень удивило. Оно никакъ не вязалось съ тѣмъ воспоминаніемъ, которое я сохранилъ о Софіи Б. Но мало-ли чего не бываетъ!

Осенью того же года меня, опять-таки по служебнымъ дѣламъ, судьба закинула въ С...кую губернію, находящуюся, какъ извѣстно, рядомъ съ губерніей Т...ской. Погода стояла дождливая и холодная; измученныя почтовыя лошадёнки едва тащили мой легонькій тарантасъ по растворившемуся чернозему большой дороги. Помнится, одинъ день выдался особенно неудачный: раза три пришлось «сидѣть» въ грязи по ступицу; ямщикъ мой то-и-дѣло бросалъ одну колею, и съ гиканіемъ и завываніемъ переползалъ въ другую; но и въ той не было легче. Словомъ, къ вечеру я такъ измучился, что, добравшись до станціи, рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели комнатку съ деревяннымъ, продавленнымъ диваномъ, покривившимся поломъ и оборванными бумажками по стѣнамъ; въ ней пахло квасомъ, рогожей, лукомъ и даже скипидаромъ, и мухи роями сидѣли повсюду; но по крайней мѣрѣ отъ непогоды можно было

укрыться; а дождь, какъ говорится, зарядилъ на цѣлыя сутки. Я велѣлъ поставить себѣ самоваръ и, присѣвъ на диванъ, предался тѣмъ дорожнымъ, нерадостнымъ думамъ, которыя такъ знакомы путешественникамъ на Руси.

Онѣ были прерваны тяжелымъ стукомъ, раздавшимся въ общей избѣ, отъ которой моя комнатка отдѣлялась досчатой перегородкой. Стукъ этотъ сопровождался отрывочнымъ, зычнымъ бряцаніемъ, подобнымъ лязгу цѣпей, и внезапно гаркнулъ грубый мужской голосъ: «Благослови Богъ всѣхъ сущихъ *у дому сему*. Благослови Богъ! Благослови Богъ! Аминь, аминь, разсыпься!» повторилъ голосъ, какъ-то нескладно и дико вытягивая послѣдній слогъ каждаго слова... Послышался шумный вздохъ, и грузное тѣло съ тѣмъ же бряцаньемъ опустилось на лавку.

— Акулина! Раба божія, подь сюда! заговорилъ опять голосъ; зри, яко нагъ, яко благъ.... Ха-ха-ха! Тьфу! Господи Боже мой, Господи Боже мой, Господи Боже мой, загудѣлъ голосъ, какъ дьячокъ на клиросѣ — Господи Боже мой, Владыка живота моего, воззри на окаянство мое... О хо-хо! Ха-ха... Тьфу! А дому сему благодать въ часъ седьмый!

— Кто это? спросилъ я тароватую мѣщанку-хозяйку, вошедшую ко мнѣ съ самоваромъ.

— А это, батюшка вы мой, отвѣчала она мнѣ торопливымъ шопотомъ—блаженный, божій человѣкъ. Въ нашихъ краяхъ недавно проявился: вотъ и насъ посѣтить изволилъ. Въ экую непогодь! Такъ съ него, голубчика, ручьями и льетъ! И вериги вы бы посмотрѣли на немъ какія—страсть!

— Благослови Богъ! Благослови Богъ! раздался снова голосъ. Акулина! А Акулина! Акулинушка—другъ! И гдѣ нашъ рай? Рай нашъ прекрасный? Въ пустынѣ нашъ рай... рай... А дому сему, на починѣ вѣку сего... радости веліи... о... о... о... Голосъ забормоталъ что-то невнятное, и вдругъ, вслѣдъ за протяжнымъ зѣвкомъ, опять послышался сиплый хохотъ. Хохотъ этотъ вырывался всякій разъ какъ бы невольно, и всякій разъ послѣ него слышалось негодующее плеваніе.

— Эхъ-ма! Степаныча нѣтъ! вотъ наше горе-то! словно про-себя промолвила хозяйка, со всѣми признаками глубочайшаго вниманія, остановившаяся у двери. Слово какое спасительное скажетъ, а мнѣ бабѣ и не вдомёкъ! Она проворно вышла.

Въ перегородкѣ была щель; я приложился къ ней глазомъ. Юродивый сидѣлъ на лавкѣ ко мнѣ задомъ: я видѣлъ только его громадную, какъ пивной котелъ, косматую голову, да широкую, сгорбленную спину подъ заплатаннымъ мокрымъ рубищемъ. Передъ нимъ, на земляномъ полу, стояла на колѣняхъ тщедушная женщина въ старомъ, тоже мокромъ, мѣщанскомъ шушункѣ съ темнымъ платкомъ, надвинутымъ на самые глаза. Она силилась стащить сапогъ съ ноги юродиваго, пальцы ея скользили по загрязненной, осклизлой кожѣ. Хозяйка стояла возлѣ нея со сложенными на груди руками, и благоговѣйно взирала на «божьяго человѣка». Онъ по прежнему бурчалъ какія-то невнятныя рѣчи.

Наконецъ, женщинѣ въ шушунѣ удалось сдернуть сапогъ. Она чуть навзничь не упала, однако справилась и принялась разматывать онучи юродиваго. На подъемѣ ноги оказалась рана... Я отвернулся.

— Чайкомъ не прикажешь-ли поподчивать, родимый? послышался подобострастный голосокъ хозяйки.

— Чтò выдумала! отозвался юродивый. Грѣшное тѣло баловать... Охо-хо! Всѣ кости ему сокрушить... а она—чай! Охъ, охъ, старица почтенная, сатана въ насъ силенъ! На него гладъ, на него хладъ, на него хляби небесныя, дожди проливные, пронзительные, а онъ ничего, живучъ! Помни день покрова Богородицы! Будетъ тебѣ, будетъ много!

Хозяйка легонько даже ахнула отъ удивленія.

— Только ты слушай меня! Все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будутъ, а ты отдай! Потому, Богъ видитъ! Али крышу долго разметать? Далъ онъ тебѣ, Милостивецъ, хлѣба, ну и сажай его въ печь! А онъ все видитъ! Ви... и...ди...итъ! Глазъ въ трехъугольникѣ чей? сказывай... чей?

Хозяйка украдкой перекрестилась подъ косынкой.

— Древлій врагъ, адамантъ! А...да...мантъ! А...да...мантъ, повторилъ нѣсколько разъ юродивый со скрежетомъ зубовъ. Древлій змій! Но да воскреснетъ Богъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Я всѣхъ мертвыхъ призову! На врага его пойду... Ха-ха-ха! Тьфу!

— Маслица нѣтъ-ли у васъ, произнесъ другой, едва слышный голосъ; дайте на ранку приложить... тряпочка у меня чистая есть.

Я снова глянулъ сквозь щель: женщина въ шушунѣ все еще возилась съ больной ногой юродиваго... «Магдалина!» подумалъ я.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубушка, промолвила хозяйка и,

войдя ко мнѣ въ комнату, достала ложечкой масла изъ лампадки передъ образомъ.

— Кто это ему прислуживаетъ? спросилъ я.

— А не знаемъ, батюшка, кто такая; то же спасается, чай грѣхи заслуживаетъ. Ну да ужъ и святой же человѣкъ!

— Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная, твердилъ между тѣмъ юродивый, и вдругъ заплакалъ.

Стоявшая передъ нимъ на колѣняхъ женщина возвела на него свои глаза... Боже мой, гдѣ видѣлъ я эти глаза?

Хозяйка подошла къ ней съ ложечкой масла. Та кончила свою операцію и, поднявшись съ полу, спросила, нѣтъ-ли чистаго чуланчика, да сѣнца немного... «Василій Никитичъ на сѣнѣ почивать любитъ», прибавила она.

— Какъ не быть, пожалуйте, отвѣчала хозяйка; пожалуй, родименькій, обратилась она къ юродивому; обсушись, отдохни. Тотъ закряхтѣлъ, медлительно поднялся съ лавки — его вериги опять звякнули, и обернувшись ко мнѣ лицомъ и поискавъ образо́въ глазами, началъ креститься большимъ крестомъ на о́тмашъ.

Я тотчасъ узналъ его: это былъ тотъ самый мѣщанинъ Василій, который нѣкогда показалъ мнѣ моего покойнаго гувернера!

Черты его мало измѣнились; только выраженіе ихъ стало еще необычнѣе, еще страшнѣе... Нижняя часть опухшаго лица обросла взъерошенною бородою. Оборванный, грязный, одичалый, онъ внушалъ мнѣ еще больше отвращенія чѣмъ ужаса. Онъ пересталъ креститься, но продолжалъ блуждать безсмысленнымъ взоромъ по угламъ, по полу, словно ждалъ чего-то...

— Василій Никитичъ, пожалуйте, промолвила съ поклономъ женщина въ шушунѣ. Онъ вдругъ взмахнулъ головой и повернулся, да запутался ногами, зашатался... Спутница его тотчасъ къ нему подскочила и поддержала его подъ мышку. Судя по голосу, да по стану, она казалась еще молодой женщиной: лица ея почти невозможно было видѣть.

— Акулинушка другъ! проговорилъ еще разъ юродивый какимъ-то потрясающимъ голосомъ, и широко раскрывъ ротъ и ударивъ себя кулакомъ въ грудь, простоналъ глухимъ, со дна души поднявшимся стономъ. Оба вышли изъ комнаты вслѣдъ за хозяйкой.

Я легъ на свой жесткій диванъ, и долго размышлялъ о томъ, что́ видѣлъ. Мой магнетизёръ сталъ окончательно юродивымъ. Вотъ куда повернула его та сила, которую нельзя же было не признать въ немъ!

На слѣдующее утро я собрался въ путь. Дождь лилъ по вчерашнему, но я не могъ долѣе мѣшкать. На лицѣ моего слуги, подававшаго мнѣ умываться, играла особенная, сдержанно-насмѣшливая улыбочка. Я хорошо понималъ эту улыбочку: она обозначала, что слуга мой узналъ что̀-нибудь невыгодное или даже неприличное на счетъ господъ. Онъ видимо сгаралъ нетерпѣніемъ сообщить мнѣ это.

— Ну, что̀ такое? спросилъ я наконецъ.

— Вчерашняго юродивца изволили видѣть? немедленно заговорилъ мой слуга.

— Видѣлъ; что̀ же далѣе?

— А товарку ихнюю тоже видѣли-съ?

— Видѣлъ и ее.

— Она-съ барышня; дворянскаго происхожденія.

— Какъ?

— Истину вамъ докладываю-съ; купцы сегодня изъ Т. проѣзжали; признали ее. Фамилію даже называли; только я запамятовалъ-съ

Меня какъ молніей освѣтило. Юродивый еще здѣсь, или уже ушелъ? спросилъ я.

— Кажись, еще не уходилъ. Давича сидѣлъ подъ воротами и мудреное такое творилъ, что и постигнуть невозможно. Блажуетъ съ жиру; потому, выгоду въ томъ себѣ находитъ.

Слуга мой принадлежалъ къ тому же разряду образованныхъ дворовыхъ, какъ и Ардаліонъ.

— И барышня съ нимъ?

— Съ ними-съ; дежурятъ тоже.

Я вышелъ на крыльцо, и увидѣлъ юродиваго. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подъ воротами, и упершись въ нее обѣими ладонями, раскачивалъ на право и на лѣво понуренную голову, ни дать ни взять дикій звѣрь въ клѣткѣ. Густыя космы курчавыхъ волосъ закрывали ему глаза и мотались изъ стороны въ сторону, такъ же какъ и отвисшія губы... Странное, почти нечеловѣческое бормотаніе вырывалось изъ нихъ. Спутница его только-что умылась изъ висѣвшаго на жёрдочкѣ кувшинка̀ и, не успѣвъ еще накинуть платокъ себѣ на голову, пробиралась назадъ къ воротамъ по узкой дощечкѣ, положенной черезъ темныя лужицы навознаго двора. Я взглянулъ на эту, теперь со всѣхъ сторонъ открытую голову, и невольно всплеснулъ руками отъ изумленія... Передо мной была Софи Б!

Она быстро обернулась и уставила на меня свои голубые, по прежнему неподвижные глаза. Она очень похудѣла, кожа загрубѣла и приняла изжелта-красный оттѣнокъ загара, носъ заострился и губы обозначились рѣзче. Но она не подурнѣла; только къ прежнему, задумчиво-изумленному выраженію присоединилось другое, рѣшительное, почти смѣлое, сосредоточенно-восторженное выраженіе. Дѣтскаго въ этомъ лицѣ уже не оставалось ни слѣда.

Я приблизился къ ней.—Софья Владиміровна, воскликнулъ я, неужели это вы? Въ этомъ платьѣ... въ этомъ обществѣ...

Она вздрогнула, еще пристальнѣе взглянула на меня, какъ бы желая узнать, кто съ ней заговариваетъ, и не отвѣтивъ мнѣ ни слова, такъ и бросилась къ своему товарищу.

— Акулинушка, залепеталъ онъ, тяжело вздохнувъ, грѣхи наши, грѣхи...

— Василій Никитичъ, идемте сейчасъ! Слышите, сейчасъ, сейчасъ, промолвила она, одной рукой надергивая платокъ себѣ на лобъ, а другой подхватывая юродиваго подъ локоть, идемте, Василій Никитичъ. Здѣсь опасно.

— Иду, матушка, иду, покорно отвѣтилъ юродивый и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, приподнялся съ лавочки. Вотъ только цѣпочечку-то подвязать.

Я еще разъ подошелъ къ Софьѣ, я назвалъ себя, я началъ умолять ее выслушать меня, сказать мнѣ одно слово, я указывалъ ей на дождь, который полилъ какъ изъ ведра, я попросилъ ее пощадить собственное здоровье, здоровье ея товарища, я упомянулъ объ ея отцѣ... Но ею овладѣло какое-то злое, какое-то безпощадное одушевленіе. Не обращая на меня никакого вниманія, стиснувъ зубы и прерывисто дыша, она въ полголоса, короткими повелительными словами, понукала растерявшагося юродиваго, подпоясала его, подвязала его вериги, нахлобучила ему на волосы суконный дѣтскій картузъ съ изломаннымъ козырькомъ, всунула ему палку въ руки, накинула самой себѣ на плечи котомку и вышла съ нимъ за ворота, на улицу... Остановить ее самоё я не имѣлъ права, да оно ни къ чему бы и не послужило; а на послѣдній мой отчаянный возгласъ она даже не обернулась. Поддерживая «божьяго человѣка» подъ руку, она проворно шагала по черной уличной грязи, и черезъ нѣсколько мгновеній, сквозь тусклую мглу туманнаго утра, сквозь частую сѣтку падавшаго дождя, въ послѣдній разъ мелькнули передо мною обѣ фигуры, юродиваго и Софьи... Онѣ завернули за уголъ выдавшейся избы, и исчезли навсегда.

Я вернулся къ себѣ въ комнату. Раздумье нашло на меня. Я ничего не понималъ; я не понималъ, какъ могла такая хорошо воспитанная, молодая, богатая дѣвушка бросить все и всѣхъ, родной домъ, семью, знакомыхъ, махнуть рукой на всѣ привычки, на всѣ удобства жизни, и для чего? Для того, чтобы пойти во слѣдъ полусумасшедшему бродягѣ, чтобъ сдѣлаться его прислужницей? Ни на одно мгновеніе нельзя было остановиться на мысли, что поводомъ къ подобному рѣшенію была сердечная, хоть и извращенная наклонность, любовь или страсть... Стоило взглянуть на отталкивающую фигуру «божьяго человѣка», чтобъ тотчасъ выкинуть подобную мысль изъ головы! Нѣтъ, Софи осталась чистой; и какъ она однажды сказала мнѣ, для нея не было ничего нечистаго. Я не понималъ поступка Софи; но я не осуждалъ ея, какъ не осуждалъ впослѣдствіи другихъ дѣвушекъ, также пожертвовавшихъ всѣмъ тому, что̀ *онѣ* считали правдой, въ чемъ *онѣ* видѣли свое призваніе. Я не могъ не сожалѣть, что Софи пошла именно *этимъ* путемъ, но отказать ей въ удивленіи, скажу болѣе, въ уваженіи, я такъ же не могъ. Не даромъ она говорила мнѣ о самоотверженіи, объ уничиженіи... у *ней* слова не рознились съ дѣломъ. Она искала наставника и вождя, и нашла его... въ комъ, Боже мой!

Да, она заставила топтать, попирать себя ногами... Впослѣдствіи времени до меня дошли слухи, что семьѣ удалось наконецъ отыскать заблудшую овцу и вернуть ее домой. Но дома она пожила не долго и умерла «молчальницей», не говорившей ни съ кѣмъ.

Миръ сердцу твоему, бѣдное, загадочное существо! Василій Никитичъ, вѣроятно, до сихъ поръ юродствуетъ; желѣзное здоровье подобныхъ людей по истинѣ изумительно. Развѣ падучая его сломила.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ. 1869.

ЧЕХИ

въ 1848 и 1849 годахъ.

Общая характеристика событій 1848 г.—Причины революціи, заключавшіяся въ австрійскомъ правительствѣ.—Дѣло Венгріи.—Движеніе въ Вѣнѣ отъ первой петиціи до отъѣзда императора въ Инспрукъ (отъ 8 март. до 17 мая). — Начало движенія въ Прагѣ, 11 марта.—Народное войско. — Движеніе внутри страны.— Отношеніе ко всему мѣстной власти. — Раздвоеніе въ народномъ комитетѣ. — Вторая петиція императору.—Организація народнаго комитета; власть дѣйствуетъ съ нимъ за одно; приготовленія къ чешскому сейму.—Послы франкфуртскаго сейма въ Прагѣ. — Волненіе противъ выборовъ во Франкфуртѣ. — Графъ Л. Тунъ—бургграфъ въ Прагѣ вмѣсто графа Стадіона.—Волненіе усиливается.— Вліяніе на Прагу отъѣзда императора. — Славянскій съѣздъ: причины, вызвавшія его; элементы, участвовавшіе въ немъ, и его дѣятельность. — Происшествія въ день св. Духа и ихъ послѣдствія.

«Было бы ошибкой и преувеличеніемъ — говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ—смотрѣть на событія 1848—1849 гг. въ Германіи, Австріи, Пруссіи, Италіи и Венгріи, единственно какъ на слѣдствія февральской революціи. Въ Парижѣ поданъ былъ только внѣшній знакъ ко взрыву давно уже готоваго въ тѣхъ земляхъ броженія, которое безъ 24-го февраля 1848 года вѣроятно сдерживалось бы нѣсколько долѣе, но тѣмъ или другимъ способомъ, хоть нѣсколько и позже, неизбѣжно должно было выступить» [1]. Такъ, въ Баденѣ еще до 1848 года была уже готова радикальная партія, которая воодушевлена была тѣми самыми идеями и стремилась къ тѣмъ же цѣлямъ, которыя послѣ сказались въ Парижѣ въ движеніи 24-го февраля. За 14 дней до февральской революціи Бассерманъ изъ Мангейма въ баденской палатѣ депутатовъ замѣтилъ, что въ настоящее время главную и самую необ-

---

[1]) E. Arndt, Gesch. der J. 1848 — 60. S. 43.

ходимую задачу государей составляетъ: ненависть народовъ къ ихъ высшимъ властямъ обратить въ довѣріе къ нимъ, потому что безъ того пропасть между ними дѣлается все больше; — и заключаетъ свою рѣчь словами, что «на Сенѣ и на Дунаѣ дни уже склоняются къ концу». Положеніе дѣлъ Австрійской имперіи наканунѣ 1848 г. также нельзя считать нормальнымъ.

Дѣло въ томъ, что главная дѣйствующая причина во всѣхъ странахъ была одна и та же: это — реакція, на путь которой отъ страха революціи выступили всѣ европейскія правительства, какъ бы сговорившись дѣйствовать за одно на вѣнскомъ конгрессѣ.

Въ этомъ доходившемъ до нелѣпости страхѣ, задавшись одною мыслію подавлять всякое движеніе и все, что могло бы его произвести, нѣкоторыя правительства кинулись въ такую крайность, что хотѣли убить всякую жизнь въ народѣ. И если съ одной стороны это въ нѣкоторой степени удавалось, то съ другой — возбуждало только всеобщую ненависть и воспитывало чувство мести.

Больше всего это можно отнести къ Австріи, гдѣ правительство запуталось до того, что кассировало само себя, дѣйствуя противъ изданныхъ имъ же основныхъ законовъ. Если низверженіе законной власти считается актомъ революціоннымъ, то австрійское правительство являлось первымъ революціонеромъ.

Австрійское государственное устройство основано на двухъ главныхъ актахъ: на прагматической санкціи Карла VI (1724), опредѣляющей право и порядокъ престолонаслѣдія, и на грамотѣ Франца I (1804), по которой — «онъ и его наслѣдники, при нераздѣльномъ владѣніи своими *независимыми* королевствами и государствами, принялъ титулъ и достоинство наслѣдственнаго австрійскаго императора и притомъ такъ, чтобъ всѣ королевства, княжества и провинціи сохраняли впредь, безъ всякихъ измѣненій, ихъ *прежніе титулы, устройство, преимущества и отношенія*».

Австрійское правительство, какъ мы видѣли, совершенно не обращало вниманія на законъ. Оно не только не сохранило правъ, преимуществъ и совершенной независимости различныхъ частей имперіи другъ отъ друга, но нарушило вездѣ и автономію чисто внутреннюю, и притомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, не стараясь облечь свои беззаконные поступки по крайней мѣрѣ въ законную форму. Вздумается ему открыть гдѣ-нибудь мѣстный сеймъ, оно открываетъ, а потомъ опять на многіе годы о немъ и помину нѣтъ; понравятся ему чиновники, выбранные земствомъ, оно ихъ допускаетъ, если же нѣтъ, то ставитъ отъ себя, нисколько однако не устраняя права выборовъ; въ 1809 году по-

надобились деньги, оно начинаетъ уничтожать монастыри и забирать ихъ имущества, а послѣ 1815 года снова начинаетъ ихъ поддерживать и размножать, и помогаетъ имъ обирать народъ, вселять въ него духъ суевѣрія и праздношатанія посредствомъ разныхъ Wallfahrten и различныхъ праздниковъ и процессій. Въ поступкахъ тогдашняго правительства невозможно отыскать никакого руководящаго начала. Это былъ произволъ въ самомъ прямомъ смыслѣ, капризъ, упрямство, но никакъ не твердость. Его не хватало настоять на своемъ тамъ, гдѣ были оппозиціонные элементы, и на несчастіе его, этихъ оппозиціонныхъ элементовъ было слишкомъ мало, вездѣ общество было слишкомъ апатично, и правительство увлекалось по этому пути беззаконія и произвола все дальше, покуда наконецъ государственная машина не пришла въ совершенное разстройство и не началась та ломка, которую называютъ революціею.

Самосознаніе и пробужденіе къ новой жизни началось прежде въ земляхъ не-нѣмецкихъ, стоявшихъ дальше отъ развращающаго дѣйствія вѣнской столицы — у итальянцевъ, мадьяръ и чеховъ, и потомъ уже къ нимъ пристаютъ нѣмцы; но собственное политическое движеніе было только у мадьяръ и итальянцевъ. Мадьярская аристократія стояла въ явной оппозиціи противъ правительства, найдя опору въ комитатскихъ учрежденіяхъ; а въ Италіи, особенно въ Миланѣ, были постоянныя схватки съ австрійскими войсками, оканчивавшіяся кровопролитіемъ и убійствами. Впрочемъ только итальянскія земли стремились совершенно отдѣлиться отъ Австріи, тогда какъ мадьяры требовали сначала только автономіи и возстановленія всѣхъ правъ венгерскаго королевства, кругомъ нарушенныхъ въ послѣднее время. Элементы движенія въ этихъ земляхъ совершенно уже созрѣли, а въ то же время пришли въ броженіе и другія земли, и нуженъ былъ только какой-нибудь внѣшній знакъ и поводъ, чтобъ все поднялось; и такимъ знакомъ дѣйствительно послужила революція въ Парижѣ.

3-го марта, на венгерскомъ сеймѣ, Кошутъ въ блестящей рѣчи, богатой новыми идеями и полной страстнаго увлеченія, представивъ прошедшее и будущее Австріи, произнесъ смертный приговоръ ея правительственной системѣ, «которая смертоноснымъ вѣтромъ, удушающими испареніями свинцовыхъ тюремъ Вѣны, все давитъ, увѣчитъ и отравляетъ». Рѣчь эта встрѣтила самый полный отзывъ всюду и въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ въ рукописяхъ (такъ какъ напечатать не позволила бы цензура) распространилась по Венгріи и за ея предѣлами. Теперь Кошуту не стоило никакого труда провести на сеймѣ свой

адресъ императору, въ которомъ требовалось для Венгріи совершенно народное, нисколько независящее отъ чуждаго вліянія, свободное управленіе.

Это послужило сигналомъ для другихъ.

Въ Вѣнѣ, 8-го марта, въ «промышленномъ обществѣ» составлена была петиція императору, въ которой высказываются недостатки тогдашняго управленія и требуются реформы въ либеральномъ духѣ. Болѣе рѣзкости и опредѣленности въ требованіяхъ является съ того времени, какъ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ участіе университетъ, т.-е. студенты и съ ними нѣкоторые изъ профессоровъ. 13-го марта, всѣ студенты отправились къ дому собранія чиновъ и съ ними масса обывателей Вѣны и депутаты созваннаго сейма. Докторъ Фишгофъ былъ предводителемъ этого собранія. Онъ сказалъ рѣчь, въ которой изложилъ требованія свободы печати и религіи, отвѣтственности министровъ и конституціи; а потомъ вошелъ въ собраніе дворянъ, и ихъ маршалу, графу Монтекукколи, подалъ заявленіе желаній народа. Графъ, прочитавши ихъ, увѣрилъ его, что желанія дворянства тѣже самыя, и что поэтому союзъ между дворянствомъ и остальнымъ населеніемъ онъ считаетъ рѣшеннымъ, а петиціи эти графъ обѣщался лично передать императору, и дѣйствительно отправился во дворецъ въ сопровожденіи депутаціи.

Другое собраніе происходило подъ окнами Меттерниха. Кромѣ обыкновеннаго заявленія недовольства старымъ и желанія улучшеній, здѣсь не произошло ничего, и толпа, узнавши, что желанія народа въ петиціяхъ поднесены уже императору, конечно разошлась бы, еслибъ вдругъ не выступило войско. Солдаты принялись разгонять народъ и при этомъ дѣйствовали штыками и прикладами; тогда безоружный народъ сталъ срывать вывѣски, ломать пожарныя лѣстницы, разбирать черепичныя крыши и защищаться противъ нападающихъ. Слышались уже крики «въ цейхгаузъ!» Народъ не уступалъ и толпа росла. При этомъ пущенная на народъ конница топтала всѣхъ безпощадно, а пѣхота, напротивъ, стрѣляла постоянно выше народа, вслѣдствіе чего число жертвъ былъ не такъ велико.

Въ это самое время во дворецъ стекались отовсюду депутаціи съ петиціями, которыя были подписаны тысячами дворянъ, капиталистовъ, крупныхъ купцовъ, профессоровъ и высшихъ чиновниковъ.

Ихъ принималъ князь Меттернихъ въ присутствіи эрцгерцоговъ Альбрехта и Максимиліана, и когда пришла депутація отъ горожанъ, онъ обратился къ стоявшему во главѣ ея Шерцеру съ слѣдующими словами: «Вы, гражданинъ Вѣны, какъ не стыд-

но вамъ вмѣстѣ съ войскомъ не усмирять этотъ уличный мятежъ!» — «Это не мятежъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Шерцеръ, — а революція, въ которой участвуютъ всѣ сословія», и вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ ему петицію съ тысячью подписей.

Между тѣмъ народъ, ожесточившись противъ войска, не расходился и требовалъ его удаленія. Народная гвардія отказалась дѣйствовать противъ народа. Дѣло было рѣшено. Меттернихъ, принимая въ конференцъ-залѣ различныя депутаціи, сказалъ, обращаясь къ офицерамъ народной гвардіи: «Вы выразили, что только мое отступленіе отъ участія въ правленіи можетъ возстановить спокойствіе Австріи; я исполняю это съ радостью. Желаю счастія въ новомъ правительствѣ; желаю счастія Австріи». На это одинъ изъ офицеровъ отвѣтилъ: «Мы не имѣемъ ничего противъ вашей свѣтлѣйшей личности, но слишкомъ много противъ вашей системы, и потому благодаримъ васъ отъ имени народа. Виватъ императоръ Фердинандъ!»

Затѣмъ настало всеобщее торжество, когда Меттернихъ удалился и когда рѣшено было выдать оружіе студентамъ и всѣмъ горожанамъ, которые вписывались въ народную гвардію.

Дѣло не обошлось безъ волненій, охватившихъ предмѣстья и сопровождавшихся безпорядками. Сдѣлано было нападеніе на таможню, произведены кое-гдѣ грабежи и пожары, выпущены изъ нѣкоторыхъ остроговъ арестанты, въ присутственныхъ мѣстахъ сожжены бумаги, вилла Меттерниха совершенно опустошена. При помощи горожанъ и студентовъ спокойствіе было однако возстановлено.

Университетъ въ это время сдѣлался центромъ движенія. Отсюда шли приказы и сюда приносились извѣстія о происшествіяхъ. Другимъ такимъ пунктомъ былъ домъ «общества для чтенія (Leseverein)». 14-го марта происходила раздача оружія народу, а 30-го граждане, студенты и простой народъ, получивши оружіе, построившись въ роты отъ 80 до 100 чел., шли по улицамъ со своими знаменами, на которыхъ стояло: «Братство народовъ! Порядокъ и свобода! Свобода печати! Конституція!» Но въ тотъ же день, около 3 ч. по полудни, объявлено, что «императоръ, для возстановленія спокойствія, рѣшился передать фельдмаршалу Виндишгрецу всѣ нужныя полномочія и подчинить ему всѣ гражданскія и военныя власти». Это значило отдать городъ въ жертву человѣку, который извѣстенъ былъ жестокимъ характеромъ и исключительно солдатскимъ образомъ мыслей, иначе— полнѣйшему военному произволу. Народъ снова пришелъ въ волненіе. Городъ объявленъ въ военномъ положеніи. Въ это самое время явилась депутація венгерскаго сейма, имѣвшая во главѣ па-

латина и Кошута. Последнему со стороны народа сделанъ самый торжественный пріемъ. Во дворцѣ совѣщались, что дѣлать. Виндишгрецъ первенствовалъ на этомъ совѣтѣ и требовалъ, чтобъ ему дозволили бить народъ наповалъ; на это предложеніе согласился весь дворъ; воспротивился ему только императоръ. Онъ выступилъ передъ народомъ, былъ встрѣченъ криками радости и преданности, и обѣщалъ дать конституцію.

Это первый періодъ австрійскаго движенія. Что оно не шло на ниспроверженіе законнаго порядка и власти, въ томъ ручается участіе самыхъ консервативныхъ элементовъ, т. е. богатыхъ классовъ изъ торговаго и дворянскаго сословія, которые для того только и вступили въ движеніе, чтобъ, убѣдивши правительство къ необходимымъ реформамъ, предотвратить революцію, грозившую имъ всѣмъ. Въ народѣ, въ то время, оставались еще преданность государю и увѣренность, что съ удаленіемъ Меттерниха новое правительство уважитъ и удовлетворитъ его требованія. Но это правительство оказалось также несостоятельно какъ и прежнее. Министерство едва могло составиться; самымъ способнымъ въ немъ считался Пиллерсдорфъ, но и онъ оказался не въ силахъ овладѣть обстоятельствами и остановить волненіе. Въ городѣ продолжалось движеніе: повторялись уличные скандалы, строились баррикады, и составлялись заговоры. Правительство все это время ровно ничего не дѣлало и повидимому отдалось на произволъ судьбы. Къ этому времени относится актъ, самый несчастный для чеховъ, это росписаніе выборовъ во Франкфуртскій сеймъ. Наконецъ, 25-го апрѣля, объявлена конституція. Ни самая конституція, ни способъ ея изданія посредствомъ октроированія не удовлетворили никого. Дворъ былъ въ замѣшательствѣ, не зная, что дѣлать, и въ немъ не было полнаго согласія. Большинство рѣшило взять назадъ конституцію; но въ то же время реакціонная партія, чтобъ дѣйствовать свободнѣе, задумала удалить изъ Вѣны императора, что было весьма легко сдѣлать. Его запугали, и онъ, 17-го мая, подъ видомъ прогулки выѣхалъ изъ Вѣны, направившись сначала на Зальцбургъ, а потомъ въ Инспрукъ и больше уже не возвращался. Съ этого времени является раздвоеніе въ правительствѣ, и въ народѣ довѣріе къ нему стало теряться.

Вѣнцы переполошились, а министерство сдѣлалось рѣшительнѣе. Оно предписало прямые выборы въ рейхсратъ въ Вѣнѣ въ то время, какъ императоръ въ своемъ манифестѣ обѣщалъ прежде всего немедленное созваніе земскихъ сеймовъ.

Въ Италіи въ это время кипѣла уже война; въ Краковѣ тоже произошло возстаніе и производилось усмиреніе его военною си-

лою; а въ Пресбургѣ происходилъ венгерскій сеймъ, который въ своихъ требованіяхъ дошелъ уже до того, что связь Венгріи съ Австріею должна была ограничиваться одною личною уніею въ особѣ императора. Въ своихъ притязаніяхъ на автономію мадьяры, совершенно забыли, что такое же право на нее по отношенію къ нимъ имѣютъ и соединенные подъ венгерскою короною славяне, совершенно игнорировали ихъ національныя требованія и естественно вызвали въ нихъ тѣже отношенія къ себѣ, въ какихъ сами находились къ Австріи, что и вызвало возстаніе сербовъ, хорватовъ и словаковъ.

Вотъ что происходило въ разныхъ земляхъ австрійской имперіи, послѣ того какъ въ Парижѣ поднято было знамя революціи. Намъ нужно было остановиться нѣсколько на происшествіяхъ въ Вѣнѣ, потому что между Вѣной и Прагой въ то время была тѣсная связь, или вѣрнѣе, пражане во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соображались съ дѣлами Вѣны, хотя дѣйствовали сначала за одно съ нею, а послѣ наперекоръ ей.

Въ Прагѣ внимательно слѣдили за всѣмъ, что происходило въ Вѣнѣ, и только пришло извѣстіе о событии 8-го марта, здѣсь все пришло въ движеніе. Сдѣлано было предварительное совѣщаніе людей, которые приняли на себя руководство народнымъ движеніемъ. На этомъ собраніи составлена была петиція императору и рѣшено было созвать всѣхъ жителей Праги для объясненія имъ, въ какомъ они находятся положеніи и что нужно дѣлать. Назначено собраться 11-го марта въ «святоваплавскихъ-баняхъ» въ 6 час. вечера. Тотчасъ послѣ обѣда толпы уже тѣснились у этого зданія. Власти зорко слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось, и приняли свои мѣры: кавалерія была на конѣ, пѣхотѣ розданы боевые заряды, на нѣкоторыхъ мѣстахъ показались пушки, по улицамъ ходили патрули; но народу не было дѣлано никакихъ препятствій. На этомъ собраніи явилось больше всего мѣщанъ и студентовъ, всѣхъ, какъ полагаютъ, было болѣе 3,000. Зала была набита биткомъ, но господствовалъ порядокъ и тишина. На возвышеніе вступилъ Юрій Фастръ, пражскій мѣщанинъ, изложилъ передъ собраніемъ положеніе дѣлъ Европы и въ особенности австрійской имперіи, и потомъ прочиталъ петицію для поднесенія императору. Петиція встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ. Она состояла изъ слѣдующихъ 11-ти статей: 1) чтобъ обезпеченъ былъ чешскій языкъ во всѣхъ земляхъ чешской короны и чтобъ оба языка, чешскій и нѣмецкій, получили совершенную равноправность какъ въ школахъ, такъ и во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ; 2) чтобъ чешскія земскія учрежденія были измѣнены сообразно съ требованіями времени, и дѣя-

тельность ихъ расширена и обезпечена участіемъ въ нихъ свободно избранныхъ представителей городовъ и округовъ, и чтобъ связь чеховъ съ Моравіей и Силезіей была упрочена единствомъ ихъ государственныхъ сословій, которыя каждый годъ имѣли бы общія собранія; 3) чтобъ разрѣшено было самостоятельное комунальное или общинное земское учрежденіе, такъ чтобъ члены магистрата и представители всѣхъ обществъ свободно избирались, и чтобъ засѣданія по общественнымъ дѣламъ были публичныя; также чтобъ произведены были сообразныя съ временемъ реформы въ отношеніяхъ сельскаго населенія; 4) чтобы введено было публичное и устное производство въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, какъ переходъ къ совершенно публичному суду; 5) чтобы свобода печати ограничена была единственно существующимъ закономъ о преступленіяхъ, и чтобъ этотъ законъ былъ измѣненъ въ примѣненіи къ свободѣ печати и гарантированъ народнымъ представительствомъ; 6) чтобы всякому предоставлена была свобода вѣроисповѣданія; 7) чтобъ обезпечена была личная безопасность противъ произвольнаго арестованія, опредѣлено было закономъ, подъ какими условіями можетъ быть произведенъ арестъ; 8) чтобъ общественныя должности замѣщались только людьми, знающими вполнѣ оба языка; 9) чтобы введена была повинность общаго вооруженія, и повинность эта опредѣлялась бы жребіемъ; кромѣ того, чтобъ заведено было въ городахъ мѣщанское войско, а во внутренности страны окружная стража; 10) чтобы были уменьшены и постепенно совсѣмъ уничтожены пошлины на съѣстные припасы, такъ чтобъ тотчасъ же уничтожены были пошлины по крайней мѣрѣ на предметы первыхъ жизненныхъ потребностей, а также чтобы былъ измѣненъ законъ о таксахъ и штемпеляхъ въ томъ смыслѣ, чтобъ принято было во вниманіе имѣніе, на которое падаетъ этотъ налогъ; 11) чтобъ учителя, какъ чешскіе, такъ и нѣмецкіе, прежде сами были хорошо приготовлены, и чтобъ имъ назначено было достаточное и соразмѣрное съ трудами жалованье, чтобъ и въ гимназіяхъ учили предметамъ, въ реальной жизни истинно необходимымъ; а въ университетахъ введена полная свобода обученія.

По прочтеніи петиціи на чешскомъ языкѣ, докторъ Троянъ изложилъ ее на нѣмецкомъ. Затѣмъ приступили къ выбору комитета, который взялъ на себя обязанность довести дѣло до конца, т. е. собрать подписи и поднести императору. Рѣшено было изъ дворянства не выбирать никого и сдѣлать исключеніе только для троихъ: графа Войтеха Дейма, графа Букуа и графа Франца Туна; остальные члены, числомъ 25, выбраны были изъ мѣщанства, ад-

вокатовъ, профессоровъ и литераторовъ. По окончаніи всѣ разошлись въ совершенномъ порядкѣ.

Требованія чеховъ шли нѣсколько дальше нежели вѣнцевъ; но, покуда неизвѣстно было, какъ принялъ императоръ вѣнскія петиціи, пражане съ своими требованіями не рѣшались выступать. Власти мѣстныя смотрѣли на все это какъ-то косо и хотя не вмѣшивались, выжидая также, что̀ будетъ въ Вѣнѣ, и боясь преждевременно произвести взрывъ, но войско на всякій случай было на готовѣ. Поэтому общество дѣйствовало довольно робко и подписи къ петиціи собирались медленно. Только когда получены были благопріятныя извѣстія изъ Вѣны, дѣло пошло живѣе, и 19-го марта отправилась въ Вѣну депутація съ порученіемъ поднести императору петиціи, и войти въ сношенія съ новымъ министерствомъ.

По городамъ вездѣ стала организоваться народная гвардія, а въ Прагѣ, сверхъ того, изъ студентовъ университета составленъ былъ особый академическій легіонъ. Вскорѣ представился и случай употребить въ дѣло это вновь сформированное войско.

Движеніе въ городахъ не осталось безъ вліянія на селенія и въ особенности на фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, которые тотчасъ прекратили работы и стали собираться на улицахъ и площадяхъ. Помѣщики, бывшіе въ дурныхъ отношеніяхъ со своими подданными, тотчасъ оставили имѣнія и поспѣшили убраться въ Прагу или въ Вѣну и другіе большіе города. Тогда крестьянамъ открылся полный просторъ: они отказались отъ обязательныхъ работъ и отъ оброковъ, и перестали повиноваться поставленнымъ помѣщиками властямъ. Насильственныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было никакихъ, да и вообще не было замѣтно никакого ожесточенія, а видно было одно только желаніе воспользоваться свободой. Единственныя нарушенія порядка и правъ помѣщичьихъ состояли въ порубкѣ лѣсовъ и въ охотѣ въ помѣщичьихъ заповѣдныхъ рощахъ. Кое-гдѣ, въ болѣе пустынныхъ мѣстностяхъ, напр. въ южной части, появились разбои и грабежи, но это были незначительныя шайки изъ двоихъ-троихъ, которыя были уничтожены самими сельскими общинами, при содѣйствіи мѣстной стражи.

Сборища рабочихъ, заводскихъ и фабричныхъ, были грознѣе и опаснѣе. Противъ нихъ-то и выступили впервые народная гвардія и академическій легіонъ. Въ народной гвардіи, состоявшей изъ мѣщанъ, офицерами были большею частію дворяне, а главнымъ начальникомъ былъ кн. Лобковицъ. Способъ дѣйствія народной гвардіи и студенческаго легіона былъ совершенно различный. Въ то время какъ первая прибѣгала къ насилію и дѣйствовала про-

тивъ народа оружіемъ, при чемъ бывало много раненыхъ, а иногда случались и убійства, второй постоянно избѣгалъ дѣйствій оружіемъ и старался убѣдить и уговорить народъ, что постоянно удавалось. Такимъ образомъ, одни, дѣйствуя страхомъ, возбуждали ненависть и озлобленіе; другіе мягкими мѣрами привлекали народъ на свою сторону.

По этимъ первымъ пріемамъ можно было видѣть, что здѣсь уже готовы двѣ стороны, которыя будутъ въ постоянномъ антагонизмѣ. На одной сторонѣ дворянство и богатое мѣщанство, т. е. крупные торговцы, заводчики и капиталисты, а на другой — студенты, рабочіе и мелкіе мѣщане. Это раздѣленіе вскорѣ дало себя почувствовать еще больше.

Чешская депутація между тѣмъ возвратилась изъ Вѣны и привезла самыя утѣшительныя извѣстія, именно — согласіе императора на всѣ требованія петиціи. Депутатамъ сдѣлана была самая торжественная встрѣча и все населеніе Праги двинулось на площадь св. Вацлава, гдѣ передъ памятникомъ чешскаго патрона архіепископъ совершилъ благодарственный молебенъ, заключившійся торжественнымъ «Te deum laudamus», которую пѣли тысячи голосовъ подъ открытымъ небомъ.

Войска однако по прежнему стояли въ боевомъ порядкѣ и пушки съ разныхъ пунктовъ направлены на городъ. При такой обстановкѣ, передъ остріемъ штыковъ и подъ жерломъ заряженныхъ пушекъ, трудно было веселиться. Къ тому же, когда прошелъ первый восторгъ, оказалось, что отвѣтъ правительства далеко неудовлетворителенъ. Многія требованія, какъ напр. соединеніе земель чешской короны, самостоятельность общинныхъ учрежденія — отложены до созванія чиновъ; личная безопасность, по словамъ манифеста, достаточно обезпечена существующимъ закономъ; другія приняты во вниманіе. Поэтому, когда городскія власти хотѣли вечеромъ освѣтить городъ по случаю благопріятнаго отвѣта вѣнскаго правительства, студенты со своею партіею воспротивились этому распоряженію, оправдывая свое сопротивленіе тѣмъ, что преждевременное торжество Праги можетъ навлечь подозрѣніе со стороны массы народа, который не вѣритъ обѣщаніямъ, и тогда нельзя будетъ ручаться за спокойствіе страны.

Ихъ резоны приняты и требованіе исполнено; но раздѣленіе между двумя лагерями становилось все шире и глубже.

Между тѣмъ «свято-вацлавское собраніе» стало постояннымъ комитетомъ, который долженъ былъ наблюдать за порядкомъ, служить органомъ народа и быть посредникомъ между народомъ и правительствомъ. Въ комитетѣ этомъ опять видимъ

тоже раздвоеніе: одна часть его видимо успѣла уже сблизиться съ властями, вела съ ними какіе-то сепаратные переговоры и держала свои совѣщанія въ «свято-вацлавскихъ баняхъ» при затворенныхъ дверяхъ; другая требовала совѣщаній открытыхъ и перенесла свои засѣданія въ зданіе на Софійскомъ-Островѣ. Тогда начальство заперло это зданіе и не хотѣло допустить тамъ собраній. Народъ, собравшійся сюда, сталъ-было уже расходиться; но нашлись люди, которые остановили его и настаивали на томъ, чтобъ отворили зданіе. Одинъ изъ мѣщанъ, Фастръ, разъѣзжалъ верхомъ на лошади и сзывалъ народъ; а другой, адвокатъ Сладковскій, оставался на мѣстѣ и требовалъ ключъ. Требованіе ихъ было удовлетворено, зданіе отворено и открыто совѣщаніе, при которомъ присутствовалъ весь народъ, насколько его могла вмѣстить зала софійскаго дома. Здѣсь говорилось много рѣчей, результатомъ которыхъ было рѣшеніе — потребовать отъ правительства удаленія войска, предоставленія города въ вѣдѣніе народнаго комитета и выдачи оружія народному войску. Народу совѣтовали держаться спокойно и твердо и не поддаваться никакимъ льстивымъ обѣщаніямъ. Главными ораторами этого дня (28-го марта) были Сладковскій и молодой ученый и литераторъ Сабина.

Въ смыслѣ этихъ требованій отправлено было прошеніе къ министерству.

Вечеромъ, того же 28 марта, опять происходило совѣщаніе комитета въ «свято-вацлавскихъ баняхъ», на которомъ составлена была новая петиція къ императору. Эта петиція мотивирована тѣмъ, что отвѣтъ правительства на первую «не произвелъ въ настроеніи пражскихъ жителей того успокоенія», которое всѣ считаютъ необходимымъ для поддержанія порядка и общей безопасности, и затѣмъ излагаются желанія народа въ пяти пунктахъ: во-1) повторяется требованіе соединенія земель чешской короны и равноправности двухъ народностей; во 2) требуется «народное представительство, заступающее всѣ интересы страны, однородное (т.-е. безъ раздѣленія по сословіямъ), всеобщее, законодательное и опредѣляющее налоги, на самомъ широкомъ основаніи свободнаго права избирать и быть избираемымъ, также *особенное отвѣтственное министерство* для внутреннихъ дѣлъ этихъ соединенныхъ земель, и установленіе принадлежащихъ ему центральныхъ правительственныхъ учрежденій — въ Прагѣ»; 3) скорѣйшее учрежденіе народныхъ гвардій и полное ихъ вооруженіе; 4) разрѣшеніе на петицію студентовъ пражскаго университета—о допущеніи ихъ представителей на сеймъ, объ академическомъ легіонѣ и выдачѣ оружія, о свободѣ обученія и дру-

гихъ реформахъ въ ихъ статутѣ; и 5) принятіе отъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и войска присяги на конституцію, когда она будетъ объявлена. Въ остальномъ—сказано въ петиціи—чешскій народъ остается при тѣхъ требованіяхъ, которыя были имъ высказаны 11-го марта. Петиція была конечно одобрена цѣлымъ народнымъ комитетомъ; но такъ какъ собирать подписи было бы очень долго, то обратились къ высшему бургграфу гр. Стадіону, чтобъ онъ отъ себя удостовѣрилъ, что изложенныя въ этой петиціи требованія составляютъ желаніе всего населенія Праги, выражавшаго въ то же время желанія цѣлой страны. Стадіонъ сначала-было не соглашался, но, видя, что около его зàмка собираются толпы народа, отчасти вооруженныя, для предупрежденія скандала, уступилъ этому требованію. Толпа съ криками радости отхлынула отъ зàмка и пошла съ этимъ извѣстіемъ по городу.

Въ Вѣну отправилась новая депутація, главными лицами которой были Троянъ и Фастръ, а потомъ къ нимъ присоединился Ригеръ, возвратившійся въ то время изъ Италіи. Переговоры съ правительствомъ на этотъ разъ были удовлетворительнѣе. Соединеніе земель прежней чешской короны отложено до сейма, который долженъ быть созванъ въ самомъ скоромъ времени; сеймъ сзывается на основаніяхъ, изложенныхъ въ петиціи: всѣ города посылаютъ депутатовъ, смотря по ихъ политическому и численному значенію, а отъ сельскаго населенія должно быть по два члена отъ каждаго викаріата; обѣщано особое министерство для чешскаго королевства, и племянникъ императора Францъ-Іосифъ назначенъ уже намѣстникомъ въ Прагу. Съ такими результатами чешская депутація возвращалась изъ Вѣны черезъ Моравію и на время остановилась въ Оломуцѣ.

На университетѣ этой древней столицы Моравіи развѣвалось черно-желто-красное знамя старой нѣмецкой имперіи. Между студентами было сильное движеніе; но это движеніе было въ нѣмецкомъ духѣ, потому что этотъ университетъ постоянно былъ отголоскомъ вѣнскаго. Славянскіе студенты составляли здѣсь незначительный кружокъ, который почти не имѣлъ голоса. По приглашенію ихъ Ригеръ и Троянъ явились на собраніе въ университетъ, чтобъ дать нѣмцамъ объясненіе славянскихъ интересовъ и представить доказательства необходимости соединенія Моравіи съ чешскою короной. Они говорили подъ охраною довольно значительной вооруженной толпы славянъ, и еслибъ не это, имъ пришлось бы весьма плохо, потому что нѣмцы отъ ихъ рѣчей пришли въ ярость и кинулись на ораторовъ. Тогда славяне крѣпко стѣснились около нихъ и на своихъ плечахъ вынесли ихъ изъ собранія и такъ проводили ихъ до гостинницы.

На дорогѣ въ чешской землѣ ихъ вездѣ встрѣчали самымъ торжественнымъ образомъ.

Въ Прагѣ дѣла не стояли. Еще до возвращенія депутаціи, Стадіонъ, желая показать свою искренность и участіе въ народномъ дѣлѣ, созвалъ знающихъ и опытныхъ людей изъ всѣхъ сословій и совѣщался съ ними о предстоявшихъ реформахъ. Дворянство на этихъ совѣщаніяхъ объявило, что оно отказывается отъ своего исключительнаго положенія на сеймѣ. Въ городскія должности произведены новые выборы, при чемъ бургомистромъ выбранъ чехъ Антонинъ Штробахъ, человѣкъ еще молодой, полный энергіи, съ твердымъ характеромъ и успѣвшій уже пріобрѣсти всеобщее уваженіе. Затѣмъ составленъ комитетъ для предстоявшихъ реформъ.

Въ тоже время и народный комитетъ получилъ болѣе опредѣленную организацію. Выбрано было 140 представителей отъ разныхъ сословій и состояній: отъ ремесленниковъ — 15, отъ промышленниковъ (заводчиковъ, фабрикантовъ и др.) — 26, отъ мѣщанъ — 11, отъ докторовъ разныхъ правъ — 27, отъ дворянства — 13, отъ священства — 7, отъ литераторовъ, редакторовъ, профессоровъ — болѣе 40. Больше всего представителей имѣли люди науки и литературы, не принадлежащіе ни къ какому сословію или принадлежащіе всѣмъ одинаково. Для занятій комитетъ раздѣлился на 12 секцій: 1) для составленія проекта временного способа выборовъ; 2) для составленія опредѣленнаго избирательнаго закона; 3) для проекта общинныхъ учрежденій; 4) по дѣламъ школьнымъ; 5) для устройства присутственныхъ мѣстъ; 6) для введенія равноправности языковъ; 7) для устройства крестьянскихъ отношеній и отмѣны «работъ»; 8) для составленія правилъ засѣданій будущаго сейма; 9) для опредѣленія отношеній чеховъ ко всѣмъ австрійскимъ землямъ вообще, къ отдѣльнымъ землямъ австрійской короны и къ германскому союзу; 10) для внутреннихъ дѣлъ, которыя не указаны въ другихъ рубрикахъ; 11) для дѣлъ вѣры и 12) для дѣлъ канцелярскихъ, книгопечатанія и кассъ. Каждое отдѣленіе имѣло своего предсѣдателя, а предсѣдателемъ цѣлаго комитета былъ гр. Стадіонъ. Какъ только возвратилась депутація изъ Вѣны, на другой же день (11 апр.), начались засѣданія и приготовительныя работы для открытія сейма. Прежде всего былъ изготовленъ избирательный уставъ; затѣмъ образованы были коммиссіи для обработки по частямъ конституціи, между прочимъ устава о выкупѣ крѣпостного труда.

Въ Прагѣ все было смирно въ ожиданіи сейма и реформъ, комитетъ работалъ усердно и дѣло подвигалось успѣшно, какъ

вдругъ министръ Пиллерсдорфъ предписалъ выборы во всѣхъ нѣмецко-австрійскихъ земляхъ во франкфуртскій сеймъ, и, въ числѣ нѣмецкихъ земель, Чехія, Моравія и Силезія также должны были отправить туда своихъ депутатовъ. Это поразило всѣхъ какъ громомъ. Явились и депутаты отъ франкфуртскаго комитета, образованнаго въ Австріи: секретарь виртембергскаго университета Вехтеръ, докт. Шиллингъ изъ Зальцбурга, и Куранда, издатель «Grenzbote» въ Вѣнѣ. Послѣдній особенно извѣстенъ былъ своею ненавистью къ славянамъ; поэтому самый выборъ его не обѣщалъ ничего хорошаго. Весь чешскій комитетъ единодушно отказался отъ выборовъ во Франкфуртъ. Противъ требованія франкфуртистовъ выступилъ отъ имени комитета Ригеръ. Онъ говорилъ, что *для блага Австріи нужно отказаться отъ дѣлъ Германіи* (пророческія слова, оправдавшіяся въ 1866 году), что ядро австрійской имперіи должны составить славяне, что она больше выиграетъ, если *будетъ дѣйствовать въ духѣ славянскомъ* и *обратитъ больше вниманія на юго-славянскія земли* (заблужденіе, отъ котораго теперь чехи, кажется, должны излечиться), что отъ итальянскихъ земель также слѣдуетъ отказаться, потому что господство это поглощаетъ только огромныя средства, заставляетъ Австрію тратить много силъ, поддерживая только ложную политику, наслѣдованную ею отъ старой германской имперіи. «Одинъ публицистъ сказалъ, — продолжалъ Ригеръ, — что чехи — вередъ Германіи: пусть же этотъ вередъ будетъ вырѣзанъ. Мы не хотимъ быть паразитомъ на благородномъ стволѣ нѣмецкаго дуба, мѣшая его роскошному росту и свободному развитію. Оставьте этотъ паразитъ свободно рости на своей родной почвѣ въ Австріи, и онъ разростется могучимъ деревомъ и вмѣстѣ съ другими деревьями великолѣпнаго австрійскаго лѣса будетъ *охранять лѣсъ Германіи* отъ бурь, грозящихъ ему *съ востока*! Самостоятельная Австрія между Россіей и Германіей самый надежный оплотъ противъ угрожающаго съ востока деспотизма, и также необходима, какъ необходимымъ полагали нѣкоторые нѣмецкіе политики съ тою же цѣлію возстановленіе Польши».

Ригеру отвѣчалъ Шиллингъ. Его рѣчь была полна рѣзкихъ выходокъ противъ славянъ. Онъ говорилъ о ихъ безтактности, о неспособности къ самостоятельной политической жизни, и въ заключеніе добавилъ: «нѣмцы никакъ не могутъ оставаться въ австрійской имперіи, такъ какъ они здѣсь всегда будутъ въ меньшинствѣ, и потому они непремѣнно должны присоединиться къ Германіи, а съ ними вмѣстѣ конечно и чехи». Палацкій замѣтилъ на это, что стыдно было бы нѣмцамъ, еслибъ они не

хотѣли оставаться въ австрійскомъ союзѣ изъ-за того только, что не могли бы тамъ господствовать, и потомъ обратилъ вниманіе на то, что господства славянъ имъ нечего бояться, такъ какъ славяне отличаются толерантностью и кротостію, и никогда еще ни одинъ народъ не былъ ими притѣсняемъ.

Эти совѣщанія происходили частно, не въ полномъ собраніи, по крайней мѣрѣ въ то время не присутствовала посторонняя публика; иначе дѣло, вѣроятно, не обошлось бы безъ большого шума. На другой день въ полномъ собраніи читался отчетъ объ этихъ совѣщаніяхъ. Ригеръ, читая стенографическій протоколъ этихъ совѣщаній съ франкфуртцами и прочитавши замѣчаніе Шиллинга, что «если чехи не согласятся добровольно, то присоединеніе ихъ будетъ вынуждено остріемъ меча», возвысивъ голосъ, добавилъ: «на такіе аргументы мы отвѣтимъ цѣпами». Эта выходка была встрѣчена страшными рукоплесканіями съ галлереи и въ тоже время раздались угрозы противъ франкфуртскихъ покушеній. Раздраженіе достигло такой степени, что на время засѣданіе должно было прекратиться и всѣ члены вышли изъ залы, покуда уймется волненіе.

Въ этомъ эпизодѣ со всею яркостью выразился характеръ чешскаго движенія, въ которомъ самый строгій судья не могъ бы отыскать революціонныхъ элементовъ. Напротивъ, движеніе чеховъ было чисто консервативное. Только одинъ какой-нибудь моментъ было неопредѣленное волненіе, въ которомъ было что-то похожее на соціально-политическое направленіе; но вскорѣ обозначился чисто консервативный характеръ, и онъ опредѣлился еще яснѣе съ того времени, какъ Прагу посѣтили франкфуртскіе депутаты. Съ этого момента чехи становятся въ совершенно иныя отношенія къ Вѣнѣ. Они видятъ въ ней элементъ, разрушающій единство имперіи, и всѣми силами противодѣйствуютъ всѣмъ ея дѣйствіямъ, чтобъ только спасти цѣлость и независимость Австріи. Это ясно какъ день, а между тѣмъ съ этого момента и начинается правительственная аттака противъ чеховъ.

Пріѣздъ франкфуртистовъ и предписаніе выборовъ въ германскій сеймъ совершенно перевернули Прагу вверхъ дномъ. Пражскіе нѣмцы засуетились во имя германскаго единства и стали во враждебное отношеніе къ чехамъ; чехи, находясь въ большинствѣ, подняли такой шумъ, что нѣмцы сочли себя въ опасности и, тайно и явно, стали сноситься съ Вѣной, съ правительствомъ и съ партіей движенія, прося защиты и помощи противъ готовыхъ, будто бы, проглотить ихъ чеховъ. Однимъ словомъ, поднялась страшная кутерьма.

Все это время Прага оглашалась то чешскими народными пѣснями, то *кочичиной* (Katzenmusik). Нерѣдко толпа бросалась на жидовъ, которые постоянно держали сторону нѣмцевъ, дерзко относились къ чешской народности и разными способами поддразнивали народъ. Дѣло однако не заходило дальше выбитія стеколъ въ лавкѣ или какого-нибудь взаимнаго побоища, но и это случалось рѣдко, въ большей части случаевъ предупреждалось вмѣшательствомъ народной охранной стражи, при чемъ подстрекателей или зачинщиковъ съ той и другой стороны подвергали аресту. Власти въ это время совершенно не дѣйствовали; да и не къ чему было дѣйствовать, потому что народная гвардія и академическій легіонъ поддерживали всюду порядокъ.

При такомъ положеніи дѣлъ вмѣсто гр. Стадіона высшимъ бургграфомъ въ Прагу назначенъ былъ гр. Левъ Тунъ, единственный чешскій писатель изъ аристократіи, человѣкъ, постоянно заявлявшій себя горячимъ чешскимъ патріотомъ, словомъ, дѣломъ и матеріальными средствами помогавшій чешской литературѣ и народности. Радость чеховъ отъ такого назначенія была неописанная, но, какъ и бо̀льшая часть человѣческихъ радостей, преждевременная и неумѣстная, потому что графу Туну съ перваго же разу не понравились никакія заявленія, хотя бы это были и невинныя заявленія радости.

Онъ началъ свою дѣятельность съ того, что запретилъ аплодисменты и всякое выраженіе удовольствія или неудовольствія въ народномъ комитетѣ, что было совершенно излишне. Въ этомъ не видѣлъ никакой надобности ни одинъ изъ членовъ комитета, которыхъ это дѣло касалось прежде всѣхъ: всякій шумъ на галлереѣ легко унимался по знаку какой-нибудь популярной личности. Такое запрещеніе вызвало всеобщее негодованіе, обнаруживая въ человѣкѣ капризъ и придирчивость. Потомъ онъ хотѣлъ запретить народу предъявлять какія бы то ни было требованія. Подобнаго рода мѣрами, совершенно неумѣстными при тогдашнемъ положеніи вещей, не приносившими ни малѣйшей пользы, но сильно раздражавшими, Тунъ волновалъ народъ и дѣлалъ это будто съ намѣреніемъ.

Штробахъ, видя, что со вступленіемъ Туна дѣла пошли хуже и нѣтъ никакой возможности поддержать порядокъ, что̀ считалъ своею обязанностію, — вышелъ въ отставку. На его мѣсто вступилъ Пштросъ, человѣкъ далеко не имѣвшій ни способностей, ни энергіи, ни популярности своего предшественника, полу-чехъ и полу-нѣмецъ, впрочемъ больше, кажется, склонный къ нѣмецкой партіи.

Къ довершенію всего Пиллерсдорфъ октроировалъ конституцію

(25 апр.), оставивъ совершенно безъ вниманія тѣ основанія, которыя выставлены были въ чешской петиціи и приняты были прежде самимъ правительствомъ.

Волненіе усилилось. Все требовало сейма, и Тунъ на свой страхъ назначилъ его на 17-е мая. Опять все начало утихать, какъ вдругъ приходитъ извѣстіе, что императоръ со всѣмъ дворомъ оставилъ Вѣну.

Извѣстіе это подѣйствовало на всѣхъ неодинаково. Чехи обрадовались этому, видя въ томъ демонстрацію противъ франкфуртской партіи, совершенно овладѣвшей Вѣною; а нѣмцы, смотря на дѣло съ той же точки зрѣнія, перепугались и торопились помириться съ чехами. Слѣдствіемъ этого было то, что въ пользу германскаго сейма въ Прагѣ оказалось только три голоса, и единственными приверженцами его были только чисто нѣмецкіе пограничные округи на западѣ.

Тунъ, почитая Вѣну въ рукахъ мятежниковъ, старался теперь опять сблизиться съ народнымъ комитетомъ и упросилъ представителей его составить временный совѣтъ для обсужденія своего положенія. Совѣтъ составился изъ 7 человѣкъ: Палацкаго, Ригера, Борроша, гр. Альб. Ностица, Браунера, гр. Вильг. Вурмбранда и Штробаха. Этотъ совѣтъ обратился во временное правленіе, которое рѣшилось войти въ прямыя сношенія съ императоромъ, для чего и посланы были въ Инспрукъ Ригеръ и Ностицъ. Имъ поручено было просить у императора утвержденія этого временнаго правленія и скорѣйшаго созванія чешскаго сейма. Посланные, прибывши въ Инспрукъ, застали тамъ около императора министровъ Вессенберга и Доблъгофа, хорватскаго бана Елачича, венгерскихъ министровъ Эстергази и Батіани, гр. Стадіона, которому въ то время хотѣли поручить составленіе новаго министерства, представителей иностранныхъ дворовъ и шумную толпу вѣнцевъ. Здѣсь на самомъ тѣсномъ пространствѣ сталкивались люди самыхъ противоположныхъ партій и убѣжденій, иногда квартировали въ одной гостинницѣ и обѣдали за однимъ столомъ. Чешскіе посланные были приняты императоромъ очень благосклонно. Тотчасъ приступлено было къ составленію проекта объ отвѣтственномъ министерствѣ, и главная работа по этому проекту отдана была Ригеру и Ностицу. Тутъ же Францъ-Іосифъ назначенъ былъ чешскимъ намѣстникомъ, и уже названы были нѣкоторые совѣтники, долженствовавшіе стать при немъ. Рѣшено было также немедленно созвать чешскій сеймъ.

Все, что ни дѣлалось въ Прагѣ, дѣлалось при участіи тамошней законной власти и получало санкцію высшаго правительства, находившагося въ то время въ Инспрукѣ; но прави-

тельство, сидѣвшее въ Вѣнѣ, тѣмъ самымъ сильно оскорблялось. Пиллерсдорфъ требовалъ остановить выборы въ чешскій сеймъ и предписалъ выборы въ рейхсратъ. Когда въ обыкновенное время всякая отмѣна недавнихъ распоряженій въ состояніи произвести суматоху, то каково она могла подѣйствовать въ то время, когда въ народѣ страсти бушевали и готовы были произвести взрывъ при первомъ поводѣ? Тунъ отказался исполнить требованіе министра. Пиллерсдорфъ сталъ принуждать его отказаться отъ должности. Тунъ остался; но суматоха уже была произведена. Народъ былъ совершенно сбитъ съ толку: одно правительство дѣлаетъ извѣстныя распоряженія, другое уничтожаетъ ихъ; одно обѣщаетъ, другое отказываетъ; одно наконецъ даетъ, другое отнимаетъ. Видимо, что съ нимъ играютъ, что его всѣ обманываютъ. Терпѣніе народа истощилось; онъ не сталъ никому вѣрить. Не только народный комитетъ, во главѣ котораго стоялъ Тунъ, но и болѣе популярныя личности потеряли его довѣріе и лишились всякаго вліянія на него. Тогда изъ главнаго комитета выдѣлился меньшій комитетъ, который сталъ дѣйствовать особо; а главный сдѣлался органомъ по преимуществу привилегированныхъ сословій. Въ этомъ послѣднемъ происходили какія-то тайныя совѣщанія, которыя носили явно характеръ заговора противъ народа. Тунъ дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Онъ разсылалъ секретные циркуляры къ окружнымъ начальникамъ, чтобъ они старались скрыть отъ народа настоящее положеніе дѣлъ, и людей, популярныхъ въ народѣ, какимъ бы то ни было способомъ лишить его довѣрія. Между пражскимъ временнымъ правительствомъ и вѣнскимъ министерствомъ возстановилось доброе согласіе и въ дѣйствіяхъ полнѣйшее единство. Ударъ надъ Прагой былъ уже занесенъ и готовъ былъ разразиться каждую минуту.

Но прежде чѣмъ ударъ этотъ разразился, въ Прагѣ успѣлъ розыграться еще одинъ эпизодъ изъ славянскаго движенія, которому и въ то время и впослѣдствіи одни придавали слишкомъ много значенія, другіе не придавали совершенно никакого. Я разумѣю здѣсь славянскій съѣздъ [1]).

Такъ какъ объ этомъ съѣздѣ достаточно писалось и въ русской литературѣ, то мнѣ нѣтъ надобности описывать его снова, а я остановлюсь только на той сторонѣ его дѣятельности, которая

[1]) Полное описаніе этого съѣзда находится во «Временникѣ Чешскаго Музея» за 1848 г. Тамъ помѣщены списки всѣхъ членовъ, рѣчи, произнесенныя на немъ, заключенія коммиссій, манифестъ къ европейскимъ народамъ, адресъ императору, однимъ словомъ, всѣ относящіеся къ нему документы. Описаніе это было переведено въ началѣ 60-хъ годовъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Древн.» Лучшая оцѣнка его въ статьѣ «Два мѣсяца въ Прагѣ», Совр., 1860 г.

дополняетъ картину общаго состоянія и настроенія умовъ у славянъ въ это смутное время.

Прежде всего замѣчу, что, говоря о съѣздѣ, мы должны строго различать первоначальную идею, воодушевлявшую лица, впервые предложившія его, отъ тѣхъ идей, которыя послѣ стали входить въ него подъ вліяніемъ событій дня.

Идея славянскаго съѣзда зародилась прежде всѣхъ у юго-славянъ, именно въ Загребѣ. Теоретическій панславизмъ чеховъ, остановившійся на идеѣ учено-литературной взаимности всѣхъ славянъ отъ Альповъ и до Урала и т. д., здѣсь нашелъ практическое примѣненіе въ политической борьбѣ съ мадьярами. Представителемъ этого направленія у хорватовъ является Людевитъ Гай, который проповѣдовалъ народное единство южныхъ славянскихъ племенъ и хотѣлъ подъ общимъ именемъ «иллировъ» соединить всѣхъ юго-славянъ: сербовъ, хорватовъ, словинцевъ, далматинцевъ и т. д. Если его стремленія были нѣсколько заподозрѣны въ томъ отношеніи, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ духѣ не по чувству патріотизма, а въ какомъ-то договорѣ съ австрійскимъ правительствомъ, то идея этого единства была такъ своевременна и умѣстна, что за нее ухватились тотчасъ же лучшіе представители народа. Съ этимъ направленіемъ является цѣлый рядъ лучшихъ сербо-хорватскихъ писателей. Это патріотическое увлеченіе въ началѣ 40-хъ годовъ разрѣшилось кровавыми схватками хорватовъ съ мадьярами во время выборовъ въ венгерскій сеймъ. Поэзія ихъ не витаетъ въ заоблачной сферѣ, а призываетъ народъ къ оружію противъ своего врага, который въ печати не назывался только по имени.

«Тотъ, кто родился славяниномъ (говоритъ одно стихотвореніе этой эпохи), и родился героемъ, — подними теперь высоко свое знамя; каждый подпояшь свою саблю, каждый садись на бойкаго коня! Впередъ, братья, Богъ съ нами, злой духъ противъ насъ.

«Смотрите, какъ черный дикій татаринъ (т. е. мадьяръ) попираетъ нашу націю и нашъ языкъ; но прежде, чѣмъ онъ успѣетъ насъ покорить, мы сбросимъ его въ бездну ада.

«Съ сѣвера храбрый словакъ, и съ юга иллиръ, братски подаютъ другъ другу руки на геройское пиршество, на блескъ копій, звуки трубъ, трескъ мечей, громъ пушекъ.

«Пусть каждый срубитъ одну голову, чтобы омыть нашу славу во вражеской крови, и конецъ нашихъ страданій достигнутъ. Впередъ, братья» и т. д.

Не для литературной только взаимности, а для практиче-

скаго дѣла поэтъ начинаетъ перечислять всѣхъ славянъ, отыскивая ихъ вездѣ по Европѣ и Азіи.

Мадьяры, видно было теперь ясно, стремились уже къ политическому отдѣленію отъ Австріи; итальянскія земли хотѣли составить одно цѣлое съ остальной Италіей; нѣмцы хлопотали объ единой Германіи. Что́ же будетъ тогда со славянами? — Этотъ вопросъ являлся самъ собою. Въ случаѣ распаденія Австріи славянамъ приходилось стать подъ три различныя власти: германскую, итальянскую и венгерскую, и окончательно потерять между собою всякую политическую связь, или искать какого-нибудь выхода изъ такого положенія. Еще въ началѣ апрѣля хорватскій банъ Елачичъ, находясь въ Вѣнѣ, видѣлся съ Шафарикомъ, который въ то время прибылъ изъ Праги по приглашенію министра просвѣщенія барона ф. Соммаруча, и съ другими представителями славянства. Эти предварительныя совѣщанія привели къ той мысли, что нѣмецкому парламенту во Франкфуртѣ и венгерскому сейму нужно противопоставить славянскій конгрессъ въ Прагѣ. Люди, которымъ впервые пришла эта идея, какъ напр. Елачичъ, были чисто австрійскихъ убѣжденій, слѣдовательно славянскій конгрессъ направленъ былъ прямо противъ сепаратизма нѣмцевъ, мадьяръ и итальянцевъ. Очень вѣроятно, что въ совѣщаніяхъ этихъ принимало участіе и австрійское правительство или, вѣрнѣе, та часть его, которая еще вѣрила въ возможность сохранить цѣлость австрійской имперіи и работала для этой цѣли, не увлекаясь идеею германскаго единства.

Вслѣдъ за этимъ предварительнымъ совѣщаніемъ, хорватскій патріотъ и писатель Кукулевичъ первый сдѣлалъ воззваніе о славянскомъ съѣздѣ въ газетѣ «Славянскій Югъ», и это воззваніе быстро было подхвачено всѣми другими славянскими органами.

Въ концѣ апрѣля, въ Вѣнѣ составленъ былъ комитетъ изъ представителей всѣхъ живущихъ въ Австріи славянъ, и 1-го мая сдѣлано объявленіе, что славянскій съѣздъ долженъ сойтись въ Прагѣ, и днемъ собранія назначалось 31 мая. Въ этомъ воззваніи, адресованномъ «ко всѣмъ славянамъ австрійской имперіи», чѣмъ совершенно устранялся панславистическій характеръ, въ концѣ безъ всякаго умысла сдѣлана была совершенно невинная, но имѣвшая важное значеніе, прибавка, что славяне изъ другихъ, не-австрійскихъ земель, которые захотятъ присутствовать на этомъ съѣздѣ, будутъ приняты съ радостію, какъ дорогіе гости. Противъ этого сильно возставалъ Шафарикъ, находя въ этомъ непослѣдовательность; но такъ какъ имѣлось въ виду, что изъ

другихъ земель славянъ будетъ по всей вѣроятности очень немного, то такъ и оставили.

Въ Прагѣ, надо замѣтить, независимо отъ идеи, возникшей у юго-славянъ, явилась идея *сохраненія единства Австріи*. Недѣлю спустя послѣ собранія въ свято-вацлавскихъ баняхъ, именно 18-го марта, по приглашенію нѣмецкаго поэта К. Э. Эберта, собрались на совѣщаніе нѣмецкіе и чешскіе писатели. Предсѣдателемъ этого собранія единогласно избранъ былъ Шафарикъ. Цѣлью этого собранія было рѣшить самый общій вопросъ: что̀ имъ дѣлать при настоящемъ положеніи? Одни утверждали, что нужно дѣйствовать, чтобъ спасти народъ отъ разныхъ зловредныхъ вліяній и агитацій, объяснить ему истинный смыслъ событій и указать, какъ онъ долженъ держаться и поступать. Для этого предлагали издавать летучіе листки. Другіе возражали: кто же будетъ писать эти листки? кто возьмется быть истолкователемъ событій и поручится въ томъ, что его толкованіе истинно, такъ какъ въ этой путаницѣ никто ничего не понималъ? и какіе взгляды проводить въ нихъ? Дебаты были жаркіе и безконечные и привели къ тому единственному заключенію, что должно стараться внушать и поддерживать *духъ умѣренности*. На этомъ всѣ согласились и остановились, и предсѣдатель формулировалъ это рѣшеніе такъ: члены этого общества должны стараться «во всѣхъ предназначенныхъ къ публикаціи сочиненіяхъ держаться образа выраженій свободнаго, но умѣреннаго, и воздерживаться отъ всѣхъ *выраженій, которыя принадлежатъ области свободной прессы* (?)». Это постановленіе было изложено на бумагѣ и подписано, какъ обязательство, всѣми, участвовавшими въ этомъ собраніи. На второмъ собраніи, послѣдовавшемъ три дня спустя (21 марта), этотъ актъ былъ дополненъ прибавкой, что члены этого общества обязываются поддерживать согласіе между чешскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ и въ особенности *идею крѣпкой связи чешской короны съ австрійской монархіей*. Тѣмъ, кажется, и закончилась дѣятельность общества.

Въ сущности, характеръ этого общества и того, въ которомъ родилась мысль славянскаго съѣзда, одинъ и тотъ же: совершенно консервативный въ смыслѣ сохраненія австрійскаго единства противъ всякихъ стремленій сепаратизма. Въ этомъ отношеніи Прага, Загребъ и австрійское правительство совершенно отождествлялись въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ.

Предложеніе славянскаго съѣзда встрѣтило самое живое участіе въ чехахъ. Они быстро кинулись пропагандировать эту идею въ своихъ повременныхъ изданіяхъ, а Карлъ Гавличекъ

нарочно съ этой цѣлью предпринялъ путешествіе по Галиціи и другимъ австрійско-славянскимъ землямъ.

Въ послѣдніе дни мая стали собираться въ Прагѣ славяне изъ разныхъ концовъ. Это былъ все цвѣтъ славянства: представители науки, литературы, земства, мѣщанства и другихъ общественныхъ сферъ. «Но—съ прискорбіемъ замѣчаетъ при этомъ одинъ австрійско-славянскій писатель — одновременно съ этими *отборными людьми австрійскаго славянства* прибыла многочисленная стая тѣхъ птицъ бури, которыя всегда предвѣщаютъ близость сильной грозы. Это были, гладенькіе съ виду, люди, которые держались, какъ вообще поляки, и придравшись къ добавленію въ концѣ воззванія, явились на славянскій конгрессъ, несмотря на то, что ихъ никто не звалъ и не могъ указать, какое собственно призваніе они могутъ здѣсь выполнить. Русскій Бакунинъ и познанскій полякъ Карлъ Либельтъ были ихъ вожаками» [1]).

Въ предварительномъ комитетѣ, въ которомъ разсуждалось о томъ, въ какой формѣ долженъ конституироваться съѣздъ и что̀ должно войти въ программу его дѣйствій, приняты были слѣдующіе мотивы: «если вѣнскіе министры у его велич. императора возбудили такъ мало довѣрія, что онъ не посовѣтовался съ ними даже о своемъ быстромъ отъѣздѣ, то мы, славяне, еще меньше можемъ имъ довѣрять. Намъ вѣдь извѣстно, что они держатся исключительно нѣмецкихъ тенденцій и совершенно подчинились той партіи въ Вѣнѣ, которая дѣйствуетъ путемъ революціоннымъ, и притомъ на погибель славянства» [2]).

31-го мая конгрессъ конституировался и раздѣленъ былъ на три секціи: юго-славянскую, польско-русинскую и чешскую. Предсѣдательство было предложено Шафарику, но онъ отказался, и потому званіе это принялъ Палацкій. 1-го іюня главный комитетъ конгресса представился высшему бурграфу, гр. Льву Туну, при чемъ послѣдній, привѣтствуя комитетъ, сдѣлалъ ему серьезное предостереженіе на счетъ постороннихъ «гостей». По той же причинѣ еще прежде гр. Матвѣй Тунъ сложилъ съ себя званіе предсѣдателя комитета для созванія конгресса.

2-го іюня происходило торжественное открытіе съѣзда въ залѣ Софійскаго острова. Палацкій, предсѣдатель, или какъ принято было въ то время назвать этотъ постъ, староста, привѣтствовалъ собраніе рѣчью, изъ которой мы приведемъ нѣсколько мѣстъ, выражающихъ настроеніе собравшагося общества. «То,

---

[1]) Joseph Jirecek, «P. I. Schafarik, biographisches Denkmal, въ Oesterreichische Revue 1865. B. 8. § 44.

[2]) «Временникъ Чешск. Муз.», 1848 г. стр. 26.

чего отцы наши не смѣли надѣяться — говорилъ онъ — что въ молодости каждому изъ насъ представлялось какъ прекрасный сонъ, чего незадолго до этой минуты мы не могли выразить, какъ горячаго желанія, то нынѣшній день передъ нашими, полными блаженства взорами стало живымъ дѣломъ: братья-славяне изъ всѣхъ широко-далеко раскинувшихся родныхъ краевъ въ огромномъ числѣ прибыли сюда, въ старославную Прагу, чтобъ здѣсь признаться къ своей великой семьѣ и подать другъ другу руки въ вѣчномъ союзѣ любви и братства. Такой великій народъ, какъ нашъ, никогда не потерялъ бы свою первобытную самостоятельность, еслибъ не произошло раздѣленія внутри его, еслибъ самъ онъ не разсѣялся, не чуждался самъ себя, еслибъ мы не преслѣдовали каждый свою особую политику. Но вѣроятно такъ должно было быть, чтобъ мы наконецъ, наученные многовѣковою горькою опытностью, глубоко поняли, что составляетъ нашу главную потребность.... теперь мы опять достигли своего древняго наслѣдства, мы опять стали и навсегда останемся свободными. Я чувствую вдохновеніе и вмѣстѣ съ евангельскимъ мужемъ взываю: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко!..... яко видѣста очи мои спасеніе мое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей, во откровеніе языкомъ и во славу *славянскаго племени* [1])»»! Затѣмъ слѣдовали рѣчи на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и ораторы по большей части были въ національныхъ костюмахъ, а юго-славяне гремѣли саблями. Сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Шафарика, единственная въ его жизни, въ которой онъ отступаетъ отъ обычной холодной сдержанности и выступаетъ просто, какъ человѣкъ и гражданинъ. Она не напечатана во «Временникѣ Чешскаго Музея», поэтому почти неизвѣстна у насъ и, я думаю, не будетъ лишнимъ для знакомства съ нею привести здѣсь хоть заключеніе. Изобразивши во всей полнотѣ и живости судьбу славянскихъ народовъ, представивъ ихъ недостатки и указавъ, что̀ должно составлять ихъ требованіе въ настоящій моментъ, онъ заключилъ свою рѣчь такъ: «Народы собираются и совѣщаются о себѣ и объ насъ, славянахъ, о своей и нашей будущности. Какой же ихъ приговоръ объ насъ? Не станемъ скрывать его, какъ бы онъ жо̀стокъ ни былъ. Они говорятъ, что мы неспособны для свободы, для высшей политической жизни, и именно потому и единственно потому, что мы славяне. Если мы не поступаемъ такъ, какъ они хотятъ, т. е. если мы не онѣмечиваемся, не мадьяризуемся, не итальянизируемся, они называютъ насъ варварами. Если мы хотимъ истин-

---

[1]) «Врем. Чешск. Муз.», 1848 г. стр. 32.

наго образованія, т. е. въ основаніи быть и остаться славянами, они называютъ насъ измѣнниками отечеству и врагами свободы. Такъ не можетъ больше продолжаться. И для насъ настала рѣшительная минута. Невинность передъ Богомъ и передъ совѣстью не значитъ ничего передъ судомъ свѣта. Мы должны или *оправдать себя дѣломъ и доказать, что свобода наше призваніе*, или, не медля, превратиться въ нѣмцевъ, мадьяръ или итальянцевъ, чтобъ не быть болѣе народамъ въ тягость и не служить поводомъ раздраженія. Мы или должны добиться того, чтобъ всякій изъ насъ съ гордостью могъ сказать: «я славянинъ!» или перестать быть славянами» [1]).

Собраніе, слушавшее всю рѣчь съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, при заключительныхъ словахъ пришло въ страшный энтузіазмъ. Юго-славяне гремѣли и махали саблями, всѣ, преисполненные чувства, кидались другъ другу въ объятія. Вообще произошла одна изъ рѣдкихъ сценъ одушевленія.

Отдѣленія конгресса работали неутомимо, собираясь до обѣда и послѣ обѣда. «При этомъ—замѣчаетъ біографъ Шафарика—въ польско-русскомъ отдѣленіи господствовалъ строгій парламентарный порядокъ; въ чешскомъ дебаты были живѣе и за ними часто отступали отъ вещей, бывшихъ на дневной очереди; юго-славянское, безъ дальнихъ разсужденій, быстро переходило къ заключеніямъ, такъ какъ положеніе ихъ народа требовало поспѣшности».

Предварительный комитетъ назначилъ слѣдующую программу дѣятельности конгресса: 1) составить союзъ австрійскихъ славянъ для взаимной помощи и защиты; 2) формулировать условія, на какихъ желали бы славяне преобразовать Австрію, оставивши въ Вѣнѣ учрежденіе парламента всѣхъ австрійскихъ народовъ; 3) формулировать желанія касательно отношеній къ не-австрійскимъ славянамъ, которыя должны заключаться во взаимномъ содѣйствіи славянскому искусству и наукѣ; 4) высказаться о томъ, имѣютъ ли заключенія франкфуртскаго парламента обязательную силу для каждой части Австріи и должно ли и въ какой формѣ выразить противъ того со стороны славянъ протестъ; наконецъ 5) отправить депутацію съ заключеніями конгресса въ императорскій станъ.

Въ чешскомъ отдѣленіи, 3-го іюня, подъ предсѣдательствомъ Шафарика, разбиралось первое предложеніе программы. Мнѣнія раздѣлились на-двое: представителемъ одного былъ словакъ Людевитъ Штуръ, который требовалъ образованія «независимыхъ

---

[1]) Oesterr. Revue, S. 45—46.

славянскихъ общинъ подъ австрійскимъ господствомъ», другими словами, устраняя всѣ историческія условія, требовалъ преобразованія на основаніяхъ чисто-національныхъ, и первою обязанностію предлагалъ этому союзу устранить преобладаніе мадьяръ, которые стремятся сдѣлаться центральною силою Австріи. Представителемъ другого мнѣнія явился Шафарикъ, которому предложеніе Штура казалось выходящимъ изъ границъ дѣятельности конгресса, и выставилъ противъ него свое предложеніе, формулированное такъ: «Совокупность представителей славянскихъ общинъ и народовъ общей всѣмъ австрійской монархіи, разумѣя подъ этимъ и земли венгерской короны, составляютъ, на основаніи конституціонныхъ правъ, союзъ для охраненія своей національности въ полномъ смыслѣ слова тамъ, гдѣ она уже пользуется національными правами, и для достиженія ихъ тамъ, гдѣ она ихъ еще не имѣетъ. Для достиженія этой цѣли они будутъ пользоваться всѣми тѣми средствами, которыя имѣютъ значеніе и допускаются для защиты естественныхъ правъ противъ ихъ притѣсненія въ обществѣ, основанномъ на началахъ права». Послѣ продолжительныхъ преній, мнѣніе Шафарика въ чешскомъ отдѣленіи было принято и представлено въ слѣдующее засѣданіе общему собранію, гдѣ также многимъ понравилось; но польское отдѣленіе вообще не совсѣмъ было довольно нѣкоторою неопредѣленностію цѣлой программы. Либельтъ выступилъ отъ польскаго отдѣленія и предложилъ, вмѣсто пяти, три пункта: 1) манифестъ къ народамъ Европы, 2) адресъ императору и 3) проектъ славянскаго союза. Предложеніе Либельта отличалось отъ чешскаго простотою и ясностью. Манифестъ долженъ былъ быть составленъ, по его мнѣнію, въ демократическомъ духѣ; въ адресѣ императору внести статью о покровительствѣ польскимъ эмигрантамъ, а славянскій союзъ долженъ, всѣми зависящими отъ него средствами, защищать славянъ вездѣ, хотя бы за предѣлами австрійской имперіи. «Выраженіе удивленія изобразилось на лицахъ глубокомысленныхъ чеховъ, когда Либельтъ окончилъ». Но тѣмъ не менѣе проектъ этотъ усвоенъ. Затѣмъ Либельтъ предлагалъ по порядку отдѣльные проекты, по всѣмъ тремъ пунктамъ, надъ которыми онъ работалъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ. Правда, ни одинъ изъ его проектовъ не былъ принятъ, но предлагавшіе вмѣсто него другіе проекты должны были сообразжаться съ высказанными имъ принципами. Ученые теоретики должны были подчиняться здравому уму политически опытнаго дѣятеля.

До сихъ поръ о дѣятельности славянскаго съѣзда мы знаемъ только то, что̀ послѣ напечатано было во «Временникѣ Чешскаго Музея»; но это были, такъ сказать, только оффиціальные

акты съѣзда; а между тѣмъ наибольшая доля его дѣятельности, не получившая оффиціальности, намъ неизвѣстна, оставшись отчасти въ неизданныхъ документахъ, отчасти въ отдѣльныхъ запискахъ. Многія лица, участвовавшія въ немъ, до сихъ поръ живы и конечно хорошо помнятъ все, что̀ дѣлалось, но почему-то таятъ это про себя: боятся ли они гласности, чтобъ не скромпрометтировать многія лица передъ правительствомъ, или, можетъ быть, не хотятъ выставлять на судъ свѣта грѣхи своего прошлаго; во всякомъ случаѣ, пока не будутъ изданы документы, относящіеся къ внутренней дѣятельности съѣзда, и не издадутъ своихъ записокъ и воспоминаній объ немъ люди въ немъ участвовавшіе, онъ останется для насъ не вполнѣ яcенъ. Извѣстно, что въ то время, какъ съѣздъ трактовалъ о разныхъ вопросахъ со всею важностію, подобающею и предмету, и лицамъ собравшимся, одинъ изъ его среды, не менѣе ихъ всѣхъ хлопотавшій о томъ, чтобъ съѣздъ этотъ состоялся, часто, отойдя въ сторону, предавался неудержимому смѣху, который потомъ высказалъ въ нѣсколькихъ сатирахъ. Это былъ Гавличекъ, бывшій секретаремъ съѣзда. Этотъ человѣкъ всегда относился къ дѣлу серьезно и принимался за него горячо; такъ точно онъ относился и къ съѣзду, но вѣроятно сильно разочаровался, потому что его сатира никогда не служила ему забавой, а вытекала изъ глубокаго сознанія неудачи и обманутыхъ ожиданій. Нельзя не пожалѣть, что сатиры его, составляющія весьма важную часть его дѣятельности, до сихъ поръ остаются подъ спудомъ, иначе онѣ на многое бросили бы истинный свѣтъ.

Впрочемъ, противорѣчія и несообразности, поражавшія современнаго сатирика, очевидны сами по себѣ. Самая идея спасенія Австріи — не спрашивая уже о томъ, нужна ли дѣйствительно Австрія кому-нибудь, кромѣ ея правительства—поражаетъ странностью. Еслибъ революція одержала побѣду во всей западной Европѣ, чего многіе оптимисты конечно и ожидали, — тогда безъ сомнѣнія не устояла бы и Австрія, и необходимымъ слѣдствіемъ было бы распаденіе имперіи: что могли бы тогда сдѣлать одни славяне противъ цѣлой Европы? Въ случаѣ же реакціи—помощь славянъ была совершенно не нужная. Насколько славяне нужны были правительству, настолько оно ихъ и употребило для подавленія нѣмцевъ, итальянцевъ и мадьяръ. Но имъ этого было мало, они какъ будто хотѣли забѣжать впередъ, надѣясь выиграть тѣмъ что-нибудь для своей народности, и горько ошиблись: мадьяры и нѣмцы за то, что бунтовали, получили больше, чѣмъ славяне за то, что помогали правительству.

Гораздо больше послѣдовательности имѣла та партія, ко-

торую почтенные мужи обвиняютъ въ злоумышленности. Люди этой партіи вѣрили въ успѣхъ революціи и, какъ необходимое слѣдствіе, допускали распаденіе Австріи, о спасеніи которой конечно не заботились, но заботились только о спасеніи себя, т. е. славянъ, безъ всякой связи разсыпанныхъ по цѣлой австрійской имперіи, Пруссіи, Саксоніи и др. землямъ. Удача или неудача — для нихъ результатъ одинъ и тотъ же: правительства не терпятъ ни революціонеровъ, ни помощниковъ, которые осмѣливаются съ нимъ договариваться; и тѣ, и другіе одинаково бунтовщики. Такъ это и случилось. Правда, еслибъ славянскій съѣздъ занимался исключительно разрѣшеніемъ какихъ-нибудь теоретическихъ вопросовъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ тому, что̀ дѣлалось вокругъ, онъ могъ бы совершить свою дѣятельность благополучно; тогда это не былъ бы съѣздъ славянъ, а съѣздъ славянскихъ ученыхъ. Но политическая жизнь въ то время била такимъ кипучимъ ключемъ, что проникала всюду, и заставляла говорить живыя, потрясающія рѣчи такихъ людей, которые уже состарились, не зная, что̀ такое общественная и политическая жизнь.

Ни Либельтъ, ни тѣ «птицы бури», проникнувшія на съѣздъ подъ видомъ «гостей», не были причиною того, что онъ немного выступилъ изъ границъ австрійской благонамѣренности; а сила обстоятельствъ, противъ которыхъ оказался безсильнымъ весь запасъ благоразумнаго консерватизма.

Насколько съѣздъ увлекся духомъ времени, видно изъ его манифеста къ европейскимъ народамъ, въ которомъ онъ, какъ всѣми признанный политическій членъ, подаетъ голосъ за поляковъ. Весь этотъ манифестъ вовсе не похожъ на скромное заявленіе національныхъ жалобъ и желаній передъ свѣтомъ, а скорѣе напоминаетъ манифестъ французскаго революціоннаго правительства. Вотъ, напр., какъ заканчивается это воззваніе: «Возвысимъ рѣшительно голоса наши за несчастныхъ братьевъ нашихъ поляковъ, которые низкимъ насиліемъ лишены своей самостоятельности; взываемъ ко всѣмъ правительствамъ, чтобъ они наконецъ смыли этотъ старый грѣхъ, это наслѣдственно тяготѣющее проклятіе кабинетской ихъ политики; мы полагаемся въ томъ на сочувствіе цѣлой Европы. Протестуемъ также противъ самовольнаго раздѣленія земель, подобно тому, какое въ настоящее время замышляется въ Познани; ожидаемъ отъ правительствъ прусскаго и саксонскаго, что они наконецъ отступятся отъ систематическаго лишенія народности славянъ въ Лужицахъ, Познани, восточной и западной Пруссіи; требуемъ отъ венгерскаго министерства, чтобъ оно безотлагательно перестало прибѣгать къ тѣмъ безче-

ловѣчнымъ, насильственнымъ средствамъ, которыя оно употребляетъ противъ славянскихъ народовъ въ Венгріи, противъ сербовъ, хорватовъ, словаковъ и русиновъ, и чтобъ, какъ можно скорѣе, вполнѣ обезпечены были принадлежащія имъ народныя права; надѣемся наконецъ, что безчувственная политика не долго будетъ стоять на пути нашимъ славянскимъ братьямъ въ Турціи, что ихъ народность получитъ признаніе политическихъ и естественныхъ правъ. Выступая опять на политическое поприще Европы, какъ самые младшіе, но не слабѣйшіе, мы предлагаемъ общій конгрессъ европейскихъ народовъ для рѣшенія всѣхъ международныхъ вопросовъ, и глубоко убѣждены, что свободно договаривающіеся народы легче сойдутся, чѣмъ состоящіе на жалованьи дипломаты. Во имя свободы, равенства и братства всѣхъ народовъ—Ф. Палацкій, староста славянскаго съѣзда».

Неизвѣстно, что̀ бы сталось съ этимъ собраніемъ; можетъ быть, оно обратилось бы въ какое-нибудь временное правительство; но общія политическія дѣла заставили его прекратить свою дѣятельность и остановиться на полу-дорогѣ, не высказавшись вполнѣ передъ свѣтомъ и даже не уяснивши самому себѣ своей истинной задачи и призванія.

Съ отъѣздомъ императора изъ Вѣны, дѣла стали выясняться. Оказалось, что все это было устроено съ разсчетомъ реакціонною партіею и главную роль играло дворянство, которое видѣло, что дѣло идетъ къ совершенному уничтоженію дворянскихъ привилегій. Когда попытка застращать народъ не удалась, тогда партія эта рѣшилась прибѣгнуть къ оружію. Командовавшій войсками въ Вѣнѣ гр. Коллоредо дѣйствительно выступилъ противъ народа; но народная гвардія, академическій легіонъ, мѣщанство и рабочіе дали такой рѣшительный отпоръ, что войско было совершенно выгнано изъ города, а съ нимъ вмѣстѣ прогнано и дворянство, которое конечно и само не осталось бы тамъ. Тогда Вѣна совершенно очутилась въ рукахъ партіи движенія.

Въ Прагѣ отношенія были тѣже самыя. Реакціонную партію составляло дворянство; но здѣсь оно имѣло больше значенія и больше успѣха. Оно съ самаго начала успѣло завладѣть народною гвардіей, въ которой дворянствомъ была занята большая часть офицерскихъ постовъ. Дворянство здѣсь втерлось и въ народный комитетъ, и произвело тамъ раздвоеніе силъ. Оно привлекло на свою сторону главныхъ дѣятелей изъ мѣщанства, и, что всего важнѣе, успѣло отдѣлить отъ народа тѣхъ людей, на которыхъ онъ разсчитывалъ, какъ на своихъ предводителей. Самая юная молодежь, студенты, молодые литераторы, мелкіе мѣщане и разнаго рода рабочіе — вотъ что̀ составляло въ

Прагѣ партію движенія. Видя, что народный комитетъ дѣйствуетъ въ духѣ исключительно дворянскихъ интересовъ, партія эта отдѣлилась и составила свой отдѣльный комитетъ, который держалъ совѣщанія въ Каролинумѣ [1]). Въ этихъ совѣщаніяхъ участвовали также польскіе эмигранты, Бакунинъ и представители Вѣны, съ которой съ этого времени партія эта вступила въ самыя тѣсныя отношенія. Съ этого времени собственно настаетъ въ Прагѣ революціонное броженіе.

Происшествія въ Вѣнѣ произвели здѣсь сильное впечатлѣніе. Дворянство чувствовало себя глубоко оскорбленнымъ и старалось общественное мнѣніе Праги настроить противъ вѣнцевъ, разсказывая о небывалыхъ неистовствахъ студентовъ и фабричныхъ. Какъ только получено было это извѣстіе, въ тотъ же день вечеромъ сдѣлано было собраніе въ университетѣ, для обсужденія послѣднихъ событій и для рѣшенія, въ какихъ отношеніяхъ ко всему этому должна держаться Прага. Одинъ изъ свидѣтелей событій того времени разсказываетъ дѣло такъ: «Я тогда же опасался, чтобъ здѣсь не было предпринято чего-нибудь такого, что̀ поведетъ ко враждѣ между Прагой и Вѣной, и встрѣтившись передъ самой сходкой съ докторомъ Гаучемъ и писателемъ Миковцемъ, просилъ ихъ употребить всѣ усилія, чтобъ отклонить собраніе отъ всякихъ заявленій противъ Вѣны и отъ адреса императору въ томъ же тонѣ. Дѣло въ университетѣ удалось. Но въ народномъ комитетѣ дворянская партія совершенно господствовала: графъ Вурмбрандъ сильнымъ потокомъ краснорѣчія успѣлъ ослѣпить даже нѣкоторыхъ изъ не-нѣмцевъ, напр. Палацкаго, и убѣдилъ собраніе послать императору адресъ, въ которомъ допущены были обидные отзывы на счетъ честной, демократической Вѣны. Этимъ они показали свою политическую безтактность. За то студенты тотчасъ же послали вѣнцамъ заявленіе полнаго одобренія ихъ дѣйствій. Мѣщанство пражское объявило въ пражскихъ газетахъ, что оно вполнѣ согласно съ политическимъ взглядомъ Вѣны и наравнѣ съ ней будетъ добиваться и для чешскаго сейма уничтоженія верхней палаты (Herrenhaus). Въ это время, какъ духъ тьмы, явился въ Прагу князь Виндишгрецъ, и разнесся слухъ, что онъ будетъ главнокомандующимъ въ чешской землѣ.»

Въ день открытія славянскаго съѣзда передъ залой Софійскаго острова толпилось множество людей въ фантастическихъ польскихъ костюмахъ, что̀ не ускользнуло отъ вниманія полиціи. 5-го іюня, на улицахъ показалось множество вѣнскихъ

[1]) Такъ называется одно изъ университетскихъ зданій.

студентовъ, которыхъ можно было узнать по значкамъ и которые прибыли сюда для заключенія съ пражскими студентами братства и договора взаимной помощи. Отношенія въ Прагѣ были весьма натянуты. Мѣщанство было чѣмъ-то сильно недовольно, но молчало. Народная гвардія прекратила всякія сношенія со студенческимъ легіономъ, и между ними немного не доходило дѣло до схватки. Съ другой стороны разные рабочіе и въ особенности набойщики ситцевъ, которые волновались еще въ 1846 году, были въ раздраженномъ состояніи, въ значительномъ числѣ оставшись безъ работы. Пришло время каникулъ, да и до того времени занятія въ университетѣ прекратились, поэтому студенты должны были отправиться по домамъ; но они зачѣмъ-то оставались въ Прагѣ. Родные требовали ихъ домой и отказывались давать имъ средства жить въ Прагѣ; а мѣщанство, не желая ихъ отпустить, предлагало имъ даровыя квартиры и содержаніе. Въ это время приходитъ приглашеніе отъ вѣнскихъ студентовъ, которые звали пражскихъ студентовъ въ Вѣну. Тунъ, видя въ этомъ средство сбыть хоть часть безпокойныхъ элементовъ, предложилъ имъ особый поѣздъ туда и обратно даромъ. До 400 студентовъ такимъ образомъ отправилось въ Вѣну, а около того же числа оставалось въ Прагѣ. Но и изъ тѣхъ многіе, уступая усиленнымъ просьбамъ отцовъ и матерей, которымъ разсказывали ужасы про ихъ положеніе, мало-по-малу разбрелись. Дворянство держало какія-то совѣщанія по ночамъ во дворцѣ архіепископа Шварценберга, у кн. Лобковица и въ манежѣ, а наконецъ подтвердилось ожиданіе, что Виндишгрецъ будетъ главнокомандующимъ.

Время стояло необыкновенно жаркое. Солнце пекло; воздухъ былъ мутенъ и недвижимъ; надъ Прагой висѣла мгла. Было что-то гнетущее и въ природѣ, и въ обществѣ.

Съ назначеніемъ Виндишгреца главнокомандующимъ, начались постоянные смотры и парады войска, при чемъ часто командиры направляли его въ ту сторону, гдѣ собиралась публика: происходила давка, суматоха и разнаго рода оскорбленія. Офицеры и солдаты часто насмѣхались и позволяли себѣ разныя выходки противъ студенческаго легіона; на жалобы ихъ отвѣчали также насмѣшками. Это было чистое намѣреніе раздражить народъ, чтобъ вызвать его на какую-нибудь демонстрацію. Народъ злобился и терпѣлъ. Солдатъ въ тоже время утомляли смотрами и фальшивыми тревогами; ложились спать они въ полной аммуниціи, ихъ видимо науськивали на народъ. Однажды вывезены были даже пушки и поставлены на площадяхъ, и только по просьбѣ городского совѣта опять убраны и отвезены на Вышеградъ, кото-

рый былъ уже въ боевомъ порядкѣ. Взаимное раздраженіе росло со дня на день. Студенты и мѣщанство отправили къ Виндишгрецу депутацію съ требованіемъ снять съ Вышеграда пушки и выдать имъ тѣ ружья и 4 орудія, которыя принадлежатъ имъ по министерскому распоряженію. Такое требованіе имѣло только тотъ развѣ смыслъ, что вызвало со стороны Виндишгреца откровенное объясненіе, что прошло уже то время, когда они могли дѣлать какія бы то ни было требованія, а теперь настало другое время, и предписаніе министерства для него не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ онъ дѣйствуетъ прямо по сношенію съ его величествомъ.

Послѣ этого, 12-го іюня, въ Духовъ день назначено было всѣмъ собраться на свято-вацлавской площади. Собралось народу нѣсколько десятковъ тысячъ; подъ открытымъ небомъ отслуженъ былъ молебенъ; здѣсь же произнесенъ былъ обѣтъ вѣрности и готовности, если приведется, умереть другъ за друга и за благо отечества. Никто изъ произносившихъ обѣтъ не думалъ конечно нападать на войско, но въ тоже время никто не сомнѣвался, что бой непремѣнно будетъ. Съ пѣснями всѣ отправились по домамъ.

Одной партіи случилось проходить мимо дома генералъ-команды. Всѣ шли, не переставая пѣть своихъ патріотическихъ пѣсенъ, и какъ только поравнялись съ этимъ домомъ, оттуда выскочили гренадеры и ударили на нихъ въ штыки. Съ перваго раза народъ остановился и завязалась-было схватка; но когда нѣсколько человѣкъ упали, облитые кровью, тогда увидѣли, что это не шутка, и всѣ бросились бѣжать, а солдаты били ихъ въ догонку штыками. Вскорѣ по всему городу слышались крики: «зрада!» и призывъ къ оружію. Студенты кинулись по квартирамъ за оружіемъ и начали ставить баррикады. Черезъ два часа баррикады были готовы, и за ними стояли студенты со своимъ легіономъ, рабочіе и подскальцы [1]). Всего было, можетъ быть, до тысячи человѣкъ. Имѣлось также нѣсколько пушекъ, которыя успѣли захватить уже во время свалки. На улицахъ завязался бой. Виндишгрецъ ударилъ на баррикады на Прикопахъ, въ началѣ Коловратской улицы, раздѣляющей Старое и Новое Мѣсто и ведущей къ р. Велтавѣ. Въ особенности сильно досталось отъ картечи музею, гдѣ въ то время собрались неуспѣвшіе разъѣхаться члены славянскаго конгресса. Сопротивле-

[1]) Подскалье—часть Праги подъ Вышеградомъ, въ которой живетъ множество мясниковъ, каменьщиковъ и мельниковъ, исключительно почти чеховъ; всѣ они славятся физической силой и отважностію.

ніе здѣсь было незначительно; но въ концѣ улицы, въ Новыхъ-Аллеяхъ, войско встрѣтило еще баррикады, которыя кромѣ того защищались стрѣльбою изъ боковыхъ, весьма узкихъ и кривыхъ улицъ. Нѣсколькихъ часовъ стрѣльбы изъ пушекъ и ружей достаточно было однако, чтобъ сбить и эти баррикады, и такимъ образомъ очистить путь на Малую Страну (на другой сторонѣ Велтавы), гдѣ находились всѣ военные припасы. Канонада продолжалась до 8 ч. вечера; ночь все было въ тревогѣ; въ 3-мъ часу разнесся слухъ, что убита княгиня Виндишгрецъ и пало въ бою нѣсколько офицеровъ. На другой день войска заняли все Новое-Мѣсто, тогда какъ въ Старомъ-Мѣстѣ засѣли и укрѣплялись студенты, пользуясь его узкими и кривыми улицами. Виндишгрецъ послѣ этого не предпринималъ больше ничего. Онъ разставилъ пушки на Стрѣлецкомъ островѣ, на Малой-Странѣ, на Петржинѣ, самомъ возвышенномъ мѣстѣ, на Градчанахъ и на Бельведерѣ (тоже гора на другой сторонѣ Велтавы). Онъ ждалъ, какой оборотъ примутъ дѣла внутри страны, и когда увидѣлъ, что большой опасности нѣтъ, сталъ сдвигать къ Прагѣ и внутренніе гарнизоны. Такъ прошло два дня.

Вѣнское министерство, узнавъ о происшедшемъ, тотчасъ отправило въ Прагу фельдцейхмейстера Менсдорфа и гофрата Кледанскаго коммиссарами, чтобъ разобрать дѣло и прекратить военныя дѣйствія. Но Виндишгрецъ не хотѣлъ ихъ и слушать. Съ 14-го на 15-е онъ совершенно перебрался на Малую-Страну и въ Градчаны и сталъ бомбардировать городъ. Подъ прикрытіемъ пушечной пальбы, онъ пытался перейти по Каменному мосту на Старое-Мѣсто и тамъ аттаковать главную силу студентовъ; но сильный ружейный огонь изъ Мостовой башни и зданій, стоявшихъ близъ моста, останавливалъ всякую попытку.

Въ городѣ была страшная суматоха; народная гвардія исчезла; мѣщанство пряталось въ подвалы; то-и-дѣло стали летать картечи, ядра и гранаты; стрѣльба, впрочемъ, была не частая и большого вреда не приносила, только мѣстами ядра пробивали крыши или осколками разбивали окна; нѣсколько человѣкъ было убито. Нѣсколько позже, Гавличекъ такъ описывалъ событія этихъ дней въ прибавленіи къ «Народнымъ Новинамъ»: «Моя квартира была на Старомъ-Мѣстѣ, на самомъ берегу рѣки, окнами на Малую-Страну. Видъ изъ оконъ, конечно, былъ самый незавидный. Мимо то-и-дѣло летали бомбы, гранаты и всякая мелочь... Одной гранатѣ какъ-то удалось влетѣть въ мою комнату и именно въ то окно, у котораго я сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Я сейчасъ же подумалъ, что граната прилетѣла за моей головой. Однако нѣтъ, она была немного поделикатнѣе тѣхъ, ко-

торые послали ее ко мнѣ: зная, что для редактора самая нужная вещь голова, она ударилась въ стѣну, и я такимъ образомъ не испыталъ особенной непріятности, кромѣ того, что нанюхался дыму».

Коммиссары снова начали переговоры съ Виндишгрецомъ и уговорили пріостановить пальбу. Но 16-го, вечеромъ, бой былъ возобновленъ съ новой силой. Выстрѣлами удалось зажечь ново- и старо-мѣстскія мельницы, откуда, равно какъ изъ Мостовой башни и другихъ прибрежныхъ зданій, стрѣляли студенты и мельничный народъ. Одинъ разъ огонь былъ потушенъ, но теперь на нихъ сыпалась градомъ картечь, и всякая попытка тушить оказывалась невозможной. Несмотря на это, народъ, имѣя сзади себя пожаръ, а впереди непріятельскіе выстрѣлы, все-таки нѣкоторое время держался, и когда исчезла послѣдняя возможность, тогда всѣ кинулись въ воду и, говорятъ, благополучно выбравшись на свой берегъ, стали продолжать стрѣльбу. Въ то время, когда желѣзная крыша Мостовой башни рдѣлась раскаленная, изъ нея раздавались еще выстрѣлы.

Въ ту самую ночь на разсвѣтѣ возвратилась въ Прагу чешская депутація съ радостнымъ отвѣтомъ, что императоръ далъ полное согласіе на всѣ желанія чешскаго народа. Надъ Прагой небо горѣло заревомъ; изъ середины ея слышался крикъ народа и трескъ ружейной пальбы, а съ другой стороны гремѣли орудія, посылая въ непокорный городъ смерть и разрушеніе. Депутатовъ насилу пропустили. Они явились между своими; но ничего не могли разобрать. Въ старой ратушѣ шло совѣщаніе о томъ, что̀ дѣлать. Ригеръ взялся быть парламентеромъ. Онъ составилъ вмѣстѣ съ другими условія, на которыхъ можно бы было уговорить народъ принять баррикады и заключить миръ. Коммиссары нашли эти условія удобоисполнимыми и со стороны правительства. Тогда къ народу сдѣлано воззваніе, чтобъ на время стрѣльба была остановлена; многочисленная депутація отправилась къ Виндишгрецу и поднесла ему условія. Успѣха, однако, и на этотъ разъ не было никакого: онъ требовалъ сдачи безусловной, и сильная канонада началась опять. Тогда пражане рѣшились сдаться. Только студенты долго сопротивлялись, засѣвши въ двухъ университетскихъ зданіяхъ; но видя, что ихъ оставили всѣ, вышли и они изъ своихъ укрѣпленій. Физіономія города тогда совершенно измѣнилась. Настала повсемѣстная тишина; вездѣ оставались еще слѣды битвы и баррикадъ; на улицахъ ни живой души; изъ оконъ развѣвались бѣлые флаги, словно гробовые покровы. Все будто ждало смертнаго приговора. Въ день прекращенія боя въѣхалъ въ городъ только Менсдорфъ, держа

въ рукахъ бѣлую хоругвь; а Виндишгрецъ еще не довѣрялъ спокойствію города и ждалъ, покуда всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство не снесутъ оружія въ опредѣленныя для того мѣста. Особенно боялись со стороны Подскалья. Отъ жителей его требовалось, кромѣ сложенія оружія, уничтоженія моста черезъ Велтаву, который они успѣли устроить во время бомбардированія, для сообщенія съ внутренностію страны. Наконецъ, всѣ опасенія были устранены и противъ разныхъ случайностей приняты мѣры, и тогда только вступилъ Виндишгрецъ. Объявивъ Прагу въ осадномъ положеніи, онъ тотчасъ принялся распутывать нити «широко развѣтвленнаго заговора». Съ 13-го начались аресты по малѣйшему поводу, а иногда просто безъ всякаго повода, за излишній патріотизмъ или за какую-нибудь шапочку. До начала іюля, слѣдовательно недѣли въ двѣ, арестовано было въ Прагѣ 110 чел., между которыми были женщины и лица изъ аристократіи и изъ значительнаго мѣщанства; но аресты продолжались еще и послѣ, и въ тоже время производились и внутри страны; а еслибъ считать всѣхъ, кого арестовали иногда на два, на три дня, то это число, вѣроятно, немного не дошло бы до тысячи. Можно поэтому судить, какимъ ужаснымъ представлялось это дѣло людямъ, жившимъ внѣ Праги, отцамъ и матерямъ многихъ, брошенныхъ въ тюрьмы. При этомъ пущено было въ ходъ обвиненіе, будто цѣлью этого заговора было ниспровергнуть законное правленіе и перерѣзать всѣхъ нѣмцевъ. Въ Прагѣ никто, конечно, этому не вѣрилъ, потому-что событія были на глазахъ у всѣхъ. Всѣмъ было очевидно, что все было вызвано съ одной стороны противорѣчіями правительства самому себѣ, съ другой— тѣмъ раздраженіемъ, которое естественно было возбуждено и поддерживаемо реакціонною партіею, на помощь которой пришелъ Виндишгрецъ съ своими солдатами. Тѣмъ не менѣе нашлось 67 гражданъ, которые подали Виндишгрецу адресъ за спасеніе ихъ и за мужественную оборону Праги. Эти 67 получили такую славу, что всякій порядочный человѣкъ считалъ постыднымъ быть какъ-нибудь отнесену въ число ихъ, и газеты того времени наполнены протестами разныхъ лицъ противъ занесенія ихъ въ этотъ списокъ. Съ тѣхъ поръ у чеховъ извѣстнаго рода люди называются по этой исторической цифрѣ. Составился даже Sicherheitsausschuss, который втихомолку доносилъ на лица, опасныя, по его мнѣнію, и подлежащія арестованію, и постоянно молилъ Виндишгреца продлить осадное положеніе, въ то время, какъ всѣ желали его скорѣйшаго прекращенія. Для пущей важности, иногда вдругъ, ни съ того, ни съ сего выдвигались пушки, усиливались патрули, какъ будто грозила какая-нибудь

опасность, и потомъ опять все унималось. Однажды «комитетъ безопасности» подалъ Виндишгрецу адресъ съ 2,000 подписей, въ которомъ просилъ его принять всѣ мѣры для сохраненія порядка. Откуда набиралось столько подписей — неизвѣстно, потому-что признавались въ нихъ очень немногіе. Все это давало поводъ къ самому безобразному военному самоуправству. Реакціонная партія видимо желала казней; она забѣгала впередъ и однажды сдѣлала въ одну газету сообщеніе, что уже повѣшены, между 6 и 9 часовъ утра, 23 человѣка, между которыми были поименованы: гр. Букуа, гр. Тунъ, Браунеръ, пивоваръ Сейдль съ троими сыновьями, священникъ Крольмусъ, Фастръ съ женою и двумя дочерьми и др. Къ величайшему прискорбію этой партіи, ожиданія ея не сбылись: всѣ эти лица послѣ были выпущены. Разъ одна депутація просила Виндишгреца не выпускать нѣкоторыхъ опасныхъ арестантовъ; Виндишгрецъ изъявилъ согласіе на ея требованіе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ члены депутаціи заявили это письменно, потому что не разъ случалось послѣ читать ихъ протесты въ газетахъ. Невинность арестованныхъ видна уже изъ того, что всѣ они, какъ только были выпущены, сдѣлали собраніе и составили протестъ, заключающій въ себѣ слѣдующія статьи: 1) жалоба на несправедливый судъ, требованіе удовлетворенія и вознагражденія; 2) опроверженіе извѣстій въ оффиціальной газетѣ, «Пражскихъ Новинахъ»; 3) требованіе новаго законнаго слѣдствія и безпристрастнаго суда; 4) требованіе, чтобы при судѣ присутствовали члены отъ вѣнскаго «комитета безопасности». Смѣло протестовали противъ дѣйствій Виндишгреца всѣ почти чешскія газеты. Подобнаго рода протестъ вышелъ и со стороны мѣщанства. Общество «Славянская Липа» сдѣлало такое заявленіе: «До сихъ поръ изслѣдовали одну сторону дѣла: не было ли заговора противъ законнаго порядка? теперь слѣдуетъ взять другую сторону: не было ли заговора противъ свободы?» т.-е. со стороны дворянства и вообще реакціонной партіи при участіи нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ. Замѣчательно поведеніе женщинъ въ это время. Одна женщина подала протестъ вмѣстѣ съ нѣсколькими рабочими противъ ареста Гавличка, который былъ заключенъ на 4 дня за статью о реакціи. Жены арестованныхъ требуютъ, чтобы выпустили ихъ мужьевъ, какъ людей, обязанныхъ семействами, и когда это не удалось у Виндишгреца, депутація отправилась въ Вѣну къ министерству и добилась своего. Особенно горячее участіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ принимала госпожа Танненбергова.

Во все время іюньскихъ событій внутри чешской земли было самое смутное понятіе обо всемъ, что происходило въ Прагѣ, но-

тому что правительство старалось не только не допускать туда истинныхъ извѣстій, но еще распускало ложныя. Такъ говорилось, напр., что ѣдутъ гельветы обращать всѣхъ въ свою вѣру, а кто не обратится, того убиваютъ, и что съ ними заодно дѣйствуютъ студенты. Говорилось еще, что изъ Праги идутъ студенты и какіе-то разбойники, которые все жгутъ и грабятъ; что студенты взбунтовались, но побиты соединенными силами войска и мѣщанства. Несмотря на то, сельское населеніе, услышавъ о бомбардированіи Праги Виндишгрецомъ, зашевелилось и двинулось-было на помощь студентамъ и пражанамъ; но пришло извѣстіе, что войска разбиты, а Виндишгрецъ взятъ въ плѣнъ, и они вернулись. Другихъ удержалъ слухъ, будто мадьяры вторгнулись въ Моравію и быстро приближаются къ чехамъ, всѣхъ убивая и все опустошая. Мѣщанство и гвардія разныхъ городовъ знали дѣло лучше и шли прямо на помощь пражанамъ и студентамъ; но, дѣйствуя порознь и плохо вооруженные, они были легко останавливаемы войскомъ, а близъ Беховицъ все-таки была кровавая схватка.

Очевидно изъ этого, что партія движенія вовсе не думала предпринимать что бы то ни было, кромѣ вымогательства свободы и другихъ правъ отъ правительства путемъ петицій, пользуясь его минутною слабостью. Еслибъ она затѣвала что-нибудь другое, она могла вполнѣ приготовиться къ бою, такъ какъ у нея по всѣмъ почти городамъ были организованы свои общества подъ именемъ «Сворности» (согласіе), черезъ которыя очень легко было возбуждать и сельское населеніе, легко было запастись оружіемъ и вполнѣ организоваться на военную ногу. Но такъ какъ ничего не затѣвалось, то объ этомъ никто и не заботился. Мысль о какомъ-то движеніи на минуту обуяла молодежь подъ вліяніемъ вѣнскихъ событій и закравшагося подозрѣнія, что противъ народа готовится что-то со стороны дворянства, но это было минутное увлеченіе, которое навѣрное унялось бы, еслибъ его не разжигали и не поддерживали. Самъ Виндишгрецъ, послѣ самыхъ тщательныхъ розысковъ, публично заявилъ убѣжденіе, «что іюньскія событія были произведены постороннимъ вліяніемъ».

Какъ бы то ни было, Прага, увѣнчавши первой побѣдой австрійское оружіе, служила поощреніемъ войску и на дальнѣйшіе подобные подвиги.

Австрійское правительство въ это время успѣло уже оправиться. Въ Берлинѣ революція была уже подавлена и прусское правительство крѣпко держалось in statu quo. Въ остальной Германіи также оказалось мало элементовъ для того, чтобъ развить

революціонное движеніе. Франція не могла справиться съ своими дѣлами. Въ Италіи Радецкій твердо держалъ свою позицію; Альбертъ дѣлалъ ошибки, и уже недалеко было дѣло при Кустоццѣ, упрочившее еще на нѣкоторое время сѣверную Италію за Австріею. Все вниманіе обращено было на мадьяръ, но и тутъ дѣло было вѣрное: на первое время достаточно было сербовъ и хорватовъ, а между тѣмъ имѣлась уже въ виду и русская помощь. Поэтому правительство смѣло могло еще на нѣкоторое время полиберальничать въ Вѣнѣ, покуда Виндишгрецъ покончитъ примиреніе съ Прагой; а это было такъ нетрудно. Оно рѣшилось, повидимому, на совершенное переустройство своей монархіи и для этого сзывало не обыкновенный рейхсратъ, а *учредительное народное собраніе* (constituirende Nationalversammlung).

Въ то время чехи были необыкновенно довѣрчивы и добродушны. Еще не кончился надъ ними судъ и расправа, Прага еще не освободилась отъ военнаго самоуправства и многіе изъ лучшихъ людей ихъ томились въ тюрьмахъ, а они, какъ ни въ чемъ не бывало, тащились въ Вѣну рѣшать судьбу австрійской имперіи, когда ничего не могли сдѣлать дома для своего ближайшаго отечества. (Впрочемъ, для благовидности, осадное положеніе снято именно въ тотъ день, когда чешскіе депутаты отправлялись на сеймъ, 20-го іюня). Мало того: забывъ всѣ обиды, они опять протягивали руку помощи правительству, которое еще такъ недавно воспользовалось ими, какъ первымъ, попавшимся орудіемъ, никогда не разбирая средствъ для достиженія своихъ цѣлей.

Съ чехами такимъ образомъ можно бы считать дѣло совершенно поконченнымъ, дни ихъ политической жизни были уже сочтены; но пока съ Вѣной не произошло еще того, что̀ испытала Прага,—а этого непремѣнно должно было ожидать,—и пока не покорены были мадьяры, имъ дозволялось еще, если не вполнѣ пользоваться, то, по крайней мѣрѣ, ссылаться на конституцію въ защиту кругомъ нарушаемыхъ правъ и постоянно дѣлаемыхъ насилій. Въ этотъ послѣдній короткій періодъ былъ одинъ моментъ такой, что чешская журналистика воображала себя политической силой; и какъ было не вообразить, когда съ чехами обращались какъ съ полноправными гражданами, и даже заискивали въ нихъ. Однажды Виндишгрецъ обѣщалъ выдать студентамъ 1,500 ружей. Такъ далеко заходило взаимное довѣріе! Чешское общество, однако, вообще держалось съ достоинствомъ: органы «Славянской Липы» напоминали, что нужно вооружаться заблаговременно, чтобъ не сдѣлаться добычей военнаго деспотизма, который можетъ настичь, когда Вѣна будетъ покорена

войскомъ; что нужно имѣть свои пушки, и поэтому сдѣланъ призывъ къ пожертвованіямъ, которыя послѣдовали тотчасъ: кто посылалъ нѣсколько фунтовъ мѣди, кто жертвовалъ мѣдныя и чугунныя вещи отъ старыхъ, негодныхъ машинъ: дамы также не отставали, и жертвовали съ своей стороны разныя бронзовыя и мѣдныя вещицы. Въ тоже время либеральныя газеты постоянно, къ дѣлу и безъ дѣла, заявляли о своихъ радикально-либеральныхъ и демократическихъ началахъ, и зашли по этому пути такъ далеко, что бѣдный Гавличекъ съ своими «Народными Новинами» отставленъ былъ въ ряды ретроградовъ. Въ это время является нѣсколько новыхъ газетъ и разныхъ обществъ, особенно по всей чешской землѣ стали возникать «Славянскія Липы».

Правительство, допуская все это, очень резонно смотрѣло на такую дѣятельность, какъ на забаву молодежи. Но оно заставило въ тоже время разыграть комедію и людей болѣе серьезныхъ. Чисто для забавы его дѣйствовалъ четыре мѣсяца имперскій сеймъ, работая надъ конституціей, и въ этой дѣятельности довольно важную роль играли представители чешскаго народа. Это былъ послѣдній актъ драмы 1848 года, и на немъ мы остановимся въ слѣдующей главѣ. Тамъ же, для полноты, сообщимъ и нѣсколько свѣдѣній о томъ, что̀ происходило во все это время въ другихъ земляхъ чешской короны — Моравіи и Силезіи.

П. Ровинскій.

Бѣлградъ,
26 октября 1868.

ПРУССКАЯ ПОЧТА

ЕЯ УСТРОЙСТВО И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ [1].

Statistik der Postverwaltung des Norddeutschen Bundes, für das Jahr 1868, dem Reichstag des Norddeutschen Bundes vorgelegt. (Изъ актовъ Сѣверо-германскаго парламента.)

Briefe des Ministers von Nagler an einen Staatsbeamten, herausg. von Mendelsohn-Bartholdy und Kelchner. Leipzig, 1869.

Zur Geschichte des Verkehrswesens, von *F. Perrot* (Помѣщено въ «Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft». 1868, т. I).

Geschichte des preussischen Post von ihrem Ursprunge bis auf die Gegenwart. Nach amtlichen Quellen. Von *H. Stephan*, kgl. preuss. Postrath. Berl. 1859. Königliche geheime Oberhofbuchdruckerei [2]).

Кто переѣзжалъ русскую границу, напримѣръ, въ Эйдткуненѣ, тотъ видѣлъ, по крайней мѣрѣ по наружности, миніатюру цѣлаго прусскаго почтамта, со всѣми его главнѣйшими функціями. Это такъ-называемый «почтовый вагонъ», встрѣчающійся всегда на всѣхъ большихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, и въ каждомъ поѣздѣ. Его отличительнымъ признакомъ служитъ

---

[1]) Собственно говоря, въ настоящее время нѣтъ *прусской* почты, а есть только *сѣверо-германская;* если же мы удерживаемъ прежнюю терминологію, то лишь потому, что въ основу сѣверо-германской почты, существующей съ 1868 года, легла почтовая система, выработанная и утвердившаяся въ Пруссіи.

[2]) Кромѣ поименованныхъ источниковъ, авторъ пользовался различными правительственными актами, регламентами, инструкціями и т. п., которыя были ему обязательно сообщены высшими лицами изъ почтовой администраціи въ Берлинѣ.

Fangapparat, механизмъ, напоминающій собою средневѣковое забрало рыцарей, хотя назначеніе его совершенно иное. Это забрало состоитъ изъ желѣзнаго полуобруча съ сѣтчатымъ мѣшкомъ, прижатымъ къ окошку вагона: на всѣхъ станціяхъ, гдѣ легкіе и почтовые поѣзды не останавливаются, это забрало опускается и на ходу ловитъ своими желѣзными лапами бросаемую со станціи сумку съ письмами; затѣмъ механизмъ кидаетъ въ окошко сумку, и сумка падаетъ на столъ канцеляріи вагона. Прусскій почтовый вагонъ— это странствующій почтамтъ со всѣми его принадлежностями: тамъ есть и бюро экспедиціи, и отдѣленіе упаковки, столы, сундуки, аппараты для освѣщенія и отопленія, однимъ словомъ, все, что̀ необходимо для почтоваго дѣла, вмѣстѣ съ персоналомъ изъ шести и даже болѣе чиновниковъ и прислуги, которые занимаются тамъ сортировкою и разсылкою цѣлыхъ тысячъ писемъ, пакетовъ съ деньгами, книгъ и всяческихъ почтовыхъ посылокъ, набросанныхъ въ поѣздъ во время его быстраго полета по горамъ и доламъ. Вы видите предъ собою почтамтъ, который не только экспедируетъ, но и самъ экспедируется ежечасно и ежеминутно.

Но «почтовый вагонъ» служитъ только послѣднею формою усовершенствованія почтоваго дѣла *). Позади его, остается длинный и любопытный рядъ различныхъ улучшеній, которыя совершались съ такимъ постоянствомъ и скоростію, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь равномѣрно, что невольно останавливаютъ на себѣ любознательность и вниманіе изслѣдователя. Время и пространство, которыя, по мнѣнію большинства философовъ, какъ новѣйшихъ, такъ и древнѣйшихъ, суть не что̀ иное, какъ предметъ безъ всякой реальности, простая форма представленія человѣческаго разума, — являются тѣмъ не менѣе весьма реальными препятствіями человѣческому стремленію къ обмѣну, и противъ которыхъ люди безпрестанно искали и предпринимали всевозможныя средства, и нельзя сказать — безъ успѣха. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ длина и ширина Пруссіи измѣрялась десятью днями ѣзды, теперь мы пролетаемъ это пространство въ однѣ сутки. То же происходитъ повсюду, во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Люди безпрерывно сближаются, пространства исчезаютъ. Этотъ процессъ идетъ съ столь баснословною быстротою, что трусливые люди начинаютъ опасаться — не дошелъ бы прогрессъ Европы до того пункта, на которомъ застылъ Китай

*) Этого нельзя сказать—для насъ: наши почтовые вагоны, покрайней мѣрѣ тѣ, которые ежедневно встрѣчаются съ прусскими въ Эйдткуненѣ, еще не знакомы съ фангъ-аппаратомъ, и потому не оказываютъ такихъ услугъ мѣстности, по которой идутъ, какъ мы то видимъ въ Пруссіи. — *Ред.*

нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ; однако, до сихъ поръ мы все еще видимъ, что обмѣнъ продолжаетъ служить самымъ могущественнымъ рычагомъ цивилизаціи.

Еще древніе персы, во времена Кира и Дарія, имѣли государственныхъ курьеровъ, которыхъ можно сравнить съ татарскими почтарями султана или китайскаго богдыхана. Римскія дорòги, число которыхъ доходило, во время ихъ высшаго процвѣтанія, до 372, изъ коихъ 29 вели въ Римъ (а общая длина ихъ простиралась до 53 тысячъ римскихъ миль) возбуждаютъ, въ своихъ остаткахъ, до сихъ поръ еще всеобщее удивленіе. Но эти древнія сооруженія служили однимъ лишь государственнымъ цѣлямъ и потому въ принципѣ совершенно отличны отъ современной почты, начала которой положены во времена реформаціи. До появленія первыхъ почтовыхъ учрежденій, въ продолженіе многихъ столѣтій и въ нѣмецкихъ земляхъ пользовались обыкновенными разсыльными конторами, которыя поддерживали переписку своихъ учредителей: государей и университетовъ, Ганзы и Швабскаго союза, духовныхъ и свѣтскихъ орденовъ. Кромѣ того, во всеобщее употребленіе вошла случайная пересылка писемъ чрезъ посредство проѣзжихъ мясниковъ или купцовъ, спѣшившихъ на ярмарку; рѣдкій странствующій монахъ не носилъ съ собою сумки съ письмами. Всѣ эти импровизированные почтари представляются теперь болѣе или менѣе скрытыми зародышами будущей громадной системы. Они положили начало корреспонденціи чрезъ посредство государственной власти: правильнаго хода ея, станцій, пересылки писемъ, вещей и людей, пѣшкомъ, верхомъ и въ каретахъ, при помощи людей, состоящихъ на жалованьи и присяжныхъ, — однако полной почтовой системы средніе вѣкà создать не могли; этому много препятствовали недостаточная прочность государственнаго строя, уединенность монастырей и зàмковъ, а также замкнутость ученыхъ и ремесленныхъ цеховъ. Только съ великимъ переворотомъ, которому подверглось все развитіе человѣчества въ началѣ XVI-го вѣка, создались наконецъ въ Германіи такія обстоятельства, которыя благопріятствовали основанію и успѣху почты въ современномъ ея значеніи. Съ устраненіемъ іерархіи и схоластики, и съ потрясеніемъ феодальной системы, вся политическая и духовная жизнь націи стала свободнѣе, богаче содержаніемъ и способнѣе къ дальнѣйшему развитію. Великія открытія и изобрѣтенія дали широкій просторъ торговлѣ, и въ томъ нѣтъ ничего случайнаго, что въ одномъ и томъ же году, и Магелланъ впервые объѣхалъ земной шаръ, и проѣхала первая почта по нѣмецкой землѣ.

Эту почту пустилъ въ ходъ Францъ фонъ-Таксисъ (Taxis), пріобрѣвшій, въ 1516 году, привилегію на учрежденіе постоянныхъ почтовыхъ сношеній между Вѣною и Брюсселемъ. Бургундскіе Нидерланды были въ то время только-что присоединены къ Австріи, и потому явилась потребность учредить прямыя сношенія между новопріобрѣтенными владѣніями и остальною частію государства. Тотъ же самый политическій моментъ обусловилъ учрежденіе и первой бранденбургской государственной почты, когда Бранденбургъ, Пруссія, Клеве и Верхняя Померанія подпали подъ одну верховную власть, сто лѣтъ спустя послѣ появленія австрійской почты. Въ началѣ, къ почтѣ въ Бранденбургѣ отнеслись съ крайнимъ недовѣріемъ, и, какъ разсказываетъ Бейстъ въ старинномъ (1784 г.) сочиненіи о почтовомъ дѣлѣ, никто не могъ себѣ представить, что купцы и другіе люди станутъ «бросать» столько денегъ, сколько необходимо на содержаніе лошадей, каретъ, почтальоновъ и почтовыхъ чиновниковъ. Но когда нѣмецкіе купцы убѣдились въ томъ, что они могутъ, не предпринимая никакихъ путешествій въ Антверпенъ, Брюссель и т. д., получать чрезъ почту какъ всѣ свѣдѣнія о вексельныхъ курсахъ, такъ и цѣны разныхъ товаровъ, то тотчасъ же почтовыя учрежденія Таксиса до того переполнились частными письмами, что догадливый предприниматель сталъ получать отъ почтъ огромные доходы, такъ что ему могли завидовать многіе нѣмецкіе государи.

Въ 1646 году, великій курфирстъ приказалъ учредить общую государственную почту въ видахъ «высокой важности ея для купцовъ и торговцевъ». Сперва правильная почта стала ходить между Берлиномъ и Клеве, а затѣмъ и между Берлиномъ и Мемелемъ. Главнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ назначенъ чиновникъ Матіасъ, получившій потомъ титулъ почтоваго директора (Post-Director), который сохранился и донынѣ. По предложенію этого Матіаса, уже въ 1649 году, въ тайномъ государственномъ совѣтѣ, было рѣшено передать въ руки государства всѣ учрежденія, занимавшіяся почтовымъ дѣломъ. На пути отъ Берлина до Клеве построили станціи въ трехмильномъ разстояніи другъ отъ друга, пріобрѣли согласіе иностранныхъ правительствъ, набрали ловкихъ и способныхъ почтальоновъ и почтмейстеровъ,— впослѣдствіи Матіасъ завелъ даже почтовую карту и распредѣленіе часовъ, — эти первыя основы всякаго прочнаго техническаго дѣла; потомъ онъ ввелъ штрафы за неаккуратность, заключалъ контракты на перевозахъ черезъ рѣки и пріобрѣлъ отъ разныхъ государей, чрезъ владѣнія которыхъ проходила почта, особое дозволеніе почтальонамъ въѣзжать ночью въ города и крѣ-

пости: это дозволеніе, при тогдашней безурядицѣ по дорогамъ, имѣло большое значеніе для правильнаго веденія почтоваго дѣла.

Съ теченіемъ времени, распространеніе почтовой сѣти по Германіи шло все быстрѣе, несмотря на безконечныя препятствія, которыя появлялись то тамъ, то сямъ вслѣдствіе территоріальной разъединенности нѣмецкой земли; — съ другой стороны, эта разъединенность способствовала успѣхамъ почты, такъ какъ она вызывала *конкурренцію*. Бранденбургское почтовое управленіе вездѣ старалось превзойти мѣстныя почты быстротою и аккуратностію, оно безустанно заключало договоры, и вообще отличалось тѣми качествами, которыми обладаетъ и въ настоящее время. Разумѣется, и въ тѣ времена были люди, которые видѣли въ каждомъ нововведеніи произведеніе самого дьявола и гибель страны. Какой-то англичанинъ написалъ, въ 1672 году, трактатъ: «Основанія, почему слѣдуетъ уничтожить почтовыя кареты», въ которомъ онъ доказываетъ, что новый способъ передвиженія наноситъ ущербъ благородной верховой ѣздѣ и разстроиваетъ желудокъ, такъ какъ въ почтовыхъ каретахъ приходится выѣзжать рано и ѣхать цѣлую ночь, не имѣя времени хорошенько пообѣдать и вообще съ комфортомъ пользоваться аппетитомъ. Майнцскій курфирстъ представилъ (позднѣе) подобныя же основанія, въ силу которыхъ онъ отказалъ прусской почтѣ проѣзжать по его владѣніямъ. Почты ѣздятъ слишкомъ *быстро*, такъ что трактирщики, булочники, сѣдельныхъ дѣлъ мастера, кузнецы, пивовары и винопродавцы, обитающіе по большимъ дорогамъ, не въ состояніи пріобрѣтать столько доходовъ, сколько они получали при ѣздѣ въ наемныхъ каретахъ.

Безпрерывная, во всѣ времена года и дня, ѣзда курфирстовыхъ почтовыхъ каретъ обратила на себя вниманіе. Французскій врачъ изъ Ліона, Шарль Патэнъ (Charles Patin) разсказываетъ въ своихъ «Voyages» (1676 года) о путешествіи по бранденбургскимъ провинціямъ въ Берлинъ, какъ о весьма замѣчательномъ фактѣ, и говоритъ, что почтовая карета идетъ днемъ и ночью, и если гдѣ останавливается, то лишь для перемѣны лошадей. Обыкновенно почты ходили по два раза, а на бойкихъ мѣстахъ даже по четыре раза въ недѣлю. Почтальоны носили синіе мундиры съ курфирстовскимъ гербомъ на груди, и всегда имѣли при себѣ рожокъ. Ѣздили также въ «почтовыхъ каретахъ» (fahrende Posten), то-есть, въ двумѣстныхъ коляскахъ казеннаго устройства. Доставку распространили на письма, деньги и посылки, такъ что бранденбургскія почты служили въ свое время болѣе широкимъ потребностямъ, нежели всѣ остальныя почты. Съ деньгами въ первое время обходились весьма осторожно, такъ какъ

на дорогахъ нерѣдко случались грабежи, и въ одной инструкціи кёнигсбергскому оберъ-почтмейстеру Нейману, въ 1653 году, прямо сказано, что хотя денежныя посылки не принимать нельзя, однако пріемъ слѣдуетъ производить такимъ образомъ, чтобы деньги находились въ письмахъ незамѣтно. Письма, посылки и деньги вносились въ почтовыя описи (Postkarten), копіи съ которыхъ оставались въ почтовыхъ книгахъ для того, чтобы обезпечить людей, прибѣгавшихъ къ содѣйствію почты. Письмоносцевъ (Briefträger) еще не было. Всѣ должны были получать свои письма съ почты сами. Въ видахъ облегченія публики, съ 1680 года, въ почтамтахъ стали вывѣшивать получавшіяся тамъ почтовыя описи, изъ которыхъ всякій могъ узнавать, прислано ли ему письмо, или нѣтъ. Всѣ эти постановленія вели, разумѣется, къ огромнымъ стеченіямъ публики во время прихода почты, особенно въ большихъ городахъ, и вотъ появляется цѣлый рядъ рескриптовъ, направленныхъ къ сохраненію порядка въ почтамтахъ въ дни прихода почты. Живое изображеніе одного изъ подобныхъ волненій мы находимъ въ отчетѣ бранденбургскаго почтоваго фактора Иле (Ihle) въ Лейпцигѣ, 29-го октября 1684 г., во время ярмарки. «При открытіи почты (говоритъ этотъ чиновникъ) у насъ было такое громадное стеченіе народа, что мы опасались за цѣлость дверей и оконъ, которыя и были отчасти защищены досками и болтами. Все, что каждый находитъ въ описи, мы выдаемъ тотчасъ. Однако, невозможно, особенно во время ярмарки, выслушивать всѣ объясненія, выдавать и получать безчисленныя свидѣтельства; поэтому каждый долженъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не захватилъ его вещи по ошибкѣ ли, или по злобѣ» *).

Въ тѣ времена люди были, вѣроятно, честнѣе нынѣшнихъ, такъ какъ подобное ребяческое требованіе не имѣетъ нынѣ никакого смысла (т.-е. въ Германіи). Евреямъ приказывали посылать за всѣми письмами, приходившими на ихъ имена, кого-нибудь *одного*, который и платилъ всѣ почтовыя издержки. Этотъ факторъ могъ потомъ распоряжаться съ письмами какъ угодно, съ цѣлію вернуть свои деньги, выданныя почтамту. Впрочемъ, евреи умѣли находиться во всѣхъ трудныхъ случаяхъ. Когда имъ приходилось, напримѣръ, посылать важныя посылки въ Лейпцигъ изъ Берлина или Бреславля, то они, какъ разсказываетъ вышеупомянутый чиновникъ, дѣлали изъ бумаги два совершенно оди-

*) Судя по тому, что писалось недавно въ нашихъ газетахъ о почтовыхъ конторахъ, такія сцены можно видѣть и теперь въ нашихъ уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ, какія въ Германіи описывались въ XVII столѣтіи. — *Ред.*

наковые значка, изъ которыхъ одинъ отправляли съ посылкою къ чиновнику, прося его о томъ, чтобы онъ выдалъ посылку еврею, который представитъ ему такой же значекъ.

Формальнаго закона о почтѣ еще не было, хотя правительство и держалось опредѣленныхъ правилъ въ дѣлѣ почтоваго управленія. Тайны писемъ соблюдались свято, и почтовые чиновники должны были принимать присягу объ ея соблюденіи. Походной почты (Feldpost) тоже еще не было. Почтовыя сношенія между арміею и государственными властями поддерживались посредствомъ драгуновъ (почтовыхъ драбантовъ — Posttrabanten), которые располагались попарно въ трехмильномъ разстояніи другъ отъ друга; они обязаны были сдавать всѣ письма и депеши въ ближайшій курфирстовскій почтамтъ, или и въ самый Берлинъ, если главная квартира арміи находилась лишь въ 25 — 30 миляхъ отъ столицы.

Къ концу царствованія великаго курфирста почтовая цѣпь растянулась уже по всѣмъ частямъ курфиршества, и приносила 40 тысячъ талеровъ чистаго дохода, служа дѣйствительно не фискальнымъ цѣлямъ, но общественнымъ.

При наслѣдникахъ курфирста почтовое дѣло продолжало совершенствоваться и расширяться. При Фридрихѣ I, изданъ, 10-го августа 1712 года, первый прусскій почтовый уставъ (Postordnung), содержавшій въ своихъ 12 главахъ важнѣйшія юридическія, регламентарныя и техническія постановленія о почтовомъ дѣлѣ. Нѣсколько ранѣе устава были учреждены письмоносцы.

При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I (1713 — 1740) былъ изданъ первый почтовый договоръ съ Россіею. Петръ-Великій, проѣзжая многократно по Пруссіи, призналъ великую пользу правильныхъ почтовыхъ сношеній и просилъ короля прислать ему прусскій почтовый регламентъ и какого-нибудь свѣдущаго по почтовому дѣлу чиновника, который могъ бы завести почту въ Россіи по прусскому образцу. Желаніе царя было удовлетворено въ 1722 году, и уже съ слѣдующаго года открытъ правильный почтовый путь изъ Мемеля въ Ригу, Ревель, Нарву, Петербургъ, и оттуда въ Москву. Мемельскій почтамтъ, вступивъ въ прямое соединеніе съ Ригою, Петербургомъ и Москвою, поднялъ сразу цифру своихъ ежегодныхъ доходовъ съ 5,000 до 70,000. Пытались учредить тяжелую почту (Fahrposten) между Пруссіею и Россіею, но безуспѣшно, и Петръ-Великій завелъ поэтому правильныя сношенія моремъ изъ Петербурга въ Данцигъ и Любекъ.

Семилѣтняя война составляетъ одинъ изъ славнѣйшихъ моментовъ прусской исторіи, но прусской почтѣ она не принесла никакихъ выгодъ; напротивъ, почта даже потерпѣла убытокъ въ

953 тысячи талеровъ, изъ которыхъ 410 тысячъ утеряны вслѣдствіе непріятельскихъ нападеній на почты. Извѣстно, что Фридрихъ II часто руководился, въ своей внутренней политикѣ, ложными политико-экономическими началами, стараясь больше всего объ увеличеніи государственныхъ доходовъ. Почту онѣ то же обратилъ въ денежный источникъ и нѣсколько разъ повышалъ цѣну на почтовыя посылки, то-есть прибѣгалъ къ такой мѣрѣ, которая рѣшительно отвергается нынѣ и наукою, и опытомъ. Что при Фридрихѣ II въ почтовой системѣ произведены были нѣкоторыя улучшенія — этого отрицать нельзя. Такъ, въ 1766 году, въ сѣняхъ берлинскаго почтамта выставленъ первый письменный ящикъ, «въ видахъ удобства отправителей и облегченія самой корреспонденціи», какъ сказано въ правительственномъ извѣщеніи, изданномъ по этому случаю. Въ 1770 году, былъ изданъ регламентъ о берлинскихъ письмоносцахъ, которые стали съ тѣхъ поръ разносить письма по два раза ежедневно. Къ концу царствованія Фридриха II, прусская почта состояла изъ 4 оберъ-почтамтовъ, 246 почтамтовъ и 510 почтовыхъ экспедицій, и растянулась на пространствѣ 4,000 квадратныхъ миль.

14-го октября 1806 года, въ сраженіи подъ Іеною и Ауэрштедтомъ погибло старое прусское государство. Уже 16-го числа тогдашній начальникъ прусской почты, Зегебартъ (Seegebarth) получилъ приказъ забрать почтовыя книги и бумаги и бѣжать съ ними въ Кюстринъ. Съ 26-го октября, по приказанію императора, всѣ почтовыя сношенія съ Берлиномъ были прекращены, и только 2-го ноября объявлено было, что почта можетъ ходить до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ подвинулась французская армія. Всѣ почтовые чиновники должны были присягать на вѣрность французскому правительству, всѣ письма были вскрыты. Не стоитъ, впрочемъ, перечислять весь длинный рядъ насильственныхъ мѣръ, принятыхъ французами какъ противъ этой, такъ и противъ всѣхъ другихъ отраслей государственнаго управленія въ Пруссіи. Прусское государство впало въ агонію и вышло изъ нея въ новую жизнь лишь путемъ войны за освобожденіе. Союзные акты возстановили права князя Таксиса въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранялись до 1803 года; однако крупныя германскія государства удержали у себя свои собственныя почты, а Пруссія приступила къ полному преобразованію почтовой системы.

Могущественнымъ двигателемъ почтоваго дѣла явились громадные успѣхи общаго развитія человѣчества, двинутаго по пути прогресса революціею 1789 года. Свобода мысли и взаимныхъ сношеній, великія изобрѣтенія и улучшенія въ механикѣ и тех-

нологіи, могущество ассоціацій и кредита, всестороннее развитіе матеріальныхъ и умственныхъ силъ въ обществѣ, наконецъ, сближеніе націй и либеральный взглядъ на международныя отношенія,—все это вызвало такое оживленіе въ почтовомъ дѣлѣ, которое далеко превзошло всѣ прежнія ожиданія. Между изобрѣтеніями, прямо полезными почтовому дѣлу, первымъ появилось *макадамированіе*, названное такъ по имени самого изобрѣтателя, Мак-Адама, который вывезъ свой способъ мостить улицы изъ Китая, гдѣ онъ пребывалъ въ 1812 году. Въ 1822 году, въ Пруссіи было уже 200 миль шоссейной дороги, по которой ходила скорая почта (Schnellpost), устроенная по англійскому образцу и перевозившая не только письма, но и людей. Въ то время много удивлялись, что почтовыя письма дѣлали свои 20 миль между Берлиномъ и Магдебургомъ въ 15-ть часовъ, между тѣмъ какъ прежде на тотъ же путь употребляли два дня и одну ночь. Но владычество шоссе длилось не долго, такъ какъ скоро появилось еще болѣе великое чудо—желѣзныя дороги, которыя совершенно затмили шоссе. Съ желѣзными дорогами мы входимъ въ нашу эпоху.

Изъ безпрерывныхъ переговоровъ о расширеніи почтовыхъ сношеній съ иностранными государствами, мы упомянули пока о переговорахъ Пруссіи съ Россіею въ царствованіе Петра I. Съ тѣхъ поръ вся корреспонденція Россіи съ иностранцами шла черезъ Пруссію. Не разъ, и особенно въ 1813 году, другія европейскія правительства старались направить русскую корреспонденцію изъ Франціи, Голландіи и южной Германіи на Польшу черезъ Австрію, Саксонію и Баварію, но всякій разъ прусскому почтовому управленію удавалось, отчасти посредствомъ проложенія новыхъ шоссейныхъ дорогъ, не только удержать за собою эту важную почтовую линію, но и привлечь къ себѣ корреспонденцію изъ Вѣны, такъ что письма изъ Вѣны въ Петербургъ шли не черезъ Польшу, но черезъ Пруссію. Въ то время русскій дворъ много восхищался тѣмъ, когда однажды письмо русскаго посла изъ Вѣны достигло Петербурга черезъ Мемель въ 12 дней,—такая быстрота казалась чѣмъ-то невѣроятнымъ. 12-го (24-го) декабря 1821 года подписанъ почтовый договоръ между Пруссіею и Россіею, въ силу котораго Россія обязалась передать всю свою иностранную корреспонденцію (за немногими исключеніями) прусскому почтамту. Письма отправлялись еженедѣльно по два раза; чтобы еще лучше обезпечить за собою русскую корреспонденцію, прусское почтовое управленіе учредило особую эстафету между Мемелемъ и Берлиномъ. Съ окончаніемъ шоссейныхъ дорогъ, письма изъ Парижа въ Петербургъ стали доходить въ 6—7

дней. Однако и въ то время все еще не удавалось завести тяжелую почту, такъ какъ противъ нея возставали многіе русскіе министры. Только въ ноябрѣ 1833 года появилась наконецъ первая тяжелая почта между Пруссіею и Россіею. Въ 1839 году, прусское правительство, въ видахъ ускоренія русской почты на цѣлыя сутки, учредило курьерскія почты, которыя ходили до русской границы по три раза еженедѣльно, и стоили Пруссіи 30 тысячъ талеровъ ежегодно. Вслѣдствіе новыхъ переговоровъ, которые шли между Штюкертомъ и Прянишниковымъ, состоялся, 21-то мая (2-го іюня) 1843 года, добавочный договоръ, въ силу котораго число еженедѣльныхъ курьерскихъ почтъ между Петербургомъ и Берлиномъ было заведено до пяти и введены важныя улучшенія въ посылочную таксу. 19-го іюня (1 го іюля) того же года послѣдовало заключеніе договора о правильномъ почтово-пароходномъ сообщеніи между Петербургомъ и Штеттиномъ. Вслѣдствіе многочисленныхъ измѣненій въ посылочной таксѣ, 24-го декабря 1851 года былъ заключенъ новый добавочный почтовый договоръ, который оставался въ силѣ до конца 1860 года и съ тѣхъ поръ продолженъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій *).

Внутри самой Германіи самымъ важнымъ событіемъ было основаніе германско-австрійскаго почтоваго союза (Deutsch-Oesterreichischen Postverein). Раздробленное состояніе германской территоріи всегда служило важнымъ препятствіемъ развитію почтоваго дѣла. При разложеніи нѣмецкаго государства въ 1806 году, почтовое дѣло въ Германіи пришло въ крайнее раздробленіе, такъ что въ 1810 году тамъ было 33 самостоятельныя государственныя почты. Послѣ Вѣнскаго мира, возвратившаго князю Таксису его старыя привилегіи, все еще оставалось 17 отдѣльныхъ почтъ. Заключеніе самаго ничтожнаго договора стоило безчисленныхъ трудовъ, но прусское и австрійское почтовыя управленія не щадили никакихъ усилій и старались наперерывъ привлекать къ себѣ почты другихъ нѣмецкихъ государствъ. По соглашенію между Пруссіею и Австріею, собрались въ Дрезденѣ, 18-го октября 1848 года, коммиссары 17-ти нѣмецкихъ почтовыхъ управленій. Главнымъ затрудненіемъ на этомъ первомъ почтовомъ съѣздѣ оказался вопросъ о таксѣ. Въ Англіи былъ введенъ общій тарифъ для всѣхъ писемъ въ одинъ пенсъ, т. е. $2^1/_2$ коп.,

*) Нельзя не отдать справедливости нашей иностранной корреспонденціи: она отличается бо́льшею исправностью; но желательнѣе было бы сохранить исправность и вмѣстѣ избавиться отъ всякой зависимости по отношенію Берлинскаго Почтамта. — *Ред.*

уже съ 10-го августа 1840 года, но Пруссія не приняла его, опасаясь сильнаго паденія въ почтовомъ доходѣ. Въ 1824 году, въ Пруссіи былъ еще *семистепенной тарифъ*, въ силу котораго за письмо, посланное изъ Ахена въ Кёнигсбергъ, брали по 17 зильбергрошей (около 63 копѣекъ); дрезденская конференція свела этотъ тарифъ въ пять степеней, между тѣмъ какъ въ Австріи уже съ 1840 года были введены лишь двѣ тарифныя цифры. Несмотря на неудачу перваго дрезденскаго съѣзда, послѣдовавшіе за ними почтовые договоры разсчистили поле для дальнѣйшихъ соглашеній, и 6-го апрѣля 1850 года состоялся наконецъ германско-австрійскій почтовый союзъ, въ основу котораго приняли трехстепенный прусскій тарифъ; этотъ союзъ обнялъ пространство въ 22,000 квадратныхъ миль съ 72 милліонами жителей, и выдержалъ потрясеніе 1866 года. Только въ 1866 году введенъ наконецъ общій тарифъ въ одинъ зильбергрошъ, при чемъ почтовое управленіе сѣверо-германскаго Союза перешло въ руки Пруссіи. Съ тѣхъ поръ сѣверо-германское почтовое управленіе непрерывно старается о заключеніи международныхъ договоровъ, въ видахъ дальнѣйшаго распространенія единства въ почтовыхъ сношеніяхъ, такъ что теперь смѣлая мысль о томъ, что всему цивилизованному міру слѣдовало бы имѣть одинъ и тотъ же почтовый тарифъ, и одну и туже мѣстную единицу—*міровой тарифъ* и *міровую монету*, нельзя уже причислять къ категоріи несбыточныхъ химеръ.

I.

Организація почтъ. — Почта какъ источникъ доходовъ и какъ государственное учрежденіе. — Высшее почтовое вѣдомство.

Основы организаціи почтоваго дѣла въ сѣверо-германскомъ Союзѣ опредѣлены въ параграфахъ 48 по 52 союзной конституціи. Соотвѣтственно этимъ положеніямъ, почтовое (и телеграфное) дѣло организовано и управляется на всемъ пространствѣ сѣверо-германскаго Союза какъ одно цѣлое государственное учрежденіе. Доходы съ почты собираются въ пользу всего Союза, а расходы покрываются изъ общихъ союзныхъ доходовъ; избытокъ поступаетъ въ союзную кассу. Высшее управленіе почтъ находится въ рукахъ главы (президента) Союза, который имѣетъ право и обязанъ заботиться о томъ, чтобы во всемъ управленіи и исполненіи соблюдалось единство, и чтобы всѣ чиновники были всегда на своихъ мѣстахъ и умѣли бы исполнять свои обязанности.

Эти опредѣленія союзнаго уложенія служатъ основою «закона о почтовомъ дѣлѣ въ сѣверо-германскомъ Союзѣ», утвержденнаго первымъ союзнымъ парламентомъ 2-го ноября 1867 года, и къ которому непосредственно присоединено нѣсколько специальныхъ постановленій. Всѣ эти законы вмѣстѣ касаются главнымъ образомъ слѣдующихъ пунктовъ: монополіи почтоваго управленія (которой подлежатъ всѣ запечатанныя и закрытыя письма, и политическіе журналы и газеты); тарифа за отправленіе писемъ, пакетовъ, денежныхъ посылокъ, и раздачи газетъ, принимаемыхъ почтовыми конторами по таксѣ; гарантіи, которую имѣетъ публика со стороны почты, на случай потерь франкированныхъ писемъ, или утраты, порчи и проволочки при пересылкѣ пакетовъ, денежныхъ посылокъ, застрахованныхъ въ заявленную сумму писемъ (Briefe mit Werthangabe) и т. п.; привилегій почты, какъ государственнаго учрежденія, напримѣръ, освобожденіе отъ всякаго рода пошлинъ: шоссейныхъ, дорожныхъ, мостовыхъ, плотинныхъ и проѣздныхъ, отъ штемпельной пошлины и фискальныхъ требованій; штрафовъ, которымъ подвергаются всѣ нарушители почтовыхъ постановленій; и судебнаго производства, путемъ котораго почтовое управленіе должно взыскивать эти штрафы; общественнаго довѣрія — foi publique, которымъ должны пользоваться, въ случаяхъ доказательства противнаго, клятвенныя убѣжденія письмоносцевъ и другихъ почтовыхъ чиновниковъ въ дѣлѣ раздачи поручаемыхъ имъ предметовъ.

Тайна писемъ формально гарантирована въ уложеніяхъ разныхъ къ Союзу принадлежащихъ государствъ и въ вышеупомянутомъ союзномъ законѣ 2-го ноября 1867 года. Исключенія изъ этого правила опредѣлены особыми законами, допускающими захватъ писемъ только во время войны, да въ уголовныхъ дѣлахъ, по распоряженію судовъ или государственныхъ властей. Почтовымъ чиновникамъ особенно напоминаютъ соблюдать въ самой строгой точности тайну писемъ. Они не смѣютъ никому сообщать ни именъ отправителей, ни адрессовъ, по которымъ отправляются письма, ни суммы отправляемыхъ денегъ, словомъ, ничего такого, что̀ касается тайны частной переписки.

Почтовое законодательство находится въ рукахъ союзнаго совѣта, который разбираетъ законы, подготовляетъ ихъ для парламента, и представляетъ парламенту на обсужденіе и утвержденіе. Президентъ Союза наблюдаетъ за разсылкою и обнародованіемъ законовъ. Такъ какъ главѣ Союза принадлежитъ право служить представителемъ Союза во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, то прусскій король договаривается и заключаетъ всѣ

почтовые трактаты съ иностранными государствами. Эти трактаты подлежатъ утвержденію союзнаго совѣта и сообщаются также союзному парламенту.

Почтовый бюджетъ утверждается ежегодно особымъ закономъ. Президентъ Союза представляетъ союзному совѣту и парламенту ежегодные отчеты объ употребленіи почтовыхъ доходовъ. Бюджетъ 1868 года опредѣлялъ чистый доходъ со всѣхъ сѣверо-германскихъ почтъ почти $2^1/_2$ милліона прусскихъ талеровъ, и только вслѣдствіе крупныхъ почтовыхъ преобразованій, о которыхъ мы скажемъ ниже, цифра доходовъ оказалась гораздо меньшею, а цифра расходовъ гораздо крупнѣе бюджетной *).

Изъ всего предъидущаго ясно слѣдуетъ, что основы почтоваго управленія проникнуты либеральнымъ духомъ и соотвѣтствуютъ потребностямъ просвѣщеннаго конституціонализма. Дѣятельное содѣйствіе представительныхъ элементовъ какъ въ союзномъ совѣтѣ, гдѣ собраны голоса союзныхъ правительствъ, такъ и въ собраніи прямыхъ представителей народа—въ рейхстагѣ, нисколько не препятствуетъ тому, чтобы почтовое управленіе было снабжено всѣмъ необходимымъ для отправленія своихъ обязанностей и чтобы всѣ основы этого обширнаго вѣдомства имѣли живой и сильный ходъ, чтобы, однимъ словомъ, всѣ пружины этой могущественной машины правильно и неослабно дѣйствовали.

Эти хорошія стороны сѣверо-германской почты обусловливаются преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣятельности почтоваго управленія, несмотря на вышеупомянутыя юридическія ограниченія, предоставленъ широкій просторъ. Президентъ Союза (то-есть, прусскій король) имѣетъ право издавать всѣ административныя предписанія и почтовые регламенты. Эти регламенты устанавливаютъ всѣ условія, обязательныя для публики въ ея сношеніяхъ съ почтою; регламенты не могутъ касаться лишь тѣхъ сторонъ дѣла, которыя, какъ мы показали выше, принадлежатъ къ области занятій законодательнаго собранія. Чтобы составить себѣ понятіе о значеніи этихъ регламентовъ, нужно знать, что ими опредѣляются тарифы всѣхъ бандерольныхъ посылокъ, пробъ, почтовыхъ векселей, страхованія писемъ, сельской почты, а также платы за обращеніе всѣхъ поч-

*) Это и весьма естественно, между тѣмъ у насъ всѣ почтовыя реформы, по большей части, производятъ новыя затрудненія, такъ какъ бюджетъ не дѣлаетъ новыхъ пожертвованій, и потому всегда кажется, что старые дурные порядки лучше хорошихъ новыхъ. Въ почтовомъ дѣлѣ преслѣдовать однѣ фискальныя цѣли значитъ вредить самому дѣлу, и стремиться къ полученію наибольшаго дохода сегодня, хотя бы чрезъ то мы совершенно лишались дохода на завтра. — *Ред.*

товыхъ посылокъ внутри городовъ и ихъ окрестностей, за мѣста въ почтовыхъ и курьерскихъ (Eilwagen) каретахъ. Снабженное такою широкою властью, почтовое управленіе можетъ скорѣе удовлетворять крайне измѣнчивымъ потребностямъ торговли и *обмѣна*, и не нуждается прибѣгать за совѣтомъ къ законодательной власти въ безчисленныхъ мелочахъ, встрѣчающихся и постоянно возникающихъ вновь въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ почтовое. Избавляя и публику и управленіе отъ напрасныхъ проволочекъ въ законодательномъ собраніи, эта регламентарная власть приноситъ значительную пользу какъ государству, такъ и обществу. А такъ какъ дѣла управленія подлежатъ опять гласности, то оно не можетъ позволить себѣ злоупотребленій, которыя всегда бываютъ сопряжены съ административнымъ произволомъ, поставленнымъ внѣ публичнаго надзора, когда администрація доходитъ до мысли, что не она существуетъ для публики, а публика устроена для нея.

Всѣ служители почты въ разныхъ государствахъ Союза обязаны присягать главѣ Союза на безусловное повиновеніе его предписаніямъ. Назначеніе высшихъ почтовыхъ чиновниковъ, а также надзирателей и контролеровъ на всемъ пространствѣ Союза признано исключительнымъ правомъ президента Союза; мѣстные чиновники въ разныхъ государствахъ и низшій персоналъ почтовой системы опредѣляются по назначенію мѣстныхъ правительствъ. Однако и это право предоставлено лишь тремъ государствамъ Союза: Саксоніи, Мекленбургу и Брауншвейгу; во всѣхъ другихъ сѣверо-германскихъ государствахъ право назначенія мѣстныхъ почтовыхъ чиновниковъ и низшихъ чиновъ предоставлено тоже Пруссіи или въ силу особыхъ трактатовъ съ этими государствами, или въ силу того обстоятельства, что, въ 1866 году, Пруссія положила конецъ феодальной почтѣ, ходившей по мелкимъ нѣмецкимъ землямъ и въ вольные города Ганзы подъ фирмою княжескаго дома Таксисовъ. Такъ какъ князь Турнъ-и-Таксисъ имѣлъ почтовую монополію и въ великомъ герцогствѣ Гессенѣ, и такъ какъ южная часть этого герцогства, лежащая за Майномъ, не принадлежитъ къ сѣверо-германскому Союзу, то чтобы пріобрѣсть почтовую монополію и въ южной части герцогствъ, прусскому правительству пришлось заключить особый договоръ какъ съ самимъ княземъ, такъ и съ герцогомъ гессенскимъ.

Королевскій указъ 18-го декабря 1867 года ставитъ во главѣ почтоваго управленія союзнаго канцлера. Обязанности центральнаго почтоваго вѣдомства исполняются, по приказамъ канцлера, генеральною почтовою дирекціею въ Берлинѣ, составляющею первое отдѣленіе союзнаго канцлерства (Kanzleramt),

вторымъ отдѣленіемъ котораго называется генеральная дирекція телеграфовъ. Во главѣ почтоваго управленія въ провинціяхъ находится 37 оберъ-почтовыхъ дирекцій, получающихъ приказанія отъ дирекціи генеральной. Эти оберъ-дирекціи имѣютъ свое пребываніе въ Ахенѣ, Арнсбергѣ, Берлинѣ, Брауншвейгѣ, Бреславлѣ, Бромбергѣ, Галле, Ганноверѣ, Гумбинненѣ, Данцигѣ, Дармштадтѣ, Дюссельдорфѣ, Касселѣ, Кезлинѣ, Кёльнѣ, Кёнигсбергѣ, Килѣ, Кобленцѣ, Лейпцигѣ, Лигницѣ, Магдебургѣ, Маріенвердерѣ, Минденѣ, Мюнстерѣ, Ольденбургѣ, Оппельнѣ, Познани, Потсдамѣ, Трирѣ, Франкфуртѣ на-Майнѣ, Франкфуртѣ на-Одерѣ, Шверинѣ, Штеттинѣ, Штральзундѣ и Эрфуртѣ. Кромѣ того, есть еще три оберъ-почтамта въ Бременѣ, Гамбургѣ и Любекѣ, которые также подчинены берлинской генеральной дирекціи, и центральное бюро въ Берлинѣ для Газетной Экспедиціи (Post-débit der Zeitungen). Оберъ-почтъ-дирекціи имѣютъ подъ собою, въ своихъ округахъ, множество почтовыхъ конторъ (Post-bureau); въ Ахенѣ этихъ конторъ считается 72, въ Арнсбергѣ 153, въ Берлинѣ (въ городѣ, окрестностяхъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ) 38, въ бреславльскомъ округѣ 163, въ дюссельдорфскомъ 177, въ эрфуртскомъ 188, въ лейпцигскомъ 265, въ ганноверскомъ 291 и т. д. Общее число всѣхъ почтовыхъ конторъ простиралось въ концѣ 1868 года до 4,464. Эти конторы, смотря по ихъ значенію, дѣлятся на четыре класса: почтамты перваго класса, почтамты втораго класса, и два класса экспедицій. Какъ бы то ни было, всѣ эти подраздѣленія имѣютъ свой смыслъ лишь въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ всѣ эти классы почтовыхъ конторъ имѣютъ одинаковыя обязанности передъ публикою и одинаково стараются облегчить почтовыя сношенія. Подраздѣленіе на классы ведетъ лишь къ сбереженіямъ въ почтовомъ бюджетѣ, такъ какъ въ низшихъ конторахъ дѣла ведутся при помощи чиновниковъ низшаго разряда, получающихъ и меньшее вознагражденіе за свой трудъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ конторъ есть еще подвижныя (амбулантныя) почтовыя конторы, которыя служатъ почтовому дѣлу на желѣзныхъ дорогахъ. Съ этою цѣлью вся сѣть желѣзныхъ дорогъ раздѣлена на особые округи, которыхъ насчитываютъ теперь до двадцати. Надъ каждымъ округомъ (complex) поставленъ начальникъ линіи, подъ надзоромъ котораго находится многочисленный персоналъ амбулантныхъ конторъ, работающій по всѣмъ дорогамъ и развѣтвленіямъ округа. Начальники линій живутъ обыкновенно въ центрѣ желѣзно-дорожной сѣти своего округа и подчинены мѣстному оберъ-почтовому директору. Послѣдній, въ свою очередь, несетъ отвѣтственность передъ выс-

шимъ вѣдомствомъ, какъ за постоянныя, такъ и за подвижныя почтовыя конторы.

Въ каждой оберъ-почтъ-дирекціи есть центральная касса округа, въ которую всѣ мѣстныя почтовыя конторы посылаютъ ежемѣсячно свои избытки въ доходахъ надъ расходами, и изъ которой получаютъ вспоможенія, если случится, что доходы расходовъ не покрываютъ. Сношенія съ кассою происходятъ столь правильно и съ такою быстротою, что всякая почтовая контора кончаетъ свои мѣстные отчеты съ центральною кассою не позже 8-го числа каждаго мѣсяца; напримѣръ, отчетъ за январь всегда представляется не позже 8-го февраля.

Члены оберъ-почтъ-дирекцій: совѣтники, инспекторы, контролеры и т. п. имѣютъ совѣщательный голосъ, но рѣшеніе зависитъ исключительно отъ директора, дѣйствующаго подъ своею личною отвѣтственностью. Въ этомъ отношеніи организація почтоваго вѣдомства совершенно отличается отъ всѣхъ другихъ высшихъ вѣдомствъ въ провинціяхъ, напр., отъ провинціальныхъ правленій, члены которыхъ составляютъ совѣтъ съ рѣшающимъ голосомъ, и гдѣ, какъ въ судахъ, большинство голосовъ рѣшаетъ всѣ дѣла, а президентъ имѣетъ рѣшающій голосъ лишь въ случаяхъ раздѣленія собранія на двѣ партіи, равныя по числу голосовъ. Что въ почтовомъ управленіи принятъ другой порядокъ, это объясняется условіями самого дѣла, требующаго не долгихъ совѣщаній, но быстрыхъ и энергическихъ мѣръ. Воззрѣнія другихъ членовъ оберъ-почтовой дирекціи, хотя нисколько не ограничиваютъ власти директора, оказываютъ однако несомнѣнное вліяніе на мѣропріятія директора; лучшею гарантіею противъ злоупотребленій директорской власти служитъ, разумѣется, широкая гласность, которой подлежатъ всѣ мѣры почтоваго управленія, — отъ этихъ злоупотребленій оберегаетъ также вѣковая традиція разумности и честности нѣмецкихъ почтъ.

Административныя отправленія оберъ-почтъ-директоровъ довольно широки. Они могутъ мѣнять почтовыя линіи внутри своихъ округовъ и открывать новыя; имъ предоставлено право назначать всѣхъ чиновниковъ, ежегодное жалованье которыхъ не превышаетъ 450 талеровъ, всѣхъ письмоносцевъ, служителей въ конторахъ и т. п.; они же опредѣляютъ мѣста, въ которыхъ всѣ эти чиновники обязаны отправлять свои служебныя обязанности; имъ дано право увеличивать жалованье въ границахъ бюджета, который ежегодно посылается оберъ-директору изъ генеральной дирекціи, и въ которомъ прописывается общее число чиновниковъ всѣхъ категорій, общая сумма жалованья каждой

категоріи, минимумъ и максимумъ платы каждому отдѣльному чиновнику.

Какъ всѣ низшіе чиновники (Subalternbeamten), такъ и высшіе, готовящіеся занять мѣста на главныхъ дорогахъ, должны подвергаться экзамену въ оберъ-почтъ-дирекціи своего округа. Директоръ налагаетъ штрафы не свыше 10 талеровъ за каждую отдѣльную вину, даетъ чиновникамъ отпускъ, назначаетъ чрезвычайныя награды, или пособія вдовамъ и сиротамъ, но въ извѣстныхъ границахъ, опредѣляемыхъ генеральною дирекціею. Далѣе, директоръ опредѣляетъ условія пріема на мѣста, требующія залога, заключаетъ контракты съ подрядчиками почтовыхъ подводъ (Posttransporte), экипажными фабрикантами и т. п.; онъ нанимаетъ помѣщенія подъ почтовыя конторы и устраиваетъ ихъ, ведетъ переписку съ дирекціями желѣзныхъ дорогъ, собираетъ денежные штрафы съ публики въ случаяхъ нарушенія почтовыхъ законовъ, доставляетъ вознагражденіе за утрату или порчу почтовыхъ посылокъ не свыше 20 талеровъ, составляетъ проекты особыхъ штатовъ и вообще счеты по управленію всѣхъ конторъ, состоящихъ въ его округѣ. Къ каждой оберъ-дирекціи причисляютъ особое отдѣленіе для счетоводства, сквозь которое проходятъ всѣ штаты, счеты и т. п. почтовыхъ конторъ, за исключеніемъ тѣхъ актовъ, которые относятся къ иностранной почтѣ, и повѣрка которыхъ передана въ вѣдѣніе особаго бюро генеральной дирекціи.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы теперь же постараемся опредѣлить главное отличіе почтовой службы въ Германіи отъ почтъ въ другихъ государствахъ. Въ Германіи почта занимается не только пересылкою писемъ, но также доставкою журналовъ и газетъ, и обращеніемъ посылокъ съ заявленными или незаявленными цѣнами, почтовыхъ авансовъ или векселей. Всю эту отрасль почтоваго дѣла называютъ тяжелою почтою въ отличіе отъ легкой—съ письмами;—тяжелая почта возитъ и пассажировъ. Подъ именемъ почтовыхъ авансовъ (Post-Vorschüsse) разумѣются такія письма и посылки, за которыя получатель ихъ долженъ платить обозначенную на этихъ посылкахъ сумму, доставляемую потомъ отправителю; или наоборотъ, получатель вынимаетъ эту сумму изъ мѣстной почтовой конторы, послѣ того какъ отправитель уплатилъ ее въ своемъ почтамтѣ. Когда, напримѣръ, купецъ А. въ Берлинѣ посылаетъ какому-нибудь неизвѣстному заказчику В. въ Кёнигсбергѣ партію товара, то онъ обозначаетъ на посылкѣ, въ видахъ собственнаго обезпеченія, ту сумму, которую В. долженъ заплатить за то, что ему вручатъ посылку или письмо. Если получатель платитъ въ Кёнигс-

бергѣ, то берлинская почта представляетъ деньги отправителю; если же нѣтъ, то посылка идетъ назадъ къ отправителю.

Почта пользуется для своихъ посылокъ наиболѣе быстрыми средствами, напримѣръ, пассажирскими поѣздами, и отнюдь не товарными—на желѣзныхъ дорогахъ. Такая превосходная система пересылки соединяетъ почти непосредственно почтовыя конторы, находящіяся другъ отъ друга на разстояніи 100 нѣмецкихъ миль. Всѣ эти преимущества ускореннаго, безопаснаго и правильнаго движенія перенесли въ руки почты всѣ денежныя посылки, какъ монетныя, такъ и банково-билетныя или иныхъ биржевыхъ цѣнностей. Быстрое обращеніе этихъ предметовъ является теперь могущественнымъ средствомъ къ умноженію національнаго богатства. Государственное управленіе нашло въ тяжелой почтѣ даровое средство пересылки своихъ фондовъ и другихъ посылокъ разныхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій. Тарифъ тяжелой почты для мелкихъ посылокъ довольно малъ, а для большихъ весьма высокъ [1]).

По мѣстностямъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, почтовое управленіе разсылаетъ тяжелую почту и легкую корреспонденцію въ каретахъ, въ которыхъ могутъ путешествовать и посторонніе пассажиры. Путешествующіе платятъ за каждую нѣмецкую милю по 6 зильбергрошей (около 20 копѣекъ). Если мѣста въ главной каретѣ заняты, и есть еще пассажиры, то за нею тотчасъ же посылаютъ дополнительный экипажъ; такимъ образомъ, путешественники по Германіи, даже въ самыхъ заброшенныхъ закоулкахъ ея, могутъ разсчитывать на безостановочный переѣздъ съ мѣста на мѣсто. Тяжелая почта доставляетъ управленію средства къ содержанію на разныхъ станціяхъ достаточное число лошадей и каретъ. Число почтовыхъ лошадей, содержавшихся на территоріи прежней Пруссіи, въ концѣ 1866 года, простиралось до 12,583,

---

[1]) Хотя почта не имѣетъ никакой привилегіи на пересылку посылокъ, однако только въ самое послѣднее время сдѣлана серьёзная и громадная попытка соревнованія съ нею на этомъ поприщѣ. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ агитаціи, произведенной нѣкоторыми крупными коммиссіонерами, образовалось общество съ полумилліоннымъ (талеровъ) основнымъ капиталомъ: «Сѣверо-германское общество для пересылки посылокъ» (Norddeutsche Packetbeförderungs-Gesellschaft), которое начало свою дѣятельность съ 1-го ноября и обѣщаетъ транспортировать посылки по цѣнамъ значительно ниже почтовыхъ. По основной мысли предпріятія, соединеніе многихъ мелкихъ посылокъ въ большія дастъ возможность желѣзнымъ дорогамъ понизить цѣны за провозъ и такимъ образомъ уменьшить издержки транспортированія. Разумѣется, проектъ новаго общества старается представить это дѣло въ лучшемъ видѣ, но не слѣдуетъ торопиться слишкомъ похвальными отзывами. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ попытки вступить въ конкурренцію съ почтою (попытки, правда, въ малыхъ размѣрахъ) не имѣли никакого успѣха.

а экипажей было 10,000. Съ увеличеніемъ прусской территоріи, число лошадей поднялось до 15, а экипажей до 12 тысячъ. Въ 1868 году, число лошадей достигло уже 17,886, содержавшихся въ 1,737 почтовыхъ станціяхъ, при которыхъ служило 1,626 почтъ-содержателей (Posthalter) и 6,655 ямщиковъ (Postillon). Почти всѣ лошади составляютъ собственность почтъ-содержателей.

Тяжелая почта исполняетъ почти половину всѣхъ работъ почтовыхъ конторъ. Управленіе не получаетъ отъ нея никакихъ выгодъ, такъ какъ служба оплачивается въ этой почтѣ весьма щедро, но отъ тяжелой почты есть выгода косвенная, насколько сама почта способствуетъ оживленію тѣхъ мѣстъ, куда она проникаетъ.

Весь личный составъ почты доходилъ въ 1868 году до 34,734 человѣкъ, а вмѣстѣ съ почтъ-содержателями и ямщиками — 42,721.

Другая полезная сторона почтоваго управленія заключается въ разсылкѣ газетъ и журналовъ. Подписка на газеты принимается въ мѣстныхъ почтамтахъ. Въ Берлинѣ для разсылки журналовъ и газетъ учреждено особое бюро, гдѣ служитъ цѣлая сотня чиновниковъ, которые ведутъ сношенія почти съ 6,000 почтовыхъ конторъ, какъ внутреннихъ, такъ и иностранныхъ. Особыя газетныя бюро учреждены и въ другихъ важныхъ городахъ: въ Кёльнѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ, но всѣ эти конторы не достигли широкихъ размѣровъ. За свои труды, почта беретъ по 25 процентовъ съ цѣны газетъ и журналовъ, и это дѣло приноситъ ей значительныя выгоды, но за то редакціи не знаютъ никакихъ хлопотъ ни по подпискѣ, ни по разсылкѣ, и исправность почты стоитъ той высокой платы, которая берется почтамтомъ. Въ 1868 году, при посредствѣ сѣверо-германскихъ почтовыхъ учрежденій разослано 896,706 экземпляровъ газетъ и журналовъ, изъ которыхъ 253,215 были политическаго содержанія. Изъ общаго числа разосланныхъ газетъ и журналовъ, 863,554 экземпляра отпечатаны въ территоріи сѣверо-германскаго Союза, 16,738 въ южной Германіи, Австріи, Люксембургѣ, Швейцаріи и Италіи, а остальные 16,414 присланы изъ другихъ иностранныхъ государствъ. Число отдѣльныхъ нумеровъ всѣхъ этихъ выписанныхъ газетъ и журналовъ простиралось до 145,964,961.

Въ нѣкоторыхъ почтовыхъ конторахъ исправляется и телеграфная служба. Это бываетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жители прибѣгаютъ къ помощи телеграфа только въ рѣдкихъ случаяхъ, и поэтому нѣтъ необходимости устраивать особую телеграфную станцію. Система соединенія почты съ телеграфомъ дала удов-

летворительные результаты. Управленіе въ этихъ случаяхъ дѣлаетъ значительныя сбереженія въ личномъ составѣ, помѣщеніи, снарядахъ и т. п. и потому можетъ улучшать бытъ почтовыхъ чиновниковъ, давая имъ вознагражденіе и за телеграфную службу. Съ другой стороны, это самое обстоятельство даетъ правительству возможность широко распространять телеграфную сѣть, такъ что въ нее входятъ уже многіе мелкіе города. Всѣ эти удовлетворительные результаты побуждаютъ прусское правительство распространить ту же систему соединенія почтъ съ телеграфомъ по всей территоріи сѣверо-германскаго Союза.

II.

Почтовая статистика. — Обширность почтовой территоріи. — Почтовыя учрежденія. — Почтовые ящики. — Число миль. — Личный составъ.

Сѣверо-германская почтовая территорія содержитъ въ себѣ 7,618 квадратныхъ миль съ 30,476,036 душъ жителей, то-есть съ 4,000 жителей на каждую квад. милю. Изъ этихъ 30,476,036 жителей, 12,440,150 проживаютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ есть почтовыя учрежденія; остальные 18,035,886 человѣкъ живутъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій (въ сельскихъ округахъ).

Существуетъ 4,464 почтовыхъ учрежденій (по одному на 1,7 квадратную милю и на 6,845 душъ жителей), изъ нихъ: 493 почтамта, 545 почтовыхъ экспедицій перваго класса, 3,242 почтовыхъ экспедицій второго класса, 184 почтовыя экспедиціи на отдаленныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, было открыто 16 почтовыхъ экспедицій въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ своими минеральными водами на все время сёзона; 166 почтамтовъ и 517 почтовыхъ экспедицій было соединено съ телеграфными станціями, и 125 почтовыхъ учрежденій соединено съ таможенными мѣстами. Сѣверо-германскія почтовыя агентства находились, сверхъ того, заграницею: въ Ольдензаалѣ и Венло въ Голландіи, въ Віанденѣ, въ Люксембургѣ, и въ австрійскомъ городѣ Боденбахѣ. Кромѣ упомянутыхъ 4,464 почтовыхъ учрежденій, были еще желѣзнодорожные почтамты, число которыхъ дошло до 21, и они отправляли почтовую службу на 109 желѣзныхъ дорогахъ.

Число ящиковъ для опущенія писемъ дошло во всей территоріи сѣверо-германскаго Союза до 21,148. Изъ нихъ 7,908 находились въ мѣстностяхъ, гдѣ есть почтовыя конторы, и 13,240

въ сельскихъ округахъ. Среднимъ числомъ приходилось по одному ящику на каждые 1,362 жителя.

Въ 1868 году, на 1623, миляхъ желѣзныхъ путей почта пользовалась ежедневно 1,641 поѣздомъ. Изъ этого числа поѣздовъ, 713 отправлены были почтовыми бюро на желѣзныхъ дорогахъ, 575 везли почтовыхъ кондукторовъ, а въ 353 поѣздахъ почта исправляла свои обязанности чрезъ посредство служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ. Все число миль, пройденныхъ почтою на желѣзныхъ дорогахъ, опредѣляется въ 5,152,839!

По обыкновеннымъ дорогамъ почты проѣхали: пассажирскія—6,259,088 миль, курьерскія—37,672 мили, товарныя—23,404, грузовыя — 291,589, верховыя — 13,435, эстафетныя — 14,660, вѣстовыя—923,560, возвратно-верховыя—3,618, и частныя, по найму почтою—223,389 миль;—всего 7,790,415 миль!

По воднымъ путямъ почты проѣхали 126,231 милю.

Всего по всѣмъ дорогамъ и путямъ почты проѣхали 13,069,485 миль!

Личный составъ (по декабрьской росписи 1868 года):

I. Чиновники: 37 оберъ-почтъ-директоровъ, 38 оберъ-почтъ-ратовъ и почтъ-ратовъ; 44 инспектора, 49 контролеровъ почтовыхъ кассъ, 36 сдатчиковъ, 40 казначеевъ, бухгалтеровъ и помощниковъ бухгалтеровъ, 155 почтъ-директоровъ, 286 почтмейстеровъ, 485 оберъ-почтъ-коммиссаровъ и оберъ-почтъ-секретарей, 1,567 почтъ-коммиссаровъ и почтъ-секретарей, 867 ассистентовъ, 978 почтовыхъ учениковъ, 2,733 почтъ-управителей и экспедирующихъ, 1,327 кандидатовъ въ экспедирующіе, 3,102 почтъ-экспедиторовъ, 2378 помощниковъ почтъ-экспедиторовъ, 27 контрольныхъ чиновниковъ, 66 въ канцеляріяхъ, 3 почтовыхъ агента, 67 начальниковъ по пріему писемъ въ добавочныхъ почтовыхъ конторахъ, и 4 чиновника на почтовыхъ пароходахъ, — всего 14,289.

II. Низшихъ чиновъ: 2,848 письмоносцевъ, 3,118 каретниковъ, упаковщиковъ и т. п., 1,328 почтовыхъ кондукторовъ, 454 разнощиковъ посылокъ, 1,526 человѣкъ, занимающихся носкою посылокъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, 8,021 сельскихъ письмоносцевъ, 508 городскихъ разсыльныхъ для опоражниванія ящиковъ, 963 городскихъ письмоносцевъ, 1,296 помощниковъ низшихъ чиновъ, 150 человѣкъ домашней прислуги и т. п. Всего—20,121.

Въ этотъ счетъ не вошли еще 1,626 почтъ-содержателей и 6,655 ямщиковъ.

III.

Карьера почтовыхъ чиновниковъ. — Условія поступленія на службу. — Повышенія. — Жалованье. — Пенсіи. — Наказанія и награды.

Въ прусскомъ почтовомъ управленіи, всѣ чиновники дѣлятся на двѣ категоріи: на занимающихъ высшія должности, и на занимающихъ низшія должности. Къ первой категоріи принадлежатъ члены и чиновники генеральной дирекціи, оберъ-почтъ-директоры въ провинціяхъ, совѣтники (Räthe), инспекторы, контролеры, секретари-экспедиторы въ конторахъ оберъ-почтъ-дирекцій, почтъ-директоры и почтмейстеры, начальники отдѣленій по исполнительной службѣ большихъ департаментовъ. Ко второй категоріи причисляются начальники (Vorsteher) мелкихъ почтамтовъ (экспедицій 1-го и 2-го классовъ); агенты, на отвѣтственности которыхъ лежитъ отправленіе почтовыхъ сумокъ въ постоянныхъ и подвижныхъ почтамтахъ; служащіе am Schalter [1]), и персоналъ низшихъ чиновъ (Subalternpersonal) въ оберъ-почтамтахъ, вообще, всѣ посты, въ которые при вступленіи не требуется ни знанія финансовыхъ и политическихъ наукъ, или государственнаго права, ни всесторонняго знакомства со всѣми отраслями почтоваго управленія.

Въ основаніи этого подраздѣленія лежитъ мысль не возбуждать напрасныхъ иллюзій на повышенія, которыя не могутъ быть удовлетворены вслѣдствіе ограниченнаго числа высшихъ мѣстъ. Благодаря этому обстоятельству, почтовое управленіе имѣетъ въ своемъ личномъ составѣ, для исполненія всей массы болѣе или менѣе механическихъ работъ въ почтамтахъ, такихъ людей, которые, каково бы ни было ихъ образованіе или положеніе въ обществѣ, довольствуются умѣреннымъ жалованьемъ, имѣя передъ собою опредѣленную цѣль своей карьеры. Съ другой стороны, управленіе имѣетъ возможность предлагать образованнымъ людямъ, въ своихъ высшихъ постахъ, приличную сферу дѣятельности и крупныя преимущества по рангу и содержанію, — вслѣдствіе чего, оно пріобрѣтаетъ право ставить такія условія (для поступленія въ высшія мѣста), которыя могутъ служить гарантіею тому, что высшія почтовыя мѣста занимаются людьми, дѣйствительно способными отправлять столь важныя обязанности.

---

[1]) Служба am Schalter (по-французски: guichet) — это техническое выраженіе, подъ которымъ разумѣются всѣ прямыя сношенія почтовыхъ чиновниковъ съ публикою, въ почтовыхъ экспедиціяхъ.

Безусловно необходимо, чтобы люди, поступающіе на службу въ почтовое управленіе, пробыли предварительно нѣсколько лѣтъ въ исполнительной службѣ, для основательнаго ознакомленія съ сею послѣднею. Вступленіе въ кругъ высшей почтовой дѣятельности открыто для чиновниковъ второй категоріи. Стоитъ имъ представить доказательства своей служебной ловкости и расширить свои научныя познанія настолько, насколько требуетъ экзаменъ, опредѣленный для лицъ, желающихъ поступать въ высшія почтовыя должности, — и двери въ высшее управленіе тотчасъ раскрываются передъ ними.

Кандидаты первой категоріи должны быть въ возрастѣ 17—25 лѣтъ, имѣть гимназическій аттестатъ на поступленіе въ университетъ, внесть залогъ въ 300 талеровъ, представить свидѣтельство о благонадежномъ поведеніи, и обладать средствами на содержаніе себя въ первое время (на годъ, или на два). Требуется также, чтобы молодой человѣкъ выслужилъ свой срокъ обязательной военной службы, отъ которой, какъ извѣстно, никто не освобождается. Молодые люди первой категоріи вступаютъ обыкновенно волонтерами въ армію и проводятъ тамъ цѣлый годъ; кромѣ того, они обязаны впродолженіи опредѣленнаго числа лѣтъ являться ежегодно на ученіе, а въ случаѣ войны, ихъ призываютъ подъ знамена дѣйствующей арміи. По окончаніи трехлѣтней почтовой службы, эти ученики обязаны явиться въ мѣстную оберъ-почтъ-дирекцію, и сдать тамъ экзаменъ изъ разныхъ отраслей почтовѣдѣнія и практическихъ служебныхъ пріемовъ, а также изъ ариѳметики, географіи, исторіи, французскаго и англійскаго языковъ, и т. п. Выдержавъ экзаменъ, они поступаютъ на мѣста почтовыхъ ассистентовъ съ годовымъ жалованьемъ въ 300—360 талеровъ *). Управленіе обращаетъ особенное вниманіе на дальнѣйшее образованіе молодыхъ чиновниковъ, на ихъ знакомство съ принципами административныхъ обязанностей и, соображаясь съ этими качествами, оно назначаетъ имъ мѣсто и родъ дѣятельности. По прошествіи слѣдующаго трехлѣтія почтъ-ассистентъ допускается ко второму экзамену, который выдерживается ими въ Берлинѣ передъ особою экзаменаціонною коммиссіею, состоящею изъ тайныхъ совѣтниковъ, членовъ генеральной дирекціи. Этотъ экзаменъ касается главнымъ образомъ административнаго образованія чиновниковъ, то-есть, ихъ свѣдѣній въ финансовыхъ наукахъ, въ политикѣ и государственномъ правѣ и т. д.; чиновникъ

*) Это жалованье вовсе не такъ мало, если принять въ соображеніе, что въ Германіи 300 талеровъ даютъ болѣе средствъ къ существованію и даже комфорта, нежели у насъ 500, или 600 рублей. — *Ред.*

долженъ, сверхъ того, исполнить какое-нибудь порученіе, обыкновенно въ сферѣ обязанностей почтовыхъ инспекторовъ, представить сочиненіе на какую-нибудь тему, касающуюся государственнаго значенія почты и составить юридическій отчетъ о какомъ-нибудь сложномъ фактѣ, всѣ свѣдѣнія о которомъ ему доставляютъ въ подлинныхъ актахъ; съ него требуется, наконецъ, изустный экзаменъ передъ коммиссіею. Если экзаменующійся провалится, ему дозволяютъ экзаменоваться вторично. Выдержавъ же экзаменъ, онъ пріобрѣтаетъ право занять должность оберъ-почтамтскаго секретаря, почтмейстера, почтъ-директора, контролера, инспектора, совѣтника и т. п. (съ жалованьемъ въ 600—1,500 талеровъ), обер-почтдиректора (съ жалованьемъ въ 1,600—2,500 талеровъ), и наконецъ тайнаго совѣтника и члена генеральной дирекціи (съ жалованьемъ въ 2,000 — 3,000 талеровъ). Жалованье генеральнаго директора полагается въ 4,500 талеровъ. Всѣ эти чиновники пользуются полнымъ правомъ прусскаго должностного лица; они несмѣняемы, ихъ жалованье увеличивается по мѣрѣ продолженія службы, они имѣютъ право на пенсію, которая доходитъ до трехъ-четвертей получаемаго жалованья, — ихъ вдовы получаютъ пенсіи; въ случаяхъ болѣзни, они могутъ пользоваться жалованьемъ впродолженіи цѣлаго года, послѣ чего, если болѣзнь продолжается, ихъ переводятъ на пенсію. Повышеніе идетъ по заслугамъ и рвенію чиновниковъ къ службѣ.

Кандидаты второй категоріи должны, при вступленіи на службу, представить гимназическое свидѣтельство объ окончаніи «терціи», съ переходомъ въ «секунду». Преимуществами при вступленіи пользуются военные люди, прослужившіе 12 лѣтъ въ арміи, пробывъ 9 лѣтъ въ унтеръ-офицерахъ, а также тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣтаютъ право на гражданскія должности въ силу какихъ-либо военныхъ отличій: ранъ, увѣчій и т. п. Кандидатъ долженъ представить свидѣтельство о благонадежномъ поведеніи и залогъ въ 100 — 200 талеровъ. По прошествіи трехъ лѣтъ, онъ подвергается испытанію въ оберъ-почтъ-дирекціи, послѣ котораго его опредѣляютъ въ дѣйствительную службу. До экзамена, эти кандидаты получаютъ ежемѣсячно по 15 — 20 талеровъ, — послѣ удовлетворительнаго экзамена, ихъ жалованье доходитъ до 300 — 550 талеровъ въ годъ. Ихъ должности опредѣляются трехмѣсячнымъ срокомъ, то-есть, могутъ быть закрыты съ выдачею трехмѣсячнаго жалованья впередъ, но, вообще говоря, смѣны происходятъ весьма рѣдко. Въ дѣйствительности и эти чиновники пользуются такими же правами должностныхъ лицъ, какъ и чиновники первой категоріи, но эти права даются имъ

какъ бы въ отличіе, за долголѣтнюю, безпорочную службу, о которой и упоминается въ особыхъ, по этому случаю издаваемыхъ, министерскихъ циркулярахъ.

Дисциплина на почтѣ строгая. Наказанія состоятъ въ выговорахъ (Verweis) и денежныхъ штрафахъ. Начальники почтамтовъ могутъ постановлять штрафы не выше трехъ талеровъ, оберъ-почтдиректоры — не выше 10 за каждый проступокъ, и союзный канцлеръ — не выше мѣсячнаго жалованья. Чиновники, еще неутвержденные министерскимъ циркуляромъ, могутъ быть изгнаны изъ службы, однако управленіе прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ только въ важныхъ случаяхъ. Всѣ прочіе чиновники изгоняются изъ службы лишь по приговору дисциплинарнаго суда, который состоитъ на половину изъ высшихъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, на половину изъ независимыхъ юристовъ. Производство въ этомъ судѣ точно такое, какъ во всѣхъ другихъ судахъ въ государствѣ, и обвиняемый можетъ избрать себѣ особаго защитника, и пользуется правомъ аппелляціи въ общее министерство (Gesammt-Ministerium).

Награжденія состоятъ въ повышеніяхъ по службѣ, въ отличіяхъ (почетные титулы, орденъ), и чрезвычайныхъ наградахъ, которыя раздаются обыкновенно передъ Рождествомъ. Въ случаяхъ непредвидѣнныхъ несчастій или нужды, управленіе выдаетъ пособія.

Организованъ особый корпусъ почтовыхъ чиновниковъ для службы въ арміи во время войны. Каждому изъ нихъ впередъ извѣстно, какое мѣсто придется ему занять въ случаѣ вызова въ армію. Каждый армейскій корпусъ и каждая дивизія снабжена подвижными почтамтами, людьми, матеріалами, повозками; — все готово, чтобы при первомъ призывѣ почта мобилизировалась одновременно съ постановкою арміи на военную ногу. Не слѣдуетъ забывать, что при существованіи обязательной военной службы, почтовое управленіе лишается, во время мобилизаціи арміи, значительнаго числа своихъ чиновниковъ, въ возрастѣ 17 — 40 лѣтъ, которые обязаны занять свои мѣста въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ.

Почтъ-содержатели (ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ почтмейстерами) находятся лишь въ контрактовыхъ отношеніяхъ съ управленіемъ; также и ямщики, которые нанимаются почтъ-содержателями. Тѣмъ не менѣе эти оба разряда людей подвержены, во все время своей службы, дисциплинарнымъ законамъ почтоваго вѣдомства, и имѣютъ право на пенсіи.

IV.

Плата за письма, за газеты и другія произведенія печати, за образцы товаровъ. — Цѣна въ соотношеніи съ вѣсомъ; цѣны въ городахъ и селахъ. — Необязательная франкировка. — Распредѣленіе корреспонденціи.

Законъ о почтовомъ тарифѣ въ сѣверо-германскомъ Союзѣ утвержденъ 4-го ноября 1867 г. и вошелъ въ силу съ 1-го января 1868 года. Почти одновременно появился, 11-го декабря 1867 года, почтовый регламентъ союзнаго канцлера.

Такса за простое письмо, то-есть вѣсомъ въ одинъ лотъ, опредѣлена въ одинъ зильбергрошъ (3 копѣйки), въ какое бы отдаленное мѣсто Союза его ни посылали; *всѣ* письма, которыя вѣсятъ больше одного лота, подлежатъ двойной таксѣ. Максимумъ вѣса одного письма опредѣленъ въ 15 лотовъ (250 граммовъ). Письма, вѣсъ которыхъ переходитъ установленную вѣсовую единицу, признаются предметомъ тяжелой почты и подлежатъ посылочной таксѣ. Итакъ, посылка письма въ сѣверо-германскомъ Союзѣ не можетъ обойтись дороже 2 зильбергрошей. Франкировка необязательна; не франкированныя письма подлежатъ приплатѣ въ одинъ зильбергрошъ; той же добавкѣ подлежатъ и не вполнѣ франкированныя письма, причемъ, однако, наклеенныя марки идутъ въ общій счетъ платы за письмо.

Такса на газеты, когда онѣ разсылаются въ бандероляхъ, но не сдаются отдѣльно на почту, а также такса на всѣ другія произведенія печати, литографіи, автографіи и фотографіи, полагается въ одну треть зильбергроша за каждые $2\frac{1}{2}$ лота или за каждую дробь этой вѣсовой единицы, и здѣсь, какъ съ письмами, легкая почта принимаетъ только пакетъ не свыше 15 лотовъ. Франкировка обязательна. Въ случаяхъ неполной франкировки, эти пакеты считаются вовсе нефранкированными и хранятся на почтѣ до востребованія.

Такса за образцы товаровъ та же, что и за произведенія печати; эти вещи подлежатъ также и всѣмъ другимъ правиламъ пересылки произведеній печати.

Въ случаяхъ *страхованія* (Belastung, Recommandirung, chargement) письма, кромѣ обычной платы взимается еще 2 зильбергроша. Если отправитель желаетъ получить росписку (въ полученіи) отъ адресованнаго лица, то это стоитъ еще 2 зильбергроша.

Не во всѣхъ городахъ сѣверо-германскаго Союза такса за письма одинаковая. Такъ, въ Берлинѣ городская почта разно-

ситъ письма по одному зильбергрошу за каждое (то-есть, беретъ ровно столько, сколько платится за письмо, которое идетъ по территоріи всего Союза, и даже черезъ германско-австрійскій почтовый союзъ), во Франкфуртѣ-на-Майнѣ берутъ одинъ крейцеръ, въ Лейпцигѣ пол-гроша, и т. д. Равномѣрность городской таксы предполагаютъ установить при первомъ удобномъ случаѣ. Если кому-нибудь приходится посылать много писемъ (не менѣе 12) разомъ, то почта дѣлаетъ ему уступку въ 25—50 процентовъ.

Плата письмоносцамъ за доставку письма на домъ отмѣнена въ городахъ. Эта доставка совершается безплатно.

За письма, которыя разносятъ сельскіе письмоносцы по домамъ, получатель платитъ по полу-грошу за каждое. Но каждый корреспондентъ вправѣ самъ получать свои письма изъ сельской почтовой конторы, и въ такомъ случаѣ съ него не берутъ эти добавочные полу-гроши. Сельскіе корреспонденты, получая обыкновенно отъ письмоносца по нѣскольку писемъ разомъ, пользуются нѣкоторою уступкою съ установленной таксы. Они платятъ помѣсячно или за четверть года, и это абонированіе уменьшаетъ издержки на корреспонденцію иногда на половину и даже на двѣ-трети.

Съ посылокъ безъ означенія цѣны взимается плата по вѣсу и по отдаленности мѣста отправленія отъ адресса. За каждый фунтъ ($1/2$ кило) на пространствѣ 5-ти географическихъ миль назначено брать по два пфеннига, на разстояніи отъ 5 до 10 миль — по 4 пфеннига, на разстояніи отъ 10 до 15 миль — по 6 пфенниговъ, и т. д., все въ той же прогрессіи до разстоянія въ 160 миль, за которое платится 2 зильбергроша и 10 пфенниговъ, больше этого разстоянія нѣтъ въ сѣверо-германскомъ Союзѣ. Разстоянія высчитываются въ прямомъ направленіи. Вышеприведенныя мелкія цифры за легкія посылки представлены мною лишь примѣрно, такъ какъ въ дѣйствительности самая низшая такса за посылки опредѣлена въ 2 гроша за разстояніе до 5 миль, и въ три гроша за разстояніе отъ 5 до 15 миль и т. д. Съ каждою посылкою можно посылать даромъ одно запечатанное письмо.

За посылки (письма и пакеты) съ заявленною цѣною берется, кромѣ таксы, и страховая премія:

1) *Такса:* — a) за письма: на разстояніи до 5 миль $1\frac{1}{2}$ гроша
» отъ 5 до 15 2 »
» отъ 15 до 25 3 гр. и т. д.

b) За пакеты берутъ столько же, сколько и за посылки безъ заявленной цѣны.

2) *Страховая премія:* — до 15 миль за 50 талеровъ — $^1/_2$ гроша, за 50 — 100 талеровъ — 1 грошъ, за каждые 100 талеровъ выше прибавляется по одному грошу; — на разстояніи отъ 15 до 50 миль, эти три цифры подымаются на 1, 2, и 2 гроша; а на разстояніяхъ свыше 50 миль — на 2, 3, и 3 гроша.

Когда заявленная сумма превышаетъ 1,000 талеровъ, то почта повышаетъ страховую премію лишь на половину.

За пересылку денегъ (см. выше) посредствомъ выдачи (sous remboursement) берутъ, кромѣ таксы, по $^1/_2$ гроша съ каждаго талера, и не менѣе одного гроша съ каждаго порученія.

Франкировка посылокъ по тяжелой почтѣ необязательна.

Посылки къ солдатамъ, находящимся подъ знаменами, пользуются уступкою, такъ что съ каждой посылки, не превышающей по вѣсу 6 фунтовъ и на какомъ бы то ни было разстояніи, взимается всего два гроша. Письма, отправляемыя солдатами, доставляются безплатно, если вѣсъ ихъ не превышаетъ 4 лотовъ.

Выдача посылочныхъ писемъ, то-есть, сопровождающихъ разныя посылки, совершается въ городахъ безплатно, да и сами посылки можно получать изъ почтовыхъ конторъ безплатно. Въ бо́льшей части большихъ городовъ, почтовыя управленія имѣютъ особыя учрежденія, изъ которыхъ всѣ посылки развозятся по домамъ адрессованныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ за каждую посылку вѣсомъ до 30 фунтовъ взимается по одному грошу, и по два гроша, если посылка вѣситъ болѣе 30 фунтовъ. Сельскіе почтари доставляютъ на домъ посылки до 5 фунтовъ по вѣсу, и получаютъ за то по одному грошу; о посылкахъ болѣе тяжелыхъ онъ извѣщаетъ лишь посылочнымъ письмомъ и получаетъ за то по $^1/_2$ грошу.

Чтобы дать понятіе о громадности услугъ, оказываемыхъ почтою въ большихъ городахъ, достаточно замѣтить, что въ Берлинѣ, въ послѣдніе восемь дней до Рождества, приходило отъ 8 — 12 тысячъ посылокъ ежедневно. Число отправляемыхъ посылокъ не менѣе того, а число проходящихъ черезъ Берлинъ въ другія мѣстности бываетъ среднимъ числомъ до 10 тысячъ; такимъ образомъ, случаются дни, въ которые черезъ берлинскій почтамтъ и его городскіе отдѣлы проходитъ до 34 тысячъ посылокъ.

Въ видахъ ускоренія раздачи писемъ и посылокъ, управленіе ввело *экстренныя доставки.* Письма, на которыхъ означено: «доставить чрезъ экстреннаго» (durch Expressen zu bestellen), отправляются по домамъ тотчасъ по приходѣ, все равно — ночью ли, или днемъ. За это почта взимаетъ съ писемъ въ го-

родахъ по $2\frac{1}{2}$ гроша, а въ селахъ по 6 грошей за каждую милю, а съ посылокъ—вдвое болѣе. Этотъ сборъ идетъ на содержаніе разсыльныхъ. Публика пользуется этими услугами почты весьма часто, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, какъ дѣловыхъ, такъ и семейныхъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ телеграфныхъ станцій или когда сообщеніе не вмѣщается въ узенькія рамки телеграфической депеши.

Всѣ опредѣленія вышеприведеннаго тарифа какъ относительно писемъ, произведеній печати и товарныхъ образцовъ, такъ и относительно посылокъ по тяжелой почтѣ, распространяются, въ силу почтовыхъ договоровъ, заключенныхъ въ Берлинѣ съ южно-германскими державами 23-го ноября 1867 года, также на Баварію, Баденъ, Вюртембергъ, Австрійскую имперію и — относительно писемъ—на великое герцогство Люксембургъ. Такимъ образомъ, если хотите послать простое франкированное письмо изъ Мемеля въ Тріестъ, т. е. отъ балтійскихъ береговъ къ адріатическимъ, то это будетъ стоить *одинъ* зильбергрошъ (около 4 коп.)!! Каждое управленіе взимаетъ съ посылаемыхъ имъ писемъ, газетъ, и т. п. *всю* таксу. Что касается до посылокъ по тяжелой почтѣ, тарифъ ихъ высчитывать труднѣе, такъ какъ приходится опредѣлять въ отдѣльности пространство каждаго государства, по которому должна проходить посылка. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ соединеніи многихъ государствъ мы можемъ видѣть зачатки или даже ядро будущей *обще-европейской* почты.

Весьма интересно опредѣлить тѣ причины, которыя привели Австрію къ столь тѣсному торговому соединенію съ Германіею. Сначала австрійское почтовое управленіе постановило, по всей своей громадной территоріи, однообразную почтовую таксу въ 5 ней-крейцеровъ (100 ней-крейцеровъ на одинъ австрійскій гульденъ), что̀ равняется одному прусскому зильбергрошу. Однако объ объединеніи почты во всемъ германскомъ Союзѣ нечего было и думать въ тѣ времена, такъ какъ этому сильно препятствовала сложная организація Союза; всѣ мелкія государства ревниво охраняли свои права на самостоятельное существованіе и потому видѣли въ каждой объединяющей реформѣ прямое посягательство на ихъ независимость. Такъ было въ политикѣ, такъ было и во всѣхъ другихъ областяхъ государственной и общественной жизни. Почтовыя реформы опредѣлялись рѣшеніями конференціи изъ уполномоченныхъ разныхъ государствъ, собиравшейся разъ въ каждые три или четыре года. Все, что̀ касается до измѣненія тарифа или какихъ-нибудь важныхъ мѣропріятій, признавалось обязательнымъ для всѣхъ лишь съ общаго согласія. Хотя многія изъ мелкихъ государствъ не противились

каждой реформѣ, но тѣмъ не менѣе машина дѣйствовала со скрипомъ. Кромѣ уполномоченныхъ разныхъ правительствъ, въ почтовыхъ конференціяхъ принималъ участіе также уполномоченный князя Турнъ-и-Таксисъ, который смотрѣлъ на всѣ вопросы не иначе, какъ въ видахъ соблюденія княжескихъ интересовъ и, въ своемъ слѣпомъ эгоизмѣ, постоянно возставалъ противъ всякаго пониженія тарифа. Событіями 1866 года устранены всѣ эти затрудненія, и уже въ октябрѣ того же года открылись въ Берлинѣ почтовыя конференціи между сѣверо-германскимъ Союзомъ, южно-германскими государствами, Австріею и Люксембургомъ, при чемъ обнаружилось, что настоитъ крайняя необходимость въ широкой реформѣ, которая и опредѣлена въ почтовомъ договорѣ 23-го ноября 1867 года. За этимъ договоромъ послѣдовалъ пересмотръ всѣхъ почтовыхъ договоровъ, которые были заключены германскими государствами съ иностранцами, и результатомъ этого пересмотра въ сѣверо-германскомъ Союзѣ было заключеніе почтовыхъ договоровъ съ Англіею, Бельгіею Даніею, Италіею, Нидерландами, Папскою областію, Румыніею, Норвегіею, Сѣверною Америкою, Швеціею и Швейцаріею. Эти новые договоры основаны, съ небольшими измѣненіями, на однихъ и тѣхъ же началахъ, и всѣ они болѣе или менѣе ослабили разныя затрудненія, которымъ подвергалась почта въ прежнія времена. Особенно важнымъ преобразованіемъ представляется намъ значительное пониженіе тарифа, которое достигнуто договорами съ Бельгіею, Нидерландами и Швейцаріею. Каждое простое письмо, посылаемое изъ этихъ государствъ въ какое-либо мѣсто сѣверо-германскаго Союза, или изъ Союза въ эти государства, стоитъ теперь всего 2 гроша (8 копѣекъ). Почтовое управленіе сѣверо-германскаго Союза находится, сверхъ того, въ прямомъ, на договорахъ основанномъ союзѣ со всѣми европейскими государствами, за исключеніемъ Турціи и Греціи. Договоры съ Россіею, Швеціею, Норвегіею, Даніею, Бельгіею, Швейцаріею, Австріею, Баваріею, Вюртембергомъ и Баденомъ касаются легкой и тяжелой почты, договоры съ другими государствами—только пересылки писемъ. Но сѣверо-германское союзное почтовое управленіе принимаетъ уже мѣры и къ удаленію этихъ послѣднихъ неудобствъ, ибо оно старается войти въ сношенія съ частными транспортными обществами, предлагая имъ установить международную тяжелую почту.

V.

Правила о почтовыхъ векселяхъ.—Почтовые авансы.

Пересылка почтовыхъ векселей (Post-Anveisung) принадлежитъ къ кругу дѣятельности легкой почты.

Высшая цифра пересылаемыхъ такимъ образомъ суммъ не можетъ заходить за 50 талеровъ. Отправитель платитъ за вексель по два гроша, если сумма не доходитъ до 25 рублей, и по четыре гроша, если она выше 25 рублей. Франкированіе векселей обязательно. Городскія почты берутъ по два гроша за всякую пересылаемую сумму, если она даже превышаетъ 25 рублей.

Почтовые векселя могутъ отправляться и по телеграфу, причемъ отправитель обязуется уплатить стоимость телеграммы и вознагражденіе разсыльнаго (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ телеграфная станція находится не въ одномъ зданіи съ почтою) за доставку телеграммы въ телеграфную контору. Упомянутыхъ постановленія имѣютъ приложеніе въ обращеніи почтовыхъ векселей между сѣверо-германскимъ Союзомъ, Баваріею Баденомъ, Вюртембергомъ и великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ. Что касается до Австріи, то трудно сказать, когда и она войдетъ въ такія же сношенія съ Союзомъ. Главнымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи служитъ шаткій курсъ австрійскихъ государственныхъ бумагъ и изъятіе изъ обращенія звонкой монеты. Взаимный обмѣнъ почтовыми векселями установленъ, сверхъ того, съ Даніею и Соединенными-Штатами въ сѣверной Америкѣ. Съ послѣднею можно имѣть такого рода сношенія чрезъ посредство прусскаго генеральнаго корпуса въ Нью-Йоркѣ.

Почтовый вексель состоитъ изъ формальной бумаги, которая выдается даромъ [1]) во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отъ каждаго письмоносца. На этомъ формулярѣ отправитель пишетъ адрессъ и сумму, которую онъ желаетъ отправить на данный ад-

---

[1]) Сначала почтовое управленіе выдавало всѣмъ формуляры въ какомъ угодно количествѣ, но такъ какъ эти формуляры отпечатаны на крѣпкой и очень хорошей бумагѣ, или, вѣрнѣе сказать, на тонкой папкѣ, то скоро нашлось не мало охотниковъ пріобрѣтать такимъ легкимъ способомъ хорошую тонкую папку, и почтовому вѣдомству пришлось похлопотать объ охраненіи себя отъ подобнаго обмана. Съ тѣхъ поръ, формуляры выдаются, безъ всякихъ дальнѣйшихъ обезпеченій, лишь такимъ лицамъ, которыхъ трудно заподозрить въ сказанномъ злоупотребленіи. Всѣмъ другимъ формуляры выдаются не иначе, какъ съ приклеенною къ нему почтовою маркою, за которую, разумѣется, взыскиваются деньги.

рессъ. На формулярѣ находится купонъ, на которомъ отправитель можетъ писать всякаго рода замѣтки и сообщенія; платы за купонъ никакой не полагается. Получившій формуляръ можетъ отрѣзать купонъ и оставить у себя. Отписавъ какъ слѣдуетъ формуляръ и оклеивъ его требуемымъ числомъ почтовыхъ марокъ (что происходитъ непремѣнно въ почтовой экспедиціи), отправитель идетъ въ почтовую контору, сдаетъ вексель, выплачиваетъ тамъ посылаемую сумму, и получаетъ отъ почтоваго чиновника такую же квитанцію, какая выдается при отправленіи денежныхъ посылокъ. Чиновникъ вноситъ вексель въ книгу и отмѣчаетъ на нижнемъ краю векселя нумеръ, подъ которымъ вписанъ онъ въ реестрѣ. Затѣмъ вексель бросается, безъ всякихъ дальнѣйшихъ заявленій, въ чемоданъ со страховыми письмами и посылается по адрессу въ мѣстный почтамтъ. Здѣсь вексель вносится въ реестръ расходовъ и отправляется съ письмоносцемъ къ адрессованному лицу. Послѣдній расписывается на оборотной сторонѣ въ полученіи и представляетъ (или даетъ другому представить) вексель въ почтовую контору, гдѣ чиновники, свѣривши въ реестрѣ цифру требуемой суммы, тотчасъ же выдаютъ деньги. Въ концѣ каждаго мѣсяца почтовыя конторы посылаютъ въ контрольное бюро всѣ уплаченные ими векселя и всѣ реестры о полученныхъ ими суммахъ, и бюро занимается провѣркою этихъ отчетовъ. Во Франціи и другихъ государствахъ отправляющая контора посылаетъ конторѣ адрессованной мѣстности особое увѣдомленіе объ отосланномъ къ ней векселѣ, при чемъ самъ отправитель тоже шлетъ своему знакомому особое письменное извѣщеніе, за которое ему приходится платить обыкновенную таксу, или, если онъ не желаетъ лишиться векселя, таксу страховаго въ данную сумму письма. Такимъ образомъ, каждый почтовый вексель требуетъ двухъ отправленій. Эта послѣдняя система болѣе надежная, но нѣмецкая удобнѣе, быстрѣе, дешевле и въ продолженіи всѣхъ пяти лѣтъ своего существованія ни разу не подала повода къ жалобамъ. Только въ самомъ началѣ вкрались въ нее кое-какіе обманы, которые возникли главнымъ образомъ отъ небрежности почтовыхъ чиновниковъ, но такъ какъ имъ же, этимъ чиновникамъ, пришлось уплатить убытки, то они скоро стали поосторожнѣе. Преимущества нѣмецкаго порядка доставили этой системѣ весьма быстрое и широкое развитіе. До ея введенія (1-го января 1865 года) господствовала другая система почтовыхъ векселей, которая исполнила въ 1864 году такихъ порученій на сумму 11.816,375 талеровъ. А въ 1865 году, въ первый годъ новой системы, эта сумма возросла до 76,132,838 талеровъ.

Нечего и говорить, что нѣмецкая система не могла бы осуществиться, еслибъ у нея подъ рукою не было хорошо организованной службы письмоносцевъ. Эти послѣдніе, подъ страхомъ немедленнаго лишенія мѣста, должны вручать почтовые векселя *лично самому* адрессованному лицу; если не знаютъ его лично, то должны убѣждаться въ томъ или черезъ дворника, или черезъ хозяина дома, въ которомъ живетъ адрессованное лицо. Получатель векселя можетъ поручить другому пріемъ присланнаго векселя, но онъ обязанъ въ такомъ случаѣ дать почтовой конторѣ письменную, законнымъ путемъ скрѣпленную довѣренность, о чемъ тотчасъ извѣщается письмоносецъ. Письмоносецъ, вручивъ вексель, отмѣчаетъ на векселѣ карандашемъ — отдалъ ли онъ самому адрессованному лицу, или его уполномоченному. Чиновникъ въ почтовой конторѣ, получивъ вексель, смотритъ прежде всего, есть ли на немъ отмѣтка письмоносца, и потомъ уже выплачиваетъ деньги. Каждый письмоносецъ отвѣчаетъ за вѣрную доставку какъ всего другого, такъ и векселей, и управленіе поэтому требуетъ отъ него, при поступленіи на службу, залогъ въ 100 талеровъ государственными билетами или какими-нибудь цѣнными бумагами. Эта система доставки вовсе не такъ сложна, какъ кажется съ перваго взгляда; въ Германіи она въ большомъ ходу, и учрежденіе ея было бы необходимо и безъ почтовыхъ векселей, для денежныхъ писемъ и для посылокъ съ заявленною цѣною.

Въ нѣкоторыхъ городахъ письмоносцы приносятъ вмѣстѣ съ векселемъ и присланную сумму денегъ. Сельскіе письмоносцы доставляютъ всѣ суммы не выше пяти талеровъ.

Почтовые векселя должны представляться къ уплатѣ въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія ихъ. По прошествіи этого срока деньги возвращаются назадъ отправителю векселя.

Для облегченія контроля въ этомъ дѣлѣ, весьма обширномъ и требующемъ многихъ рукъ, почтовое управленіе пользуется провинціальными оберъ-почтъ-дирекціями. Каждая такая дирекція должна имѣть надзоръ за всѣми векселями, обращающимися въ ея округѣ изъ одной почтовой конторы въ другую. Другіе векселя отсылаются въ Берлинъ, гдѣ особое центральное бюро сводитъ счеты по столичнымъ векселямъ; 50 чиновниковъ работаютъ въ этомъ бюро, такъ какъ сквозь него проходитъ цѣлая половина всѣхъ почтовыхъ векселей,—остальная половина обращается въ провинціяхъ по оберъ-почтъ-дирекціямъ.

Въ 1868 году, въ почтовомъ районѣ сѣверо-германскаго Союза обращалось 8.373,777 почтовыхъ векселей, на общую сумму въ 104.732.184 талера. Изъ нихъ 7.268.438 экземпля-

ровъ или 86.8 процентовъ подлежали платѣ за пересылку, а 1.105.339 или 13.2 процента обращались безплатно. Изъ таксованныхъ 6.192.708 экземпляровъ, или 85.2 процента были векселя не выше 25 талеровъ; остальные 1.075.729 экземпляровъ, или 14.8 процентовъ явлены на высшую сумму,—средняя цифра векселя равнялась, слѣдовательно, 12 талерамъ 25 грошамъ и 5 пфеннигамъ. Объ обращеніи почтовыхъ векселей въ южной Германіи, Люксембургѣ, Даніи, Нидерландахъ, Норвегіи и Швейцаріи получены слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1868 году исполнено вексельныхъ порученій на южную Германію 95.842, на сумму 1.700.352 талера; на Люксембургъ 2.230, на сумму 47.031 талеръ; на Данію 9.101 на сумму 175.404 талера; на Нидерланды (только съ декабря, такъ какъ сама процедура векселей введена тамъ лишь съ 1-го января 1868 года) 315 на сумму 5.447 талеровъ; на Норвегію (съ 15-го апрѣля до конца декабря 1868 года) 236 на сумму 4.026 талеровъ; на Швейцарію (съ 1-го сентября до конца декабря) 1,221 на сумму 23.628 талеровъ; обратно въ сѣверо-германскій Союзъ изъ южной Германіи сдѣлано 125.114 порученій на сумму 2.232.442 талера; изъ Люксембурга—5.409 на сумму 143.572 талера; изъ Даніи—7.415 на сумму 138.932 талера; изъ Нидерландовъ — 174 на сумму 2.005 талеровъ; изъ Норвегіи — 703 на сумму 13.920 талеровъ; и изъ Швейцаріи — 1.690 на сумму 25.513 талеровъ.

Изъ всѣхъ этихъ чиселъ легко понять всю пользу почтовыхъ векселей для разныхъ экономическихъ сдѣлокъ. Первое и главное преимущество этой системы заключается въ томъ, что между отправителемъ и получателемъ не могутъ возникать напрасные споры изъ-за вѣрнаго обозначенія посылаемыхъ суммъ; при системѣ закрытыхъ писемъ отправитель могъ давать ложное показаніе о посланной имъ суммѣ денегъ, а получатель могъ утаивать часть получаемой имъ. Кому неизвѣстно, какое множество споровъ возникло изъ-за денежныхъ писемъ и сколь необыкновенно трудно добиться въ этихъ случаяхъ истины! Другимъ слѣдствіемъ системы почтовыхъ векселей является устраненіе непредвидѣнныхъ денежныхъ затрудненій. Конечно, у кого вовсе нѣтъ денегъ, тому не помогутъ и почтовые векселя, однако какъ часто случалось прежде, напримѣръ, съ путешественниками, что они или издерживали неожиданнымъ образомъ всѣ свои деньги, или не получали своихъ денегъ въ опредѣленный срокъ и въ указанномъ мѣстѣ. Въ такихъ случаяхъ имъ приходилось ждать многіе дни до полученія новыхъ суммъ; теперь же стóитъ только отправиться въ ближайшую телеграфную станцію и при помощи

почто-вексельной системы и телеграфа вы выходите изъ бѣды въ какой-нибудь часъ времени, и даже скорѣе. Нехорошо только то, что мелкіе почтамты не имѣютъ иногда въ своемъ распоряженіи высланной суммы. Но если ждать денегъ изъ другого почтамта, то ждать придется долго, да и само почтовое управленіе впадаетъ при этомъ въ сильныя затрудненія. Чтобы такихъ неудобствъ случалось повозможности менѣе, почтовое управленіе ограничило почтовые векселя суммою 50 талеровъ; такая сумма обыкновенно бываетъ въ почтамтахъ. Какъ бы то ни было, ясно, что эта система способна къ дальнѣйшему развитію.

Сравнительно съ обращеніемъ почтовыхъ векселей, почтовые авансы отступаютъ на задній планъ. Въ 1868 году, число такихъ посылокъ изъ сѣверо-германскаго Союза за границу и оттуда въ Союзъ простиралось до 1,392,030 штукъ, до 2,541,942 писемъ, всего на сумму 9,399,852 талера.

VI.

Статистика пересылки писемъ.—Возвращенныя письма.—Отправленіе посылокъ и обращеніе денежныхъ пакетовъ.—Пассажирское движеніе.—Транзитъ.—Контравенція.—Финансовые результаты.

Всѣ слѣдующія числа относятся къ состоянію почты въ 1868 году. Они должны дополнить картину, въ которой мы старались изобразить организацію почтоваго управленія. Общее число писемъ, принятыхъ во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ сѣверо германскаго Союза на разные адрессы, внутри Союза простиралось до 252,417,816; изъ другихъ странъ въ сѣверо-германскій союзъ пришло 22,777,166 писемъ; изъ сѣверо-германскаго Союза послано за границу 23,267,114 писемъ; 8,839,590 писемъ просто прошли черезъ территорію сѣверо-германскаго Союза изъ однихъ странъ въ другія; — всѣхъ писемъ, слѣдовательно, прошедшихъ черезъ руки агентовъ сѣверо-германской почты, было 307,293,676.

Изъ всего числа писемъ исключительно внутренней почты остались недоставленными 667,795;—360,609 или 54 процента потому, что не могли найти адрессованныхъ лицъ, 166,281 или 24,9 процентовъ потому, что адрессованныя лица отказались принять письма, 106,847 или 16 процентовъ потому, что адрессованныя лица умерли или выѣхали за границу, да 34,058 писемъ, или 5 процентовъ остались въ конторахъ, гдѣ принимаются письма съ надписью «до востребованія».

Недоставленныя письма были вскрыты въ коммиссіи, состоя-

щей подъ надзоромъ оберъ-почтъ-дирекцій, съ цѣлію возвратить ихъ подателямъ, и вслѣдствіе этого изъ 667,795 писемъ, оставшихся въ рукахъ почты, возвращено подателямъ 522,441 или 78 процентовъ. Изъ остальныхъ 145,354 писемъ 37,647, то-есть, около 25 процентовъ, были безъ подписи, а другія хотя и были подписаны, но почта не могла найти этихъ корреспондентовъ. Итакъ, изъ всего числа посланныхъ писемъ, не дошли до своего назначенія лишь весьма немногія, по 6 на каждые 10,000 или по одному на каждые 1,900. Вся сумма доходовъ съ внутренней разсылки писемъ простиралась до 6,565,980 талеровъ.

Посылки и деньги: внутри сѣверо-германскаго Союза было разослано 25,495,848 посылокъ, вѣсомъ въ 192,398,022 фунта, безъ заявленія цѣнъ, да 9,623,016 писемъ и 1,349,964 посылокъ съ заявленными цѣнами, на сумму 2,054,103,102 талера. Изъ другихъ странъ въ сѣверо-германскій Союзъ получено 1,364,556 посылокъ, простыхъ и денежныхъ, съ заявленными цѣнами, на сумму 159,617,502 талера. Изъ сѣверо-германскаго Союза отправлено за границу 947,772 посылки безъ заявленія цѣны, да 424,080 писемъ и 185,472 посылки съ заявленными цѣнами, на сумму 150.056,784 талера. Транзитомъ прошло 42,228 посылокъ, безъ заявленія цѣнъ, да 5,462 письма и 34,344 посылки съ заявленными цѣнами на сумму 12,524,508 талеровъ. Всѣхъ посылокъ, слѣдовательно, было 39,472,752, а суммъ заявлено на 2,376,301,896 талеровъ.

Сношенія Россіи съ сѣверо-германскимъ Союзомъ опредѣлялись (все въ 1868 году) слѣдующими цифрами:

Изъ Россіи послано въ Союзъ по разнымъ адрессамъ 600,066 франкированныхъ, 275,166 нефранкированныхъ, и 36,738 страхованныхъ писемъ, 85,104 экземпляра печатныхъ произведеній, 1,980 образчиковъ товаровъ, и 8,928 посылокъ, свободныхъ отъ почтовой таксы.

Изъ сѣверо-германскаго Союза въ Россію отправлено: 655,092 франкированныхъ, 388,062 нефранкированныхъ, и 37,422 страхованныхъ писемъ, 176,508 экземпляровъ печатныхъ произведеній, 20,844 товарныхъ образчиковъ, и 18,000 посылокъ, не подлежащихъ почтовой таксѣ.

Транзитомъ прошло по сѣверо-германскому Союзу въ Россію: 462,894 франкированныхъ, 295,212 нефранкированныхъ, 14,668 страхованныхъ писемъ, 128,664 экземпляра произведеній печати, 29,250 товарныхъ образчиковъ, и 252 даровыя посылки.

Изъ Россіи въ сѣверо-германскій Союзъ отправлено 324 по-

сылки, безъ заявленія цѣнъ, да 34,380 писемъ и 3,978 посылокъ съ заявленными цѣнами, всего на сумму 4,523,076 талеровъ.

Изъ сѣверо-германскаго Союза въ Россію отправлено 10,692 посылки, безъ заявленія цѣнъ, да 8,190 писемъ и 4,176 посылокъ съ заявленными цѣнами, на 6,954,534 талера.

Прошло транзитомъ по территоріи Союза въ Россію 1,638 посылокъ, безъ заявленія цѣнъ, да 432 письма и 2,664 посылки съ заявленными цѣнами, на сумму 330,012 талеровъ.

Въ 1868 году, сѣверо-германскія почты провезли 6,411,396 пассажировъ, съ которыхъ получено 2,836,208 талеровъ, а за перевозку лишняго багажнаго груза 122,544 талера.

За утраченныя и попорченныя посылки почтовое управленіе выдало 18,000 талеровъ.

Финансовые результаты. Весь доходъ почтоваго управленія сѣверо-германскаго Союза за 1868 годъ простирается на сумму. . . . . 20,516,435 талеровъ,
а весь расходъ . . . . 20,655,050.

Изъ общихъ расходовъ выдано:	4.932,800	талеровъ на жалованье чиновникамъ.
	2,655,200	тал. на жалованье низшихъ чиновъ.
	1,154,400	тал. на вознагражденіе сельскихъ письмоносцевъ.
	1,012,973	тал. на постройку и ремонтъ почтовыхъ каретъ.
	2,099,367	тал. на разныя затраты (на кормъ и проѣздъ, инвентари, канцелярскіе расходы и т. п.).
	6,277,762	тал. на содержаніе почтовыхъ фуръ.

Здѣсь кстати будетъ представить обзоръ дѣятельности 441 почтамта сѣверо-германскаго Союза, откуда будетъ видно, насколько жители той или другой мѣстности воспользовались такимъ удобнымъ орудіемъ для взаимныхъ сношеній, какова почта. Англичане утверждаютъ, что потребленіе мыла можетъ служить мѣриломъ образованности народа. Вѣрнѣе было бы считать та-

кимъ мѣриломъ почтовыя сношенія жителей, хотя необходимо допустить, что и это мѣрило слѣдуетъ принимать съ нѣкоторою осторожностію.

Во главѣ списка мѣстностей по числу разосланныхъ писемъ мы находимъ въ сѣверо-германскомъ Союзѣ семь городовъ, имѣющихъ болѣе 100 тысячъ жителей, а именно: Берлинъ съ 702,437 душъ (по 26 писемъ на человѣка); Гамбургъ съ 261,691 душою (по 28 писемъ на человѣка); Бреславль съ 171,926 душъ жителей (по 26 писемъ); Дрезденъ съ 156,024 души (по 21 письму); Кёнигсбергъ съ 106,296 душъ жит. (по 16 писемъ); Кёльнъ съ небольшимъ 100,000 жит. (по 26 писемъ), и Магдебургъ съ 104,122 душъ жит. (по 21 письму на каждаго человѣка). Итакъ, берлинскіе жители пишутъ меньше писемъ, нежели гамбургскіе, и ровно столько, сколько бреславльскіе и кёльнскіе. Мы не ошибемся, если припишемъ эти числовыя отношенія вліянію промышленной и торговой жизни, и они доказываютъ, сверхъ того, что въ сѣверо-германскомъ Союзѣ, не такъ какъ во Франціи, дѣятельность провинціальныхъ городовъ не подавляется чрезмѣрнымъ расширеніемъ столицы. Наименьшая цифра корреспонденціи оказывается въ Кёнигсбергѣ, что обусловливается особыми обстоятельствами. Этотъ городъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпость; онъ расположенъ на крайнемъ востокѣ монархіи и въ провинціи, прорѣзанной сравнительно незначительными желѣзно-дорожными линіями; наконецъ, имѣть тѣсныя сношенія ему приходится съ Россіею, а изъ нея почта пріобрѣтаетъ мало сравнительно съ бельгійскою и французскою границами.

Кромѣ большихъ городовъ, интересныя для насъ цифры представляютъ и другія мѣстности. Вотъ напр., Пирмонтъ, гдѣ на каждаго жителя приходится по 96 писемъ; однако, это статистическій обманъ, такъ какъ та цифра приписываетъ мѣстнымъ жителямъ всю переписку, которую ведутъ также и гости, пріѣзжающіе сюда пользоваться минеральными водами. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о цифрѣ 52, приписываемой каждому жителю Вика (Wyk—морскія купальни на островѣ Фёрѣ, въ Нѣмецкомъ морѣ); но нельзя причислить къ статистическому обману цифру 62, которая обозначаетъ число писемъ, посланныхъ каждымъ жителемъ Геррнгута, ибо геррнгутеры имѣютъ своихъ миссіонеровъ во всѣхъ частяхъ свѣта и ведутъ съ ними весьма обширную переписку. Целле въ Ганноверѣ и Лауенбургъ въ Лауенбургскомъ герцогствѣ тоже представляютъ колоссальную цифру писемъ—54, приходящихся на каждаго жителя, но трудно сказать, какія именно причины обусловливаютъ эту аномалію. За

то Лейпцигъ можетъ, по справедливости, гордиться своею цифрою — 45, такъ какъ она есть прямой результатъ его живой дѣятельности. Отбросивъ всѣ случайныя причины, все-таки приходится сознаться, что жители Лейпцига пишутъ больше всѣхъ другихъ сѣверныхъ нѣмцевъ. Промышленные города тоже представляютъ большія цифры писемъ, и притомъ почти въ одинаковой пропорціи: около 30 на каждаго жителя. Обитатели дѣятельнаго Эссена (гдѣ сооруженъ заводъ Круппа) посылаютъ по 28 писемъ ежегодно, то-есть, столько же, сколько Гамбургъ, и двумя болѣе Берлина, Бреславля и Кёльна. Промышленный городъ Майнцъ даетъ 32, трудолюбивый Кассель — 27, между тѣмъ какъ Потсдамъ, имѣющій почти столько же жителей, какъ Майнцъ и Кассель, посылаетъ лишь по 15 писемъ на человѣка. Потсдамъ — это городъ придворныхъ чиновниковъ, военныхъ людей, пенсіонеровъ. Но удивительно, что Данцигъ, городъ приморскій и не меньше Лейпцига, посылаетъ лишь по 12 писемъ на человѣка, то-есть, меньше нежели бо̀льшая часть мелкихъ и отдаленныхъ городовъ Мекленбурга и восточной Пруссіи. Еще слабѣе переписка идетъ въ Шпандау (крѣпость въ 1½ миляхъ отъ Берлина) и Браунсбергѣ, въ восточной Пруссіи — 10; въ Ордруфѣ въ Гольштейнѣ, и Эйпенѣ въ Прирейнской провинціи (городъ фабричный) — 9, и въ ганноверскомъ городѣ Кивусталѣ, каждый житель котораго посылаетъ среднимъ числомъ лишь по 8 писемъ въ годъ.

VII.

Сельскій письмоносецъ.

Выше, мы сообщили, что изъ всего числа жителей въ сѣверо-германскомъ Союзѣ только 12.440.150 душъ снабжены почтовыми учрежденіями въ мѣстахъ ихъ пребыванія, между тѣмъ какъ остальные 18.035,886 человѣкъ, то-есть $^3/_5$ всего населенія, остались бы безъ почты, еслибы не было сельскихъ письмоносцевъ (Landbriefträger).

Учрежденіе сельскихъ письмоносцевъ, или сельской почты, состоялось въ Пруссіи въ 1824 году, благодаря усиліямъ Наглера. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ учреждена такая же почта во Франціи въ 1830 г., гдѣ генеральный почт-директоръ, графъ Вильнёвъ, снабдилъ сельскою почтою всѣ 35,000 общинъ, изъ которыхъ состоитъ французское государство; — примѣръ Вильнёва нашелъ себѣ вскорѣ достойныхъ подражателей въ Бельгіи. Въ Пруссіи сельская почта развивалась мало-по-малу, — начав-

шись съ нѣкоторыхъ почтовыхъ конторъ, она распространялась все на бо́льшее число ихъ, при чемъ отправленіе разсыльныхъ совершалось сперва лишь разъ и много два въ недѣлю. Введенію этого учрежденія въ Пруссіи во всѣ части королевства разомъ, какъ это случилось во Франціи и Бельгіи, препятствовали весьма многія обстоятельства, основаніе которыхъ слѣдуетъ искать въ отличномъ отъ Франціи и Бельгіи состояніи образованности, въ особомъ общинномъ устройствѣ, въ особомъ положеніи поземельной собственности, и въ мѣстной группировкѣ усадебъ въ разныхъ провинціяхъ. Тутъ вы имѣете рейнскія провинціи съ ихъ оригинальнымъ муниципальнымъ устройствомъ и съ широко-распространеннымъ учрежденіемъ общинныхъ разсыльныхъ, или Померанію съ ея узкими разграниченіями между городомъ и деревнею, или Вестфалію съ ея хуторами (Einzelbauten), столь превосходно характеризующими древнихъ саксонцевъ, или Саксонію и земли по Одеру съ ихъ деревнями, устроенными на подобіе городовъ, или Силезію съ ея изолированными промышленными учрежденіями, или, наконецъ, Литву (Litauen) съ ея разбросанными на цѣлыя мили другъ отъ друга деревнями и колоніями.

Прусское почтовое управленіе желало свободнаго развитія сельской почты и потому предоставило самимъ сельскимъ жителямъ добывать свои письма или чрезъ собственныхъ посланцевъ, или при посредствѣ сельскихъ письмоносцевъ. Чѣмъ шире становилась переписка по почтѣ, и чѣмъ многоразличнѣе опредѣлялись, съ теченіемъ времени, отношенія города къ деревнѣ, тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣтала почта, такъ что въ 1846 г. уже явилась возможность ввести сельскую почту во всѣ области монархіи. Теперь нѣтъ ни одной мѣстности, ни одного дома, который бы не былъ причисленъ къ тому или другому почтамту и куда бы не заглядывали сельскіе письмоносцы. Въ топяхъ Литвы, по плотинамъ шлезвигскихъ болотъ, въ лѣсахъ восточной Пруссіи, или по глубокимъ пескамъ маркграфства бранденбургскаго,— вездѣ встрѣчаете вы одинокаго сельскаго письмоносца, одѣтаго въ свою форму,— въ которой, впрочемъ, только и есть форменнаго, что красный воротникъ,—съ палкою въ правой рукѣ, съ тяжелою сумкою за спиною, съ трубкою табаку во рту,—и онъ идетъ своимъ путемъ во всякое время года и дня, ему все ни почемъ: и потоки дождя, и палящіе лучи солнца, и самый жестокій морозъ. Сюда несетъ онъ письма, туда — газеты, посылки, деньги, и снова принимаетъ другія письма, другія посылки, или опоражниваетъ выставленные тамъ-и-сямъ почтовые ящики для писемъ. Это лучшее довѣренное лицо и отличается,

несмотря на свое небольшое жалованье (около 150 талеровъ), незапятнанною честностью. Объ утайкѣ писемъ или денегъ почти нигдѣ не слыхать, не бываетъ также и разбойническихъ нападеній на письмоносцевъ, хотя эти одинокіе путешественники несутъ иногда значительныя суммы, несмотря на то, что каждая посылка, поручаемая письмоносцу, не должна превышать 25 талеровъ, однако такихъ посылокъ можетъ быть въ его сумкѣ нѣсколько. Между тѣмъ какъ обязанности городскихъ письмоносцевъ почти исключительно механическаго свойства, сельскому письмоносцу, на котораго возлагаютъ множество порученій, необходимо пользоваться болѣе широкою свободою въ своей дѣятельности, и обладать болѣе строгими нравственными качествами, нежели городскому письмоносцу. Прежде сельскій письмоносецъ посѣщалъ лишь тѣ мѣстности, куда адрессованы были полученныя на почтѣ письма, — теперь же, со времени преобразованій 1846 года, онъ обязанъ посѣщать и тѣ мѣста и заведенія въ его округѣ, куда ничего не прислано. Такимъ способомъ удалось не только доставить всѣмъ сельскимъ жителямъ возможность имѣть подъ руками почту, но и контролировать обходы самихъ письмоносцевъ, такъ какъ сельскимъ жителямъ объявлено впередъ, въ какой день и въ какое время долженъ посѣтить ихъ письмоносецъ. Во Франціи надзоръ за сельскими письмоносцами (facteurs ruraux) порученъ особымъ чиновникамъ—brigadiers,—которыхъ въ нѣмецкой системѣ вовсе не нужно.

Сельская почта постепенно совершенствовалась,—сперва появились во всѣхъ сельскихъ округахъ почтовые ящики для опущенія писемъ, затѣмъ учреждены были добавочныя почтовыя конторы, въ большихъ округахъ наняты экстренные разсыльные, увеличенъ личный составъ почты, письмоносцы стали носить съ собою почтовыя марки для продажи;—всѣ эти и многія другія мѣры довели развитіе сельской почты до того, что она поддерживаетъ теперь повсюду ежедневныя сношенія (кромѣ воскресенья) мѣстныхъ жителей съ почтовою конторою и съ своими землями по округу. Вся корреспонденція, получаемая сельскими почтовыми конторами *до утра*, достигаетъ мѣста своего назначенія въ тотъ же день, а всѣ письма, которыя вручаются письмоносцу, отправляются по назначенію въ тотъ же вечеръ.

Письмоносцы служатъ по контракту, плата за ихъ труды назначается по величинѣ обхода, который имъ приходится дѣлать. Въ настоящее время, мы видимъ, что они получаютъ среднимъ числомъ 140 талеровъ, плату весьма скудную, хотя прежде имъ давали гораздо меньше. Письмоносцу приходится проходить ежедневно $2^1/_2$—3 миль; одежда полагается казенная.

Вообще говоря, сельская почта въ сѣверо-германскомъ Союзѣ процвѣтаетъ и принимаетъ во всѣхъ отношеніяхъ все лучшій видъ. Теперь уже устранены всѣ затрудненія и предразсудки, которые препятствовали ея распространенію. Она принесла существенную пользу какъ публикѣ, такъ и правительственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, и послужила могущественнымъ средствомъ къ сближенію города съ деревнею. Благодаря сельской почтѣ, обращеніе газетъ и писемъ растетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и быстрѣе, а плодотворнымъ результатомъ этого роста является повышеніе уровня цивилизаціи.

VIII.

Почтовая служба въ городахъ. — Соединеніе главныхъ городовъ. — Быстрота.

Въ Берлинѣ, въ каждомъ почтовомъ отдѣленіи, письма разносятся по 15 разъ въ день. По воскресеньямъ письма доставляются только утромъ. Письмоносцы раздѣлены на разные корпуса, изъ которыхъ одинъ расположенъ въ центральномъ почтамтѣ, а прочіе въ отдѣлахъ (Succursaalen). Ежечасно изъ главнаго почтамта отправляется повозка по всѣмъ отдѣламъ; она развозитъ письма, полученныя въ почтамтѣ, и беретъ письма, полученныя въ отдѣлахъ. Уличные ящики опоражниваются 15 разъ въ день, соотвѣтственно съ отходомъ главнѣйшихъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ. Всѣ письмоносцы, окончивъ свой обходъ, должны возвращаться въ свои отдѣлы и ждать тамъ, пока почтамтская повозка не привезетъ новаго матеріала. Послѣ ея прибытія, снова начинаются ихъ вѣчные обходы. Уличные ящики опоражниваются особыми служителями, письмоносцы же занимаются исключительно разноскою писемъ. Каждый корпусъ письмоносцевъ дѣлится на нѣсколько партій, которыя смѣняютъ другъ друга. Утромъ всѣ письмоносцы должны находиться въ главномъ почтамтѣ, гдѣ имъ выдаютъ всѣ письма, полученныя вчера вечеромъ и въ ночь на сегодняшнее утро (ихъ накопляется порядочное количество), въ продолженіи всего дня они должны пребывать въ своихъ отдѣлахъ. Путь почтовыхъ повозокъ опредѣляется такимъ образомъ, чтобы каждая изъ нихъ успѣла объѣхать нѣсколько отдѣловъ. Для разсылки экстренныхъ писемъ учрежденъ особый корпусъ письмоносцевъ. Экстренные разсыльные помѣщаются въ почтовыхъ конторахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ; амбулантныя почтовыя конторы, сопровождающія поѣзды желѣзныхъ дорогъ, выбираютъ экстренныя письма во время ѣзды,

такъ что съ прибытіемъ поѣзда на станцію, эти письма тотчасъ же отправляются по адрессу. Въ другихъ большихъ городахъ: Гамбургѣ, Бреславлѣ и друг., разноска писемъ организована подобнымъ же образомъ, но письма разносятъ не столь часто — по 6—8 разъ въ день, не болѣе; въ мелкихъ городахъ только два или три раза.

Почтовыя сношенія между большими городами идутъ обыкновенно по направленію линій желѣзныхъ дорогъ, и почтовому управленію предоставлено, поэтому, право голоса въ движеніи желѣзныхъ дорогъ, которымъ правомъ оно и пользуется въ интересахъ скорости почтовой дѣятельности. Несмотря на упорное сопротивленіе желѣзно-дорожныхъ дирекцій, почтовое управленіе уже 20 лѣтъ тому назадъ принудило ихъ отправлять ночные поѣзды, имѣющіе большую важность не только для почтовыхъ, но и вообще для дѣловыхъ сношеній. Часы отхода почтовыхъ поѣздовъ (Schnellzug) изъ Берлина по разнымъ направленіямъ назначены вечерніе, такъ что почта можетъ везти всю купеческую корреспонденцію, которая должна сообразоваться съ биржею (на биржѣ собираются отъ 12—2 пополудни), и всѣ вечернія газеты, которыя доставляются въ почтамтъ не позже 4½ часовъ пополудни (съ первыми отходящими поѣздами). Съ другой стороны, всѣ поѣзды, идущіе изъ иностранныхъ государствъ, приходятъ въ Берлинъ утромъ, чтобы пріѣзжіе могли тотчасъ приняться за свои дѣла. Правда, всѣ эти здравыя соображенія удалось провести не вездѣ, но объ этомъ постоянно стараются.

Быстрота различна на разныхъ линіяхъ. Изъ Берлина въ Кёльнъ (85 географическихъ миль) курьерскій поѣздъ идетъ не долѣе 12 часовъ (считая и остановки). Почтовыя кареты проходятъ одну географическую милю въ 30—40 минутъ.

Почтовое управленіе содержитъ также нѣкоторыя пароходныя линіи: между Штральзундомъ и Иштадтомъ (въ Швеціи), Килемъ и Корсоёръ (въ Даніи), но эта отрасль почтоваго управленія не представляетъ собою ничего интереснаго и ничѣмъ не отличается отъ пароходныхъ сообщеній, содержимыхъ въ другихъ государствахъ.

IX.

Отмѣна безплатной почты.

Со времени учрежденія бранденбургской почты, безплатное отправленіе правительственныхъ посылокъ считалось дѣломъ рѣшительно безспорнымъ, и до самаго послѣдняго времени никому и въ голову не приходило измѣнить это отношеніе между почтою и правительствомъ, пока графъ Бисмаркъ не сталъ оспаривать этого права относительно членовъ прусскаго парламента, пользовавшихся тою же привилегіею въ продолженіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ, установленною съ цѣлью доставить народнымъ представителямъ полную возможность сноситься съ своими избирателями. Споръ, поднятый Бисмаркомъ, побудилъ двухъ депутатовъ предложить полную отмѣну безплатной почты. Вслѣдствіе этого предложенія, союзный президентъ внесъ, въ нынѣшнемъ году, въ сѣверо-германскій парламентъ проектъ закона объ отмѣнѣ безплатной почты, но съ весьма значительными исключеніями. Безплатная почта предоставлена главамъ и членамъ августѣйшихъ фамилій, союзнымъ вѣдомствамъ и войску. Парламентъ ограничилъ эти исключенія еще больше, оставивъ, напримѣръ, привилегію августѣйшихъ особъ не за всѣми членами королевскихъ фамилій, а лишь за главами ихъ, супругами и вдовами. Переписка союзныхъ вѣдомствъ тоже перестаетъ быть безплатною, и можно ожидать, поэтому, что и сама бюрократическая переписка подвергнется значительному сокращенію. Законъ объ отмѣнѣ безплатной почты войдетъ въ силу съ 1-го января 1870 года *).

---

*) У насъ съ 1-го января 1870 г. лишаются безплатной пересылки земскія управленія, о чемъ мы говорили въ декабрьскомъ «Внутреннемъ обозрѣніи». Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сообщили слухъ, что такая мѣра будетъ распространена и на правительственныя мѣста; примѣръ Пруссіи доказываетъ, что такое распространеніе было бы совершенно раціонально. Дѣйствительно, бюрократическая переписка, какъ даровая, развита у насъ не только на счетъ пишущихъ и читающихъ, но и на счетъ перевозной силы. При платѣ немедленно обнаружится такая колоссальная цифра, что поневолѣ подумаютъ о пользѣ сокращенія переписки. Бюджетъ сдѣлается также болѣе раціональнымъ, потому что тогда обнаружится дѣйствительный трудъ почтовый и дѣйствительная стоимость администраціи. А все это чрезвычайно важно въ хорошемъ хозяйствѣ. — *Ред.*

X.

Тайна писемъ.

Если вѣрить знаменитымъ путешественникамъ, Гюку и Габе, въ Китаѣ никто не имѣетъ понятія о тайнѣ писемъ. Первый встрѣчный считаетъ себя вправѣ распечатать имѣющееся въ его рукѣ письмо и сообщить содержаніе письма всѣмъ другимъ. Но у цивилизованныхъ народовъ сохраненіе тайны писемъ всегда считалось долгомъ чести, и всѣ нарушенія ея вели только къ бо̀льшему укрѣпленію этого принципа. Въ Германіи уваженіе къ тайнѣ писемъ пустило весьма глубокіе корни. Самъ Лютеръ освятилъ тайну писемъ авторитетомъ могущественнаго слова. Въ своемъ сочиненіи: «Объ утаенныхъ и украденныхъ письмахъ» (Von heimlichen und gestolenen Briefen), онъ признаетъ нарушеніе тайны писемъ смертнымъ грѣхомъ, съ которымъ сопряжена утрата милости божіей. Само сочиненіе имѣетъ полемическій характеръ и направлено противъ саксонскаго герцога Георга, котораго подозрѣвали въ утайкѣ одного Лютерова письма. «Присвоить себѣ чужое письмо, говоритъ Лютеръ по этому поводу, значитъ совершить величайшій подлогъ. Знаю очень хорошо, что герцогъ Георгъ—герцогъ Саксоніи, и что Богъ даровалъ ему дѣйствительно превосходную страну. Но чтобъ онъ былъ и герцогомъ надъ чужими письмами, этого, о Боже, я не могу ни допустить, ни перенести. Кто далъ герцогу Георгу власть захватывать чужую собственность, противно волѣ и желанію того, кому она дѣйствительно принадлежитъ?» Судъ, юридическіе факультеты, всѣ замѣчательные правовѣды считали нарушеніе тайны писемъ за crimen falsi (literas alienas aperiens mortaliter peccasse dicitur)*), и потому назначали строгія кары: изгнаніе изъ отечества, тѣлесное наказаніе розгами, каторгу въ рудникахъ или на галерахъ. Когда великій курфирстъ завелъ въ своей землѣ первую почту, всѣ чиновники клялись соблюдать тайну писемъ подъ присягою. Тогда не допускали ни полицейскаго захвата, ни тайнаго вскрытія писемъ для дипломатическихъ цѣлей. Только во время войны дозволялись исключенія: Belli duces literas aperire et intercipere possunt (Hörnigk: De Regali postarum jure, 1663). Другимъ исключеніемъ изъ общаго правила о сохраненіи письменной тайны признавались письма, за-

*) Т. е. «вскрывающій чужое письмо творитъ смертный грѣхъ».

ключавшія въ себѣ какія-либо измѣнническія противъ государства цѣли.

Во Франціи и въ Англіи еще менѣе церемонились съ тайною частныхъ писемъ. Французы уже давно употребляли почту для полицейскихъ цѣлей. Ришельё основалъ, въ 1628 году, такъ-называемый черный кабинетъ (cabinet noir), гдѣ вскрывались частныя письма; онъ же придумалъ ловкія мѣры для привлеченія въ Парижъ всѣхъ писемъ, посылаемыхъ по почтѣ, начальникъ которой долженъ былъ откладывать подозрительныя письма, вскрытіемъ коихъ занимался иногда самъ кардиналъ. Заговоръ Сен-Марса (Cinq-Mars), жертвою котораго избранъ былъ самъ кардиналъ, открытъ этимъ путемъ. Кромвель въ Англіи тоже нарушалъ тайну частной переписки; въ одномъ изъ его приказовъ, изданныхъ въ 1657 году, объ увеличеніи числа почтовыхъ конторъ, есть даже указаніе на это, такъ какъ поводомъ къ увеличенію числа почтовыхъ конторъ приказъ выставляетъ увѣренность въ томъ, что почтовая контора — лучшее средство къ открытію опасныхъ для республики замысловъ.

Хотя и при дальнѣйшихъ правителяхъ отъ почтовыхъ чиновниковъ строго требовали соблюденія тайны писемъ, однако святость печати не сдѣлала никакихъ успѣховъ во время царствованія Фридриха-Великаго. Въ военныя времена легко привыкаютъ пренебрегать человѣческимъ достоинствомъ и свободою личности. Всего добросовѣстнѣе въ этомъ отношеніи поступилъ русскій генералъ Ферморъ, который, при вступленіи русскихъ войскъ въ Пруссію, прямо запретилъ принимать закрытыя письма на почтѣ. На имперскихъ (то-есть, Таксисовой) и австрійской почтахъ тайна писемъ сохранялась слабо. Имперское почтовое управленіе запретило допущеніе всѣхъ газетъ, въ которыхъ печаталось что-либо похвальное для Фридриха II и его арміи, и тѣмъ подало первый примѣръ тому, что̀ предпринимали потомъ весьма часто, съ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка и до пятидесятыхъ годовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, почти донынѣ (берлинская газета «Volkszeitung» не допускалась въ Мекленбургъ до прошлаго года), противъ разныхъ оппозиціонныхъ газетъ, съ цѣлію уничтожить зловредность ихъ. Фридрихъ II, узнавъ о томъ, что Таксисова почта позволяетъ себѣ нарушать тайну прусскихъ писемъ, погрозилъ князю, что онъ «отмститъ за это вѣроломство самыми жестокими репрессаліями», однако самъ Фридрихъ былъ не безгрѣшенъ по этой части. Всего безцеремоннѣе нарушалась тайна писемъ и случались захваты ихъ на дрезденской почтѣ во время управленія саксонскаго министра Брюля и его пособника, надворнаго совѣтника Зипмана, который потомъ даже

издалъ книгу объ этой «своей дѣятельности въ почтовомъ дѣлѣ». Къ нарушенію тайны частной переписки не разъ прибѣгали въ Австріи и Баваріи во время преслѣдованія иллюминатовъ.

Но всѣ эти нарушенія можно признать ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалъ императоръ Наполеонъ въ Германіи. Хотя и французская республика не находила нужнымъ сохранять тайну частной переписки, однако она дѣлала это безъ всякой системы. Во время консульства, напротивъ, «черный кабинетъ» былъ возстановленъ снова. Онъ былъ организованъ подъ начальствомъ Фуше, и состоялъ изъ 128 чиновниковъ. Каждое утро императоръ Наполеонъ получалъ портфель съ задержанными письмами, ключъ къ которому былъ только у него одного, да такой же портфель приносили генеральному почтъ-директору. Едва успѣли французы вступить въ Берлинъ, какъ уже всѣ почтамты получили приказъ передавать *всѣ* письма во французскую коммиссію, которая вскрывала ихъ и читала. Чтеніе писемъ совершалось столь аккуратно, что однажды изъ 2,000 писемъ, отправленныхъ берлинцами на западъ, было выпущено только 50, такъ какъ случилось въ тотъ день, что коммиссія прочла лишь 50 писемъ. Само движеніе почты было пріостановлено на нѣсколько дней. Съ открытіемъ почтоваго движенія, изъ Гамбурга въ Берлинъ пришло 4,000 писемъ, но ихъ роздали только спустя 8 дней. Генералъ-интендантъ Биньонъ выписалъ для чтенія берлинскихъ писемъ многихъ членовъ парижскаго чернаго кабинета, но и при ихъ содѣйствіи, и съ улучшеніемъ методъ, Берлинъ получалъ ежедневно лишь 2,000 писемъ. Личный составъ кабинета раздѣлялся на партіи, изъ которыхъ одна занималась лишь распечатываніемъ писемъ, другая читала и переводила ихъ по-французски, а третья вновь запечатывала. Съ подозрительныхъ писемъ снимали копію, и, удерживая оригиналъ въ коммиссіи, посылали ее по адресу, съ цѣлію обмануть получившаго и въ тоже время имѣть въ оригиналѣ письменную улику противъ его сотоварища. Печати поддѣлывались посредствомъ галванопластики, которая въ то время не пользовалась еще такою широкою извѣстностію, какъ нынѣ. Многіе люди подверглись аресту и даже высылкѣ во Францію за неосторожныя выраженія, употребленныя ими въ своихъ письмахъ. Князь Гатцфельдъ, подававшій королю, въ одномъ изъ своихъ писемъ, добрые совѣты объ изгнаніи французовъ, чуть не подвергся за то разстрѣлянію. Все это не ограничивалось однимъ Берлиномъ, — и въ провинціальныхъ городахъ вскрывали письма и захватывали корреспондентовъ. Каждый французскій отрядъ, являясь въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ учреждена почта, тотчасъ захватывалъ всѣ письма, вскрывалъ ихъ и

прочитывалъ. Въ большихъ городахъ, гдѣ непріятель пребывалъ долго, вскрытіе писемъ было организовано на берлинскій образецъ. Въ Штеттинѣ работали восемь членовъ парижскаго чернаго кабинета. Такое систематическое нарушеніе тайны частной переписки вызвало крайнее негодованіе въ народѣ, и несомнѣнно, что оно не мало способствовало къ низверженію наполеоновскаго владычества.

Какъ бы то ни было, по возстановленіи мира, сами нѣмецкіе государи приняли ту же систему противъ собственныхъ подданныхъ, такъ что вскрытіе писемъ, особенно во время такъ-называемаго преслѣдованія демагоговъ, вошло во всеобщее употребленіе. Изумительныя доказательства этому можно найти въ недавно изданной перепискѣ между бывшимъ министромъ Наглеромъ, занимавшимъ долгое время должность почтъ-директора и его довѣреннымъ лицомъ, Кельхнеромъ. Этотъ Кельхнеръ былъ чиновникомъ при прусскомъ посольствѣ во Франкфуртѣ, гдѣ онъ занимался распечатываніемъ всѣхъ писемъ, получавшихся въ тамошнемъ почтамтѣ; кромѣ того, онъ служилъ шпіономъ въ частныхъ дѣлахъ Наглера. Просто не вѣришь своимъ глазамъ, что обличительныя письма этого человѣка — письма, вообще говоря, крайне скучныя — изданы его собственнымъ сыномъ спустя лишь нѣсколько лѣтъ послѣ смерти шпіона. Изъ писемъ видно, что вскрытіе писемъ совершалось не во Франкфуртѣ только, но и во всѣхъ другихъ важныхъ городахъ, и что это вскрытіе имѣло въ виду не столько демагоговъ, сколько удовлетвореніе даже празднаго любопытства министровъ и пословъ, что оно служило, однимъ словомъ, даже и не интересамъ государства, а лишь поводомъ къ разнымъ интригамъ. Всего уморительнѣе то, что самъ Наглеръ, вступивъ въ новую должность, сильно безпокоился о томъ, что *его* письма читаются на почтѣ посторонними лицами.

Прусская конституція признала однимъ изъ основныхъ правъ народа слѣдующее постановленіе въ параграфѣ 33: «Тайна писемъ нерушима. Необходимыя исключенія въ уголовныхъ слѣйствіяхъ и во время войны должны быть опредѣлены закономъ». Но этого опредѣленія еще нѣтъ; однако почтовое управленіе столь добросовѣстно держалось 33-го параграфа (это допускаютъ даже члены крайней оппозиціи), что во всѣхъ случаяхъ толковало его въ пользу публики, и выдавало властямъ лишь тѣ письма, которыя требовались по уголовнымъ слѣдствіямъ, отъ имени суда и прокуроровъ, и всѣ выданныя такимъ образомъ письма почтовое управленіе назадъ не принимало,—всѣ эти случаи, поэтому, преданы гласности.

Еще разъ заговорили о соблюденіи тайны писемъ, когда прусская почта переходила въ руки сѣверо-германскаго Союза. Союзная конституція, какъ извѣстно, не содержитъ въ себѣ такъ-называемыхъ основныхъ правъ. Когда, по этому, во время сессіи 1867 года, начали обсуждать *почтовый законъ*, либералы рѣшились представить проектъ закона о сохраненіи тайны частной переписки. Представители союзнаго совѣта прибѣгли къ разнымъ уловкамъ противъ этого проекта: то говорили, что онъ вовсе ненуженъ, такъ какъ тайна писемъ и безъ того соблюдается, то грозились взять весь почтовый законъ назадъ; однако рейхстагъ не обратилъ вниманія на всѣ эти угрозы и лукавыя объясненія, и утвердилъ проектъ 135-ю голосами противъ 94, послѣ чего и союзный совѣтъ тоже согласился принять его. И вотъ послѣдній (58-й) параграфъ союзной конституціи гласитъ теперь: — «Тайна писемъ нерушима. Исключительные случаи по уголовнымъ слѣдствіямъ, или конкурснымъ и гражданскимъ процессамъ должны быть объяснены союзнымъ закономъ. До изданія такого закона, эти исключительные случаи могутъ быть опредѣлены мѣстными законами отдѣльныхъ государствъ».

— Рѣ.

Берлинъ, 1869.

ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ

ПОВѢСТЬ.

I.

ГРАФЪ.

Верстахъ въ пятнадцати отъ уѣзднаго города, на возвышенномъ мѣстѣ, стоитъ двухъ-этажный графскій домъ съ великолѣпнымъ садомъ, обнесеннымъ каменной стѣной. Вблизи на лугу у самой рѣчки располагается село Погорѣлово съ красивою церковью, выстроенною иждивеніемъ предковъ настоящаго владѣльца, покоящихся въ склепѣ подъ алтаремъ. Въ сторонѣ отъ Погорѣлова, близъ лѣса возвышается винокуренный заводъ, извергая изъ себя массу дыма, величественно поднимающуюся къ небу.

Графъ—холостой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти. Онъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга въ свое имѣніе рѣдко и на короткое время. Но въ послѣднюю весну онъ извѣстилъ управляющаго, что намѣренъ провести въ Погорѣловѣ цѣлое лѣто, даже, если не помѣшаютъ разныя обстоятельства, остаться въ своемъ имѣніи навсегда, съ цѣлію поближе познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ при помощи естественныхъ наукъ, которыми онъ занимается въ Петербургѣ. Графъ упоминалъ также, что предстоящее лѣто онъ назначаетъ на геологическія экскурсіи и, по случаю ученыхъ занятій, будетъ вести уединенный образъ жизни.

Это извѣстіе быстро разнеслось по окрестностямъ. Сосѣди-помѣщики, особенно ихъ жены и дочери сильно пріуныли, увидавъ, что имъ придется почти отказаться отъ графскаго общества; тѣмъ не менѣе весь уѣздъ на всѣхъ вечерахъ, собраніяхъ, даже при простой встрѣчѣ горячо толковалъ о предстоящихъ

графскихъ экскурсіяхъ. Многіе утверждали, что въ настоящее время дѣйствительно ничего не остается дѣлать, какъ заниматься естественными науками, ибо только съ помощію естественныхъ наукъ можно сколько-нибудь поддержать упадающее сельское хозяйство, а между тѣмъ какому-нибудь геологу ничего не стоитъ открыть въ любомъ имѣніи если не груды золота, то навѣрное каменный уголь, желѣзную руду или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Одинъ старый помѣщикъ разсказывалъ, что при императорѣ Павлѣ въ его имѣніе пріѣзжали нѣмцы и предлагали ему огромную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ позволилъ имъ сдѣлать ученыя изысканія подъ его мельницей; но онъ на предложеніе нѣмцевъ не согласился, надѣясь самъ заняться изслѣдованіемъ золотыхъ розсыпей, которыя обличалъ металлическій цвѣтъ воды въ такъ-называемомъ буковищѣ.

Какъ бы то ни было, всѣ рѣшили, что графъ жилъ въ Петербургѣ не даромъ и что современемъ своими учеными трудами онъ облагодѣтельствуетъ весь погорѣловскій край. Впрочемъ, матери семействъ въ намѣреніи графа заниматься науками въ глуши, вдали отъ свѣта, подозрѣвали свершившійся въ его жизни переломъ: вѣроятно, шумъ столичной жизни надоѣлъ ему вмѣстѣ съ побѣдами надъ великосвѣтскими женщинами, и какъ бы поэтому графъ не женился въ деревнѣ. Напротивъ, молодыя замужнія женщины въ пріѣздѣ графа въ деревню видѣли зарю своего собственнаго возрожденія: по ихъ мнѣнію, графъ ни подъ какимъ видомъ добровольно не надѣнетъ на себя супружескаго ярма и всего менѣе будетъ корпѣть надъ науками, особенно въ лѣтнее время, которое съ бо́льшею пользою онъ можетъ употребить на волокитство за деревенскими belles femmes.

Гораздо практичнѣе смотрѣло на пріѣздъ графа низшее сельское сословіе. Оно обдумывало, какъ бы пріобрѣсти отъ графа садъ на лѣто, лужокъ, или десятинъ пятьдесятъ земли; при этомъ иные рѣшились предстать предъ графомъ слегка пьяными, а иные даже помѣшанными; а сельскій пономарь, изба котораго стояла на боку, задумывалъ явиться къ графу юродивымъ.

Между тѣмъ въ имѣніи графа поднялись хлопоты: въ саду поправлялись бесѣдки, оранжерея, грунтовой сарай; на рѣкѣ строилась купальня; въ домѣ красились стѣны и натирались полы. Управляющій приказалъ отборныхъ телятъ и быковъ пасти на заказныхъ лугахъ. Кучера задавали лишнія порціи лошадямъ, каждый день гоняя ихъ на кордѣ.

Въ половинѣ мая, изъ Петербурга пріѣхалъ поваръ съ ящиками винъ и разными кухонными принадлежностями; съ нимъ

присланы были также реторты, геологическіе молотки и большой микроскопъ, купленный графомъ на какой-то выставкѣ. Научнымъ аппаратамъ отведено было мѣсто въ особомъ флигелѣ, гдѣ находилась старинная прадѣдовская библіотека. Описывая дворовымъ людямъ, управляющему и конторщику петербургскую жизнь, поваръ счелъ нужнымъ познакомить ихъ съ князьями, графами, у которыхъ онъ служилъ, также съ Дюссо̀ и Борелемъ; при этомъ въ видѣ назиданія онъ сообщилъ имъ, что̀ такое консоме-ройяль и де-валяйль, шо-фруа де-жибье и т. п.

Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ самъ графъ. Сельскій причтъ явился поздравлять его съ пріѣздомъ. Одѣтые въ новыя рясы, съ просфирой на серебряномъ блюдѣ, священнослужители удостоились быть принятыми его сіятельствомъ въ столовой, гдѣ стоялъ завтракъ съ винами. Послѣ нѣкоторыхъ общепринятыхъ фразъ, предметомъ разговора была желѣзная дорога, Петербургъ, наконецъ Парижъ, куда графъ ѣздилъ недавно.

Графъ былъ такъ любезенъ, что разсказалъ гостямъ кое-что про Парижъ.

— На стѣнахъ нѣтъ мѣста, говорилъ онъ, гдѣ бы не было объявленій о театрахъ, концертахъ, гуляньяхъ, балахъ; въ зеркальныхъ окнахъ торчатъ кабаньи морды, львы...

— Б-б-о-ж-же милосердый!

— Положительно весь Парижъ запруженъ увеселеніями; въ немъ болѣе тридцати театровъ!

Графъ посмотрѣлъ на слушателей, вставивъ стеклышко въ глазъ.

— Вы ѣдете по улицѣ, мимо васъ мелькаютъ всевозможныя надписи; тамъ нарисованъ во всю стѣну чортъ, высыпающій сюртуки, жилеты; тамъ дикій быкъ на аренѣ.

Гости вздохнули и переглянулись.

— Вотъ гдѣ намъ съ вами побывать, отецъ дьяконъ! сказалъ священникъ.

— Что̀ намъ тамъ дѣлать? Это Содомъ и Гоморра.

— Именно, подтвердилъ графъ, я съ вами согласенъ.

— Надолго, ваше сіятельство, пожаловали къ намъ?

— Я намѣренъ прожить здѣсь долго.

— Доброе дѣло. Намъ будетъ веселѣй. А прихожане постоянно спрашивали про васъ: скоро-ли нашъ благодѣтель пріѣдетъ?....

Часовъ въ семь вечера, графъ сидѣлъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Въ дверяхъ стоялъ управляющій, посматривая на потолокъ и покашливая въ руку.

— Ну-съ, Артамонъ Өедорычъ, давайте съ вами побесѣдуемъ о хозяйствѣ. Что же вы стоите? Садитесь.

— Ничего, ваше сіятельство: больше выростемъ.

Графъ указалъ на стулъ и повторилъ:

— Садитесь. Управляющій повиновался.

— Во-первыхъ, скажите мнѣ: можно-ли въ нашихъ окрестностяхъ добыть костей!

— Отчего же?

— А сѣрной кислоты?

— Въ небольшомъ количествѣ тоже можно.

— Вотъ видите-ли, Артамонъ Өедорычъ, продолжалъ графъ, откидываясь на спинку стула: я хочу завести въ своемъ имѣніи раціональное хозяйство: на Западѣ, вы, я думаю, слышали, давно удобряютъ землю костями. Такъ не пора ли и намъ взяться за дѣло? какъ вы думаете?

— Вы, стало быть, купороснымъ масломъ хотите разлагать кости?

— Разумѣется.

— Да вѣдь этотъ способъ, ваше сіятельство, давно оставили.

— Какъ оставили?

— Потому онъ дорогъ и неудобенъ. Года два тому назадъ публиковали другой способъ, можетъ быть вы изволили читать въ газетахъ: разлагать кости при помощи торфа, извести и золы, дешево и сердито. Торфу конечно у насъ нѣтъ, впрочемъ, это не бѣда. Главное затрудненіе въ томъ, что почвѣ, которую вы желаете удобрять, надо сдѣлать анализъ.

— Еще бы! химическій анализъ непремѣнно. Да вы, кажется, знаете химію?

— Какое мое знаніе! читаешь, случается, газеты и остается кое-что въ памяти.

Графъ предложилъ управляющему сигару и объявилъ:

— Моя спеціальность минералогія. Вы знакомы съ минералогіей?

— Нѣтъ-съ. Ужъ этого Богъ миловалъ.

— Напримѣръ, вы находите гдѣ бы то ни было извѣстный кристаллъ и не знаете, какъ онъ называется? Вамъ надо прежде всего опредѣлить, къ какой системѣ онъ принадлежитъ? къ тетартоэдрической, сфенотриклиноэдрической, или къ другой какой-нибудь?....

Наконецъ управляющій вышелъ. Графъ прошелся по кабинетѣ.

«Каковъ управляющій-то? Знаетъ химію... я и не ожидалъ... Наконецъ я и пріѣхалъ, разсуждалъ графъ, садясь въ темномъ

углу на диванѣ: и не на одинъ мѣсяцъ, а можетъ быть навсегда...»

Какъ ни противенъ ему былъ Петербургъ за послѣднее время, тѣмъ не менѣе онъ мысленно перенесся на Невскій проспектъ, объѣхалъ нѣкоторые рестораны, посидѣлъ во французскомъ театрѣ, гдѣ шла «la belle Hélène», полюбовался въ циркѣ на эволюціи любимой акробатки, изъ цирка заѣхалъ къ Дюссо ужинать и наконецъ отправился въ Hôtel de France, гдѣ была его квартира. Ему казалось, что теперь всѣ его петербургскіе знакомые подтруниваютъ надъ нимъ и спрашиваютъ:

— Куда онъ дѣвался?

— Говорятъ, уѣхалъ въ деревню... и навсегда!...

— Какой ужасъ! Что̀ же онъ тамъ будетъ дѣлать?

— Вѣроятно, слушать волковъ...

Общій хохотъ. Громче всѣхъ смѣется, позвякивая саблей, князь Мордовкинъ, съ которымъ графъ мѣсяцъ тому назадъ хотѣлъ стрѣляться за нѣкоторую Адэль.

«Впрочемъ, здѣсь, въ деревнѣ, разсуждалъ графъ, я буду жить царемъ: у меня великолѣпный поваръ, огромное количество прислуги, хорошія лошади, вина въ погребѣ; вообще полный комфортъ. Поживу здѣсь годъ, другой, тогда пожалуй опять переѣду въ Петербургъ. Правда, пятнадцати тысячъ въ годъ мало; но, само собою разумѣется, придется жить поскромнѣе. А что̀, если спустить все имѣніе? вдругъ подумалъ графъ и всталъ, какъ будто его озарила необыкновенная мысль: но кто можетъ поручиться, что въ два, а много въ три года я не спущу всѣ деньги? Тогда что̀? на службу? Графъ саркастически улыбнулся и закурилъ гаванскую сигару: впрочемъ, чего я добиваюсь? чего еще желать при такомъ имѣніи, какъ мое? Буду себѣ жить...»

«А общество, общество гдѣ? возражалъ ему внутренній голосъ: съ сосѣдями уже ты рѣшилъ не знаться, и хорошо сдѣлалъ; ибо что̀ можетъ быть общаго между ними и тобой? Ты будешь говорить объ оперѣ и балетѣ, а твои сосѣди о запашкахъ и сѣноворошилкахъ. Ужъ лучше сиди здѣсь одинъ, или опять ступай въ Петербургъ».

— Вздоръ! вскрикнулъ графъ: все это надоѣло... опротивѣло... Графъ позвонилъ и приказалъ подавать себѣ ужинъ.

Часовъ въ восемь утра, въ буфетной комнатѣ, смежной съ передней, сидѣли за самоваромъ два камердинера и поваръ съ женой. У двери стоялъ дворовый мальчикъ въ сѣромъ фракѣ съ ясными пуговицами. Старшій камердинеръ посмотрѣлъ на свои часы и сказалъ повару:

— Не пора ли вамъ приниматься за бифстексъ...

— Эй, Петька! крикнулъ поваръ мальчику: сбѣгай къ садовнику, возьми у него редиски, да вели скотницѣ принести сливочнаго масла. Поваръ вынулъ изъ кармана карточку, хлопнулъ по ней пальцемъ, и сказалъ: вотъ меню! Горъ-д'евръ-варіе... это можно... супъ-жульенъ, филе-де-бефъ анъ-бель-вю—идетъ! Хорошо бы стерле-ала-минутъ, да его нѣтъ! недурно бы кремъ изъ рябчиковъ съ трюфелемъ—тоже нѣтъ! артишоковъ и неспрашивай... за что̀ ни возьмись—все нѣтъ, да нѣтъ! Развѣ сдѣлать пате-шо изъ ершей! Есть тутъ ерши-то?

— Должно быть есть; карасей здѣсь много...

— Эта дрянь никуда не годится...

Вошла скотница и поставила на столъ масло.

— Андрей Иванычъ, обратилась она къ старшему камердинеру: простоквашу прикажете готовить для ихъ сіятельства?

— Готовьте: графъ любитъ простоквашу; только вы ей давайте окиснуть хорошенько.

— Слушаю. Еще я хотѣла доложить вамъ: кучера Якова жена все на меня ругается.

— Какъ же она смѣетъ?

— Вамъ извѣстно, какъ я здѣсь на скотномъ дворѣ состою главная, то ей и не хочется покоряться мнѣ. И ей хочется быть главной. Я говорю: послушай Марья, если мы у ихъ сіятельства будемъ всѣ главныя, то у насъ никакого порядка не будетъ; кто-нибудь долженъ покоряться. А она примется на меня брехать.

— Вы скажите ей, внушительно замѣтилъ камердинеръ: если ты еще брехнешь, то завтра же получишь разсчетъ, ты должна помнить, у кого ты служишь!...

— Слушаю.

Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ, камердинеры встрепенулись.

Старшій камердинеръ осторожно вошелъ въ спальню графа, который лежалъ въ постели.

— Какова погода?

— Очень хорошая, ваше сіятельство. Солнце свѣтитъ. Ночью подулъ-было вѣтерокъ, а къ утру пересталъ.

— На почту послали?

— Съ вечера уѣхали...

Наступило молчаніе. Видно было, что графъ нуждался въ новостяхъ; лакей понималъ это и усиливался чѣмъ-нибудь потѣшить графа; но потѣшить было нечѣмъ: впечатлѣнія деревенскаго утра были такъ скромны, что ихъ не стоило и передавать.

— Скажи пожалуйста, сказалъ графъ: чтò это за крикъ былъ сегодня ночью?

— Караульный-съ, ваше сіятельство...

— Нельзя-ли, чтобы онъ по крайней мѣрѣ не кричалъ надъ самымъ ухомъ.

— Слушаю. Сію минуту скажу.

— А собакъ на ночь спускаютъ?

— Какже-съ... всѣхъ до одной спускаютъ.

Графъ началъ одѣваться.

— Чай гдѣ изволите пить?

— На балконѣ.

— Погода стоитъ отмѣнная, вынося умывальникъ, говорилъ камердинеръ.

Посматривая на прадѣдовскіе образа въ углу, графъ подумалъ: надо эти византійскіе орнаменты убрать отсюда. Между тѣмъ камердинеръ говорилъ своему товарищу въ передней:

— Не въ духѣ...

— Ты знаешь его характеръ; нынче съ тобой ласковъ, а то вдругъ опрокинется ни за чтò.

Въ передней явился дьячокъ.

— Ихъ сіятельство встали?

— На чтò тебѣ?

— Батюшка велѣлъ спросить, не угодно ли имъ пожаловать завтра къ обѣдни...

— А завтра чтò такое? спросилъ старшій камердинеръ.

— Воскресенье, скромно отвѣчалъ дьячокъ. Если ихъ сіятельству угодно будетъ отстоять литургію, то мы служеніе начнемъ попозже и благовѣстить будемъ подольше.

Дьячокъ отозвалъ камердинера къ двери и шепнулъ:

— Нельзя ли мнѣ повидаться съ графомъ?

— Зачѣмъ?

— Изба вся развалилась... не будетъ ли милости...

— Изъ такихъ пустяковъ безпокоить графа. Съ чего жъ ты выдумалъ? Ступай!

— Такъ вотъ чтò, переступая черезъ порогъ говорилъ дьячокъ: замолвите словечко вы сами... вѣрите? не нынче, такъ завтра изба всю семью придавитъ!...

— Это дѣло другое, замѣтилъ камердинеръ: когда-нибудь въ свободное время доложу.

— Дьячокъ, ваше сіятельство, приходилъ узнать, не угодно ли вамъ завтра пожаловать къ обѣдни, докладывалъ камердинеръ.

— Скажи, что я не буду...

— Весь бы народъ, ваше сіятельство, осчастливили, — говорилъ камердинеръ.

— Вздоръ какой!

— Могу васъ увѣрить, что ждали васъ сюда, какъ красное солнышко—и теперь всѣмъ извѣстно, что вы пожаловали. Предки ваши были храмостроителями, а васъ считаютъ за попечителя храма... А то и будутъ толковать, дескать родители ихъ не гнушались храма Божія...

— Ну и пусть ихъ толкуютъ. Чѣмъ же я виноватъ, что мои предки были храмостроителями?

— Да вѣдь и то сказать, ваше сіятельство, съ волками жить, надо по-волчьи и выть.

Этотъ доводъ подѣйствовалъ на графа. Онъ сказалъ:

— А экипажъ въ порядкѣ?

— Коляску, ваше сіятельство, я сегодня нарочно осматривалъ; въ лучшемъ видѣ справлена: выкрашена и лакомъ покрыта.

— Ну скажи, что я буду.

Старшій камердинеръ былъ человѣкъ испытанный и отличался такою опытностію и знаніемъ своего дѣла, что графъ называлъ его своимъ министромъ. Графъ часто спорилъ съ нимъ, даже ругалъ его, но всегда оказывалось, что камердинеръ былъ правъ, хотя онъ пользовался своимъ вліяніемъ на барина только въ такихъ случаяхъ, когда черезчуръ страдало графское достоинство или уже попиралось всякое благоразуміе.

За отсутствіемъ болѣе важныхъ дѣлъ, съ вечера же отдано было приказаніе запречь къ обѣдни четверку вороныхъ. Молодой камердинеръ долженъ былъ одѣться въ ливрею, а кучеръ въ свой парадный костюмъ.

Наступило воскресенье. Въ девять часовъ заблаговѣстили къ обѣдни; графъ уже былъ на ногахъ. Утро стояло погожее; всѣ окна графскаго дома были отворены; звуки церковнаго колокола мелодично раздавались по комнатамъ. По берегу рѣки народъ въ праздничной одеждѣ шелъ къ церкви. Графъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и слегка напѣвалъ изъ «Троваторе» *Miserere*. Четверня давно стояла у подъѣзда.

Наконецъ, во всемъ бѣломъ, съ pince-nez и англійскимъ хлыстикомъ, графъ сѣлъ въ уголъ коляски, положивъ наперевѣсъ одну ногу на другую. Выждавъ минуту, когда графскій экипажъ подъѣхалъ къ самой церкви, пономарь ударилъ во всѣ колокола. Отвѣчая легкимъ наклоненіемъ головы на привѣтствіе народа, графъ въ сопровожденіи камердинера, державшаго подъ мышкой коверъ, вступилъ въ церковь. Когда онъ сталъ на возвышен-

ное мѣсто за чугунной рѣшеткой, дьяконъ вышелъ изъ алтаря и сдѣлалъ возгласъ.

Въ концѣ обѣдни священникъ сказалъ проповѣдь изъ текста: «Нѣсть власть аще не отъ Бога». Служба тянулась долго; пѣніе дьячковъ до того раздирало слухъ графа, что онъ покушался уѣхать домой послѣ первой эктеніи; но его удержало приличіе.

Мужики, вышедшіе отъ обѣдни и вдоволь намолившіеся на церковный крестикъ, начали толковать между собою:

— А чтò, говорятъ, графъ совсѣмъ пріѣхалъ сюда жить.

— Ужъ знамо! Нонѣ господа сами взялись за хозяйство; то жили Богъ вѣдаетъ гдѣ, а то всѣ слетѣлись на свои гнѣздышки.

— Послѣ воли-то всѣ поджали хвостъ!

— Теперь и наше дѣло держись! чуть мало-маленько овечка, али коровка взойдетъ на барское угодье—тутъ ей быть!

— Вездѣ сталъ глазъ хозяйскій!

— А урожаи-то нонѣ стали вонъ какіе: до зимняго Миколы поѣлъ хлѣбушка, да и будетъ! и заговѣйся!...

— А тамъ принимайся за лебеду!

— Экой ты! кабы была лебеда—горя бы мало! а какъ лебеда-то не уродится, тогда-то чтò дѣлать!

— Его святая воля! перекрестившись и вздохнувши, промолвилъ одинъ старичокъ.

— А тамъ подати... объ нихъ надо подумать...

Въ этомъ духѣ продолжался разговоръ до тѣхъ поръ, пока крестьяне не разошлись по своимъ избенкамъ...

Пріѣхавъ изъ церкви, графъ позавтракалъ и отправился въ садъ; поговорилъ съ садовникомъ о сливахъ, персикахъ и абрикосахъ, давъ ему замѣтить, что эти фрукты его слабость; зашелъ въ библіотеку, гдѣ увидалъ свои реторты и колбы, навѣстилъ кухню, посидѣлъ на крыльцѣ, глядя на развалившіяся избы крестьянъ, слушая пѣніе пѣтуховъ, наконецъ прошелъ черезъ переднюю мимо стоявшихъ на вытяжку камердинеровъ, и заперся въ кабинетѣ.

— Заскучалъ!... сказалъ старшій камердинеръ: а на-врядъ онъ здѣсь долго проживетъ!

— Намъ какое дѣло?

II.

ЭКСКУРСІИ.

Прошелъ мѣсяцъ. Графъ жилъ все это время внѣ всякаго знакомства и человѣческаго общества, исключая своей прислуги. Одинъ только разъ пріѣзжалъ къ нему сосѣдъ-помѣщикъ, съ намѣреніемъ попросить испанскихъ вишень и какихъ-то высадковъ, да кстати поразвѣдать, чѣмъ занимается его сіятельство. Графъ охотно далъ вишень и высадковъ, а насчетъ своихъ занятій сообщилъ, что онъ каждый день дѣлаетъ ученыя экскурсіи, въ подтвержденіе чего показалъ сосѣду каменную плитку, найденную имъ въ каменной оградѣ, съ слѣдами когда-то бывшаго дождя. Рѣчь графа пересыпалась научными терминами, напр.: додекаэдръ, геміэдрія и т. д. Гость полюбовался микроскопомъ, стоявшимъ въ залѣ на особомъ столикѣ, и уѣхалъ, не составивъ себѣ опредѣленнаго понятія ни объ образѣ жизни, ни о самой личности графа, который, напротивъ, былъ увѣренъ, что сосѣдъ разгласитъ по всему уѣзду, что наука имѣетъ одного изъ достойныхъ представителей своихъ въ лицѣ его сіятельства. На самомъ же дѣлѣ экскурсіи графа состояли въ томъ, что утромъ онъ гулялъ по саду, при чемъ дѣлалъ внушенія садовнику и управляющему; потомъ завтракалъ и отправлялся кататься верхомъ или стрѣлять въ цѣль; послѣ обѣда смотрѣлъ подъ микроскопомъ мушиную лапку, но чаще садился у окна съ сигарой во рту и устремлялъ взоръ вдаль. Однажды, послѣ завтрака, графъ сидѣлъ среди старой липовой аллеи. Утро было восхитительное, но графъ былъ настроенъ не весело; онъ разсуждалъ о томъ, что жизнь — удивительно странное явленіе: чего бы кажется хотѣть человѣку, у котораго такое огромное имѣніе, какъ Погорѣлово? Несмотря на то, владѣлецъ этого имѣнія положительно не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки... Разсужденія графа вертѣлись на двухъ положеніяхъ, что жизнь есть наслажденіе, и пустая и глупая шутка. Первое положеніе требовало, чтобы человѣкъ подобный графу, катался какъ сыръ въ маслѣ; второе приводило къ тому, что самое любезное дѣло покончить съ собою... вотъ дерево, думалъ графъ: что̀ оно такое, къ чему оно? сдѣлать столъ, притолку? Или вотъ птица таскаетъ себѣ гнѣздо: для чего это? вывести дѣтей и потомъ снова таскать гнѣздо: для чего это perpetuum mobile? Или напримѣръ я: имѣю великолѣпный домъ, изысканно ѣмъ, пью, по модѣ одѣваюсь; но къ чему все это? къ чему все

мое состоянiе? къ чему я самъ, наконецъ? «Не стòитъ жить», рѣшилъ графъ, грустно покачавъ головою.

«Не стòитъ?! вдругъ возразилъ внутри его другой какой-то голосъ, въ такомъ случаѣ имѣнiе тебѣ больше не нужно: отдай его бѣднымъ людямъ.»

«Но можетъ быть, разсуждалъ графъ: съ моихъ глазъ спадетъ эта таинственная завѣса; можетъ быть, ученые скоро доберутся до настоящаго смысла жизни и въ газетахъ вдругъ появится объявленiе: «Нѣтъ-болѣе *скуки!*»

«Но вѣдь это вздоръ, соглашался самъ графъ: такого объявленiя никогда и быть не можетъ.»

«Стало быть, вмѣшивался невидимый оппонентъ: скука годъ отъ году будетъ пожирать тебя съ бòльшимъ ожесточенiемъ; а всѣ испытанныя тобою средства отъ нея оказались недѣйствительными; чего ты не перепробовалъ? И петербургскiе рысаки были въ полномъ твоемъ распоряженiи, и балеты, и оперы, и женщины, отъ которыхъ у тебя до сего времени оскомина, все это извѣдала твоя душа. Чтòжъ теперь тебѣ остается дѣлать?»

Не вдалекѣ раздался выстрѣлъ. Графъ позвалъ камердинера.

— Кто это стрѣляетъ?

— Должно быть, кто-нибудь охотится. За садомъ есть болото.

«А! подумалъ графъ: займусь охотой.»

Онъ приказалъ подать ружье.

Камердинеръ спросилъ:

— Прикажете съ вами идти?

— Не надо! отвѣчалъ графъ и, взявъ ружье, скорыми шагами пошелъ по саду, осматривая каждый кустъ, не сидитъ ли гдѣ хоть дроздъ.

«Странное дѣло, продолжалъ размышлять графъ: то, чего добивается весь мiръ,— богатство, оказывается не болѣе, какъ пустой звукъ. Чтò же дѣлать-то наконецъ? Кружиться въ петербургскомъ свѣтѣ—пробовалъ: остается одинъ чадъ и пустота въ головѣ, да вдобавокъ векселя. Заниматься хозяйствомъ — я въ немъ ничего не смыслю... Отдаться наукѣ... я къ ней не подготовленъ...

Впереди пролетѣлъ дроздъ. Графъ выстрѣлилъ и опустилъ дичь въ ягташъ. Поощряемый удачей, онъ шелъ дальше и дальше, наконецъ очутился въ полѣ. Онъ окинулъ взоромъ свои поля, вздохнулъ и вымолвилъ:

— Какая безотрадная картина! Ничего нѣтъ удивительнаго, что всѣ эти десятины мы превращаемъ въ шампанское, въ рысаковъ и т. п. Да иначе чтò жъ съ ними дѣлать?

Графъ приблизился къ болоту. Вскорѣ онъ увидалъ кулика,

бѣгавшаго по берегу, и хотѣлъ въ него прицѣлиться; но вдругъ остановился; вблизи стоялъ юноша лѣтъ 15-ти съ ружьемъ въ рукахъ.

— Стрѣляйте, ваше сіятельство, вѣжливо, приподнявъ фуражку, сказалъ молодой человѣкъ.

Графъ выстрѣлилъ, куликъ поднялся и вдругъ упалъ, подстрѣленный незнакомцемъ. Графу было досадно, что онъ сдѣлалъ промахъ. Завязался разговоръ.

— Я его плохо видѣлъ, оправдывался графъ.

— Да, онъ отъ васъ далеко сидѣлъ.

— А вы хорошо стрѣляете. Гдѣ вы покупали ружье?

— Отъ дѣда осталось... оно турецкое.

— Вы чѣмъ же занимаетесь? спросилъ графъ, идя съ молодымъ человѣкомъ по направленію къ саду.

— Живу у отца на винокуренномъ заводѣ, пишу конторскія книги.

Наружность и скромность молодого человѣка понравились графу.

— Теперь заводъ стоитъ, дѣла у насъ нѣтъ...

— Какъ же вы проводите время? спросилъ графъ.

— Ничего, весело. Недавно къ нашему дьякону пріѣхалъ его сынъ изъ семинаріи, такъ мы съ нимъ рыбу удимъ, купаемся, книжки читаемъ; онъ съ собой привезъ двѣ книги. Вотъ хожу, стрѣляю; а больше съ кузнецомъ перепеловъ ловимъ — каждую зо̀рю, и утромъ, и вечеромъ... отличная охота!

— Интересная?

— Очень интересная, ваше сіятельство!

— Въ чемъ она состоитъ?

— Изволите видѣть: берется сѣть, дудочка и самка. Какъ только солнышко начнетъ закатываться, сейчасъ мы отправляемся въ поле. Только нужно, чтобъ самка была хорошая!...

— Какая самка?

— Просто перепелка, ваше сіятельство....

— А у васъ она есть?

— Какъ же! я еще въ прошлую осень досталъ; мнѣ принесли ребята; такая голосистая! удержу нѣтъ! въ одну зо̀рю поймаетъ перепеловъ десять! я за нее не возьму двадцати рублей....

Воодушевленіе, съ которымъ молодой человѣкъ разсказывалъ про перепелиную охоту, графъ старался поддержать: оно какъ-то освѣжительно подѣйствовало на него; онъ продолжалъ спрашивать:

— А дудка для чего?

— Тоже для перепеловъ, ваше сіятельство: подманивать....

Какъ только перепела услышатъ эту дудочку, такъ и пойдутъ кричать: и тамъ, и здѣсь, и оттуда, и отсюда летятъ, даже сгоряча на картузъ садятся. Въ это время только сиди, не шевелись, а то и пѣть на головѣ будутъ! просто отъ смѣху животъ надорвешь. Вы ни разу не видали этой охоты, ваше сіятельство?

— Нѣтъ.

— По моему, ваше сіятельство, — продолжалъ юноша, — эта охота лучшей всякой другой охоты: ружейная или, напримѣръ, рыбная передъ ней никуда не годятся. Мы каждую зòрю охотимся: такъ въ полѣ и ночуемъ.....

— А можно мнѣ посмотрѣть, какъ вы ловите?

— Помилуйте, отъ чего же нельзя! Мы вотъ сегодня же и пойдемъ; потому погода стоитъ хорошая....

Графъ и сынъ винокура подошли къ калиткѣ сада. Графу не хотѣлось отпустить отъ себя такого живого собесѣдника; къ тому же онъ чувствовалъ, что дома ожидаетъ его страшная тоска. Графъ пригласилъ молодого человѣка къ себѣ въ домъ.

— Вы не хотите-ли персиковъ? спросилъ графъ, проходя мимо оранжереи.

— А я ихъ, признаться, ни разу и не видывалъ, простодушно отвѣчалъ юноша.

— Не лучше ли впрочемъ такъ, вдругъ воскликнулъ графъ, замѣтно оживляясь: позвольте спросить, вы обѣдали?

— Нѣтъ.

— Такъ сначала мы будемъ обѣдать!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Пришедши съ гостемъ въ кабинетъ, графъ позвалъ камердинера:

— Пòслушай! мы будемъ обѣдать на балконѣ; вели принести изъ погреба бутылку лафиту.

— Слушаю, не очень доброжелательно посмотрѣвъ на незнакомца, отвѣчалъ камердинеръ и удалился.

— Садитесь, пожалуйста, обратился графъ къ юношѣ, который съ дѣтскимъ любопытствомъ засматривался на каждую бездѣлицу въ кабинетѣ.

— Ваше сіятельство! началъ онъ: осмѣливаюсь васъ безпокоить покорнѣйшей просьбой. Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь книжечки почитать? я страсть какъ люблю книги.... а достать негдѣ.....

— У меня больше французскія.... Впрочемъ, я велю камердинеру поискать въ библіотекѣ. Позвольте спросить, гдѣ вы воспитывались?

— Въ уѣздномъ училищѣ.

— А не въ гимназіи?

— Нѣтъ-съ, потому средствъ не имѣю: у моего отца большое семейство; а въ гимназіи, говорятъ, содержаніе обходится двѣсти рублей въ годъ или болѣе....

— Двѣсти? повторилъ графъ.

— А вы хотѣли бы учиться?

— Какъ же, ваше сіятельство, не хотѣть? Чтò жъ я живу здѣсь? почти безъ всякаго занятія: ни себѣ никакой пользы не приношу, ни семейству.

Графъ задумался. Въ его головѣ шевельнулась мысль: «вотъ представляется случай сдѣлать доброе дѣло: выведи этого юношу на свѣтъ божій; двѣсти, триста рублей въ годъ для тебя ничего не значитъ; за то въ твоей пустой жизни будетъ хоть одно разумное развлеченіе, а сдѣлавъ одно это дѣло, ты хоть не даромъ проживешь на землѣ».

Графъ почувствовалъ вдругъ какое-то наитіе и, вставъ, объявилъ молодому человѣку:

— Я позабочусь, чтобъ вы были въ гимназіи; двѣсти рублей въ годъ я могу удѣлить на ваше образованіе.

Камердинеръ доложилъ, что обѣдъ готовъ.

— Такъ мы сегодня идемъ на охоту.

— Надо, ваше сіятельство, пригласить кузнеца: онъ отличный охотникъ, сказалъ гость.

Во время обѣда камердинеръ доложилъ, что поваръ проситъ позволенія идти на охоту, такъ какъ, живши еще у князя Косоурова, онъ былъ страшнымъ охотникомъ и перепелиную часть знаетъ хорошо. Графъ приказалъ ему сбираться.

При закатѣ солнца охотники отправились. Дорòгой поваръ затѣялъ споръ съ кузнецомъ относительно того, какой перепелъ лучше, тотъ ли что кричитъ два раза, или тотъ, который просто «мамакаетъ». Графъ попросилъ повара вести себя въ предѣлахъ подчиненности и не забываться.

Стоялъ тихій, іюльскій вечеръ; солнце закатилось; на западѣ разстилались огненныя полосы; рожь, къ которой подошли охотники, стояла неподвижно...; каждый малѣйшій звукъ былъ слышенъ.

— Сейчасъ начнется, выговорилъ поваръ.

Отозвался перепелъ. Поваръ заигралъ въ дудку и въ одну минуту два перепела опустились близъ сѣти. Самка не заставила себя долго ждать и начала, какъ говорятъ охотники, трюкать. Услыхавъ ея голосъ, молчавшіе перепела вскричались на разные голоса и одинъ за другимъ начали садиться, гдѣ ни попало.

Графу такъ понравилась охота, что онъ велѣлъ нести въ домъ сѣть, дудку и самку, обѣщаясь отправиться и на утреннюю зорю. За ужиномъ онъ велѣлъ подать себѣ шампанскаго. Вся графская дворня суетилась и толковала о перепелахъ; графскій домъ вдругъ ожилъ.

Охота, за исключеніемъ ненастныхъ дней, продолжалась каждую зорю. Сынъ винокура запросто приходилъ въ графскій домъ и безъ церемоніи настроивалъ дудку, въ чемъ иногда принималъ участіе и самъ графъ.

Однажды графъ сидѣлъ въ кабинетѣ и вслушивался, какъ сынъ винокура настроивалъ въ залѣ дудку. Онъ позвонилъ камердинера и объявилъ:

— Скажи этому молодому человѣку, что я больше не намѣренъ охотиться: я не такъ здоровъ, къ тому же у меня есть дѣла.

— Я вамъ давно, ваше сіятельство, хотѣлъ доложить, началъ камердинеръ: не хорошее это вы знакомство завели. Вонъ и то начинаютъ говорить про васъ, что вы по ржи бѣгаете за перепелами.

— Кто это говоритъ?

— Да сосѣди!... ей-богу.... помилуйте! нашъ домъ графскій; а какое у насъ пошло безобразіе.... страсть! вонъ паркетъ весь исцарапанъ, никакъ не наметешься.... Самка стоитъ въ передней.... Ну, кто взойдетъ изъ хорошихъ людей? А вчера перепелъ окно разбилъ....

— Ну, да! такъ скажи Ивану Иванычу, что я занятъ.... ступай!

— Слушаю.

Камердинеръ подошелъ къ молодому человѣку и объявилъ:

— Его сіятельство не совсѣмъ здоровы, такъ просятъ у васъ извиненія.... Они пришлютъ за вами, когда вздумаютъ поохотиться, пришлютъ, ласково говорилъ камердинеръ. Юноша удалился.

Графскій домъ принялъ прежній, величественный, строгій видъ. Въ немъ воцарился порядокъ: вездѣ все было убрано, полы были натерты, прислуга ходила на цыпочкахъ. Графъ сидѣлъ въ кабинетѣ, чистилъ ногти и думалъ:

«Теперь по всему уѣзду будутъ толковать: вотъ какія онъ дѣлаетъ экскурсіи-то!... скандалъ!...»

III.

ГОСПОДА КАРПОВЫ.

Ближайшимъ сосѣдомъ графа былъ Егоръ Трофимычъ Карповъ, отставной полковникъ лѣтъ восьмидесяти. Онъ управлялъ когда-то большими имѣніями знатныхъ особъ, былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ послѣднее время, пользуясь славою примѣрнаго хозяина, тихо доживалъ вѣкъ въ своемъ родовомъ имѣніи съ женой, красивой дочерью 16-ти лѣтъ, и свояченицей—пожилой дѣвицей. У Карпова есть и сынъ,—студентъ московскаго университета: разсчитывая на него, какъ на опору своей старости и опасаясь, какъ бы молодой человѣкъ не сдѣлался «якобинцемъ» въ испорченной средѣ нынѣшней молодежи, Карповъ почти въ каждомъ письмѣ къ нему упоминалъ: «если вздумаешь бросить науку, пріѣзжай домой; у твоего отца хлѣба хватитъ....». Сынъ, успѣвшій перепробовать всѣ факультеты, исключая медицинскаго, на который онъ поступилъ недавно, отвѣчалъ отцу, что воспользуется его совѣтомъ непремѣнно, какъ только доберется до самого корня ученія. Объ образованіи своей дочери, которую ожидало хорошее приданое со стороны родителя, Карповъ мало заботился, считая самымъ лучшимъ украшеніемъ человѣческой природы—деньги, дающія независимое положеніе въ свѣтѣ. Какъ человѣкъ старый и притомъ сильно пожуировавшій на своемъ вѣку (онъ женился 50 лѣтъ), Карповъ безвыѣздно сидѣлъ дома, считая города̀ вертепами разврата—и чуть не разбоя; онъ безъ ужаса не могъ подумать о какомъ-нибудь развлеченіи, на которое подбивали его жена, дочь и свояченица. Только въ такомъ случаѣ, когда все семейство отъ скуки заболѣвало, старикъ приказывалъ кучерамъ изъ-прохвала готовить экипажи въ городъ, а женѣ назначалъ рублей пятьсотъ на покупку «разныхъ тряпокъ». Но какъ скоро больныя поднимались на ноги, Карповъ начиналъ жаловаться на новыя времена, будто бы грозившія со дня на день каждому помѣщику разореніемъ, ссылался на скудные урожаи и совѣтовалъ отложить всякое попеченіе на счетъ поѣздки въ городъ. Разнообразилъ свою жизнь старикъ совсѣмъ иначе, нежели какъ мечтало его семейство: выстроивъ анбаръ, или починивъ конюшню, онъ вдругъ поднималъ образа̀, что̀ называется молился Богу. Послѣ водосвятія онъ приглашалъ церковнослужителей на пирогъ, а «богоносцевъ» угощалъ на крыльцѣ водкой. Жена его въ это время сидѣла въ своей комнатѣ, нюхала спиртъ и спрашивала

горничную, поглядывая на мужиковъ: «скоро ли уйдутъ эти люди съ запахомъ?» Она внутренно жаловалась на судьбу, соединившую ее съ упрямымъ, безсердечнымъ старикомъ (ей было подъсорокъ), такъ что, несмотря ни на какія усилія съ ея стороны мужественно нести свой крестъ, она всякій разъ изнемогала и падала подъ его тяжестью. Свояченица Карпова въ свою очередь негодовала на вѣчное свое дѣвство и одиночество, волей-неволей заставившія ее изливать свои чувства на больныхъ грачей, выпавшихъ изъ гнѣзда галчатъ, и подчиняться грубому произволу старика.

Однажды утромъ, когда лакей накрывалъ для чая столъ, Карповъ, сидя на диванѣ въ коротенькомъ шелковомъ камзолѣ и въ бархатной ермолкѣ, бесѣдовалъ съ священникомъ своего села о недавнихъ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно приходовъ и церквей. Поправляя на головѣ ермолку и безъ церемоніи зѣвая, онъ спрашивалъ:

— Куда же дѣнутся дьячки и дьяконы?

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ священникъ, робко приподнимаясь со стула, поступятъ въ родъ жизни; а впрочемъ можетъ быть послѣдуютъ какія-нибудь особыя распоряженія.... Священникъ сѣлъ и прибавилъ: еще ничего неизвѣстно.

— Ну, какъ же нашъ храмъ?

— Позвольте васъ просить, Егоръ Трофимычъ, взять издержки на себя: такъ какъ нашъ приходъ маленькій, то храмъ могутъ запечатать, и ваше семейство должно будетъ ѣздить за двѣнадцать верстъ въ село Христовоздвиженское. Что же касается до крестьянъ, то разсчитывать на ихъ поддержку невозможно; сами изволите знать, у всѣхъ дома раскрыты....

— Что́ могу, то сдѣлаю, отвѣчалъ Карповъ: а безъ церкви намъ нельзя быть.

— Да! по истинѣ доброе дѣло сдѣлаете, если примете на себя попеченіе о храмѣ....

Карповъ задумчиво поправилъ на головѣ ермолку и перекинулъ одну ногу на другую.

— Такъ вы были въ Погорѣловѣ? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ же-съ! третьяго дня ѣздилъ туда: приходъ тамъ настоящій — болѣе тысячи душъ, и церковь въ исправности. Ну, да вѣдь и то сказать: графское имѣніе....

— Графъ все здѣсь живетъ?

— Здѣсь-съ! запахивая полы рясы, отвѣчалъ священникъ: говорятъ, весь погрузился въ науки, занимается натуральной исторіей.... Что-то нынче матеріализмъ въ большомъ ходу сталъ:

вотъ села Голопятокъ, священника жена помѣшалась надъ этими науками, постоянно читаетъ либо анатомію, либо какія-нибудь человѣческія внутренности и все споритъ съ мужемъ о безсмертіи души.

Карповъ засмѣялся, прищуривъ глаза, и быстро передвинулъ ермолку съ одного боку на другой.

— О безсмертіи души... Говоритъ: неужели я должна пропасть?

— Ну, что же мужъ на это?

— Мужъ, конечно, говоритъ: «чего ты ищешь? что намъ съ тобою надобно? Живемъ мы слава Богу». А вѣдь они люди богатые: за попадьей было приданаго тысячъ десять: она дочь полкового священника.... Само собою разумѣется, съ дѣтства вращалась среди офицеровъ, и набаловалась....

Въ это время въ залу вошли свояченица и дочь Карпова, Варвара Егоровна.

— Пора матушка, пора: не стыдно ли такъ долго спать? Говорилъ старикъ, цѣлуя дочь: самоваръ давно на столѣ, а вы прохлаждаетесь....

— Мы съ тётей давно встали, папочка, отвѣчала дочь, приготовляясь дѣлать чай.

— Чего вы брюзжите? поцѣловавъ Карпова, сказала свояченица: видите, какое чудное утро? Сегодня мы хотимъ отправиться въ лѣсъ.... Здравствуйте батюшка, отнеслась она къ священнику: благословите....

Священникъ осѣнилъ ее крестомъ и произнесъ:

— Надо, Александра Семеновна, пользоваться временемъ; а то ягоды скоро скосятъ.... да и благо погода стоитъ.

— О чемъ вы тутъ говорили? спросила Александра Семеновна, садясь за столъ.

— Да вотъ о церквахъ; о погорѣловскомъ графѣ....

— Ну что? Скажите пожалуйста: что графъ?

— Ничего: живетъ въ своемъ имѣніи, занимается науками.... Я недавно туда ѣздилъ....

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же, вы его не видали?

— Нѣтъ-съ, видѣлъ — мимоѣздомъ. Я ѣхалъ этакъ въ сторонѣ, а онъ верхомъ, въ бѣлыхъ брюкахъ.

— Что же, красивъ онъ?

— Очень.... очень даже красивъ....

— Ахъ, Боже мой! хоть бы однимъ глазкомъ взглянулъ.... Егоръ Трофимычъ! обратилась Александра Семеновна къ Карпову: — какъ бы познакомиться съ графомъ?

— Я ужъ не знаю какъ; съ отцомъ его я былъ знакомъ; а

этотъ живетъ здѣсь безъ году недѣлю: больше разъѣзжалъ гдѣ-то. Впрочемъ, если вамъ такъ хочется....

— То что́?

— Что̀, папочка? весело спросила дочь.

— Вотъ пріѣдетъ Вася.... онъ познакомится съ графомъ....

— Ахъ да! воскликнула Александра Семеновна: хоть бы поскорѣй пріѣзжалъ Вася; какъ вспомнишь эту несносную зиму, Боже мой! Я, не знаю, какъ мы живы!...

— А вашъ сынокъ скоро пріѣдетъ? спросилъ хозяина священникъ....

— Жду со дня на день.... теперь у нихъ экзамены кончились.... Мой сынъ тоже естественникъ, внушительно взглянувъ на священника, замѣтилъ старикъ.

— Естественники? спросилъ батюшка: — гмм.... да-съ! доброе дѣло!... Что̀ бишь я слышалъ про графа? дай Богъ память!

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣли на священника....

— Будто бы онъ.... конечно, можетъ быть все это пустяки.... я самъ слышалъ отъ людей....

— Да, что́ такое?

— Будто бы онъ науками-то вовсе не занимается, а съ дворовыми людьми бѣгаетъ по полямъ, да перепеловъ ловитъ....

— Вздоръ какой! ну, можно этому повѣрить? сказала Александра Семеновна: вы сами посудите, батюшка.

— Конечно.... я слышалъ.... За что̀ купилъ, за то и продаю....

— Это просто деревенскія сплетни!... Графъ, какъ человѣкъ серьезный и ученый, пріѣхалъ въ наше захолустье попробовать примѣнить научныя свѣдѣнія къ нашей жизни, а про него распустили слухъ, что онъ перепеловъ ловитъ!... Ахъ, какой народъ!... На лицѣ Александры Семеновны выразилось негодованіе и она прибавила: — впрочемъ гораздо лучше оставить этотъ разговоръ: къ наукѣ нельзя такъ легкомысленно относиться.... Егоръ Трофимычъ! я вамъ не сказывала моего горя?

— Что такое?...

— Мой грачъ, у котораго было сломано крыло, сегодня утромъ скончался....

— Вѣчная память, усмѣхаясь сказалъ старикъ.

— Надо рыть могилку, присовокупилъ батюшка.

— А вы какъ думаете? Неужели я его такъ брошу... Я ему сейчасъ пойду рыть могилку.... Бѣдный, бѣдный! и отъ чего такъ скоро умеръ?... Бывало, гдѣ бы онъ ни былъ, только скажи: милый грачъ!... сейчасъ отзовется и придетъ....

— А остальные ваши питомцы живы?

— Слава Богу! А на счетъ графа, батюшка, вы такихъ

слуховъ не распускайте.... пожалуйста! вѣдь это ужасно!!.. это ни на что не похоже....

— Помилуйте, мнѣ самому говорили....

— Я васъ покорнѣйше прошу....

Александра Семеновна попросила себѣ другую чашку чаю, утерлась платкомъ и замолкла: на ея лицѣ выступила краска. Старикъ, глядя на нее, посмѣивался. Батюшка, понявъ свой промахъ, перемѣнилъ разговоръ:

— Всѣ помаленьку начинаютъ съѣзжаться въ деревни: теперь въ городахъ тяжко.... пыль.... Вотъ, говорятъ, Новоселовъ пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Нашъ сосѣдъ — Андрей Петровичъ? спросилъ старикъ.

— Да-съ! Говорятъ, дня три или четыре тому назадъ прибылъ.

— Каковъ? и до сихъ поръ не провѣдаетъ насъ.... Значитъ онъ до сихъ поръ не опредѣлился на службу.... Странный человѣкъ! вѣдь получилъ университетское образованіе.... онъ то же натуралистъ.

— Человѣкъ добропорядочный. Этого нельзя отнять....

Въ залу вошла хозяйка съ блѣднымъ лицомъ и томными глазами, въ бѣломъ пеньюарѣ: въ рукахъ у ней былъ флаконъ съ духами. Принявъ благословеніе у священника, она обратилась къ мужу:

— Тамъ къ тебѣ, мой другъ, пришли мужики: должно быть на счетъ *земельки*.... Она съ усмѣшкой посмотрѣла на батюшку: —не могу равнодушно смотрѣть на этотъ народъ: со мной сейчасъ дѣлается дурно....

На улицѣ вдругъ раздался звонъ колокольчика: все семейство устремилось къ окнамъ. Тройка почтовыхъ лошадей подъѣзжала къ церкви. Священникъ, вглядываясь въ проѣзжающаго, говорилъ: «ужъ не къ намъ ли изъ консисторіи?...» Но тройка, миновавъ церковь, повернула прямо къ дому Карповыхъ. Женщины вскрикнули:

— Вася, Вася!

Всѣ вышли на крыльцо, къ которому подъѣхалъ бравый молодой человѣкъ въ бѣломъ пальто. Это былъ сынъ Карпова. Произошла обычная сцена свиданія; зазвучали поцѣлуи, посыпались распросы; батюшка, поздравивъ Карповыхъ съ радостію, отправился домой. Черезъ полчаса молодой человѣкъ сидѣлъ за самоваромъ въ кругу родного семейства. Сообщивъ нѣкоторыя подробности изъ своего путешествія, онъ объявилъ:

— Ну-съ, увѣдомляю васъ, что университетъ я оставилъ.

— Какъ такъ? спросили всѣ.

— Очень просто. Завершаю свое образованіе и поселяюсь здѣсь съ вами.

— Что же ты будешь дѣлать? спросила мать.

— Буду знакомиться съ хозяйствомъ, охотиться, изучать химію. Это мой любимый предметъ. Да и, наконецъ, папаша слабъ, я ему буду помогать. Студентъ поцѣловалъ руку отца и спросилъ: — ты не сердишься на меня, что я бросилъ университетъ?

— Помилуй! напротивъ! Я же тебѣ писалъ нѣсколько разъ: пріѣзжай, какъ только вздумаешь.

— Послушай, Вася! возразила Александра Семеновна: неужели ты съ этихъ поръ хочешь закабалить себя въ деревнѣ?

— Да! закабалить! энергично сказалъ молодой человѣкъ: а знаете вы причины, почему я оставилъ университетъ? Вѣдь вы ихъ не знаете. Вы не можете себѣ представить, что такое медицинскій факультетъ!...

Старикъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Вотъ то же самое онъ говорилъ про юридическій и филологическій факультеты: «вы не можете себѣ представить!»

— Ну да съ этими факультетами я покончилъ, болѣе и болѣе воодушевлясь говорилъ юноша: теперь послушайте, что я вамъ скажу про медицинскій. Я не могу до сихъ поръ понять, какимъ образомъ медицина въ моей головѣ перевернула все вверхъ дномъ! познакомившись съ нею, я совершенно охладѣлъ къ жизни, даже потерялъ всякое уваженіе къ людямъ. Ей-богу.... Вообразите себѣ: всякій изъ насъ, какъ извѣстно, любитъ цвѣты напримѣръ: да и въ самомъ дѣлѣ они прелестны, — чудо въ своемъ родѣ, какъ чудо все, что только произвела природа. Теперь не угодно ли вамъ послушать университетскія лекціи объ этихъ цвѣтахъ, или вообще о растеніяхъ: вамъ, зѣвая, нехотя, потому что профессорамъ надоѣло нѣсколько десятковъ лѣтъ читать одно и то же, сообщаютъ, что чашечка пятиразверзная, пестикъ одинъ, листья перистовыемчатые, обратно-яйцевидные и т. д. И все это читается вяло, монотонно, какъ будто профессора отбываютъ самую несносную для нихъ повинность.... Затѣмъ, представьте себѣ эти распластанные, изрѣзанные трупы, этихъ молодыхъ людей съ ножами....

— Фи! не разсказывай пожалуйста, воскликнули дамы: c'est affreux!...

— Нѣтъ, вѣдь это любопытно. Разъ я вхожу въ физіологическій кабинетъ, и вдругъ вижу: студентъ лѣтъ 17-ти разрѣзаетъ брюхо живому щенку; несчастное животное распластано на столѣ

и крѣпко привязано за всѣ четыре ноги; морда то же завязана, и щенокъ издаетъ глухой, страдальческій стонъ....

— Боже мой!... какое варварство!... воскликнули дамы. У Варвары Егоровны на глазахъ появились слезы. Студентъ продолжалъ:

— Нужно было видѣть это безсердечіе, съ которымъ молодой человѣкъ тиранилъ бѣдное животное. Во время этой вивисекціи, онъ держалъ въ зубахъ сигару, и то-и-дѣло отходилъ въ уголъ къ товарищамъ, съ которыми бесѣдовалъ о Шумскомъ, о Тартюфѣ и т. д. Или такое зрѣлище: толпа молодыхъ людей, окруживъ чахоточнаго больного, выслушиваетъ его грудь и чуть не съ восторгомъ кричитъ: «великолѣпныя каверны!» Да что̀! это я вамъ разсказалъ милліонную долю... а составъ, а правила университетскія!... Обо всемъ этомъ надо написать такое же многотомное сочиненіе, какъ Исторія Россійскаго государства Карамзина.

— А мы думали, что ты будешь докторомъ, замѣтила мать.

— Какой я докторъ? помилуйте! да теперь всѣ порядочные медики сознаются, что лечить значитъ шарлатанить, что самый лучшій врачъ — натура, а самое лучшее лекарство — хорошая пища, правильный образъ жизни и т. п.

— Ну, отъ чего же ты бросилъ филологическій факультетъ? спросила Александра Семеновна.

— Я ужъ вамъ говорилъ, что тамъ частицу *quod* объясняютъ нѣсколько лекцій: какъ употреблялъ ее Цицеронъ, Корнелій Непотъ, Тацитъ, Титъ Ливій....

— А юридическій?

— Объ этомъ и говорить не сто̀итъ! это не что иное, какъ факультетъ пустозвонства. И какой изъ меня можетъ быть юристъ? Обвинять преступника, ссылать его на каторгу я не могу.... Впрочемъ, я зналъ бы что̀ дѣлать.... у меня есть свой кодексъ....

— Ну, ужъ пожалуйста не умничай...,

— Слушаю. Студентъ взглянулъ на сестру и спросилъ: что̀ это? ты никакъ плачешь, мой другъ?

— Мнѣ жаль щенка! вымолвила Варвара Егоровна: — бѣдный!

Студентъ обнялъ сестру.

— Добрая душа, ты еще не знаешь, что люди подчасъ бываютъ хуже звѣрей. Впрочемъ, не дай Богъ тебѣ познать эту истину!... Ахъ да! я вамъ и не сказалъ самаго интереснаго: вѣдь я заѣзжалъ къ Новоселову: онъ уже нѣсколько дней какъ пріѣхалъ изъ Петербурга.... Вообразите себѣ.... Подъѣзжаю къ его хатѣ, смотрю, дверь отперта. Думаю, не самъ ли хозяинъ тутъ? Вхожу и вдругъ вижу, что́ вы думаете? Андрей Петровичъ

Новоселовъ самъ готовитъ себѣ обѣдъ, стоитъ передъ печкой и смотритъ, какъ варится каша. Спрашиваю: Андрей Петровичъ, что съ вами? Онъ говоритъ: «какъ видите, готовлю обѣдъ». А было дѣло часовъ въ 8 утра: значитъ онъ держится русскаго обычая на счетъ обѣдовъ: готовитъ кушанье въ затопѣ.—Какъ вы сюда попали? давно ли изъ Питера? «Изъ Петербурга я, говоритъ, дней пять.» А ужъ онъ около двухъ лѣтъ не былъ въ своемъ имѣніи. Я ему объявилъ, что бросилъ университетъ. —Ну, а вы что? спрашиваю: не пробовали служить? «Пробовалъ, говоритъ: разумѣется, бросилъ все и рѣшился жить здѣсь, въ своей хатѣ».—А дѣлать что же будете? «Какъ что? Буду пахать землю». Я такъ и повѣсилъ носъ.... вотъ тебѣ и наука! Человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ хочетъ пахать землю....

— Чудеса!... усмѣхаясь проговорилъ старикъ.

— Ну, это одна фантазія! воскликнули дамы.

— Нѣтъ, не фантазія! вопросъ о пахотѣ недавно былъ возбужденъ въ нашей литературѣ....

— Да не помѣшался ли Новоселовъ?...

— Онъ-то не помѣшался! А не помѣшался ли весь нашъ общественный строй!... грозно произнесъ юноша.

— Что же, ты просилъ къ себѣ Новоселова? спросилъ старикъ.

— Онъ обѣщался пріѣхать сегодня вечеромъ. Мнѣ было-хотѣлось съ нимъ поговорить побольше, да я спѣшилъ домой и его не хотѣлъ стѣснять.

Всѣ призадумались.

— Нечего сказать, проговорила Александра Семеновна, грустныя времена: ни за что гибнутъ лучшія силы!...

— Вотъ бы васъ заставить работать! обратился старикъ къ дамамъ: жать, молотить.... на прудъ ходить.... А то постоянно пищатъ: папочка! поѣдемъ въ городъ! тамъ театры, концерты... И ты тоже, баловница, сказалъ старикъ дочери: «поѣдемъ, папочка, въ Москву!» уши прожужжала.... Я вотъ тебя заставлю огурцы солить, да за индюшками ходить.

— Ну ужъ, пожалуйста! мы и такъ едва ноги таскаемъ.... сказала Александра Семеновна.

— Нѣтъ! продолжалъ студентъ, я теперь просвѣтлѣлъ! И слава Богу! Я понялъ, что такое наше образованіе.... Оно калѣчитъ людей, выжимаетъ изъ насъ всю кровь.... Недавно я читалъ гдѣ-то, что школа имѣетъ на учениковъ самое гибельное вліяніе: молодые люди тупѣютъ, чахнутъ, а нѣкоторые даже перестаютъ рости, — такъ что подъ гибельнымъ вліяніемъ школы люди начинаютъ вырождаться.... На счетъ нашихъ гимназій такъ

тамъ прямо сказано, что педагоги своими уроками гонятъ учениковъ, какъ почтовыхъ лошадей.... Славные ямщики!...

— Чтò же, по твоему, такъ и оставаться невѣждой? возразила мать.

— Лучше невѣждой, проговорилъ молодой человѣкъ, — но здоровой, рабочей силой, нежели сухимъ буквоѣдомъ и ученымъ бюрократомъ, да вдобавокъ еще....

Студентъ всталъ и объявилъ:

— Довольно объ этомъ!... Пойдемте лучше въ садъ.... Чтò, жива моя лошадь?

— Жива, сказалъ старикъ: ходитъ въ пристяжкѣ.

— Ну, а твои собаки, куры? спросилъ Василій Егорычъ сестру.

— Пойдемъ, я тебѣ покажу: посмотри, Вася, какіе у меня циплята....

Варвара Егоровна взяла брата подъ руку и всѣ отправились въ садъ.

Любуясь цвѣтами, зеленью, липовой аллеей, молодой человѣкъ говорилъ:

— Ахъ, какъ у васъ хорошо! Земной рай! Итакъ, папа, ты не сердишься, что я пріѣхалъ? Да и почему мнѣ не посвятить себя агрономіи? вѣдь ты болѣе половины своей жизни занимался хозяйствомъ.... А по теоріи Дарвина, яблоко не далеко падаетъ отъ яблонки.

Изъ саду все семейство отправилось во флигель, старинное зданіе, выстроенное на случай пріѣзда гостей, гдѣ долженъ былъ жить Василій Егорычъ. Осмотрѣвъ комнаты, молодой человѣкъ назначилъ одну изъ нихъ для Новоселова и рѣшился просить его перебраться сюда на цѣлое лѣто, такъ какъ земля Новоселова сдана была въ аренду до сентября, значитъ, до того времени дѣлать ему было нечего въ своемъ имѣніи; а если онъ непремѣнно захочетъ пахать, то Василій Егорычъ обѣщался снабдить его и сохою и лошадью. Не разсчитывая на знакомство въ своемъ околоткѣ, молодой человѣкъ дорожилъ Новоселовымъ, какъ человѣкомъ просвѣщеннымъ и бывалымъ, съ которымъ не будетъ скучно всему семейству. Женщины извѣстили его о пріѣздѣ графа, о его ученыхъ занятіяхъ; онѣ принялись упрашивать Василія Егорыча съѣздить въ Погорѣлово, сдѣлать визитъ графу. Молодой человѣкъ изъявилъ свое согласіе. На возвратномъ пути къ дому, Александра Семеновна сказала своей племянницѣ:

— Ты, Варя, смотри не влюбись въ графа. Я знаю, Новоселовъ не произведетъ на тебя впечатлѣнія... ты его ужъ знаешь... но графъ.... графъ.... Я боюсь за тебя....

— Меня они оба интересуютъ, сказала дѣвушка.

— Новоселовъ-то чѣмъ же?

— Какъ же, тётя? такой умный человѣкъ, а хочетъ пахать.

Александра Семеновна засмѣялась и сказала:

— Да это онъ просто хочетъ прослыть за оригинала. Но графъ.... я заочно влюблена въ него!...

— Я тоже съ нетерпѣніемъ хочу видѣть этого столичнаго льва, сказала Карпова.

— Заварилъ ты у меня кашу! замѣтилъ старикъ сыну, бабы-то ужъ теперь влюбились въ графа.

Карпова обняла мужа и, цѣлуя его, сказала:

— Да развѣ я промѣняю тебя на кого-нибудь? Чтò нынѣшняя молодежь? На чтò она похожа?

— Нѣтъ, мой другъ, замѣтилъ старикъ; я хорошо помню пословицу: не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ подворьѣ!

IV.

НОВОСЕЛОВЪ.

Послѣ обѣда молодой Карповъ отправился во флигель соснуть, такъ какъ онъ проѣхалъ болѣе тысячи верстъ, не отдыхая. Старикъ, по всегдашнему своему обыкновенію, сидѣлъ въ комнатѣ жены въ огромныхъ, старинныхъ креслахъ, и дремалъ. Накрывъ его платкомъ отъ мухъ, Карпова ушла наверхъ, гдѣ Александра Семеновна, при помощи горничной, разсаживала цвѣты. Варвара Егоровна съ дворовыми и крестьянскими дѣвицами качалась въ саду на качеляхъ. Мало-по-малу спустились сумерки. Зала освѣтилась лампой. На столѣ явился самоваръ.

Около девяти часовъ къ крыльцу подъѣхала крестьянская телѣга, изъ которой вылѣзъ плотный мужчина лѣтъ тридцати двухъ, съ окладистой бородой, въ сюртукѣ и въ русскихъ сапогахъ.

— Прикажете подождать? спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ, ступай! Отсюда я какъ-нибудь доѣду, сказалъ гость; вотъ тебѣ за труды....

Мужикъ снялъ шапку, взялъ деньги и, стоя на колѣняхъ въ телѣгѣ, задергалъ возжами лошадь, къ мордѣ которой начали бросаться собаки. Въ это время изъ саду выбѣжала, съ большой куклой на рукахъ, Варвара Егоровна и закричала на собакъ: онѣ, искоса поглядывая на госпожу, вдругъ смолкли и начали расходиться по сторонамъ.

— Здравствуйте Варвара Егоровна! пожимая руку дѣвушкѣ, сказалъ гость, какъ вы выросли!... и узнать нельзя....

— Вѣдь мы съ вами не видались около двухъ лѣтъ, отвѣчала Варвара Егоровна: вы тоже измѣнились, Андрей Петровичъ, пополнѣли, обросли бородой....

— И постарѣлъ, добавилъ гость. Что это, вы въ куклы играете?

— Да, играю; посмотрите, какая славная кукла: крестьянская баба, въ понявѣ, въ лаптяхъ....

— Ваши дома?

— Дома; братъ Вася во флигелѣ. Катя! обратилась Варвара Егоровна къ одной изъ дворовыхъ дѣвицъ, завтра приходи опять качаться, да захвати съ собой гармонію....

— Варвара Егоровна, а намъ приходить? спросили крестьянскія дѣвушки.

— Непремѣнно, да чтобы пѣсни играть и плясать....

— Вы весело проводите время, говорилъ гость, входя въ переднюю....

— Еще бы!... проговорила дѣвушка и въ одну минуту очутилась въ залѣ съ извѣстіемъ: знаете кого я привела? Андрея Петровича.

Въ залѣ сидѣли дамы и старикъ. Молодой Карповъ еще не просыпался. При появленіи Новоселова, дамы воскликнули:

— Давно пора вамъ показаться.... Гдѣ это вы пропадали, Андрей Петровичъ?

— Садитесь-ка, сказалъ старикъ.

— Фи! да онъ въ русскихъ сапогахъ! воскликнула Карпова. Варя! подай мнѣ флаконъ.... Что съ вами? не совѣстно вамъ такъ одѣваться?

— Чтожъ, осматривая свою одежду, говорилъ гость, я не знаю, чѣмъ дуренъ мой костюмъ?

— Ничего! Въ деревнѣ надо жить по-деревенски, замѣтилъ старикъ. Ну-ка, разсказывайте, гдѣ были, что видѣли....

Новоселовъ сѣлъ за столъ.

— Въ послѣднее время я жилъ въ Петербургѣ, и часто, Егоръ Трофимычъ, вспоминалъ васъ: помните, вы когда-то говаривали, что въ Петербургѣ живутъ одни непомнящіе родства....

— Ахъ, да, да.... чтожъ, развѣ это не правда? Признаюсь, не люблю я этого города!... сказалъ Карповъ, вертепъ....

— Ну, а на службу не поступили до сихъ поръ? спросила Александра Семеновна.

— Какая служба! Богъ съ ней!

— Что же? вы вѣдь не Рудины... вы люди новые, — вамъ стыдно безъ дѣла шататься....

— За то у насъ и другіе вопросы, нежели у Рудиныхъ: тѣ вѣкъ цѣлый исполинскаго дѣла искали....

— А вы чтоже?

— А мы не погнушаемся и черной работой....

— Скажите, Андрей Петровичъ, правда, будто вы хотите пахать землю....

— Совершенная правда. Васъ это изумляетъ?

— Кого это не изумитъ? При вашихъ свѣдѣніяхъ, вы хотите взяться за соху.

— Вотъ свѣдѣнія-то и привели меня къ тому, что надо взяться за соху.... Знаете ли что, Александра Семеновна: мы такъ привыкли ѣсть готовый хлѣбъ, что ужъ не только пахать, просто купить себѣ къ обѣду провизіи на рынкѣ мы считаемъ за дѣло недостойное насъ. Странно то, что ѣсть намъ не стыдно, а добывать пищу стыдно.

— Браво, браво, сказалъ старикъ, хорошенько ихъ! а то только и слышишь: ахъ, какая скука! Боже! какая скука!... А отчего? — все отъ бездѣлья!...

— Впрочемъ, я не знаю, какъ для кого, продолжалъ Новоселовъ, по крайнѣй мѣрѣ относительно себя я рѣшилъ....

— Пахать? Ну, а намъ, по вашему, жать и снопы вязать?

— Позвольте, чѣмъ же дурно это занятіе? По моему, все же лучше взяться за черную работу, нежели жить такъ, какъ живетъ весь нашъ такъ-называемый образованный классъ? Нѣтъ-съ, Александра Семеновна, въ природѣ существуетъ правда: вы посмотрите, всѣ эти образованные, устроившіе себѣ карьеру — задыхаются отъ скуки....

— Значитъ вы идете противъ образованія, противъ науки?

— Нѣтъ, я ратую только противъ такого образованія, какое существуетъ у насъ. Просвѣщаемся мы изъ-за погони за карьерами, полагая все свое счастіе въ окладахъ, да въ квартирахъ; мало того, мы добиваемся совершенной праздности; въ настоящее время весь Петербургъ, вся Москва, весь цивилизованный русскій міръ хочетъ выиграть двѣсти тысячъ—для чего? для того, чтобы всю жизнь лежать на боку со всѣмъ своимъ потомствомъ.... За то посмотрите, что дѣлается въ Петербургѣ-то!

— Что такое?... Разскажите-ка, Андрей Петровичъ, посмѣиваясь! сказалъ старикъ.

Новоселовъ закурилъ сигару.

— Въ нашей сѣверной Пальмирѣ, особенно въ послѣднее время, когда ученіе Дарвина, понятое въ смыслѣ обиранія ближ-

няго, вошло въ плоть и кровь каждаго, процвѣтаетъ непроходимая тоска. Петербургскій житель (я разумѣю петербуржца обезпеченнаго) чувствуетъ въ себѣ такую неисходную пустоту, что ему страшно остаться съ самимъ собой наединѣ, какъ ребенку въ темной комнатѣ. Неугодно ли вамъ взглянуть на Невскій около двухъ часовъ пополудни, когда столичное населеніе съ бодрыми силами несется за впечатлѣніями; это населеніе, какъ рыба въ жаркое время, шарахается въ разныя стороны: тоска выгнала всѣхъ изъ домовъ и преслѣдуетъ, даже по улицѣ, массы людей въ скунсовыхъ и бобровыхъ шубахъ. Всѣ предприняли походъ противъ общаго врага — ошеломляющей скуки. При этомъ замѣчательно то, что, какъ говорилъ когда-то Робертъ Овэнъ, *всѣ во враждѣ съ каждымъ и каждый во враждѣ со всѣми.* Поголовное отупѣніе доходитъ до такой степени, что лишь только часовая стрѣлка укажетъ $6\frac{1}{2}$ вечера, по всѣмъ улицамъ сломя голову летятъ кареты, тройки, кукушки, рыболовы, и все это стремится въ театры, какъ въ овчую купель, въ чаяніи омыться отъ проказы, всѣ какъ будто вдругъ почувствовали приближеніе смерти.... А вѣдь кажется, чего бы желать всѣмъ этимъ людямъ въ бобрахъ, да въ скунсахъ? Слава Богу, все есть.... удобства на каждомъ шагу: обидѣлъ кто — есть судъ: даже на каждомъ перекресткѣ стоитъ полицейскій чиновникъ, который смотритъ, не задѣли бы васъ плечомъ, оглоблей, не сказали бы вамъ дерзкаго слова. Ѣсть хотите? тысячи ресторановъ и трактировъ къ вашимъ услугамъ. Объ увеселеніяхъ и говорить нечего.... Между тѣмъ скука, какъ море, волнуется повсюду. Такъ предложить нашему образованному классу пахать землю — давно пора!... На что̀ весь этотъ людъ народу? Цивилизація, основанная на тунеядствѣ, развращаетъ только людей, дѣлаетъ ихъ отребьями міра сего.... Вы вспомните хоть одно: напримѣръ, въ вашемъ прудѣ кто-нибудь утонулъ.... вѣдь ни мы съ вами, ни одинъ петербургскій «прогрессистъ», не полѣземъ туда, особенно въ октябрѣ.... а любой мужикъ полѣзетъ, намочится, простудится, и все-таки достанетъ своего ближняго.... Мы же будемъ краснорѣчиво разсуждать о гражданскихъ доблестяхъ, разыгрывать изъ себя одержимыхъ гражданскою скорбію.... Вотъ почему, Александра Семеновна, я и обратился къ сохѣ, въ надеждѣ хоть сколько-нибудь себя исправить.... Мы Сатурново кольцо, отдѣлившееся отъ планеты, или вѣрнѣе, нарывъ, которому надо же когда-нибудь прорваться.... При этомъ нельзя не вспомнить Руссо, который въ своемъ «Эмилѣ» совѣтуетъ добывать насущный хлѣбъ собственными руками: вамъ, говоритъ, не будетъ тогда надобности подличать, лгать передъ вельможами, льстить дураку, задоб-

ривать швейцара и т. д.; пускай мошенники заправляютъ крупными дѣлами, вамъ до этого нѣтъ дѣла; добывая же своими руками хлѣбъ, вы будете оставаться свободными, здоровыми и честными людьми....

— Да, Андрей Петровичъ! вдругъ воскликнулъ старикъ, все это хорошо, прекрасно, умно; вамъ Петербургъ надоѣлъ, служить вы не хотите, значитъ рѣшено!... Вотъ что̀: въ самомъ дѣлѣ— поселяйтесь съ нами въ деревнѣ и принимайтесь хозяйничать.... По опыту вамъ скажу—лучше ничего не можетъ быть на свѣтѣ, какъ сельское хозяйство.... Я увѣренъ, что вы его страстно полюбите.... Но только этотъ вздоръ выкиньте изъ головы.

— Какой вздоръ?

— Самому пахать землю.... Какъ это можно!...

— О, нѣтъ, Егоръ Трофимычъ.... Я рѣшился....

— Ну, какъ хотите! Я увѣренъ, однако, что вы сами скоро убѣдитесь, какъ многаго вы еще не знаете, хотя и странствовали долго по бѣлу-свѣту.... Во всякомъ случаѣ поживите-ка у насъ пока.... давеча Вася хотѣлъ васъ просить объ этомъ.... онъ и комнату вамъ приготовилъ....

Старикъ потрепалъ гостя по плечу.

Особенная любезность и вниманіе, которыя проявилъ старикъ въ отношеніи къ Новоселову, имѣли своимъ источникомъ весьма житейское обстоятельство. Слушая проповѣди Андрея Петровича, онъ мысленно дѣлалъ имъ подстрочный переводъ такого содержанія: проповѣдникъ, какъ видно, угомонился,—онъ у пристани; тѣ безпокойныя страсти, которыя обуреваютъ юношей, смѣнились опредѣленнымъ, трезвымъ взглядомъ на жизнь: города, эти омуты разврата и мотовства, потеряли для него обаятельную силу; человѣкъ установился, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ него выйдетъ дѣльный, разсчетливый и трудолюбивый хозяинъ, у котораго, однако, весьма порядочное имѣніе. Сверхъ того, старикъ зналъ Новоселова какъ добраго и честнаго своего сосѣда: слушая съ удовольствіемъ его энергическія рекламы противъ мотовства, дармоѣдства, праздности городской жизни, Карповъ въ тоже время съ необыкновенною нѣжностію поглядывалъ на свою дочь, составлявшую предметъ его родительской заботливости и даже тревоги относительно ея будущности, такъ какъ, по его мнѣнію, во всемъ околоткѣ не было ни одного молодого человѣка, на котораго бы онъ могъ разсчитывать, какъ на будущаго зятя, и который бы, женившись на Варварѣ Егоровнѣ, не промоталъ ея состоянія. Новоселовъ же представлялъ много задатковъ, обезпечивавшихъ родительскія надежды и планы.... «По крайней мѣрѣ не мѣшаетъ поприсмотрѣться къ Новоселову», рѣшилъ старикъ.

Дамы, напротивъ, не только не увлеклись пропагандой Новоселова, но даже видѣли въ ней прямую солидарность со взглядами и убѣжденіями Карпова, закабалившаго ихъ въ такую трущобу, изъ которой онѣ день и ночь думали вырваться, какъ изъ острога: поэтому онѣ и не разсчитывали на Новоселова, какъ на зятя; по ихъ мнѣнію, зять долженъ быть ихъ спасителемъ: онъ никакъ не долженъ порицать городовъ уже по одному тому, что въ городахъ есть театры и разнаго рода увеселенія. Такимъ спасителемъ могъ быть только человѣкъ свѣтскій, galant-homme, жуиръ, но ни въ какомъ случаѣ не пахарь и проповѣдникъ сохи.

— Ну что вамъ тамъ дѣлать въ своемъ имѣніи, говорилъ старикъ Новоселову: земля ваша сдана въ аренду; ни прислуги у васъ, ни заготовленной провизіи; вѣдь вы какъ съ неба свалились въ свою хату. Поживите-ка у насъ, и намъ съ вами будетъ веселѣй....

— Дѣйствительно, отвѣчалъ Новоселовъ, до перваго сентября мнѣ дѣлать нечего на своей землѣ....

— Ну и погостите у васъ....

— Если я останусь у васъ, то съ условіемъ....

— Говорите, съ какимъ? отвѣчалъ весело старикъ.

— Пахать землю.... до сентября....

— Въ чемъ же дѣло? ну, вамъ дадутъ соху и клячу. Пашите, коли охота беретъ.... Я знаю, что вы скоро набьете оскомину....

— Не безпокойтесь! Я положилъ себѣ за правило каждый день, во что бы то ни стало, вспахать полдесятины....

— Фуй!... Оставьте пожалуйста ваши замыслы.... воскликнула Карпова; право, я ужъ и сама начинаю сомнѣваться въ пользѣ образованія: ну, скажите, чему васъ выучили? Пахать землю!.... Варя! подай мнѣ vinaigre de toilette....

Въ это время вошелъ молодой Карповъ.

— А! Андрей Петровичъ! вотъ это дѣлаетъ вамъ честь, что сдержали слово; а ужъ я вамъ приготовилъ комнату, да еще какую: съ цвѣтами и огромной картиной, представляющей избіеніе десяти тысячъ младенцевъ во времена Ирода. Давно вы пріѣхали?

— Только сейчасъ.

— А ужъ онъ намъ тутъ говорилъ такія проповѣди! сказала Карпова.

— Что, о пахотѣ? спросилъ молодой Карповъ.

— Нѣтъ, подхватилъ старикъ; я съ своей стороны очень благодаренъ Андрею Петровичу: ей-богу дѣло говорилъ, особенно насчетъ Петербурга.... что дѣло, то дѣло! А и впрямь всѣ хотятъ ѣсть хлѣбъ на боку лежа, да еще обманывать другъ друга....

отъ прощалыгъ отбою нѣтъ!... Нѣтъ, вы, Андрей Петровичъ, пожалуйста поживите у насъ...

— Разумѣется, сказалъ сынъ. Да развѣ я его пущу отсюда? Итакъ, рѣшено? вы остаетесь? А на-дняхъ съѣздимъ съ вами тутъ къ нѣкоему графу... Интереснѣйшій типъ! аристократъ, изучающій естественныя науки. Понимаете, графъ-натуралистъ...

— Ахъ, Вася, пожалуйста съѣздите, сказали дамы; да вы ступайте завтра! что вамъ тутъ дѣлать? А то, чего добраго, графъ уѣдетъ куда-нибудь — и останемся на бобахъ...

— Съ какой же стати я-то поѣду? возразилъ Новоселовъ, я съ нимъ не знакомъ, да и нѣтъ никакой крайности съ нимъ знакомиться..

— Андрей Петровичъ! мы всѣ васъ просимъ! заговорили дамы. Что вамъ стоитъ съѣздить?

— Безтолковыя бабы! перебилъ старикъ. Скажите, ради Христа! на что вамъ этотъ графъ?

— Послушайте, любезнѣйшій Егоръ Трофимычъ, возразила Александра Семеновна, не вы ли сами давеча говорили, что пріѣдетъ Вася, онъ познакомится съ графомъ; вѣдь это ни на что не похоже!... вы ужъ начинаете отпираться отъ вашихъ словъ.

— Ну, дѣлайте, какъ хотите! зажимая уши сказалъ старикъ.

— Итакъ, Андрей Петровичъ, вы согласны?... объявилъ молодой Карповъ.

— Андрей Петровичъ! Я васъ прошу, сказала дѣвушка, съѣздите....

— Варя васъ проситъ, сказали дамы.

Старикъ вдругъ погрозился на дочь и сказалъ:

— И ты, негодная, туда же?... Постой ты у меня: недаромъ я тебя хотѣлъ заставить индюшекъ стеречь....

— Чтожъ, папочка, развѣ я не съумѣю? возразила дочь; я пожалуй и огурцы буду солить, какъ вы говорили....

— Такъ тебѣ хочется познакомиться съ графомъ?

— Я ни разу не видала ни одного графа: какіе они такіе бываютъ?

Всѣ расхохотались. Старикъ поцѣловалъ дочь и сказалъ ей:

— Ну, спой же ты намъ что-нибудь....

— А вы поете? спросилъ Андрей Петровичъ.

— И какъ еще поетъ! воскликнулъ старикъ, впрочемъ, однѣ русскія пѣсни.... Я, признаться, терпѣть не могу иностранныхъ. Варя! «Выду-ль я на рѣченьку». Старикъ началъ: вы-ы-д-у-ль я...

Дѣвушка взяла аккорды и запѣла; молодые люди подхватили. Старикъ, сидя на диванѣ, съ большимъ чувствомъ пѣлъ: «по-о-осмотрю-ль на быструю».... причемъ онъ громко отбивалъ тактъ ногой.

— Неправда-ли, хорошая пѣсня? спросилъ онъ: и все это такъ просто....

— А вы поете прелестно! обратился къ дѣвушкѣ Новоселовъ: у васъ очень сильный сопрано.

— Ага! она у меня, батюшка, знатная пѣвица! сказалъ старикъ: а главное, все самоучкой.... Ну-ка Варя.— «Стонетъ сизый голубочекъ».

По окончаніи пѣнія дамы объявили:—господа! надо распорядиться на счетъ экипажа.

— Папа, мы поѣдемъ въ тарантасѣ, сказалъ сынъ.

— Не ловко! возразили дамы: надо въ коляскѣ....

— Разумѣется, къ нему надо ѣхать въ коляскѣ, сказалъ старикъ: онъ хоть лыкомъ шитъ, а все же его сіятельство.

Дамы, тронутыя любезностію старика, принялись цѣловать его, и вечеръ, къ общему удовольствію, окончился весело....

Молодые люди, отправились во флигель. Хозяинъ вышелъ на крыльцо проводить ихъ. Съ верху, съ балкона раздался женскій голосъ: покойной ночи...

— Все-ли у васъ тамъ есть: подушки, одѣяла? спрашивалъ старикъ.

— Все, все!

— Не нужно ли вамъ провожатаго?...

— Прощайте!... не надо!

Между тѣмъ, какъ уже далеко было за полночь и во флигелѣ было темно, въ домѣ свѣтились огни: тамъ шла оживленная бесѣда по поводу предстоящаго знакомства съ графомъ. Дамы собрались въ кабинетъ хозяина и энергически внушали ему мысль, что графъ, сообразно своему званію, вдоволь пожуировавшій и наскучившій пустотой свѣтской жизни, непремѣнно долженъ обратить вниманіе на Варю, какъ на свѣжій полевой цвѣтокъ; ибо извѣстно, что люди, изнѣженные утонченностію цивилизаціи, всегда обращаются къ простотѣ, къ дубравамъ и сельскимъ дѣвамъ: онѣ приводили въ примѣръ карамзинскаго Эраста, вспыхнувшаго благородною страстью къ «Бѣдной Лизѣ»; Евгенія Онѣгина и Татьяну, наконецъ Фауста, влюбившагося въ простую, необразованную дѣвочку Гретхенъ. Съ этими странностями человѣческой натуры старикъ былъ знакомъ по собственному опыту, и какъ человѣкъ, въ свое время съ избыткомъ вкусившій благъ земныхъ, онъ не возражалъ дамамъ. Но его разсчеты на графа, какъ на будущаго зятя, не согласовались съ воззрѣніями дамъ именно въ томъ отношеніи, что графъ есть не что иное, какъ вулканъ; кто можетъ поручиться, что этотъ вулканъ угасъ?... Старикъ даже увѣрялъ,

что натуры, подобныя графскимъ, княжескимъ, баронскимъ и т. п., представляютъ собою вулканы почти неугасаемые. Чтобы умѣрить воодушевленіе, съ которымъ дамы относились къ погорѣловскому графу, Карповъ приводилъ въ примѣръ Геркуланумъ и Помпею, за свою излишнюю довѣрчивость, засыпанные огненной лавой Везувія. Онъ высказалъ, что гораздо основательнѣе разсчитывать на Новоселова, который испыталъ въ своей жизни много горя, съ ранняго возраста лишился отца и матери, лбомъ пробивалъ себѣ дорогу, пріобрѣлъ твердый характеръ и правильный взглядъ на жизнь. Зная упрямство старика, дамы ему не возражали относительно достоинствъ Андрея Петровича, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ дали замѣтить старику: отъ чего же не сблизиться съ графомъ, какъ владѣльцемъ огромнаго имѣнія? Притомъ есть много вѣроятностей, что графъ даже совсѣмъ не обратитъ вниманія на Варвару Егоровну; правда, она очень красива, умна, недурно поетъ; но она мало развита, ея манеры черезчуръ рѣзки, у ней нѣтъ дара слова; а умѣніе пѣть русскія пѣсни едвали будетъ имѣть какое-нибудь значеніе въ глазахъ великосвѣтскаго человѣка, слухъ котораго воспитанъ на утонченныхъ мелодіяхъ итальянской музыки. Старикъ былъ побѣжденъ этими доводами, онъ не могъ не сознаться, что дамы говорили правду, и ему стало обидно при мысли, что графъ, чего добраго, не удостоитъ вниманія его дочь.

Такъ какъ бесѣда велась дамами въ самомъ восторженномъ тонѣ, невольно увлекавшемъ самого старика, то и кончилась она въ пользу того мнѣнія, что Варѣ не мѣшаетъ изъ себя представить нѣжную лилію или нетронутый бутонъ, который могъ бы заинтересовать графа, не только какъ натуралиста, но и какъ знатока дѣла. При этомъ рѣшено было уговорить юношу обращаться съ графомъ наивозможно любезнѣе, такъ какъ студентъ не разъ заявлялъ свое пренебреженіе къ аристократамъ, называя ихъ выродившейся расой.

Господинъ пахарь (Новоселовъ), по мнѣнію дамъ, былъ какъ нельзя лучше на своемъ мѣстѣ: проповѣдуя соху, онъ тѣмъ самымъ убѣждалъ людей, подобно Руссо, обратиться къ природѣ, къ ручейкамъ и лѣснымъ дебрямъ, гдѣ именно и произрастаютъ такіе плѣнительные цвѣты, какъ Варвара Егоровна; поэтому есть надежда, что его сіятельство тотчасъ устремится къ этому цвѣтку, благодаря тому, что не встрѣтитъ въ означенныхъ дебряхъ казенной вывѣски, которую онъ привыкъ встрѣчать въ городскимъ паркахъ: «травы не мять, собакъ не водить» и т. д.

Во время этого шумнаго собранія, Варвара Егоровна покойно спала на своей постелькѣ, ни мало не предвидя роли, какая ее

ожидала съ завтрашняго же утра. Такъ какъ Александра Семеновна спала въ одной комнатѣ съ дѣвушкой, то пришедши наверхъ со свѣчой въ рукѣ, она долго смотрѣла на спящую племянницу; повидимому, ее обуревали тревожныя мысли. Дѣвушка вдругъ проснулась и съ изумленіемъ устремила взоръ на свою тётю.

— Варя, другъ мой, исполненная какого-то вдохновенія, проговорила Александра Семеновна: еслибы ты знала, о чемъ я думаю....

— О чемъ, тётя? съ безпокойствомъ спросила дѣвушка.

Тётя медленно опустилась въ кресла и голосомъ, въ которомъ слышалось утомленіе, произнесла:

— Ахъ, мы сейчасъ долго толковали о тебѣ, мой другъ.... Видишь ли, — надо говорить правду. Ты хороша собой.... почемъ знать? можетъ быть ты будешь графиней.... графиней, мой другъ! это великое слово!

При этихъ словахъ Александра Семеновна чуть не заплакала, а дѣвушка испуганно вскочила съ постели.

— Чтó съ вами, тётя?

Александра Семеновна закрыла лицо руками.

— Тётя, милая, о чемъ вы плачете?

— Нѣтъ, я такъ.... я не плачу, мой другъ, утираясь платкомъ говорила Александра Семеновна: мнѣ грустно стало; я вспомнила свою жизнь, и мнѣ показалось, что ты, которую я такъ любила, любила болѣе, нежели самое себя, ты забудешь меня.... Но я успокоилась.... будь—чтó будетъ... видно не возвратить того, чтó уже давно унеслось въ вѣчность. Вотъ въ чемъ дѣло, моя милая, начала Александра Семеновна. Ты уже знаешь, что Вася завтра хочетъ ѣхать къ графу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ познакомится съ нами: ему пріятно будетъ у насъ, благодаря такимъ людямъ, какъ Новоселовъ и твой братъ, съ которыми онъ будетъ бесѣдовать объ ученыхъ предметахъ. Но кто знаетъ? можетъ быть ты ему понравишься... Ахъ, Варя! я безъ волненія не могу вспомнить объ этомъ! Представь себѣ, графъ! роскошный домъ, аристократическая обстановка, щегольскіе экипажи.... пойми, мой другъ, какая жизнь ожидаетъ насъ всѣхъ! Онъ человѣкъ богатый, у тебя у самой прекрасное состояніе. Мы могли бы всѣ заграницу ѣздить, въ Петербургъ, ужъ я не знаю куда! Охъ! мои нервы не выносятъ этихъ картинъ. Господи! вдругъ обратилась она къ образу: неужели для меня нѣтъ радости въ жизни.... Нѣтъ! ты щедръ, долготерпѣливъ и многомилостивъ....

Затѣмъ началось нѣчто въ родѣ репетиціи для Варвары Егоровны: тётя принялась ее учить, какъ можно дальше дер-

жать себя отъ графа, но такъ однако, чтобы ни въ какомъ случаѣ не терять его изъ виду; не позволять ему цѣловать ни одного своего пальчика, поменьше съ нимъ разговаривать, ходить постоянно съ куклой въ рукахъ и разъ навсегда сказать графу, что папаша ей и думать не приказалъ о замужествѣ прежде, нежели ей исполнится 20 лѣтъ, на томъ основаніи, что только съ двадцатилѣтняго возраста дѣвушка начинаетъ входить въ смыслъ. А если Варвара Егоровна замѣтитъ, что графъ начинаетъ увлекаться ею, тогда еще болѣе надо его томить и мучить; самой же быть холоднѣй и неприступнѣй...

IV.

ПОѢЗДКА.

Съ восходомъ солнца въ барскомъ домѣ все начало пробуждаться; кучера повели поить лошадей; горничныя принялись бѣгать изъ кухни въ домъ и обратно съ накрахмаленными юбками, утюгами, ботинками; кузнецъ справлялъ стоявшую у крыльца коляску; по двору бродили больные грачи—питомцы Александры Семеновны. Старикъ Карповъ давно проснулся и, утираясь полотенцемъ, посматривалъ изъ своего кабинета, какъ водовозъ запрягалъ лошадь; онъ спрашивалъ, почему въ водовозку не запрягаютъ другую лошадь, и отъ чего наливка, которую черпаютъ воду, никогда не привязывается къ бочкѣ; мимо барина, по направленію къ саду, съ низкими поклонами, прошли деревенскія бабы съ люльками за плечами и заступами въ рукахъ; впереди ихъ шелъ садовникъ, сѣдой старикъ, въ бѣломъ фартукѣ: баринъ сдѣлалъ и ему нѣсколько вопросовъ; завидѣвъ вдали медленно шедшихъ мужиковъ безъ шапокъ, баринъ приказалъ подавать себѣ одѣваться. Во флигелѣ, при громкомъ кудахтаньи куръ, молодой Карповъ, лежа въ постели спрашивалъ лакея:

— Барыни встали?

— Никакъ нѣтъ; баринъ поднялся: они съ мужиками занимаются.

— Андрей Петровичъ! громко крикнулъ Василій Егорычъ.

— Чего? послышался хриплый голосъ изъ другой комнаты.

— Вы проснулись?

— Проснулся.

— Хорошо спали?

— Великолѣпно. Что̀ это у васъ за пискъ на потолкѣ?

— Крысы; должно быть, у нихъ идетъ борьба за существованіе; флигель старинный: цѣлыя поколѣнія развелись.

Василій Егорычъ накинулъ халатъ и вышелъ въ залу, гдѣ отворилъ всѣ окна, выходившія въ садъ: тамъ, среди кустовъ сирени и акацій бродили насѣдки съ цыплятами, чирикали воробьи и распѣвали пѣтухи.

— Андрей Петровичъ! какая, батюшка, погода! ни одинъ листокъ на деревѣ не шевельнется. Тю-тю-тю! вдругъ закричалъ Василій Егорычъ: Иванъ! впусти сюда щенка.

Лакей Иванъ отворилъ дверь и въ залу вошелъ маленькій, чорный щенокъ, пригибая голову передъ хозяиномъ и ласково виляя хвостомъ. Василій Егорычъ взялъ его на руки и поцѣловалъ въ голову.

— Гдѣ это вы были? гдѣ таскались?

— Съ кѣмъ вы тамъ разговариваете?

— Вотъ съ дорогимъ гостемъ: посмотрите, что́ за прелесть!...

Василій Егорычъ внесъ щенка въ комнату Новоселова и положилъ его на постель.

— Это Варинъ... Я не знаю, какъ онъ сюда попалъ: имъ въ саду выстроена будка. Варя страшная любительница по части куръ, голубей, собакъ и всякой твари. Вы посмотрите, глазки какіе!

— Да! я ужъ не разъ думалъ объ этомъ, говорилъ Новоселовъ, прикрывая щенка одѣяломъ: у животныхъ гораздо лучше глаза, чѣмъ у многихъ людей.

— Это вѣрно! у какого-нибудь московскаго сановника или у Ударъ-Ерыгина съ Кузнецкаго моста—глаза, чортъ знаетъ, на что похожи: точно у аллигатора.... впрочемъ и у этого земноводного они хоть любопытнѣй и не столь отвратительны.... Вотъ окружу себя здѣсь безсловесными животными и буду жить, какъ натуралистъ Франклинъ.... погружусь въ химію, буду производить разные анализы.

— Въ послѣднее время, началъ Андрей Петровичъ: этихъ городовъ признаться я видѣть не могъ. Пробовалъ перебраться въ Москву, но въ Москвѣ еще больше безобразій, нежели въ Петербургѣ: татарщина въ полномъ разгулѣ, съ примѣсью какого-то старушечьяго мистицизма и капустнаго запаха.... Я было-думалъ въ Москвѣ опредѣлиться на службу; но съ однимъ университетскимъ дипломомъ, какъ оказалось, хоть лобъ разбей — ничего не сдѣлаешь: надо сперва нѣсколько разъ забѣжать съ задняго крыльца къ графинѣ Чертопхановой; при томъ на естественниковъ смотрятъ, какъ на антихристовъ... Пытался пробовать счастье въ губернскихъ городахъ, хоть въ писцы посту-

пить.... но тамъ все играетъ въ карты, пьянствуетъ, и спитъ послѣ обѣда.... Объ уѣздныхъ городахъ и говорить нечего: тамъ ведутъ еще рѣчь о томъ, что правда-ли дескать земля вертится?

— Экая мерзость! вздохнувъ сказалъ Василій Егорычъ, задумчиво глядя въ окно.

— Я признаться только и пришелъ въ себя, какъ очутился въ деревнѣ: вы не можете себѣ представить, до чего доходила моя радость при видѣ этихъ полей, березовыхъ рощицъ, грачей и т. д.

Лакей принесъ газеты и объявилъ:

— Съ почты привезли....

— Ну-ка посмотримъ, что новенькаго? сказалъ Василій Егорычъ, срывая обертки съ газетъ: все объ обрусеніи толкуютъ. «Въ ущеліи, читалъ онъ, духовное лицо говорило проповѣдь абхазцамъ, — на лицахъ которыхъ выражалось умиленіе». Ха, ха, ха!... Абхазцы умилились наконецъ... Они должно быть съ умиленіемъ посматривали на проповѣдника, заряжая винтовки...

— Ну-ка, нѣтъ ли еще чего? проговорилъ Новоселовъ.

Василій Егорычъ читалъ;

«Прискорбный случай; одинъ изъ здѣшнихъ врачей, оказавъ помощь больному старцу, забылъ бѣдную обстановку и горе несчастной 17-лѣтней дочери больного...,

— Оставьте, чортъ съ ними! проговорилъ Новоселовъ. Лаская щенка, онъ продолжалъ: недавно я ѣхалъ на перекладныхъ съ однимъ офицеромъ; онъ мнѣ разсказывалъ такія мерзости изъ столичной жизни, что я съ удовольствіемъ засматривался на первую попавшуюся ветлу, даже на лежавшую въ ямѣ свинью, которая, въ моихъ глазахъ, была несравненно чище и опрятнѣе всѣхъ этихъ столичныхъ шалопаевъ...

Новоселовъ всталъ и началъ натягивать сапоги, декламируя;

Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно;
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано!...

— Впрочемъ, какъ не дано? продолжалъ онъ: совершаемъ кое-что: грабимъ бѣдныхъ, ѣздимъ въ каретахъ, да еще слывемъ за передовыхъ людей. А грабежи производимъ благопристойнѣйшимъ образомъ...

— «Завлеченіе обманомъ дѣвицы въ публичный домъ», читалъ Василій Егорычъ: «грустный случай: молодая, образованная дѣвушка пріѣхала въ Петербургъ для пріисканія себѣ мѣста учительницы и публиковала о томъ въ газетахъ»...

— Бросьте! я знаю, что дальше!

— Что? спросилъ молодой человѣкъ.

— Ну, вскорѣ къ ней явился «передовой» господинъ...

Василій Егорычъ зачиталъ: «вскорѣ къ ней явился приличный господинъ»... Тьфу!

— Да ну ихъ къ чорту!

Василій Егорычъ скомкалъ газеты и бросилъ ихъ на полъ. Новоселовъ началъ подвязывать передъ зеркаломъ галстухъ.

— Вотъ этихъ бы господъ въ соху-то! крикнулъ изъ другой комнаты Василій Егорычъ.

— Они дѣломъ занимаются; просвѣщаютъ отечество...

— Если бы я имѣлъ подобающую власть, выстроилъ бы гдѣ-нибудь въ степи избы, завелъ бы сбрую, и непремѣнно запрягъ бы въ соху — этихъ «прогрессистовъ».

— Да вѣдь не станутъ работать, все перековеркаютъ!

— Что значитъ вольный хлѣбъ-то!

— А главное, даровой!.. прибавилъ Андрей Петровичъ. Однако сегодня мы хотѣли ѣхать къ какому-то графу.

— Да, да!

— Ужъ коляску приготовили, сказалъ лакей.

— Съ какой стати мнѣ-то?

— Пожалуйста, Андрей Петровичъ: дамы просили... Нельзя... да мы къ нему на одну минуту; сдѣлаемъ визитъ и только... Вы такъ въ своемъ костюмѣ и поѣдете, намъ съ этимъ графомъ церемониться нечего: если онъ порядочный человѣкъ, мы готовы съ нимъ завести знакомство, а если дрянь, такъ повернемъ назадъ оглобли. Мнѣ думается, не созналъ ли этотъ господинъ всю пошлость окружающей его среды, не хочетъ ли онъ выйти на путь истинный... онъ, видите, ударился въ естественныя науки; признакъ добрый; не свершился ли съ нимъ переломъ? А впрочемъ, кто его знаетъ? Не мудрено и то, что въ петербургской гостинницѣ ему подали счетъ, въ которомъ значилось невѣроятное количество шампанскаго, гатчинскихъ форелей и т. п., онъ вдругъ и взялся за естественныя науки: вѣдь теперь въ окнахъ всѣхъ модныхъ магазиновъ торчатъ книги: «Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ», «Міръ до сотворенія человѣка», «Ледники» и пр.

— А вы однако, Василій Егорычъ, распорядитесь на счетъ лошади и сохи.

— Ахъ да! съ величайшимъ удовольствіемъ. Эй, Иванъ! пошли старосту. Я и для себя тоже велю приготовить соху: это вы великую истину открыли: — гдѣ-то я читалъ, что гораздо больше умираетъ людей отъ обжорства, нежели отъ голода, и это я приписываю тому, что мы ничего не дѣлаемъ, не работаемъ, а только ѣдимъ, пьемъ и катаемся... Отъ чего у какой-

нибудь аристократической барышни шея держится чуть не на ниточкѣ и вся она похожа на копченую сельдь? отъ того, что не работаетъ, а сидитъ, да сплетничаетъ, да по 6-ти блюдъ за обѣдомъ кушаетъ....

Вошелъ староста.

— Слушай, Агаѳонъ: приготовь, другъ любезный, двѣ сохи и двѣ лошади.

— Слушаю.

— Для насъ вотъ съ Андреемъ Петровичемъ... да оставь недалеко отъ дому десятинъ двадцать пару, чтобы мужики не пахали..

— Для вашей милости?

— Для нашей, сударь, милости...

— Стало быть, мужики будутъ пахать?

— Да мы, мы! понимаешь?

Староста отъ смѣху закрылъ свой ротъ ладонью и проговорилъ:

— Чудны вы, Василій Егорычъ!

— Вотъ тебѣ чудны! пришло, братъ, время: пора и господъ запрягать въ соху. А лошадей выбери такихъ, которыя бы насъ учили пахать... Какъ нужно покрикивать на нихъ во время пахоты?

Староста снова фыркнулъ.

— Ну, скажи!...

— Да стало быть: *вылѣзъ!* Ой, ой, ой!... Чудные вы, право слово,...

— А еще какъ?

— *Возьмъ, ближе!* хи-хи-хи...

— Ну и отлично.

Лакей доложилъ, что чай готовъ.

Молодые люди отправились въ домъ. На крыльцѣ, въ бѣломъ платкѣ, съ розовымъ поясомъ стояла Варвара Егоровна, окруженная разными животными, которымъ она раздавала хлѣбъ; рядомъ съ ней стояли двѣ крестьянскія бабы, одна изъ нихъ держала на рукахъ ребенка. Василій Егорычъ, поцѣловавъ сестру, прошелъ въ домъ; Новоселовъ остался на крыльцѣ.

— Видите, Андрей Петровичъ, заговорила дѣвушка: собаки на васъ не бросаются, какъ вчера; отъ того, что я здѣсь: онѣ меня боятся...

— Вашъ братъ мнѣ говорилъ, что вы любите животныхъ: это васъ рекомендуетъ съ отличной стороны...

— Я ихъ очень люблю. Вотъ посмотрите, Андрей Петровичъ: у этой бабочки ребенокъ боленъ: не знаете ли, чѣмъ полечить?

— Она изъ вашего села?

— Изъ нашего: одна-то—моя кормилица.... она и привела эту бабочку...

— Ну, русскій гражданинъ, позволь на тебя взглянуть, обратился Новоселовъ къ младенцу, котораго мать торопливо развертывала. Ребенокъ съ корою золотухи, на головѣ, съ запекшимися устами, тихо стоналъ. Вотъ эти ножки, Варвара Егоровна, посмотрите, продолжалъ Новоселовъ, обуются въ лапотки, будутъ ходить за сохой, за обозами въ крещенскій морозъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ при вытаскиваніи пеньки изъ рѣки промокать, опухать, покрываться язвами отъ простуды и отъ скорбута вслѣдствіе плохой пищи, и эти подвиги будутъ совершаться на тотъ конецъ, чтобы намъ съ вами было хорошо.

— Вы помогите ему... съ участіемъ промолвила барышня.

— Чѣмъ же я помогу? вы видите, какова мать-то?

— Что вы ѣдите, тетушка?

— Лебеду, касатикъ, сказала баба.

— Значитъ ребенку не жить на свѣтѣ; а вотъ придетъ рабочая пора, крестьянскія дѣти будутъ умирать, какъ мухи.

— Ступайте, сказала барышня бабамъ: сегодня я пришлю къ вамъ горничную. Бабы поклонились и пошли.

— Итакъ, сегодня вы ѣдете къ графу? сказала Варвара Егоровна Новоселову.

— Вотъ какъ! ужъ васъ, кажется, занялъ графъ?

— Нисколько! Я такъ...

Послушайте, Варвара Егоровна, вотъ вамъ мой искренній совѣтъ: не увлекайтесь этой пустой, исполненной бездѣлья и тоски—свѣтскою жизнью: извратятся всѣ ваши добрые инстинкты; да вы и не годитесь для свѣта. Будьте тѣмъ, чѣмъ создалъ васъ Богъ; повѣрьте, счастье къ вамъ будетъ ближе...

— Да съ чего вы взяли, что я занята графомъ?..

— Я говорю въ видахъ предостереженія, изъ желанія вамъ добра... Впрочемъ извините...

— Ну, хорошо, извиняю... пойдемте пить чай. А не правда ли, какая сегодня славная погода? Вамъ будетъ весело ѣхать...

Дамы, зазвавъ Василія Егорыча въ кабинетъ упрашивали его пригласить графа къ себѣ и выбросить изъ своей головы предразсудки на счетъ аристократовъ: графъ нисколько не виноватъ, что родился въ великосвѣтской средѣ; поэтому бросать камень въ невинное существо не слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе поддерживать сословную вражду — въ нашъ просвѣщенный вѣкъ—недостойно порядочнаго человѣка.

Наконецъ четверня лошадей, запряженная въ крытую коляс-

ку, сдѣлавъ нѣсколько туровъ около барскаго дома, подъѣхала къ крыльцу. Все семейство вышло провожать молодыхъ людей. Старикъ Карповъ разспрашивалъ кучера:

— Съ лѣвой стороны какой же у тебя...

— Косоурый... изъ Лебедяни...

— Рессору-то подвязалъ?..

— Варя! Варя! отойди! кричали дамы дѣвушкѣ, которая гладила рукою лошадь.

— Осторожнѣй, мой другъ, сказалъ отецъ.

— Ничего, папочка: онъ смирный. Петръ! обратилась Варвара Егоровна къ кучеру: ты не шибко поѣзжай и не смѣй стегать лошадей; а то я тебя тогда!...

— Ну, до свиданія...

— Какъ я вамъ завидую, господа, говорила Карпова: когда же вы вернетесь оттуда?

— Если намъ тамъ будетъ хорошо — пожалуй останемся обѣдать, а къ чаю сюда...

— Вася, смотри-же... во что бы то ни стало.

— Понять не могу, зачѣмъ я-то ѣду? высунувъ голову въ окно, говорилъ Новоселовъ.

— Ну, сидите ужъ!.. Пахарь!..

— Петръ! Пошелъ!

— Прощайте.

Четверня тронулась, и коляска понеслась по направленію къ церкви, завернула налѣво подъ гору и скрылась.

— Боже мой! со мной просто лихорадка! съ такимъ нетерпѣніемъ я жду развязки, чѣмъ все это кончится, сказала Александра Семеновна.

— Я въ восторгѣ! воскликнула Карпова: вотъ когда начнется жизнь-то... А за все это надо благодарить вотъ кого... Карпова обняла мужа и начала цѣловать его въ глаза; старикъ покорно наклонился къ женѣ и проговорилъ: «Чтожъ съ вами дѣлать? не сдѣлай по вашему — мнѣ житья тогда не будетъ...»

Всѣ принялись цѣловать старика.

— Варя! сказала Александра Семеновна дѣвушкѣ, которая пробиралась въ садъ: пойдемъ-ка на верхъ... я тебѣ что-то скажу...

— Тётя, милая! умоляющимъ голосомъ воскликнула Варвара Егоровна: я сейчасъ приду. Я только немножко покачаюсь....

— Послушай, mon amie: теперь эти качели и своихъ деревенскихъ подругъ надо будетъ оставить... C'est impossible, ma chère...

— Ну вотъ еще! сказалъ старикъ: что графъ — такъ и за-

сѣсть на пищѣ святого Антонія!.. Ступай, Варя! качайся... Если онъ добрый человѣкъ, я готовъ съ нимъ дѣлить хлѣбъ-соль, а если онъ выскочка, какой-нибудь франтъ съ Невскаго проспекта— Богъ съ нимъ совсѣмъ...

Варвара Егоровна завидѣла въ концѣ сада дворовыхъ дѣвицъ и устремилась къ нимъ. Вскорѣ послышалась гармонія и звонкій смѣхъ. Старикъ приказалъ запречь для себя лошадь въ бѣговыя дрожки, намѣреваясь проѣхать въ поле. Дамы съ зонтиками въ рукахъ отправились въ садъ.

Коляска неслась по полю, среди колосившейся ржи, изъ которой выглядывали голубые васильки, бѣлые колокольчики полевого плюща, похожіе на бабочекъ, летавшихъ по межамъ; среди однообразнаго, глухого топота лошадиныхъ копытъ иногда слышался крикъ перепела и вслѣдъ за этимъ вдругъ появился ястребъ, повертывая своей головой надъ самой рожью, какъ бы отыскивая смѣлую птицу: но перепелъ, при видѣ зловѣщей тѣни, мелькнувшей надъ его головой, смолкалъ надолго, вѣроятно пользуясь быстротою своихъ ногъ. Мимо коляски проносились полянки зеленѣющаго овса, льна и бѣлой гречихи, мелкіе дубовые кусты, овражки съ маленькими пасѣками, наконецъ потянулись деревни съ гурьбою нищихъ и неумолкаемымъ лаемъ собакъ; стоя передъ угрюмыми, закоптѣлыми окнами избы, держа въ рукахъ посохи, нищіе пѣли, какъ «солнце и мѣсяцъ померкали, часты звѣзды на землю падали, и какъ Михаилъ-свѣтъ Архангелъ трубилъ въ семигласную трубу»; очевидно, пѣсня грозила готовой развалиться избушкѣ страшнымъ судомъ; избушка смиренно слушала грозную пѣсню, какъ бы чувствуя за собой множество недоимокъ, за которыя придется ей тошно на томъ свѣтѣ.

Коляска продолжала мчаться по бревенчатымъ мостикамъ, мимо шумящей мельницы, прятавшейся въ лозиновыхъ кустахъ, гдѣ жалобно пищали кулики, мимо барскихъ домовъ съ маркизами и балконами, на которыхъ сидѣли барыни и кавалеры.

Наконецъ, во всей своей красѣ открылся графскій домъ съ огромнымъ садомъ, изъ котораго высоко поднимались столѣтніе осокори, тополи и сосны. Надъ домомъ развѣвался флагъ.

Н. Успенскій.

ЗЕМСТВО

И

НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

Вѣсть объ открытіи министерствомъ народнаго просвѣщенія образцовыхъ дву-и одноклассныхъ школъ для народнаго образованія обрадовала всѣхъ, и надобно думать, что этимъ шагомъ начнется наконецъ исполненіе той обязанности, которая возложена на министерство указомъ правительствующаго сената 6-го марта 1867 года, гдѣ именно говорится: «министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется войти въ ближайшее соображеніе о мѣрахъ, какія надлежитъ принять въ видахъ сохраненія на будущее время училищъ и школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ».

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 29 мая 1869 года, постановлено, для развитія начальнаго образованія между сельскимъ населеніемъ въ 33-хъ губерніяхъ, гдѣ открыты земскія учрежденія, вносить въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія сверхъ суммъ, ассигнованныхъ на народныя училища, еще по 306 тысячъ ежегодно.

На счетъ этой суммы въ каждой изъ означенныхъ губерній имѣютъ быть открыты 3 школы одноклассныхъ и одна двухклассная. Итакъ, сознаны необходимость и возможность удѣлить извѣстную долю государственныхъ доходовъ для истинно полезнаго дѣла. Теперь, когда мы съ помощію желѣзныхъ дорогъ сблизились тѣснѣе съ Европою, когда мы открыли себя, намъ предстоитъ открытое и свободное соперничество съ просвѣщен-

нѣйшими народами и намъ невыгодно будетъ вступить въ эту борьбу безъ лучшаго орудія, безъ образованія; мы будемъ съ перваго шагу побѣждены, и если народъ нашъ не выучится русской грамотѣ, то будетъ вынужденъ учиться хоть по-нѣмецки, какъ выучился народъ по-нѣмецки въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ наставники за свой трудъ сдѣлались господами своихъ учениковъ. Застигнутые врасплохъ, преслѣдуемые нѣкоторыми опасеніями, пересмотримъ дѣло о народномъ образованіи, всплывшее теперь на поверхность. Мы не будемъ вспоминать давняго, темнаго, но скажемъ, что, до введенія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, сельскія школы содержались на счетъ крестьянскихъ обществъ, подъ вѣдѣніемъ министерства государственныхъ имуществъ; государственные крестьяне вносили обязательно налогъ на общественныя надобности, не понимая, что извѣстная доля его назначается на ихъ школы; учительскія обязанности возлагались исключительно на духовенство.

Съ открытіемъ земскихъ учрежденій отмѣненъ установленный общественный налогъ для поддержанія школъ, и положеніемъ 1-го января 1864 года, земство призвано къ участію въ народномъ образованіи, какъ наиболѣе заинтересованное въ судьбѣ крестьянъ, тѣхъ же земскихъ людей.

Указомъ правительствующаго сената, 6-го марта 1867 года, земству также поручено принять мѣры къ поддержанію школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ.

Земскія собранія принялись за дѣло безъ подготовки, безъ практическихъ свѣдѣній и на первое время, увлекаясь теоретическими воззрѣніями, судили отвлеченно, пока языкъ крестьянъ былъ понятъ и объяснились ихъ дѣйствительныя нужды и средства.

Послѣ продолжительныхъ преній въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ мы пришли къ такимъ заключеніямъ: а) намъ нужно изучить въ точности положеніе крестьянъ, узнать въ особенности, какъ они относятся къ средству, имъ предлагаемому для улучшенія ихъ положенія; б) безъ этихъ свѣдѣній наши системы народнаго образованія и мѣры къ распространенію его окажутся непримѣнимы; в) когда бы, наконецъ, мы имѣли всѣ вѣрныя и точныя свѣдѣнія, еслибы даже придуманныя системы и были вполнѣ удовлетворительны — все это окажется лишнимъ, если у насъ нѣтъ денегъ и мы не знаемъ, откуда ихъ взять.

Въ настоящей нашей статьѣ мы не думаемъ развивать новыя теоріи, организировать на бумагѣ стройную администрацію школъ, но мы желаемъ объяснить *отношеніе земства вообще*, и *крестьянскаго сословія въ особенности*, *къ школамъ*, *обсудить*

мѣры нынѣ принятыя и принимаемыя къ распространенію народнаго образованія и къ уходу за нимъ, и, наконецъ, о средствахъ для устройства школъ. Мы будемъ смотрѣть на предметъ съ земской точки зрѣнія: земство, нѣкоторымъ образомъ, обязано исцѣлить въ своей средѣ тотъ жалкій недугъ, который называется невѣжествомъ. Пробуя со всѣмъ усердіемъ всѣ предписанныя къ тому средства, пробуя и свои собственныя, сподручныя, домашнія и, наконецъ, разсматривая отправленія страждущаго организма со всѣхъ сторонъ послѣ многихъ, большею частію неуспѣшныхъ, опытовъ, оно пришло къ слѣдующему положительному убѣжденію: чтобы помочь больному, нужно прежде правдиво и откровенно высказать всѣ симптомы болѣзни, не скрывая ничего, какъ бы ни было тягостно это сознаніе, а потомъ нужно давать ему надежныя лекарства, какъ бы они ни были горьки и противны. Только правдивыя данныя, собранныя безъ предубѣжденія, безъ задней мысли, у постели больныхъ могутъ послужить вѣрными указаніями для тѣхъ, которымъ принадлежитъ право распоряжаться аптекою просвѣщенія.

Надобно сознаться, что у насъ нѣтъ недостатка въ присмотрѣ и мѣрахъ предосторожности. Чтобы защитить, наприм., больныхъ невѣдущихъ отъ разныхъ вредныхъ вліяній, мы назначаемъ имъ весьма строгую діэту, не позволяемъ никакихъ лишнихъ звуковъ и движеній, чтобы не мѣшать сну больного— но у насъ нѣтъ денегъ, чтобы купить лекарство, чтобы содержать больного хотя бы на тощей діэтѣ, и больной, за недостаткомъ средствъ, долженъ лежать на полу, лишенный чистаго, свободнаго воздуха, и кромѣ того онъ испытываетъ на себѣ, въ видѣ пробы, разныя средства, рекомендуемыя ему со всѣхъ сторонъ. У него впрочемъ—болѣзнь, въ опредѣленіи которой ошибиться нельзя; больной постоянно твердитъ: денегъ у меня нѣтъ и мнѣ тяжело; я не знаю, какъ поднять свою ношу, научите меня и помогите моему невѣдѣнію.

Будемъ говорить откровенно и единственно съ цѣлію быть полезными святому дѣлу; голосъ земства долженъ быть правдивъ и вѣренъ: ему дано право говорить о своихъ пользахъ и нуждахъ, доставлять свѣдѣнія о всемъ, что̀ касается до его благосостоянія, до развитія промысловъ, до народнаго образованія, и если свѣдѣнія его ошибочны и невѣрны, они могутъ подать поводъ правительству къ принятію мѣръ также невѣрныхъ, и грѣхъ останется на душѣ того земства, которое дурно поняло свои интересы. Земству не принадлежитъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію; но его дѣло говорить откровенно, чистосердечно

о своемъ положеніи, молить и просить, чтобы усердная его молитва была услышана свыше.

Съ тою же откровенностію мы сознаемся, что иногда принятыя мѣры ошибочно восхваляются даже оффиціально, съ указаніемъ счастливыхъ результатовъ; но эти успѣхи, если они и были, именно зависѣли отъ того, что указанная мѣра обойдена, что законъ примѣнялся иначе; или можетъ быть потому, что, дѣлая благопріятные отзывы о результатахъ того или другого постановленія, мы думаемъ отвѣчать видамъ правительства, понимая ложно интересы его. Мы не ошибемся, если скажемъ, что всякія правительственныя указанія должны быть вѣрно и съ точностію выполнены и съ тою же точностію смѣло и правдиво должны быть переданы свѣдѣнія о послѣдствіяхъ указанной мѣры, тѣмъ болѣе, что законъ, являющійся въ видѣ временныхъ правилъ, нуждается въ повѣркѣ и вѣрномъ отчетѣ его примѣненій, чтобы сдѣлаться потомъ закономъ постояннымъ, твердымъ и неизмѣняемымъ. Дѣлая иначе, мы введемъ въ заблужденіе правительство и будемъ виновниками собственнаго несчастія.

Оговоривши это, мы сообщимъ теперь все, что мы видѣли, испытали, и все, что мы узнали на дѣлѣ о народныхъ школахъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Школами завѣдываютъ: земство, училищные совѣты, приходскія попечительства, учебное вѣдомство, духовенство, разныя общества и сословія и, наконецъ, всякъ, кто можетъ построить школу и содержать ее. Конечно, это дѣло свободное, не казенное; всякъ, повидимому, имѣетъ право учить тому, что̀ онъ вѣдаетъ, лишь бы нашлись охотники учиться; такъ учатъ разнымъ мастерствамъ, искусствамъ, учатъ молиться Богу, считать и записывать, и кажется для народа этого достаточно, хотя бы въ этомъ видѣ грамотность ему была предоставлена вдоволь на первомъ шагу его образованія. Въ нашемъ положеніи можно бы сказать: пусть учитъ кто хочетъ и какъ можетъ, лишь бы было побольше грамотныхъ. Свобода здѣсь совершенно справедлива, и тѣмъ болѣе, что правительство не содержитъ само крестьянскихъ школъ, и грамотность, сама по себѣ, не предоставляетъ никакихъ правъ и привилегій; но правительство имѣетъ надзоръ за народнымъ образованіемъ: эту обязанность оно возложило на разныя вѣдомства.

Училищные совѣты, земскія учрежденія, церковно-приходскія попечительства и, въ послѣднее время, инспекторъ училищъ призваны къ веденію народнаго образованія; главнымъ же образомъ обязанность эта возлагается на училищные совѣты: имъ поручается не только учебная часть, но, судя по проекту наказа

для училищныхъ совѣтовъ, имѣется въ виду предоставить имъ же и надзоръ въ хозяйственномъ отношеніи. Уѣздный училищный совѣтъ составляется изъ членовъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, духовнаго вѣдомства, двухъ членовъ отъ земства и по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя народныя школы. Въ уѣздныхъ совѣтахъ Харьковской губерніи считаются отъ 5 до 7 членовъ, въ числѣ ихъ: 1 священникъ, 1 исправникъ, 1 штатный смотритель; прочіе же члены отъ земства и городовъ — землевладѣльцы и купцы.

Губернскій совѣтъ составляютъ: губернаторъ, два члена отъ земства, директоръ училищъ (а по новому положенію инспекторъ народныхъ школъ) и епархіальный архіерей, какъ первенствующій членъ.

Уѣздный училищный совѣтъ собирался въ годъ 2—3 раза, и всякій разъ лишь на одно или на два засѣданія. Члены изрѣдка бывали въ уѣздѣ и это очень понятно: штатный смотритель занятъ своимъ дѣломъ въ уѣздномъ училищѣ и, не получая денегъ на разъѣзды, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, долженъ оставаться въ городѣ, еслибы даже и желалъ быть полезнымъ дѣлу народнаго образованія; члены отъ города, обыкновенно купцы, считаютъ себя здѣсь лишними. Они думаютъ, что и безъ нихъ дѣло обойдется, грамота же товаръ не торговый; члены отъ земства, если они живутъ въ уѣздѣ, то осматриваютъ школы въ своемъ околоткѣ. Священникъ, слишкомъ занятый исполненіемъ духовныхъ и мірскихъ требъ, не имѣетъ ни времени, ни средствъ осматривать школы, раскинутыя въ уѣздѣ. Исправникъ чаще всѣхъ бываетъ въ уѣздѣ, но не для того, чтобы осматривать школы и заботиться о воспитаніи дѣтей — ему нужны сами родители, которыхъ онъ учитъ вносить разные налоги и уплачивать недоимку. Трудно придумать, для чего здѣсь нуженъ исправникъ (а другого члена со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, болѣе пригоднаго, по всей вѣроятности, нельзя назначить); онъ, конечно, не былъ бы лишнимъ развѣ для дисциплинарныхъ взысканій, особенно если бы понадобились для этого розги.

Еще труднѣе созвать губернскій училищный совѣтъ. Въ Харьковѣ онъ имѣлъ 1—2 засѣданія въ годъ; съ 1-го января 1868 года по настоящее время не было *ни одного* засѣданія. Если эти показанія справедливы, то, не входя въ подробности занятій училищныхъ совѣтовъ и не разбирая по пунктамъ проектъ наказа, для нихъ составленнаго, можно легко понять, какъ плодотворна ихъ дѣятельность и насколько примѣнимы правила,

тщательно изложенныя въ помянутомъ наказѣ [1]). Въ училищныхъ совѣтахъ соединены представители многихъ вѣдомствъ, чтобы имѣть въ распоряженіи для пользы дѣла всѣ мѣры: духовныя, педагогическія, хозяйственныя и полицейскія, необходимыя для того, чтобы утвердить въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять полезныя знанія.

Очевидно, что составъ этого учрежденія слишкомъ сложенъ и разнообразенъ; каждый изъ его членовъ занятъ своимъ дѣломъ, а дѣло народнаго образованія остается назади, какъ «дитя безъ глаза у семи нянекъ». Очевидно, что училищный совѣтъ напоминаетъ собою прежніе, номинально существовавшіе, по губерніямъ и уѣздамъ, разные комитеты и коммиссіи,—какъ то: комитетъ здравія, оспенный, дорожный и проч., членами которыхъ были лица разныхъ вѣдомствъ и сословій.

Повидимому, въ настоящее время желаютъ исправить составъ училищныхъ совѣтовъ: членомъ губернскаго училищнаго совѣта назначается *инспекторъ народныхъ и уѣздныхъ училищъ*, какъ главный правительственный агентъ; ему назначается жалованье и на разъѣзды, слѣдовательно онъ принимаетъ на себя обязательство и отвѣтственность.

Мы не будемъ здѣсь говорить объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, содержимыхъ на суммы министерства народнаго просвѣщенія, но скажемъ о будущихъ отношеніяхъ инспектора къ школамъ, содержимымъ отъ земства или общества, и хотя обязанности его еще не опредѣлены особою инструкціею, но судя по проекту наказа для училищныхъ совѣтовъ, безъ сомнѣнія, при своихъ разъѣздахъ, ему нужно будетъ:

1) Собрать свѣдѣнія о состояніи школъ; 2) убѣдиться въ успѣшномъ и правильномъ обученіи дѣтей, и 3) узнать нужды училищъ. Какимъ образомъ соберетъ инспекторъ свѣдѣнія о школахъ, ему нужныя? Отъ уѣздныхъ и казенныхъ приходскихъ училищъ онъ не затруднится требовать свѣдѣній и отчетовъ, но нельзя съ тѣми же требованіями обращаться къ земству и обществу, когда они на свой счетъ содержатъ школы; быть подъ отчетомъ—значитъ не быть хозяиномъ своего добра, это было бы ограниченіемъ права и доброй воли, лишеніемъ самостоятельности тамъ, гдѣ этотъ прерогативъ составляетъ сущность учрежденія. Къ тому же ст. 14 и 28 полож. о народ. училищахъ обязываютъ членовъ училищнаго совѣта (инспектора тоже, какъ члена) собирать самимъ свѣдѣнія на мѣстѣ, при осмотрѣ

[1]) Здѣсь говорится не о личностяхъ, но объ учрежденіи; въ училищныхъ совѣтахъ встрѣчаемъ иногда членовъ вполнѣ преданныхъ своему дѣлу.

училищъ; но можетъ ли инспекторъ осмотрѣть 400 школъ, разсѣянныхъ на пространствѣ всей губерніи и выполнить другія обязанности на немъ лежащія? и къ чему послужитъ его осмотръ и свѣдѣнія имъ собранныя? конечно они будутъ имѣть статистическое достоинство, но ему нужно слѣдить за ходомъ образованія, направлять его, онъ долженъ принять мѣры къ улучшенію училищъ. Допустимъ, что онъ ограничился бы въ отношеніи къ обществу, содержащему школу, одними лишь замѣчаніями и совѣтами, но къ чему эти совѣты послужатъ? Положимъ, что, осматривая такое-то училище, онъ найдетъ, что грамота идетъ туго, учитель, какой-нибудь отставной унтеръ-офицеръ, или причетникъ учитъ дѣтей староцерковнымъ способомъ. Инспекторъ, безъ сомнѣнія, укажетъ на преимущества звукового метода, системы взаимнаго обученія и проч., вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтитъ обществу, что учитель не годится для школы. Инспекторъ правъ, но и общество съ своей стороны справедливо отвѣтитъ; оно, не понимая педагогическихъ тонкостей, скажетъ: мы съ трудомъ собрали 40 р. и наняли себѣ учителя изъ своихъ; мы пробовали нанять въ другомъ мѣстѣ, но съ насъ просятъ 200 руб., гдѣ же намъ ихъ взять, развѣ у дѣтей отнять корову, ихъ кормилицу. Инспекторъ подумаетъ: жаль, а видно, что крестьяне готовы содержать училище и дѣти усердны: несмотря на морозъ, почти полунагія, приходятъ въ школу; еслибы... и онъ отмѣтитъ у себя: «учитель плохъ, нужно бы пріискать лучшаго!!!» Но ему никто не объяснитъ сущности дѣла, что этотъ плохой учитель есть и основатель школы, что, имѣя вліяніе на крестьянъ, онъ уговорилъ ихъ открыть школу. Онъ прельстилъ ихъ бойкимъ чтеніемъ псалтыря и звучнымъ пѣніемъ въ церкви, а можетъ быть и еще чѣмъ-нибудь. Замѣнить такого учителя другимъ, лучшимъ, значило бы нажить сильнаго врага школѣ, оскорбить самолюбіе крестьянъ и уничтожить дѣло въ самомъ корнѣ.

Потомъ инспекторъ обратитъ вниманіе на учебники. Онъ найдетъ разнохарактерные буквари, священныя исторіи, псалтырь; все разумѣется измятое, истертое; онъ замѣтитъ учителю, что букварь не хорошъ, что вотъ тотъ мальчикъ годъ цѣлый сидитъ надъ однимъ псалтыремъ и избилъ его такъ, что трудно разобрать слова. Учитель скажетъ въ свое оправданіе, что книгу эту купилъ отецъ школьника въ Харьковѣ на рынкѣ за двадцать коп. Инспекторъ опять сдѣлаетъ въ своемъ портфелѣ новую замѣтку: «нужны для школы однообразные учебники, это облегчитъ трудъ учителя. Дѣти учатъ только псалтырь, нужно бы имъ доставить и другія книги, кромѣ церковныхъ, для развитія ихъ понятій». Онъ еще отмѣтитъ для себя: «можно, не

требуя отъ обществъ, найти какъ-нибудь средства у себя, удѣлить изъ 2,000 р., назначенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на учебныя пособія народнымъ школамъ», и здѣсь онъ, вмѣсто знаковъ восклицанія, поставитъ NB, и все-таки изъ отвѣта учителя инспекторъ не узналъ сущности дѣла: отецъ неграмотный, продавши въ Харьковѣ мѣшокъ хлѣба, купилъ въ подарокъ сыну книгу съ картинкою и далъ ему, чтобы онъ читалъ въ школѣ; сказать крестьянину, что его книга не годится, что сынъ его долженъ учиться по другой книгѣ, значило бы оскорбить родительское чувство, и крестьянинъ скорѣе возьметъ сына назадъ, нежели купитъ для него указанную книгу; что же касается псалтыря, то, по мнѣнію крестьянъ, это есть вѣнецъ воспитанія, и если мальчикъ бѣгло прочтетъ въ церкви псаломъ— значитъ воспитаніе вполнѣ закончено, религіозное чувство крестьянъ вполнѣ удовлетворено. Далѣе, инспекторъ, разсматривая книгу, гдѣ отмѣчаются каждодневно результаты ученія, удивится, увидавши, какъ часто дѣти пропускаютъ уроки, не приходятъ въ школу; учитель говоритъ, что часто дѣти по цѣлому мѣсяцу не являются въ школу; виновный же ученикъ приноситъ оправданіе, что мать заставляла нянчить ребенка, меньшого брата, и не пускала въ школу; другой ухаживалъ за теленкомъ, у третьяго свита совсѣмъ разлѣзлась и надѣть нечего; многіе не могутъ сказать причины. Инспекторъ сдѣлаетъ у себя отмѣтку: «ученіе началось въ школѣ съ 1-го октября, а многіе ученики начали являться съ Наума (1-го декабря), а 1-го апрѣля школа закрыта, мальчики отправились съ родителями въ поле, какъ погоничи, или пасутъ скотъ». Инспекторъ все это приметъ къ свѣдѣнію и потомъ спроситъ: отчего у васъ помѣщеніе тѣсно, неудобно и, разспрашивая пристально, онъ узнаетъ, что есть еще общественная изба, болѣе просторная, но она занята подъ общественный кабакъ, а другого помѣщенія крестьяне не имѣютъ и не могутъ построить. Подумаетъ инспекторъ: «для поддержанія этихъ училищъ всего назначено на губернію 1,500 руб.—этой суммы достаточно лишь для того, чтобы побѣлить школы и вставить разбитыя стекла. Нельзя же у крестьянъ насильно требовать деньги, которыхъ у нихъ нѣтъ»; но къ нему приходитъ на помощь счастливая мысль: нельзя ли замѣнить деньги натуральною повинностію. Онъ отправляется за рѣшеніемъ этого вопроса въ волостное правленіе. Тамъ онъ получаетъ отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: крестьяне на сходкѣ приговорили, что пусть строитъ и исправляетъ школы тотъ, чьи дѣти учатся; или: земство уже предлагало на свой счетъ выстроить хорошую школу, лишь бы крестьяне содержали ее, оно даже обѣщаетъ взять на себя по-

ловину содержанія, но крестьяне не согласились; или: окна бьютъ ученики; батюшка (священникъ) рѣдко бываетъ въ школѣ, ученики балуются, мы уже особаго сторожа наряжаемъ, чтобы стеколъ не били и проч. Съ этими свѣдѣніями инспекторъ отправляется въ уѣздный городъ, чтобы прежде переговорить, посовѣтоваться съ училищнымъ совѣтомъ, дополнить и повѣрить собранныя имъ свѣдѣнія, но совѣта, въ коллективномъ его составѣ, онъ нигдѣ не найдетъ; ему удается однако встрѣтить одного изъ членовъ, которому онъ сообщаетъ свои замѣчанія, но, къ сожалѣнію, членъ училищнаго совѣта едва знаетъ о существованіи школы, вовсе не знаетъ, кто тамъ наставникъ и еще менѣе нему и какъ онъ учитъ; быть можетъ, онъ и бывалъ когда-нибудь въ школахъ, кое-что онъ тамъ замѣтилъ, но хорошо не помнитъ; впрочемъ онъ согласится во всемъ съ мнѣніемъ инспектора. Съ этою коллекціею разнообразныхъ свѣдѣній инспекторъ пріѣдетъ въ губернскій городъ, чтобы дать губернскому училищному совѣту отчетъ о своемъ осмотрѣ и представить свои соображенія о мѣрахъ къ улучшенію школъ. Онъ ясно видитъ нужды школъ, что каждой изъ нихъ слѣдуетъ оказать пособіе, но, разсматривая бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, онъ найдетъ, что на губернію по смѣтѣ назначено 9,000 руб, и что изъ этой суммы удѣляется на поддержаніе училищъ содержимыхъ духовенствомъ, земствомъ, обществами и частными лицами всего 1,500 р.; но училищъ, содержимыхъ земствомъ и сельскими обществами, до 400, а съ прочими частными мало извѣстными школами до 700, т. е. всего по 2 руб. на школу!

Теперь спрашивается: для чего же нужно было инспектору посѣщать школу, узнавать ея положеніе и ея нужды, когда онъ не можетъ ни перемѣнить положенія, ни удовлетворить нуждамъ ея: онъ дастъ въ пользу школы 2 р. и проѣздъ его стоитъ тѣже 2 р., если не болѣе. Замѣтимъ еще: здѣсь въ ту сферу, гдѣ дѣлается посильно, по доброй волѣ, является новое лицо съ должностію и обязательствами, лицо чиновное, дисциплинирующее, которое будетъ стремиться подвести учрежденіе подъ уровень съ другими административными, чиновническими учрежденіями: ему нужны порядокъ, правила и формы. Но какъ подвести подъ правила занятія крестьянина въ связи съ его хозяйственными нуждами? Онъ трудится смотря по погодѣ, спитъ гдѣ придется, ѣстъ когда можетъ и что можетъ, и мальчикъ его учится не такъ, какъ слѣдовало бы, но какъ можетъ, насколько его средства и семейныя заботы позволяютъ.

Если крестьянамъ встрѣтится надобность хлопотать о школѣ, они не знаютъ, куда обратиться. Они видятъ кругомъ себя попе-

чителей, заботящихся о ихъ образованіи: общества, приходскія попечительства, земства, училищный совѣтъ, духовенство и наконецъ еще новое административное лицо—инспекторъ. Крестьяне не знаютъ, къ кому лучше обратиться: училищнаго совѣта они не отыщутъ, инспекторъ въ разъѣздѣ; если они обратятся въ земскую управу, то откроется сношеніе съ обществами, съ попечительствомъ, съ училищнымъ совѣтомъ — никто изъ нихъ не спѣшитъ помочь нуждѣ, и наконецъ послѣдуетъ рѣшеніе раціональное: крестьянамъ предоставляется право самимъ позаботиться объ удовлетвореніи своей нужды. Случается, впрочемъ, что крестьяне самовольно пользуются этимъ правомъ: въ одномъ подгородномъ селеніи, вблизи Харькова, малоземельные крестьяне, вмѣсто земледѣлія, занимаются мелкою торговлею и другими промыслами, для чего необходимо требовалась грамота. Не видя нигдѣ помощи, они самовольно открыли у себя школу, наняли учителя, весьма толковаго молодого человѣка; дѣти, около 25 мальчиковъ, усердно посѣщали школу даже въ каникулярное время, и вотъ чего стоило устройство этой школы: нанята у крестьянина комната съ отопленіемъ по 1 р. въ мѣсяцъ, жалованье учителю 40 р., а потомъ за его усердіе прибавлено ему 20 р.; книги покупали родители. Спрашивается: можно ли устроить подобную школу по чиновническому обычаю, когда нужно составлять смѣты, просить разрѣшенія, подавать отчеты и подвергаться контролю? Удивительно при этомъ здѣсь то обстоятельство, что приходскій священникъ не зналъ объ открытіи школы. Глядя на составъ администраціи народныхъ школъ, разнообразный и многосложный, невольно подумаешь: неужели народное образованіе, или лучше сказать, искусство читать и писать такъ трудно и такъ многозначительно, что для него требуется участіе разныхъ вѣдомствъ и обществъ, нуженъ самый тщательный и всесторонній присмотръ и обереженіе. Не вѣримъ этому заключенію, когда вспомнимъ, что болѣе серьезныя, среднія и высшія учебныя заведенія, содержимыя на казенный счетъ, подвѣдомы только одному министерству; многія высшія спеціальныя школы: военныя, инженерныя и проч. подчинены одному своему вѣдомству; но школы народныя, содержимыя на счетъ общественный, вмѣсто того, чтобы быть болѣе независимыми, подвержены: духовному, свѣтскому, ученому, полицейскому и всякому другому безчисленному надзору.

Будемъ откровенны: правительство желаетъ имѣть здѣсь строгій надзоръ, чтобы воспитанію этому не дали превратнаго и вреднаго направленія, несогласнаго съ цѣлями его; но нужно вспомнить, что дѣло здѣсь идетъ о грамотѣ, о письмѣ и счетѣ, что

90 процентовъ учащихся ниже 10-лѣтняго возраста, что 12-тилѣтній мальчикъ въ школѣ составляетъ рѣдкость, онъ уже работникъ въ полѣ. Возможно ли этимъ дѣтямъ, почти дикимъ, дать какое-либо политическое воспитаніе, когда многія изъ нихъ не знаютъ, какъ зовутъ ихъ отца и мать, когда они остаются въ школѣ рѣдко болѣе 2-хъ лѣтъ. Кому извѣстны и положеніе и характеръ нашихъ сельскихъ крестьянъ, бывшихъ долгое время подъ опекою окружныхъ управленій и нынѣ еще состоящихъ подъ страхомъ полицейскаго управленія, тотъ пойметъ, что они давно и надолго отказались отъ своей воли, и они даже не пользуются и не могутъ ею пользоваться тамъ, гдѣ она нужна, что они не понимаютъ закона, и онъ не имѣетъ у нихъ силы и значенія; они считаютъ себя повинными личному приказанію и личнымъ распоряженіямъ полиціи, и если они окажутъ своеволіе, то единственно по невѣдѣнію или вслѣдствіе личныхъ распоряженій и пріемовъ полицейскихъ. Итакъ, именно для того, чтобы удержать законный порядокъ, нужно ихъ подчинить не полицейскому усмотрѣнію, но закону и суду, а для этого нужно народъ образовать, сдѣлать его по крайней мѣрѣ грамотнымъ, тогда только онъ пойметъ свои обязанности, будетъ хранить самъ порядокъ (это есть лучшая полиція), воспользуется правами самоуправленія, ему дарованными, будетъ исправнѣе платить всѣ подати и взнесетъ лепту на свое образованіе, если у казны не станетъ денегъ на этотъ предметъ. Если наконецъ для дѣтей 7 — 12-лѣтнихъ нуженъ надзоръ, нужно слѣдить, чтобы учитель не накормилъ бы ихъ чѣмъ-нибудь вреднымъ,—для этого пусть будутъ надзиратели, невмѣшивающіеся болѣе ни въ какія распоряженія; пусть эти надзиратели, хотя изъ ученаго вѣдомства, имѣютъ свободный входъ въ школу, дабы знать нѣтъ ли чего противозаконнаго; но когда министерство народнаго просвѣщенія само не содержитъ школъ, то пусть и не спрашиваетъ, какъ онѣ содержатся и какъ тамъ учатъ; чрезъ своихъ надзирателей или инспекторовъ оно можетъ узнать, чему учатъ и не даютъ ли дѣтямъ книги для чтенія, неодобренныя цензурою. Если кто-либо преступилъ законъ, пусть составляютъ акты на мѣстѣ и предаютъ виновнаго строгому суду (не полицейскому). Подчинять же школы многосоставному надзору, гдѣ нельзя отыскать отвѣтственнаго лица, значитъ оставить ихъ вовсе безъ надзора.

Дѣтямъ крестьянъ желаютъ дать нравственно-религіозное воспитаніе, и для этого *священники* приглашаются не только какъ законоучители, но и какъ наставники; и даже имъ поручается духовный надзоръ за школами на мѣстѣ и въ училищ-

ныхъ совѣтахъ. Мы ничего бы не сказали противъ этого, еслибы духовные педагоги вполнѣ принадлежали школѣ, и еслибы образованіе народа было прямою обязанностію священниковъ. Правда, что церковь есть наша первая школа: тамъ мы учимся религіи и молитвамъ; въ этомъ отношеніи священникъ есть наставникъ духовный, и если прихожане не знаютъ молитвъ, если они грязнутъ въ суевѣріи, то виною тому духовенство, неимѣющее нравственнаго вліянія на народъ; но мы оставимъ эту сторону, даже извинимъ ему до нѣкоторой степени: оно должно кланяться и угождать своимъ прихожанамъ, чтобы вымолить у нихъ себѣ содержаніе. Обратимся къ педагогической его дѣятельности, именно къ духовно-религіозному воспитанію крестьянскихъ дѣтей въ селахъ.

До открытія земства, въ прежнія времена, сельскія школы на мѣстѣ были въ исключительномъ распоряженіи священниковъ: вѣроятно, имѣлось въ виду сообщить дѣтямъ религіозное воспитаніе, или можетъ быть потому, что болѣе сподручныхъ наставниковъ въ селахъ трудно было отыскать; во всякомъ же случаѣ это, какъ говорятъ, и дешево и сердито. Въ этихъ школахъ, открытыхъ по волостямъ государственныхъ крестьянъ, священники преподавали всѣ предметы, получая жалованья 100 р. въ годъ; главный надзоръ принадлежалъ окружному начальнику. Дѣло шло такъ: устроены были школы на счетъ суммъ министерства государственныхъ имуществъ, выставлена была на фронтонѣ таблица съ крупною надписью; если село удалено отъ почтовой дороги, то школу выдвигали версты за двѣ внѣ села (Цыркуловская школа) на дорогу, дабы проѣзжающее начальство могло видѣть надпись и убѣдиться самолично въ распространеніи народнаго образованія; въ этихъ школахъ было все необходимое устройство, инвентарь книгъ весьма разнообразнаго содержанія, не было только букварей и бумаги въ достаточномъ количествѣ. Главный блюститель, окружный начальникъ, въ своихъ заботахъ по волостному хозяйству находилъ иногда время заглянуть въ школу, гдѣ его высокоблагородіе встрѣчалъ священникъ-наставникъ съ благословеніемъ и просфорою. Онъ бывало изволитъ освѣдомиться, все ли въ порядкѣ, и доволенъ, если окна цѣлы и нѣтъ грязи въ комнатѣ; прочее же его не интересуетъ. Онъ не знаетъ или не желаетъ знать, что въ одномъ училищѣ священникъ, получая сполна 100 р., ни разу не былъ въ школѣ, въ другомъ священникъ навѣдывался раза два въ недѣлю, когда нѣтъ у него погребенія, крещенія и проч., въ третьемъ мѣстѣ священникъ вмѣсто себя посылалъ дьячка, удѣляя ему 20 руб. изъ своего жалованья. Мы и здѣсь должны смягчить упрекъ:

ныхъ, и му занять дѣлами церковными и ненадобно забывать, гдѣ должн ѣстѣ съ причтомъ считается землевладѣльцемъ, онъ ласть зем вести свое хозяйство. Почти каждый изъ нихъ дер-

Над ѣлъ, иногда работаетъ своими руками въ огородѣ и ваньем езъ этихъ хозяйственныхъ занятій, весьма заботныхъ, тогда въ состояніи поддержать свое семейство. Конечно, при детъ ти средствъ, 100 руб. для него весьма интересны; онъ ники елалъ бы лишиться этого дарового дохода. Впрочемъ на том тѣ дѣло высказывалось весьма успѣшнымъ; въ отчетахъ ду-ст наго вѣдомства повторялось тоже утѣшительное представле-р . Въ 1863 — 64 годахъ собирались свѣдѣнія объ училищахъ, одержимыхъ духовенствомъ, судя по которымъ можно было ридти къ той мысли, которую выразилъ г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода въ своемъ циркулярномъ письмѣ къ предсѣдателямъ управъ: «церковно-приходскія училища представляютъ въ настоящее время главное средство для образованія народа, потому что ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ нѣтъ такого числа учащихся» (21,420 школъ съ 413,321 ученикомъ). Справедливо еще и то, что школамъ этимъ, названнымъ *церковно-приходскими*, недостаетъ матеріальныхъ средствъ и онѣ нуждаются въ поддержкѣ. Еслибы всѣ собранныя свѣдѣнія были дѣйствительно вѣрны, еслибы число школъ и учащихся въ самомъ дѣлѣ было такъ велико, мы бы конечно также выразили сожалѣніе, почему эти школы не поддерживаются. Въ 1866 году, уѣздный училищный совѣтъ, основываясь неосторожно на этихъ свѣдѣніяхъ, избралъ лучшую школу въ с. Рогозянкѣ и представилъ губернскому училищному совѣту священника, содержателя ея, къ наградѣ. Вышелъ анекдотъ: по справкѣ оказалось, что такой школы *нѣтъ* и никогда не было. Судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ харьковскаго епархіальнаго вѣдомства, можно пожалуй подумать, что многія школы съ преувеличеннымъ числомъ учениковъ занесены въ реестръ для счета. Неизвѣстно, почему онѣ названы церковно-приходскими; правда, что въ этихъ школахъ учатъ причетники, а мѣсто ихъ по большей части занимаютъ жены и взрослыя дочери, получаютъ они за свой трудъ скромное вознагражденіе деньгами, хлѣбомъ или родительскою послугою; но точно такія же школы, съ тѣми же букварями и псалтыремъ и на тѣхъ же условіяхъ, содержатся отставными грамотными солдатами, мѣщанами, бывшими дворовыми людьми. Справедливость требуетъ сказать, что встрѣчаются въ числѣ духовенства лица, вполнѣ сочувствующія народному образованію, но такихъ немного и разсчитывать на нихъ нельзя. Духовенство слишкомъ занято другими обязанностями и только причетники открываютъ у себя школы ради бѣдности, чтобы со-

ставить себѣ какое-нибудь сре… того, еслибы кихъ изъ этихъ школъ числ… еслибы об… ковъ. Итакъ, основать систе… ценниковъ. духовенства было бы слишком… ы учимся сочетаніе дѣла церковнаго съ ш… есть на… мѣненіи невозможнымъ. Добавимъ … ъ, если лахъ Харьковскаго уѣзда семинарис… имѣю… удовлетворительно; но они не отвлечены … сто… и находятся въ иныхъ отношеніяхъ къ … жно еще надѣяться, что псаломщики будутъ та… ъ у дѣлу. … ія…

Мы съ искреннею признательностію вспомин… деніи одно- и двукласныхъ образцовыхъ школъ на с… нистерства народнаго просвѣщенія. Конечно, 4-хъ та… слишкомъ недостаточно на цѣлую губернію; пусть о… ихъ поболѣе, въ каждомъ сельскомъ обществѣ, хотя … школы и не были образцовыя. Быть можетъ, это только на… и потомъ послѣдовательно будутъ открываться министерство… по селамъ и другія школы; но потребность въ нихъ настоятельна, и дѣло не требуетъ отлагательства. Русскій мальчикъ, котораго до сихъ поръ няньчили и опекали, уже подросъ: ему стыдно ходить въ одной холщевой рубашкѣ, съ веревочкой вмѣсто пояска; уже давнымъ-давно пора его учить—изъ лѣтъ выходитъ: его дѣтская одежда и колѣнъ не достаетъ, стыдно и передъ чужими людьми, которые будутъ къ намъ пріѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ, когда они заглянутъ въ крестьянскія трущобы и узнаютъ наши порядки. Крестьянинъ нашъ часто оказывается грубъ, невѣжественъ, суевѣренъ; но кто же его училъ? онъ выросъ на рукахъ полиціи и чиновниковъ, и теперь, когда позволяютъ ходить самому, онъ невольно, по привычкѣ, ищетъ руководства своихъ опекуновъ. Его перестали пеленать, онъ наконецъ не ребенокъ, признанъ юношею, способнымъ учиться, и къ нему назначаютъ гувернерами тѣхъ же опекуновъ: исправниковъ и другихъ чиновниковъ свѣтскихъ и духовныхъ. Они должны учить и оберегать крестьянское юношество, сообщать ему полезныя и удалять вредныя мысли. Говоря о министерствѣ народнаго просвѣщенія, мы знаемъ, что тамъ чинъ смягченъ образованіемъ, у него есть сродство съ дѣломъ. Оно распоряжается высшими и средними учебными заведеніями, можетъ также распорядиться и низшими; съ этою мыслію мы могли бы помириться, еслибы содержаніе школъ и грамотность были обязательны, но это не возможно: ни въ государственномъ казначействѣ, ни у крестьянъ не найдется средствъ для этого достаточ-

ныхъ, и министерство народнаго просвѣщенія, стоя на почвѣ, гдѣ должно совершиться народное образованіе, вдается въ область земства, котораго добрая воля здѣсь необходимо нужна.

Надобно привлечь земство, но чѣмъ же его привлечь? жалованьемъ? для этого денегъ не станетъ; чинами и отличіями? тогда земскіе люди сдѣлаются чиновниками—на бумагѣ все будетъ хорошо, отчетливо и чинно, у насъ будутъ земскіе полковники и генералы, а крестьяне не возвысятся и останутся въ томъ же грубомъ чинѣ. За недостаткомъ денегъ въ казначействѣ можно бы издержки на народное образованіе отнести въ разрядъ земскихъ обязательныхъ повинностей и это будетъ, повидимому, радикальнымъ средствомъ; но тогда въ собраніяхъ подниметсн страшный шумъ, вновь возникнутъ жгучіе вопросы: объ обязательной грамотности, объ отнесеніи новой повинности въ разрядъ губернскихъ или уѣздныхъ повинностей, о переложеніи ея въ денежную повинность; послѣдній вопросъ наиболѣе труденъ: если повинность будетъ исправляться натурою, то нужно съ одной стороны прекратить на время власть родительскую, а съ другой заставить учителей, или вообще грамотныхъ людей, по очереди или по жеребью, даромъ преподавать въ школѣ, и конечно благоразумнѣе и равномѣрнѣе будетъ переложить повинность на деньги, но тогда потребуется увеличить земскій налогъ до огромныхъ размѣровъ. Чтобы удовлетворить вполнѣ этой вопіющей надобности и чтобы покрыть недоимку, уѣздный исправникъ, какъ членъ училищнаго совѣта, продастъ юношескія рубахи въ пользу просвѣщенія, а членъ земства накупитъ букварей. Конечно, такой способъ признанъ будетъ всѣми неудобнымъ, очевидно, что удовлетвореніе это не можетъ быть обязательною повинностію. Но вотъ выдается новая мысль: обратиться къ земству съ ласковымъ, привѣтливымъ словомъ; пусть оно по долгу человѣколюбія, состраданія, по земской чести, сдѣлаетъ добровольно то, чего нельзя сдѣлать обязательно. Если дѣло въ этомъ благотворительномъ видѣ явится въ земское собраніе, откроются пренія, конечно не бурныя, а скромныя, тогда непремѣнно, послышится одинъ голосъ на такую ноту: «мы не чуждаемся благотворительности, это—добрая наша подруга, мы готовы на пожертвованія и самопожертвованія; но посмотрите, гг. гласные, на нашу гостью; у нея въ рукахъ бумага: это пригласительный листъ для отмѣтки лицъ, желающихъ жертвовать подъ условіемъ отчета, контроля, присмотра и ревизіи, такъ значится на заголовкѣ». Что же это такое? кажется, чувство благотворенія не знаетъ ни присмотра, ни отчета, и жертва чѣмъ скрытнѣе дѣлается, тѣмъ она болѣе угодна. Мы добровольно жертвуемъ,

и нашею жертвою мы не имѣемъ права распорядиться по нашему усмотрѣнію; дѣломъ будетъ распоряжаться другое вѣдомство, а за нами остается право жертвовать. У всякаго же человѣка есть самолюбіе, есть чувство чести и собственнаго достоинства, есть врожденное побужденіе къ самодѣятельности и къ самопониманію; этихъ силъ не слѣдуетъ пригнетать, а напротивъ развить ихъ и пользоваться ими для блага общественнаго, это главныя основныя силы земства; но намъ, какъ видно, приходится пассивно жертвовать для славы другихъ, смотрѣть, какъ трудятся другіе за насъ, на нашъ счетъ и въ нашемъ хозяйствѣ; значитъ это дѣло чужое, а не наше, не земское. Большинство гласныхъ пристанетъ къ этому мнѣнію, а можетъ быть послушаетъ голоса и другого оратора, который скажетъ: гг. гласные! наше учрежденіе еще ново, но въ трехлѣтній періодъ своего существованія оно доказало, что всякое благое дѣло не чуждо его сердцу: оно натуральныя повинности перелагаетъ на денежныя, оно, жертвуя на содержаніе школъ, открываетъ новыя, строитъ желѣзныя.... Но, гг., роль просвѣтительная не намъ принадлежитъ, если мы сами станемъ распоряжаться, это было бы съ нашей стороны своеволіе, значило бы посягать на право администраціи, принадлежащее исправникамъ и разнымъ казеннымъ вѣдомствамъ; странно бы было, еслибы мы, вмѣсто священника, стали бы учить дѣтей молитвамъ! Наше дѣло жертвовать: это говоритъ намъ земская честь и рыцарскій духъ стариннаго русскаго земства, проснувшійся теперь у насъ! Такъ говоритъ на распашку ораторъ, влекомый неизвѣстными побужденіями и, можетъ быть, большинство, при извѣстныхъ внушеніяхъ, послѣдуетъ за нимъ. Счетъ здѣсь не въ большинствѣ, не въ фразахъ, отъ которыхъ никто сытъ не бываетъ. Это не магическое слово Сезама: камень не сдвинется и не откроетъ сокровищъ просвѣщенія! Въ чемъ же тутъ дѣло и для чего земство требуетъ самостоятельности, не желаетъ вмѣшательства постороннихъ лицъ и вѣдомствъ, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь задней мысли, какого-нибудь посягательства, подхода или иного чего подобнаго? Нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго. Польза дѣла, сущность учрежденія земства требуютъ, чтобы мы говорили самостоятельно, говорили и думали по своему крайнему разумѣнію, работали не письменно, не бюрократически, но похозяйски. Быть можетъ дѣло наше выйдетъ непоказно, ненарядно, нечинно, но оно будетъ дешево и успѣшно. Весь секретъ заключается въ мѣстныхъ условіяхъ, неуловимыхъ и несподручныхъ для центральнаго управленія, для другихъ постороннихъ вѣдомствъ, у которыхъ есть свои заботы, мысли и цѣли, свой

образъ дѣйствій; ихъ дѣло, напримѣръ, взыскать недоимку, а откуда крестьянинъ возьметъ деньги, дастъ ли грамотный или безграмотный крестьянинъ—все равно, даже иногда лучше, когда неграмотный, непонимающій за что и на что онъ даетъ; у него отнимутъ, пожалуй, и тотъ гривенникъ, который сберегался для букваря сыну.

Сельское общество распорядится хозяйственнымъ образомъ: срубитъ вербы подсохшія, посаженныя когда-то крестьянами при дорогѣ, прибавитъ кое-какія бревна, оставшіяся отъ пожара, отъ постройки мостовъ. Изъ этихъ матеріаловъ оно построитъ школу; полъ въ ней будетъ земляной (крестьяне же привыкли ходить и даже спать на землѣ), а крыша сдѣлается изъ общественной соломы; придется только прикупить кирпича для печки, если нѣтъ у крестьянъ своего, и стекла; всего постройка обойдется рублей въ 30; изба выйдетъ, правда, невзрачная, косая, безъ фронтоновъ и надписей, но все-таки пригодная для школы, лишь бы хорошо тамъ учили. Никто не можетъ построить избы дешевле крестьянъ, нужно только предоставить имъ дѣло вполнѣ и умѣть ихъ присогласить: они изъ норъ вытащатъ матеріалы, найдутъ рабочихъ и проч.; если же школу строить казеннымъ способомъ, т. е. по утвержденнымъ планамъ, смѣтамъ, подъ надзоромъ строительной коммиссіи, съ торговъ, то изба обойдется не дешевле 500 руб., а потомъ надобно еще подумать о ремонтѣ и принять въ соображеніе, что каждый рубль, двигаясь казеннымъ путемъ, пока дойдетъ до казначейства, возрастаетъ до десятка рублей, а подаваясь обратно къ дѣлу умаляется до гривенника,—такъ иногда бываетъ.

По этимъ соображеніямъ выходитъ, что потребуются многіе милліоны для построенія и содержанія школъ на пространствѣ всего государства.

Видно, что вопросъ о школахъ есть вопросъ финансовый, и съ этой стороны онъ рѣшается въ пользу земства, которое по необходимости, нисколько не домогаясь, изъ одного человѣколюбія должно взять на себя эту обязанность; но земство тогда только выполнитъ это назначеніе, когда ему предоставлена будетъ возможность дѣйствовать самостоятельно, по крайнему разумѣнію и по его достаткамъ, безъ вмѣшательства посторонняго вѣдомства и безъ участія училищнаго совѣта, составленнаго изъ членовъ разныхъ вѣдомствъ. Правительство уже признало несостоятельность казеннаго управленія въ дѣлахъ хозяйственныхъ; съ этою мыслію оно открыло земскія учрежденія, и мы думаемъ, что школьное дѣло есть отрасль того же земскаго хозяйства.

Обратимся теперь *къ учебной сторонѣ* нашего дѣла, поста-

вимъ такой вопросъ: гдѣ же земство найдетъ себѣ учителей? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы скажемъ, что по распоряженію министра народнаго просвѣщенія открыты педагогическіе курсы при харьковскомъ уѣздномъ училищѣ. Правда, что число учащихся тамъ не велико. Наше харьковское земство содержитъ въ томъ же училищѣ на свой счетъ 33 воспитанника, но и этого числа слишкомъ недостаточно, потребность въ учителяхъ весьма большая и мы, по необходимости, принимаемъ наставниками семинаристовъ, отставныхъ канцелярскихъ служителей, грамотныхъ мѣщанъ и проч. Лучшіе изъ нихъ, прослуживши нѣсколько мѣсяцевъ, пріискавши другое болѣе выгодное мѣсто, оставляютъ школу и тѣмъ еще болѣе затрудняютъ земство. Чтобы выйти изъ этого положенія и удовлетворить нуждѣ, не дѣлая новыхъ дыръ въ крестьянскомъ карманѣ, земское собраніе Харьковскаго уѣзда приняло слѣдующія мѣры: 1) управа должна отъ учителей, при назначеніи ихъ, требовать обязательства въ томъ, что они въ теченіи двухъ лѣтъ не оставятъ школы, и 2) на будущее время, чтобы имѣть въ запасѣ своихъ земскихъ учителей, постановленіями собраній 3-го октября 1866 г., 19 іюня 1867 и 17 мая 1868 г., положено устроить въ уѣздѣ три образцовыя школы, куда назначать учителями изъ лучшихъ педагоговъ съ жалованьемъ 200 р. въ годъ и содержать въ нихъ нѣсколько стипендіатовъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ окружныхъ селеній, выбирая для этого способнѣйшихъ и болѣе развитыхъ, по добровольному согласію родителей, изъявленному въ условіи. Стипендіатъ обязанъ, по окончаніи курса ученія, быть помощникомъ педагога въ той же школѣ 3 года, получая жалованья 75 руб., а потомъ займетъ мѣсто учителя въ своемъ родномъ селѣ, гдѣ онъ долженъ прослужить не менѣе 6 лѣтъ (если не возьмутъ его въ рекруты) съ жалованьемъ по 100 руб. въ годъ. Конечно, учитель-односельчанинъ не скоро оставитъ школу; онъ прикрѣпленъ къ мѣсту родствомъ, связями, привычками; онъ живетъ въ своей семьѣ, можетъ, кромѣ школы, присматривать за хозяйствомъ отцовскимъ и ему выгодно получать 100 руб., для крестьянина это большой заработокъ, лишь бы не потребовали отъ него шить мундиръ и освободили бы отъ рекрутскаго набора. Сознаемся, что теперь у насъ, по началу, въ образцовыхъ школахъ только 7 стипендіатовъ: родители не рѣшаются, и мы знаемъ заднюю ихъ мысль: они, по привычкѣ, не довѣряютъ, получать ли ихъ дѣти обѣщанное; года чрезъ два они убѣдятся; обождемъ и тогда будемъ имѣть достаточное число стипендіатовъ не только на учительскія должности, но и для сформированія сельскихъ писарей, въ которыхъ общества очень нуждаются.

Наши будущіе учители незатѣйливые, одѣтые не по формѣ, по-крестьянски, немногознающіе, все-таки будутъ на первый разъ пригоднѣе другихъ учителей болѣе наученныхъ, систематически подготовленныхъ. Сущность состоитъ въ томъ, что наши учители удовлетворяютъ настоящему положенію крестьянскихъ обществъ, что къ своему родному учителю въ свиткѣ крестьяне будутъ имѣть болѣе довѣрія, охотно отдадутъ дѣтей своихъ въ школу, помогутъ учителю отъ себя: принесутъ ему по гарнцу хлѣба, или яицъ, курицу, поросенка и проч. Пусть будетъ по крестьянскому нраву и обычаю, а надобно сознаться, что участь школъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ общественнаго мнѣнія крестьянъ, каково бы оно ни было.

Кто же будетъ руководить народнымъ образованіемъ, какъ не учебное вѣдомство, которому дѣло это свойственно? Сказанное выше уже подготовляетъ намъ отвѣтъ: сподручное, практически полезное мы иногда предпочитаемъ лучшему, искусственно придуманному; предпочитаемъ дѣло системѣ, и мы думаемъ, что школа виднѣе мѣстному населенію, нежели штатному смотрителю, живущему въ городѣ и не видѣвшему уѣзда, или будущему инспектору. Разница здѣсь состоитъ въ томъ, что мѣстное населеніе видитъ школы на мѣстѣ хозяйственнымъ практическимъ окомъ, а штатные смотрители со всѣмъ составомъ училищнаго совѣта и инспекторъ будутъ видѣть ихъ сквозь телескопъ, или сквозь бумагу, и они будутъ радѣть о государственной службѣ, по примѣру чиновниковъ, а общество должно хлопотать о своей собственной пользѣ. Кому же изъ этихъ двухъ сторонъ отдать книгу въ руки? Выборъ не труденъ; но какъ же земство, не изучивши полнаго курса наукъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, займется низшими, первоначальными? Въ отвѣтъ мы укажемъ сперва на спеціальныя и промышленныя учебныя заведенія и на обученіе солдатъ грамотѣ, гдѣ министерству народнаго просвѣщенія нѣтъ никакого дѣла. Земство можетъ обучать крестьянъ грамотѣ, какъ отецъ, по праву родительскому, обучаетъ самъ своихъ дѣтей. Видя недостатки уѣзднаго училищнаго совѣта въ его оффиціальномъ составѣ и безпомощность крестьянъ, наше земское собраніе распорядилось такимъ образомъ: по его приглашенію нашлись люди независимые отъ службы, но радивые къ общественной пользѣ, которые добровольно приняли на себя обязанность быть попечителями школъ въ своемъ околоткѣ. Они наблюдаютъ за порядкомъ въ школахъ, за ученіемъ, за выдачею жалованья учителямъ и учебныхъ пособій, добавляя къ тому изъ своихъ собственныхъ средствъ. Лица эти пользуются довѣріемъ и уваженіемъ въ своемъ краѣ. Крестьяне обра-

щаются къ нимъ за совѣтами и наставленіями. Увѣренная въ благонадежности этихъ попечителей, харьковская уѣздная управа, основываясь на ст. 19 Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, ходатайствовала объ утвержденіи ихъ членами училищнаго совѣта. Четверо изъ нихъ уже утверждены губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Можно бы пожелать, чтобы эти земскіе члены, вмѣсто уѣзднаго училищнаго совѣта, неимѣющаго у себя помѣщенія и непомнящаго своихъ школъ, собирались бы періодически въ управу и тамъ, совѣщаясь, распоряжались бы своимъ дѣломъ, близкимъ къ ихъ сердцу. Можно бы даже пригласить одного изъ нихъ быть непремѣннымъ членомъ управы по училищной части, и эта служба была бы безмездная, но на это мы не имѣемъ права. Скажемъ откровенно: управа пришла къ изложенной мѣрѣ съ слѣдующею цѣлію: мы желали измѣнить составъ училищнаго совѣта и дать ему земскій характеръ, но лучше бы вовсе преобразовать его въ сказанномъ смыслѣ.

Для пользы дѣла мы еще готовы высказать одно щекотливое мнѣніе: попечителямъ не нужно давать ни чиновъ, ни орденовъ и никакихъ отличій. Это говорится безъ всякой задней мысли и по весьма простой причинѣ: желающій получить чинъ или орденъ будетъ служить тому начальству, которое представляетъ къ наградѣ и перестанетъ служить общественной пользѣ; вмѣсто земскаго человѣка онъ сдѣлается чиновникомъ.

Таково наше мнѣніе объ училищномъ совѣтѣ и объ администраціи школъ; но насъ спросятъ: а губернскій училищный совѣтъ? а слѣдующая высшая инстанція, вѣдь безъ лѣстницы высоко нельзя подняться? До времени и этого простого управленія будетъ достаточно; далѣе, когда народъ разовьется и возмужаетъ, быть можетъ потребуется и другое устройство. Къ тому же, земству нѣтъ надобности подниматься: оно не смотритъ въ гору, не смотритъ свысока, его удѣлъ: смотрѣть пристально что дѣлается на землѣ, пахать ее, засѣвать полезными сѣменами, выбрасывать сорныя травы и учить дѣтей своихъ тому, что оно само знаетъ, а свыше—оно молитъ только у Бога о ниспосланіи благодатнаго дождя.

Е. Гордѣенко.

Харьковъ. 1869 г.

ЕВРОПА И ЕЯ СИЛЫ

ВЪ 1869 ГОДУ.

L'Europe politique et sociale, par *Maurice Block*. Par. 1869.
L'Empire des Tsars au point actuel de la science, par *M. J. H. Schnitzler*. T. IV. Par. 1869.
Handbuch der vergleichenden Statistik der Volkszustands-und Staatenkunde, von *G. Fr. Kolb*. Leipz. 1868.

Статистика, не будучи сама наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова, содержитъ въ себѣ однако всѣ главнѣйшія фактическія основы политическихъ наукъ. Разработка статистики быстро идетъ впередъ, вмѣстѣ съ развитіемъ европейскаго общества, и уже теперь можно надѣяться, что она успѣетъ создать «государствовѣдѣніе» и «обществовѣдѣніе» въ смыслѣ наукъ столь же положительныхъ, какъ «естествовѣдѣніе». Даже при настоящемъ своемъ положеніи статистика бросаетъ яркій свѣтъ на политическіе и многіе общественные вопросы, и впередъ указываетъ, какихъ послѣдствій можно ожидать отъ той или другой политической системы, отъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣръ. Но при своей, такъ-сказать, безформенности, статистика пока дѣлаетъ не болѣе, какъ только вторженія въ область политическихъ наукъ.

Въ виду раздѣленія силъ всякой страны между государствомъ и обществомъ, мы ограничимся сначала однѣми государственными силами Европы, какъ онѣ сложились къ 1869 году, подъ вліяніемъ ближайшаго періода времени, и опредѣлимъ ихъ въ главнѣйшихъ чертахъ, которыя должны служить программою

«государствовѣдѣнія». Сюда войдутъ вопросы о населеніи отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, ихъ бюджетѣ, войскѣ, производительности, самоуправленіи, состояніи прессы, школы и церкви, насколько всѣ эти функціи обусловливаютъ государственную дѣятельность и сами обусловливаются ею. Вопросы о состояніи общественныхъ силъ въ Европѣ, однимъ словомъ, все, что можно назвать «обществовѣдѣніемъ», заключатъ собою настоящій очеркъ.

I.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ СИЛЫ.

Назадъ тому какихъ-нибудь три поколѣнія, въ то время, когда наши дѣды были въ лучшей порѣ своей дѣятельности, политическая Европа была вовсе не похожа на нынѣшнюю, великогосударственную Европу, политическая жизнь которой могущественными связями стянута въ четыре или пять столицъ, гдѣ мы найдемъ такую массу войска и такой городской бюджетъ, какимъ въ дѣдовскія времена не могли бы похвастаться цѣлыя державы, носившія тогда названіе великихъ.

Въ 1786 году, изъ великихъ державъ только Францiя имѣла и населеніе, и бюджетъ, и долгъ, сколько-нибудь приближавшіеся къ нынѣшней великодержавной мѣркѣ: населеніе въ 26 милліоновъ, бюджетъ въ 430 милл. ливровъ, долгъ въ 3,700 милл. ливровъ. Великобританія съ Ирландіею имѣла населеніе въ 12 милл., бюджетъ въ $13^1/_2$ милл. фунтовъ, и долгъ въ 240 милл. ф. Германская имперія съ $26^1/_4$ милл. подданныхъ (не включая австрійскія и прусскія владѣнія внѣ имперіи) имѣла бюджетъ въ 60 милл. гульденовъ. Эта федеральная имперія состояла тогда изъ 289 государствъ, въ томъ числѣ 61 вольныхъ имперскихъ городовъ. Въ Италіи въ то время было 11 государствъ: населеніе $16^1/_4$ милл., бюджетъ 26 милл. талер. Въ Европейской Россіи населенія считалось 25 милл. и доходы были 70 милл. талеровъ.

Цифра населенія съ тѣхъ поръ наименѣе измѣнилась въ Испаніи ($10^1/_2$ милл.), Италіи и Франціи.

Какое громадное сконцентрированіе власти и усиленіе государственной дѣятельности произошло въ Европѣ съ тѣхъ поръ!! Цифры населенія, соотвѣтствующія выше приведеннымъ, нынѣ представляютъ: для Франціи 38 милл., бывшаго Германскаго Союза $45^1/_2$ милл., Великобританіи съ Ирландіею 30 милл. (вмѣ-

сто 12!), Италіи $24^1/_4$ милл., Испаніи $15^1/_2$ милл., Россіи 77 милл. Что касается издержекъ, о которыхъ ниже будетъ упомянуто особо, то здѣсь, для сравненія съ концомъ прошлаго столѣтія, достаточно поставить два итога: итогъ государственныхъ долговъ всей Европы въ 1786 году отъ 4 до $4^1/_2$ милліардовъ талеровъ; такой же итогъ къ 1869 году 19 милліардовъ талеровъ. Итакъ, въ теченіе 80 лѣтъ цифра государственныхъ долговъ Европы болѣе чѣмъ учетверилась.

Прежде, чѣмъ сравнивать цифры, выражающія главные государственные элементы различныхъ странъ въ настоящее время, укажемъ на одну общую черту, которая принадлежитъ къ наиболѣе характеристическимъ чертамъ нашего времени. Мы говоримъ объ огромномъ возрастаніи городовъ. Городовъ съ населеніемъ свыше 100 т. душъ въ Европѣ въ настоящее время числится 65. Наибольшее число ихъ въ Великобританіи — 16; во Франціи и Италіи такихъ городовъ по 8, въ Германіи 7, въ Россіи 5 (Петербургъ, Москва, Варшава, Рига и Одесса). Цифры населенія главныхъ городовъ Европы Кольбъ опредѣляетъ такъ:

Лондонъ	2.803,000
Парижъ	1.825,000
Константинополь . .	1.075,000 (?)
Берлинъ	633,000
Петербургъ	586,000
Вѣна . . : . . .	578,000

Изъ цифръ выражающихъ плотность населенія, наибольшая приходится на долю Бельгіи; тамъ на квадратный километръ (около кв. версты) приходится населенія $164{,}_{29}$, наименьшая на долю Россіи $3{,}_{77}$.

Возрастаніе населенія, какъ извѣстно, совершается въ разныхъ странахъ въ весьма различной прогрессіи. Такъ, въ Норвегіи цифра населенія возрастаетъ ежегодно на 1,84%, а во Франціи только на 0,44. Въ Норвегіи для удвоенія населенія нужно 38 лѣтъ, во Франціи же 160 лѣтъ. «Если бы, говоритъ Блокъ, прогрессія оставалась постоянною для каждой страны, то чрезъ 160 лѣтъ, когда во Франціи населеніе только бы удвоилось, въ Пруссіи оно бы учетверилось, и противъ 76 милл. французовъ могло бы стать 96 милл. пруссаковъ, или 180 милл. русскихъ, или болѣе 100 милл. англичанъ».

Уже изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы привели выше, видно, что отношенія между странами, по населенію, въ огромныхъ размѣрахъ измѣнились съ прошлаго столѣтія. Но и за послѣдніе лѣтъ пятьдесятъ, измѣненіе это очень значительно; такъ, по за-

мѣчанію Блока, Россія, напр., полвѣка тому назадъ могла противопоставить едва 45 милл. населенія 115 милл. душъ Франціи, Германіи, Австріи и Великобританіи, а теперь она можетъ противопоставить 77 милліоновъ — 143 милліонамъ душъ союза прочихъ великихъ державъ. (При этомъ не принимается, конечно, въ разсчетъ, что съ великими державами были бы въ союзѣ и почти всѣ остальныя государства).

Но въ томъ-то и дѣло, что ростъ населенія неравномѣренъ не только въ разныхъ странахъ, но и въ одной странѣ въ различныя времена. Здѣсь дѣйствуетъ замѣчательный законъ, въ силу котораго самое возвышеніе цифры населенія до извѣстной нормы уменьшаетъ размѣръ дальнѣйшаго роста. Такъ, напр., въ Англіи съ 1821 по 1831 каждый милліонъ населенія ежегодно увеличивался на 14,600 душъ, а между 1851 и 1861 на милліонъ прибавлялось ежегодно только по 12 тысячъ. Тоже самое доказано и для Франціи, для Пруссіи и другихъ странъ, и замѣчательно, что именно страны наиболѣе плодородныя, т.-е. имѣющія почву наиболѣе обработанную, каковы Англія, Бельгія, Саксонія, сами наиболѣе нуждаются и въ хлѣбѣ, и въ мясѣ. Такимъ образомъ, Мальтусъ все-таки правъ въ томъ смыслѣ, что каждому поколѣнію приходится имѣть дѣло съ большими трудностями въ борьбѣ за пропитаніе. Относительно Англіи это объясняется уже и тѣмъ фактомъ, что поземельная собственность тамъ сосредоточена въ немногихъ рукахъ.

Обратное дѣйствіе того же закона выражается тѣмъ, что въ странахъ наименѣе населенныхъ оказывается наибольшій процентъ ежегоднаго числа браковъ и рожденій. Тотъ и другой процентъ наиболѣе велики именно въ Россіи: на 1,000 душъ населенія въ Россіи 10 браковъ, на 100 душъ $4{,}_{77}$, рожденій; между тѣмъ, какъ въ странахъ наиболѣе населенныхъ, хотя и наиболѣе обработанныхъ и богатыхъ, эти цифры падаютъ до $6{,}_{2}$ браковъ на 1,000 (Баварія) и $2{,}_{55}$ рожденій на 100 душъ (Франція). Въ Россіи милліонъ населенія ежегодно рождаетъ 47,700 дѣтей, а во Франціи только 25,500. Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ особенно замѣтную безплодность браковъ во Франціи, наиболѣе вѣроятное объясненіе представляетъ тотъ фактъ, что нигдѣ не бываетъ такъ много, какъ во Франціи, браковъ между лицами несходныхъ возрастовъ, то-есть, что нигдѣ деньги при заключеніи брачныхъ союзовъ не играютъ такой роли, какъ во Франціи.

Мы только-что указали на благопріятный для Россіи размѣръ рожденій сравнительно съ числомъ населенія. Но благопріятность этого факта значительно нейтрализуется тѣмъ, что Россія же-

стоитъ во главѣ списка смертности, чтò зависитъ отъ необыкновенной смертности дѣтей въ Россіи. Наибòльшій процентъ смертности 3,59 на 100 душъ приходится на Россію, наименьшій 1,71 — на Норвегію; а такъ какъ Норвегія, сверхъ того, занимаетъ почетное мѣсто въ спискѣ процента рожденій (именно шестое), то понятно, что въ общемъ ростѣ населенія она стоитъ первою. Во всѣхъ таблицахъ, относящихся къ росту населенія, Франція стоитъ послѣднею. На милліонъ жителей рожденій бываетъ *больше* чѣмъ смертныхъ случаевъ: въ Норвегіи на 13,900, во Франціи только на 2,400. Россіи въ этой таблицѣ, представляющей окончательный результатъ, то-есть дѣйствительное увеличеніе населенія, принадлежитъ только четвертое мѣсто.

Итакъ, въ Россіи, въ силу закона, который требуетъ, чтобы въ странахъ мало населенныхъ сила роста населенія была особенно велика, цифра рожденій дѣйствительно стремится наполнить огромное пространство земли; но низкая степень благосостоянія и цивилизаціи въ народѣ низводитъ Россію, путемъ усиленной смертности, съ перваго мѣста по рожденіямъ на четвертое мѣсто въ окончательномъ результатѣ дѣйствительнаго возрастанія населенности.

Изъ того факта, что во Франціи рождается менѣе дѣтей, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ, что въ массѣ населенія Франціи больше взрослыхъ, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Высчитывая сколько въ среднихъ числахъ можетъ стоить странѣ содержаніе дѣтей и не совершеннолѣтнихъ (которыя не окупаютъ своего содержанія работою) и сколько взрослый человѣкъ можетъ производить въ разные возрасты, сверхъ издержекъ своего содержанія, Блокъ выводитъ гадательное по цифрамъ, но точное по отношеніямъ между цифрами *чистое пріобрѣтеніе* на душу и получаетъ наибòльшій результатъ для Франціи, затѣмъ для Нидерландовъ, Бельгіи и т. д.

По бюджетамъ главныя государства Европы распредѣляются нынѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Англія . . .	2,169	милл. фр.
Франція . . .	1,797	»
Россія. . . .	1,616 [1])	»
Австрія . . .	1,140	»
Италія . . .	998	»
Пруссія . . .	839	»

Изъ этой таблицы видно, что величина бюджета еще не опредѣляетъ дѣйствительнаго могущества государства. Отношеніе между

[1]) Нашъ бюджетъ на 1869 г. составляетъ 482 милл. р., т. е. 1,928 милл. фр.

цифрою населенія и цифрою бюджета, то-есть средняя цифра государственныхъ тягостей, лежащихъ на каждомъ членѣ населенія, представляетъ: въ Великобританіи 72 фр. 50 сант.; въ Нидерландахъ—63 фр. 52 с.; Франціи—52 фр. 37 с.; Баденѣ—50 фр.; Испаніи — 44 фр.; Италіи —41 фр. 23 с.; Цислейтанской Австріи—41 фр. 3 с.; Даніи—38 фр. 48 с.; Баваріи—38 фр. 12 с.; Пруссіи—34 фр. 96 с.; Бельгіи— 33 фр. 66 с.; Португаліи—29 фр.; Виртембергѣ—26 фр. 46 с.; Саксоніи—25 фр. 50 с.; Россіи—25 фр. 38 с., и т. д. Въ Швеціи налоговъ на душу приходится наименѣе, именно 15 фр. 37 сантимовъ.

Но этотъ списокъ не показываетъ дѣйствительной *тяжести* налоговъ по странамъ; дѣло въ томъ, что составъ бюджетовъ различныхъ государствъ неоднороденъ; въ однихъ издержки взиманія вычтены изъ валового дохода, въ другихъ показываются цифры валовыя; сверхъ того, въ разные государственные бюджеты входятъ въ различной мѣрѣ бюджеты провинціальнаго управленія. Нечего и говорить о томъ еще несходствѣ, какое представляетъ извѣстная средняя цифра налоговъ на душу, если принять во вниманіе производительность страны и стоимость денегъ.

Сравненіе финансовыхъ системъ европейскихъ государствъ показываетъ, что отъ государственныхъ имуществъ наибольшій процентъ бюджета доходовъ обыкновенныхъ покрывается въ Пруссіи (44%), затѣмъ въ Россіи (14,2%); косвенныя пошлины составляютъ наиболѣе важный источникъ въ Великобританіи, гдѣ ими покрывается болѣе $^3/_4$ всего бюджета обыкновенныхъ доходовъ (75,3%); затѣмъ во Франціи (55,1%), затѣмъ въ Россіи (45,4%). Въ Россіи это обусловливается акцизомъ съ вина, который составляетъ главный нашъ доходъ.

Прямыя подати преобладаютъ наиболѣе въ бюджетѣ венгерской короны (55,1%); въ Россіи же онѣ даютъ мало, сравнительно даже съ Франціею и Пруссіею (въ обѣихъ послѣднихъ около 19%, а въ Россіи 11,8%). Необходимо замѣтить однако, что значительная цифра, означающая участіе государственныхъ имуществъ въ бюджетѣ доходовъ въ Пруссіи зависитъ оттого, что въ ней принятъ въ разсчетъ валовой сборъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вотъ цифры государственнаго долга главныхъ государствъ:

Великобританія.	19,238	милл. фр.
Франція . . .	11,225	»
Австрія . . .	7,500	»
Россія. . . .	6,412	»
Италія . . .	5,500	»

Государственные долги всѣхъ странъ Европы, въ сложности представляютъ цифру 64,017 [1]) милліоновъ франковъ. Блокъ дѣлаетъ слѣдующій курьезный разсчетъ: 64 милліарда фр. въ серебряной монетѣ вѣсятъ 320 милл. килограммовъ; еслибы нагрузить всю эту сумму въ вагоны, то, предполагая вмѣстимость каждаго вагона въ 4 тысячи килограммовъ, для перевозки этой суммы въ серебряной монетѣ потребовалось бы 80 тысячъ вагоновъ; чтобы перевесть ту же сумму въ золотой монетѣ надо бы 5 тысячъ вагоновъ.

Уплата процентовъ по государственному долгу составляетъ ежегодную тягость на каждую душу населенія: въ Великобританіи 21 фр. 50 с.; въ Италіи—17 фр. 64 с.; во Франціи 12 фр. 50 с.; въ Россіи 4 фр. 50 с. Изъ этого перечня видно, какимъ финансовымъ бременемъ уже успѣла отяготиться Италія. Въ итогѣ ея расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, издержки на процентъ и погашеніе долга составляютъ 12,7 % и это отношеніе нигдѣ въ Европѣ не представляетъ такой огромной цифры.

Извѣстно, что главнымъ источникомъ государственныхъ долговъ были большія войны. Такъ, крымская война обошлась Европѣ почти 7 милльярдовъ франковъ, и бо́льшая половина этой суммы была добыта путемъ займовъ. Послѣдствіе ихъ — возвышеніе податей, доказываетъ, по выраженію Кольба: «что государственные долги, косвеннымъ образомъ, составляютъ долги каждаго отдѣльнаго жителя страны, каждаго семейства, долги падающіе бременемъ на каждый кусокъ земли, каждую сдѣлку, всякій капиталъ».

Обратимся теперь къ главному источнику расходовъ и долговъ, къ вооруженной силѣ въ Европѣ. Монтескьё уже 120 лѣтъ тому назадъ сказалъ: «Въ Европѣ распространилась новая болѣзнь; она заразила нашихъ государей и побуждаетъ ихъ содержать безпорядочное число войска. У нея есть свои пароксизмы, а заразительною она бываетъ непремѣнно; ибо, какъ только одно государство увеличитъ то, что̀ оно называетъ свои вооруженныя толпы (ses troupes; — слово это казалось Монтескьё еще новымъ), другія немедленно увеличиваютъ свои; такъ что чрезъ это не дѣлаетъ успѣха никто, кромѣ всеобщаго разоренія». То, что̀ Монтескье казалось разорительнымъ, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что̀ мы видимъ нынѣ. Вотъ какъ Блокъ опредѣляетъ въ общихъ чертахъ нынѣшнее положеніе: «2 милліона 700 тысячъ человѣкъ, выбранные изъ числа

---

[1]) Блокъ не считаетъ долговъ мелкихъ владѣній. Общій долгъ ихъ, по Кольбу—до 19 милліоновъ талеровъ, т. е. около 70 милліардовъ франковъ.

самыхъ здоровыхъ и сильныхъ, похищены у общества и поставлены, по большей части, въ условія отчуждающія ихъ отъ идей общества, отъ семейныхъ обязанностей и полезныхъ «мирныхъ трудовъ». Они не только ничего не производятъ, но обусловливаютъ ежегодно (считая флоты) издержку въ 3 миллььярда франковъ и потерю 800 милліоновъ рабочихъ дней; при этомъ не считаются ни дневные труды матросовъ, ни трудъ гражданскихъ рабочихъ для военнаго вѣдомства».

По числу солдатъ мирнаго и военнаго времени, главныя государства Европы представляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Въ мирн. вр.	Въ воен. вр.
Россія	672 т. чел.	977 т. чел.
Франція	439 » »	1 м. 200 » »
Пруссія съ Сѣверогерманскимъ Союзомъ .	312 » »	900 » »
Австрія	240 » »	800 » »
Италія	227 » »	476 » »
Испанія	162 » »	266 » »
Турція.	148 » »	484 » »

Изъ общихъ итоговъ оказывается, что по военному времени въ Европѣ исчисляется слишкомъ въ пять милліоновъ солдатъ. Орудій же имѣется въ общей сложности 23,000. По числу имѣющихся пушекъ первое мѣсто занимаетъ Англія (9,091), второе—Россія (2,178), третье Франція (2,150). Но такъ какъ въ этихъ числахъ считается и морская и крѣпостная артиллерія, которая представляетъ силу обусловленную пространствомъ территоріи, то надо полагать, что̀ наибольшею подвижною артиллерійскою силою на сухомъ пути располагаетъ Франція. По силѣ артиллеріи Сѣверогерманскій Союзъ (съ Пруссіею) занимаетъ скромное мѣсто (547), что̀ зависитъ, разумѣется, отъ незначительности его военнаго флота.

Кольбъ, у котораго итоги вооруженій Европы нѣсколько менѣе, такъ какъ его цифры годомъ старѣе, и онъ не имѣлъ въ виду преобразованія французской арміи, въ общемъ результатѣ считаетъ одну потерю въ работѣ, происходящую отъ отчужденія 2 милліоновъ человѣкъ, почти въ милліонъ талеровъ *въ день*, то-есть въ 350 милл. талер. ежегодно (считая также потерю работы 300 тысячъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей).

Содержаніе сухопутныхъ и морскихъ силъ составляетъ на каждую душу населенія: въ Соединенномъ-Королевствѣ 21 фр. 12 с., во Франціи—16 фр., въ Пруссіи—8,62, въ Россіи—8,44, въ Италіи — 8,15, въ Швеціи — 4,64. Итакъ, отецъ семейства

изъ четырехъ душъ, въ Англіи платитъ ежегодно около 26 руб., на одно содержаніе вооруженной силы своей страны, въ Россіи, 10 р. 55 к., а въ Швеціи 6 р. 25 к.

Военный бюджетъ входитъ въ государственный бюджетъ, какъ часть его, въ слѣдующемъ отношеніи: на каждые 100 фр. расходовъ приходится военныхъ расходовъ сухопутныхъ и морскихъ— въ Россіи 33 фр. 25 сант.; Франціи 30 фр. 55 с.; Швеціи 30 фр. 20 с.; Англіи 30 фр. 04 с.; Пруссіи 24 фр. 65 с. Государственные долги образовались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе войнъ. Но для того, чтобы знать сколько европейскія государства издерживаютъ на войны, надо вычислить, во что обходится имъ каждый солдатъ, который дѣйствительно бываетъ употребленъ согласно своему назначенію, т. е. на войну. Если допустить, какъ то дѣлаетъ Блокъ, что каждому государству придется весть войну съ употребленіемъ всѣхъ своихъ силъ разъ въ двадцать лѣтъ, то окажется, что на каждаго солдата, которымъ оно будетъ располагать въ военное время, оно издержало въ мирное время слѣдующія суммы:

Англія	14,761	франк.
Россія.	9,539	»
Франція	6,933	»
Пруссія	5,533	»
Швеція	1,447	»
Швейцарія . . .	643	»

Эта таблица имѣетъ собственно то значеніе, что она показываетъ, чья военная система дороже и чья дешевле: дороже всѣхъ англійская (по найму), дешевле всѣхъ швейцарская. Въ тоже время, таблица эта до нѣкоторой степени служитъ и для убѣжденія, какъ неблагоразумна система содержанія постоянныхъ армій, въ ея общности. Каждый солдатъ, дѣйствительно употребленный на войну, обходился бы Англіи въ этомъ предположеніи до 5 тысячъ рублей, а Россіи около 2,385 рублей.

Блокъ приводитъ мнѣніе, высказанное въ печати гамбургскимъ негоціантомъ Вихманомъ, что вооруженное покровительство для торговыхъ интересовъ, говоря вообще, вовсе не нужно, такъ какъ исторія показываетъ, что еще ни одно государство не пріобрѣло цвѣтущей торговли благодаря могуществу своихъ вооруженій, а совсѣмъ наоборотъ: торговля создавалась независимо отъ вооруженій, а вліяніе оказанное на нее усиленіемъ вооруженій было скорѣе пагубно. По этому мнѣнію, убѣжденіе, что торговое могущество, разъ пріобрѣтенное государствомъ, должно быть поддерживаемо, покровительствуемо вооруженною силою, есть ошибка.

II.

Послѣ сравнительнаго обозрѣнія тѣхъ элементовъ силы, какіе представляются европейскими государствами въ ихъ населенности, финансахъ, и вооруженіяхъ, обратимся къ тѣмъ элементамъ, которые обусловливаютъ внутреннее благосостояніе государствъ, къ ихъ производительности, средствамъ сообщенія и т. д.

Во Франціи, Блокъ исчисляетъ производительность земледѣлія въ 7,718 милліоновъ фр., а другихъ отраслей промышленности въ 15 миллърдовъ фр. ежегодно. Это составляетъ по 386 фр. на земледѣльца, по 833 фр. на человѣка въ иныхъ промыслахъ; среднею же цифрою по 598 фр. на каждаго француза, т. е. по 1 фр. 64 с. въ день. Въ Великобританіи можно исчислить средній доходъ человѣка по подати съ доходовъ. По исчисленію Бакстера, сдѣланному на этомъ основаніи, ежегодная производительность земледѣльческая въ Соединенномъ-Королевствѣ оцѣнивается въ около $165^3/_4$ милл. фунтовъ, а другихъ промысловъ въ около $648^1/_4$ милл. фунтовъ. Итогъ въ франкахъ составляетъ 20,350 милліоновъ; считая населеніе королевства въ 29 милл. 700 т., средній годовой доходъ англичанина оказывается 685 фр. или 1 фр. 88 сантимовъ въ день. Но извѣстно, что цифры, на основаніи которыхъ взимается подоходная подать въ Великобританіи, гораздо ниже дѣйствительности.

Въ Пруссіи, по исчисленію, основанному на подоходной и заставной пошлинахъ, ежегодная производительность страны составляетъ 768 милл. талеровъ или 2,880 милл. франковъ, что, на $19^1/_3$ милл. душъ, составляетъ средній доходъ на человѣка въ 150 фр. Но Блокъ, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ, полагаетъ, что оффиціяльныя цифры дохода, по которымъ опредѣляются подати, втрое меньше дѣйствительныхъ, и потому полагаетъ, что средній доходъ на человѣка въ Пруссіи можно принять въ 450 фр.

Относительно производительности Россіи, Блокъ принимаетъ цифру г. Бушена—9,807 милл. фр., т. е. по 161 фр. въ годъ на жителя.

Для Австріи, Блокъ принимаетъ сумму въ 12,370 милл. фр., а на человѣка по 375 фр. въ годъ, а для Италіи онъ, основываясь на суммѣ податей поземельной и съ капитала, выводитъ сумму (за исключеніемъ Венеціянской Области) 2,625 милл. фр., т.-е. по 125 фр. въ годъ на душу, но считаетъ этотъ результатъ ниже дѣйствительности.

Цифры эти, конечно, далеко не отличаются основательностью; тѣмъ не менѣе, онѣ могутъ быть сравниваемы собственно между собою; и вотъ, если ихъ сравнить, да сравнить рядомъ съ ними среднюю цифру обложенія налогами, въ соотвѣтствующихъ странахъ, то получится нѣкоторое понятіе о томъ, въ какихъ государствахъ подати *дѣйствительно* тяжелѣе или легче, по мѣрѣ того, какой процентъ ежегодной производительности на душу онѣ представляютъ. При такомъ сравненіи оказывается, что болѣе всѣхъ обременена податями Италія (въ ней подати уносятъ слишкомъ $15^1/_2$% производительности), потомъ Россія (подати — $9^1/_4$% производительности), далѣе Англія ($7^1/_2$%), Франція ($5^2/_3$%), Пруссія ($4^1/_4$%) и Австрія (4%).

Въ какой мѣрѣ усиливается съ году на годъ производительность и въ особенности — въ какой мѣрѣ несомнѣнные успѣхи производительности улучшаютъ общее положеніе массъ?—вотъ самый важный вопросъ, который представляется при взглядѣ на эти цифры. Но для удовлетворительнаго рѣшенія его нѣтъ достаточно точныхъ данныхъ, по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ во многихъ странахъ. Относительно Франціи извѣстно, что за періодъ 1820 — 1824 годовъ на душу приходилось $1,_{76}$ гектолитровъ пшеницы, за періодъ 1840—1844 гг.—на каждую душу умножившагося населенія уже по $2,_{51}$ гектол., а за періодъ 1860—1864 гг. на каждую душу населенія (увеличившагося противъ перваго изъ названныхъ періодовъ уже слишкомъ на 6 милл. д.) приходилось по $2,_{60}$ гектол. пшеницы. Эти совершенно точныя цифры ставятъ внѣ сомнѣнія, собственно относительно Франціи, что благосостояніе массъ замѣтно возростаетъ съ успѣхами производительности. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что и во всѣхъ европейскихъ странахъ и въ Соединенныхъ Штатахъ происходитъ тоже самое постоянное явленіе, съ нѣкоторыми отступленіями и временными остановками, конечно. Цифръ, подобныхъ сейчасъ приведеннымъ, для Россіи нѣтъ. Но мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что тоже явленіе происходитъ и въ Россіи. Указаніемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить свѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ о сборѣ хлѣба у государственныхъ крестьянъ. Изъ оффиціальныхъ цифръ, приведенныхъ въ послѣднемъ томѣ сочиненія Шницлера, видно, что въ 1851 году сборъ хлѣба въ государственныхъ имуществахъ сравнительно съ 1846 годомъ увеличился почти на цѣлую треть. Фактъ этотъ тѣмъ убѣдительнѣе для насъ въ настоящемъ случаѣ, что онъ относится къ государственнымъ крестьянамъ, то-есть къ результатамъ того труда, который и въ то время былъ вольнымъ.

Въ общемъ выводѣ не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе массъ дѣлаетъ успѣхи, по мѣрѣ успѣховъ производительности вообще: питательныя вещества получаются въ бо́льшемъ количествѣ и, сверхъ того, въ употребленіе массъ мало-по-малу вступаютъ предметы имъ прежде малодоступные. Но этотъ общій выводъ можетъ быть принимаемъ только съ оговорками. Во-первыхъ, увеличеніе земледѣльческой производительности соотвѣтственно возрастанію населенія, при настоящихъ знаніяхъ и орудіяхъ обработки, въ разныхъ мѣстностяхъ достигло своего предѣла, что́ и обусловливаетъ тамъ эмиграцію, какъ хроническое явленіе. Во-вторыхъ, говоря объ успѣхахъ производительности, мы имѣемъ дѣло съ двумя различными, такъ-сказать по бойкости, родами производительности: съ производительностію земледѣльческою и производительностію промышленною, т.-е. тою, которая называется собственно industrie. Производительность послѣдняго рода дѣлаетъ шаги исполинскіе, немыслимые въ земледѣліи. Увеличенію благосостоянія массъ она способствуетъ, съ одной стороны удешевленіемъ мануфактурныхъ предметовъ первой потребности, а съ другой — предоставленіемъ массѣ возрастающихъ мануфактурныхъ заработковъ. Но изъ самого того факта, что производительность земледѣлія въ успѣхахъ своихъ чрезвычайно отстаетъ отъ производительности промышленной и торговой, а вмѣстѣ и отъ накопленія драгоцѣнныхъ металловъ и усиленія оборота капиталовъ, возникаетъ фактъ постояннаго возрастанія цѣнъ на пищу.

Въ-третьихъ, наконецъ, быстрота успѣховъ промышленности, возрастаніе капиталовъ и распространеніе роскоши сверху внизъ, измѣняетъ въ самой массѣ понятіе объ уровнѣ первоначальныхъ потребностей, такъ что тѣ условія жизни, которыя считались бы прежде удовлетворительными, представляются нынѣ иногда въ самомъ дѣлѣ нестерпимыми.

Блокъ находитъ, что во Франціи успѣхи земледѣлія могли бы быть быстрѣе, чѣмъ они оказываются, и медленность ихъ объясняетъ разными причинами, въ томъ числѣ и существующимъ законодательствомъ, но въ особенности необразованностью и застоемъ, склонностью къ рутинѣ самихъ земледѣльцовъ. Онъ замѣчаетъ, что крестьянинъ-землевладѣлецъ во Франціи, въ случаѣ, если дѣла его идутъ хорошо, склоненъ развивать ихъ нераціональнымъ образомъ, а именно прежде всего думаетъ прикупить поболѣе земли, вмѣсто того, чтобы улучшить свои средства и орудія обработки, умножить свой скотъ и пріобрѣсть лучшія орудія. «Капиталы, говоритъ онъ, возникаютъ у земледѣльцовъ вовсе не такъ рѣдко, какъ то думаютъ; но земле-

дѣльцы какъ будто не знаютъ, что увеличеніе капитала производства (т.-е. средствъ обработки) гораздо выгоднѣе, чѣмъ увеличеніе капитала неподвижнаго (т. е. земли, состоящей во владѣніи). Но вѣдь нельзя не признать, что это довольно естественно.» Еслибы крестьяне прониклись мыслію, что промышленный капиталъ (къ которому уже приближается капиталъ обработки) приноситъ гораздо болѣе процентовъ, чѣмъ положенный на пріобрѣтеніе земли, то они бросили бы землю и занялись бы мастерствами или принялись бы торговать. Ихъ удерживаетъ привязанность къ землѣ и гордость земельной собственности; но это-то чувство и побуждаетъ, при первой возможности, увеличивать ее.

Мы упомянули выше объ увеличеніи драгоцѣнныхъ металловъ, какъ одной изъ причинъ вздорожанія продуктовъ. Избѣгая излишняго обремененія цифрами, скажемъ только, что Кольбъ, по свѣдѣніямъ одной изъ англійскихъ «синихъ» книгъ, о ввозѣ въ Европу и вывозѣ изъ нея драгоцѣнныхъ металловъ, опредѣляетъ цѣнность *оставшейся* въ Европѣ прибавки ихъ за послѣдніе 16 лѣтъ только въ болѣе чѣмъ 80 милл. фунтовъ стерл., т.-е. болѣе полумилліарда рублей.

Процентъ населенія занимающійся земледѣліемъ весьма различенъ въ разныхъ странахъ Европы. Наиболѣе высокъ онъ, разумѣется, въ Россіи (по Блоку 85—90%), наименѣе—въ Соединенномъ-Королевствѣ (12%). Италія, въ этомъ отношеніи представляетъ большое отличіе отъ другихъ западныхъ странъ. Въ таблицѣ, о которой мы теперь говоримъ, она стоитъ первою послѣ Россіи; 77% ея населенія — земледѣльцы. А такъ какъ земледѣліе нигдѣ не обременено до такой степени арендною платою, какъ въ Италіи, гдѣ землевладѣніе бо́льшею частію сосредоточено въ рукахъ немногочисленныхъ крупныхъ помѣщиковъ, у которыхъ землю снимаютъ арендаторы и сдаютъ ее еще въ мелкія аренды фермерамъ, которые затѣмъ отдаютъ еще часть своей земли безземельнымъ рабочимъ изъ половины жатвы,—то неудовлетворительное экономическое положеніе Италіи объясняется самыми этими фактами. И въ этой-то странѣ, гдѣ болѣе $^3/_4$ населенія поставлены въ такія условія работы, что сбереженія для нихъ почти немыслимы, приходится еще податей по 15% на душу съ производительности! Та именно страна, въ которой производительность $^3/_4$ населенія поставлена въ самыя неблагопріятныя условія, она-то и несетъ самыя тяжкія подати изъ всѣхъ странъ Европы!

Извѣстно, что земля всего лучше обработана въ Англіи, затѣмъ въ Нидерландахъ и т. д. Но интересно взглянуть, въ ка-

кой именно мѣрѣ можетъ оказываться это различіе въ обработкѣ. По цифрамъ ежегоднаго сбора пшеницы въ разныхъ странахъ съ каждаго гектара, въ гектолитрахъ, оказывается, напримѣръ, такая пропорція: Соединенное-Королевство — 40,8, а Франція — только 14,6. Сравненіе съ Франціей невыгодно для послѣдней конечно потому, главнымъ образомъ, что во Франціи еще достаточно необработанныхъ земель и сверхъ того очень важная роль принадлежитъ винодѣлію [1]). Въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ процентъ сбора пшеницы сравнительно съ территоріею малъ потому, главнымъ образомъ, что этотъ родъ хлѣба мало воздѣлывается. Но возьмемъ Баварію и сравнимъ ее съ Англіею. Въ Баваріи сбирается съ каждаго гектара только 14,6 гектолитровъ пшеницы, то-есть столько же, какъ во Франціи. Между тѣмъ, Баварія и заселена очень густо, и земель необработанныхъ въ ней очень мало. Отчего же зависитъ такая непроизводительность сравнительно съ Англіею? Быть можетъ, мало скота? Нѣтъ, замѣчательно именно, что и скота въ Баваріи приходится на каждый гектаръ *болѣе*, чѣмъ въ Соединенномъ-Королевствѣ, а сборъ пшеницы все-таки въ Баваріи представляется цифрою 14,6, а въ Англіи — цифрою 40,8. Чѣмъ это объяснить, если не совершенствомъ именно способа и орудій обработки въ Англіи? Это сравненіе мы сдѣлали съ цѣлію показать, до какой степени широкій просторъ остается еще въ земледѣльческой производительности для улучшеній, даже при тѣхъ знаніяхъ, которыя уже добыты наукою. Что сказать о возможности достиженія бо̀льшей производительности земли у насъ, въ Россіи, гдѣ еще дѣйствуютъ самые первобытные способы и орудія, когда на западѣ есть страны, въ которыхъ, введя только тѣ усовершенствованія, которыя уже извѣстны, можно бы утроить сборъ хлѣба? Упомянемъ также о выводѣ изъ этой таблицы, который дѣлаетъ Блокъ, именно: что производительность земледѣлія зависитъ не столько отъ числа занятыхъ имъ въ странѣ рукъ, сколько отъ способовъ обработки.

Изъ отраслей производительности мануфактурной прежде всего упомянемъ о бумажно-прядильной. Избѣгнемъ здѣсь цифръ, и скажемъ только, что Англія и Франція далеко оставляютъ за собою по этой части всѣ остальныя страны Европы; въ Англіи же бумажно-прядильное производство въ пять разъ больше

---

[1]) По важности винодѣлія, Франція принадлежитъ не только первое мѣсто, но даже мѣсто внѣ всякаго сравненія: 54 милл. гектол. вина въ годъ; въ Италіи, стоящей на второмъ мѣстѣ, менѣе 29 милл. гектол., въ Испаніи же только $1/3$ послѣдней цифры.

французскаго. Изъ другихъ странъ, только Соединенные Штаты близки къ Франціи, хотя все-таки отстаютъ отъ нея. Но Австрія и Россія (которой въ этомъ спискѣ принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто), слѣдующія за Америкою, имѣютъ прядильныхъ станковъ вчетверо менѣе, чѣмъ Франція.

Здѣсь замѣчается однако очень важный фактъ: «остальныя» страны, т. е. не Англія и не Франція, мало-по-малу стремятся уменьшить ихъ первенство въ бумажно-прядильномъ дѣлѣ. Интересныя цифры по этому предмету представлены въ отчетѣ австрійской коммиссіи о выставкѣ 1867 года. Оказывается, что на 100 центнеровъ потребленія хлопка въ Европѣ принадлежало въ 1821—25 годахъ Англіи — 62,20, Франціи — 23,17, а всей остальной Европѣ вмѣстѣ — всего 14,63. Между тѣмъ, въ 1866 году, проценты распредѣлялись уже такъ (пропускаемъ цифры посредствующихъ годовъ; онѣ постепенно подготовляютъ слѣдующій результатъ): на долю Великобританіи 58,08%; Франціи 14,62%, а остальныхъ странъ Европы вмѣстѣ взятыхъ — уже 27,30%.

Возрастаніе производительности мануфактурной въ послѣднія десятилѣтія шло въ громадныхъ размѣрахъ. Такъ, напр., въ началѣ двадцатыхъ годовъ хлопка было потреблено въ Европѣ менѣе 900 т. балленовъ, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, за равный періодъ, уже — 2,865 т. балленовъ. Въ этомъ счетѣ оказывается, что потребленіе хлопка въ Англіи только утроилось, во Франціи болѣе, чѣмъ удвоилось, а въ остальной Европѣ почти ушестерилось. Производство шерстяныхъ тканей вызвало огромное развитіе овцеводства въ Австраліи, южной Африкѣ и южной Америкѣ. Въ Австраліи, въ 1859 году, собиралось шерсти 52 милл. фунтовъ, а въ 1866 году уже 66 милл. фунтовъ; въ Капской колоніи сборъ шерсти за тотъ же періодъ удвоился, а на Ла-Платѣ увеличеніе за тоже время представляетъ почти баснословное отношеніе 59:16 (т. е. 16 милл. ф. въ 1859 и 59 м. ф. въ 1866 г.). Если представить себѣ, что возрастаніе будетъ продолжаться въ тѣхъ же размѣрахъ, то одна Ла-Плата, напр., доставляла бы въ 1873 году 218 милл. фунтовъ шерсти. Такіе успѣхи должны произвесть настоящій переворотъ въ одеждѣ, въ пользу массъ. Спрашивается только, будутъ ли европейскія мануфактуры въ состояніи увеличить свое дѣйствіе въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ. Но громадное умноженіе матеріала обработки, т. е. шерсти, на европейскомъ рынкѣ, вызвало преобразованіе самой этой отрасли мануфактуры: ручная пряжа, преобладавшая въ ней, стала уступать мѣсто машинной. Въ производствѣ шерстяныхъ тканей первое мѣсто принадлежитъ Франціи;

за нею слѣдуетъ Соединенное-Королевство, а другія страны остаются далеко позади ихъ. Первое мѣсто принадлежитъ также Франціи въ производствѣ тканей шелковыхъ. Извѣстно, что эта промышленность все еще не освободилась отъ постигшаго ее кризиса.

Въ добываніи каменнаго угля и въ чугунно-плавильномъ и желѣзномъ дѣлѣ первое мѣсто принадлежитъ Соединенному-Королевству. Вотъ въ какихъ пропорціяхъ добывается каменный уголь въ разныхъ странахъ Европы: въ Соединенномъ-Королевствѣ—1050 милл. метрическихъ центнеровъ [1]); въ Таможенномъ Союзѣ—болѣе 281$^1/_2$ милл.; во Франціи—126 м., въ Бельгіи 104 м., въ Австріи 45 м., Саксоніи 29 м., Баваріи 3$^1/_2$ м., Испаніи 3$^3/_{10}$ м., Швеціи 2$^2/_{10}$ м., Россіи 1$^7/_{10}$ милл. Но Соединеннымъ Штатамъ принадлежитъ первое мѣсто послѣ Англіи; въ нихъ добывается 450 милл. Мы не будемъ выставлять цифръ, относящихся къ разнымъ отраслямъ чугуннаго и желѣзнаго производства, но, для показанія размѣровъ ихъ, скажемъ, что чугуна въ одной Великобританіи производится 45$^1/_4$ милл. центнеровъ, а желѣза тамъ же 35 милл. центнеровъ. Развитіе чугунно-плавильнаго дѣла совершается также въ огромныхъ размѣрахъ. Такъ, за послѣдніе тридцать лѣтъ производство чугуна въ Пруссіи увеличилось на 863 процента, въ Бельгіи на 456%, на 389% въ Англіи, 300% во Франціи, 110% въ Австріи и 60% въ Россіи. Извѣстно, что чугунъ и желѣзо принимаютъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе въ строительномъ дѣлѣ вообще и въ кораблестроительствѣ особенно; чугунные мосты оказались возможны тамъ, гдѣ каменныхъ нельзя было и сдѣлать.

Общее понятіе объ успѣхахъ мануфактурной промышленности во всѣхъ главныхъ отрасляхъ можно составить себѣ по довольно точнымъ даннымъ относительно наличнаго числа паровыхъ машинъ. Свѣдѣнія о числѣ и силѣ дѣйствующихъ паровыхъ машинъ въ нѣкоторыхъ странахъ собираются ежегодно. Какъ примѣръ возрастанія, достаточно будетъ упомянуть, что во Франціи въ 1844 году дѣйствовало 3,645 паровыхъ машинъ, въ 45,780 силъ, а въ 1864 году 19,724 машины въ 242,209 силъ. Чтобы представить паровую силу мануфактурной промышленности различныхъ странъ, Блокъ дѣлаетъ разсчетъ, сколько паровыхъ силъ приходится на 10 т. душъ населенія въ разныхъ странахъ; образуется такая прогрессія:

---

[1]) 1 метр. центнеръ=100 килограммамъ=244 русск. фунт.

Великобританія . .	610	пар. силъ	на	10 т.	душъ.
Бельгія	306	»	»	»	
Виртембергъ . . .	168	»	»	»	
Пруссія	74	»	»	»	
Саксонія	73	»	»	»	
Франція	65	»	»	»	

и т. д.; въ Швеціи, наконецъ, только 3 пар. силы на 10 т. душъ. Въ приведенномъ исчисленіи паровыхъ силъ не приняты въ разсчетъ ни пароходы, ни локомотивы желѣзныхъ дорогъ, а только неподвижныя паровыя машины и локомобили, такъ что цифры эти представляютъ дѣйствительныя силы фабрикаціи. Силы ея могутъ, въ самомъ дѣлѣ, быть опредѣляемы по сложности дѣйствующихъ силъ паровыхъ, такъ какъ итоги паровыхъ силъ показываютъ и средства фабричной работы и размѣры фабричнаго капитала. Каждая лишняя паровая сила представляетъ увеличеніе силъ работы 21-мъ образцовымъ работникомъ, т. е. силою 21 рабочихъ вполнѣ исправныхъ.

Цифры вывозной торговли представляютъ общую картину производительности, но картина эта не совсѣмъ вѣрна, такъ какъ условія сбыта играютъ важную роль въ вывозѣ. Поэтому, цифрами торговли мы воспользуемся только для того, чтобы показать, въ какой мѣрѣ разные народы успѣваютъ въ торговлѣ. Сравненіе между итогами отпускной торговли въ 1856 и 1866 году, т. е. за 10 лѣтъ, показываетъ, что французская отпускная торговля сдѣлала въ это время наибольшіе успѣхи: она болѣе чѣмъ удвоилась (по цѣнности вывоза) и средняя цифра увеличенія торговли за каждый годъ, въ этотъ десятилѣтній періодъ, оказывается для Франціи 10,2%; для Норвегіи соотвѣтственная цифра—7,7%; для Даніи—6,1%, для Соединеннаго-Королевства—только 5,2%; для Таможеннаго Союза—4,4%; для Испаніи—4,1%; Швеціи—3,6%; Португаліи—3,6%; Россіи—1,4%, и Италіи—0,2%. Если распредѣлить успѣхи въ отпускной торговлѣ по расамъ, причемъ Австрію, Бельгію и Швейцарію раздѣлить между соотвѣтствующими тремя главными расами, то получатся слѣдующіе итоги успѣховъ отпускной торговли за десятилѣтіе 1856—1866:

Народы латинской расы отпускали

въ 1856 г. на	6,173	милл.	фр.	успѣхъ
» 1866 » »	10,021	»	»	на 62%

Народы германской расы отпускали

въ 1856 г. на	14,417	милл.	фр.	успѣхъ
» 1866 » »	20,444	»	»	на 40%

Народы славянской расы отпускали
въ 1856 г. на 1,837 милл. фр. | успѣхъ
» 1866 » » 1,895 » » | на 3%

Таковы цифры Блока. Но мы должны отвергнуть всякое значеніе ихъ относительно Россіи, главнымъ образомъ потому, что именно въ послѣднія лѣтъ пять наша отпускная торговля сдѣлала громадные успѣхи. Еслибы приведенное Блокомъ исчисленіе сдѣлать не за десятилѣтіе 1856—1866 гг., а за послѣднее пятилѣтіе только, включивъ въ разсчетъ цифры нашего вывоза въ 1867 и 1868 годахъ, то оказалось бы навѣрное, что первое мѣсто въ процентѣ успѣха отпускной торговли принадлежитъ Россіи, потому что она за это время удвоилась.

Для дополненія этого краткаго очерка элементовъ благосостоянія и силы государствъ, намъ остается привесть еще данныя о желѣзныхъ дорогахъ. Что средства сообщенія представляютъ одинъ изъ важныхъ элементовъ не только благосостоянія, но и силы государства, это не требуетъ доказательствъ. Сверхъ умозрѣнія, достаточно обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ прежнія времена сумма коммерческихъ оборотовъ удвоивалась въ 25-ти или 30-ти-лѣтніе періоды, а по мѣрѣ введенія болѣе совершенныхъ средствъ сообщенія она стала удвоиваться въ періоды 12 и 15 лѣтъ; теперь же въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. наша отпускная торговля, удвоивается въ пять, шесть лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у насъ этотъ результатъ въ значительной степени зависѣлъ именно отъ проведенія желѣзныхъ путей: возрастаніе нашей внѣшней торговли пошло необыкновенно быстро именно съ 1863 и 1864 годовъ, а 1862 годъ — именно и былъ эрою въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ намъ предстоитъ еще большое развитіе, такъ какъ и теперь, въ Россіи, соотвѣтственно числу населенія (не говоря уже о пространствѣ) желѣзныхъ дорогъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, за исключеніемъ Турціи.

Вотъ какъ Блокъ распредѣляетъ европейскія государства въ отношеніи длины дѣйствующихъ желѣзныхъ дорогъ: на каждый милліонъ населенія приходится километровъ рельсовыхъ путей — въ Соединенномъ Королевствѣ 771, въ Баденѣ 533, въ Швейцаріи 532, въ Баваріи 486, въ Бельгіи 430, во Франціи 413, въ Саксоніи 408, въ Швеціи 387, въ Пруссіи 377, въ Виртембергѣ 358, въ Нидерландахъ 331, въ Испаніи 315, въ Даніи 281, въ Австріи 210, въ Норвегіи 210, въ Италіи 206, въ Португаліи 169, въ Россіи 100. Эта послѣдняя цифра, замѣтимъ, даже скорѣе выше дѣйствительности, чѣмъ ниже, если

принять въ разсчетъ протяженія желѣзныхъ дорогъ уже дѣйствительно готовыхъ у насъ, т.-е. около 7,000 верстъ, и сравнить ихъ съ 79-ти-милліоннымъ населеніемъ всей территоріи государства. Блокъ протяженіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ принимаетъ въ 6,109 километровъ, что было очень близко къ истинѣ еще въ прошломъ году, но цифра населенія у него—слишкомъ старая. Напомнимъ, что желѣзныхъ дорогъ у насъ еще строится около $3^1/_2$ т. верстъ. Съ 10-ю т. верстъ желѣзныхъ дорогъ мы уже рѣшительно приблизимся къ европейскимъ условіямъ, какъ представляютъ ихъ послѣднія цифры приведенной сейчасъ таблицы.

III.

До сихъ поръ мы сопоставляли одни главные элементы матеріальной силы государствъ. Но никто уже нынѣ не сомнѣвается, что чрезвычайно важный элементъ силы государства представляется умственнымъ развитіемъ большинства его гражданъ. Истина эта въ настоящее время уже утвердилась въ сознаніи всѣхъ европейскихъ правительствъ, хотя можно сказать, что не вездѣ еще этой истинѣ дано достаточное примѣненіе въ государственной дѣятельности, т.-е., что въ государственномъ попеченіи сила видимая, матеріальная слишкомъ поглощаетъ вниманіе, въ ущербъ силѣ умственной и нравственной. Происходитъ это, конечно, оттого, что попеченія перваго рода, попеченія объ умноженіи средствъ обороны и нападенія и средствъ финансовыхъ производятъ результаты непосредственно, между тѣмъ, какъ заботливость, напримѣръ, о распространеніи въ массахъ образованія обѣщаетъ результаты только въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, истина, что умственное развитіе гражданъ составляетъ чрезвычайно важный элементъ государственной силы, въ принципѣ сознана всѣми, и одинъ ораторъ, на одномъ изъ недавнихъ нашихъ юбилейныхъ собраній, рельефно высказалъ ее именно въ отношеніи къ военному дѣлу: «Никакіе Чингисханы, никакіе Аттилы — сказалъ почтенный ораторъ—не въ состояніи раздавить своими дикими ордами европейской арміи, опирающейся на выводы современной науки.... Цивилизація сама по себѣ стала грозною, непреодолимою силою. Но для развитія этой силы нужна почва, сложившаяся исторически, нужно общество, уже достигшее совершеннолѣтія. Физическая сила и отвага развиваются и подъ гнетомъ деспотизма и при полномъ безправіи, и при самомъ возмутительномъ рабствѣ и угнетеніи человѣка. Развитіе же науки

немыслимо безъ государственнаго благоустройства, безъ свободы мысли и безъ гражданскаго полноправія личности» [1]).

Полноправіе личности и свобода мысли—вотъ въ дѣйствительности основныя условія, при которыхъ возможны быстрые и прочные успѣхи умственнаго развитія въ странѣ. Интересы государства и общества солидарны, но среди условій положенія даннаго общества есть нѣкоторыя, имѣющія спеціально-государственный характеръ, потому именно, что они отражаются въ самомъ государственномъ устройствѣ и особенно тѣсно связаны съ государственною дѣятельностью. Таковы именно: участіе гражданъ въ управленіи, степень свободы мысли въ гласности и по отношенію къ религіи, наконецъ, народное образованіе. Полноправность личности и образованіе мы, конечно, должны поставить на первомъ планѣ въ очеркѣ условій общественнаго быта разныхъ странъ Европы. Но такъ какъ эти два главные элемента развитія имѣютъ въ значительной степени и государственный характеръ, то мы, въ заключеніе статистическаго обзора государственныхъ силъ Европы помѣстимъ очеркъ главнѣйшихъ данныхъ, служащихъ основаніемъ для различныхъ системъ политическаго самоуправленія, отношеній церкви къ гражданамъ и распространенія народнаго образованія въ современной Европѣ.

Начнемъ съ данныхъ статистики политическаго самоуправленія. Политическое самоуправленіе существуетъ во всѣхъ государствахъ западной Европы, но въ весьма различной степени. Общій органъ политическаго самоуправленія есть народное представительство. Но извѣстно, что въ немногихъ только странахъ самоуправленіе представляется однимъ только выборнымъ представительствомъ всего народа. Почти во всѣхъ конституціонныхъ странахъ существуетъ двухъ-палатная система, которая, говоря строго логически, измѣняетъ смыслъ народнаго самоуправленія, вводя въ него, сверхъ естественнаго органа—представительства избраннаго всѣмъ народомъ, еще органъ наслѣдственнаго сословія или высшей бюрократіи. Это противорѣчіе теоріи народнаго самоуправленія обусловливается съ одной стороны остатками отъ старинныхъ преданій, противорѣчащихъ самому основанію народнаго самоуправленія, какъ его понимаютъ теперь, а съ другой — недовѣріемъ къ устойчивости народнаго мнѣнія, и заботливостью о приданіи законодательному сословію бо̀льшей устойчивости посредствомъ введенія въ него посторонних народному мнѣнію элементовъ: личныхъ заслугъ, доказанной преданности и т. д.

---

[1]) Рѣчь генерала Шарыгина на юбилейномъ обѣдѣ въ инженерной академіи.

Двѣ палаты могутъ существовать въ странѣ и безъ нарушенія раціональной основы самоуправленія, именно если обѣ онѣ исходятъ изъ того же источника, т.-е. изъ народныхъ выборовъ, непосредственныхъ или посредственныхъ—чрезъ областные сеймы. Таково образованіе верхнихъ палатъ отчасти въ Даніи, гдѣ король назначаетъ 21 изъ 66 членовъ верхней палаты, а остальные избираются народомъ; оно существуетъ вполнѣ въ Швеціи, Нидерландахъ, Бельгіи и Швейцаріи (Соединенные Штаты мы оставляемъ теперь въ сторонѣ). Въ Швеціи и Нидерландахъ члены верхней палаты избираются областными сеймами, въ Бельгіи члены сената избираются народомъ непосредственно; въ Швейцаріи союзный совѣтъ состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ кантоновъ, по 2 отъ каждаго.

Но вообще говоря, верхнія палаты въ Европѣ представляютъ элементы не общенародные, а сословные или правительственные. Палата лордовъ имѣетъ образованіе чисто-сословное и въ слабой степени правительственное: она состоитъ изъ пэровъ наслѣдственныхъ, изъ 28 членовъ, избранныхъ сословіемъ пэровъ Ирландіи и 16 представителей шотландскаго пэрства, получающихъ полномочіе на одну сессію. Сверхъ того, въ палатѣ лордовъ засѣдаютъ 24 епископа, въ силу своего званія. Корона имѣетъ право назначать пожизненныхъ пэровъ, но въ послѣднее время не пользуется этимъ правомъ. Правительственный элементъ однако всетаки входитъ въ составъ палаты лордовъ, такъ какъ корона продолжаетъ пользоваться правомъ пожалованія наслѣдственнаго пэрства. Въ Пруссіи, верхняя палата представляетъ уже правительственный элементъ въ гораздо сильнѣйшей степени, такъ какъ въ ней изъ числа 287 членовъ, только 82 наслѣдственныхъ. Большинство (153) назначены королемъ по представленію дворянскаго землевладѣнія, большихъ городовъ и университетовъ. Верхняя палата въ Цислейтанской Австріи имѣетъ также характеръ смѣшанный, представляя элементы наслѣдственно-сословный и правительственный; въ Венгріи—наслѣдственно-сословный и избирательный и т. д. Во Франціи и Италіи сенаты имѣютъ образованіе чисто-бюрократическое.

Статистика народнаго представительства обнаруживаетъ огромное различіе въ отношеніи числа представителей къ числу населенія. Такъ, во Франціи всего 283 (въ прошлую сессію) депутата, т.-е. 1 на 134 т. жителей, а въ Даніи 114, т.-е. 1 на 15 т. жителей. Но гораздо важнѣе самыя условія, опредѣляющія избирательное право. Степень доступности избирательнаго права для массы гражданъ и степень свободы, какою пользуются избиратели—вотъ два главныя условія вѣрности народнаго пред-

ставительства. Самое широкое примѣненіе одного изъ этихъ условій безъ соблюденія другого не можетъ обезпечить странѣ вѣрнаго представительства интересовъ большинства. Доступность избирательнаго права для массы нигдѣ не существуетъ въ такой степени, какъ во Франціи; тамъ она ограничена только извѣстнымъ возрастомъ, неопороченностью гражданина и извѣстнымъ срокомъ пребыванія въ одной мѣстности. Всенародное и притомъ прямое голосованіе однакоже не обезпечиваетъ Франціи вѣрнаго представительства ея народа на выборахъ, потому что на практикѣ не существуетъ свободы избранія. Противоположный примѣръ представляла Великобританія до реформы 1832 г.: выборы въ ней были свободны, по крайней мѣрѣ отъ правительственнаго вліянія, ио избирательное право было доступно только привилегированнымъ классамъ и мѣстностямъ. Вслѣдствіе того, Соединенное-Королевство хотя и было свободною страною въ томъ смыслѣ, что въ немъ осуществлено было самоуправленіе для достаточныхъ классовъ и въ особенности для крупнаго землевладѣнія, но вѣрнаго представительства интересовъ народной массы въ тогдашней Британіи не было. Реформа 1832 г. уже много измѣнила это положеніе дѣлъ, а послѣдняя реформа въ значительной степени приблизила уже Соединенное-Королевство ко всеобщему голосованію, допустивъ къ пользованію избирательнымъ правомъ хотя не всю массу личностей, но массу семействъ.

Такъ какъ вѣрность, истинность самоуправленія обусловливается соблюденіемъ двухъ условій, то естественно, что на основаніи только одного изъ нихъ нельзя выводить сужденія о бóльшей или меньшей вѣрности и силѣ народнаго правленія въ разныхъ странахъ. Нельзя сказать, напр., что тѣ страны, въ которыхъ существуетъ всеобщее голосованіе, пользуются бóльшею политическою свободою, чѣмъ тѣ, въ которыхъ избирательство опредѣляется цензомъ, или, наоборотъ, что система всеобщаго голосованія вредна для свободы, а система ценза обезпечиваетъ свободу. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщее право избирательства существуетъ во Франціи, которая еще не можетъ похвалиться свободою; въ Швейцаріи, которая справедливо ею хвалится; въ Пруссіи, Сѣверо-германскомъ Союзѣ, Даніи и въ Испаніи съ 1868 года. Въ Англіи система ценза дополняется условіями уже приближающимися ко всеобщему избирательству. Итакъ, всеобщее голосованіе само по себѣ не исключаетъ возможности свободы. Но оно одно и не ручается за нее. Напротивъ, есть государства, въ которыхъ представительство основано на цензѣ, а между тѣмъ свобода во всѣхъ отношеніяхъ болѣе обезпечена, чѣмъ

во Франціи и Пруссіи: таковы — Бельгія и Италія. Наконецъ, обращаясь собственно въ этомъ случаѣ къ примѣру великой американской республики, мы и тамъ не найдемъ аргумента въ пользу превосходства того или другого избирательнаго начала, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ существуетъ цензъ, а въ другихъ его нѣтъ.

Внѣ учрежденій, существующихъ въ государствѣ, дѣйствительность въ немъ политическаго самоуправленія наиболѣе обезпечивается свободою печати, то-есть просторомъ для заявленій общественнаго мнѣнія, не оформенныхъ въ юридически-обязательныя рѣшенія. Свобода сходокъ и свобода печати означаютъ въ сущности тоже самое, но право печати еще важнѣе для страны, чѣмъ право собранія, потому что печать представляетъ, во-первыхъ, постоянное, непрерывное, а во-вторыхъ полное представительство общественныхъ стремленій. Стѣсненіе печати есть нарушеніе самаго первобытнаго изъ условій самоуправленія, закрѣпощеніе самой общественной мысли. Свобода печати признана въ принципѣ законодательствомъ всѣхъ странъ западной Европы, и всѣ онѣ имѣютъ печать свободную въ томъ смыслѣ, что она не подвержена произволу. Послѣднимъ изъ условій, подвергавшихъ еще печать произволу, было право администраціи дозволить или не дозволить основаніе новаго изданія, существовавшее во Франціи и въ Испаніи, такъ-называемое «предварительное разрѣшеніе». Въ Испаніи оно не существуетъ со времени революціи, а во Франціи оно недавно отмѣнено.

Такимъ образомъ, хотя въ государствахъ европейскаго континента все еще удерживаются спеціальныя постановленія «о печати», но постановленія эти въ настоящее время содержатъ въ себѣ только нѣкоторыя предосторожности для обезпеченія взысканій съ печати судебнымъ порядкомъ, и уже нигдѣ на Западѣ не заключаютъ въ себѣ какого-либо условія, подчиняющаго печать административному усмотрѣнію. Проступки печати подлежатъ суду присяжныхъ на Западѣ вездѣ, кромѣ Франціи и Нидерландовъ. Обезпеченіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, то-есть представленіе денежнаго залога, на который упадаютъ судебныя пени, требуется не вездѣ: въ Италіи, Нидерландахъ, Бельгіи, Швейцаріи, великомъ герцогствѣ Баденскомъ, въ Швеціи и Норвегіи, въ Даніи и въ Испаніи, органы печати никакихъ залоговъ не вносятъ. Залоговъ не вносятъ періодическія изданія и въ Англіи, но тамъ существуетъ поручительство: основатель журнала долженъ представить двухъ состоятельныхъ гражданъ, которые поручатся, что они отвѣчаютъ, круговою порукою съ главнымъ редакторомъ и именно на сумму

въ 400 фунтовъ, за уплату всякихъ денежныхъ вознагражденій, какія могутъ быть присуждены съ журнала судомъ въ пользу оскорбленныхъ частныхъ лицъ. Это далеко не то что залогъ: во-первыхъ, поручители ничего не вносятъ до тѣхъ поръ, пока редакторъ не оказывается несостоятельнымъ платить по присужденному съ него вознагражденію; значитъ основатель журнала избавляется отъ необходимости имѣть готовый капиталъ кромѣ того, который нуженъ для начатія самого дѣла; во-вторыхъ, здѣсь не власти, не администрація охраняются штрафами и обезпечиваются залогомъ отъ неумѣренныхъ нападеній прессы, а только—убытки или ущербъ лицъ частныхъ.

Статистическія изслѣдованія, какъ вообще изслѣдованія посвященныя обществу, близко граничатъ съ чисто-политическими этюдами, представляя послѣднимъ прочную основу, и потому для сравненія существующихъ въ настоящее время обезпеченій или ограниченій свободы мысли въ государствахъ Европы, пришлось бы между прочимъ представить основныя черты ихъ конституцій, что, собственно говоря, уже выходитъ изъ матеріальныхъ предѣловъ сравнительной статистики. Но все же въ статистикѣ есть отдѣлы, которые показываютъ цифрами силу государствъ, представляемую умственнымъ развитіемъ его гражданъ и предварительнымъ условіемъ этого развитія—свободою самой мысли. Эти отдѣлы — статистика вѣроисповѣданій и статистика народнаго просвѣщенія; къ нимъ и обратимся теперь.

Прежде всего укажемъ на явленіе, которое служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній 1869 года; послѣ того, какъ религіозное убѣжденіе освободилось въ Испаніи, во всѣхъ странахъ европейскаго Запада, въ настоящее время—за исключеніемъ двухъ спеціально-ѳеократическихъ, именно Рима и Турціи—существуетъ полная свобода религіознаго исповѣданія. Подъ именемъ религіозной свободы въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется, что гражданинъ не принуждается закономъ къ исповѣданію, хотя бы только наружному, какой-нибудь вѣры, а совершенно свободенъ исповѣдывать какую хочетъ вѣру и переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безъ всякаго со стороны государства препятствія, а тѣмъ менѣе преслѣдованія. Это еще не есть полная свобода въ церковныхъ дѣлахъ, но это во всякомъ случаѣ уже гораздо больше, чѣмъ простая терпимость другихъ исповѣданій, съ запрещеніемъ перехода въ нихъ гражданъ изъ господствующей церкви.

Полная свобода въ церковныхъ дѣлахъ предполагаетъ совершенное раздѣленіе между государствомъ и церквами. Такое полное раздѣленіе существуетъ только въ Соединенныхъ Шта-

тахъ, гдѣ законъ не признаетъ никакой государственной церкви, и государство не подчинено никакимъ церковнымъ требованіямъ, въ томъ числѣ и расходамъ по содержанію духовенства, а все церковное дѣло зависитъ исключительно отъ общинъ и приходовъ, и есть дѣло полюбовное, дѣло убѣжденія, доброй воли и доброхотныхъ пожертвованій. Въ Европѣ наиболѣе либеральны въ церковныхъ дѣлахъ: Нидерланды, Бельгія, Данія, Норвегія и Италія. Въ Соединенномъ Королевствѣ не существуетъ никакихъ принужденій въ религіозномъ отношеніи, кромѣ одного, весьма важнаго впрочемъ: такъ какъ законъ признаетъ англиканскую церковь не только по имени государственною, но и положительно господствующею, то существуютъ подати на ея содержаніе. Подати эти (church-rates) приходится иногда платить и диссидентамъ. Если въ общинѣ большинство состоитъ изъ англикановъ, то община обязана принять участіе въ церковныхъ податяхъ, и тогда диссидентское меньшинство платитъ за содержаніе церквей господствующей церкви—уродливое явленіе, котораго нѣтъ нигдѣ, кромѣ Англіи, и которое и тамъ вѣроятно скоро исчезнетъ, такъ какъ одно изъ первыхъ требованій радикаловъ есть именно отмѣна церковныхъ податей. Если же большинство въ данной общинѣ оказывается диссидентскимъ, то община не обязывается никакими податями въ пользу церкви, а мѣстному англиканскому меньшинству, также, какъ и диссидентскому большинству въ этой общинѣ, предоставляется дѣлать добровольные сборы въ пользу тѣхъ или другихъ церквей. Пока господство англиканской церкви не было отмѣнено въ Ирландіи, значительная часть мѣстныхъ жителей-католиковъ должна была платить за содержаніе англиканскихъ церквей. Съ другой стороны, существующая на континентѣ система содержанія духовенства изъ государственнаго бюджета отчасти примѣнялась въ Ирландіи въ пользу католиковъ, въ видѣ государственныхъ субсидій католической семинаріи въ Майнутѣ и въ видѣ «королевскаго дара» (regium donum).

Система содержанія духовенства насчетъ государственнаго бюджета въ сущности равнозначуща съ системою обязательныхъ общинныхъ сборовъ въ пользу духовенства, но въ происхожденіи ея есть обстоятельство, которое представляетъ существенное различіе: содержаніе духовенства на счетъ государственнаго бюджета явилось въ видѣ вознагражденія за конфискацію имуществъ духовенства. Мы сейчасъ обратимся къ этому бюджету, но прежде окончимъ изложеніе общей характеристики отношеній между государствомъ и церковью въ разныхъ странахъ Европы. Изъ свободныхъ государствъ Европы только одна Швейцарія, въ силу

17*

федеральнаго устройства, иногда дающаго опору и мѣстнымъ предразсудкамъ, представляетъ еще въ нѣсколькихъ кантонахъ странныя аномаліи въ этомъ отношеніи. Въ Шаффгаузенѣ, Базелѣ, Лозаннѣ, Ури и Сен-Галленѣ диссидентскія церкви не имѣютъ права колокольнаго звона, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, диссиденты даже не пользуются всѣми правами гражданства. Но въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ господствуетъ религіозная свобода, а въ нѣкоторыхъ и полная свобода въ церковныхъ дѣлахъ.

Во многихъ странахъ, государство отчасти подчинено церкви въ томъ смыслѣ, что представителямъ одной или и всѣхъ христіанскихъ церквей даются разныя государственныя или административныя привилегіи. Такъ, въ Пруссіи народныя школы совершенно подчинены духовенству; такъ, представители господствующаго епископата засѣдаютъ въ верхнихъ палатахъ разныхъ странъ (во французскомъ сенатѣ — кардиналы). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ государствахъ законодательство дѣлаетъ еще нѣкоторыя уступки догматамъ той церкви, которую оно признаетъ преобладающею: такъ, французское законодательство недопускаетъ развода на томъ основаніи, что разводъ противенъ католическому догмату.

Перейдемъ теперь къ расходамъ на содержаніе церквей и духовенства. Въ Англіи, съ Валлисомъ, англиканское духовенство получаетъ дохода съ имуществъ и десятинъ 101½ милл. франковъ, въ Шотландіи 5 милл. фр., въ Ирландіи 14½ милл. фр. Сверхъ того, церковныя подати съ общинъ доставляютъ ему около 6 милл. фр., итого 127 милл. фр., или 31¾ милл. рублей въ годъ. Сверхъ того, государство издерживало еще нѣсколько болѣе 1 милл. фр. на субсидіи католическому духовенству. Въ Австріи капиталъ принадлежащій католической церкви составляетъ (цифра 1849 года) 917 милл. франковъ, приносящихъ въ годъ 60 милл. фр. или 15 милл. рублей дохода. Сверхъ того, государство издерживаетъ (бюджетъ 1867 года) болѣе 1 милл. 600 т. гульденовъ. За то общинныхъ издержекъ на церкви очень мало. Наоборотъ, въ Виртембергѣ фонды духовенства малы, но за то каждый обязанъ вносить извѣстную подать на содержаніе какого-либо духовенства, по его усмотрѣнію, но не допускается, чтобы онъ не пожелалъ содержать никакого.

Вопросъ о содержаніи духовенства государствомъ въ государствахъ католическихъ и православныхъ вовсе бы не возникъ, еслибы государства не конфисковали церковныхъ имуществъ. Въ одной изъ «Хроникъ» «Вѣстника Европы» за 1868 годъ [1]) доказ-

---

[1]) Октябрь, 1868, стр. 851.

зывалась невозможность принять на счетъ казны содержаніе духовенства, но вмѣстѣ высказывалась мысль, что такъ какъ государство воспользовалось имуществами духовенства, то можно было бы создать изъ казенныхъ средствъ особый «церковный фондъ», который и предоставить современемъ въ полное распоряженіе духовнаго представительства. Ту же самую мысль Блокъ подаетъ для Франціи, но только въ видѣ пожертвованія духовенству одного изъ государственныхъ доходовъ, именно прямого налога на капиталъ въ движимостяхъ (онъ приноситъ столько, сколько государство издерживаетъ на содержаніе церкви). Но основанія церковнаго фонда Блокъ не рекомендуетъ, указывая впрочемъ только на трудность распредѣленія его. У насъ же, по мѣрѣ болѣе широкаго примѣненія въ церковномъ управленіи выборнаго начала, такое препятствіе устранится само собою.

Главное, конечно, въ томъ, чтобы освободить церковь отъ государственной опеки и наоборотъ; а для этого прежде всего необходимо развязать ихъ въ денежномъ отношеніи. Что церкви, предоставленныя сами себѣ, никакъ не пали бы, на это есть положительныя доказательства. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ государство не жертвуетъ ни центезима въ пользу какого бы то ни было вѣроисповѣданія, всѣ онѣ процвѣтаютъ. Католическіе епископы въ Соединенныхъ Штатахъ отличаются обиліемъ своихъ приношеній папскому престолу. А вотъ цифры, представляющія положеніе въ Соединенныхъ Штатахъ церкви методистско-епископальной (нѣчто въ родѣ англійской «низшей церкви»): въ 1776 году она имѣла 24 пастора и менѣе 5,000 приверженцовъ; теперь она имѣетъ почти 17 тысячъ пасторовъ на 1 милліонъ приверженцовъ, т.-е. въ то время, какъ число приверженцовъ возрасло всего въ 200 разъ, число пасторовъ возрасло въ 700 разъ: значитъ средства существованія обильны. На этихъ 17 т. пасторовъ имѣются болѣе 11 т. церквей и болѣе $3\frac{1}{2}$ т. домовъ, стоющихъ вмѣстѣ болѣе 41 милл. долларовъ.

Краснорѣчивымъ доказательствомъ, что церковь предоставленная самой себѣ, т. е. обществу вѣрныхъ, не падетъ, служитъ еще тотъ любопытный фактъ, что тамъ, гдѣ имущества духовенства были конфискованы, церковь уже успѣла создать себѣ имущества вновь, что имущества эти возрастаютъ и что съ ними постоянно возрастаетъ вездѣ число монастырей, содержащихся исключительно на имущества и вклады. Во Франціи, при переписи 1861 года, существовало до 4,900 признанныхъ и 2,870 непризнанныхъ оффиціально духовныхъ конгрегацій. Съ 1856 по 1860 годъ приношеній однимъ монастырямъ по завѣщаніямъ и

дарственнымъ записямъ было болѣе $6\frac{1}{2}$ милл. франковъ; сверхъ того, епархіальному духовенству и разнымъ католическимъ обществамъ подарено было, актовымъ порядкомъ, за тоже время почти на 20 милл. фр. А приношенія при совершеніи нѣкоторыхъ требъ? — ихъ исчислить невозможно, но извѣстно, что le casuel составляетъ важный доходъ духовенства.

Во Франціи, въ настоящее время числится монаховъ и монахинь 2,662 на каждый милліонъ населенія, а въ свободной Бельгіи—3,230 на милліонъ! Эти цифры оставляютъ далеко за собою соотвѣтствующую цифру (633 на милліонъ) въ Австріи, которую вообще считаютъ усердно-католическою страною. Еслибы даже половина жителей въ Австріи (съ Венгріею) были не католики, то и тогда цифра 1,266 на милліонъ далеко отставала бы отъ французской и бельгійской; а въ Австріи $\frac{2}{3}$ населенія—католики. Извѣстно, что число католическихъ монастырей постоянно возрастаетъ и въ Пруссіи и даже въ самой Англіи. Вообще, Блокъ считаетъ въ католическихъ земляхъ 120 т. монаховъ и 190 т. монахинь, и изъ этого числа 4,000 — въ Соединенномъ Королевствѣ. Возрастаніе монастырей было особенно сильно между 1855 и 1865 годами.

Общіе итоги исповѣдующихъ главныя вѣры въ Европѣ Блокъ принимаетъ

въ	139	милл.	60	т.	католиковъ
»	73	»	600	»	православныхъ
»	70	»	200	»	протестантовъ
»	4	»	160	»	евреевъ.

IV.

Обращаясь къ статистикѣ народнаго просвѣщенія, не можемъ безъ зависти взглянуть на тѣ страны, въ которыхъ вопросъ о народномъ первоначальномъ обученіи, если остается еще вопросомъ, то заключается только въ измѣненіи его направленія (какъ въ Пруссіи) или въ введеніи системы обязательнаго обученія (какъ во Франція). Вопросъ тамъ состоитъ въ установленіи системы, а силъ имѣется достаточно. У насъ же вопросъ состоитъ прежде всего въ сформированіи силъ, въ образованіи массы народныхъ учителей. У насъ говорятъ о введеніи военной конскрипціи, то-есть обязательности военной службы для всѣхъ сословій безъ изъятія. Но много ли пользы принесутъ намъ какія-нибудь лишнія три тысячи солдатъ изъ образованныхъ сос-

ловій вдобавокъ къ нашимъ 800 тысячамъ мирнаго комплекта? А сколько пользы принесли бы Россіи три тысячи народныхъ учителей, образованныхъ и молодыхъ — потому что молодость, съ ея горячимъ стремленіемъ къ добру, тутъ тоже очень важное условіе. О, еслибы вмѣсто «трехлѣтняго пребыванія подъ знаменами», на казенномъ пайкѣ, которое рекомендуютъ для молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ школахъ и университетахъ, какъ хорошую подготовку къ практической дѣятельности, возможно было устроить трехлѣтнее пребываніе тѣхъ молодыхъ людей, на казенномъ же пайкѣ, въ видѣ благородной повинности, подъ знаменами великаго дѣла народнаго обученія! Какая громадная польза для народа, слышать первое слово умственнаго развитія отъ человѣка образованнаго и молодого, который смотрѣлъ бы на свою дѣятельность не какъ на вѣчную скудно оплачиваемую профессію, а какъ на истинный гражданскій подвигъ, на жертву, приносимую имъ сознательно будущности своего народа. И какая нравственная дисциплина могла бы подѣйствовать благотворнѣе на молодого человѣка, воспитаннаго внѣ народной массы, въ невѣдѣніи ея быта, ея ума, ея нуждъ и болѣзней, — какъ не такое практическое, а не ораторское,—реальное, а не идеальное сближеніе съ народомъ, сближеніе не «по духу», а по дѣлу, солидарность установленная двумя-тремя годами чистой, безкорыстной дѣятельности на пользу народа? Говорятъ, человѣкъ самъ привязывается къ тому, кому сдѣлалъ добро. Если это справедливо, то какая богатая подготовка была бы эта народная школа не для учениковъ только, но и для самихъ учителей, къ дальнѣйшей ихъ общественной и, можетъ быть, государственной дѣятельности!

Скажутъ, быть можетъ, что осуществить нашу мысль слишкомъ трудно. Объ этомъ мы можемъ только пожалѣть; но мы не можемъ допустить возраженія, что молодые люди, «брошенные въ народъ» на три года, стали бы портиться нравственно. Почему же они не портились бы между солдатами, а портились бы между крестьянами; неужели казарма всегда нравственнѣе деревни? Во всякомъ случаѣ умъ ихъ, въ должности народныхъ учителей, нашелъ бы себѣ болѣе надежную нравственную поддержку, чѣмъ какую могутъ представить военная дисциплина и фронтовыя отличія.

Вопросъ объ обязательности первоначальнаго обученія не рѣшенъ еще ни во Франціи, ни въ Англіи, но въ обѣихъ странахъ за обязательность стоятъ передовые умы. Противники находятъ ее въ противорѣчіи съ принципомъ свободы.

Но это—чистое смѣшеніе понятій, то смѣшеніе, съ которымъ безпрестанно встрѣчаешься при обсужденіи вопросовъ общественныхъ. О свободѣ не можетъ быть рѣчи въ примѣненіи къ тѣмъ, чья судьба здѣсь обсуждается, т. е. къ дѣтямъ. Принципъ свободы не примѣняется къ личностямъ неправоспособнымъ, состоящимъ подъ властію родителей. Итакъ, кто въ этомъ вопросѣ отстаиваетъ свободу, тотъ отстаиваетъ не принципъ свободы, а совсѣмъ иной принципъ: принципъ безконтрольности властей. Но ставъ однажды на эту точку, надо, чтобы быть логичнымъ, утверждать также, что законъ не имѣетъ права обязывать родителей кормить дѣтей, не можетъ полагать никакихъ ограниченій ихъ карательной силѣ надъ дѣтьми. Однимъ словомъ, стоя твердо на почвѣ римскаго гражданскаго права, слѣдуетъ допускать всѣ его послѣдствія, включая и право смерти родителей надъ дѣтьми.

У Блока мы находимъ нѣсколько рельефныхъ замѣтокъ по этому вопросу: «Насъ могутъ обязывать періодически красить нашъ домъ, чистить канаву, которая служитъ намъ межою, не рубить или рубить такое и такое дерево; мало того! У насъ берутъ сына и выводятъ его подъ непріятельскій огонь или посылаютъ его въ убійственный климатъ—и все это, по нашему разумѣнію, не нарушаетъ нашей свободы. Но обязывать родителей, чтобы они учили дѣтей грамотѣ—это тираннія?... Замѣчательно, что въ этомъ вопросѣ именно ультра-консервативная партія хочетъ защищать «свободу», а именно либералы и демократы возстаютъ противъ этой «свободы невѣжества», какъ они ее называютъ, и говорятъ, что она «подкапываетъ общественныя основы». Но напрасно ультра-консерваторы говорятъ о свободѣ: невѣжество и свобода взаимно исключаютъ одно другое; рискуя сохранить одно, вы закрываете доступъ другой, и при малѣйшемъ народномъ движеніи у васъ всплываетъ на верхъ не свобода, а безпорядокъ, со всѣми его неудобствами».

Изложимъ, по Блоку, устройство первоначальнаго обученія въ разныхъ странахъ, включая и Соединенные Штаты, потому именно, что они могутъ здѣсь служить примѣромъ Европѣ, не для начальной постановки дѣла, конечно, которая во многихъ странахъ Европы не можетъ обойтись безъ энергическаго почина со стороны государства, но примѣромъ окончательной организаціи его, когда оно уже будетъ поставлено на ноги. Первоначальную школу въ Соединенныхъ Штатахъ содержитъ община. Каждая община имѣетъ первоначальную школу, которую содержитъ или на спеціальный фондъ или же на налогъ, иногда значительный: за то обученіе даровое. Школа, принадлежа всей

общинѣ, не принадлежитъ ни одному вѣроисповѣданію; какъ ни набожны американцы, но первоначальную школу они сдѣлали свѣтскою. По воскресеньямъ, духовныя лица тѣхъ вѣроисповѣданій, къ какимъ принадлежатъ ученики, даютъ имъ уроки религіи, каждый своимъ и по-своему. Въ школѣ же религіозная сторона ограничивается прочтеніемъ каждый день отрывка изъ библіи, общей всѣмъ христіанамъ, безъ всякихъ толкованій. Наблюденіе надъ школами возлагается на особыхъ инспекторовъ, которые, какъ и всѣ вообще должностныя лица въ Америкѣ, получаютъ плату; эти инспекторы подчинены общинному управленію. Центральное союзное правительство въ этомъ дѣлѣ вполнѣ полагается на общины и поддерживаетъ дѣло образованія только тѣмъ, что предоставляетъ, для усиленія его средствъ, часть свободныхъ земель принадлежащихъ Союзу. При учрежденіи новаго штата, онъ получаетъ такой надѣлъ и распоряжается имъ, затѣмъ, по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, для образованія училищныхъ фондовъ роздано болѣе 20 милл. десятинъ земли, которые, особенно въ старыхъ штатахъ, приносятъ значительный доходъ. Но независимо отъ него, расходъ *на первоначальное обученіе* составляетъ въ Союзѣ еще болѣе *25 милл. рублей ежегодно*. На эти средства пользуются первоначальнымъ обученіемъ около $4^1/_2$ милл. дѣтей. При такой постановкѣ дѣла, Соединенные Штаты могутъ обходиться безъ обязательности первоначальнаго обученія. Но принципъ этотъ впервые былъ провозглашенъ именно въ Соединенныхъ Штатахъ: въ Массачусетсѣ закономъ 1848 года, а въ Коннектикотѣ закономъ 1850 года.

Въ Европѣ первое мѣсто по устройству первоначальнаго обученія Блокъ даетъ Нидерландамъ. Обученіе тамъ не вполнѣ обязательно, но народная школа — тоже свѣтская, и притомъ уже съ 1806 года, когда законъ формально отдѣлилъ школу отъ вѣроисповѣдныхъ разномыслій: въ программу обученія входитъ общая нравственность, а религіозное обученіе предоставлено попеченію различныхъ церквей, внѣ школы. При этомъ, законъ 1806 года вовсе не имѣлъ какой-нибудь анти-христіанской тенденціи, какъ утверждаютъ его противники. Напротивъ, онъ даже требуетъ, чтобы въ воспитаніе входили «всѣ христіанскія и общественныя добродѣтели», но онъ устраняетъ отъ школы религіозныя разномыслія, которыя ничего общаго съ христіанскими добродѣтелями не имѣютъ, и изъ которыхъ каждое стремится подчинить себѣ школу, несмотря на то, что законъ признаётъ въ государствѣ равноправность вѣроисповѣданій.

Въ Нидерландахъ, какъ и въ Америкѣ, школу содержитъ община и наставника назначаетъ общинный совѣтъ. Въ 1865 году, изъ 3,623 существовавшихъ первоначальныхъ школъ 2,565 были публичныя, т. е. содержались общинами. Расходъ составлялъ $9\frac{1}{2}$ милл. фр., изъ которыхъ до 420 тысячъ фр. давала государственная казна.

Въ Бельгіи, по закону 1842 года, каждая община обязана имѣть первоначальную школу съ экзаменованными учителями; обученіе для бѣдныхъ безплатно, но не обязательно. Наблюденіе надъ школою двоякое — свѣтское и духовное, которое распространяется только на преподаваніе религіи и нравственности то и другое подчинено правительству.

Не будемъ описывать устройства народной школы въ Пруссіи, какъ потому, что о немъ недавно было упоминаемо въ «Вѣстн. Евр.» [1]), такъ и потому, что въ палату внесенъ проектъ новаго закона. Ограничимся статистическими данными, которыя особенно интересны въ Пруссіи, гдѣ организація народнаго обученія началась еще съ половины XVI вѣка, при маркграфѣ Альбрехтѣ Бранденбургскомъ, и гдѣ первая образцовая учительская семинарія учреждена въ Берлинѣ еще при Фридрихѣ II, въ 1748 году. По закону 1763 года, установленному этимъ королемъ, вводилась обязательность обученія назначеніемъ пени въ 16 грошей за каждый пропускъ.

Въ бюджетѣ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія *первое мѣсто* занимаютъ именно расходы государства на первоначальное обученіе. Государство отпускаетъ деньги въ помощь разнымъ степенямъ обученія въ слѣдующихъ размѣрахъ:

На высшее образованіе (университеты) . .		853,738 тал.
На среднее » » . .		555,068 »
На первоначальное:		
Народныя школы . .	725,109 тал.	
Учительскія семинаріи .	338,538 »	
Итого на первоначальное. . .		1.063,647 тал.

Собственно учительскихъ семинарій въ Пруссіи 68. Общественныхъ первоначальныхъ школъ въ Пруссіи (1865 г.) — 25,056; въ нихъ 30,805 наставниковъ. Изъ этого числа только $2\frac{1}{2}$ т. помощниковъ учителей и нѣсколько бо́льшее число наставницъ не вышли изъ учительскихъ семинарій. Въ общественныхъ первоначальныхъ школахъ обучаются 1.427,191 мальчиковъ и 1.398,131

[1]) Ноябрь, 1869 г. стр. 481.

дѣвочекъ, что на 18 милл. населенія въ Пруссіи, въ 1865 году, уже представляетъ почти весь комплектъ дѣтскаго возраста. И такого отношенія числа учащихся женскаго пола къ числу учащихся мужского пола въ первоначальныхъ школахъ мы не найдемъ нигдѣ, кромѣ Пруссіи.

Сверхъ общественныхъ первоначальныхъ школъ, есть еще слишкомъ 900 вольныхъ, т.-е. частныхъ съ болѣе 50 т. учениковъ, около 500 первоначальныхъ школъ высшей степени, до 600 пансіоновъ, 445 воскресныхъ школъ и 457 пріютовъ. Важны еще цифры вознагражденія наставниковъ: въ 1864 году, вся сумма этого вознагражденія составляла почти $7^{1}/_{2}$ милл. талеровъ. Эта сумма образовывалась такимъ образомъ: 2,321 т. т.— изъ школьной платы, 5 милл. тал. изъ взносовъ общинъ и изъ вкладовъ и $328^{1}/_{4}$ т. т. изъ государственнаго казначейства. Средній окладъ въ 1864 году былъ: въ Берлинѣ 413 талеровъ, въ городахъ 281 тал. и въ селеніяхъ 181 талеръ. Въ статистикѣ народнаго просвѣщенія мы занимаемся собственно состояніемъ первоначальнаго обученія. Но относительно Пруссіи, приведемъ еще и другія цифры. Въ 1868 году, въ Пруссіи было 199 гимназій, 27 прогимназій, 64 реальныя школы 1-го, и 13 2-го класса, 48 высшихъ городскихъ школъ (höhere Bürgerschulen) и 10 университетовъ. Собственные доходы принадлежащіе этимъ университетамъ составляютъ 361,578 тал. въ годъ. Первоначальная школа въ Пруссіи, какъ извѣстно, совершенно порабощена духовенствомъ.

Въ остальной Германіи старые прусскіе регламенты первоначальнаго обученія служили болѣе или менѣе образцомъ. Общія черты германскаго устройства: содержаніе школы общиною, обязательность, но не безплатность обученія, участіе духовенства въ наблюденіи надъ школами, причемъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, духовенство является только въ лицѣ своихъ членовъ преподавателей, засѣдающихъ въ училищныхъ коммиссіяхъ. Въ Баденѣ, духовенство (католическое) требовало, чтобы законоучитель былъ, по праву, предсѣдателемъ въ коммиссіи, и такъ какъ требованіе это не удовлетворено, то оно отказалось отъ участія въ училищныхъ коммиссіяхъ.

Въ Австріи первоначальныя школы раздѣлены по вѣроисповѣданіямъ, то-есть имѣютъ церковный характеръ. Впрочемъ, общность школы въ Австріи затрудняется разноязычностью населенія.

Въ Швеціи и Норвегіи первоначальное обученіе обязательно и безплатно. Расходъ по содержанію ихъ, въ Швеціи, раздѣляется между общинами и государствомъ; въ Норвегіи община

несетъ всѣ расходы и въ ней же сосредоточивается и все наблюденіе. Въ Швейцаріи дѣломъ народнаго образованія завѣдываютъ кантоны; въ большинствѣ кантоновъ первоначальное обученіе обязательно. Но духовенству, въ нѣкоторыхъ кантонахъ, принадлежитъ еще значительное вліяніе на школу.

Изъ государствъ населенныхъ латинской расой, стоитъ упомянуть только о Франціи и объ Италіи. Издержка на первоначальное образованіе во Франціи (1868 г.) — составляетъ 61$^1/_2$ милл. франковъ. По бюджету 1869 года, участіе государственной казны въ этомъ расходѣ опредѣлено въ 10,840,586 фр. Главная часть расхода (24 м. фр.) падаетъ на общины, затѣмъ на самихъ учащихся (19 милл. фр.), наконецъ около 1$^1/_2$ милл. фр. ежегодно жертвуются частными лицами. Такъ какъ во Франціи нѣтъ обязательнаго обученія въ извѣстный возрастъ, то трудно представить и точную статистику чиселъ учащихся въ извѣстномъ возрастѣ на число неучащихся. Цифра учениковъ въ первоначальныхъ школахъ во Франціи—4,336,000. Число дѣтей въ школьномъ возрастѣ, т.-е. отъ 7 до 13 лѣтъ, составляетъ во Франціи 4—5 милліоновъ. Но въ цифрѣ 4,336,000 содержатся ученики всѣхъ возрастовъ, а множество дѣтей школьнаго возраста туда не входятъ. Такимъ образомъ, точное статистическое сравненіе здѣсь невозможно. Но полагаютъ изъ 4—5 милліоновъ дѣтей, находящихся въ школьномъ возрастѣ, нѣсколько сотъ тысячъ остаются безъ всякаго обученія. Краснорѣчивы въ этомъ отношеніи цифры конскрипціи: въ 1833 году изъ конскриптовъ 48,$_{83}$% не умѣли ни писать, ни читать; въ 1865 году процентъ неграмотныхъ конскриптовъ былъ 25,$_{73}$, т. е. около четвертой части.

Обязанность содержать не менѣе одной начальной школы въ общинѣ возложена на французскія общины закономъ 1833 года, и съ тѣхъ поръ народное обученіе сдѣлало главные успѣхи. Мало-по-малу, начальное обученіе вышло изъ-подъ полнаго подчиненія духовенству. Законъ 1850 года поручилъ надзоръ за ними инспекторамъ министерства просвѣщенія и еще надзирателямъ изъ мѣстныхъ жителей (délégués cantonaux). До второй имперіи общины сами избирали себѣ учителей для народныхъ школъ; но законъ 1854 года и сюда внесъ уродливое явленіе— подчинивъ назначеніе учителей префектамъ! Дѣти недостаточныхъ родителей пользуются школою безплатно и вообще принципъ безплатнаго преподаванія дѣлалъ въ послѣдніе годы успѣхи.

Въ Италіи неграмотные составляютъ большинство населенія. По переписи произведенной въ 1861 году, на 1000 душъ свыше 5-ти лѣтняго возраста оказалось 746 неграмотныхъ. Особенно

рельефно здѣсь выказывается общее католическимъ землямъ пренебреженіе къ воспитанію женщинъ: на 1000 душъ женскаго пола свыше 5-ти лѣтняго возраста было 812 неграмотныхъ. Въ 1864 году изъ конскриптовъ только 30% умѣли читать и писать, 5% умѣли только читать, а 65% были совершенно неграмотны. Въ 1864 году въ Италіи было 39,631 училище для первоначальнаго обученія, считая и полковыя школы. Полковыя школы съ ихъ 90 тысячами учениковъ могутъ оказать Италіи весьма существенную услугу. Первоначальное обученіе въ Италіи безплатно. Расходы распредѣляются такъ: $^3/_4$ на общины, $^1/_7$ на вклады (капиталы), $^1/_{50}$ на первоначальныя управленія и $^3/_{50}$ на государственную казну, въ видѣ пособій бѣднымъ общинамъ. Въ Италіи считается 20 университетовъ, но въ нихъ въ сложности только 8148 студентовъ.

Устройство первоначальнаго обученія въ Соединенномъ Королевствѣ такъ разнообразно, что можно представить только самыя общія черты. Собственно въ Англіи и Валлисѣ школы основаны при церквахъ и имѣютъ строго-вѣроисповѣдный характеръ. Въ тридцатыхъ годахъ государство вовсе не вмѣшивалось въ ихъ устройство. Въ 1839 году учреждено было училищное управленіе (Board of Education), съ бюджетомъ въ 30 тысячъ фунтовъ, который впослѣдствіи увеличился. Это управленіе стало распредѣлять свои пособія безъ различія вѣроисповѣданій и этимъ навлекло на себя не мало нареканій. Пособія эти выдаются существующимъ школамъ (съ 1863 года) въ видѣ премій учителю съ каждаго ученика, отвѣчавшаго удовлетворительно на предложенные ему вопросы на годичномъ испытаніи, и именно премія раздѣлена на три части, для вознагражденія спеціально за познанія въ ариѳметикѣ, чтеніе и письмо.

Въ Ирландіи англійское правительство взялось само за основаніе школъ и такъ какъ, разумѣется, не въ его интересахъ было поддерживать въ нихъ вліяніе католическаго духовенства, то оно учредило тамъ школы свѣтскія, такъ-называемыя «національныя» (national schools) для бѣдныхъ, на счетъ государства. Теперь этимъ ирландскимъ свѣтскимъ школамъ въ самой Англіи завидуютъ радикалы. Въ эти школы принимаются дѣти безъ различія вѣроисповѣданій, и вліяніе духовенства совершенно устранено отъ нихъ. Въ 1867 году, правительство издерживало на эти школы 346,380 фунтовъ и въ школахъ этихъ было записано до милліона учениковъ, но, какъ оказывается, среднее число ежедневно посѣщавшихъ школы было не много болѣе $311^1/_2$ тысячъ. Но правительство не рѣшается испросить парламентскаго акта объ обязательности посѣщенія этихъ школъ,

и въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться, что принципъ свободы дѣйствительно нѣсколько могъ бы быть нарушенъ, въ виду непопулярности англійскихъ мѣръ вообще въ Ирландіи *).

Изъ сравненія устройства начальнаго обученія въ европейскихъ государствахъ оказывается тотъ многозначительный для насъ фактъ, что *вездѣ*, во всѣхъ странахъ, не исключая и такъ-называемую «колыбель личной свободы», т.-е., Соединенное-Королевство, осуществленъ принципъ *вмѣшательства государства* въ это дѣло. Различіе заключается только въ большей или меньшей *степени* примѣненія этого принципа; различіе это, правда, велико, но такъ какъ оно состоитъ только въ степени, то уже нельзя оспаривать самый принципъ, утверждать въ теоріи, что устройство первоначальнаго обученія не есть будто бы дѣло государства. Далѣе, изъ сравненія оказывается, что только Англія и Россія—единственныя въ Европѣ страны, въ которыхъ нѣтъ закона, который бы обязывалъ каждую городскую общину или сельскую волость содержать хотя бы одну школу. Въ Англіи въ настоящее время изданіе подобнаго закона уже и не нужно, но въ Россіи—оно необходимо, и единственнымъ препятствіемъ къ нему служитъ недостатокъ учителей. Прежде, чѣмъ сдѣлать такое постановленіе, государство должно взять на себя устройство учительскихъ семинарій. Итакъ, съ какой стороны ни подойти къ этому вопросу, выводъ всегда будетъ одинъ: государство должно взяться за приготовленіе народныхъ учителей и притомъ взяться за это дѣло не посредствомъ «разрѣшеній» на открытіе учительскихъ школъ, насчетъ земства, а непосредственнымъ образомъ и въ серьезныхъ размѣрахъ.

Приведемъ теперь, для общаго обзора, рядъ сравнительныхъ цифръ по первоначальному обученію. Сколько издерживаютъ главныя страны на это обученіе? Чтобы составить таблицу по этому вопросу, надо сложить всѣ средства школъ, именно: плату съ учениковъ, доходъ со спеціальныхъ капиталовъ, расходы общинъ на обученіе и расходъ государства на первоначальныя школы. Блокъ успѣлъ сдѣлать это вычисленіе по оффиціальнымъ цифрамъ, но, конечно, не для всѣхъ странъ, за недостаткомъ данныхъ. Вотъ что издерживается на первоначальное образованіе: во Франціи—61,5 милл. фр., въ Пруссіи—28 милл. фр., Баваріи 8 милл. фр., Виртембергѣ—3,5 милл. фр., Соединенномъ-Королевствѣ—47 милл. фр., Испаніи 15,5 милл. фр., Бельгіи—

*) Для сравненія стоимости государству народнаго образованія у насъ, въ Россіи, см. ниже статью: «Наши средства къ народному просвѣщенію», составленную по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. — *Ред.*

8 милл. фр., Италіи—14 милл. фр., Нидерландахъ—9 милл. фр., Швейцаріи (неоф. цифра) 6 милл. фр. и Норвегіи 2 милл. фр.

Сравнивъ издержку съ числомъ населенія, получается на каждаго жителя: Нидерланды—2 фр. 49 сант., Швейцарія—2 фр. 40 с.; Франція—1 фр. 62 с.; Бельгія—1 фр. 60 с.; Соединенное-Королевство—1 фр. 60 с.; Пруссія—1 фр. 46 с.; Италія 66 с. Итакъ, Пруссіи принадлежитъ здѣсь далеко не первое мѣсто, стало быть результатъ зависитъ не отъ одной цифры издержки. Во что́ среднимъ числомъ обходится въ годъ ученикъ въ начальныхъ школахъ? Въ Нидерландахъ — 20 фр. 78 сант.; Соединенномъ-Королевствѣ—18 фр. 80 с.; Бельгіи—14 фр. 09 с.; Франціи—14 фр. 30 с.; Италіи—14 фр.; Пруссіи—9 фр. 33 с. Итакъ, въ Пруссіи образованіе каждаго ученика дешевле чѣмъ гдѣ-либо, что́ зависитъ, разумѣется, отъ многочисленности ихъ въ школахъ. Въ таблицѣ, представляющей сколько приходится учениковъ начальныхъ школъ на 1,000 душъ населенія, первое мѣсто занимаетъ Саксонія (184), второе Пруссія (155), Франція—восьмое (114), Австрія—одиннадцатое (84), Соединенное-Королевство—тринадцатое (80), Италія идетъ послѣ Испаніи, а Греція (37) послѣ Италіи.

Въ устройствѣ учебной части вообще въ Европѣ, двѣ крайнія системы преобладаютъ именно во Франціи и въ Англіи: въ одной регламентированіе и сосредоточеніе, въ другой—независимость и многоразличность; Германія избрала средину между этими крайностями. Такъ, въ Пруссіи низшая школа, правда, порабощена, но университеты пользуются независимостію (хотя и не такою, какъ въ Англіи). У насъ же, если хорошенько подумать, оказывается нѣчто совсѣмъ своеобразное — четвертая система, нигдѣ не существующая: начальное обученіе у насъ относительно независимѣе высшаго, имѣетъ болѣе простора. Правда, эта свобода отчасти напоминаетъ нѣмецкое слово vogelfrei; но зато и опека надъ высшими учебными учрежденіями заключается не въ одномъ только доставленіи имъ средствъ.

Л. П.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЪ

НОВОМЪ РОМАНѢ ГУСТАВА ФЛОБЕРА.

L'éducation sentimentale.—Histoire d'un jeune homme, par *Gustave Flaubert*. 2 vol. Par. 1870.

Густавъ Флоберъ — сынъ извѣстнаго руанскаго врача, человѣкъ съ независимымъ состояніемъ, воспитанный въ довольствѣ и рѣдко дарящій публикѣ свои произведенія. Онъ создаетъ медленно, тщательно отдѣлываетъ свои романы и уже однимъ этимъ выдвигается впередъ среди той литературной горячки, которая владѣетъ современными французскими писателями. Кромѣ того, онъ обладаетъ замѣчательнымъ художественнымъ талантомъ и тою реальностію въ воспроизведеніи страстей и характеровъ, за которую такъ часто упрекали его въ цинизмѣ. «Только цинизмъ мѣшаетъ причислить «Г-жу Бовари» — первый романъ Флобера — къ классическимъ романамъ, восклицаетъ критикъ «Temps», извѣстный Шереръ. И, однакожъ, Тургеневъ совершенно справедливо сказалъ въ прошломъ году, въ предисловіи къ русскому переводу романа Максима Дюкана «Утраченныя силы», что «Г-жа Бовари» — безспорно, самое замѣчательное произведеніе новѣйшей французской школы». Оно разомъ поставило Флобера на первенствующее мѣсто во французской беллетристикѣ. Послѣдующій романъ его, «Саламбо», произвелъ меньшее впечатлѣніе, быть можетъ потому, что содержаніе его взято изъ жизни чуждой, древняго Кареагена. «Сантиментальное воспита-

ніе» встрѣчено тѣми же упреками въ цинизмѣ, съ придачею къ нимъ обвиненій автора въ политическомъ и всякомъ другомъ индиферентизмѣ: у него нѣтъ не только ни одного идеальнаго, но даже вполнѣ честнаго лица; книга залита воспроизведеніемъ одной пошлости. Шереръ нападаетъ даже на самое заглавіе романа, находя, что оно не передаетъ содержанія, въ которомъ авторъ говоритъ, будто бы, только объ одномъ чувствѣ, чувствѣ любви, да и то въ томъ видѣ, какъ понимаетъ любовь самъ авторъ.

Все это либо преувеличено, либо несправедливо. Объективность художника легко принять за индиферентизмъ, а реальное отношеніе къ дѣйствительности—за цинизмъ. Художникъ заслуживаетъ упрековъ, когда онъ, дурно или односторонне понявъ дѣйствительность, клевещетъ на нее своими образами; но онъ долженъ быть свободенъ отъ порицаній, когда остается вѣрнымъ жизни. Не его вина, что онъ не скользитъ по поверхности вещей, а заглядываетъ въ глубину ихъ, анализируя безпощадно даже и то, что́ кажется съ перваго взгляда привлекательнымъ. Включивъ въ свой романъ цѣлую эпоху, съ 1840 по 1850 г., Флоберъ, правда, не нарисовалъ ни одного идеальнаго лица. Какимъ же образомъ объяснить, напримѣръ, движеніе 1848 года, когда въ романѣ дѣйствуютъ только или пошляки, или посредственности, или какіе-то недодѣланные характеры. Намъ кажется, что романистъ и не хотѣлъ обращаться въ высшія сферы, довольствуясь типами «средними», изъ которыхъ состоитъ масса націи. «Сантиментальное воспитаніе», какъ заглавіе, выражающее мысль романа, совершенно на своемъ мѣстѣ. Флоберъ дѣйствительно беретъ героями таких людей, въ которыхъ чувство вообще преобладаетъ надъ разумомъ и разсудкомъ, и вовсе не одно «чувство любви», какъ утверждаетъ Шереръ. Чувствамъ «политическимъ» дано въ романѣ, въ особенности во второй его части, довольно широкое развитіе. Кромѣ того, преобладаніе чувства вообще, преобладаніе впечатлительности, объясняетъ въ значительной доли политическое движеніе, его неустойчивость, перемѣнчивость, быстрые переходы отъ одного порядка къ другому. Флоберъ, такимъ образомъ, захватываетъ существенную черту въ развитіи характеровъ своихъ соотечественниковъ, черту, которой не чужды, конечно, и дѣятели историческіе этой эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, въ какія-нибудь десять лѣтъ Франція три раза мѣняетъ свою правительственную форму: конституціонная монархія, потомъ республика, потомъ деспотизмъ: какою же національною или педагогическою, воспитательною особенностію объясняется эта неустойчивость? Преобладаніемъ чувства надъ умомъ, отсутствіемъ

правильнаго развитія. Такъ, кажется намъ, Флоберъ ставитъ вопросъ. Насколько вѣрно такое положеніе — другое дѣло. Задача критики начинается именно тутъ. Насколько реальны характеры, изображенные романистомъ? насколько они общи или исключительны? насколько дѣйствительно выражаютъ они извѣстные слои націи? Мы не станемъ теперь разрѣшать этихъ вопросовъ; мы хотѣли только указать, что французская критика не поставила этихъ вопросовъ и умаляетъ значеніе романа Флобера несправедливо; ей хотѣлось бы произведенія страстнаго, воодушевляющаго, типовъ разительныхъ, выходящихъ изъ общаго уровня; вмѣсто этого писатель предлагаетъ вѣрное зеркало для той среды, которая составляетъ сущность націи. Это люди — то неспособные къ дѣятельности, неудачливые, тонущіе, такъ сказать, въ океанѣ чувства; то люди дѣятельные, подвижные, бросающіеся, очертя голову, во всѣ предпріятія, находящіе возможность любить женъ и любовницъ въ одно и тоже время, гоняющіеся за призраками, но не забывающіе по дорогѣ обдѣлать свои дѣлишки; то люди съ жаждою политической дѣятельности, со стремленіями играть роль во что бы то ни стало, съ аппетитомъ къ наживѣ; то люди съ беззавѣтною ненавистію къ правительству, ненавистію, основанною преимущественно на одномъ чувствѣ. Если Флоберъ даетъ большое развитіе любви и притомъ такой любви, которая, по словамъ Шерера, даже не заслуживаетъ названія чувства, то развѣ современная Франція или Франція 1840—1850 годовъ представляетъ въ этомъ отношеніи зрѣлище поучительное въ хорошемъ смыслѣ этого слова? Развѣ женщина стоитъ гдѣ-нибудь такъ низко въ глазахъ мужчинъ, какъ во Франціи? Развѣ не изъ Парижа идетъ тотъ потокъ моды, который ежедневно старается преобразить женщину, представить ее въ новомъ видѣ, сдѣлать интересною для глазъ мужчины, который не жалѣетъ для этого никакихъ денегъ, никакихъ каторжныхъ усилій въ своей предпріимчивости?

Мы склонны думать, что во французскихъ критикахъ говоритъ не столько эстетическое чутье, сколько чувство оскорбленнаго національнаго самолюбія. По прочтеніи романа остается дымъ, дымъ и больше ничего. Помните, какъ возстали на Тургенева за его «Дымъ»? На сколько правы или неправы были критики наши — мы разбирать этого не будемъ; но «Сантиментальное воспитаніе» невольно напомнило намъ «Дымъ» по тому впечатлѣнію, которое оно должно было произвести на французовъ. Спокойный реалистъ копается въ грязи, разрываетъ привлекательную внѣшность и показываетъ, что за нею скрывается; онъ намекнулъ на причину политическихъ неудачъ, быстрыхъ

разочарованій, онъ указалъ на тѣ подмостки, на которыхъ воздвигнута была революція 48-го года и потомъ наполеоновскій деспотизмъ.

Приступая къ изложенію романа, мы должны сказать, что въ немъ нѣтъ почти никакой интриги; вся его сущность въ анализѣ характеровъ и нравовъ. Мы постараемся сохранить въ извѣстной степени манеру разсказа и выбрать изъ него существенныя черты, по которымъ читатели могли бы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе о произведеніи Флобера.

I.

15-го сентября 1840 г.-Фредерикъ Моро, только, что кончившій курсъ въ школѣ баккалавромъ, возвращался на пароходѣ изъ Гавра домой, въ Ножанъ-на-Сенѣ, гдѣ ему предстояло скучать два каникулярныхъ мѣсяца. Въ Гавръ посылала его мать къ богатому дядѣ, который могъ оставить племяннику наслѣдство. Фредерику было скучно среди болтавшихъ, смѣявшихся, веселыхъ пассажировъ. Онъ мечталъ; мечталъ онъ о планѣ драмы, о сюжетахъ для картинъ, о будущей любви и декламировалъ унылыя стихотворенія о томъ, что такъ долго не идетъ къ нему счастіе, къ нему, который такъ заслуживалъ его. Прохаживаясь по палубѣ скорыми шагами, онъ подошелъ къ группѣ матросовъ и пассажировъ, которые окружали какого-то господина лѣтъ сорока, съ курчавой головой, въ бархатной жакеткѣ. Онъ любезничалъ съ молоденькой крестьянкой и говорилъ всякій вздоръ. Присутствіе Фредерика нисколько его не стѣснило; напротивъ, онъ часто къ нему обращался и затѣмъ вмѣстѣ отошелъ съ нимъ въ другой уголъ парохода. Тутъ онъ заговорилъ о разныхъ сортахъ табаку, отъ табаку перешелъ къ женщинамъ; излагая свои теоріи на ихъ счетъ, разсказывая анекдоты, приводя примѣры изъ собственной жизни, онъ болталъ обо всемъ этомъ отеческимъ тономъ и съ забавнымъ простодушіемъ совершенно легкомысленнаго человѣка. Онъ былъ республиканскихъ убѣжденій, много путешествовалъ, зналъ закулисную жизнь парижскихъ театровъ, находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ журналистами, знаменитыми художниками. Фредерикъ, почувствовавшій къ нему уваженіе, сообщилъ ему свои планы; онъ ихъ одобрилъ. Фредерикъ горѣлъ желаніемъ узнать его имя.

— Жакъ Арну, собственникъ «Промышленнаго Искусства», Монмартрскій бульваръ.

— Васъ просятъ сойти внизъ: барышня плачетъ, сказалъ подошедшій къ нему въ это время лакей. Арну исчезъ.

Фредерикъ вспомнилъ, что видѣлъ объявленія о «Промышленномъ Искусствѣ»: такъ назывался журналъ, посвященный художествамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ магазинъ картинъ.

Возвращаясь на свое мѣсто, онъ вдругъ пораженъ былъ словно видѣніемъ. На скамейкѣ, въ первомъ классѣ, одиноко сидѣла женщина; по крайней мѣрѣ, кромѣ ея, онъ никого не видѣлъ за тѣмъ ослѣпительнымъ блескомъ, который бросали ея очи. Онъ невольно сжался, проходя мимо нея, и, отойдя въ сторону, сталъ смотрѣть на нее; она что-то вышивала, разъ подняла на него глаза и затѣмъ опустила ихъ; онъ выбралъ возлѣ нея такое мѣсто, что могъ разсмотрѣть ее подробно. Никогда не видалъ онъ ни такой блестящей смуглой кожи, ни такого соблазнительнаго стана, ни такихъ тонкихъ, нѣжныхъ пальцевъ, пропускавшихъ, казалось, сквозь себя солнечный свѣтъ. Онъ разсматривалъ ея рабочую корзинку съ изумленіемъ человѣка, встрѣчающаго необыкновенную вещь; онъ вдругъ ощутилъ желаніе знать имя этой женщины, ея жизнь, ея прошлое, убранство ея комнатъ, всѣ ея платья, всѣхъ ея знакомыхъ, и желаніе физическаго обладанія этой женщиной даже исчезало въ желаніи болѣе глубокомъ, въ тягостномъ, безпредѣльномъ любопытствѣ.

Негритянка подвела къ ней дѣвочку. «А, подумалъ Фредерикъ, она должно быть андалузка, или креолка, и эту негритянку привезла съ своихъ острововъ». Ему хотѣлось съ ней заговорить, но какъ? Шаль ея чуть не свалилась въ воду; онъ подхватилъ ее,— и получилъ за это благодарность. Заговорить, однако, не удалось, потому что въ это время появился Арну; дѣвочка подбѣжала къ нему. «А, она его жена», догадался Фредерикъ, и отправившись за ними въ каюту, гдѣ они стали обѣдать, издали смотрѣлъ на нее съ напряженнымъ вниманіемъ. Вотъ она снова вышла на палубу, онъ помѣстился возлѣ, пробовалъ завести съ нею чувствительную бесѣду, но она ограничивалась пустыми отвѣтами. Онъ узналъ, однакожъ, что вмѣстѣ съ мужемъ и ребенкомъ она ѣхала въ Италію, что у ближайшей пристани они выйдутъ и сядутъ въ дилижансъ. Какъ, неужели онъ долженъ съ нею разстаться и не получить приглашенія бывать у нея въ Парижѣ? Какъ бы вынудить ее на эту любезность, и онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ заговорить объ осени:

— Потомъ и зима скоро, — сезонъ баловъ и обѣдовъ.

Но, увы, ничего въ отвѣтъ, а пароходъ подходитъ къ пристани, пассажиры выходятъ. Арну жметъ Фредерику руку и

исчезаетъ съ женой. За Фредерикомъ мать прислала экипажъ, въ которомъ ему надо было проѣхать нѣсколько миль до дому. Цѣлую дорогу онъ думалъ о *ней*, объ этомъ совершенствѣ, въ которомъ ни прибавить, ни убавить ничего нельзя было; міръ сталъ казаться ему шире, а она—блестящей точкой, на которой все покоилось, все сосредоточивалось. Полузакрывъ рѣсницы, взоръ устремивъ въ облака, онъ предался безконечнымъ мечтаніямъ.

Но вотъ и домъ. Мать юноши происходила изъ древней дворянской фамиліи; отецъ, убитый на дуэли въ то время, когда она была беременна Фредерикомъ, оставилъ разстроенное состояніе, но она, при тщательной экономіи, умѣла поддержать свое значеніе: принимала знакомыхъ три раза въ недѣлю, давала иногда обѣды; во время объѣздовъ епархіи у ней останавливался епископъ. О сынѣ своемъ она была высокаго мнѣнія, разсчитывая, что онъ непремѣнно сдѣлается посланникомъ, а потомъ министромъ.

Принявъ его въ свои объятія, она спросила тихонько: «Ну»?— Старикъ, оказалось, принялъ очень радушно, но намѣреній своихъ не высказалъ.— Она вздохнула. «Гдѣ-то теперь она»? подумалъ Фредерикъ, отправляясь въ свою комнату. Мальчикъ принесъ ему записку отъ Делорье, его товарища по школѣ и задушевнаго друга. Онъ просилъ его повидаться съ нимъ. Фредерикъ пошелъ.

Делорье былъ сынъ отставного капитана, кое-какъ находившаго средства къ жизни. Бѣдность и страданія отъ ранъ раздражали его характеръ и онъ разливалъ гнѣвъ свой на окружающихъ. Сыну доставалось отъ него тѣмъ сильнѣе, что мальчикъ былъ упорнаго нрава. Въ школѣ онъ подружился съ Фредерикомъ, хотя они рѣзко отличались наклонностями. Фредерикъ любилъ долго спать, любилъ смотрѣть на ласточекъ, читать театральныя пьесы и, вспоминая веселую домашнюю жизнь, не жаловалъ школы. Делорье, напротивъ, школа нравилась; онъ прилежно и хорошо занимался. Разъ лакей обозвалъ его сыномъ нищаго. Делорье бросился на него, схватилъ его за горло и задушилъ бы, еслибъ ему не помѣшали. Фредерикъ пришелъ въ восторгъ отъ такого поступка, и съ этого дня заключена была между ними дружба.

Делорье, увлекшись Платономъ, съ ревностію занялся философіей и, перечитавъ все, что было по этому предмету въ школьной библіотекѣ, обдумывалъ широкую систему философіи; Фредерикъ занимался рисованіемъ, читалъ средневѣковыя драмы, лѣтописцевъ, Фруассара, Брантома, и мечталъ сдѣлаться французскимъ Вальтеръ-Скоттомъ. Свои мысли и планы они сообщали

другъ другу, загадывали о будущемъ. Выйдя изъ школы, они будутъ жить вмѣстѣ, предпримутъ путешествіе на деньги, которыя достанутся Фредерику изъ отцовскаго состоянія, потомъ устроятся въ Парижѣ; развлеченіемъ отъ трудовъ будетъ служить имъ— любовь высоко поставленныхъ дамъ въ роскошныхъ будуарахъ, или блестящія оргіи съ знаменитыми куртизанками. Но эти затѣи раздраженной фантазіи смѣнялись сомнѣніями: потухалъ блескъ ихъ очей и молодые люди впадали въ глубокую задумчивость.

Г-жа Моро не любила Делорье за его республиканскія рѣчи, за отсутствіе въ немъ религіозности, за то, что онъ много ѣлъ, и подозрѣвала, что онъ водитъ ея сына въ дурныя мѣста. Она зорко наблюдала за ихъ сношеніями, но дружба юношей крѣпла все болѣе и болѣе, и когда Делорье отправился въ Парижъ изучать право, они разставались со слезами. Съ тѣхъ поръ не видались они два года. Делорье стремился сдѣлаться профессоромъ въ школѣ, но, за недостаткомъ денегъ, которыхъ отецъ его не хотѣлъ выдавать ему изъ материнскаго наслѣдства, принужденъ былъ оставить Парижъ и принять мѣсто помощника адвоката въ Труа. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Ножанъ, чтобъ увидѣться съ Фредерикомъ.

Друзья встрѣтились съ радостію и пошли болтать на открытомъ воздухѣ. Въ два года вкусы ихъ успѣли принять другое направленіе: Фредерикъ всему предпочиталъ—страсти; Вертеръ, Рене, Лара, Лелія—сдѣлались его любимыми героями; онъ писалъ стихи; иногда казалось ему, что только музыка въ состояніи выразить его внутреннія тревоги, и онъ начиналъ мечтать о симфоніяхъ; иногда увлекала его наружность вещей и онъ принимался рисовать. Делорье бросилъ философовъ и предался изученію политической экономіи и французской революціи.

Друзья тихо прогуливались по берегу рѣки. Была теплая ночь. Въ городѣ все спало. Издали доносился шумъ воды. Делорье говорилъ о томъ, что приближается новый 89-й годъ.— «Надоѣли намъ всѣ эти конституціи, хартіи, всѣ эти тонкія штуки, вся эта ложь. Ахъ, еслибъ была у меня газета или трибуна, какъ бы все это я раскаталъ. Но денегъ нѣтъ, а безъ нихъ ничего не подѣлаешь, и юность пропадаетъ въ погонѣ за насущнымъ кускомъ хлѣба». Онъ печально опустилъ голову и замолчалъ.

Фредерику тоже стало грустно, особенно при мысли, что въ Парижѣ придется ему теперь жить одному. — «Какъ мнѣ жить безъ тебя? Я бы сдѣлалъ еще что-нибудь, еслибъ полюбила меня женщина.... Чему ты смѣешься? Любовь—пища и какъ бы ат-

мосфера духа. Чрезвычайныя ощущенія порождаютъ возвышенныя дѣла. Но я отказываюсь искать ту, которая нужна мнѣ. Да и что пользы: если я найду ее — она оттолкнетъ меня. Я принадлежу къ породѣ неудачливыхъ и угасну съ сокровищемъ, каково бы оно ни было — изъ бриллiантовъ или стразъ.

Въ это время подошелъ къ нимъ г. Рокъ, управляющiй богатаго землевладѣльца Дамбрёза, природнаго дворянина; настоящее имя его было графъ Д'Амбрёзъ, но онъ отсталъ понемногу отъ дворянства и своей партiи и, занявшись промышленностiю, составилъ себѣ огромное состоянiе. Онъ былъ депутатомъ и мѣтилъ въ пэры. Лучи его богатства и значенiя падали и на Рока, человѣка тоже состоятельнаго, но происхожденiя низкаго.

Молодые люди сухо съ нимъ поздоровались, и онъ отошелъ отъ нихъ прочь.

— «Вотъ тебѣ случай», заговорилъ Делорье. Попроси Рока, чтобы онъ ввелъ тебя къ г. Дамбрёзу: нѣтъ ничего лучше, какъ посѣщать богатый домъ. Пользуйся тѣмъ, что у тебя есть фракъ и бѣлыя перчатки. Понравься этому миллiонеру, потомъ и меня съ нимъ познакомь, сдѣлайся любовникомъ его жены».

Фредерикъ возмутился этимъ предложенiемъ, но другъ говорилъ такъ убѣдительно и онъ такъ привыкъ ему вѣрить, что вскорѣ помирился съ мыслiю сдѣлаться любовникомъ г-жи Дамбрёзъ и сталъ улыбаться.

— «Послѣднiй совѣтъ», прибавилъ Делорье: «прiобрѣти дипломъ и брось своихъ поэтовъ католическихъ и сатаническихъ, не ушедшихъ въ философiи дальше XII вѣка. Отчаяваться глупо. Вспомни, что другiе начинали свою карьеру при обстоятельствахъ гораздо худшихъ, напримѣръ Мирабо. Затѣмъ, даю тебѣ слово, что наша разлука не будетъ долга. Я вырву у плута-отца материнскiя деньги и прiѣду къ тебѣ».

II.

Два мѣсяца спустя, Фредерикъ былъ въ Парижѣ. Передъ отъѣздомъ его изъ дома, Рокъ принесъ ему свертокъ бумагъ и просилъ передать ихъ лично г. Дамбрёзу вмѣстѣ съ рекомендательнымъ письмомъ. Фредерикъ немедленно представился къ миллiонеру, разсчитывая завязать съ нимъ знакомство; но Дамбрёзъ, сдѣлавъ ему нѣсколько ничтожныхъ вопросовъ, сухо съ нимъ раскланялся.

Жизнь его потянулась монотонно; на лекцiяхъ онъ скучалъ; пробовалъ читать—надоѣдало и чтенiе; собственная квартира ему

не нравилась, не нравилось считать свое бѣлье, выносить портье, отъ котораго пахло водкой и который приходилъ по утрамъ убирать его постель. Скучая и тоскуя, онъ отыскалъ одного изъ прежнихъ своихъ товарищей, сына фермера Баптиста Мартинона, который велъ умѣренно-строгую жизнь и заявлялъ уже себя хорошимъ практикомъ. Мартинонъ никакъ не могъ понять жалобъ Фредерика. Сошелся онъ въ школѣ съ другимъ товарищемъ, г. де-Сизи, сыномъ благородныхъ родителей и юношею самыхъ утонченныхъ манеръ; но вскорѣ убѣдился въ совершенной умственной ничтожности этого джентльмена. Такимъ образомъ, высказаться, выложить свою душу было не передъ кѣмъ. А онъ чувствовалъ въ этомъ большую потребность тѣмъ болѣе, что образъ г-жи Арну не выходилъ у него изъ головы, и всякая молодая женщина чѣмъ-нибудь да напоминала ему ее. Само собою разумѣется, что онъ отыскалъ Жака Арну и нѣсколько разъ посѣтилъ его магазинъ, но, не встрѣчая привѣтливости и, главное, не встрѣчая ея, онъ только томился и мечталъ. Онъ началъ-было писать романъ: *Сильвіо, сынъ рыбака*. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи; героемъ онъ самъ, героиня г-жа Арну. Онъ назвалъ ее Антоніей, зарѣзалъ нѣсколько кавалеровъ и выжегъ бо́льшую половину города, чтобъ добраться до нея. Когда и эта работа не удовлетворила его, онъ написалъ Делорье, умоляя его пріѣхать и жить вмѣстѣ. Но Делорье не могъ еще оставить Труа и совѣтовалъ своему другу почаще посѣщать Сенекаля, репетитора математики, въ которомъ Делорье видѣлъ новаго Сенъ-Жюста; но «Сенъ-Жюста» ему не удавалось заставать на его чердакѣ, въ поднебесномъ этажѣ.

Разъ въ театрѣ онъ увидѣлъ Арну вмѣстѣ съ двумя дамами: одна была отцвѣтшая, длинная, тридцатилѣтняя особа, другая выглядывала молодой дѣвушкой; обѣ онѣ очень фамильярно обращались съ Арну. «А гдѣ жъ его жена?» подумалъ Фредерикъ. Выходя изъ театра, онъ замѣтилъ на шляпѣ Арну трауръ. «Боже мой, не умерла ли она?» На другой день онъ побѣжалъ въ магазинъ, купилъ для вида гравюру и трепещущимъ голосомъ справился о здоровьѣ г-на и г-жи Арну. Оба были здоровы. Такъ прошелъ годъ, и страсть къ г-жѣ Арну стала проходить. Идя на лекцію однимъ декабрьскимъ утромъ, онъ замѣтилъ на нѣкоторыхъ улицахъ необыкновенное движеніе, а около Пантеона значительное сборище; молодые люди, группами въ пять человѣкъ и болѣе, прогуливались, взявшись за руки, и подходили къ группамъ болѣе значительнымъ, стоявшимъ тамъ-и-сямъ; въ глубинѣ площади, у рѣшетокъ, разглагольствовали блузники, а полицейскіе, заложивъ за спину руки, шагали вдоль стѣнъ. Все имѣло

таинственный и смущенный видъ; всѣ чего-то ждали. Фредерикъ очутился около бѣлокураго молодого человѣка, съ пріятнымъ лицомъ, усами и бородкой. Онъ спросилъ у него причину тревоги. «Не знаю, отвѣчалъ онъ, да и сами они не знаютъ», и онъ засмѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время въ Парижѣ петиціи о реформѣ, подписывавшіяся въ національной гвардіи, и другія обстоятельства, подавали поводъ къ необъяснимымъ сборищамъ, повторявшимся такъ часто, что газеты перестали о нихъ говорить. Бѣлокурый молодой человѣкъ, нарочно шепелявя и картавя, распространялся о молодежи, потомъ, актерски разставивъ руки, продекламировалъ: «Учащаяся юность, благословляю тебя»... «А ты тоже принадлежишь къ учащейся юности», прибавилъ онъ, вдругъ обратившись къ старому ветошнику, который подбиралъ устричныя раковины.—«Нѣтъ; а ты по виду одинъ изъ тѣхъ висѣльниковъ, которые въ толпѣ разбрасываютъ пригоршнями золото... О, сѣй, мой патріархъ, сѣй! Подкупай меня сокровищами Альбіона! Are you English? Я не отвергаю даровъ Артаксеркса! Поговоримъ о Таможенномъ Союзѣ». Фредерикъ почувствовалъ въ это время, что кто-то взялъ его за плечо; обернувшись, онъ увидѣлъ Мартинона, страшно блѣднаго. «Опять бунтъ», сказалъ онъ глубоко вздохнувши и, выразивъ боязнь свою быть компрометтированнымъ, сталъ порицать блузниковъ, которые, по его мнѣнію, непремѣнно принадлежали къ тайнымъ обществамъ.

— «Развѣ есть тайныя общества», сказалъ бѣлокурый молодой человѣкъ. «Это старая сплетня правительства для запугиванія буржуазіи».

Мартинонъ боязливо напомнилъ ему, что въ виду полиціи надо говорить тише.

— «А, вы еще вѣрите въ полицію? Въ такомъ случаѣ, почемъ вы знаете, можетъ быть и я шпіонъ»? и онъ такъ посмотрѣлъ на Мартинона, что тотъ смутился. Подталкиваемые толпою, они всѣ трое должны были стать на лѣстницѣ, которая, черезъ корридоръ, вела въ новыя аудиторіи. Вскорѣ толпа раздалась сама собою; нѣкоторые сняли шапки, кланяясь знаменитому профессору Самуилу Рондело, который тихонько шелъ на лекцію. Соперникъ Захаріа, Радорфа, этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ авторитетовъ по юридическимъ наукамъ въ XIX вѣкѣ. Новое званіе пэра Франціи ни мало не измѣнило его. Онъ былъ бѣденъ и величайшее уваженіе окружало его.

Между тѣмъ, въ глубинѣ площади начались крики: «Прочь Гизо! Прочь Притчарда! Долой продажныхъ! Долой Луи-Филиппа!» Напиравшая толпа загородила дорогу профессору. Онъ

остановился передъ лѣстницею и сталъ говорить; шумъ покрылъ его рѣчь. За минуту передъ этимъ его любили, а теперь ненавидѣли, какъ представителя власти. Напрасно старался онъ, чтобъ его выслушали, крики всякій разъ заглушали его голосъ. Онъ жестомъ пригласилъ юношей слѣдовать за нимъ,—всеобщій гулъ былъ ему отвѣтомъ. Тогда онъ презрительно пожалъ плечами и вошелъ въ корридоръ. Мартинонъ исчезъ за нимъ. «Трусъ», сказалъ вслѣдъ послѣднему Фредерикъ. «Осторожный человѣкъ», возразилъ бѣлокурый юноша. Толпа разразилась рукоплесканіями, празднуя свою личную побѣду надъ профессоромъ. Изъ всѣхъ оконъ глазѣли на нее! Кое-гдѣ послышались звуки марсельезы. «Къ Лафиту! Къ Беранже! Къ Шатобріану»! раздавались крики. «Къ Вольтеру!» пронзительно закричалъ товарищъ Фредерика. Полицейскіе старались, насколько возможно, вѣжливо уговорить толпу разойтись. Она отвѣчала насмѣшками и свистомъ; блюстители порядка блѣднѣли отъ злости при тѣхъ насмѣшкахъ, которыя сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ; наконецъ, одинъ изъ нихъ не выдержалъ, толкнулъ такъ сильно какого-то маленькаго молодого человѣка, который подошелъ къ нему слишкомъ близко и смѣялся ему подъ носъ, что тотъ отлетѣлъ отъ него на пять шаговъ и упалъ навзничъ. Не успѣли зрители этой сцены опомниться, какъ какой-то геркулесъ, стоявшій возлѣ съ большою картонкой, бросилъ свою ношу и, подбивъ подъ себя полицейскаго, сталъ обработывать ему физіономію. На силу четверо другихъ блюстителей порядка могли оттащить его прочь, ругая разбойникомъ, убійцей и бунтовщикомъ. Геркулесъ, съ голой грудью, весь оборванный, говорилъ, что не его вина, если онъ не могъ хладнокровно видѣть, какъ били ребенка. На вопросъ о его фамиліи, онъ отвѣчалъ:

— «Дюсардье, служу въ магазинѣ кружевъ и новостей, улица Клеръ. Гдѣ моя картонка? Отдайте мою картонку». Онъ совсѣмъ утихъ и безъ сопротивленія позволилъ вести себя въ полицію; его безпокоила только картонка и онъ никакъ не могъ утѣшиться, что она пропала. Огромная толпа послѣдовала за нимъ. Фредерикъ и Гюсонэ (бѣлокурый молодой человѣкъ) заключали шествіе, восторгаясь поступкомъ Дюсардье и возмущаясь насиліемъ власти. По мѣрѣ того, какъ ближе подходили къ полиціи, толпа все рѣдѣла и наконецъ, при видѣ солдатъ, кромѣ Фредерика и Гюсонэ, не осталось никого около плѣнника. Молодые люди настаивали у полицейской власти объ освобожденіи Дюсардье, выдавая его за воспитанника школы, но полиція не отпустила его. Оставивъ ему сигаръ, они отправились вмѣстѣ завтракать. Гюсонэ сказалъ, что онъ сотрудничаетъ въ журналѣ Жака Арну.

«Видите ли вы когда-нибудь жену его»? спросилъ Фредерикъ небрежно.—«Время отъ времени», отвѣчалъ Гюсонэ. Фредерикъ не посмѣлъ далѣе продолжать своихъ вопросовъ: Гюсонэ пріобрѣталъ въ его глазахъ огромное значеніе уже потому, что онъ видалъ г-жу Арну. При слѣдующихъ встрѣчахъ, молодые люди откровенно высказались на счетъ своихъ плановъ и надеждъ. Гюсонэ мечталъ о славѣ драматическаго писателя и о тѣхъ выгодахъ, которыя съ нею связаны. Онъ сотрудничалъ въ водевиляхъ, писалъ куплеты и пропѣлъ нѣкоторые изъ нихъ Фредерику. О Гюго и Ламартинѣ онъ отзывался пренебрежительно и наговорилъ сарказмовъ о романтической школѣ. Это задѣло за живое Фредерика и онъ готовъ былъ тотчасъ разорвать сношенія съ новымъ товарищемъ, но вслѣдъ за тѣмъ ему пришла въ голову мысль: отчего бы не воспользоваться этимъ знакомствомъ для того, чтобъ получить право посѣщать ту, отъ которой зависѣло его счастье. «Можете ли вы меня представить Арну»? спросилъ онъ. Гюсонэ выказалъ готовность, назначилъ день и обманулъ, потомъ обманулъ еще раза три, но въ концѣ концовъ познакомилъ.

Пять или шесть человѣкъ находились въ небольшой комнатѣ, освѣщенной всего однимъ окномъ; стѣны были увѣшаны гравюрами, картинами и эскизами современныхъ художниковъ, украшенныхъ посвященіями, свидѣтельствовавшими самую искреннюю пріязнь къ Жаку Арну. «Промышленное Искусство», помѣщавшееся въ центрѣ Парижа, было мѣстомъ свиданія, нейтральной почвой, гдѣ соперники мирно сходились, вели бесѣды объ искусствѣ и сбывали свои произведенія. Сохраняя артистическія склонности, стремясь эманципировать искусства, Жакъ Арну всѣми средствами старался получше устроить свои денежныя дѣла, пріобрѣтая хорошія произведенія по дешевой цѣнѣ, сбывая ихъ по дорогой, и позволяя себѣ разные, весьма неделикатные поступки съ художниками. Своими сношеніями и журналомъ, онъ вліялъ на всю артистическую промышленность Парижа. Льстя общественному мнѣнію, онъ совращалъ съ пути искусныхъ артистовъ, портилъ талантливыхъ, выжималъ весь сокъ изъ слабыхъ и прославлялъ посредственныхъ. Неблаговидные поступки ему сходили съ рукъ: онъ былъ такой добрый, откровенный малый, такъ охотно угощалъ сигарами, такъ умѣлъ, посредствомъ всевозможныхъ рекламъ, сбыть тѣ произведенія, которыя ему нравились! И самъ онъ считалъ себя очень честнымъ человѣкомъ, но въ припадкахъ откровенности наивно разсказывалъ такія свои штуки, которыя не могли принести ему чести.

Когда молодые люди вошли, Арну сидѣлъ за конторкой и

писалъ, поминутно отрываясь отъ работы, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ; разговоръ шелъ объ искусствѣ. Художники критиковали произведенія отсутствующихъ пріятелей, удивлялись высокой цѣнѣ ихъ картинъ, жаловались на низкую цѣну своихъ и невозможность жить одною работою. Вновь вошедшій художникъ, Пеллеренъ, замѣтилъ, что подобныя жалобы рекомендуютъ только мѣщанскія понятія его собратьевъ, что истинно великіе мастера, какъ Корреджіо, Мурильо, не заботились о милліонахъ. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ довольно долго и съ большимъ увлеченіемъ, пока Жакъ Арну не остановилъ его: «Женѣ моей нужно васъ видѣть, въ четвергъ. Не забудьте». Эта фраза заставила Фредерика вспомнить о г-жѣ Арну. По всей вѣроятности, она въ сосѣдней комнатѣ, куда Арну отворилъ дверь; ему показалось даже, что тамъ стоялъ умывальникъ. Вдругъ возлѣ камина раздалось глухое ворчанье, выходившее изъ устъ сѣдоватаго господина, по фамиліи Режамбаръ, все время внимательно читавшаго газету. «Что такое тамъ, гражданинъ», спросилъ Арну. «Новая подлость правительства». Дѣло шло объ увольненіи отъ службы одного учителя. Пеллеренъ началъ проводить параллель между Микель-Анджело и Шекспиромъ. Арну, продолжая работать, распечатывалъ письма, сводилъ счеты, писалъ и выбѣгалъ на минуту въ свой магазинъ, чтобы наблюдать за упаковкой картинъ, велъ съ приходившими къ нему дѣловой разговоръ и успѣвалъ отвѣчать на шутки гостей, которые такъ наполнили комнату, что въ ней едва можно было двигаться. Дверь въ сосѣднюю комнату, куда выходилъ недавно Арну, отворилась и вошла высокая худая женщина, которую видѣлъ Фредерикъ съ Арну въ театрѣ. Присутствовавшіе пожали ей руку, называя: «M-lle Ватнацъ», и вскорѣ ушли, кромѣ Пеллерена и Фредерика. Арну отвелъ мамзель Ватнацъ въ кабинетъ и нѣкоторое время шептался съ нею. «Прощайте, счастливый человѣкъ», сказала она уходя. Фредерикъ вышелъ вмѣстѣ съ Пеллереномъ и просилъ у него позволенія зайти къ нему. Позволеніе, конечно, было дано.

Пеллеренъ читалъ всѣ сочиненія объ эстетикѣ, надѣясь открыть настоящую теорію прекраснаго и создать тогда великое произведеніе. Онъ окружилъ себя всевозможными вспомогательными средствами — рисунками, гипсами, моделями, гравюрами; онъ искалъ и сокрушался; онъ обвинялъ время, нервы, свою мастерскую, выходилъ на улицу искать вдохновенія, содрогался при мысли, что вдохновеніе озарило его, принимался за работу и вскорѣ бросалъ ее для другого сюжета, который казался ему возвышеннѣе. Мучимый такимъ образомъ стяжаніемъ славы и тратя свое

время на споры, вѣря въ разный вздоръ, въ системы, въ критики, въ необходимость регламентаціи и реформы въ искусствѣ, онъ и въ пятьдесятъ лѣтъ не написалъ ничего, кромѣ эскизовъ. Гордость мѣшала ему впадать въ уныніе, но за то онъ находился постоянно въ раздраженномъ и возбужденномъ состояніи. Обстановка его мастерской была жалкая. Посѣщая его, Фредерикъ замѣтилъ разъ между картонами портретъ женщины, похожій на Ватнацъ. На вопросъ о ней, Пеллеренъ отвѣчалъ, что она была сначала наставницей въ провинціи, а теперь даетъ уроки и пробуетъ писать въ мелкихъ журналахъ. «Не любовница ли она Арну?» спросилъ Фредерикъ.—«О, у него есть другія».—«А жена платитъ ему, конечно, тѣмъ же?» продолжалъ Фредерикъ, невольно покраснѣвъ при этой нечестной мысли.—«Совсѣмъ нѣтъ. Это честная женщина». О самомъ Арну Пеллеренъ отзывался то какъ о честномъ человѣкѣ, то какъ о мошенникѣ.

Фредерикъ сошелся съ гражданиномъ Режамбаромъ, котораго ежедневно можно было встрѣтить въ редакціи «Промышленнаго Искусства» въ углу, съ «Націоналемъ» въ рукахъ, по временамъ изрыгавшаго хулы на правительство или просто пожимавшаго плечами. Арну считалъ его своимъ другомъ, и Фредерикъ, поэтому, почиталъ своимъ долгомъ ухаживать за нимъ. Молодой человѣкъ ежедневно сталъ посѣщать «Промышленное Искусство», надѣясь какъ-нибудь встрѣтить г-жу Арну. Мужу ея онъ постоянно угождалъ чѣмъ могъ, не отказываясь даже отъ такихъ услугъ, которыя были не совсѣмъ честны. Но узнавъ, что г-жа Арну живетъ совсѣмъ въ другомъ домѣ, Фредерикъ вдругъ страшно удивился и почувствовалъ какъ бы печаль отъ измѣны; всѣ окружающіе тотчасъ потеряли въ его глазахъ свою цѣну. Печаль его увеличилась еще, когда Арну разъ фамильярно взялъ его за подбородокъ. Онъ отшатнулся отъ него и вышелъ съ твердой рѣшимостію не переступать никогда порогъ этого дома. Эта вульгарность мужа г-жи Арну, въ глазахъ Фредерика, уменьшила даже цѣну самой ея. На той же недѣлѣ онъ получилъ письмо отъ Делорье, который увѣдомлялъ его о своемъ пріѣздѣ въ Парижъ, въ будущій четвергъ. Фредерикъ обратился со страстію къ помысламъ объ этой прочной привязанности. Подобный человѣкъ стоилъ всѣхъ женщинъ. Ему теперь никого не нужно, рѣшительно никого. Въ четвергъ онъ одѣлся, чтобъ идти встрѣтить своего друга. Вдругъ звонокъ, и вошелъ Арну. Онъ приглашалъ его къ себѣ въ этотъ день, въ семь часовъ, на «семейный» обѣдъ.

Когда Арну вышелъ, Фредерикъ принужденъ былъ сѣсть: колѣни его дрожали. Онъ повторялъ самъ себѣ: «наконецъ! на-

конецъ!» Потомъ написалъ къ своему портному, къ своему шляпнику, къ своему сапожнику и отправилъ эти письма черезъ трехъ коммиссіонеровъ. Минуту спустя, портье явился съ чемоданомъ на головѣ и за нимъ Делорье. Увидавъ своего друга, Фредерикъ затрепеталъ, какъ преступная жена предъ мужемъ.— «Что съ тобою дѣлается?» сказалъ Делорье: «Вѣдь ты получилъ мое письмо». Фредерикъ не имѣлъ силы солгать, и бросился въ объятія друга. Делорье разсказалъ, что онъ вырвалъ наконецъ у отца все материнское наслѣдство, семь тысячъ франковъ, которые отложилъ на черный день. Принесли закуску, и друзья не могли наговориться. Бесѣду эту разстроилъ коммиссіонеръ, принесшій шляпу, потомъ портной, потомъ сапожникъ. Фредерикъ все не рѣшался сказать своему другу, что онъ долженъ его оставить: ему казалось подлымъ пожертвовать другомъ женщинѣ. Но, наконецъ, онъ стыдливо принужденъ былъ сознаться и, чтобъ загладить свой проступокъ, принялся развязывать веревки у чемодана и укладывать вещи друга въ шкапъ; онъ предложилъ ему даже свою постель на эту ночь.

III.

Съ этого дня началась для Фредерика болѣе полная жизнь. Онъ увидѣлъ *ее*, онъ говорилъ съ нею, правда, не долго и о пустякахъ, но все-таки говорилъ. Квартира ея была убрана кокетливо, роскошно и изящно. Въ числѣ приглашенныхъ на обѣдъ были живописцы, критики и поэты. Фредерикъ услаждался ихъ бесѣдой, услаждался обѣдомъ, услаждался ея пѣніемъ, ея чуднымъ контральто, которымъ она владѣла въ совершенствѣ. Она стояла у фортепіано и мелодія лилась изъ ея устъ. На нижнихъ нотахъ голосъ ея звучалъ заунывно и прекрасная голова ея съ большими бровями склонялась къ плечу; вдругъ она поднимала ее съ пламенемъ въ очахъ, ея грудь вздымалась, руки уходили назадъ, ея шея, откуда вырывались рулады, съ нѣгой откидывалась, словно подъ воздушными поцѣлуями.

При прощаніи она подала ему руку, какъ и другимъ, и прикосновеніе этой нѣжной, мягкой руки сказалось во всѣхъ атомахъ его кожи. Сердце его было переполнено и онъ чувствовалъ потребность въ одиночествѣ. «Зачѣмъ протянула она мнѣ руку? думалъ онъ. Что это—необдуманное движеніе или поощреніе? Нѣтъ, я дуракъ. И зачѣмъ разсуждать объ этомъ, когда я могу теперь посѣщать ее, жить въ ея атмосферѣ».

Улицы были пустынны, и онъ презрительно думалъ объ этихъ

жалкихъ людяхъ, жившихъ за стѣнами этихъ домовъ: они существовали не видя ее, они даже не подозрѣвали о ея существованіи. Онъ не сознавалъ болѣе ни среды, ни пространства, ничего; шагая и ударяя тростью о ставни лавокъ, онъ шелъ впередъ наугадъ, какъ потерянный, какъ увлекаемый невидимою силою. Влажный воздухъ повѣялъ на него и онъ узналъ набережную. Фонари безграничными нитями тянулись въ два ряда и длинное красное пламя колебалось въ глубинѣ рѣки. Надъ темною водою возвышалось болѣе свѣтлое небо, которое, казалось, поддерживалось темными массами тѣней, возвышавшимися съ каждой стороны рѣки. Зданія, которыхъ было не видно, еще увеличивали тьму; за нею, на крышахъ, плавалъ свѣтлый туманъ; всѣ звуки сливались въ одинъ глухой шумъ; дулъ легкій вѣтеръ.

Остановившись на Новомъ-Мосту, обнаживъ голову, раскрывъ грудь, онъ вдыхалъ въ себя струю свѣжаго воздуха и въ то же время чувствовалъ, что извнутри его поднимается другая струя, что-то неизсякаемое, приливъ необъятной нѣжности. На колокольнѣ церкви медленно пробилъ часъ, словно голосъ, призывавшій его. И въ эту минуту его охватило одно изъ тѣхъ ощущеній, когда кажется, что все переносится въ другой, высшій міръ. «Что я такое—великій живописецъ или великій поэтъ?» спросилъ онъ себя серьезно, и рѣшилъ въ пользу живописи, такъ какъ это занятіе сближаетъ его съ г-жею Арну. Итакъ, призваніе найдено! Цѣль его существованія ясна и будущее опредѣлено.

Возвратившись домой, онъ услышалъ храпъ своего друга. Онъ не думалъ о немъ болѣе. Увидѣвъ лицо свое въ зеркалѣ, онъ нашелъ, что оно прекрасно, и съ минуту любовался собой.

На другой день онъ купилъ себѣ краски, палитру и кисти. Пеллеренъ согласился давать ему уроки и Фредерикъ привелъ его домой взглянуть, все ли имъ куплено. Когда они вошли, у Делорье сидѣлъ Сенекаль. Волоса его были острижены подъ гребенку, въ глазахъ было что-то жесткое и холодное. Фредерику онъ очень не понравился. Когда въ разговорѣ коснулись Арну, Сенекаль отозвался о немъ рѣзко, какъ о человѣкѣ, который подличаніемъ добываетъ себѣ деньги, и затѣмъ заговорилъ о гравюрѣ, которая изображала все королевское семейство. Гравюра эта была утѣхой для буржуазіи и огорченіемъ для патріотовъ. Искусство, по мнѣнію Сенекаля, должно исключительно имѣть въ виду поученіе массъ. Вслѣдствіе этого надо воспроизводить только такіе сюжеты, которые возбуждаютъ къ дѣйствіямъ добродѣтельнымъ; все остальное вредно.

— Но это зависитъ отъ исполненія, вскричалъ Пеллеренъ. Я могу создать великія произведенія.

— Тѣмъ хуже для васъ въ такомъ случаѣ! вы не имѣете права.

— Какъ?

— Да, милостивый государь, вы не имѣете права занимать меня тѣмъ, что я отвергаю. Что за польза намъ въ этихъ бездѣлкахъ, изъ которыхъ ничего нельзя извлечь, въ этихъ Венерахъ, напримѣръ, со всѣми вашими пейзажами? Я не вижу тутъ поученія для народа. Вы лучше покажите намъ бѣдность, воодушевляйте насъ къ пожертвованіямъ. И сколько благородныхъ предметовъ для этого: ферма, мастерская...

Пеллеренъ былъ въ негодованіи и, воображая, что нашелъ аргументъ, воскликнулъ: «Вы признаете Мольера»?—«Да, сказалъ Сенекаль. Я восхищаюсь имъ, какъ предвѣстникомъ революціи».—«А, революціи! Никогда еще не было эпохи болѣе жалкой для искусства».—«Болѣе великой, милостивый государь». Сенекаль былъ силенъ въ спорахъ, и когда Пеллеренъ снова перешелъ къ защитѣ Арну, говоря, что у этого человѣка золотое сердце, что онъ преданъ своимъ друзьямъ, любитъ свою жену,—Сенекаль возразилъ: «Конечно, конечно: еслибъ предложили ему хорошую сумму, онъ не отказался бы отдать ее въ натурщицы». Фредерикъ поблѣднѣлъ: «Вѣроятно онъ сдѣлалъ вамъ какое-нибудь зло», сказалъ онъ. — «Совсѣмъ нѣтъ: я и видѣлъ-то его всего одинъ разъ». Онъ говорилъ правду. Его просто раздражали ежедневныя рекламы «Промышленнаго Искусства» и онъ видѣлъ въ Арну представителя того міра, который онъ считалъ пагубнымъ для демократіи. Будучи строгимъ республиканцемъ, онъ смотрѣлъ на всякое стремленіе къ изяществу, какъ на развратъ, и отличался непоколебимою честностью. Онъ избѣгалъ даже женщинъ, почитая проституцію—тиранніей, а бракъ—безнравственностью.

Подобныя мысли Сенекаль высказывалъ часто на вечеринкахъ у Фредерика, когда сбирались къ нему пріятели: Гюсонэ, Сизи, Режамбаръ и Дюссардье, тотъ самый, который отличился въ схваткѣ съ полиціей. Хозяинъ прогналъ его за то, что онъ потерялъ тогда картонку—онъ поступилъ къ другому. Сенекаль былъ менѣе счастливъ: изгнанный изъ пансіона, гдѣ онъ давалъ уроки математики, за то, что прибилъ сына одного аристократа, онъ не могъ найти себѣ мѣста: бѣдность его увеличивалась, и онъ обрушивался на соціальный порядокъ и проклиналъ богачей.

Делорье, поступившій вторымъ помощникомъ къ одному адвокату, продолжалъ мечтать о журналѣ и о богатствѣ и побуждалъ Фредерика снова сходить къ Дамбрёзу. «Ты меня бы пред-

ставилъ», говорилъ онъ. Съ подобною просьбою онъ не разъ обращался къ нему и по отношенію къ Арну. Но Фредерикъ скорѣе готовъ былъ согласиться пожертвовать жизнью за своего друга, чѣмъ представить его къ той, которую онъ обожалъ. Онъ боялся, что другъ скомпрометтируетъ его передъ нею своимъ поношеннымъ платьемъ, своимъ неумѣреннымъ разговоромъ: это могло бы унизить въ глазахъ г-жи Арну и его самого, который одѣвался всегда такъ тщательно, такъ усердно обдумывалъ свои рѣчи и манеры. Разумѣется, онъ не высказывалъ этого Делорье, который начиналъ сердиться на друга за его вѣчные вздохи, его лѣность и отсутствіе стремленій къ политическимъ цѣлямъ.

Мечтая о дворцѣ въ мавританскомъ вкусѣ, съ широкими диванами, съ фонтаномъ, подъ звуки котораго онъ могъ бы засыпать, Фредерикъ усердно посѣщалъ г-жу Арну, но дѣло его не подвигалось впередъ. Она была привѣтлива съ нимъ—и только, иногда болѣе, иногда менѣе обращая на него вниманіе; этимъ вниманіемъ мѣрилось счастье Фредерика. Разъ она сказала ему «мой другъ». Фредерикъ съ восторгомъ разсказалъ объ этомъ другу. «Чтожъ, иди на приступъ», сказалъ Делорье, смотрѣвшій на женщинъ, какъ на забаву.—«Я не смѣю», отвѣчалъ Фредерикъ. Онъ изучилъ форму всѣхъ ея пальцевъ, онъ наслаждался шорохомъ ея шелковаго платья, онъ вбиралъ въ себя запахъ отъ ея платка; ея гребень, перчатки, кольца казались ему чѣмъ-то особеннымъ, какими-то необыкновенными произведеніями искусства, почти одушевленными предметами.

Между тѣмъ наступилъ августъ мѣсяцъ и время экзаменовъ. Фредерикъ, почти совсѣмъ не готовившійся, разумѣется не выдержалъ ихъ; но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что великіе адвокаты тоже терпѣли неудачи на экзаменахъ. Разсчитывая на переэкзаменовку въ ноябрѣ, онъ рѣшился не ѣхать на каникулы домой и призаняться. Увѣдомивъ объ этомъ мать свою, онъ просилъ у нея, кромѣ обыкновеннаго содержанія, еще 250 франковъ для особыхъ уроковъ. Г-жа Моро требовала, чтобъ онъ пріѣхалъ. Онъ настоялъ на своемъ и, получивъ 250 фр. на уроки, употребилъ ихъ на новые панталоны, на новую шляпу и трость съ золотымъ набалдашникомъ. Пріобрѣвъ всѣ эти вещи, онъ пожалѣлъ о своемъ легкомысліи, но исправить уже было нельзя. Затѣмъ представился вопросъ: ѣхать ли къ г-жѣ Арну? Для рѣшенія его онъ три раза бросилъ вверхъ монету и всегда выходило, что ѣхать. Значитъ—судьба повелѣвала. Онъ поѣхалъ, но г-жи Арну не оказалось дома: она уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ къ больной матери, въ Шартръ. Настали три мѣсяца скуки, въ теченіе которыхъ онъ скитался безъ дѣла по бульва-

рамъ или по цѣлымъ часамъ глазѣлъ изъ оконъ своей квартиры на рѣку, на домà, на движеніе и каждый день заходилъ въ «Промышленное Искусство», чтобъ узнать у Арну о здоровьи матери его жены. «Ей лучше»—былъ постоянный отвѣтъ. Наконецъ она пріѣхала. Онъ поспѣшилъ къ ней и началась прежняя исторія, съ тою разницею, что на этотъ разъ, чѣмъ чаще онъ ее видѣлъ, тѣмъ глубже овладѣвала имъ какая-то мучительная тоска и разслабленіе нервовъ. Мысль о ней не покидала его ни на минуту: на улицѣ напоминали ее встрѣчныя женщины, кашемиръ, кружева, ожерелья, цвѣты, маленькія туфли. Глядя на эти вещи, онъ тотчасъ въ воображеніи своемъ примѣрялъ ихъ къ ней. Въ «Jardin des Plantes» видъ пальмы увлекалъ его въ отдаленные края и онъ воображалъ себя вмѣстѣ съ нею на спинѣ верблюда или слона; въ Луврѣ, разсматривая картины, онъ еще легче припоминалъ ее себѣ, одѣвая ее во всевозможные костюмы и перенося въ самые отдаленные вѣка. Одно удивляло его: онъ не ревновалъ ее къ Арну, и не могъ себѣ представить ее иначе, какъ одѣтою — такъ стыдливость ея казалась естественною, и удаляла ея полъ въ таинственную тѣнь. Между тѣмъ онъ мечталъ о счастіи жить вмѣстѣ съ нею, говорить ей «ты», ласкать ея голову, стоять передъ нею на колѣняхъ, обвивъ руками ея талію, пить ея душу въ глазахъ ея. Неспособный къ дѣйствію, проклиная Бога и обвиняя себя въ трусости, онъ вертѣлся въ своемъ желаніи, какъ узникъ въ тюрьмѣ. Тоска душила его. По цѣлымъ часамъ онъ оставался неподвижнымъ или начиналъ рыдать. Делорье ничего не смыслилъ въ страданіи нервовъ, а потому предложилъ другу вѣрное лекарство отъ тоски — отправиться въ «Альгамбру». Это было одно изъ тѣхъ увеселительныхъ мѣстъ, гдѣ студенты развлекали своихъ любовницъ, прикащики гордо прохаживались съ тросточками, старые холостяки ласкали гребнемъ свои выкрашенныя бороды, куда лоретки, гризетки и проститутки приходили затѣмъ, чтобъ найти покровителя, любовника, золотую монету или просто потанцовать; тутъ были англичане, русскіе, люди южной Америки, турки. Фредерикъ не нашелъ здѣсь развлеченія, напротивъ, разстроилъ нервы свои еще больше. Онъ встрѣтилъ здѣсь Арну, который переговаривался съ мамзель Ватнацъ. Она увѣряла, что «та его любитъ», но кто это та, для Фредерика осталось неизвѣстнымъ. Но Арну былъ, очевидно, доволенъ и, взявъ Ватнацъ за уши, крѣпко поцѣловалъ ее въ лобъ. Съ своей стороны Ватнацъ очень заинтересовалась пѣвцомъ Дальма, который возбудилъ талантливымъ исполненіемъ пѣсенокъ общее удовольствіе. Фредерикъ, оставивъ Альгамбру, пробродилъ до самаго утра по улицамъ го-

рода, предаваясь самымъ мрачнымъ мыслямъ. Онъ подошелъ къ дому, гдѣ жила г-жа Арну; ни одно окно ея квартиры не выходило на улицу, но Фредерикъ тѣмъ не менѣе вперилъ свои взоры въ стѣну, какъ будто отъ лучей его глазъ могли разсыпаться камни. Теперь лежитъ она спокойно, какъ заснувшій цвѣтокъ, ея черные волосы разсыпались по кружевамъ подушки, ея уста полуоткрыты, ея голова на рукѣ... мужа. Онъ бросился прочь отъ этого видѣнія и сталъ безъ цѣли бродить по улицамъ. Очутившись на мосту Согласія, онъ вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ онъ возвращался отъ нея послѣ перваго вечера, проведеннаго съ нею, какія надежды питалъ онъ тогда. Теперь все погибло. Темныя облака пробѣгали по лунѣ. Онъ созерцалъ ее, думая о безконечности міровъ, о пустотѣ жизни, о ничтожествѣ всего. Разсвѣло; зубы его стучали; полусонный, мокрый отъ тумана и полный слезъ, онъ спросилъ себя: отчего не покончить съ собою? Стоитъ только сдѣлать одно движеніе. Тяжесть головы увлекала его, онъ видѣлъ трупъ свой плавающимъ по водѣ; Фредерикъ нагнулся и если не соскочилъ съ мѣста, то единственно потому, что слишкомъ усталъ, а для прыжка черезъ перила надо было сдѣлать усиліе.

Нѣсколько времени спустя, были именины г-жи Арну, которая праздновала ихъ на дачѣ. Надо было сдѣлать ей подарокъ. Онъ остановился на зонтикѣ, который стоилъ болѣе полутораста франковъ, а у Фредерика не было копѣйки. Къ счастію, ему далъ Делорье, все время жившій на его счетъ. Разсчитывая уѣхать вмѣстѣ съ Арну, онъ зашелъ въ редакцію, но Арну уже отправился. Вслѣдъ за нимъ пришла туда мамзель Ватнацъ и горько жаловалась, что не застала его дома. Прикащикъ совѣтовалъ ей ѣхать на дачу, но она ѣхать не могла, письмо ему отправить боялась. Фредерикъ вызвался доставить письмо. Она тотчасъ же набросала нѣсколько строкъ и просила отдать письмо Арну безъ свидѣтелей. Фредерикъ такъ и сдѣлалъ. Арну прочиталъ его и спряталъ въ карманъ. Къ нему собрались всѣ ихъ друзья и каждый привезъ какой-нибудь подарокъ; одинъ Гюсонэ освободилъ себя отъ этого. День былъ проведенъ весело. Вечеромъ Фредерикъ въ первый разъ разговаривалъ съ г-жею Арну не о пустякахъ. Они стояли вдвоемъ въ амбразурѣ окна. Она говорила, что восхищается ораторами, онъ предпочиталъ славу писателя. Но, возразила она, мнѣ кажется, что человѣкъ долженъ ощущать гораздо большее наслажденіе, когда онъ дѣйствуетъ на толпу прямо, когда онъ видитъ, какъ всѣ чувства его души передаются другимъ и ими усвоиваются.—«Я не честолюбивъ», сказалъ Фредерикъ.—«На-

прасно: немножко честолюбія не мѣшаетъ». Онъ узналъ ея антипатіи и вкусы: отъ запаха нѣкоторыхъ цвѣтовъ ей дѣлалось дурно, она любила историческія сочиненія и вѣрила въ сны. Онъ заговорилъ о любви. Она жалѣла несчастныхъ любовниковъ, но возмущалась притворствомъ и подлостію, и эта прямота ума такъ гармонировала съ правильною красотою ея лица, что, казалось, отъ нея зависѣла. Иногда она улыбалась и останавливала на минуту свои взоры на немъ, и эти взоры проникали до глубины его души. Онъ любилъ ее безъ задней мысли, безъ возврата, на вѣкъ, и въ этихъ нѣмыхъ восторгахъ, подобныхъ порывамъ благодарности, онъ хотѣлъ бы покрыть ея чело дождемъ поцѣлуевъ. Передъ отъѣздомъ, Арну нарвалъ букетъ розъ, завернулъ стебли въ первую попавшуюся ему бумажку, которую онъ вытащилъ изъ кармана и, укрѣпивъ ее булавкой, подалъ букетъ женѣ: «возьми, моя милая, и извини меня, что я забылъ о тебѣ». Она вскрикнула и, сказавъ, что уколола палецъ о булавку, ушла къ себѣ. Спустя четверть часа, она вернулась и всѣ поѣхали: Арну помѣстился на козлахъ, она сѣла съ Фредерикомъ и Мартой, засунувъ букетъ въ кожаный мѣшокъ. «Не надо мнѣ его», сказала она Фредерику. Всю дорогу она казалась раздраженной; дочь ея Марта спала у ней на колѣняхъ, а Фредерикъ поддерживалъ ей голову. Г-жа Арну заплакала. «Вы страдаете», спросилъ онъ ее. «Немного». Фредерикъ не могъ объяснить себѣ этой тоски, причина которой по всей вѣроятности заключалась въ томъ, что Арну завернулъ букетъ въ письмо мамзель Ватнацъ. Она замѣтила женскую руку и въ первый разъ сомнѣнія на счетъ невѣрности мужа закрадывались ей въ душу. Фредерикъ нагнулся къ ребенку и поцѣловалъ его. «Вы добрый человѣкъ, сказала она, потому что любите дѣтей».—«Не всѣхъ», отвѣчалъ онъ и протянулъ ей свою руку, надѣясь, что она возьметъ ее. Но она сдѣлала видъ, что не замѣтила этого движенія; ему стало стыдно и онъ убралъ руку.

На другой день Фредерикъ почувствовалъ необыкновенный приливъ силы и бодрости. Онъ сталъ заниматься съ такимъ усердіемъ, что удивилъ Делорье. А Фредерика подгоняла любовь: онъ воображалъ себя на трибунѣ, знаменитымъ ораторомъ, она его слушаетъ, скрывая слезы восторга подъ вуалью.

Сдавъ послѣдній экзаменъ, онъ уѣхалъ къ матери, гдѣ ждало его сильное разочарованіе. Г-жа Моро сказала ему, что они бѣдны, что все состояніе ихъ отчасти перешло къ Року, который ссужалъ ее деньгами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и потомъ разомъ ихъ потребовалъ, отчасти погибло въ банкрот-

ствѣ одного банкира. Ударъ былъ тяжелъ. Фредерикъ принужденъ былъ остаться въ родномъ городѣ и забыть свою любовь и мечты. Единственнымъ развлеченіемъ была ему дочь Рока, Луиза, бойкая дѣвочка, сильно къ нему привязавшаяся. Она прибѣгала къ нему въ садъ, въ его комнату, старалась развлечь и утѣшить его, когда ему было грустно, говорила, что она воображаетъ себя его женою. Съ своей стороны Фредерикъ, лишенный любимой женщины, немного утѣшился этою дружбою ребенка. Онъ давалъ читать Луизѣ или самъ читалъ ей «Аталу», «Сенъ-Марса», «Листы осени»; разъ онъ прочиталъ ей «Макбета»; въ слѣдующую же ночь Луиза проснулась съ крикомъ: «пятно, пятно!», ея зубы стучали, она вся дрожала и, устремивъ испуганные глаза на правую руку, другою терла ее и повторяла: «все еще остается пятно». Призванный докторъ предписалъ ей избѣгать волненій.

IV.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. 12-го декабря 1845 года, Фредерикъ получилъ увѣдомленіе, что дядя его умеръ и оставилъ ему двадцать семь тысячъ ливровъ дохода. Восторгамъ его не было конца. Г-жа Моро совѣтовала ему опредѣлиться въ Труа адвокатомъ. Фредерикъ и слышать не хотѣлъ: онъ ѣдетъ въ Парижъ.—«Чтожъ ты тамъ станешь дѣлать?»—«Ничего».—«Какъ, ничего».—«Я сдѣлаюсь министромъ». И онъ серьезно сталъ развивать свои планы. Мать не противилась. Въ назначенный для отъѣзда день умерла г-жа Рокъ. Луиза позвала въ садъ Фредерика. Она глубоко посмотрѣла на него. «Правда, что вы ѣдете»? Это *вы* удивило Фредерика; онъ отвѣчалъ: «да, ѣду сейчасъ».—«Ахъ, сейчасъ... совсѣмъ? мы больше не увидимся»? Рыданія душили ее и она страстно сжала его въ своихъ объятіяхъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Фредерикъ тотчасъ бросился отыскивать Арну. Оказалось, что журналъ купилъ у него Гюсонэ, а самъ онъ занимался выдѣлкой фаянса. Пріемныхъ дней у нихъ ужъ не было и вообще замѣтно было, что дѣла ихъ значительно покачнулись, а семейство прибавилось — она родила сына. «Что станешь дѣлать въ такое время, какъ наше»? говорилъ Арну, показывая Фредерику издѣлія своей фабрики, находившіяся въ магазинѣ, на антресоляхъ его квартиры. «Настоящая живопись вышла изъ моды. Но искусство можно прилагать всюду, а вы знаете, что я люблю прекрасное». Утомленный подробными объ-

ясненіями Арну, Фредерикъ отправился ужинать въ кафе и думалъ: «Красивъ былъ я тамъ съ своею тоскою! она едва узнала меня! что за мѣщанка»! И онъ рѣшился забыть ее и броситься въ свѣтъ. Онъ воспользуется теперь вліяніемъ Дамбрёза для проложенія себѣ карьеры. Вспомнивъ о Делорье, онъ назначилъ ему свиданіе въ Пале-Роялѣ.

Судьба не благопріятствовала Делорье. Стремясь занять каѳедру, онъ представился на конкурсъ съ темою о правѣ наслѣдства, которое онъ совѣтовалъ ограничить какъ можно болѣе; по его мнѣнію, всѣ человѣческія бѣдствія зависятъ отъ этого права, которое есть не что иное, какъ тираннія, какъ злоупотребленіе силы. Увлекаясь, онъ даже воскликнулъ:

— Уничтожимъ его, и франки не будутъ угнетать галловъ, англичане—ирландцевъ, янки — краснокожихъ, турки—арабовъ, бѣлые — негровъ. Польша...

— Хорошо, хорошо, милостивый государь, прервалъ его президентъ: мы не нуждаемся въ вашихъ политическихъ убѣжденіяхъ, и вы потрудитесь представиться въ другой разъ.

Делорье не захотѣлъ конкуррировать въ другой разъ, но предался изученію любимаго предмета съ увлеченіемъ еще большимъ; онъ оставилъ даже свое мѣсто у адвоката и жилъ уроками, чтобъ имѣть больше времени для занятій; въ клубахъ онъ ужасалъ своимъ радикализмомъ консерваторовъ, молодыхъ доктринеровъ школы Гизо, и составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность, къ которой примѣшивалось недовѣріе къ его личности.

Друзья встрѣтились радостно, но Фредерику не понравилось, что Делорье заговорилъ о полученномъ наслѣдствѣ, какъ о дѣлѣ выгодномъ для нихъ обоихъ. Разсказывая о своихъ неудачахъ, онъ обнаруживалъ недовольство всѣми и всѣмъ, называя правительственныхъ лицъ дураками и канальями. Упомянувъ о журналѣ Гюсонэ, онъ совѣтовалъ Фредерику взять въ немъ долю и поднять его тонъ. Хорошій завтракъ и вино наполнили довольствомъ существо Делорье, и онъ говорилъ:

— Ахъ, какъ хорошо было то время, когда Камиллъ Демуленъ, стоя на столѣ, воодушевлялъ народъ броситься на Бастилію! Тогда можно было жить, укрѣпиться, доказать свою силу. Простые адвокаты начальствовали надъ генералами, босоногіе били королей, между тѣмъ, какъ теперь... Впрочемъ, грядущее грозно,—и онъ сталъ декламировать стихи Бартелеми:

Elle reparaitra, la terrible Assemblée
Dont, après quarante ans, notre tête est troublée,
Colosse qui sans peur marche d'un pas puissant.

— Дальше я не знаю. Поздно, пойдемъ.

Устроивъ себѣ роскошную квартиру, Фредерикъ тотчасъ же хотѣлъ сдѣлать визитъ Дамбрёзу, но потомъ подумалъ, что не мѣшаетъ зайти и къ Арну, который потащилъ его съ собою на маскарадъ къ своей любовницѣ Розаеттѣ Бронъ, сказавъ своей женѣ, что ѣдетъ по весьма нужному дѣлу. Мамзель Ватнацъ свела его съ нею, конечно не ради одной пріязни, но и ради существенной благодарности. По дорогѣ Арну заѣхалъ въ магазинъ и, приказавъ накласть цѣлую корзинку различныхъ припасовъ и закусокъ, взялъ ее съ собою, а другую корзинку съ ананасами, виноградомъ и проч. велѣлъ доставить завтра къ себѣ домой, для «бѣдной жены». Затѣмъ, одѣвшись у костюмёра, они пріѣхали къ Розанеттѣ, которая была одѣта драгуномъ временъ Людовика XV. Арну представилъ ей Фредерика. Она подняла портьеру и закричала: «г. Арну, поваренокъ, и принцъ, другъ его».

Фредерикъ былъ ослѣпленъ сначала блескомъ залы, залитой свѣтомъ, гдѣ бросались въ глаза шелкъ, бархатъ, голыя плечи, разноцвѣтная, волновавшаяся масса подъ звуки оркестра, скрытаго въ зелени. Изъ залы была видна другая комната поменьше, и затѣмъ третья, гдѣ на подмосткахъ стояла кровать съ витыми колоннами, съ венеціанскимъ зеркаломъ въ головахъ. При появленіи Арну съ корзиной на головѣ, танцы остановились, раздались рукоплесканія и самыя шумныя изъявленія радости. Припасы горою возвышались въ корзинкѣ. «Берегись, люстра!» Фредерикъ поднялъ глаза: это была люстра, украшавшая прежде помѣщеніе «Промышленнаго Искусства»; воспоминаніе о прежнемъ мелькнуло въ его головѣ; но армеецъ въ полуформѣ, съ тѣмъ простоватымъ видомъ, который традиція придаетъ военнымъ, сталъ передъ нимъ, разставивъ руки въ знакъ удивленія; несмотря на огромные усы, искажавшіе его лицо, Фредерикъ узналъ въ немъ прежняго друга, Гюсонэ. Коверкая слова, съ обычнымъ шутовствомъ, Гюсонэ разсыпался передъ нимъ въ поздравленіяхъ, величая его полковникомъ. Фредерикъ не зналъ что̀ отвѣчать. Но начались танцы.

Всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ маскарадѣ было до шестидесяти человѣкъ: женщины по большей части въ костюмахъ крестьянокъ и маркизъ, а мужчины, почти всѣ зрѣлыхъ лѣтъ, въ костюмахъ извощиковъ, дебардеровъ и матросовъ. Фредерикъ, отодвинувшись къ стѣнѣ, сталъ смотрѣть на танцующихъ. Старикъ, одѣтый венеціанскимъ дожемъ, танцовалъ съ Розанеттою; визави съ ними — арнаутъ, вооруженный ятаганомъ, и швейцарка; далѣе — высокая блондинка, желавшая выставить на видъ свои волоса, спускавшіеся до колѣнъ, одѣлась дикаркой; сверхъ

трико темнаго цвѣта, на ней ничего не было, кромѣ кожанаго передника, браслетовъ изъ бусъ и мишурной діадемы, съ павлиньими перьями. Далѣе — пастушокъ - Ватто, ударявшій своимъ посошкомъ о тирсъ вакханки, увѣнчанной виноградомъ, съ леопардовой кожей на лѣвомъ боку и патронами на золотыхъ тесьмахъ; полька, балансировавшая своею газовою юбкой надъ своими шелковыми чулками, и царица, звѣзда бала, мамзель Лулу, знаменитая танцовщица публичныхъ баловъ. Теперь она была при деньгахъ, и широкая кружевная косынка покрывала ея куртку изъ темнаго бархата, а широкіе шелковые пунцоваго цвѣта панталоны, схваченные въ таліи кашемировымъ шарфомъ, были усѣяны по швамъ маленькими бѣлыми, живыми камеліями. Ея блѣдное лицо, со вздернутымъ носикомъ, казалось еще наглѣе отъ растрепаннаго парика, на которомъ надѣта была на бекрень сѣрая мѣховая мужская шапка; во время прыжковъ, которые она дѣлала, ея башмачекъ съ брильянтовыми пряжками почти касался носа ея кавалера, длиннаго средневѣковаго барона, затянутаго въ желѣзо. Былъ тутъ и одинъ ангелъ, съ золотымъ мечомъ въ рукѣ и двумя лебедиными крыльями за плечами; онъ постоянно путалъ фигуры и терялъ своего кавалера, одѣтаго Людовикомъ XIV.

Смотря на эти лица, Фредерику стало тяжело. Онъ снова подумалъ о г-жѣ Арну и ему показалось, что тутъ что-то затѣвалось непріязненное противъ нея. По окончаніи кадрили, Розанетта подошла къ Фредерику и пригласила его танцовать съ собою. Онъ отвѣчалъ, что не умѣетъ. Посмотрѣвъ на него съ минуту, она сказала «добрый вечеръ» и, сдѣлавъ прыжокъ, исчезла. Недовольный собой и не зная, что́ дѣлать, Фредерикъ сталъ бродить по комнатамъ. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ будуара, съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ убраннаго, но богатство котораго показалось бы бѣдностью въ сравненіи съ будуарами нынѣшнихъ Розанеттъ. Въ углубленіи одной стѣны было устроено что-то въ родѣ палатки, обитой розовымъ шелкомъ; черезъ маленькую полуотворенную дверь виднѣлась теплица, занимавшая всю ширину террасы и кончавшаяся на другой сторонѣ птичникомъ. Такой пріютъ былъ по вкусу Фредерику и онъ готовъ бы вкусить тутъ отъ наслажденія и радостей. Онъ даже почувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе и, вернувшись въ залу, сталъ смотрѣть на кадрили, моргая глазами, чтобъ лучше видѣть и вдыхая нѣжный запахъ женщинъ. Вдругъ возлѣ себя онъ замѣтилъ Пеллерена, который тотчасъ же забросалъ его вопросами и, не ожидая отвѣтовъ, заговорилъ о себѣ. Онъ, по его словамъ, сдѣлалъ большой успѣхъ съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись, при-

знавъ окончательно, что вовсе не слѣдуетъ заботиться столько о красотѣ и единствѣ въ произведеніи, сколько о характерѣ и разнообразіи предметовъ.

— «Ибо все существуетъ въ природѣ, стало быть все законно, все пластично. Надо только уловить тонъ. Я открылъ эту тайну. Посмотрите, напр., на эту маленькую женщину, съ прической сфинкса, которая танцуетъ съ русскимъ ямщикомъ: все въ ней ясно, сухо, рѣзко, все въ неровностяхъ и грубыхъ тонахъ: индиго подъ глаза, киноварь на щеки, бистръ на виски; пифъ, пафъ!» И онъ дѣлалъ пальцемъ въ воздухѣ, какъ кистью. «А вотъ та, одѣтая торговкой: въ ней все кругло, жирно, спокойно и все лоснится. И между тѣмъ онѣ обѣ совершенны. Гдѣ жъ послѣ этого типы?» Онъ разгорячился. «Что такое прекрасная женщина? спрашиваю я васъ. Что такое прекрасное? А, прекрасное! скажете вы....»

Фредерикъ прервалъ его вопросами о танцующихъ. Тутъ оказались отецъ семейства, оставляющій своихъ дѣтей безъ сапогъ, живущій въ клубѣ и спящій съ нянькою; дожъ—графъ Палацо, двадцать лѣтъ живущій съ актрисою; капитанъ Дербиньи, старикъ, неимѣющій ничего, кромѣ Почетнаго Легіона и пенсіи, служащій дядею гризеткамъ въ торжественныхъ случаяхъ, устраивающій дуэли и проч.—«Каналья?» спросилъ Фредерикъ о послѣднемъ.— «Нѣтъ, честный человѣкъ».—«А»! Художникъ назвалъ еще другихъ, между прочимъ доктора Де-Рожи.

— Онъ взбѣшенъ на судьбу, которая не даетъ ему славы; онъ написалъ сочиненіе о медицинской порнографіи, охотно чиститъ сапоги въ большомъ свѣтѣ, отличается скромностію; эти дамы его обожаютъ. Онъ и его супруга (эта худощавая кастелянша въ сѣромъ платьѣ) таскаются по всѣмъ публичнымъ и другимъ мѣстамъ.

Докторъ подошелъ къ нимъ, за нимъ присоединился еще Гюсонэ, потомъ молодой поэтъ, любовникъ дикой женщины, и господинъ, одѣтый туркомъ. Они составили кружокъ въ дверяхъ залы и болтали. Между двумя кадрилями, Розанетта подошла къ камину, гдѣ сидѣлъ въ креслѣ маленькій старичекъ, въ каштановомъ фракѣ, съ золотыми пуговицами. Наклонясь къ нему, она слушала его, потомъ подала ему стаканъ съ сиропомъ; выпивъ, онъ поцѣловалъ ей руки. Фредерикъ спросилъ, кто это такой.— «Г. Удри, сосѣдъ Арну, новый любовникъ Розанетты».

Заиграли вальсъ; женщины повскакивали съ своихъ мѣстъ и ихъ юбки, ихъ шарфы, ихъ куафюры начали вертѣться такъ близко отъ Фредерика, что онъ могъ разсмотрѣть капельки пота на ихъ лбахъ; и это движеніе, живое, стремительное и мѣрное

опьяняло и возбуждало его. При послѣднемъ аккордѣ вальса появилась мамзель Ватнацъ съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ классическій костюмъ Данта. Это бывшій пѣвецъ «Альгамбры», Антеноръ Деламаръ, Дельма, Бельмаръ, наконецъ Дельмаръ, измѣнявшій свое имя по мѣрѣ того, какъ росла его извѣстность: недавно онъ съ успѣхомъ дебютировалъ въ «Амбигю». Увидавъ его, Гюсонэ нахмурился. Съ тѣхъ поръ, какъ не приняли его пьесы, онъ ненавидѣлъ актеровъ и обратилъ вниманіе пріятелей на величественную позу, которую принялъ Дельмаръ, облокотившись о каминъ. Вокругъ него тотчасъ образовался кружокъ женщинъ и онъ, чтобъ лучше обворожить ихъ, старался придать своему взору поэтическое выраженіе. Ватнацъ, послѣ продолжительныхъ объятій съ Розанеттою, подошла къ Гюсонэ и просила его просмотрѣть, съ точки зрѣнія слога, приготовленное ею къ печати сочиненіе о воспитаніи подъ заглавіемъ «Гирлянда молодыхъ дѣвицъ», сборникъ литературный и нравственный. Литераторъ обѣщалъ ей свое содѣйствіе. Она стала просить потомъ, не можетъ ли онъ похвалить ея друга въ одномъ изъ тѣхъ листковъ, гдѣ онъ участвуетъ, и впослѣдствіи дать ему роль въ своей пьесѣ. Гюсонэ за этимъ разговоромъ забылъ взять стаканъ съ пуншемъ. Пуншъ приготовлялъ Арну и, слѣдуя за человѣкомъ, несшимъ подносъ съ стаканами, предлагалъ его желающимъ. Поравнявшись съ Удри, онъ сталъ съ нимъ разговаривать. Розанетта разговаривала съ Дельмаромъ. У этого комедіанта было самое вульгарное лицо, на которое можно было смотрѣть только издали, какъ на театральныя декораціи, толстыя руки, большія ноги и неуклюжая челюсть; онъ бранилъ самыхъ знаменитыхъ актеровъ, свысока относился къ поэтамъ, говорилъ: «мой органъ, мои средства, моя фигура» и уснащалъ свою рѣчь мало понятными для него самого словами. Фредерикъ видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ она его слушала и какъ заволакивались нѣгою ясные глаза ея. Какъ можно было восхищаться подобнымъ человѣкомъ? Фредерикъ старался возбудить въ себѣ презрѣніе къ этой женщинѣ и тѣмъ прогнать желаніе, которое она въ немъ возбуждала. Розанетта подошла къ нему и просила сходить въ кухню посмотрѣть, не тамъ ли Арну. Цѣлый батальонъ стакановъ покрывалъ лавки, кострюли шипѣли на плитѣ. Арну командовалъ лакеями, взбивалъ соусъ, пробовалъ кушанья. «Хорошо, сказалъ онъ, предупредите ее. Сейчасъ станемъ подавать». Танцы кончились; женщины усѣлись, мужчины прогуливались. Гдѣ жъ Розанетта? Фредерикъ искалъ ее по всѣмъ комнатамъ. Нѣкоторыя женщины уединились въ будуарѣ и шептались. Войдя въ теплицу, онъ увидалъ Дельмара, который рас-

тянулся на плетеномъ диванѣ, подъ широкими листьями какого-то дерева, подлѣ фонтанчика; Розанетта сидѣла возлѣ него, запустивъ свои руки въ его волоса; они смотрѣли другъ на друга. Въ то же время, со стороны птичника, вошелъ Арну. Дельмаръ быстро всталъ и ушелъ. Розанетта опустила голову и заплакала. «Что съ тобою?» спросилъ Арну. Она пожала плечами, потомъ обвила шею его руками и поцѣловавъ въ лобъ, проговорила протяжно: «Ты знаешь, что я всегда буду любить только тебя, толстякъ мой. Перестанемъ думать объ этомъ и пойдемъ ужинать».

Женщины съ шумомъ помѣстились за столомъ; мужчины, кто сѣлъ, кто помѣстился стоя, въ углахъ. Ангелъ усѣлся на фортепьянной табуреткѣ, единственномъ мѣстѣ, гдѣ позволяли ему сѣсть крылья. Мужчина, одѣтый пѣвчимъ, перекрестился и началъ предобѣденную молитву (Benedicite). Дамамъ это не понравилось, въ особенности торговкѣ, имѣвшей дочь, которую она хотѣла воспитать честной женщиной. Арну то же протестовавъ, замѣтилъ, что религію надо уважать.

Часы съ кукушкой пробили два. Кукушка вызвала шутки, анекдоты, каламбуры, — хаосъ словъ, обратившійся вскорѣ въ отдѣльные разговоры. Вино лилось, кушанья смѣнялись, докторъ разрѣзалъ ихъ. Женщина съ прической сфинкса пила водку, кричала во все горло и вела себя какъ чертенокъ. Вдругъ ея щеки покраснѣли, она быстро поднесла салфетку къ губамъ и потомъ, окровавленную, бросила ее подъ столъ. Фредерикъ видѣлъ это. «Ничего», сказала она. На совѣты его уѣхать и поберечь себя, она отвѣчала: «Вотъ еще, зачѣмъ это? какъ будто не все равно! жизнь не красна». Онъ содрогнулся и тяжелая тоска овладѣла имъ, какъ будто онъ увидѣлъ цѣлые міры бѣдности и отчаянія, жаровню съ угольями рядомъ съ кроватью, и трупы въ Моргѣ съ кожаными передниками, съ струями холодной воды, которая течетъ съ ихъ волосъ.

Между тѣмъ Гюсонэ, усѣвшись на корточкахъ передъ дикаркой и вмѣстѣ подражая голосу одного актера, говорилъ: «Не будь жестокосердой, о Селюта! этотъ семейный праздникъ прекрасенъ. Услади меня нѣгою наслажденій, любовь моя!» И онъ сталъ цѣловать женщинъ въ плечи. Онѣ вздрагивали подъ его колючими усами; потомъ онъ началъ объ голову свою разбивать тарелки, легонько ихъ подбрасывая; другіе стали подражать ему, и осколки фаянса полетѣли цѣлымъ градомъ. Дебардерка закричала: «Не церемоньтесь! это ничего не стоитъ. Владѣлецъ фаянсоваго завода даритъ намъ это». Всѣ взоры обратились къ Арну. Онъ возразилъ: «А, на счетъ фактуры — позвольте», намекая этимъ, что онъ ужъ болѣе не любовникъ Ро-

занетты. Вдругъ послышалась брань: «Дуракъ».— «Болванъ».— «Къ вашимъ услугамъ».—«Къ вашимъ». Это поссорились между собою русскій ямщикъ и средневѣковой баронъ. Они хотѣли драться на дуэли; всѣ вмѣшались въ эту ссору и капитанъ, среди общаго шума, старался всѣхъ перекричать: «Господа, послушайте меня! одно слово! Я опытный человѣкъ, господа, въ этихъ дѣлахъ». Розанетта застучала ножемъ о стаканъ и успѣвъ возстановить молчаніе, обратилась къ барону, сидѣвшему въ каскѣ, и ямщику въ мохнатой шапкѣ:

— Сперва снимите кострюлю съ своей головы, а вы шапку съ волчьей физіономіи. Будете ли вы меня слушаться, чортъ побери! Смотрите на мои эполеты. Я вашъ маршалъ.

Поссорившіеся извинились другъ передъ другомъ; раздались рукоплесканія и крики: «Да здравствуетъ маршалъ! да здравствуетъ маршалъ!» Розанетта взяла шампанское и стала наливать его въ подставляемые стаканы. Такъ какъ столъ былъ широкъ, то гости, въ особенности женщины, должны были вытягиваться, становиться на носки, на стулья и образовалась цѣлая пирамидальная группа куафюръ, голыхъ плечъ, протянутыхъ рукъ и наклоненныхъ тѣлъ. Въ другомъ концѣ стола наливали Арну и Пьерро, и струи вина блестѣли и брызгали въ лица. Маленькія птички, вылетѣвъ изъ птичника, куда дверь была отворена, наполнили залу, въ испугѣ ударяясь о стѣны, объ окна, о мебель, сажаясь на головы, гдѣ онѣ блестѣли среди волосъ какъ яркіе цвѣты.

Музыканты ушли. Вкатили изъ передней въ залу фортепьяно. Ватнацъ сѣла за него и, аккомпанируемая барабаномъ, заиграла какой-то безумный танецъ, ударяя по клавишамъ, какъ лошадь, топчущаяся на одномъ мѣстѣ. Розанетта увлекла Фредерика, Гюсонэ вертѣлся колесомъ, дебардерка ломалась какъ клоунъ, дикарка подражала качанію лодки. Наконецъ всѣ остановились въ изнеможеніи и открыли окно. Дневной свѣтъ вмѣстѣ съ свѣжестію утра проникъ въ залу. Послышался крикъ удивленія и потомъ настало молчаніе. Желтое пламя свѣчей дрожало; паркетъ былъ усыпанъ лентами, цвѣтами, жемчугомъ; на консоляхъ виднѣлись пятна отъ пунша и сиропа; обои были запачканы, костюмы смяты и обсыпаны пудрой; наколки висѣли по плечамъ, и краска, отпавшая съ лицъ вмѣстѣ съ потомъ, обнаруживала блѣдныя физіономіи, съ красными, мигающими вѣками.

Розанетта, свѣжая, какъ по выходѣ изъ ванны, съ розовыми щеками и блестящими глазами, сбросила свой парикъ и ея волосы разсыпались по ней какъ руно, закрывъ все ея платье,

кромѣ штановъ, что произвело комическій и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятный эффектъ.

Между тѣмъ, женщинѣ съ прической сфинкса, зубы которой щелкали, понадобилась шаль. Розанетта побѣжала за нею въ свою спальню, быстро затворивъ за собою дверь передъ носомъ сфинкса, которая за ней было-пошла. Кто-то замѣтилъ, что въ спальнѣ — г. Удри. Никто не подхватилъ этого замѣчанія, такъ были всѣ утомлены. Пробило семь часовъ. Стали разъѣзжаться. Ватнацъ сказала на прощаньѣ Розанеттѣ: «Береги его».—«До лучшихъ временъ», отвѣчала та, лѣниво повертываясь къ ней спиной. Арну и Фредерикъ вышли вмѣстѣ. Арну былъ не въ духѣ и намекая на Удри, процѣдилъ сквозь зубы: «Богатъ онъ, старый негодяй». Потомъ заговорилъ о заводѣ, гдѣ ему надо было быть въ часъ. — «Сперва, однако, пойти поцѣловать жену.»—«А, жену!» подумалъ Фредерикъ. Онъ легъ спать. Жажда женщинъ, роскоши и всего парижскаго комфорта овладѣла имъ. Сквозь сонъ видѣлись ему плечи торговки, станъ дебардерки, икры польки и волоса дикарки; потомъ появились два какіе-то черные глаза, которыхъ онъ не видѣлъ на балу; легкіе какъ мотыльки, жгучіе, какъ огонь, они носились по комнатѣ, дрожали, улетали вверхъ, спускались ко рту его. Вотъ и сонъ овладѣлъ имъ; ему казалось, что онъ запряженъ рядомъ съ Арну въ фіакръ и что Розанетта сидитъ на немъ верхомъ и шпоритъ его золотыми шпорами.

V.

Фредерикъ нанялъ небольшой отель и убралъ его роскошно, такъ что истратилъ тысячъ сорокъ. Онъ подумалъ-было сперва пригласить къ себѣ на житье Делорье, но потомъ разсудилъ, что это помѣшаетъ *ей*, его будущей любовницѣ, и онъ ограничился тѣмъ, что пригласилъ его вмѣстѣ съ Сенекалемъ, Пеллереномъ, Дюсардье, Гюсонэ и де-Сизи къ себѣ на новоселье.

Делорье жилъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ Сенекалемъ, но такъ какъ къ послѣднему стали ходить блузники, патріоты, рабочіе, все люди честные, но простые, Делорье показалось это общество скучнымъ и компрометтирующимъ. Кромѣ того, нѣкоторыя идеи его друга, превосходныя какъ орудіе борьбы, ему не нравились. Онъ желалъ всеобщаго разрушенія, но берегъ себя. Убѣжденія Сенекаля были болѣе безкорыстны. Каждый вечеръ, послѣ уроковъ, возвратившись на свой чердакъ, онъ принимался за книги, въ которыхъ могъ найти оправданіе своимъ мечта-

ніямъ. Онъ изучилъ Мабли, Морелли, Фурье, Сенъ-Симона, Конта, Кабэ, Луи Блана, всю массу писателей-соціалистовъ, какъ тѣхъ, которые требовали для человѣчества казарменнаго уровня, такъ и тѣхъ, которые хотѣли развлекать его лупанарами и засадить за работу; изъ всего этого, онъ составилъ себѣ идеалъ добродѣтельной демократіи, нѣчто въ родѣ американскаго Лакедемона, гдѣ личность будетъ существовать только для того, чтобъ служить обществу, болѣе всевластному, абсолютному, непреложному и божественному, чѣмъ великіе ламы и Навуходоносоры. Онъ не сомнѣвался въ будущемъ осуществленіи этого плана и все, что казалось ему враждебнымъ, онъ поражалъ съ рѣзкостію геометра и вѣрою инквизитора. Всѣ отличія, даже слишкомъ звучная извѣстность и превосходство находили въ немъ себѣ заклятаго врага. Онъ не хотѣлъ идти къ Фредерику, но Делорье увлекъ его. Великолѣпіе отеля смутило его и онъ нахмурился. Дюсардье бросился къ Фредерику на шею и радостно поздравлялъ его съ богатствомъ.

Вся роскошь стола и изящество кушаній пропали для Сенекаля. Онъ спросилъ себѣ простого, деревенскаго хлѣба и по этому поводу заговорилъ о томъ, что земледѣлія вовсе не поощряютъ, что все предано на жертву конкурренціи, анархіи, пагубному принципу «laisser faire, laisser aller». Вотъ какъ образуютъ феодализмъ денегъ, болѣе вредный чѣмъ всякій другой! но пусть берегутся: народъ, уставши выносить всю тяжесть этого положенія, отплатитъ капиталистамъ за свои страданія или кровавыми проскрипціями или грабежемъ... Рабочій, вслѣдствіе ничтожности заработной платы, болѣе несчастенъ, чѣмъ илотъ, негръ и парія, особенно если онъ имѣетъ дѣтей, и онъ прибавилъ:

— Задушить ихъ ему, что ли, какъ совѣтуетъ какой-то англійскій докторъ, поклонникъ Мальтуса? И, обратясь къ Сизи: «Или намъ придется послѣдовать совѣтамъ подлаго Мальтуса?

Де-Сизи, не знавшій о подлости Мальтуса и даже о его существованіи, отвѣчалъ, что бѣднымъ, однако, помогаютъ и что просвѣщенные классы...

— А, просвѣщенные классы! сказалъ, злобно смѣясь, соціалистъ.—Замѣтьте, что просвѣщенныхъ классовъ нѣтъ! Просвѣщаются только сердцемъ! Понимаете ли, что мы не хотимъ милостыни, а равенства, справедливаго распредѣленія продуктовъ.

Онъ требовалъ такого положенія, чтобы рабочій могъ сдѣлаться капиталистомъ, какъ солдатъ полковникомъ. Цехи, по крайней мѣрѣ, ограничивали число учениковъ, мѣшали накопленію рабочихъ, и чувство братства поддерживалось праздниками, знаменами.

Гюсонэ, какъ поэтъ, сожалѣлъ, что нѣтъ знаменъ; Пеллеренъ также—эта привязанность къ знаменамъ родилась у него въ кафе Даньо, гдѣ онъ слышалъ разговоръ о фаланстерахъ. «Фурье великій человѣкъ», сказалъ онъ.

— Полноте, возразилъ Делорье. — Старая скотина, видѣвшая въ разрушеніи имперій десницу божественнаго мщенія! Онъ тоже что Сенъ-Симонъ съ его церковью, съ его ненавистью къ французской революціи: все это шуты, желавшіе усовершенствовать католицизмъ.

Де-Сизи, чтобъ подать о себѣ хорошее мнѣніе, мягко заговорилъ: — Значитъ, эти два ученые не раздѣляли мнѣнія Вольтера?

— Этого я вамъ предоставляю въ полное распоряженіе! отвѣтилъ Сенекаль.

— Какъ? я думалъ....

— Э, нѣтъ! онъ не любилъ народа!

Разговоръ перешелъ на современныя событія, и Сенекаль жаловался на увеличеніе налоговъ. «И зачѣмъ, Боже мой? для возведенія дворцовъ обезьянамъ музеума, для парадовъ, для поддержки между лакеями дворца средневѣкового этикета». Пелленренъ распространился о неудовлетворительности музеевъ Лувра и Версаля, о плохихъ каталогахъ и необходимости учрежденія каѳедры эстетики. «Вы бы, Гюсонэ, коснулись этого предмета въ своемъ журналѣ.»

— Развѣ журналы свободны? развѣ мы свободны? заговорилъ Делорье съ увлеченіемъ.—Когда подумаешь, что надо исполнить до двадцати восьми формальностей для того, чтобы имѣть право построить лодку на рѣкѣ, то является желаніе переселиться къ людоѣдамъ. Правительство насъ пожираетъ! Все у него—философія, право, искусство, воздухъ небесный, и замученная Франція хрипитъ подъ сапогомъ жандарма и сутаной попа.

Будущій Мирабо развилъ эту тему широко и, взявъ стаканъ, всталъ; глаза его горѣли:

— Пью за полное разрушеніе настоящаго порядка, то-есть разрушеніе всего того, что носитъ названіе привилегіи, монополіи, дирекціи, іерархіи, власти, государства!» и голосомъ болѣе громкимъ прибавилъ: «пусть все это разобьется какъ вотъ это», и стаканъ полетѣлъ на столъ, разлетѣвшись на тысячу кусковъ. Всѣ рукоплескали, въ особенности Дюсардье. Зрѣлище несправедливостей постоянно волновало Дюсардье. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя бросаются подъ экипажи, чтобъ помочь упавшимъ лошадямъ. Ученость его ограничивалась двумя

сочиненіями — «Преступленія Королей» и «Тайны Ватикана». Онъ слушалъ адвоката съ разинутымъ ртомъ, съ наслажденіемъ. Наконецъ, будучи не въ состояніи воздержаться, онъ сказалъ: «Я не могу простить Луи-Филиппу того, что онъ не помогъ полякамъ».

— «Позвольте», сказалъ Гюсонэ. «Прежде всего, я долженъ сказать, что Польша не существуетъ; это выдумка Лафайета! нынѣшніе поляки, вообще всѣ, изъ предмѣстья Сенъ-Марсо, а истинные поляки утонули вмѣстѣ съ Понятовскимъ. Словомъ, на этомъ вопросѣ меня не проведешь, это—нѣчто въ родѣ вопроса о морской змѣѣ, объ отмѣнѣ нантскаго эдикта и этого стараго вранья о варѳоломеевской ночи.

Сенекаль, не защищая поляковъ, возразилъ на послѣднія слова литератора. Папъ оклеветали; они, во всякомъ случаѣ, защищали народъ, и онъ называлъ Лигу «зарею демократіи, великимъ движеніемъ къ равенству противъ индивидуализма протестантовъ». Фредерикъ немножко удивленъ былъ этими идеями: они наскучили Сизи и онъ заговорилъ о живыхъ картинахъ въ театрѣ «Жимназъ», которыя въ то время привлекали многочисленныхъ зрителей. Сенекаль огорчился этимъ. Подобные спектакли развращаютъ дочерей пролетарія; потомъ онѣ сами начинаютъ выставлять наглую роскошь. Поэтому онъ одобрялъ баварскихъ студентовъ, которые оскорбили Лолу Монтесъ. По примѣру Руссо, онъ придавалъ гораздо больше значенія дочери угольщика, чѣмъ королевской любовницѣ.

Послѣ обѣда перешли въ библіотеку, гдѣ были собраны произведенія всѣхъ новѣйшихъ писателей. Но говорить о нихъ было невозможно, потому что Гюсонэ тотчасъ же разсказывалъ о нихъ анекдоты, смѣялся надъ ихъ физіономіями, костюмомъ, образомъ жизни, восхищаясь посредственностями и не ставя ни во что Бальзака, Байрона, Гюго.

«Отчего нѣтъ у васъ произведеній нашихъ поэтовъ-рабочихъ?» замѣтилъ Сенекаль. Сизи удивлялся, что Фредерикъ не купилъ разныхъ новѣйшихъ физіологій, физіологіи курильщика табаку, рыболова и проч. Фредерику такъ все это надоѣло, что онъ готовъ былъ выгнать ихъ вонъ. Отозвавъ въ сторону Делорье, онъ вручилъ ему двѣ тысячи франковъ. «Это мой старый долгъ», сказалъ онъ.—«А что же журналъ-то? Ты вѣдь знаешь, что я говорилъ объ этомъ съ Гюсонэ». Фредерикъ отвѣчалъ, что онъ теперь не при деньгахъ.

Фредерикъ чувствовалъ, что между нимъ и его друзьями — цѣлая бездна. Онъ хотѣлъ дружески протянуть имъ руку, а они не оцѣнили его чистосердечности. Но что за бѣда. Жизнь пе-

редъ нимъ со всѣми своими прелестями и наслажденіями. Онъ извѣдаетъ ее до глубины и прежде всего узнаетъ, что такое большой свѣтъ, эта отвлеченность, рисовавшаяся ему радужными красками. Онъ написалъ къ Дамбрёзамъ записку, прося увѣдомить, могутъ ли они его принять. Г-жа Дамбрёзъ отвѣчала, что они ждутъ его завтра.

VI.

Это былъ ихъ пріемный день. Въ круглой комнатѣ, обитой розовымъ деревомъ, сидѣла хозяйка и около нея, въ кружокъ, человѣкъ двѣнадцать. Привѣтливо встрѣтивъ его, она указала ему на стулъ. Когда онъ вошелъ, хвалили краснорѣчіе аббата Кёра, потомъ сожалѣли о безнравственности прислуги по поводу воровства, совершеннаго однимъ лакеемъ, потомъ заговорили о томъ, кто изъ знакомыхъ боленъ, кто женился, кто еще не вернулся изъ деревни, и ничтожество этого разговора тѣмъ ярче выступало, что вокругъ все блестѣло роскошью; но не такъ еще была тупа сущность разговора, какъ манера вести его безъ цѣли, безъ связи, безъ одушевленія. А между тѣмъ тутъ были люди, богатые жизненнымъ опытомъ: бывшій министръ, священникъ большого прихода, два или три высокопоставленныхъ администратора; они распространялись о самыхъ избитыхъ и пошлыхъ вещахъ. Нѣкоторые походили на усталыхъ вдовицъ, другіе имѣли видъ лошадиныхъ барышниковъ, и старцы сопровождали своихъ женъ, которымъ они годились въ дѣды. Хозяйка всѣхъ принимала съ радушіемъ. Когда говорили о больномъ, она наморщивала брови печально, и глядѣла радостно, когда бесѣда заходила о вечерахъ и балахъ. Фредерикъ разсматривалъ ее. Матовая кожа ея лица казалась натянутою и отличалась свѣжестью безъ блеска, какъ кожа сохраненнаго плода. Но волоса ея, причесанные по-англійски, были тоньше шелка, глаза ея блестящи и всѣ жесты необыкновенно изящны. Число гостей все умножалось, такъ что шумъ платьевъ о коверъ не переставалъ. Вскорѣ за разговоромъ слѣдить было невозможно и Фредерикъ откланялся; хозяйка пригласила его на свои середы. Фредерикъ былъ доволенъ, но не скоро воспользовался приглашеніемъ. Надо было, чтобъ мать напомнила ему о карьерѣ и чтобъ г-жа Арну, которой онъ сказалъ о письмѣ матери, замѣтила: «Я думаю, что господинъ Дамбрёзъ помогъ бы вамъ вступить въ государственный совѣтъ, и это очень бы шло вамъ». Фредерикъ попалъ на балъ.

Подъ люстрою, въ срединѣ, стоялъ огромный, круглый ди-

в немъ pouf съ жардиньеркой на верху, цвѣты которой наклонялись надъ головами дамъ, сидѣвшихъ вокругъ; другія занимали бержерки, образовавшія двѣ прямыя линіи, симметрически пересѣкаемыя большими бархатными алаго цвѣта занавѣсками оконъ и дверями съ золочеными притолоками. Толпа мужчинъ, стоявшая на паркетѣ, со шляпами въ рукахъ, издали казалась сплошною черною массою, съ красными точками тамъ и сямъ отъ орденскихъ петличекъ. Исключая молодыхъ людей съ рождающимися бородками, всѣ, казалось, скучали; нѣсколько денди, съ сердитымъ видомъ, покачивались на ногахъ. Сѣдыя головы и парики были многочисленны; изрѣдка блестѣлъ лысый черепъ; на лицахъ, то красныхъ, то очень блѣдныхъ, замѣтна была страшная усталость: все это были или политическіе или дѣловые люди. Г. Дамбрёзъ пригласилъ многихъ ученыхъ, юристовъ, двухъ или трехъ знаменитыхъ медиковъ, и отклонялъ съ скромнымъ видомъ всѣ похвалы, которыя расточали его вечерамъ, и намеки на его богатство.

Кадрили были немногочисленны, и танцоры, повидимому, только исполняли свою обязанность. Фредерикъ слышалъ подобныя фразы: «Были вы на послѣднемъ благотворительномъ праздникѣ въ отелѣ Ламберъ, мадмуазель».—«Нѣтъ, мосье».—«Какъ жарко». — «Да, удушливый жаръ». — «Чья эта полька?» — «Боже мой, сударыня, я не знаю».

За спиной у себя, онъ слышалъ, какъ три старикашки, уединившись въ оконной амбразурѣ, нашептывали другъ другу замѣчательно неприличныя вещи; другіе говорили о желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, о торговлѣ; одинъ спортсмэнъ разсказывалъ охотничью исторію; легитимистъ и орлеанистъ спорили. Переходя отъ группы къ группѣ, онъ пришелъ въ залу игроковъ, гдѣ, въ кружкѣ важныхъ людей, замѣтилъ Мартинона, причисленнаго въ настоящее время къ столичному судебному вѣдомству. Онъ держалъ себя съ совершеннымъ приличіемъ и достоинствомъ, клалъ руку за жилетъ подобно доктринерамъ, и брилъ себѣ виски, чтобъ сдѣлать себѣ лобъ мыслителя. Обмѣнявшись холодно съ Фредерикомъ нѣсколькими словами, онъ повернулся къ своему кружку. Одинъ собственникъ сказалъ:

— Это классъ людей, мечтающихъ о ниспроверженіи общества.

— Они требуютъ организаціи труда, подхватилъ другой. Можно себѣ это представить!

— Что прикажете дѣлать, замѣтилъ третій, когда г. де-Женудъ подаетъ руку «Siecle'ю»!

— Даже сами консерваторы величаютъ себя прогрессивными!

Куда они насъ ведутъ? Къ республикѣ? какъ будто она возможна во Франціи.

Всѣ согласились, что республика во Франціи невозможна.

— Это еще что, замѣтилъ одинъ господинъ. Слишкомъ много занимаются изученіемъ революціи; о ней издаютъ цѣлую кучу исторій, книгъ....

— Тогда какъ, сказалъ Мартинонъ, есть предметы для изученія болѣе серьезные.

Одинъ министерскій чиновникъ схватился за скандалы въ театрахъ:

— Напримѣръ эта новая драма, «Королева Марго», заходитъ, по истинѣ, за всѣ предѣлы дозволительнаго! Для чего говорить намъ о Валуа? Все это показываетъ королевскую власть въ неблагопріятномъ свѣтѣ! Это какъ ваша печать! Сентябрьскіе законы, что тамъ ни говори, чрезвычайно, да, чрезвычайно мягки! я желалъ бы военныхъ судовъ, чтобъ зажать ротъ журналистамъ! при малѣйшей дерзости, тащить ихъ въ военный совѣтъ, и баста.

— О, берегитесь, милостивый государь, берегитесь! сказалъ профессоръ, не нападайте на драгоцѣнныя пріобрѣтенія 1830 года! надо уважать наши вольности. Слѣдовало бы скорѣй децентрализировать, отвлечь излишекъ городовъ въ деревни.

— Но онѣ заражены разложеніемъ! воскликнулъ католикъ. Вы укрѣпите религію.

Мартинонъ поспѣшилъ прибавить: «Дѣйствительно, въ религіи — узда».

— Все зло лежитъ въ этой новѣйшей жаждѣ жить не по средствамъ, въ роскоши.

— Однако, позвольте, возразилъ промышленникъ, роскошь покровительствуетъ коммерціи. А потому я совершенно одобряю требованіе герцога Немурскаго, чтобы на вечера къ нему являлись въ culotte courte.

— Тьеръ пришелъ туда въ панталонахъ. Знаете его остроту?

— Да, превосходная! Но онъ повертывается къ демагогамъ, и его послѣдняя рѣчь по вопросу о несовмѣстности (la question des incompatibilités) осталась не безъ вліянія на покушеніе двѣнадцатаго мая.

— А, ба!

— Э, э!

Кружокъ долженъ былъ раздаться, чтобъ дать дорогу лакею съ подносомъ.

Фредерикъ подошелъ къ столамъ игроковъ, покрытыхъ золотомъ, проигралъ нѣсколько золотыхъ монетъ, повернулся и очутился на порогѣ будуара, гдѣ была въ то время г-жа Дамбрёзъ.

Дамы наполняли комнату, сидя другъ возлѣ друга на мебели безъ спинокъ. Ихъ длинныя юбки, вздымаясь около нихъ, казались волнами, откуда выходилъ станъ, а груди представлялись взорамъ изъ выемки корсажа. Почти у всѣхъ въ рукахъ были букеты изъ фіалокъ. Матовый цвѣтъ ихъ перчатокъ выставлялъ бѣлизну ихъ рукъ; по нѣкоторымъ вздрагиваніямъ можно было иногда подумать, что платья сейчасъ упадутъ съ нихъ. Но скромность фигуръ умѣряла вызывающую нескромность костюмовъ; многія имѣли даже невозмутимость почти животную, и это собраніе полунагихъ женщинъ заставляло думать о внутренности гарема; молодому человѣку пришло сравненіе еще болѣе грубое. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ можно было встрѣтить самыхъ разнообразныхъ представительницъ красоты: англичанокъ съ профилемъ кипсека, итальянку, глаза которой выбрасывали пламя, какъ Везувій, трехъ сестеръ, одѣтыхъ въ голубой цвѣтъ, трехъ норманокъ, свѣжихъ какъ апрѣльскія яблони, высокую, рыжую женщину въ аметистовомъ уборѣ; и бѣлое сверканіе брильянтовъ въ головномъ уборѣ, свѣтящіяся пятна драгоцѣнныхъ камней, выставленныхъ на груди, и тихій блескъ жемчуга, окружавшаго лицо, смѣшивались съ разнообразнымъ отсвѣчиваніемъ дорогихъ колецъ, кружевъ, пудры, перьевъ, румянцемъ маленькихъ устъ и бѣлизной зубовъ. Потолокъ, возведенный куполомъ, давалъ будуару форму коробки, и струя надушеннаго воздуха вѣяла подъ ударами вѣеровъ. Шумъ женскихъ голосовъ напоминалъ щебетаніе птицъ. Говорили о тунисскихъ посланникахъ и ихъ костюмахъ, о послѣднемъ засѣданіи академіи, гдѣ присутствовала одна дама, о «Донъ-Жуанѣ» Моцарта.

Вдругъ появился Мартинонъ. Г-жа Дамбрёзъ тотчасъ встала и вышла съ нимъ. Въ залѣ она его покинула и пошла по группамъ, раздавая любезныя слова и кое-кому представила Фредерика. Г. Дамбрёзъ увелъ его на террасу и совѣтовалъ покинуть мысль о государственной службѣ, а лучше заняться «дѣлами». Фредерикъ возразилъ, что въ «дѣлахъ» онъ ничего не смыслитъ. «Ничего, мы научимъ васъ. Вы ужинаете у насъ»? Было три часа, стали разъѣзжаться. Въ столовой остались только самые близкіе. Увидѣвъ Мартинона, Дамбрёзъ шепнулъ женѣ: «Это вы его пригласили»? — «Да», сказала она сухо. За ужиномъ пили очень хорошо, смѣялись очень громко, и смѣлыя шутки никого не смущали, такъ какъ всѣ чувствовали облегченіе послѣ долгой натянутости. Г-жа Дамбрёзъ спросила Фредерика, кто изъ молодыхъ особъ ему понравился. Онъ отвѣчалъ, что никто, и вообще предпочитаетъ тридцатилѣтнихъ женщинъ. — «Это, быть можетъ, и не глупо», сказала она.

Внизу лѣстницы Мартинонъ закурилъ сигару, причемъ профиль его такъ вытянулся, что Фредерикъ сказалъ: «Однако, какая у тебя славная голова».—«Ничего, она вскружила головы нѣкоторымъ другимъ», сказалъ онъ увѣренно и сердито.

Ложась спать, Фредерикъ резюмировалъ вечеръ и остался очень доволенъ какъ собою, такъ и хозяевами. Г-жа Дамбрёзъ ему нравилась и онъ мечталъ о томъ, чтобъ сдѣлать ее своей любовницей. Почему нѣтъ? Она не хуже другой, а между тѣмъ доступнѣй. Онъ вспомнилъ о Розанеттѣ, за которою ухаживалъ съ самаго маскарада у нея, не оставляя въ тоже время и г-жи Арну. Онъ проводилъ время то у одной, то у другой изъ этихъ женщинъ, тамъ и здѣсь встрѣчаясь съ Арну, который оставался любовникомъ Розанетты, хотя содержалъ ее Удри. Разумѣется, послѣдній этого пока не подозрѣвалъ.

У Розанетты было весело, и къ ней заходили обыкновенно изъ клуба или спектакля, выпить чашку чаю, сыграть въ лото или шарады. Необыкновенно подвижная, она умѣла выдумать самыя смѣшныя забавы, напр., ходить на четверенькахъ; она не могла противостоять соблазну купить вещь, ей понравившуюся, не спала ночей, нарочно пачкала платья, теряла драгоцѣнныя бездѣлки, мотала деньги и въ тоже время до послѣдняго гроша усчитывала свою кухарку; за ложу у авансцены она готова была продать свою послѣднюю рубашку. Послѣ спазмовъ веселости, она предавалась ребяческому гнѣву, или садилась на полъ, передъ каминомъ, опускала голову, сжимала руками колѣни и оставалась неподвижною какъ статуя. Ни мало не стѣсняясь присутствіемъ Фредерика, она передъ нимъ одѣвалась, тихо снимала съ ноги шелковый чулокъ, умывала лицо, опрокидывая станъ, какъ вздрогнувшая наяда. Нервы Фредерика напрягались, онъ пробовалъ сжать ее въ своихъ объятіяхъ, но она отскакивала отъ него, разражалась слезами, а когда слезы не помогали, начинала хохотать. Это обезкураживало Фредерика. Разъ она сказала ему, что не приметъ половинной любви: «идите къ г-жѣ Арну». И Фредерикъ и Арну очень часто хвалили г-жу Арну передъ Розанеттой, и это злило ее. Иногда она говорила, въ качествѣ опытной женщины, что любовь ничего не стоитъ и смѣялась надъ ней; иногда, сложивъ руки на груди, какъ бы обнимая кого, полузакрывъ глаза и полная нѣги, она шептала передъ Фредерикомъ: «О, да, любовь сладка, любовь такъ хороша»! Невозможно было узнать, кого она любила, кого нѣтъ. Надъ Арну она смѣялась и ревновала его. Она разсказывала Фредерику циничныя его выходки, говорила, что онъ воруетъ у ней иногда пирожки съ обѣда и носитъ угощать ими

свое семейство. Посуда, какъ у Розанетты, такъ и у г-жи Арну, была одинаковая, подарки переходили постоянно отъ одной къ другой и обратно. Нѣсколько разъ говорила она, что броситъ его, и не исполняла своихъ обѣщаній. Фредерикъ уговаривалъ ее бросить Удри и она задумчиво отвѣчала: «Да, когда-нибудь я кончу съ нимъ этимъ». Заигрывая съ Фредерикомъ, сохраняя при себѣ въ качествѣ любовника Арну и терпя старика Удри, она въ тоже время млѣла передъ Дельмаромъ и сгорала жаждою отнять его у своей подруги, Ватнацъ.

На другой день послѣ бала у Дамбрёзовъ, Фредерикъ пошелъ къ Розанеттѣ вечеромъ. Она выбѣжала къ нему почти въ одной рубашкѣ и рѣшительно сказала, что не можетъ принять его теперь, хотя сама же приглашала его именно въ этотъ вечеръ, написавъ ему, что она разсталась съ своимъ старцемъ — такъ называла она Удри. Спустившись съ лѣстницы, онъ встрѣтился съ Ватнацъ, которая съ отчаяніемъ объявила ему, что Дельмаръ у Розанетты.

— Не можетъ быть, сказалъ Фредерикъ.

— Да я слѣдомъ за нимъ шла; я видѣла, какъ онъ вошелъ къ ней. Понимаете ли вы теперь? Я, впрочемъ, должна была этого ожидать; сама я, по глупости, ввела его сюда, и еслибъ вы знали, Боже мой, что́ я для него сдѣлала; я его питала, одѣвала, хлопотала о немъ у журналистовъ. Я любила его какъ мать! А онъ, неблагодарный, онъ захотѣлъ шелковыхъ платьевъ! Это съ его стороны — спекуляція, я знаю. А она-то? Вѣдь я ее швейкой знала, безъ меня она двадцать разъ бы пропала. Но погоди она у меня, я ее погублю, она у меня умретъ въ госпиталѣ.

Гнѣвъ ея возрасталъ болѣе и болѣе. Она перечисляла всѣхъ тѣхъ, кого любила Розанетта, между которыми были даже два родные брата. «Я ей много устроила, а что́ я за то получала? Она скупа. И, наконецъ, согласитесь, съ моей стороны — большое снисхожденіе бывать у ней, потому что мы принадлежимъ къ разнымъ слоямъ общества. Развѣ я дѣвка? развѣ я продажная? Не говоря о томъ, что она глупа какъ пень, правописанія не знаетъ. Впрочемъ, мнѣ все равно. Онъ подурнѣлъ, я ненавижу его! я плюну ему въ лицо, когда его встрѣчу». И она плюнула. «Вотъ что́ онъ мнѣ. И какъ ей не стыдно обманывать Арну. Онъ для нее столько сдѣлалъ, она у него ноги должна бы цѣловать! Онъ такъ великодушенъ, такъ добръ».

Фредерику тоже показалось, что такая измѣна со стороны Розанетты — подлость. Разговаривая, они подошли къ квартирѣ Арну. «Идите и разскажите ему все», сказала она. Только тутъ

Фредерикъ понялъ, для чего Ватнацъ привела его къ квартирѣ Арну. Онъ подумалъ, и вошелъ.

Если у Розанетты Фредерикъ встрѣтилъ любовь вѣтреную, страстную, шаловливую, то у г-жи Арну—спокойную, почти святую. Онъ всегда находилъ ее занятою: то она работала, то учила читать своего мальчика, а дочь разбирала на фортепьяно ноты; всѣ ея движенія были величаво-спокойны; ея маленькія ручки, казалось, созданы были для того, чтобы раздавать милостыню, утирать слезы, а голосъ ея звучалъ такъ ласково. Она не увлекалась литературою, но умъ ея пріятно поражали простыя, проникающія слова. Она любила путешествія, шумъ вѣтра въ лѣсу, прогулку по дождю съ открытой головой. Фредерикъ слушалъ это съ наслажденіемъ, воображая, что она начинаетъ сдаваться. Розанетта и г-жа Арну восполняли ему одна другую: малѣйшее прикосновеніе пальца г-жи Арну къ его рукѣ тотчасъ представляло его желанію образъ другой, потому что съ этой стороны удача была ближе; когда у Розанетты чѣмъ-нибудь оскорблялось его сердце, онъ немедленно вспоминалъ свою другую любовь.

VII.

Войдя къ Арну, онъ засталъ семейную сцену. Жена упрекала мужа, что онъ ее обманываетъ, что онъ дѣлаетъ подарки Розанеттѣ. Арну отрицалъ это, предлагалъ дать клятву. «Не лги, не лги», говорила она ему. Фредерикъ хотѣлъ уйти. «Останьтесь», сказалъ онъ, и сцена продолжалась при немъ. Арну разгорячился и вышелъ, говоря, что ему необходимъ воздухъ. Фредерикъ сталъ защищать его, говорилъ, что онъ любитъ дѣтей. — «Онъ дѣлаетъ все, чтобъ разорить ихъ», возражала она.—Но онъ добрый малый.—«Что такое добрый малый», возразила она. «Я даю ему полную свободу и требую только одного, чтобъ онъ не лгалъ передо мной». Фредерикъ продолжалъ защиту, но въ такихъ выраженіяхъ, что она ровно ничего не доказывала. Внутренно онъ радовался этой размолвкѣ. Наконецъ-то! И никогда не казалась она ему такою прекрасною, такою увлекательною, какъ теперь. По временамъ грудь ея высоко поднималась; глаза ея, казалось, были устремлены на какое-то видѣніе, а ротъ оставался полуоткрытымъ. Она крѣпко прижимала къ губамъ носовой платокъ; Фредерикъ желалъ бы быть на мѣстѣ этого платка, омоченнаго слезами. Невольно взглядывалъ онъ на постель, въ глубинѣ алькова, воображая ея

голову на подушкѣ, и воображеніе такъ разыгрывалось, что онъ едва воздержался, чтобъ не схватить въ свои объятія г-жу Арну. Истомленная, она закрыла глаза. Онъ подошелъ къ ней, наклонился надъ нею, жадно смотрѣлъ на нее. Въ корридорѣ раздался звукъ шаговъ. То былъ возвращавшійся Арну. Они услышали, какъ онъ затворилъ свой кабинетъ. Фредерикъ знакомъ спросилъ г-жу Арну, идти ли ему туда. Знакомъ же отвѣчала она ему «да», и этотъ нѣмой обмѣнъ мыслей былъ какъ бы согласіемъ, началомъ измѣны.

Арну сбирался спать и снималъ сюртукъ. «Ну, что съ ней»? спросилъ онъ. «О, гораздо лучше, сказалъ Фредерикъ. Это пройдетъ».—«Нѣтъ, вы не знаете ее. Эти нервы.... Вотъ что значитъ быть добрымъ! Не подари я Розанеттѣ шаль — ничего бы не было».—«Не жалѣйте объ этомъ: Розанетта такъ вамъ благодарна, что разсталась съ Удри». — «Не можетъ быть».— «Я сейчасъ отъ нея».—«Ахъ, бѣдная пташка!» И въ избыткѣ чувствъ Арну хотѣлъ бѣжать къ ней. Насилу Фредерикъ убѣдилъ его остаться хоть ради приличія возлѣ жены.

Съ этого дня началась для Фредерика жизнь паразита. Онъ пропадалъ у Арну, забѣгалъ къ нимъ, подъ разными предлогами, по три раза въ день; онъ выносилъ съ довольнымъ видомъ насмѣшки дѣвочки и ласки мальчика, который прогуливался грязными руками по его лицу. Онъ молча присутствовалъ за обѣдомъ супруговъ, а послѣ обѣда игралъ съ ихъ сыномъ, прятался за мебель, или носилъ его на спинѣ, становясь на четвереньки. Арну уходилъ; тогда начинались со стороны его жены вѣчныя жалобы. Ее оскорбляло не безпутство Арну, но она страдала въ своей гордости и показывала свое отвращеніе къ этому человѣку, лишенному деликатности, достоинства, чести. Фредерикъ искусно побуждалъ ее къ откровенности и въ тоже время говорилъ ей, что и его жизнь разбита. Она давала ему хорошіе совѣты: «Вы еще молоды, работайте, женитесь». Онъ отвѣчалъ горькими улыбками и вмѣсто того, чтобъ объяснить настоящую причину своего горя, выдумывалъ другую, возвышенную, корчилъ немного Антони. Для людей извѣстнаго сорта дѣйствіе тѣмъ болѣе невозможно, что желаніе слишкомъ сильно. Недовѣріе къ самимъ себѣ стѣсняетъ ихъ, боязнь не понравиться пугаетъ ихъ. Кромѣ того, привязанности глубокія походятъ на честныхъ женщинъ: онѣ боятся, что узнаютъ ихъ тайные помыслы и проходятъ жизнь съ опущенными глазами. Быть можетъ потому, что онъ узналъ г-жу Арну болѣе, онъ сталъ трусливѣе, чѣмъ прежде. Каждое утро онъ клялся себѣ, что будетъ смѣлѣе, но непобѣдимая стыдливость останавливала его, и

онъ не могъ руководствоваться ни однимъ примѣромъ, потому что она не походила на другихъ. Силою мечтаній онъ вознесъ ее превыше человѣческихъ условій. Возлѣ нея онъ чувствовалъ себя ничтожнѣе клочковъ шелка, падавшихъ изъ-подъ ея ножницъ. Онъ думалъ затѣмъ о средствахъ подлыхъ и глупыхъ, напр. нечаянность, ночь, усыпляющія вещества и поддѣланные ключи — все казалось ему легче, чѣмъ прямо бороться съ ея высокомѣріемъ. Кромѣ того, дѣти, двѣ няньки, расположеніе комнатъ представляли препятствія непреоборимыя. А потому онъ рѣшился овладѣть ею для себя одного и отправиться жить вмѣстѣ куда-нибудь далеко, въ какую-нибудь пустыню; онъ искалъ даже, какое озеро особенно привлекательно, какая страна наиболѣе благорастворенна—въ Испаніи, Швейцаріи, на Востокѣ; и, нарочно выбирая такіе дни, когда она была, казалось, наиболѣе раздраженною, онъ говорилъ ей, что надо придумать какой-нибудь способъ, чтобы выйти изъ этого положенія, и что онъ не видитъ ничего другого, кромѣ развода. Но ради дѣтей она ни за что не хотѣла прибѣгать къ такой крайности. Такое самопожертвованіе еще болѣе увеличивало его уваженіе къ ней.

День свой онъ начиналъ воспоминаніемъ о вчерашнемъ посѣщеніи и желаніемъ его на сегодняшній вечеръ. Въ тѣ дни, когда онъ у нихъ не обѣдалъ, онъ становился около девяти часовъ вечера на углу улицы, и, увидавъ, что Арну вышелъ, быстро всходилъ на третій этажъ и съ самымъ невиннымъ видомъ спрашивалъ у няни: «Баринъ дома»? Сдѣлавъ удивленную физіономію, онъ входилъ. Но Арну иногда являлся неожиданно; тогда приходилось идти съ нимъ въ кафе, гдѣ часто встрѣчали они Режамбара. Гражданинъ этотъ впадалъ въ ипохондрію, оттого, что Провидѣніе управляетъ народами не по его, гражданина, идеямъ; онъ пересталъ даже читать газеты и при одномъ имени Англіи испускалъ рычаніе. Однажды, разсердившись на гарсона, который дурно что-то подалъ, онъ воскликнулъ: «Мало чтó ли оскорбленій нанесено намъ изъ-за границы?» Но вообще онъ велъ себя тихо и предавался размышленіямъ о томъ, какъ бы «нанести такой ударъ, чтобы вся лавка разлетѣлась прахомъ»; а подъ лавкой онъ разумѣлъ правительство. Между тѣмъ, Арну, монотонно, съ пьяными глазами, разсказывалъ невѣроятные анекдоты, гдѣ онъ блисталъ, благодаря своему такту, какъ главное дѣйствующее лицо, и Фредерикъ (чтó происходило отъ глубокаго сходства ихъ характеровъ) чувствовалъ влеченіе къ его особѣ. Но онъ упрекалъ себя за эту слáбость, находя, что, напротивъ, онъ долженъ его ненавидѣть. Арну жаловался ему на капризы жены, на ея упрямство, на ея несправедливыя предубѣжденія. Прежде она была не такова.

— «На вашемъ мѣстѣ, говорилъ Фредерикъ, я назначилъ бы ей содержаніе и жилъ одинъ». Арну ничего не отвѣчалъ, а минуту спустя начиналъ ее хвалить. Она добра, преданна, умна, добродѣтельна; переходя къ ея тѣлеснымъ качествамъ, онъ расточалъ откровенія съ безразсудствомъ людей, выставляющихъ свои сокровища въ трактирахъ.

Катастрофа поразила его. Онъ вступилъ въ качествѣ члена правленія въ общество разработки фарфоровой глины. Довѣряясь всему, что́ ему говорили, онъ подписалъ неточные счеты, и принужденъ былъ за это поплатиться. Фредерикъ счелъ своею обязанностію навѣщать ихъ еще чаще, утѣшалъ, возилъ въ оперу. Делорье писалъ между тѣмъ ему письма, уговаривая вступить въ журналъ Гюсонэ и сдѣлаться главнымъ его хозяиномъ, совсѣмъ устранивъ Гюсонэ. Фредерикъ, выигравши на акціяхъ значительную сумму, рѣшился это сдѣлать. Делорье былъ въ восторгѣ и распространился о направленіи:

— «Я вижу три партіи..., нѣтъ, три группы, изъ которыхъ ни одна меня не интересуетъ: тѣ, которые имѣютъ, тѣ, которые уже не имѣютъ и тѣ, которые стараются имѣть. Но всѣ онѣ согласны въ одномъ: въ дурацкомъ идолопоклонствѣ передъ властію. Примѣры: Мабли совѣтуетъ запрещать философамъ публикацію ихъ ученій; геометръ Вронскій опредѣляетъ на своемъ языкѣ цензуру такъ: «критическое подавленіе умозрительной самопроизвольности»; отецъ Анфантенъ благословляетъ Габсбурговъ за то, что они «протянули черезъ Альпы тяжелую руку для подавленія Италіи»; Пьеръ Леру желаетъ, чтобы принуждали слушать оратора; Луи Бланъ склоняется въ пользу государственной церкви — такъ весь этотъ раболѣпный народъ жаждетъ власти. Между тѣмъ ни одна власть, несмотря на ихъ вѣковѣчные принципы, не можетъ считаться законной. *Принципъ* значитъ *начало*, стало быть и стремиться надо къ началу, къ революціи, къ насилію. Принципъ нашего правительства — народное самодержавіе, заключенное въ парламентскую форму, хотя парламентаризмъ вовсе и не идетъ намъ. Но въ какомъ отношеніи самодержавіе народное болѣе священно, чѣмъ божественное право? И то и другое — двѣ фикціи. Довольно метафизики, довольно туману. Скажутъ, что я разрушаю общество! Ну такъ чтожъ такое? гдѣ бѣда? хорошо развѣ твое общество?

Фредерикъ могъ многое возразить ему; но видя, что онъ такъ далекъ отъ теорій Сенекаля, исполнился снисходительностію, удовольствовавшись возраженіемъ, что подобное направленіе журнала навлечетъ ему общую ненависть.

— «Напротивъ, всѣ на насъ будутъ разсчитывать, потому что

каждой партіи мы дадимъ залогъ ненависти противъ ея противниковъ. Ты тоже долженъ участвовать по части трансцендентальной критики. Надо атаковать установившіяся идеи, все то, что походитъ на учрежденія: академію, нормальную школу, консерваторію, «Французскую-Комедію». Такимъ образомъ я думаю придать цѣльное направленіе нашему журналу. Потомъ, когда онъ нрочно установится, мы обратимъ его въ ежедневную газету, и накинемся отдѣльно на личности. И будь увѣренъ, насъ станутъ уважать.»

Делорье млѣлъ передъ старой мечтой своей стать главнымъ редакторомъ, то-есть, имѣть невыразимое наслажденіе управлять другими, подрѣзывать статьи, заказывать, не принимать ихъ. Глаза его блистали за очками и онъ пилъ машинально, небольшими стаканами, грогъ.

— «Разъ въ недѣлю ты будешь давать обѣды,—это необходимо даже и въ томъ случаѣ, еслибъ на это пошла половина твоего состоянія. Къ намъ потянутъ со всѣхъ сторонъ, это будетъ центръ для другихъ и рычагъ для тебя; и, повѣрь, что управляя общественнымъ мнѣніемъ съ двухъ сторонъ, со стороны литературы и политики, мы въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ будемъ держать весь Парижъ въ своихъ рукахъ».

Слушая его, Фредерикъ молодѣлъ и наполнялся энтузіазмомъ. «Да, ты правъ: я былъ лѣнивцемъ и дуракомъ».—«Наконецъ-то, сказалъ Делорье, я вижу моего прежняго Фредерика», и погладилъ его по щекѣ, прибавивъ: «ахъ, ты заставилъ меня много выстрадать, но я люблю тебя по прежнему». Умиленные, они стояли другъ противъ друга, готовые броситься въ объятія. Шляпка женщины показалась на порогѣ передней. «Ты зачѣмъ?» спросилъ Делорье. Это была его любовница, Клеманса. Она отвѣчала, что шла мимо и занесла ему пирожковъ, узелъ съ которыми положила на столъ. «Прошу осторожнѣе съ моими бумагами, заговорилъ онъ сердито. Я тебѣ въ третій разъ говорю, чтобъ ты не приходила ко мнѣ въ часы консультацій». Она хотѣла его поцѣловать. «Ладно! убирайся! возьми свой узелъ!» Онъ оттолкнулъ ее, она тяжко вздохнула и заплакала. «Ахъ, ты мнѣ, наконецъ, надоѣдаешь!»—«Я люблю тебя».—«Я не требую, чтобъ меня любили, а чтобъ меня одолжали». Эти рѣзкія слова остановили слезы Клемансы. Она стала неподвижно у окна, прислонивъ къ стеклу лицо свое. Но эта поза раздражала Делорье. «Когда кончишь, прикажи подавать себѣ карету».—«Такъ ты меня выгоняешь?»—«Совершенно».

Она взглянула на него своими большими голубыми глазами, какъ бы для послѣдней просьбы, постояла минуту и вышла.

«Верни ее», сказалъ Фредерикъ.—«Вотъ еще! Съ ними только время теряешь, а время—деньги, только въ другой формѣ. Ну, а я не богатъ. Кромѣ того, всѣ онѣ такъ глупы, такъ глупы!... Такъ завтра ты приносишь мнѣ пятнадцать тысячъ?...»—«Непремѣнно».

VIII.

На другой день пришелъ къ нему Арну и объявилъ, что онъ погибъ, если Фредерикъ не спасетъ его. Дѣло состояло въ томъ, что Арну долженъ былъ заплатить пятнадцать тысячъ франковъ, которые онъ занялъ подъ залогъ своего имѣнія. Г-жа Арну присоединяла свою просьбу къ просьбѣ мужа. Что̀ было дѣлать? Съ одной стороны, онъ обѣщалъ эти деньги Делорье, обѣщалъ положительно, съ другой... Послѣ думы довольно продолжительной, Фредерикъ рѣшилъ въ пользу Арну; а когда Делорье явился за деньгами, онъ поводилъ его съ недѣлю и затѣмъ сказалъ, что проигралъ эту сумму. Дружба была кончена. Делорье считалъ себя обворованнымъ и въ немъ кипѣла ненависть къ Фредерику и богатымъ. А Арну въ это время спокойно сидѣлъ у Розанетты, держа ее на колѣняхъ и распивая кофе. Фредерикъ перестал посѣщать г-жу Арну, увидѣвъ, что согласіе между ею и мужемъ возстановилось, и рѣшился заняться литературою. Онъ давно уже хотѣлъ написать курсъ эстетики, но все было некогда; теперь онъ засѣлъ за «Исторію Возрожденія» и принялся перечитывать все, что̀ для этого было нужно. Трудъ понемногу успокоивалъ его страсть: погружаясь въ анализъ характеровъ другихъ людей, онъ забывалъ собственную свою личность и свое горе. Разъ, когда онъ спокойно сидѣлъ за работою, вошла г-жа Арну съ нянькою и сыномъ. Она и прежде посѣщала его, но всегда вмѣстѣ съ мужемъ. Фредерикъ не могъ объяснить себѣ этого визита. Г-жа Арну видимо была смущена и съ трудомъ объяснила дѣло, которое привело ее къ нему; Арну долженъ былъ заплатить четыре тысячи франковъ Дамбрезу, и не могъ; еслибъ Фредерикъ былъ такъ добръ, попросилъ бы Дамбреза отсрочить уплату; Арну внесетъ деньги, какъ только она продастъ свое имѣніе. Фредерикъ въ тотъ же день устроилъ это дѣло. Дамбрёзъ принялъ его чрезвычайно ласково, согласился на отсрочку и предложилъ Фредерику мѣсто секретаря въ одной промышленной компаніи, гдѣ самъ онъ состоялъ директоромъ. Для этого требовалось, однако, купить тысячъ на пятнадцать акцій этой компаніи — «помѣщеніе прекрасное, прибавилъ Дамбрёзъ,

потому что вашъ капиталъ гарантируетъ ваше положеніе, и обратно, ваше положеніе гарантируетъ вашъ капиталъ». Фредерикъ принялъ мѣсто, но окончательные переговоры отложены были до другого времени. Возвратившись домой, онъ написалъ Арну, что плата отсрочена, послалъ письмо съ коммиссіонеромъ, которому сказали: «очень хорошо», и только. Фредерикъ ожидалъ, что его придутъ благодарить—ничуть не бывало: не поблагодарили даже письменно. «Играютъ, что-ли, они со мной? Ужъ не за одно ли и она съ нимъ?» Эта мысль не давала ему покоя и онъ отправился къ Арну. Ему сказали, что Арну уѣхалъ куда-то по дѣламъ, а жена его на заводѣ. Не долго думая, Фредерикъ сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги и поѣхалъ на заводъ, но это посѣщеніе г-жи Арну кончилось для него неудачно. Сколько ни заговаривалъ онъ о чувствахъ, она слушала его спокойно, улыбаясь своею доброю улыбкою. Потомъ она повела его показывать заводъ, причемъ Сенекаль, поступившій задолго до этого управляющимъ къ Арну, по рекомендаціи Фредерика, подробно объяснялъ ему фаянсовое производство. Понятно, что Фредерикъ желалъ ему вмѣстѣ съ объясненіями провалиться сквозь землю, но одно обстоятельство подало ему пріятную надежду. Они вошли въ комнату, наполненную рабочими женщинами, одѣтыми весьма бѣдно, исключая одной, которая преспокойно смотрѣла въ окно, и возлѣ нея стояла бутылка съ виномъ и колбаса. Какъ объяснилось впослѣдствіи, эта работница была любовницей Арну. Такъ какъ правилами завода запрещалось, въ видахъ гигіеническихъ и опрятности работы, ѣсть въ мастерской, то Сенекаль оштрафовалъ работницу тремя франками. Она посмотрѣла на него нагло и громко сказала: «Очень я испугалась. Хозяинъ пріѣдетъ и сниметъ вашъ штрафъ». Сенекаль улыбнулся и сказалъ: «За неповиновеніе, по правилу 13-му, десять франковъ штрафа». Работница принялась за работу. Г-жа Арну наморщила брови. Фредерикъ замѣтилъ тихо: «Однако, для демократа вы слишкомъ строги».

— «Демократія—не распутство индивидуализма», отвѣчалъ Сенекаль. «Это—общее уравненіе подъ властію закона, распредѣленіе труда и порядокъ».—«Вы забываете гуманность», сказалъ Фредерикъ. Г-жа Арну подала ему руку. Сенекаль, обиженный быть можетъ этимъ молчаливымъ одобреніемъ, вышелъ. Фредерикъ вздохнулъ свободно: это внезапное движеніе г-жи Арну показалось ему многознаменательнымъ и, по возвращеніи въ комнату, онъ рѣшился объясниться съ нею категорически. Онъ заговорилъ о любви, объ отчаяніихи, восщался типами Федры, Дидоны, Ромео. Она слушала его молча, опустивъ руки на поручни

кресла. Онъ хотѣлъ броситься передъ нею на колѣни, но не смѣлъ... «Вы не допускаете, заговорилъ онъ, что можно любить... женщину»?—Когда на ней можно жениться, то женятся; когда она принадлежитъ другому, удаляются.— «Итакъ, счастье невозможно?» — Нѣтъ, но его нельзя найти въ обманѣ, тревогахъ и угрызеніи совѣсти.—«Все это вознаграждается высокими наслажденіями».—Опытъ стоитъ слишкомъ дорого. — «Поэтому, добродѣтель заключается въ трусости?»—Скажите лучше, въ ясновидѣніи. Даже для тѣхъ, которые забыли бы долгъ и религію, одного здраваго смысла достаточно. Эгоизмъ — крѣпкая основа благоразумія. — «Какія у васъ буржуазныя понятія. — «Я и не имѣю претензіи быть важной свѣтской дамой.

Въ это время вошелъ ея сынъ и Марта. Фредерикъ рѣшился на послѣдній вопросъ: «Неужели же женщины, о которыхъ вы говорите, безчувственны?»—Нѣтъ, но онѣ глухи, когда нужно.

Фредерикъ уѣхалъ, называя ее глупою индюшкой, безчувственною скотиной и проч. Дома онъ нашелъ у себя записку Розанетты, которая просила проводить ее на скачки. «Поѣду, думалъ онъ. А если г-жа Арну узнаетъ? Ничего, пусть знаетъ— тѣмъ лучше: я буду отомщенъ, если она приревнуетъ меня къ Розанеттѣ».

Розанетта встрѣтила Фредерика съ любовной лаской. Они поѣхали, взявъ съ собой ея двухъ собачекъ. Во время дороги она сказала ему, что Арну навязалъ себѣ какой-то процессъ, что онъ нуждался въ деньгахъ; съ Дельмаромъ она покончила совсѣмъ. Очевидно, она была свободна и Фредерикъ сталъ питать надежду. «Я люблю тебя, миленькій мой», говорила она. Когда они пріѣхали, небо стало покрываться тучами. Розанетта боялась дождя.— «У меня есть зонтики, сказалъ Фредерикъ, и все что нужно для развлеченія», прибавилъ онъ, раскрывая ящикъ, гдѣ въ корзинкѣ были положены разныя закуски и шампанское.

— «А, браво! мы понимаемъ другъ друга». — И поймемъ еще лучше, не такъ ли? — «Возможно», сказала она покраснѣвъ. Между тѣмъ она съ завистію глядѣла на богатые экипажи своихъ подругъ, на ихъ эксцентричные наряды, обращавшіе на себя общее вниманіе. Она стала говорить громко, нарочно размахивая руками. Джентльмены, собравшіеся на скачки, замѣтили ее и раскланялись. Она называла Фредерику ихъ имена. То были все графы, виконты, герцоги и маркизы. Фредерикъ зачванился. Вдругъ, шагахъ во ста отъ нихъ, въ кабріолетѣ-милордъ, показалась дама. Она высовывалась изъ окошка, какъ будто чего-то искала, потомъ быстро пряталась; это повторялось нѣсколько разъ. Фредерикъ не могъ разглядѣть ея лица, но ему

показалось, что это г-жа Арну. Не может быть, однако. Зачѣмъ ей быть здѣсь? Онъ сошелъ съ экипажа, милордъ быстро повернулъ въ сторону. Возвратившись къ Розанеттѣ, онъ нашелъ около нея Гюсонэ и де-Сизи. Этотъ послѣдній джентльменъ, всю жизнь стремившійся къ тому, чтобъ «имѣть особый отпечатокъ», осуществилъ свой идеалъ послѣ смерти своей бабушки, оставившей ему наслѣдство. Розанетта съ удовольствіемъ слушала его пошлости, съ аффектаціей пожирая страсбургскій пирогъ. Изъ послушанія Фредерикъ послѣдовалъ ея примѣру, держа въ колѣняхъ бутылку шампанскаго. Милордъ показался снова. Это была г-жа Арну. Она страшно поблѣднѣла, увидѣвъ Фредерика съ Розанеттой. — «Дай мнѣ шампанскаго», сказала Розанетта, и, поднявъ стаканъ какъ можно выше, крикнула: «Вотъ вамъ, честныя женщины, супруга моего покровителя, вотъ тебѣ»! Раздался смѣхъ вокругъ, милордъ исчезъ. Фредерикъ не зналъ, что̀ дѣлать, и съ тоскою слѣдилъ за скрывавшимся на горизонтѣ милордомъ, чувствуя, что совершилось нѣчто непоправимое и что онъ потерялъ великую любовь свою. Но около него была веселая, вѣтреная любовь...

Со скачекъ они пріѣхали обѣдать въ Café Anglais. Фредерикъ былъ мраченъ. — «Ты грустишь, голубчикъ мой. Полно!» И она, взявъ въ ротъ лепестокъ цвѣтка, потянулась съ нимъ къ его губамъ. Это движеніе, полное граціи и сладострастія, разнѣжило Фредерика. — «Зачѣмъ ты огорчаешь меня»? сказалъ онъ, думая о г-жѣ Арну. — «Я огорчаю»? И, взявъ его руками за плечи, стоя передъ нимъ, она приблизила свои рѣсницы къ его глазамъ. Вся добродѣтель Фредерика исчезла и онъ сказалъ: — «Какъ же мнѣ не огорчаться, когда ты меня не любишь»! и онъ потянулъ ее къ себѣ на колѣни. Она не противилась. Онъ обвилъ ея талію руками. — «Гдѣ они?» раздался голосъ Гюсонэ. Она быстро отскочила. Сѣли обѣдать. Фредерикъ снова погрузился въ мрачное настроеніе отъ безконечной болтовни Гюсонэ. Ему не сидѣлось на мѣстѣ и онъ, вертясь отъ нетерпѣнія, задѣлъ сапогомъ одну изъ собачекъ. Они подняли невыносимый лай. Розанетта попросила Гюсонэ отвезти ихъ къ ней домой. Тотъ повиновался безпрекословно. Едва онъ уѣхалъ, какъ вошелъ де-Сизи, котораго Розанетта пригласила, не сказавъ о томъ Фредерику. Потребовали новый приборъ. Де-Сизи задавалъ тонъ своимъ богатствомъ и связями. Къ концу обѣда вернулся Гюсонэ и принялся съ аппетитомъ ѣсть. Розанетта стала надѣвать шаль. — Карету! крикнулъ Фредерикъ лакею. — «У меня своя здѣсь!» сказалъ виконтъ де-Сизи. — Но, милостивый государь! — «Что̀ вамъ угодно, милостивый государь»? И они пристально

поглядѣли другъ на друга; оба были блѣдны и руки ихъ дрожали. Розанетта подала руку де-Сизи и, указывая на Гюсонэ, сказала:— «Поберегите его, онъ задыхается. Я не хотѣла бы, чтобъ онъ умеръ изъ преданности моимъ собачкамъ». Дверь затворилась.— «Ну?» сказалъ Гюсонэ.—Чтó такое?—«Я думалъ»...—Чтò такое вы думали?—«Да развѣ вы»... и онъ докончилъ свою фразу жестомъ. — О, и не думалъ никогда.

Фредерикъ страшно бѣсился и жалѣлъ, что не далъ виконту пощечины. Розанетту онъ рѣшился болѣе не видѣть. Есть и другія женщины такія же красивыя, надо только деньги. Онъ станетъ играть на биржѣ и подавитъ Розанетту и другихъ блескомъ своей роскоши. На другой день явился къ нему Сенекаль: онъ отошелъ отъ Арну, такъ какъ послѣдній позволилъ себѣ гласно, при всѣхъ, снять съ работницы штрафъ, и просилъ Фредерика отыскать ему мѣсто. — «Вамъ это легко, сказалъ онъ, при вашемъ знакомствѣ. Вы могли бы рекомендовать меня г. Дамбрёзу».—«Но я не такъ хорошо знакомъ съ нимъ, чтобъ рекомендовать ему кого-нибудь». Демократъ вынесъ этотъ отказъ стоически. Фредерикъ взялся за ключъ, чтобъ дать Сенекалю денегъ. «Благодарю, сказалъ онъ, не надо». И, забывъ свою бѣдность, онъ заговорилъ о современныхъ событіяхъ, предсказывая революцію. Увидавъ на стѣнѣ японскій кинжалъ, онъ снялъ его, попробовалъ клинокъ и отбросилъ съ отвращеніемъ на диванъ. «Прощайте. Пойду въ церковь. Сегодня годовщина Годфруа Кавеньяка, который умеръ за дѣломъ. Но не все еще кончено... Кто знаетъ?» Онъ важно протянулъ свою руку: — «Мы можетъ быть никогда больше не увидимся. Прощайте»!

Нѣсколько дней спустя, Фредерикъ встрѣтился съ де-Сизи, который пригласилъ его на обѣдъ. Фредерикъ подумалъ, что глупо сердиться на этого человѣка, тѣмъ болѣе, что, какъ узналъ онъ отъ Пеллерена, Розанетта выгнала его на другой день. Это все-таки утѣшительно. Де-Сизи познакомилъ Фредерика съ своими знакомыми, приглашенными на обѣдъ, маркизами, графами, виконтами. Разговоръ шелъ исключительно о женщинахъ. Баронъ Коменъ заговорилъ о Розанеттѣ, поздравляя де-Сизи съ побѣдою надъ ней. — «Ничего особеннаго въ ней нѣтъ, сказалъ виконтъ. Какъ и другія, она продается». — Не всѣмъ, замѣтилъ злобно Фредерикъ.—«Вы себя считаете отличнымъ отъ другихъ, чтò ли»? Раздался смѣхъ. Фредерикъ старался заглушить нѣсколькими стаканами воды волненіе, овладѣвавшее имъ. Разговоръ перешелъ на Арну, котораго Сизи не зналъ, но назвалъ мошенникомъ. Фредерикъ принялся защищать его съ горячностію. Сизи настаивалъ на своемъ.—Вы оскорбить, что ли, меня же-

лаете? сказалъ наконецъ Фредерикъ съ горящими, какъ его сигара, зрачками.—«О, совсѣмъ нѣтъ! Я допускаю даже, что у него есть нѣчто очень хорошее: его жена». — Вы знаете ее?— «Еще бы! Кто не знаетъ Софи Арну».—Повторите, что вы сказали.—«Всѣ ее знаютъ», повторилъ Сизи робкимъ голосомъ, и всталъ.—Замолчите! Вы посѣщаете не такихъ женщинъ! — «Я горжусь этимъ». Фредерикъ пустилъ въ него своей тарелкой, которая, поваливъ двѣ бутылки, ударилась въ животъ виконта. Всѣ встали, чтобъ удержать Фредерика, который кричалъ и рвался, какъ безумный. Такъ какъ въ ту минуту, когда тарелка была брошена, всѣ говорили разомъ, то невозможно было открыть настоящій поводъ къ оскорбленію, — былъ ли то Арну, была ли то жена Арну или Розанетта. Какъ бы то ни было, Фредерикъ не обнаруживалъ ни тѣни раскаянія и продолжалъ горячиться. Сизи сидѣлъ въ углу и плакалъ. Положеніе джентльменовъ становилось томительнымъ и одинъ изъ нихъ сказалъ, наконецъ, Фредерику, что виконтъ пришлетъ къ нему своихъ секундантовъ.

Фредерикъ отправился къ Режамбару и Дюсардье, приглашая ихъ быть свидѣтелями. Оба согласились, а Режамбаръ высказалъ необыкновенно мужественное настроеніе духа и училъ Фредерика, какъ нужно драться. Мысль, что онъ будетъ драться за женщину, возвышала Фредерика въ его собственныхъ глазахъ и облагороживала его. Мысль о смерти приходила ему, но онъ легъ спать спокойно наканунѣ дуэли. Между тѣмъ, Сизи трусилъ такъ, что приводилъ въ отчаяніе своихъ друзей. Онъ желалъ, чтобъ съ Фредерикомъ ночью сдѣлался апоплексическій ударъ, или чтобъ утромъ произошло возстаніе и баррикады заградили бы путь къ Булонскому лѣсу, гдѣ назначена была дуэль. Ему приходило желаніе уѣхать куда-нибудь съ экстреннымъ поѣздомъ, онъ жалѣлъ, что не знаетъ медицины, которая дала бы ему возможность принять такое средство, которое, не подвергая опасности его жизнь, заставило бы подумать, что онъ умеръ. Въ концѣ концовъ онъ даже желалъ серьезно заболѣть.

Когда противники стали другъ противъ друга, Сизи вдругъ упалъ безъ чувствъ. Секунданты бросились къ нему, давали ему нюхать спиртъ. Въ это время раздался крикъ: «остановитесь»! и показался кабріолетъ, летѣвшій сломя голову. Изъ него выскочилъ Арну и бросился обнимать Фредерика, цѣловалъ его и плакалъ:—«Вы изъ-за меня хотѣли драться, другъ мой. Это хорошо, это очень хорошо. Я никогда этого не забуду. Ахъ, милый мой». Секунданты Сизи воспользовались этой неожиданной сценой, чтобъ спасти честь своего друга; это было тѣмъ легче,

что, упавъ, Сизи порѣзалъ себѣ палецъ. «Возьмите, виконтъ, руку на повязку и отправимся», сказалъ одинъ изъ его секундантовъ. Честь удовлетворена и вы можете протянуть другъ другу руки». Противники съ удовольствіемъ сдѣлали это и разошлись.

IX.

Спустя нѣсколько дней, Дюсардье прибѣжалъ къ Фредерику испуганный и принесъ извѣстіе, что Сенекаль арестованъ. Смѣшивая ненависть свою къ обществу съ ненавистію народа къ монархіи, Сенекаль каждое утро просыпался съ надеждою, что разразится революція и въ пятнадцать дней измѣнитъ весь міръ. Наконецъ, озлобленный равнодушіемъ согражданъ и отчаяваясь за отечество, онъ вступилъ въ качествѣ химика въ заговоръ, цѣлью котораго было употребить въ дѣло воспламеняющіяся бомбы; его схватили съ порохомъ, которымъ онъ шелъ производить опыты на Монмартрѣ. Дюсардье былъ сильно привязанъ къ нему и считалъ республику всеобщимъ освобожденіемъ и счастіемъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ увидѣлъ солдатъ съ окровавленными штыками и человѣческими волосами, прилипшими къ ружьямъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ смотрѣть на правительство, какъ на воплощеніе несправедливости; жандармы въ его глазахъ были нѣчто въ родѣ убійцъ, а шпіоны — отцеубійцами. Наивно приписывая все зло, разлитое по землѣ, власти, онъ ненавидѣлъ ее горячею, постоянною ненавистью, владѣвшею всѣмъ его сердцемъ и развившею его чувствительность. Разсужденія Сенекаля ослѣпили его. Онъ не принималъ въ соображеніе его вины: для него достаточно было одного, что онъ былъ жертвою власти, слѣдовательно, онъ долженъ былъ помочь ему. Но какъ? — «Не попробовать ли освободить его, а? говорилъ онъ. Когда его поведутъ въ Люксамбургъ, можно броситься на конвой. Дюжина рѣшительныхъ людей всюду проникнетъ». Въ глазахъ его было столько огня, что Фредерикъ испугался за него. Сенекаль представился ему теперь въ такомъ свѣтѣ, какъ никогда. Онъ вспомнилъ страданія его, его суровую жизнь; не восторгаясь имъ, подобно Дюсардье, онъ однакожъ чувствовалъ къ нему то удивленіе, которое внушаетъ всякій человѣкъ, жертвующій собою идеѣ. Независимо отъ этого, онъ думалъ, что еслибъ онъ помогъ ему, то Сенекаль не рѣшился бы на преступленіе; и два друга усердно составляли планы для спасенія его, но ни къ чему не пришли. Недѣли три онъ интересовался имъ, ища о немъ

извѣстій въ газетахъ. Правда, онъ былъ теперь совершенно свободенъ отъ любовныхъ вѣяній, потерявъ надежду обладать г-жею Арну и глубоко возмущенный Розанеттою. Онъ скучалъ и не зналъ что́ дѣлать; ему приходили въ голову мысли даже о возвращеніи къ матери, которая писала ему, что дочь г. Рока, Луиза, выросла и сдѣлалась красавицей.

Отъ нечего дѣлать, онъ зашелъ на одинъ изъ обыкновенныхъ вечеровъ къ Дамбрёзу. Было нѣсколько женщинъ и мужчинъ; между тѣми и другими вертѣлся Мартинонъ. Разговоръ шелъ объ увлеченіяхъ средней партіи, о пауперизмѣ. Одна герцогиня распространялась о томъ, что всѣ описанія народной бѣдности преувеличены.

— «Надо, однако, признаться, возразилъ Мартинонъ, что бѣдность существуетъ. Но помочь ей не въ силахъ ни наука, ни власть. Это вопросъ чисто личный. Когда низшіе классы народа захотятъ освободиться отъ своихъ пороковъ, то освободятся вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своей бѣдности. Пусть народъ сдѣлается нравственнѣе, и онъ обогатится немедленно».

Г. Дамбрёзъ утверждалъ, что спасеніе заключается въ избыткѣ капиталовъ. Слѣдовательно, единственно возможный способъ — «вручить, какъ хотѣли, впрочемъ, сенъ-симонисты (Боже мой, въ нихъ было кое-что и хорошее! будемъ справедливы ко всѣмъ), вручить, говорю я, знамя прогресса тѣмъ, которые могутъ увеличить общественное достояніе». И разговоръ незамѣтно перешелъ на большія предпріятія, на желѣзныя дороги, разработку каменнаго угля.

Мартинонъ спросилъ Фредерика, тотъ ли это Сенекаль замѣшанъ въ дѣлѣ разрывныхъ бомбъ, который учился вмѣстѣ съ ними. «Тотъ самый», отвѣчалъ Фредерикъ. Мартинонъ засмѣялся и выразился о немъ, какъ о человѣкѣ негодномъ. Фредерикъ вспылилъ:

— Совсѣмъ напротивъ, сказалъ онъ; это очень честный человѣкъ.

— Однако, милостивый государь, сказалъ одинъ собственникъ, тотъ не можетъ быть честнымъ человѣкомъ, кто принимаетъ участіе въ заговорѣ.

Большая часть присутствовавшихъ тутъ служила, по крайней мѣрѣ, четыремъ правительствамъ, и они продали бы Францію и родъ человѣческій ради того, чтобъ обезпечить свое состояніе, избавить себя отъ непріятности или просто ради простой низости, инстинктивнаго обожанія силы. Всѣ объявили, однако, что политическія преступленія непростительны, что гораздо скорѣе можно извинить преступленія обыкновенныя, совершаемыя изъ

нужды, и конечно не упущено было изъ виду представить вѣчный примѣръ отца семейства, ворующаго вѣчный кусокъ хлѣба у вѣчнаго хлѣбопека. Одинъ администраторъ даже воскликнулъ:

— Еслибъ, милостивый государь, мой родной братъ принялъ участіе въ заговорѣ, я донесъ бы на него.

Фредерикъ сослался на право сопротивленія и, вспомнивъ нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ когда-то Делорье, цитировалъ Дезольма, Блэкстона, англійскій билль о правахъ и параграфъ 2-й конституціи 91 года. Именно вслѣдствіе этого права провозглашено было низверженіе Наполеона; право это признано было въ 1830 г. и подставлено во главѣ хартіи.

— Когда государь нарушаетъ договоръ съ народомъ, справедливость требуетъ его низверженія.

— Это ужасно! воскликнула жена префекта.

Всѣ остальные молчали, тоже испытывая чувство смутнаго страха, словно услыхавъ шумъ ядеръ. Г-жа Дамбрёзъ качалась въ своемъ креслѣ и слушала Фредерика съ улыбкою. Одинъ торговецъ старался ему доказать, что Орлеаны — прекрасная фамилія; конечно, злоупотребленія были....

— Ну, и чтожъ?

— Но о нихъ не слѣдуетъ говорить; еслибъ вы знали, какъ всѣ эти крики оппозиціи вредятъ торговымъ дѣламъ.

— Смѣюсь я надъ дѣлами вашими! возразилъ Фредерикъ.

Его возмущала гниль этихъ старцевъ, и, увлеченный храбростью, которая овладѣваетъ иногда самыми скромными людьми, онъ напалъ на финансы, депутатовъ, правительство, короля и наговорилъ много глупостей. Одни иронически одобряли его, другіе ворчали: «что за экзальтація!»

Наконецъ онъ нашелъ приличнымъ уйти; на прощаньи г. Дамбрёзъ, намекая на мѣсто секретаря, сказалъ: «Еще ничего не рѣшено, но торопитесь!» — «Не правда ли, до свиданья?» прибавила г-жа Дамбрезъ. Фредерикъ почелъ это прощаніе насмѣшкой и рѣшился никогда болѣе не переступать порога этого дома и не видѣть этихъ людей. Къ тому же онъ воображалъ, что оскорбилъ ихъ, не зная, какимъ широкимъ индифферентизмомъ отличается свѣтъ. Въ особенности негодовалъ онъ на женщинъ. Ни одна не поддержала его даже взглядомъ. Онъ сердился на нихъ за то, что ему не удалось взволновать ихъ. Что касается г-жи Дамбрёзъ, онъ находилъ въ ней что-то томное и вмѣстѣ съ тѣмъ сухое и не зналъ, что о ней думать. Есть ли у ней любовникъ? кто онъ? Ужъ не Мартинонъ ли? Невозможно. Однакожъ, онъ чувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ ревности, а къ ней необъяснимую непріязнь.

Дюсардье, пришедшій къ нему, по обыкновенію, вечеромъ, дожидался его. Фредерикъ высказался передъ нимъ въ выраженіяхъ довольно непонятныхъ и жаловался на свое одиночество. Дюсардье предложилъ ему отправиться къ Делорье. При имени адвоката, Фредерикъ почувствовалъ чрезмѣрное желаніе видѣть его. Съ своей стороны и Делорье не прочь былъ помириться съ другомъ. Дюсардье свелъ ихъ, и они обнялись. Фредерикъ разсказалъ ему свои неудачи и виды на выгодную женитьбу на Луизѣ Рокъ.—«Это было бы недурно», сказалъ Делорье, и когда Фредерикъ потерялъ на акціяхъ значительную сумму, Делорье уговорилъ его ѣхать домой.

Онъ засталъ у матери обычныхъ ея знакомыхъ, между которыми находился и г. Рокъ. Противъ г-жи Моро, за карточнымъ столомъ, сидѣла Луиза. Увидавъ Фредерика, она приподнялась и вскрикнула. Всѣ засуетились. Она осталась неподвижна, и четыре свѣчи, поставленныя на столѣ, увеличивали еще ея блѣдность. Когда снова принялась она за карты, руки ея замѣтно дрожали. Это волненіе чрезвычайно польстило Фредерику, гордость котораго такъ часто страдала; онъ подумалъ: «ты полюбишь меня!» и принялся корчить парижанина, льва, разсказывая театральныя новости, свѣжіе анекдоты, почерпнутые изъ мелкой печати, и очаровалъ своихъ соотечественниковъ.

Во второмъ томѣ, къ которому перейдемъ мы въ слѣдующей книжкѣ, Флоберъ бросаетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ круговоротъ революціи 1848 года, показываетъ, какое участіе они въ ней принимали и въ какомъ смыслѣ она отразилась на нихъ.

А. С—нъ.

УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ
РУССКАГО НАРОДА.

Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. Сочиненіе *Аванасія Щапова.* Спб. 1870.

Въ нашей исторической литературѣ рѣдко появляются книги, исполненныя такого живого и серьезнаго интереса, какъ вышедшее недавно сочиненіе г. Щапова. Среди тѣхъ частныхъ разысканій, или чисто архивныхъ изслѣдованій, или еще болѣе среди умозрительныхъ разсужденій о великомъ будущемъ руской цивилизаціи, какими особенно переполнена литература въ послѣдній безжизненно-реакціонный ея періодъ, чрезвычайно пріятно встрѣтить трудъ, богатый не однимъ археологическимъ содержаніемъ, но и свѣжей мыслью и цѣльнымъ взглядомъ на историческое прошедшее, и трудъ, совершенно свободный отъ всякихъ искаженно-болѣзненныхъ блужданій воображенія, которыя, даже у добросовѣстныхъ писателей, производятъ столько вреда въ нашей литературѣ, отвлекая людей отъ настоящаго положительнаго содержанія къ фантастическимъ иллюзіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, наша литература, хотя въ послѣднее время и занимается ревностно исторіей, но она чрезвычайно бѣдна тѣмъ, что̀ можно назвать философской исторіей, или даже какими-нибудь попытками объясненія общаго хода историческаго народнаго развитія. Въ литературѣ господствуетъ монографическая, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, разработка частностей, рѣдко освѣщаемая какой-нибудь общей точкой зрѣнія, и даже факты не всегда пред-

ставляющая въ ихъ полномъ объемѣ и настоящемъ свѣтѣ. Темы изслѣдованій всего чаще являются чисто случайнымъ образомъ, и до сихъ поръ остаются даже не затронутыми множество предметовъ, разъясненіе которыхъ давно вызывается пробѣлами нашихъ свѣдѣній. «Историческая критика» почти не существуетъ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ была лѣтъ двадцать - тридцать тому назадъ, потому что предметомъ своихъ операцій она теперь беретъ обыкновенно только самые элементарные факты, и почти не касается обширныхъ историческихъ явленій, въ опредѣленіи смысла которыхъ конечно и состоитъ ея настоящая научная задача. Надобно сказать въ пользу нынѣшней литературы, что она начинаетъ замѣчательно обогащаться матеріаломъ. Это, конечно, ея лучшее пріобрѣтеніе; но нельзя не видѣть, что и этотъ матеріалъ въ данную минуту еще не приноситъ своей настоящей пользы, потому что при общемъ стремленіи къ изученію частностей подвергается только детальной обработкѣ и мало помогаетъ неясности общихъ понятій. Въ общемъ составѣ исторіографіи, частное монографическое изученіе имѣетъ конечно свою не малую цѣну, составляетъ даже необходимую потребность; но едва ли возможно видѣть въ этомъ пристрастіи къ частностямъ особое достоинство и даже великій успѣхъ нашей исторіографіи, именно достоинство разсудительной основательности въ противоположность поверхностному легкомыслію, — какъ многіе это утверждаютъ. Признавая пользу этихъ монографическихъ изслѣдованій, какъ сбора полезныхъ и новыхъ данныхъ, нельзя не признать, съ другой стороны, что это качество нынѣшнихъ историческихъ трудовъ обнаруживаетъ только слабость нашей науки, неспособность ученыхъ выйти изъ частностей, отсутствіе какого-нибудь жизненнаго пониманія исторіи, или наконецъ просто боязнь критически отнестись къ господствующимъ рутиннымъ представленіямъ.

Это внѣшнее господство монографіи сопровождается поэтому чрезвычайной неустановленностью общихъ представленій, руководящихъ историческихъ идей. Въ этомъ отношеніи едва ли не выше слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ поставить даже литературу сороковыхъ годовъ, когда попытки историческихъ обобщеній — хотя далеко не полныя, съ точки зрѣнія нынѣшняго количества матеріала — имѣли то достоинство, что старались по крайней мѣрѣ осмыслить извѣстные тогда факты и указать ихъ значеніе въ историческомъ развитіи. Нѣтъ сомнѣнія, что эти попытки имѣли свое полезное организующее вліяніе, и оставили свой добрый слѣдъ въ нашемъ историческомъ изученіи (вспомнимъ тогдашніе труды г. Соловьева, г. Кавелина, г. Павлова, Д. Валуева, К. Аксакова

и др.). Писатель не ставилъ тогда своей единственной заботой собрать сколько возможно больше сырыхъ фактовъ; онъ скорѣе избѣгалъ этого, и изъ массы фактовъ выбиралъ характеристическіе, отличительные, чтобы на ихъ основаніи опредѣлить историческій «моментъ» — въ чемъ и заключается конечно задача настоящаго изслѣдованія. Съ тѣхъ поръ область историческаго изслѣдованія значительно расширилась и усложнилась новыми воззрѣніями, которыя обнаруживаются цѣлымъ рядомъ новыхъ трудовъ по археологіи, народной поэзіи, этнографіи, по изученію быта прошедшаго и настоящаго, фактовъ церковнаго, общественнаго и народнаго развитія и т. д., хотя, какъ мы замѣтили, всѣ эти изученія до сихъ поръ крайне отрывочны или часто внѣшни и сухи. Въ историческихъ мнѣніяхъ, насколько они здѣсь высказываются, господствуетъ крайнее разногласіе, ничѣмъ не разрѣшаемое; различныя школы даже мало заботятся о выясненіи своихъ взаимныхъ отношеній, и въ общественныхъ понятіяхъ вслѣдствіе того весьма неясны самыя основныя историческія положенія. Въ литературѣ можно видѣть слѣды нѣсколькихъ разныхъ эпохъ: въ то время какъ г. Устряловъ продолжаетъ чисто карамзинскую традицію (расходясь съ Карамзинымъ только въ своемъ поклоненіи Петру Великому), г. Соловьевъ представляетъ историко-юридическую школу сороковыхъ годовъ, которая болѣе опредѣленно ставитъ вопросъ объ историческомъ значеніи государства; г. Костомаровъ за внѣшней исторіей государства ищетъ исторіи народа и старается объяснить участіе народной стихіи въ общей судьбѣ націи; славянофильскія теоріи (съ разными видоизмѣненіями въ послѣднее время) настаиваютъ, съ оттѣнкомъ піэтизма, на превосходствѣ русскихъ началъ цивилизаціи надъ европейскими, и на будущемъ торжествѣ греко-славянскаго міра надъ Западомъ; наконецъ, въ послѣднее время являются попытки понять исторію съ тѣхъ новыхъ точекъ зрѣнія, которыя ставятся современнымъ состояніемъ западной исторической науки и вмѣстѣ потребностями нашего общественнаго самосознанія — попытки разъяснить внутренній процессъ національнаго развитія и подвести итоги его пріобрѣтеній не только въ смыслѣ политическомъ, но также въ смыслѣ нравственно-общественномъ и умственномъ, однимъ словомъ свести итоги его результатовъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой цивилизаціи. Въ эту сторону направлены интересы новой зарождающейся исторической литературы, которой конечно суждено составить новый періодъ нашей исторіографіи.

Интересъ къ народу и его исторіи — о которомъ теперь такъ много говорятъ и люди, искренно имъ увлекаемые, и фантазеры, и лицемѣрные шарлатаны — заявляется въ нашей исторической

литературѣ еще съ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Онъ былъ естественнымъ результатомъ всего характера времени, и создавался въ одно время и вліяніями европейскихъ идей и науки, и собственно русскимъ общественнымъ развитіемъ. Здѣсь, внутри самого русскаго самосознанія, этотъ интересъ послѣдовательно развивался съ Ломоносова, черезъ Новикова и Радищева, до общественно-политическихъ мечтателей Александровскаго времени, до государственной теоріи «народности», до славянофильской школы и до ея противниковъ, которые — радикально расходясь съ нею въ философскомъ и историческомъ пониманіи вещей—совершенно сходились въ единствѣ этого основного интереса. Питаемый, такимъ образомъ, самимъ движеніемъ русской умственной жизни, этотъ интересъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждался всѣми вліяніями европейской науки и литературы, направленіемъ ея поэтическихъ произведеній, ея философско-политическими теоріями и наконецъ тѣми спеціально - народными изученіями, — какъ этнографія, сравнительное языкознаніе, народная древность и миѳологія и пр., — которыя въ самой Европѣ (преимущественно въ Германіи) были плодомъ подобнаго пробужденія общественнаго самосознанія. Съ тридцатыхъ годовъ народное изученіе этого послѣдняго рода стало больше и больше прививаться у насъ. Это было собираніе фактовъ о народномъ бытѣ, народной поэзіи, преданіяхъ, обычаяхъ и т. д., собираніе, которое началось чисто эмпирически (Сахаровъ, Снегиревъ, Терещенко, Даль, Максимовичъ), на затѣмъ мало-по-малу стало принимать и усвоивать правильный методъ европейской, т.-е. главнымъ образомъ нѣмецкой науки (Бодянскій, Срезневскій, Буслаевъ, Аѳанасьевъ, Котляревскій и т. д.). Собираніе народныхъ пѣсенъ, сказокъ, описаніе обычаевъ и т. п., которыя прежде были только личной «охотой», руководились почтеннымъ, но очень неяснымъ стремленіемъ къ изученію народа, инстинктивнымъ предчувствіемъ важности предмета (въ періодъ Сахарова и пр.), теперь становятся сознательнымъ дѣломъ этнографическихъ любителей, собирающихъ обширныя коллекціи, предпринимающихъ для этого цѣлыя трудныя странствія и изысканія (Кирѣевскій, Рыбниковъ, Максимовъ и др.), и систематической задачей ученыхъ обществъ (программы и вопросы обществъ Географическаго и Археологическаго); и отдѣльные труды, бывшіе результатомъ этихъ правильныхъ изысканій, начинаютъ доставлять чрезвычайно важный этнографическій матеріалъ (изданія Географическаго Общества; изданіе сказокъ г. Аѳанасьева, составленное по матеріаламъ того же Общества; любопытныя частныя изслѣдованія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ гг. Калачова, Аѳанасьева, Мул-

лова, Ефименко и др.). Точно также элементы народной жизни изучаются въ прошедшемъ, и старые памятники русской литературы въ первый разъ открыли изслѣдованію многія стороны старой русской жизни. Понятно, что всѣ эти и подобныя изученія, мало извѣстныя прежнимъ историкамъ, должны были вносить новыя понятія, вліяніе которыхъ и обнаруживается теперь въ различныхъ частныхъ вопросахъ: такъ начинаетъ опредѣляться историческое значеніе народной поэзіи, выясняться исторія народнаго міросозерцанія; такъ пониманіе раскола уже очень расходится съ той обычной клерикальной точкой зрѣнія, которая исключительно господствовала еще немного лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ эти новыя изученія, или попытки ихъ, постепенно расширялись, воспринимали новыя указанія европейской науки, и въ настоящее время все больше и больше возрастаетъ интересъ къ той формѣ и содержанію историческаго знанія, которыя, для избѣжанія дальнѣйшихъ опредѣленій, можно назвать культурно-историческими. Этотъ интересъ, внушенный, какъ мы сказали, и ходомъ научно-литературныхъ понятій и соціальными стремленіями самого общества, въ послѣдніе годы получилъ еще новую сильную поддержку въ крестьянской реформѣ. Она будетъ конечно событіемъ великой важности не только въ нашей общественной, но и въ умственной жизни. Правда, *масса* общества до сихъ поръ до того неподвижна и тупа, что отчасти можно соглашаться съ тѣми, которые думаютъ, что въ данную минуту (1861 г.) реформа, какъ общественное требованіе, пожалуй и не была такою настоятельною необходимостью, какъ многіе тогда представляли; можно соглашаться, что она не была вынуждена требованіями общества, и что, исходя отъ верховной власти, могла бы совершиться точно также десятками лѣтъ позже, какъ и раньше, и что упомянутая *масса* такъ-называемаго образованнаго общества скорѣе наклонна была бы замедлить совершеніе реформы; — съ этимъ, повторяемъ, можно отчасти соглашаться при видѣ странныхъ успѣховъ крѣпостнической реакціи, ознаменовавшихъ послѣдующіе годы, — но тѣмъ не менѣе нельзя не признать двухъ вещей. Во-первыхъ, что для лучшей, болѣе образованной, хотя и далеко менѣе многочисленной части общества эта реформа была желаннымъ событіемъ, цѣлью давнихъ надеждъ и мечтаній, что слѣдовательно, реформа была совершенно органическимъ явленіемъ въ общественной исторіи, — какъ мѣра экономическая и политическая, издавна необходимая для облегченія судьбы громаднаго крестьянскаго класса, для доставленія ему сколько-нибудь человѣческаго существованія, и какъ нравственное удовлетвореніе стремленіямъ лучшей части общества. Во-вторыхъ,

что разъ этотъ фактъ совершился, эти лучшія стремленія, — вся идея которыхъ состоитъ въ желаніи, чтобы русская жизнь пріобрѣла наконецъ гражданскія права и общественную свободу, требуемыя человѣческимъ достоинствомъ и достоинствомъ общественной жизни, — эти стремленія получаютъ себѣ историческое оправданіе и вмѣстѣ перспективу дальнѣйшаго развитія; нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ пріобрѣтать все бо́льшую силу и бо́льшую надежду успѣха. Не нужно особыхъ объясненій, чтобы видѣть, какой сильный толчекъ давала реформа всѣмъ общественнымъ идеямъ и тому интересу къ народной жизни и исторіи, о которомъ мы говорили. Онъ получилъ теперь еще новую сторону. Не говоря о томъ естественномъ чувствѣ участія и симпатіи, которое побуждало мыслящихъ людей тѣснѣе вникать въ условія этой такъ долго и такъ жестоко и несправедливо забытой жизни, искать въ исторіи объясненія причинъ этого явленія, а въ настоящемъ побуждало искать средствъ исправить глубокое причиненное зло и возбуждало въ лучшихъ людяхъ сомнѣнія и вопросы о самыхъ капитальныхъ вопросахъ нашего общественнаго существованія, — крестьянская реформа въ частности ставила прямые политико-экономическіе вопросы, потому что приносила новое устройство труда для многихъ милліоновъ населенія, устройство, которое должно было подѣйствовать на всѣ экономическія отношенія страны. Естественнымъ образомъ, политико-экономическіе вопросы должны были распространиться и на прошедшее; для самихъ спеціалистовъ должно было казаться, что политико-экономическія отношенія составляли главнѣйшую точку отправленія всей исторіи народа, главный мотивъ, опредѣлившій старое устройство и развитіе общества, которое по наслѣдству перешло и къ нашему времени. Понятно, что съ этой точки зрѣнія пріобрѣтали еще бо́льшую важность естественное положеніе страны, характеръ ея производительности, условія народнаго труда и т. п., и наконецъ ставился вновь вопросъ о формахъ общественнаго устройства...

Такимъ образомъ сами собою складывались требованія, привлекавшія вниманіе къ культурной исторіи и къ исторіи народной. Только такая исторія могла бы отвѣчать на существенные вопросы о народѣ, его матеріальныхъ и умственныхъ средствахъ, объ истинномъ смыслѣ его прошедшей исторіи, его существенныхъ потребностяхъ въ настоящемъ,—вопросы, которые не могутъ не занимать и не тревожить каждаго мыслящаго человѣка въ обществѣ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, нельзя было сказать, чтобы этотъ новый интересъ успѣлъ выразиться какимъ-нибудь цѣльнымъ историческимъ трудомъ, который бы ясно установлялъ

новую точку зрѣнія, да прошло еще и очень мало времени съ тѣхъ поръ, какъ этотъ историческій вопросъ сталъ возможенъ для литературнаго изложенія: до тѣхъ поръ на немъ лежало самое строгое запрещеніе. Но что этотъ интересъ именно таковъ, что рѣшеніе *такихъ* именно вопросовъ дастъ въ первый разъ нѣкоторую полноту нашимъ историческимъ понятіямъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться: въ исторіи намъ всего больше нужно найти именно объясненіе общихъ законовъ, управлявшихъ народной жизнью, и давшихъ ей настоящій характеръ; насъ меньше занимаютъ блестящія торжества на поверхности общества, чѣмъ судьба массъ въ его глубинахъ. Въ эту сторону вообще направляются лучшія стремленія литературы: какъ еще ни слабы ея средства, никогда еще народъ не былъ въ ней предметомъ такого сильнаго вниманія, въ ученыхъ изысканіяхъ, этнографическихъ странствованіяхъ, въ беллетристикѣ и т. д. Книга г. Щапова является прекраснымъ началомъ цѣльныхъ историческихъ изслѣдованій этого рода и составляетъ поэтому одно изъ наиболѣе заслуживающихъ сочувствія явленій нашей литературы за послѣднее время.

До сихъ поръ отсутствіе общихъ трудовъ съ указанной точки зрѣнія и недостаточное опредѣленіе ея программы дѣлали это изученіе чрезвычайно неполнымъ и разбросаннымъ. Кромѣ того, это положеніе дѣла, съ одной стороны, вызывало недовѣріе къ тѣмъ отдѣльнымъ попыткамъ, въ какихъ эта точка зрѣнія до сихъ поръ выражалась; съ другой, продолжали безмятежно процвѣтать сантиментально-умозрительныя теоріи, на которыя такъ падки наши доморощенные философы. Въ самомъ дѣлѣ, спеціальные историки извѣстной школы весьма недовѣрчиво смотрятъ на новый историческій интересъ и склонны считать его произвольнымъ и ненужнымъ. Одни думаютъ, что та чисто государственная исторія, которая разработывалась до сихъ поръ, не нуждается ни въ какой реформѣ, а развѣ только въ нѣкоторомъ пополненіи; другимъ новые историческіе вопросы кажутся вѣроятно только новымъ родомъ легкомыслія и вольнодумства: всѣ вопросы для нихъ уже разрѣшены, существующій порядокъ жизни кажется имъ лучшимъ изъ порядковъ, и предыдущее историческое развитіе вполнѣ цѣлесообразнымъ, чтобы достигнуть этого лучшаго изъ порядковъ. Съ другой стороны не трудно замѣтить, какая путаница понятій господствуетъ въ общемъ обиходѣ, какъ масса общества склонна до сихъ поръ увлекаться пустыми словоизверженіями, когда онѣ грубо льстятъ національному тщеславію. Послѣдніе годы въ особенности произвели богатую литературу этого рода, въ которой читатель находилъ самыя положительныя от-

кровенія о судьбахъ русскаго народа прошедшихъ и будущихъ, и состояніе мыслей, изображаемое этой литературой, представляетъ странное зрѣлище, которое дѣйствительно было бы грустно, еслибъ не было очень смѣшно. Наиболѣе ревностными истолкователями національныхъ вопросовъ являются застольные ораторы, какъ г. Погодинъ, соотвѣтственные публицисты, какъ публицисты большинства нынѣшней отечественной прессы, ученые, какъ авторъ «Россіи и Европы» и пр. Квасной патріотизмъ, фальшивый либерализмъ, самодовольная ограниченность, свирѣпствуютъ теперь больше чѣмъ когда-нибудь, и нужно злое остроуміе Щедрина (см. его новѣйшіе историческіе опыты), чтобы освѣжить читателя послѣ внушенія подобной философіи и напомнить о здравомъ смыслѣ.

Разъясненіе культурно-историческаго вопроса, надо надѣяться, поможетъ наконецъ установиться болѣе правильнымъ и соотвѣтствующимъ дѣлу понятіямъ о нашей прошедшей исторіи и настоящей дѣятельности. Если упомянутыя метафизическія и хвастливыя изображенія русской жизни не мало поддерживались до сихъ поръ, исключительно государственной точкой зрѣнія въ исторіи, въ которой всегда большую роль занимали факты внѣшняго политическаго распространенія и господства, то культурная исторія представила бы къ ней важное дополненіе и противовѣсъ, обращая вниманіе на внутреннее состояніе страны и народа и ихъ культурныя средства. Если громадность государства и его большія военныя силы способны внушать одни представленія объ отношеніяхъ «Россіи и Европы», то совсѣмъ другія представленія внушаются сравненіемъ степени ихъ внутренней цивилизаціи, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы нужно было сводить общіе счеты между «Россіей и Европой», то въ этотъ счетъ пошли бы и силы нравственнаго и умственнаго развитія, и послѣднія даже гораздо больше чѣмъ первыя, и окончательный выводъ изъ этого счета не былъ бы для насъ особенно выгоденъ. Въ самомъ дѣлѣ, внѣшнему государственному развитію не всегда соотвѣтствуетъ и развитіе культурное; расширеніе предѣловъ и политическаго вліянія возможно даже при внутреннемъ разстройствѣ страны. Въ нашей исторіи, къ сожалѣнію, былъ не одинъ примѣръ того, какой обманчивой оказывалась блестящая поверхность политическаго могущества. Военная сила государства, какими бы усиліями и жертвами страны ни достигалась, будетъ конечно доставлять ему политическое вліяніе и даже долго поддерживать обманчивое представленіе о внутренней его силѣ, но отсутствіе истинной внутренней энергіи, — достигаемой только однимъ путемъ, образованностью и цивилизаціей, — рано или поздно дастъ себя по-

чувствовать печальнымъ для страны образомъ, и если цѣль государства состоитъ въ достиженіи наибольшаго развитія нравственныхъ и матеріальныхъ силъ и благосостоянія націи, эта цѣль остается недостигнутой. И такое положеніе вещей не можетъ быть скрыто. Истинное положеніе средствъ націи всегда можетъ быть указано экономическимъ мѣриломъ; никакое блестящее политическое значеніе государства, достигаемое крайнимъ развитіемъ вооруженій, при отсутствіи развитія умственныхъ и культурныхъ силъ націи, не спасетъ страны отъ торговой и промышленной эксплуатаціи со стороны другихъ, болѣе цивилизованныхъ націй: въ концѣ концовъ страна, по общему ходу своихъ дѣлъ, займетъ только то мѣсто, какое опредѣлится ея внутреннимъ умственнымъ, общественнымъ и экономическимъ развитіемъ.

Сознаніе этого рода начинаетъ, кажется, составляться наконецъ въ русскомъ обществѣ, въ примѣненіи къ нашему собственному положенію. Правда, огромное большинство до сихъ поръ продолжаетъ думать иначе; одни по простодушію, другіе по заблужденію, третьи потому, что заинтересованы, думаютъ до сихъ поръ, что для нашей народной гордости сдѣлано уже все возможное, что намъ остается только проникнуться этой гордостью, и противопоставить романо-германскому міру западной Европы свой греко-славянскій міръ и его независимую цивилизацію. Но другіе начинаютъ уже представлять дѣло иначе, и не увлекаясь внѣшнимъ блескомъ, не думая, чтобы достоинство и сила націи опредѣлялись размѣрами границъ, начинаютъ видѣть это достоинство въ гражданскомъ развитіи, въ успѣхахъ образованія и въ болѣе высокомъ уровнѣ и благосостояніи всей народной жизни, и съ этой точки зрѣнія изученіе внутренняго положенія страны и народа получаетъ особенный смыслъ. Это направленіе общественнаго интереса отражается, какъ мы замѣчали, и на исторической наукѣ.

Здѣсь нужно, быть можетъ, сдѣлать одну оговорку. Ученые извѣстнаго покроя обыкновенно пугаются и открещиваются отъ какихъ-то бы то ни было вліяній общественнаго настроенія на науку; они считаютъ это профанаціей науки. Въ успокоеніе этого схоластическаго страха надо замѣтить, что это вліяніе вовсе не простирается на самое изслѣдованіе, и на извлеченіе научныхъ выводовъ и умозаключеній, — но оно существеннымъ образомъ дѣйствуетъ на выборъ предметовъ изслѣдованія, на расширеніе горизонта научныхъ изысканій, на болѣе живое пониманіе дѣла. Общественное настроеніе не можетъ рѣшать научныхъ вопросовъ, но оно можетъ выдвигать тѣ или другіе вопросы и заявлять необходимость ихъ научнаго опредѣленія; въ этомъ смыслѣ

оно можетъ оказывать несомнѣнное вліяніе на ходъ науки, и полезное противодѣйствіе ученой формалистикѣ. Этотъ страхъ кабинетныхъ ученыхъ самъ по себѣ есть любопытное свидѣтельство о качествахъ ихъ науки: эта наука до такой степени стала далека отъ дѣйствительной жизни, что боится малѣйшаго приближенія и прикосновенія къ ней, какъ заразы. Кабинетные ученые объясняютъ свой страхъ великимъ уваженіемъ своимъ къ строгому достоинству науки и высотой научнаго безпристрастія;—но высоту ихъ научныхъ воззрѣній, къ сожалѣнію, трудно открыть въ ихъ мертвой книжной учености. На дѣлѣ, конечно, и они не свободны отъ вліяній жизни, и если бы они были искренни, то согласились бы, что если извѣстный историческій скептицизмъ, высказывающійся иногда въ послѣднее время, можно назвать введеніемъ не-научныхъ вліяній общественнаго настроенія, то не съ бо́льшимъ ли гораздо правомъ можно причислить къ такимъ же вліяніямъ (только худшаго свойства) консервативный піэтизмъ самихъ этихъ ученыхъ и ихъ постыдное равнодушіе къ вопросамъ жизни, касающимся и ихъ собственной области изученія? Въ настоящемъ случаѣ общественный интересъ дѣйствовалъ именно такъ, какъ мы выше указывали; онъ поддерживалъ то стремленіе познакомиться съ народной жизнью, о которомъ мы говорили, и подъ его вліяніемъ у насъ начали водворяться тѣ этнографическія, экономическія и культурныя изученія, которыя прежде были совершенно неизвѣстны литературѣ въ этой формѣ, и которымъ предстоитъ произвести большое измѣненіе въ традиціонныхъ понятіяхъ объ исторіи и настоящихъ потребностяхъ русскаго народа.

Въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, новые научные вопросы и изысканія идутъ параллельно съ лучшими современными стремленіями общества: ихъ соединяетъ одинъ интересъ къ культурному значенію народной жизни, прошедшей и настоящей, и скептическое отношеніе къ традиціоннымъ понятіямъ. Еще прежде, чѣмъ историческое изученіе пришло къ такой точкѣ зрѣнія, этотъ скептицизмъ высказался въ литературѣ въ той крайней антипатіи къ древней Руси и въ томъ возвеличеніи Петра и его реформы, которыя такъ характеризуютъ времена Бѣлинскаго. Тяжелое чувство настоящей дѣйствительности внушало естественную антипатію къ старинѣ, завѣщавшей худшія стороны этой дѣйствительности; старая Русь казалась олицетвореніемъ застоя и невѣжества; реформа Петра внушала пламенное сочувствіе, какъ энергическій переворотъ, совершенный въ пользу образованія и, слѣдовательно, нравственнаго освобожденія націи. И эта вражда, и возвеличеніе умѣрились потомъ подъ вліяніемъ

болѣе близкаго и хладнокровнаго изученія, но ихъ источникъ не исчезъ, и ходъ понятій, совершаясь въ области новыхъ, болѣе богатыхъ чѣмъ прежде, данныхъ, сохранилъ свой основной характеръ. Въ литературѣ сохранилось и развилось извѣстное скептическое отношеніе къ традиціоннымъ идеямъ, или просто критическое отношеніе къ нимъ, которое въ нашемъ обществѣ, не привыкшемъ ни къ какой серьезной и сколько-нибудь глубокой критикѣ, сочтено было за скептицизмъ, за невѣріе, за отсутствіе всякаго идеала. Въ устахъ консервативнаго или ретроградкаго лагеря этотъ критическій взглядъ уже на первыхъ порахъ возбудилъ страшную вражду, и для обозначенія этого взгляда принятъ былъ терминъ «отрицанія» — какъ говорили еще о Чацкомъ: «все отвергаетъ». Что́ же это за «отрицаніе»? Если уже Бѣлинскаго обвиняли въ свое время въ «отрицаніи», то на позднѣйшую литературу, продолжавшую его дѣло, эти обвиненія посыпались въ громадномъ количествѣ, особенно въ послѣдніе годы, когда литература вступила на свою открыто-реакціонную дорогу. Обвинители до сихъ поръ ни разу не имѣли настолько ума, или настолько безпристрастія и честности, чтобы вникнуть въ его настоящее значеніе: они набросились на случайныя крайности и сдѣлали изъ нихъ corpus delicti для цѣлаго общественнаго направленія; но обвинители забыли, что такія крайности или искаженія незбѣжны всегда, когда извѣстное понятіе дѣлается достояніемъ значительной части общества; они забывали дальше, что самая возможность и характеръ этихъ крайностей были прямымъ результатомъ старыхъ общественныхъ нравовъ, и что наконецъ, сколько бы ихъ ни было, онѣ все-таки не равнялись тому количеству нравственнаго уродства, какимъ изобилуютъ принципы и дѣянія консервативнаго лагеря. Толпа, въ которой всегда преобладаютъ люди мало думающіе, сочла это «отрицаніе», на которое ей указывали, за полное отсутствіе вѣры во что-нибудь, за «нигилизмъ», которому, по обычаю толпы, приданъ былъ тотчасъ же самый нелѣпый и даже порядочно отвратительный смыслъ [1]. Но со стороны людей серьезныхъ было бы лицемѣріемъ или ребячествомъ думать, будто бы характеръ новаго литературнаго и общественнаго направленія ограничивался

[1]) Въ жизни если и есть нѣчто похожее на «нигилизмъ», то оно создано романомъ «Отцы и Дѣти», точно также какъ «Герой нашего времени» расплодилъ мнимыхъ Печориныхъ. Въ романѣ нарисована была будто бы современная фигура, и люди ограниченные приняли ее за новѣйшую модную картинку. Писаревъ, принявши Базарова серьезно, много помогъ успѣху этой картинки. «Отцы и Дѣти» породили потомъ, какъ извѣстно, цѣлую школу беллетристики, съ которой, надобно полагать, г. Тургеневъ вѣроятно не особенно желаетъ считаться солидарнымъ.

только невѣріемъ ни во что: такое невѣріе легко могло быть качествомъ людей избалованныхъ, ничего не дѣлающихъ, барски-лѣнивыхъ, людей, каковы были Онѣгины, Печорины, ограниченные Тамарины и пр.; но вовсе не такихъ людей, какъ главные представители современнаго скептическаго направленія. Къ сожалѣнію, рамки, въ которыхъ поставлена наша литература, никогда еще не давали этому направленію высказаться со всей искренностью и полнотой; но и безъ того для всѣхъ безпристрастныхъ и неглупыхъ людей должно быть понятно, что «отрицаніе», какимъ характеризуютъ это направленіе, имѣло и имѣетъ весьма положительную подкладку—вольно было писателямъ, трактовавшимъ его въ беллетристической формѣ, не имѣть настолько пониманія, чтобы не увидѣть ее, и честной смѣлости признать ее. Чтобы объяснить свою мысль, назовемъ Добролюбова. Его дѣятельность кончена и у всѣхъ передъ глазами. Было бы злостной клеветой или пошлымъ лицемѣріемъ говорить, чтобы то «отрицаніе», которое высказывается въ его сочиненіяхъ, было однимъ капризнымъ легкомысліемъ, отсутствіемъ убѣжденій и идеаловъ, сухостью сердца,—какъ это говорилось о немъ прямо или косвенно; напротивъ, безпристрастному человѣку нельзя не видѣть, что источникъ его отрицанія, злой иронической насмѣшки, лежалъ въ глубоко-любящей душѣ, которая оскорблялась зрѣлищемъ общественной дѣйствительности, представлявшей, къ сожалѣнію, слишкомъ обильные поводы къ сомнѣнію, ироніи и отрицанію. Если читатель Добролюбова сколько-нибудь вникнетъ въ его основныя мысли и побужденія, передъ нимъ откроется рядъ самыхъ положительныхъ представленій — общественныхъ, нравственныхъ, литературныхъ, которыя составляли основу его убѣжденій и были его критеріумомъ. Ему было ненавистно въ литературѣ все фальшивое, надутое и ничтожное, чего такъ много въ ней бывало и бываетъ; ему было ненавистно противорѣчіе извѣстной гладенькой, ничтожной литературы съ дѣйствительностью, которая требовала наконецъ какого-нибудь серьезнаго слова; онъ не выносилъ литературы, въ которой «все обстояло благополучно», которая принимала видъ глубокомысленно-серьезной учености или видъ тонкаго, изящнаго «искусства», не имѣя за душой ни единой серьезной мысли или ничего похожаго на дѣйствительно высокое поэтическое вдохновеніе; но онъ съ истинной любовью встрѣчалъ въ ней все, въ чемъ было живое человѣческое и гражданское чувство и умная мысль,—такъ встрѣтилъ онъ первую знаменитую статью г. Пирогова о воспитаніи; онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за лучшими явленіями такъ-называемой худо-

жественной литературы, и не одинъ изъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ встрѣтилъ въ его критическихъ статьяхъ столь умную и широкую оцѣнку своихъ поэтическихъ замысловъ, что она давала имъ даже больше значенія умственнаго и общественнаго, чѣмъ, быть можетъ, сознавали сами авторы. Литература была страстью Добролюбова, и это было понятно: въ нашей жизни литература до сихъ поръ остается единственнымъ средствомъ высказываться, внушать обществу болѣе разумныя понятія о вещахъ, разъяснять ему нравственно-общественныя требованія. Но дѣйствительная жизнь и большинство литературы вообще такъ противорѣчили его идеальнымъ представленіямъ, что гораздо чаще, чѣмъ сочувствіе, возбуждались въ немъ движенія совершенно иного рода, — отсюда господство его ироніи, которую большинство принимало за всеобщій смѣхъ, за отсутствіе всякихъ симпатій и идеаловъ. Рѣдкое остроуміе его критическихъ статей и сатирическихъ стихотвореній накопляло цѣлыя массы смѣшного, крупнаго и мелкаго, и это конечно создавало ему враговъ во всѣхъ, кого постигала эта насмѣшка. Конечно, не все, на что онъ нападалъ, было одинаково важно или одинаково вредно, и нѣкоторое хладнокровіе, быть можетъ, умѣрило бы иной разъ желчность его сатиры; но если этого не случилось, на это были достаточныя причины—то время было болѣе полно надеждами чѣмъ послѣдующее и нынѣшнее время, и не одному Добролюбову казалось тогда, что наступаетъ эпоха новаго общественнаго труда и новой постановки понятій и проведенія ихъ въ жизнь, и съ другой стороны, и это главное, Добролюбовъ былъ замѣчательно энергическая и цѣльная натура, которая не хотѣла—и имѣла на то внутреннее право сильнаго дарованія—вступать въ компромиссы;—онъ видѣлъ конечно, какъ это возстановляло противъ него цѣлую массу литературной и другой вражды, но онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы выдержать ее, и несомнѣнно выдержалъ бы ее, еслибъ эта вражда осталась на литературной почвѣ. Наконецъ для тѣхъ, кто хочетъ колоть Добролюбова параллелью съ Бѣлинскимъ, мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Пусть эти поклонники Бѣлинскаго припомнятъ, что его идеальные интересы были также не только литературно-эстетическіе, но и общественные; что общественное «отрицаніе» Бѣлинскаго было все-таки гораздо сильнѣе, чѣмъ имъ теперь кажется, и они должны бы были помнить объ этомъ изъ его разговоровъ, или изъ его переписки, напримѣръ, изъ извѣстнаго историческаго письма къ Гоголю. Вся разница съ Добролюбовымъ та, что прошло нѣсколько времени общественной жизни и сюжеты отрицанія опредѣлились ярче прежняго и стали дос-

тупнѣе для литературы; Добролюбовъ уже воспринялъ результаты, добытые прежней литературой, и съ самаго начала стоялъ на томъ пунктѣ, котораго достигъ Бѣлинскій къ концу своей дѣятельности. Направленіе не было совершенно ново; нова была честная открытая энергія, съ которой Добролюбовъ работалъ въ литературѣ противъ отжившихъ традицій и общественнаго лицемѣрія, — потому что «беззавѣтнаго увлеченія» и «преданности правдѣ» было здѣсь гораздо больше, чѣмъ могли уразумѣть его обличители.

Добролюбовъ былъ высоко талантливымъ и характеритическимъ представителемъ новыхъ стремленій литературы и конечно навсегда останется одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ ея исторіи. На эту личность достаточно было бы указать въ отвѣтъ на тѣ инсинуаціи объ «отрицаніи», которыя теперь въ такомъ ходу. Главныя обвиненія и вопли противъ отрицанія начались позже, когда Добролюбова уже не стало. Понятно, что враждебному лагерю, стоявшему за предметы этого отрицанія, не было никакого разсчета понимать его дѣйствительнаго объема и значенія; одни ихъ и дѣйствительно не понимали, другіе увидѣли, что гораздо выгоднѣе вовсе не замѣчать ихъ присутствія и просто обвинять противниковъ въ недостаткѣ патріотическаго чувства и гражданской благонамѣренности;—такъ и поступили тѣ «патріоты-шулера», которыхъ въ тѣ времена хорошо изобразилъ «День». Но, какъ мы замѣтили, скептическое настроеніе этой, развивавшейся тогда, литературы имѣло слишкомъ достаточныя логическія основанія, которыхъ не могъ бы не видѣть человѣкъ безпристрастный и умный. Едва ли нужно много говорить о томъ, къ какимъ вопросамъ сводилось содержаніе этого критическаго взгляда. Въ современной дѣйствительности это былъ все тотъ же разладъ общественныхъ нравовъ съ самыми умѣренными идеальными понятіями, какія внушаетъ человѣку образованіе; тотъ же разладъ, который издавна стала сознавать наша литература, къ которому въ разной степени и въ разной формѣ возвращались всѣ лучшіе ея писатели новаго времени, но который литература начинала наконецъ понимать и представлять болѣе опредѣленнымъ образомъ. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ этотъ разладъ какъ будто начиналъ находить себѣ примиреніе: тогда было общимъ голосомъ желаніе и предложеніе различныхъ реформъ для улучшенія учрежденій, для возбужденія общественной самодѣятельности и т. д., и литература, какъ извѣстно, преисполнилась чрезвычайнымъ усердіемъ къ общественнымъ вопросамъ; но въ людяхъ, болѣе серьезно смотрѣвшихъ на дѣло, уже вскорѣ сталъ простывать первый жаръ увлеченій и

надеждъ, и они начинали предвидѣть, что многое изъ этихъ надеждъ останется только благимъ желаніемъ и едва ли скоро дѣломъ, что старые нравы и привычки еще слишкомъ сильны въ большинствѣ и что истинное улучшеніе общественнаго состоянія могло бы быть произведено только гораздо болѣе глубокими реформами, чѣмъ тѣ, до которыхъ способна была додуматься общественная масса. Это было конечно заключеніе самое обезнадеживающее, но, къ сожалѣнію, очень справедливое: прошло немного лѣтъ и общество, еще недавно столь либеральное, вернулось опять на свою старую дорогу. Гдѣ же причины этого безсилія, этой крайней несостоятельности общественныхъ понятій, въ которой надобно было еще разъ убѣждаться? Сомнѣніе, возбуждаемое современнымъ обществомъ, естественнымъ образомъ переходило на его и прошедшее, и по прежнему, но сильнѣе, чѣмъ прежде, стала чувствоваться необходимость исторически провѣрить тѣ принципы, на которыхъ совершалось его развитіе. Эти принципы, вообще, конечно не имѣли въ себѣ ничего такого исключительнаго, что́ бы принадлежало только русской жизни, что́ ставило бы ее внѣ общечеловѣческихъ условій и исключало сравнительно-историческіе выводы, — какъ это часто утверждали славянофилы и квасные патріоты, — а это сравнительно-историческое изученіе не могло не указывать истинной цѣнности тѣхъ идей, на которыхъ строилась старая русская жизнь и изъ которыхъ хотятъ навсегда сдѣлать условіе и новой русской жизни. Если бы у насъ была сколько-нибудь живая историческая литература, отъ нея надо было ждать какого-нибудь отвѣта на эти вопросы...

Въ такомъ положеніи находится броженіе общественныхъ понятій и вмѣстѣ представленій о свойствахъ исторической русской жизни, достоинствѣ ея традицій и ея настоящихъ результатахъ. Понятно, что различіе двухъ точекъ зрѣнія, доходящее до прямой противоположности, можетъ быть выяснено и опредѣлено только ближайшимъ изслѣдованіемъ тѣхъ вопросовъ, на которыхъ сосредоточивается сущность разногласія. Къ сожалѣнію, какъ мы замѣчали, литература до сихъ поръ мало сдѣлала въ этомъ отношеніи, хотя, кажется, не столько по недостатку силъ или желанія, сколько просто потому, что не могла этого сдѣлать при ея неблагопріятныхъ условіяхъ, исключающихъ возможность вполнѣ свободной критики; между тѣмъ въ ней именно были бы необходимы и могли бы быть полезны труды, направленные къ изслѣдованію процессовъ и оцѣнкѣ результатовъ историческаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ разъясненію тѣхъ туманныхъ понятій, заблужденій и самообольще-

ній, которыя господствуютъ въ огромномъ большинствѣ общества. Вотъ почему въ особенности пріобрѣтаетъ большой интересъ вышедшій недавно трудъ г. Щапова. Предметъ его—одинъ изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ, какіе только представляются русскому историку и просто образованному человѣку.

Первый трудъ г. Щапова, обратившій на себя вниманіе своими достоинствами, было его извѣстное изслѣдованіе о расколѣ, одно изъ первыхъ, гдѣ этотъ предметъ изслѣдовался дѣйствительно съ научными пріемами, какъ живое историческое явленіе народной жизни. За этой книгой слѣдовалъ рядъ общихъ очерковъ и частныхъ изысканій: «Великорусскія области и смутное время 1606—1613 г.»; «Земство и расколъ»; «Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія (православнаго и старообрядческаго)»; «Этнографическая организація русскаго народонаселенія»; «Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія»; «Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи» [1]), и наконецъ, замѣчательныя этнографическія изслѣдованія, сдѣланныя г. Щаповымъ уже въ Сибири, въ отдаленномъ Туруханскомъ краѣ, по порученію Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. Въ этихъ трудахъ г. Щаповъ обращался вообще къ тѣмъ сторонамъ старой жизни и тѣмъ явленіямъ историческаго развитія, которыя до сихъ поръ оставались, несмотря на всю ихъ важность, наименѣе разработанными. Таковы вопросы о ближайшемъ опредѣленіи естественныхъ вліяній страны, дѣйствовавшихъ на складъ народнаго ума и характеръ быта; о первоначальныхъ этнографическихъ свойствахъ племени и его дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ; объ исторіи народныхъ представленій о природѣ, человѣкѣ, религіи и т. д., какъ онѣ складывались въ доисторическія времена язычества и потомъ перерабатывались подъ вліяніемъ византійскаго христіанства; о позднѣйшихъ явленіяхъ въ области народной религіозной мысли, о характерѣ самодѣльной религіи народа,—расколѣ; объ общественныхъ представленіяхъ и обычаяхъ, развившихся въ народѣ независимо отъ административныхъ порядковъ его жизни или наперекоръ имъ; о современномъ характерѣ народнаго ума и т. д. Труды г. Щапова не свободны отъ недостатковъ: до сихъ поръ они оставались чрезвычайно отрывочны; начатые по широкой программѣ, рѣдко доводились до конца; отыскивая характеристическія черты народной жизни, авторъ нерѣдко, преувеличивалъ ихъ значеніе и слишкомъ рельефно изо-

---

[1]) Эти изслѣдованія печатались въ «Отеч. Запискахъ», въ «Библ. для Чтенія», «Времени», «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія», въ «Русскомъ Словѣ» и «Дѣлѣ».

отражая сочувственныя ему стороны их, забывалъ о другихъ явленіяхъ и фактахъ, ограничивавшихъ ихъ дѣйствительное значеніе, и оттого нерѣдко впадалъ въ большія заблужденія. Но при всѣхъ подобныхъ недостаткахъ, труды его не могутъ не вызывать большого сочувствія по свѣжести мысли, по живой любви къ изученію коренныхъ, слишкомъ забытыхъ сторонъ народной жизни, нерѣдко по замѣчательному умѣнью схватывать характеристическія особенности, переноситься въ бытъ старыхъ далекихъ временъ и вникать въ его жизненныя представленія. Это качество, способность живого пониманія историческихъ эпохъ, чрезвычайно рѣдко между нашими историками: большинство ихъ относится къ дѣлу съ такою книжною сухостію, съ такимъ безучастіемъ смотритъ на движущія силы исторической жизни, съ такою оффиціальною безжизненностію повторяетъ давно избитыя вещи, что живое отношеніе къ дѣлу, какое мы встрѣчаемъ въ трудахъ г. Щапова, представляется очень пріятнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Тема, на которой онъ остановился нынѣшній разъ, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ любопытныхъ темъ нашей исторіи.

Вопросъ объ умственномъ развитіи русскаго народа не представляетъ особенныхъ историческихъ трудностей, если взять его въ прямомъ тѣсномъ смыслѣ: не трудно было бы, собравши главнѣйшія данныя разныхъ періодовъ, увидѣть объемъ понятій и знаній и опредѣлить умственный уровень общества сравнительно съ содержаніемъ современной общечеловѣческой образованности. Несмотря на то, этотъ вопросъ не меньше, если еще не больше другихъ, былъ запутанъ нашими историками; онъ былъ даже затемняемъ до такой степени, что относительно его до сихъ поръ господствуетъ множество самыхъ странныхъ и нелѣпыхъ представленій. Довольно, напр., вспомнить теорію о гніеніи современнаго Запада, отъ котораго — по словамъ этой теоріи — намъ не только нечего ждать, но и слѣдуетъ всячески удаляться, чтобы не заразиться гніеніемъ и заняться созданіемъ своей самобытной цивилизаціи. Эта теорія, надъ которой довольно смѣялись въ свое время, и которая опять находитъ прозелитовъ въ видѣ поклонниковъ «почвы», «славянской идеи» и т. п., извращаетъ вопросъ объ умственномъ развитіи русскаго народа до крайней уродливости. Теперь опять нерѣдко слышатся голоса, что Западъ намъ не нуженъ, что мы уже достигли всего, что́ можетъ дать европейская цивилизація, что надо строить свою, и для этого стоитъ только черпать въ глубинахъ вѣковой народной мудрости и т. д. Естественная вещь, что въ защиту подобныхъ теорій трудно было бы подъискать какіе-нибудь аргументы въ

исторіи древняго русскаго образованія и что ссылка на него доказала бы нѣчто совершенно противоположное. Но защитники этихъ теорій не затруднялись: они смѣло говорили о замѣчательномъ «духовномъ просвѣщеніи» древней Руси, восхваляли мистическую философію русскихъ аскетическихъ мыслителей, одинъ изъ которыхъ (какъ утверждалъ въ свое время Шевыревъ) опередилъ и превзошелъ глубиной самого Гегеля; они говорили о замѣчательномъ развитіи «языкознанія» въ древней Россіи, доказывали превосходство Нестора надъ какимъ-нибудь западнымъ лѣтописцемъ и т. п.; или, оставляя невыгодныя сравненія древней Руси съ европейскимъ Западомъ въ умственномъ отношеніи, говорили о нравственныхъ ея достоинствахъ, объ идеалѣ кротости въ Ильѣ-Муромцѣ, о теплой вѣрѣ въ старыхъ легендахъ, о трогательной религіозной наивности въ старой живописи, напоминающей Беато Анджелико и т. д. Составлялся рядъ мнимыхъ аргументовъ, при которомъ забывалось только, что «духовное просвѣщеніе», напр., ограничивалось повтореніемъ византійской схоластики и кончилось страшнымъ невѣжествомъ и религіознымъ огрубѣніемъ XVI — XVII столѣтій; что мистическое глубокомысліе русскихъ философовъ на византійскій ладъ вовсе не составляло особенно завиднаго пріобрѣтенія, а скорѣе напротивъ; что превосходство Нестора надъ Ламбертомъ Ашаффенбургскимъ не даетъ никакого правильнаго понятія объ относительномъ объемѣ образованности двухъ странъ; что аргументы отъ нравственныхъ качествъ очень произвольны, особенно когда кротость Ильи-Муромца не безъ основанія подвергается сомнѣніямъ, а трогательная религіозная наивность поэтическихъ легендъ выражалась въ практической жизни безграничнымъ грубымъ суевѣріемъ, которое одинаково господствовало во всѣхъ классахъ народа и не выкупалось до самаго Петра никакимъ признакомъ высшаго образованія въ какомъ-нибудь классѣ общества. Преобладающій результатъ до-петровскаго умственнаго развитія была крайняя бѣдность въ знаніяхъ, даже самыхъ первоначальныхъ, и вражда къ наукѣ какъ дѣлу богопротивному, и это печальное состояніе общества любители археологическихъ идеаловъ представляли чѣмъ-то въ родѣ золотого вѣка «цѣльнаго развитія». Такая же путаница и неясность понятій господствуетъ относительно умственнаго развитія русскаго общества и народа со временъ Петра Великаго. Въ теченіе XVIII-го столѣтія въ нѣсколько образованномъ обществѣ не было, за немногими частными и неважными исключеніями, сомнѣній о значеніи его реформы; Петръ вообще представлялся въ свѣтѣ панегириковъ Ѳеофана и Ломоносова, и это было очень естественно:

память человѣка, «насадившаго науки» въ Россіи, была еще очень свѣжа; наука, еще очень, правда, слабая, была однако предметомъ гордости—она такъ еще недавно была пріобрѣтена, и еще такъ не велико было число людей, которые могли считать себя образованными. Но Карамзинъ — какъ это и было глубоко согласно со всѣмъ его характеромъ—сталъ сомнѣваться въ реформѣ: она не соотвѣтствовала консервативному складу его понятій, и московскій царь XV-го вѣка нравился ему больше. Эта антипатія къ реформѣ достигла своего апогея въ старой славянофильской школѣ. «Петербургскій періодъ» казался ей только насильственнымъ и логически-ошибочнымъ перерывомъ стараго русскаго развитія, неправильнымъ толчкомъ въ сторону отъ прямой настоящей дороги (свою собственную дѣятельность эта школа представляла какъ бы продолженіемъ, вновь завязанной нитью этого прерваннаго преданія). Такъ какъ à priori предполагалось, что народъ историческій долженъ имѣть свою особую цивилизацію, имъ самимъ созданную соотвѣтственно его истинному характеру, то такая цивилизація поставлена была и задачей для русскаго народа. Рядомъ съ этимъ развилась и упомянутая теорія о гніеніи Запада, которое служило лишнимъ аргументомъ для поощренія русскихъ чисто-народныхъ стремленій; и если связь съ Европой была въ XVIII-мъ вѣкѣ роковой ошибкой Петра, то еще меньше увлеченіе западными идеями могло найти оправданіе въ наше время. Легко себѣ представить, какую путаницу понятій порождало такое ученіе. Когда въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ русской образованной жизни развилось то стремленіе къ народному, о которомъ мы выше говорили, и въ литературѣ стали впервые сказываться чисто русскіе мотивы содержанія и формы, это былъ конечно несомнѣнный успѣхъ общественнаго самосознанія, но въ то время далеко немногіе поняли настоящій смыслъ этого движенія и его отношеніе къ умственнымъ задачамъ, которыя лежали передъ русскимъ обществомъ. Многимъ показалось, что это обращеніе къ народному есть уже вѣнецъ дѣла, — когда оно было только его началомъ: отсюда выходила та преувеличенная оцѣнка этой едва только завязавшейся связи съ народомъ, какую мы нерѣдко встрѣтимъ въ тогдашней литературѣ. Немного было людей, которые при этомъ интересѣ къ народу главнымъ образомъ руководились побужденіями общественнаго, гражданскаго свойства и сохранили должное критическое отношеніе къ культурной сторонѣ дѣла, къ степени умственнаго развитія народа; только эти немногіе цѣнили вѣрно настоящее положеніе этого развитія, его недостатки и тѣ усилія, какія еще должны пред-

стоять народу и обществу на этой дорогѣ. Но другіе, и такихъ было очень много, теряли это критическое отношеніе; они думали, что уже *такое*, какое тогда было, сближеніе съ народомъ или изученіе народной жизни разрѣшаетъ всѣ вопросы, предстоящіе обществу, и впадали въ славянофильство—совсѣмъ или почти совсѣмъ: имъ казалось, что размѣры русскаго умственнаго развитія уже очень значительны, что мы усвоили себѣ европейскую науку и пріобрѣли столько самостоятельности, что можемъ презрительно относиться къ нашему прежнему подчиненію западной образованности и можемъ заняться созиданіемъ своихъ собственныхъ философскихъ и общественныхъ теорій, на основаніи своихъ особенныхъ «русскихъ идей»; или вообще, увидѣвъ въ тогдашней, даже оффиціально провозглашенной «народности» послѣдній пунктъ дороги, открытой Петромъ Великимъ для русской государственной и умственной жизни, сочли возможнымъ и приличнымъ успокоиться на лаврахъ и принять тонъ самодовольнаго отношенія къ Европѣ. Чистое славянофильство имѣетъ, собственно говоря, немного приверженцевъ въ нашемъ обществѣ и литературѣ; но славянофильство смѣшанное, или новыя видоизмѣненія квасного патріотизма, преувеличенныя понятія о размѣрахъ русскаго мышленія, чрезвычайно распространены, и въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ, конечно, очень вредны. Въ послѣдніе годы, въ особенности, приходится читать и слышать много задорныхъ самовосхваленій и вызововъ Европѣ: то мы узнаемъ въ одно прекрасное утро, что у насъ господствуетъ такая же свобода слова, какъ въ Нью-Іоркѣ, то мы причисляемъ къ своимъ героямъ Гуса, который будто бы только примѣнивши наши принципы, началъ великій переворотъ въ умственной жизни Европы, — то мы говоримъ о міровомъ значеніи русскаго языка и литературы, то собираемся присоединять англиканскую церковь и т. д. Все это обнаруживаетъ такія странныя понятія о размѣрахъ нашей цивилизаціи и ея отношеніяхъ къ цивилизаціи европейской и американской, что становится печально за наше «самосознаніе». Правда, что изреченія г. Погодина о Нью-Іоркѣ или о Гусѣ считаются просто за шутовство; но если его такъ много, что думать объ этомъ господствѣ шутовства?

Настоящій трудъ г. Щапова есть только отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія объ умственномъ развитіи русскаго народа, какъ говоритъ авторъ въ примѣчаніи на первой страницѣ. Такимъ образомъ, по плану автора, который впрочемъ не говоритъ ничего о дальнѣйшихъ частяхъ этого плана, въ

настоящемъ случаѣ онъ останавливается только на одной сторонѣ своего предмета, на соціально-педагогическихъ условіяхъ, подъ которыми совершалось это развитіе. Тѣмъ не менѣе точка зрѣнія, принятая здѣсь авторомъ, ставитъ вопросъ столь широко, что изслѣдованіе обнимаетъ многія самыя существенныя условія русскаго умственнаго развитія. Мы постараемся указать сущность положеній г. Щапова.

Авторъ съ первыхъ строкъ выставляетъ то основное явленіе, которое проходитъ черезъ всю исторію русскаго народа и своими послѣдствіями чрезвычайно замедляетъ его умственное развитіе и въ старину и въ настоящее время. Этимъ явленіемъ было преобладаніе, въ теченіе многихъ вѣковъ, практической работы надъ теоретической мыслью, внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, рабочаго народа надъ мыслящимъ классомъ, и вслѣдствіе того крайняя слабость теоретическаго мышленія въ народѣ: въ теченіе многихъ вѣковъ высшія способности ума, логическое отвлеченіе, сравненіе, обобщеніе не развивались вовсе, и народъ, несмотря на тѣсную связь своего труда съ областію природы, несмотря на необходимость изученія свойствъ и вліяній этой природы, остался надолго, а въ массѣ и до сихъ поръ, на самой низшей ступени пониманія природы, на чисто чувственной, реальной наглядности. Для созданія научной отвлеченной мысли недостаточно однако этой одной внѣшней наглядности, и такъ какъ у русскаго народа не работали высшія способности ума, то онъ не могъ никогда создать науки, и не способенъ былъ къ той умственной дѣятельности, которая въ западной Европѣ уже въ средніе вѣка заявила себя пытливостью схоластиковъ и началомъ скептицизма и приготовила великое движеніе европейской мысли со временъ возрожденія наукъ и до настоящаго времени. Указанная характеристическая черта проходитъ цѣликомъ черезъ весь древній періодъ русской исторіи, и своимъ долгимъ вліяніемъ на народный умъ дѣйствовала крайне невыгоднымъ образомъ на умственное развитіе націи и въ эпоху послѣ-петровскую, когда явилось наконецъ сознаніе этой умственной слабости и желаніе восполнить отсутствіе образованія и умственнаго развитія, тяготѣвшее такъ долго надъ русскимъ народомъ.

Что это основное явленіе и обширность его вліянія указаны здѣсь совершенно вѣрно, въ этомъ не будетъ сомнѣваться ни одинъ безпристрастный человѣкъ. Все дальнѣйшее изложеніе г. Щапова посвящено объясненію и доказательству этого общаго взгляда: сначала онъ указываетъ историческое развитіе этого характеристическаго явленія, затѣмъ подробно излагаетъ его по-

слѣдствія, которыя отражаются на современномъ состояніи русскаго умственнаго развитія.

Впрочемъ г. Щаповъ мало останавливается на тѣхъ первоначальныхъ причинахъ, которыя вызвали это явленіе, вѣроятно предполагая объяснить ихъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ онъ видитъ эти коренныя причины очень далеко — въ племенныхъ свойствахъ народа. Въ историческомъ народѣ не было ни высшей дѣятельности мысли, ни мыслящаго класса, потому что ихъ не было и въ зародышѣ его исторіи, въ первоначальномъ племени, изъ котораго онъ вышелъ. «Племена, вошедшія въ составъ русскаго народа, общества и государства, въ началѣ русской исторіи стояли еще на самой низкой, примитивной степени своего интеллектуальнаго развитія. Со временемъ,—говоритъ г. Щаповъ,—эту мысль во всей точности и подробности раскроетъ и подтвердитъ и историко-этнологическая краніологія племенъ, начинавшихъ русскую исторію». Сославшись на антропологическія изысканія московскаго общества любителей естествознанія, правда еще весьма немногія, авторъ принимаетъ, что врожденныя свойства племени не были благопріятны для самостоятельной умственной дѣятельности и въ немъ не могъ выдвинуться самостоятельный мыслящій классъ. Какъ ни шатки еще эти антропологическія изысканія, — которымъ однако несомнѣнно предстоитъ внести свои выводы въ рѣшеніе этого вопроса, —авторъ находитъ подтвержденіе своего положенія въ чертахъ древнѣйшаго славянскаго и русскаго быта. Въ этомъ быту, предшествовавшемъ исторической жизни и еще хорошо памятномъ первымъ лѣтописцамъ, дѣйствительно было еще полное господство фетишизма и грубѣйшихъ миѳологическихъ формъ; въ этомъ быту не было отвлеченнаго понятія о божествѣ или даже такихъ антропоморфическихъ представленій, какъ въ миѳологіи грековъ и римлянъ, и наконецъ, въ немъ еще не успѣлъ образоваться жреческій классъ вѣдуновъ или знахарей, — и самое знахарство, неорганизованное и случайное, не руководилось никакими здравыми началами мысли, а только галлюцинаціоннымъ, миѳико-фантастическимъ настроеніемъ. Вслѣдствіе того русское племя, лишенное и умственной самостоятельности и руководящаго мыслящаго класса, «необходимо должно было подчиняться, во-первыхъ, интеллектуальному вліянію и господству скандинаво-германскихъ, варяжскихъ князей и дружинниковъ, имѣвшихъ больше возможности интеллектуально развиться подъ вліяніемъ обширныхъ морскихъ походовъ, морской торговли и пр., во-вторыхъ, интеллектуальному перевѣсу византійской церковно-учительной іерархіи, сильной и вліятельной

если не физико-математическимъ ученіемъ Аристотелей, Эвклидовъ, Эратосѳеновъ, Архимедовъ и пр., то догматикой Златоустовъ, Григоріевъ Назіанзиновъ, Іоанновъ Дамаскиныхъ и пр.».

Такимъ образомъ призваніе варяговъ и принятіе христіанства, два господствующія событія древнѣйшей русской исторіи, были въ тѣсной связи съ состояніемъ умственнаго развитія народа, были неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ. Масса народа, занятая физическимъ трудомъ, и на той степени умственнаго развитія, необходимо должна была подчиниться вліянію такого класса, который «будучи свободенъ отъ физическихъ работъ народа, болѣе или менѣе превосходилъ его по развитію своей физической или интеллектуальной силы и вліятельности». Эти классы явились съ варягами и греками. Поэтому русскій народъ, при первомъ появленіи своемъ въ исторіи, и подчиняется, въ самомъ воспитаніи своей мысли, во-первыхъ, византійскому церковно-учительному классу, который явился сначала въ лицѣ византійскихъ грековъ, составлявшихъ первую русскую церковную іерархію, и «затѣмъ, будучи свободенъ отъ работъ черныхъ людей и обезпеченъ жалованными десятинами, землями и работами народными, мало-по-малу организовался въ самобытный, византійско-славянскій церковно-учительный классъ, ставшій надолго во главѣ умственнаго воспитанія и направленія русскаго народа»; во-вторыхъ, русскій народъ, испытавши недостаточность своего земскаго порядка, самъ, вмѣстѣ съ финскими племенами, подчинился власти варяжскаго княжескаго рода, «который потомъ, обрусѣвши и вѣнчавшись византійской мономаховой діадемой, мало-по-малу возвысился въ наслѣдственный родъ или домъ самодержцевъ всероссійскихъ и сталъ главнымъ самодержавнымъ регуляторомъ всей умственной жизни русскаго народа и общества». Причина, почему именно отсюда пришли эти новыя силы, лежитъ въ природномъ положеніи русской земли, на пути «изъ варягъ въ греки». Этимъ путемъ и пришли два умственно-вліятельные класса.

Оба они дѣйствовали согласно. Варяжскіе князья приняли христіанство, власть вступила въ тѣсный союзъ съ церковью, и весь характеръ стараго русскаго образованія опредѣлился византійскими преданіями, орудіемъ которыхъ былъ русскій церковно-учительный классъ. Вліяніе Византіи было полное, господствующее. Для умственнаго развитія древней Россіи оно имѣло самые печальные результаты: оно не помогло, наслѣдованному отъ старины, отсутствію высшей умственной дѣятельности, и даже поставило ему помѣху въ будущемъ, давъ умамъ совершенно исключительное, ненаучное направленіе. Особенности византійскаго

вліянія г. Щаповъ опредѣляетъ двумя чертами: во-первыхъ, совершеннымъ преобладаніемъ восточно-византійскаго теологическаго начала надъ классико-космологическимъ (т. е. надъ старыми преданіями классической литературы, сохранявшей результаты греческой и римской философіи и естествознанія) и, во-вторыхъ, совершеннымъ преобладаніемъ вѣры и нравственнаго начала надъ разумомъ и мыслью.

Византія и не могла оказать иного вліянія. Періодъ восточной имперіи былъ уже временемъ смерти для старой классической литературы и науки. Византія съ первыхъ шаговъ своего существованія отказалась отъ преданій классическаго міра, какъ языческихъ, и всѣ свои силы употребила на метафизическую теологію.

«При выродившейся наукѣ,—говоритъ авторъ,—Византія, очевидно, не могла возбудить и импульсировать развитія научной мыслительности въ русскомъ народѣ. Въ самомъ христіанскомъ ученіи, Византія, въ длинный періодъ схоластико-догматическихъ словопреній, почти нисколько не развивала умственно-образовательныхъ идей христіанства о человѣкѣ, объ обществѣ и общественныхъ отношеніяхъ, о началахъ любви и братства и т. п. Въ это время она только выработала и твердо, неподвижно установила догматъ о трехъ ипостасяхъ божества, о поклоненіи св. иконамъ, о почитаніи Богородицы и святыхъ, и разработала въ восточномъ духѣ церковную архитектуру, церковное богослуженіе, церковное пѣніе и церковную обрядность. Все это Византія передала и Россіи. Порабощенная и угнетенная потомъ турками, она и вовсе поступилась тѣми умственно-образовательными средствами, завѣщанными древне-греческимъ знаніемъ, какія представляли, напр., творенія Аристотеля, Птолемея, Эвклида, Гиппократа и другихъ классическихъ геніевъ. Всѣ ея древнія рукописи достались не Россіи, а Западу. Такимъ образомъ западные умы, предвосхитивши произведенія классическаго греческаго генія, напередъ импульсированы были ихъ идеями къ могучему научному развитію, а Россія лишилась и этого умственно-образовательнаго импульса и отстала отъ Запада».

Этотъ переходъ остававшагося въ Византіи классическаго наслѣдія на Западъ очень характеристично опредѣляетъ русскія отношенія къ Византіи. Къ намъ шло одно только церковное и вѣроучительное содержаніе ея литературы; никакія знанія классическаго вѣка, философскія и космологическія, которыя могли бы возбуждающимъ образомъ дѣйствовать на мысль—не проникали къ намъ совершенно, не смотря на тѣсныя связи съ византійцами: у насъ не оказывалось ни интереса къ этимъ зна-

ніямъ, ни пониманія. Единственныя космологическія свѣдѣнія, отвѣчавшія тогдашнему характеру русской мысли, были тѣ, какія представлялъ Козьма Индикопловъ; и въ то время, когда Колумбъ уже открывалъ Америку, и еще долго послѣ того русскіе твердо держались воззрѣній VI-го вѣка и воображали землю четвероугольной плоскостью, со стѣнами и небомъ въ видѣ крыши, съ адомъ подъ землей и царствомъ небеснымъ надъ облаками. Послѣ паденія Византіи, тѣ немногіе ученые, которые сберегали классическія преданія, и не подумали искать спасенія въ Россіи для себя и для вывезенныхъ ими произведеній древней литературы: они отправились въ Италію, гдѣ справедливо ожидали себѣ лучшаго убѣжища. Задолго до этого времени Европа уже доискивалась классической науки, и, еще не имѣя подлинныхъ произведеній древности, изучала и заимствовала ихъ изъ третьихъ рукъ, отъ испанскихъ арабовъ. Когда наконецъ, между прочимъ при помощи византійскихъ эмигрантовъ, классическое изученіе расширилось, эпоха Возрожденія отмѣтила собою громадный переворотъ въ движеніи европейской мысли. Понятно, что Россія осталась чужда этому движенію. Въ то время, когда классическое міровоззрѣніе, воспринятое тогда со всѣмъ увлеченіемъ новаго умственнаго интереса, освѣжало европейскую мысль отъ мрачной религіи и схоластики среднихъ вѣковъ, когда рядомъ съ этимъ европейскій умъ приходилъ къ великимъ открытіямъ, уже въ самомъ началѣ указывавшимъ свое міровое значеніе, къ открытію книгопечатанія и новыхъ частей свѣта, когда совершалась реформація,—въ русской умственной жизни продолжался тотъ же застой; но съ теченіемъ времени онъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ настоящей вражды къ наукѣ. Наука сдѣлалась совершенно непонятна старой Россіи: она казалась не только безбожіемъ, но прямымъ внушеніемъ дьявола, или мягче, нечистой силы.

Наши историки обыкновенно стараются обходить это положеніе вещей, и иногда съ нѣкоторою гордостію говорятъ о томъ, что въ Москвѣ стали наконецъ собирать греческія рукописи, что въ патріаршей библіотекѣ находились сокровища классической литературы, что въ Москву пріѣхалъ ученый Максимъ Грекъ и т. д.,—въ доказательство, что и старая Русь имѣла уваженіе къ наукѣ. Довольно однако вспомнить, что въ числѣ этихъ греческихъ рукописей огромное большинство состояло изъ той же византійской литературы, что здѣсь было только самое небольшое число произведеній классической древности, и что эти послѣднія лежали безъ всякаго употребленія, совершенно мертвымъ матеріаломъ. Ученость Максима Грека была опять чисто визан-

тійская: живя и учась въ Италіи, онъ не вывезъ оттуда ничего изъ тѣхъ новыхъ идей, которыя въ то время уже наполняли европейскую литературу; онъ только утвердился въ традиціонной схоластикѣ, которая впрочемъ все-таки далеко превышала тогдашній уровень русскаго разумѣнія. Такимъ образомъ классическія вліянія эпохи Возрожденія остались чужды русской умственной жизни, и г. Щаповъ очень вѣрно указываетъ, что вслѣдствіе того они и послѣ не имѣли никакой органической связи съ этой жизнью. Русскій народъ явился на умственную дѣятельность въ томъ новомъ періодѣ человѣческаго знанія, когда уже завершилось значеніе древней цивилизаціи, и когда это значеніе стало чисто историческимъ, и потому русскому народу суждено закономъ всемірной исторіи возбудиться къ умственной жизни уже новымъ западно-европейскимъ богатствомъ великихъ, міровыхъ идей и открытій, а не старымъ запасомъ зачаточныхъ знаній классическаго міра. Классицизмъ теперь отжилъ свое время и сталъ чисто археологической силой, и потому въ русскихъ школахъ съ XVIII-го вѣка онъ былъ уже анахронизмомъ и мертвою буквою: такимъ же или еще худшимъ анахронизмомъ онъ остается конечно и въ наше время, въ нынѣшнихъ школахъ.

Итакъ, византійское церковное ученіе въ своемъ исключительно теологическомъ и нравоучительномъ направленіи, нисколько не заботилось объ умственномъ развитіи. Правда, что заботы о нравственномъ образованіи могли быть очень необходимы для искорененія той грубости нравовъ, какая господствовала въ русской жизни. Но упущеніе образованія научнаго дѣлало то, что не достигались и цѣли нравственныя. За недостаткомъ развитія теоретическаго разума, не развивался и разумъ практическій, и дѣйствительно русскіе нравы XVI — XVII вѣка мало говорятъ о пользѣ нравоученій византійской литературы. Г. Щаповъ приводитъ изъ Посошкова описаніе жизни русскихъ дворянъ при Петрѣ Великомъ: они бѣгали отъ ученія и отличались самыми грубыми нравами—разбойничали цѣлыми бандами, въ кулачныхъ бояхъ находили пріятное развлеченіе, безнаказанно мучили крестьянъ, погрязали въ пьянствѣ, воровствѣ и другихъ порокахъ, вели себя въ деревнѣ «какъ львы», и уклоняясь отъ ученія, котораго требовалъ Петръ, залѣзали въ озеро по бороду, уходили даже къ раскольникамъ въ лѣсные скиты... Далѣе, это упущеніе умственнаго образованія совершенно отдалило народъ отъ всякой науки, и сдѣлало ее не только ему чуждой, но и возбудило къ ней суевѣрную боязнь и отвращеніе, и не только въ массѣ, но и въ высшихъ классахъ стараго русскаго обще-

ства. Наконецъ, это особенное распространеніе одной вѣры, не осмысленной знаніемъ, порождало страсть къ религіознымъ спорамъ, къ богословствованію, порождало множество сектъ и суевѣрій, загромождавшихъ жизнь и вредныхъ для умственнаго развитія, и наконецъ страшную религіозную нетерпимость къ иноземцамъ. До какихъ размѣровъ доходила эта страсть къ религіознымъ вопросамъ и спорамъ, и какое содержаніе было предметомъ этихъ споровъ, объ этомъ множество свидѣтельствъ доставляетъ исторія многочисленныхъ отдѣловъ нашего раскола; еще недавно русское сектаторство обращало на себя общественное вниманіе нѣкоторыми сторонами своими, которыя обнаруживали по истинѣ ужасающіе размѣры религіознаго заблужденія. Съ другой стороны религіозная и національная нетерпимость отразилась опять чрезвычайнымъ вредомъ для образованія, потому что въ старой Россіи совершенно закрывала самые источники, изъ которыхъ русская жизнь могла получать какія-нибудь умственныя возбужденія, а въ новой Россіи продолжала ставить большія препятствія распространенію образованія въ народѣ, потому что вся страшная энергія Петра Великаго не въ состояніи была переломить упорнаго недовѣрія ко всему иностранному, и въ томъ числѣ къ его собственнымъ предпріятіямъ.

Господство византійской системы до Петра Великаго было полное. Сколько ни старался Петръ переломить умственную лѣнь и суевѣрія, которымъ такъ покровительствовала эта система, какъ ни противодѣйствовалъ ей самой, но его усилія не могли однако восторжествовать надъ вѣковыми понятіями. Въ сущности, эта система продолжала сохранять огромное вліяніе и впослѣдствіи: проводникомъ ея въ народной жизни служило тоже полное отсутствіе образованія въ самомъ народѣ и прежнее византійское воспитаніе въ томъ церковно-учительномъ классѣ, который, по прежнему, всего больше близокъ былъ къ народу и могъ имѣть вліяніе на складъ его мнѣній. Воспитаніе духовенства улучшилось противъ того, чѣмъ оно было въ старой Россіи, но и теперь шло въ томъ же самомъ направленіи. Высшія духовныя училища, академіи, основанныя въ Кіевѣ и въ Москвѣ, съ чисто византійскимъ характеромъ, съ конца XVII-го столѣтія все болѣе и болѣе принимали схоластическія формы католическихъ школъ, и стали разсадникомъ низшихъ школъ, воспитывавшихъ духовенство. Схоластическая теологія составляла главный, единственный предметъ изученія, и эта теологія, какъ прежде, исключала всякое другое знаніе реальнаго и свѣтскаго научнаго характера. Г. Щаповъ собралъ нѣсколько самыхъ оригинальныхъ фактовъ въ образчикъ той странной науки, ко-

торая преподавалась въ этихъ учрежденіяхъ. Реформа Петра захватила своимъ первымъ образовательнымъ вліяніемъ только небольшой кругъ людей, который медленно увеличивался, и не говоря о народной массѣ, даже въ высшемъ дворянскомъ слоѣ общества еще долго продолжалъ существовать складъ понятій наслѣдованный отъ старины, прежняя умственная неразвитость, суевѣрія и вражда къ наукѣ.

Этотъ характеръ умственной жизни—отсутствіе самостоятельнаго мышленія, подчиненіе церковно-учительному сословію, отсутствіе въ народѣ свободно-мыслящаго класса—имѣлъ вообще то слѣдствіе, что народъ, какъ въ матеріальномъ быту, такъ и въ умственной своей жизни подчинился вполнѣ государственной системѣ опеки. Народъ наконецъ совершенно сложилъ съ себя умственныя заботы. «Самъ всецѣло занятый вѣковой, страдной борьбой за существованіе среди доставшейся ему на долю суровой сѣверной природы и скупой на дары и трудно-доступной физической экономіи русской земли..., народъ русскій, естественно, въ періодъ колонизаціоннаго земскаго строенія и не имѣлъ достаточно досуга думать, и потому всякія умственныя дѣла, заботы и думы невольно долженъ былъ устранить отъ себя на много вѣковъ, и уступить или предоставить ихъ думѣ правительственной, царской думѣ». Уже въ XVII-мъ столѣтіи эта опека господствовала во всѣхъ областяхъ жизни съ такой силой, что выборные люди, которыхъ царь созывалъ на соборы, обыкновенно отвѣчали на вопросы такъ: «въ томъ какъ тебя, государя, Богъ вразумитъ и твоя государева мысль и воля: то наши рѣчи». Народъ въ самомъ дѣлѣ былъ такъ мало развитъ умственно и имѣлъ такъ мало знаній, что не умѣлъ управляться съ многоразличными дѣлами національнаго хозяйства, и онъ признавался въ этомъ. Царская дума стала думать обо всемъ, и система опеки установилась въ такихъ размѣрахъ, что вся жизнь и вся умственная дѣятельность стали совершаться подъ тѣснѣйшимъ надзоромъ и постояннымъ указаніемъ правительства. Въ XVII-мъ столѣтіи, правительство наконецъ сознало необходимость въ людяхъ свѣдущихъ по разнымъ частямъ управленія и разнымъ отраслямъ промышленности, и уже съ этого времени начинаются многочисленные призывы иностранцевъ на русскую службу, въ армію и на различные промыслы. Если разсматривать дѣятельность Петра съ этой основной точки зрѣнія, то нельзя не придти къ выводу, что онъ дѣйствовалъ вполнѣ согласно съ національными потребностями и высшими національными принципами. Государственная опека была уже установлена задолго до него; въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ готовымъ

оружіемъ — той истинно абсолютной, ничѣмъ не сдерживаемой, деспотической властью, которую сама нація отдавала издавна въ руки своихъ повелителей: «въ томъ какъ тебя, государя, Богъ вразумитъ, и твоя государева мысль и воля: то наши рѣчи». Что же и оставалось дѣлать послѣ этого безсильнаго отказа даже отъ мысли? Петръ и продолжалъ опеку въ томъ направленіи, потребность котораго, какъ мы сказали, была уже очень ощутительна и въ XVII-мъ столѣтіи, когда въ самыхъ элементарныхъ нуждахъ государственной защиты и хозяйства надо было обратиться къ знаніямъ и опыту иностранцевъ. Но геніальность Петра въ томъ и состоитъ, что онъ понялъ эту національную потребность въ просвѣщеніи такъ широко, какъ не понималъ ея еще ни одинъ человѣкъ и до него и въ его время. Геніальность историческаго дѣятеля вообще въ томъ и заключается, что онъ въ массѣ многоразличныхъ движеній и стремленій жизни схватываетъ глубокій основной принципъ развитія и посвящаетъ ему свою дѣятельность. Петръ былъ, правда, одностороненъ и жестокъ въ борьбѣ своей съ враждебной стариной; нельзя оправдывать этихъ мрачныхъ сторонъ его дѣятельности, но русская старина и здѣсь сама подала ему примѣры; царь Иванъ IV гораздо болѣе безсмысленно жестокъ.

Г. Щаповъ нѣсколькими характеристическими фактами очертилъ это происхожденіе и дальнѣйшее господство системы опеки въ продолженіе XVIII и XIX столѣтій. Въ исторіи ея съ Петра Великаго онъ отмѣчаетъ два главные періода: первый, 1700—1815, «періодъ заботы о первоначальномъ, архитектоническомъ обзаведеніи государства низшими и высшими учебными заведеніями, а также наставниками, учебными руководствами и т. д.»; и второй, 1815 — 1850 г. Въ первомъ періодѣ правительственная опека вообще держалась болѣе или менѣе реальнаго направленія, какъ наиболѣе соотвѣтственнаго умственному складу и потребностямъ народа; это реальное направленіе очевидно въ образовательныхъ учрежденіяхъ Петра Великаго, и г. Щаповъ указываетъ его также и въ уставѣ народныхъ училищъ 1786 года, и въ уставахъ гимназій и низшихъ училищъ 1804 года. Къ концу этого періода идеи западнаго образованія оказали вліяніе и на развитіе русской мысли, и тогда, съ 1810, и особенно съ 1815 года, подъ вліяніемъ идей Священнаго Союза начинается новый характеръ опеки, въ которомъ надъ прежнимъ реальнымъ направленіемъ преобладаетъ тенденціозная забота о дисциплинарномъ регулированіи русской мысли и всѣхъ учебныхъ заведеній. Это время началось съ іезуитскаго обскурантизма князя Голицына, и завершалось впослѣдствіи извѣстной программой

народнаго образованія «въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности».

Г. Щаповъ, признавая всю пользу, оказанную русскому просвѣщенію правительственной опекой въ учрежденіи школъ и т. д., указываетъ и тотъ великій вредъ, которымъ она отразилась на умственномъ развитіи народа и общества. Картина, для которой черты онъ беретъ изъ нашей прошлой и особенно современной жизни, весьма безотрадна и, къ сожалѣнію, весьма справедлива. Этотъ вредъ состоялъ въ томъ, что общество, положившись одинъ разъ на заботы правительства, потомъ перестало совсѣмъ само думать о своихъ интересахъ вообще, и особенно умственныхъ. Это было совершенное умственное рабство. Общество пассивно подчинялось всѣмъ воззрѣніямъ и всѣмъ мѣрамъ и вкусамъ правительства, будетъ ли это вкусъ къ идеямъ французскихъ энциклопедистовъ, какъ при Екатеринѣ II, или къ ультра-ретроградным идеямъ графа Жозефа де-Местра, Магницкаго и т. д. Эта крайняя умственная лѣнь, безсодержательность, непривычка и неспособность къ какой-нибудь самостоятельной мысли, такъ велики въ массѣ до сихъ поръ, что мы постоянно встрѣтимъ ихъ вездѣ, гдѣ надо было бы ожидать проявленія общественной мысли: будетъ ли это вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ—общество не имѣетъ объ этомъ никакого мнѣнія и выбираетъ то, къ чему оно замѣтитъ наклонность въ начальствѣ; будутъ ли это земскія учрежденія—у него и здѣсь не достанетъ серьезнаго отношенія къ дѣлу и будетъ высказываться тупое равнодушіе къ вопросамъ, которые могли бы доставить ему полезный предметъ дѣятельности; будетъ ли это литература—общество и здѣсь не съумѣетъ составить себѣ яснаго представленія о томъ, что говоритъ ему эта литература. «Давно очевидно было варварство крѣпостнаго права, говоритъ г. Щаповъ. И однакожъ иниціатива сознанія и уничтоженія зла принадлежитъ гораздо больше правительству, чѣмъ обществу. Послѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, поднятаго и рѣшеннаго правительствомъ, самъ собою по естественной логикѣ событій, выдвигается на очередь вопросъ о реформѣ соціальной организаціи народнаго труда и о всеобщемъ естественно-научномъ ученіи и воспитаніи молодыхъ рабочихъ поколѣній... Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается ключъ всей будущности русскаго народа. Вся ложь, всѣ аномаліи, всѣ болѣзни въ современномъ строѣ и организаціи общества проистекаютъ изъ этой аномальной организаціи народнаго труда и изъ современнаго вопіющаго умственнаго разъединенія простого рабочаго народа и класса научно-образованнаго. Когда подумаешь внимательно объ этихъ соціаль-

ныхъ аномаліяхъ, ужасаешься, какъ терпима доселѣ равнодушно эта вопіющая соціальная ложь... Вотъ уже, въ вопросѣ крестьянскомъ, въ дозволеніи обществъ распространенія въ народѣ грамотности, показана отчасти иниціатива правительства. Въ литературѣ поднимается вопросъ о высшихъ реальныхъ школахъ. Между тѣмъ бездушная, безпечная общественная мысль наша, несмотря на то, можно сказать преступно-равнодушна къ этимъ роковымъ, вопіющимъ вопросамъ времени, заключающимъ въ себѣ ключъ къ осуществленію величайшей соціальной истины. И въ особенности тѣ общественные классы, которые зиждутъ свое благосостояніе на эксплуатаціи народнаго труда, на невѣжествѣ массы, и которымъ бы, по настоящему, должна принадлежать и умственная, и матеріальная иниціатива рѣшенія этихъ вопросовъ о реформѣ соціальнаго положенія и устройства народнаго труда и о реформѣ народнаго міросозерцанія посредствомъ всеобщаго, всенароднаго естественно-научнаго ученія и воспитанія всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній, эти классы въ особенности преступно-равнодушны и даже эгоистически-враждебны иниціативѣ возбужденія и рѣшенія этихъ вопросовъ. Вотъ до чего дошло наше общественное безмысліе, бездушіе вслѣдствіе вѣкового чрезмѣрнаго развитія правительственной системы опеки и вслѣдствіе вѣковой общественной привычки ждать всякой умственной иниціативы и мысли со стороны правительства».

На вопросъ, почему же однако правительственная опека не воспитала умственной самостоятельности и почему общество оказывается въ такомъ незавидномъ положеніи, авторъ отвѣчаетъ слѣдующими объясненіями: «Главныя причины этого грустнаго факта заключались, по нашему мнѣнію, во-первыхъ, въ томъ, что правительственная народообразовательная система опеки имѣла существенной своей задачей не свободное развитіе русской мысли, а согласное съ видами и намѣреніями правительства направленіе и регулированіе ея, и сообразное съ тѣмъ покровительство и вспомоществованіе ей казенными средствами и учрежденіями, и во-вторыхъ—въ томъ, что непостоянныя измѣнчивыя направленія самой правительственной системы опеки были весьма неблагопріятны для непрерывнаго, исторически-послѣдовательнаго развитія русской мысли». И въ томъ и въ другомъ нѣтъ сомнѣнія. Что касается до перваго, то склонность правительственной опеки поддерживать умственное или литературное развитіе только въ извѣстномъ направленіи, соотвѣтствующемъ ея исключительнымъ цѣлямъ, составляетъ вообще столь обыкновенное свойство этой системы, что многіе писатели приходили къ убѣжденію въ

ея вредѣ для настоящаго, истиннаго успѣха покровительствуемаго дѣла, потому что покровительство всегда дается только одному исключительному направленію и всегда сопровождается преслѣдованіемъ всѣмъ остальныхъ, слѣдовательно, уничтоженіемъ необходимѣйшаго условія всякаго правильнаго развитія — свободы. И дѣйствительно, такая опека, о которой мы говоримъ, едва-ли когда-нибудь руководится иными соображеніями; къ сожалѣнію, она рѣдко или никогда не признаетъ извѣстную истину, что умственное развитіе можетъ быть плодотворно только тогда, когда оно имѣетъ просторъ и свободу, что этотъ просторъ есть существенная необходимость для правильнаго роста общественной и умственной жизни. Иначе это конечно и быть не могло. Власть такъ долго держала эту опеку, что въ ней составилось крѣпкое традиціонное представленіе, что дѣло и не можетъ идти иначе, что общество не въ состояніи обойтись въ этихъ вопросахъ собственными силами. И масса общества, лѣнью своей мысли, торопливымъ отказомъ отъ всякаго собственнаго помышленія въ угоду даже мелкому начальству, своею наклонностію все предоставить его усмотрѣнію, поддерживала эту традицію. Система опеки можетъ измѣниться и ослабѣть только тогда, когда само общество станетъ обнаруживать какую-нибудь самостоятельность, какія-нибудь собственныя убѣжденія и инціативу: до тѣхъ поръ пока оно само не покажетъ признаковъ жизни, оно будетъ нести всѣ неудобства и весь вредъ этой системы. Вслѣдствіе такого порядка вещей, длившагося цѣлые вѣка, умственное развитіе нашего общества всегда шло самымъ страннымъ образомъ. Мысль, не имѣвшая простора, всегда оставалась полувысказанной, или просто полупродуманной; въ цѣломъ своемъ объемѣ никогда не возможна была у насъ ни одна изъ широкихъ философскихъ идей, которыя заносила къ намъ литература и наука Запада или которыя созидались въ самой русской мысли: вслѣдствіе того, умственная жизнь всегда шла среди множества препятствій и ея современные господствующіе недостатки составляютъ печальное наслѣдіе этого прошедшаго.

Въ числѣ орудій правительственной опеки, которыми она ограничивала и стѣсняла умственную жизнь общества, авторъ останавливается конечно на цензурѣ. Объ этомъ предметѣ говорилось достаточно въ послѣднее время, и мы не будемъ останавливаться на новой аргументаціи г. Щапова, которая еще одинъ лишній разъ указываетъ, какимъ вредомъ отзывалась цензура на общественномъ образованіи.

Наконецъ, въ ряду соціально-педагогическихъ условій, губительно дѣйствовавшихъ на умственную жизнь русскаго народа, г. Щаповъ указываетъ еще два однородныя явленія русскихъ

нравовъ, опять исходившія отъ системы опеки: это—ограниченіе умственнаго образованія податныхъ сословій, и совершенная невозможность его для крѣпостнаго крестьянства. Податныя сословія были крайне стѣснены въ возможности получать высшее образованіе, во-первыхъ, потому, что онѣ слишкомъ обременены были всякими податями и налогами, и не имѣли средствъ достигать высшихъ учебныхъ заведеній, а во-вторыхъ, потому, что наконецъ въ правительствѣ и въ подслуживавшемся общественномъ мнѣніи сталъ составляться и высказываться взглядъ, что высшее образованіе нежелательно для низшихъ сословій, такъ какъ оно выводитъ ихъ изъ состоянія, предназначеннаго служить государству исполненіемъ повинностей; что оно даже опасно для государства, какъ внушали обскуранты десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. Подобные взгляды высказывались не одинъ разъ во времена имп. Александра, и даже въ сороковыхъ годахъ мы находимъ эти мысли въ докладѣ министра народнаго просвѣщенія Уварова: «Имѣя въ виду, писалъ онъ въ 1845 г., что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе *безполезно*, составляя роскошь для нихъ и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и для государства, я нахожу необходимымъ по собственному убѣжденію и по предварительному соизволенію вашего императорскаго величества, не столько для увеличенія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій—возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Неудивительно, что у насъ еще не такъ давно высказывались тѣже мнѣнія о вредѣ для народа грамотности; это было давнишнее убѣжденіе русскаго общества, и противники грамотности въ наше время приводили противъ нея такіе же аргументы, какіе были извѣстны уже въ XVIII вѣкѣ. Такъ, одинъ современный «знатокъ» народной жизни утверждалъ въ послѣдніе годы, что грамотность будетъ производить между крестьянами только кляузниковъ; въ XVIII-мъ столѣтіи, Рычковъ не одобрялъ большого знанія грамоты въ народѣ, «ибо примѣчается, что изъ такихъ людей научившіеся писать знаніе свое нерѣдко во зло употребляютъ сочиненіемъ фальшивыхъ паспортовъ», хотя тотъ же Рычковъ замѣчалъ о безграмотствѣ русскаго народа: «въ этомъ отношеніи насъ превосходятъ всѣ европейскіе народы; *даже татары*, въ нашей имперіи живущіе и содержащіе законъ маго-

метанскій, *въ томъ насъ посрамляютъ*». Этотъ порядокъ вещей мало измѣнился, въ существѣ дѣла, и до сей поры.

Понятно, что положеніе крѣпостного крестьянства въ этомъ отношеніи было еще хуже, чѣмъ свободныхъ податныхъ сословій. Здѣсь вопросъ прямо зависѣлъ отъ воли и власти помѣщика, и помѣщикъ ни малѣйшимъ образомъ не помышлялъ объ образованіи крестьянъ, не понимая даже возможности этого, и притомъ не только въ то время, когда этотъ помѣщикъ самъ, бѣгая отъ ученья, «залѣзалъ въ озеро по бородѣ», но и во времена, очень близкія къ намъ: здѣсь образованіе еще болѣе выводило бы ихъ «изъ круга первобытнаго состоянія», и положеніе образованнаго крѣпостного дѣйствительно могло быть (и бывало) ужасно. Извѣстно, какъ и въ настоящую минуту относится общество къ дѣлу народныхъ школъ: большаго пренебреженія трудно представить... Когда такимъ образомъ цѣлые милліоны населенія осуждены были на невѣжество, крѣпостное право, по справедливому указанію г. Щапова, имѣло чрезвычайно вредное вліяніе и на умственное развитіе самого помѣщичьяго класса. «И въ самомъ дворянствѣ — говоритъ онъ — крѣпостное право препятствовало здоровому развитію мысли, извращало его образъ мыслей, складъ понятій и все его міросозерцаніе, особенно соціальное, поселяло въ немъ боязливое недовѣріе и нетерпимость къ разуму, не дозволяло ему, въ качествѣ передового сословія, быть раціонально-мыслящимъ классомъ и смѣло идти путемъ строго послѣдовательной, раціональной, логической мысли. Разумъ и свободная мысль были страшны для помѣщиковъ прошлаго времени, потому что послѣдніе логическіе выводы свободной мысли, послѣднія логическія рѣшенія разума представляли, между прочимъ, страшное для прежнихъ помѣщиковъ и рѣшительное отрицаніе такого аномальнаго, противо-разумнаго «скиѳскаго пука стрѣлъ» (такъ называлъ крѣпостное право одинъ изъ его защитниковъ въ 1810 г.), какъ крѣпостное право и т. п.» Поэтому, когда при Александрѣ I стала зарождаться мысль объ освобожденіи крестьянъ, помѣщики съ ожесточеніемъ нападали на извѣстную книгу гр. Стройновскаго «объ условіяхъ съ крестьянами» и при этомъ злобно возставали противъ «лжеименнаго разума», который приводилъ къ такимъ идеямъ. Одинъ изъ этихъ обличителей писалъ: «Развѣ не видѣли мы царства разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшаго на немъ, разрушена вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ» и т. д. Пресловутый графъ Рос-

топчинъ, обличая того же Стройновскаго «истиной, извлеченной изъ точнаго положенія сословій въ Россіи», точно также заявляетъ, что для всѣхъ умствованій о новомъ мірѣ, о благосостояніи людей, онъ, «и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ». Дѣйствительно также глуха, нѣма и слѣпа была огромная часть общества къ тѣмъ вопросамъ, которые стали возникать наконецъ вслѣдствіе требованій разума.

Таковы были, по объясненіямъ г. Щапова, главныя общественно-педагогическія условія, дѣйствовавшія на умственное развитіе русскаго народа и общества. Переданное нами изложеніе составляетъ меньшую долю книги г. Щапова; другая, бо́льшая часть ея посвящена указанію тѣхъ слѣдствій, какими отразилось на русской жизни вліяніе этихъ условій. Мы не будемъ дальше излагать содержанія его объясненій, также весьма любопытныхъ, наполненныхъ и доказываемыхъ множествомъ фактическихъ данныхъ и примѣровъ; такое изложеніе завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и мы предполагаемъ, что читатель, котораго займетъ разбираемый вопросъ, пожелаетъ познакомиться съ самой книгой. Главнымъ послѣдствіемъ этихъ условій было то, что въ массѣ націи и въ послѣдующее время, послѣ Петра и до нашихъ дней, по прежнему продолжалось господство низшихъ познавательныхъ способностей, и крайняя слабость или полное отсутствіе высшей умственной дѣятельности. Далѣе, вслѣдствіе этого народъ по прежнему коснѣлъ въ томъ грубомъ міросозерцаніи, которое онъ нѣкогда создалъ, и которое г. Щаповъ характеристически называетъ сенсуально-галлюцинаціоннымъ. Третьимъ слѣдствіемъ авторъ считаетъ неустановленность истиннаго метода народнаго развитія и общественнаго мышленія, по которой, вмѣсто индуктивнаго, положительнаго метода, господствовалъ дедуктивно-идеалистическій, или даже мистико-фантастическій, вмѣсто развитія истинной реальной научной мысли развивались больше память, воображеніе и поверхностная наблюдательность; вмѣсто опытнаго естествознанія и развитія философской мысли въ университетахъ преобладали науки археологическія, филологическія, этико-юридическія и т. п. Наконецъ, послѣднимъ результатомъ условій русскаго умственнаго развитія авторъ считаетъ отсутствіе сильнаго духа сомнѣнія, въ которомъ заключается единственное средство достигнуть истиннаго духа изслѣдованія и, въ общественномъ мышленіи, единственное средство отрѣшиться отъ стараго грубаго міросозерцанія и открыть дорогу къ здравому умственному развитію и новому болѣе разумному пониманію науки и жизни.

На послѣднихъ страницахъ своей книги авторъ доказываетъ

необходимость этого критическаго сомнѣнія, и выставляетъ тѣ задачи, которыя давно предстоятъ обществу, и рѣшеніе которыхъ неизбѣжно необходимо не только для умственнаго, но и для всего матеріальнаго, общественнаго и государственнаго прогресса націи. Мы приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ заключенія книги, которые покажутъ взглядъ автора на настоящее положеніе общественнаго развитія: основной выводъ автора состоитъ въ указаніи необходимости умственнаго труда и скептическаго отношенія къ дѣйствительности, какъ перваго условія свободнаго и плодотворнаго изслѣдованія:

«И наука, и литература русская, — говоритъ г. Щаповъ,— намъ кажется, должны въ настоящее время общими усиліями воспитывать и развивать въ обществѣ эту умственно-двигательную, прогрессивную силу критическаго мышленія и разумнаго сомнѣнія. Потому что вся наша интеллектуальная и соціальная застойчивость и неподвижность происходятъ отъ недостатка или отсутствія этой умственно-возбудительной и соціально-двигательной силы общественнаго разума. Не скептицизмъ, все отрицающій, ни во что не вѣрующій, намъ нуженъ, а необходима свобода общественнаго разума отъ предразсудковъ, критика общественной системы понятій и жизни, раціональное, философское сомнѣніе въ томъ, что въ общественномъ міросозерцаніи и строѣ ложно, нераціонально, суевѣрно, вредно, рутинно и т. д. Соціальный строй нашего общества исполненъ предразсудковъ и аномалій умственныхъ, экономическихъ, юридическихъ, семейныхъ, нравственныхъ, соціально-физіологическихъ и т. п., и общественный разумъ нашъ неспособенъ разобрать, анализировать ихъ раціональной критикой сомнѣнія. И потому эти аномаліи господствуютъ въ невозмутимомъ, неизмѣнномъ покоѣ, какъ истинные принципы, какъ законы соціальные, и общественный организмъ страдаетъ отъ нихъ разными патологическими недостатками, или задерживается въ своемъ прогрессивномъ ростѣ и развитіи».

И авторъ проходитъ потомъ цѣлый рядъ подобныхъ явленій въ нашей жизни.

«Вникните, напр.,—говоритъ онъ,—въ систему господствующаго въ Россіи общественнаго и народнаго міросозерцанія — метафизико-догматическаго или метафизико-схоластическаго. Довольно хоть поверхностно прослѣдить историческіе успѣхи воспитательнаго вліянія этого міросозерцанія на русскій народъ, сравнивши напр. умственное состояніе и міросозерцаніе темныхъ массъ народа въ XVI и XVII вѣкѣ съ умственнымъ состояніемъ и міровоззрѣніемъ ихъ въ XIX столѣтіи, — и вы будете

вправѣ усумниться въ воспитательномъ достоинствѣ метафизико-догматическаго метода народнаго воспитанія и міросозерцанія, особенно, если представите, сколько оно породило въ темной массѣ народа самыхъ мрачныхъ суевѣрій и заблужденій, самыхъ дикихъ сектъ, и пр.... Можно ли не усумниться въ жизненности и плодотворности того мистико-схоластическаго міросозерцанія, которое цѣлое тысячелѣтіе находится in statu quo, безъ всякаго развитія, не возбуждаетъ никакихъ живыхъ идей въ умахъ народныхъ, которое, вѣчно ограничиваясь испоконъ-вѣка установленнымъ супранатурально-метафизическимъ взглядомъ на физическій міръ, никогда не давало и не даетъ ни одного разумно-отчетливаго и жизненно-плодотворнаго отвѣта ни на одинъ изъ тѣхъ мучительно-тревожныхъ вопросовъ, какіе постоянно, на каждомъ шагу, задаетъ жизнь и природа. Крестьянинъ, вѣчно полагаясь на одинъ молебенъ, вѣчно ограничиваясь однимъ церковнымъ взглядомъ на дождь или бездождіе, вѣчно вѣруя только въ цѣлебную силу св. воды или елеопомазанія, въ теченіе тысячелѣтія не прибавилъ изъ византійско-метафизическаго ученія къ своему суевѣрному громовнику ни одного раціональнаго метеорологическаго понятія, въ свой лечебникъ не внесъ ни одного здраваго физіологическаго, гигіеническаго и медицинскаго знанія.... А между тѣмъ, въ обществѣ нашемъ нѣтъ почти и зачатковъ критическаго анализа и отрицанія господствующаго общественнаго и народнаго міросозерцанія».

Г. Щаповъ указываетъ потомъ цѣлый длинный рядъ столько же вопіющихъ недостатковъ жизни, свидѣтельствующихъ объ умственномъ застоѣ и безсиліи общества, которое, въ огромной массѣ, не только мирится съ этими недостатками, и не подумаетъ усумниться въ создающемъ ихъ міросозерцаніи и строѣ общества,но даже возводитъ ихъ въ ненарушимый принципъ. Превратное физическое воспитаніе молодыхъ поколѣній, плохое народное питаніе или продовольствіе и народное здоровье, сектаторство въ родѣ морельщиковъ и скопцовъ, отсутствіе всякихъ первоначальныхъ понятій объ общественной гигіенѣ, соціальное устройство, гдѣ въ населеніи продолжается бродячее кочеванье отъ отсутствія необходимаго довольства, гдѣ сословія раздѣлены враждой и одно тормозитъ умственное и экономическое развитіе и благосостояніе другого, крайне неравномѣрное распредѣленіе общественныхъ тягостей, бѣдность всякаго высшаго промышленнаго производства и преобладаніе сырого матеріала, при богатствѣ хлѣбородной почвы возможность страшныхъ неурожаевъ и голода отъ чистаго незнанія и неумѣнія справиться съ производительными силами почвы — все это составляетъ цѣ-

-лый рядъ вопіющихъ недостатковъ и настоящихъ бѣдствій. «Могутъ ли не рождаться въ умѣ разныя сомнѣнія относительно соціальнаго склада этого общества?—спрашиваетъ авторъ. А общественный смыслъ нашъ и не думаетъ, однакожъ, съ критическими сомнѣніями анализировать соціально-юридическій и экономическій строй русскаго общества, организацію народнаго труда, распредѣленіе собственности и т. д. Онъ напротивъ самообольстительно вѣритъ во внутреннее благоустройство и процвѣтаніе русскаго общества»....

«Исторія русская—продолжаетъ авторъ,—всею фактическою экспериментаціею своею, всею суммою, всею логикою своихъ главныхъ, основныхъ фактовъ какъ нельзя болѣе ясно доказала, отчего народъ русскій былъ безсиленъ въ обладаніи всею этою обширною и разнообразною физическою экономіею русской земли, чего ему недоставало, въ чемъ заключается ключъ ко всѣмъ естественнымъ фабрикамъ, лабораторіямъ и сокровищницамъ естественной экономіи Россіи и Сибири. Вся исторія народной колонизаціи, культуры и экономіи, въ основныхъ принципахъ своихъ, есть не что иное, какъ фактическое, экспериментальное обнаруженіе умственнаго безсилія русскаго народа въ борьбѣ съ природой, въ пользованіи естественною экономіею русской земли, и въ тоже время — постепенное фактическое, экспериментальное развитіе и выраженіе естественной потребности естествознанія, или знанія физической экономіи европейской Россіи и Сибири, потребности, окончательно созрѣвшей къ концу XVII-го вѣка и особенно ясно выказавшейся въ XVIII вѣкѣ, въ великую эпоху первыхъ естественно-научныхъ экспедицій и первыхъ зачатковъ естественно-научнаго самопознанія Россіи. Всѣ историческія ошибки и заблужденія русскаго народа въ направленіи его экономіи и міросозерцанія, по экспериментальному указанію или выводу русской исторіи, проистекали главнѣйшимъ образомъ отъ незнанія природы вообще и, въ частности, природы русской земли. И ключъ къ естественной экономіи русской земли и свѣточъ къ великому училищу природы — это искомое всей исторіи народной экономіи и народнаго міросозерцанія, по тому же экспериментальному указанію русской исторіи, заключается въ естествознаніи».

«Рабочій народъ русскій архитектонически, путемъ колонизаціи, можно сказать, создалъ, обработалъ и обстроилъ русскую землю, основалъ на ней первичныя, непосредственно натуральныя колоніи или рабочія общины. Молодыя, естественно-научно-просвѣщенныя поколѣнія должны теперь начинать естественно-научно возсозидать русскую землю,.... возсозидать на раціональ-

ныхъ, естественно-научныхъ основахъ существующія рабоче-промышленныя общины городскія и сельскія. Такія мысли, такіе послѣдніе выводы внушаетъ логика или экспериментація физико-экономической исторіи русскаго народа. И что же однакожъ? Общественный смыслъ нашъ, несмотря на всю логичность этого послѣдняго вывода нашей исторіи, не только неспособенъ додуматься до иниціативы раціональнаго, естественно-научнаго и экономическаго возсозданія и преобразованія рабоче-промышленныхъ общинъ, но и неспособенъ нисколько усумниться въ достоинствѣ и нормальности существующаго доселѣ изстариннаго земскаго строенья, характеризующагося не развитіемъ и жизнью разума, интеллигенціи и естествознанія, а, такъ-сказать, перегноемъ допетровскаго домостроя обскурантизма и суевѣрія».

Въ заключеніи, изъ котораго мы привели отрывки, авторъ выводитъ результаты, указывающіе современное состояніе русскаго умственнаго развитія и настоящія задачи, которыя предстоятъ обществу, если оно съумѣетъ разумно понять свои интересы. Выводъ автора о единственной панацеѣ общества въ естествознаніи можетъ показаться слишкомъ общимъ или теоретически одностороннимъ, но эти страницы можно тѣмъ не менѣе рекомендовать вниманію тѣхъ, кто «самообольстительно вѣритъ во внутреннее благоустройство и процвѣтаніе русскаго общества» и кто съ такою яростью нападаетъ на «отрицаніе»: быть можетъ, они поймутъ нѣсколько смыслъ этого послѣдняго. Предметъ скептическаго отрицанія именно и заключается въ оборотной сторонѣ медали: г. Щаповъ указалъ довольно многое изъ этой оборотной стороны, хотя еще далеко не все....

Таково содержаніе книги г. Щапова. Изъ нашего изложенія и выписокъ читатель могъ отчасти видѣть, какъ авторъ поставилъ вопросъ и къ какимъ заключеніямъ онъ приходитъ относительно настоящаго положенія умственнаго развитія русскаго народа; и безъ сомнѣнія читатель согласится съ нами, что это— книга свѣжая и умная, задуманная съ самыми лучшими намѣреніями и высказывающая очень много справедливаго. Исторія умственнаго развитія есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ сторонъ въ исторіи народа, одна изъ лучшихъ мѣрокъ его значенія въ человѣчествѣ. Независимо отъ этого общаго интереса, въ нашей литературѣ особенно полезно было поставить этотъ историческій вопросъ, потому что онъ имѣетъ великое жизненное значеніе въ разныхъ своихъ отношеніяхъ къ современнымъ обстоятельствамъ. Наши спеціальные историки до сихъ поръ

мало касались этого вопроса въ его цѣломъ объемѣ и его особенномъ значеніи, и г. Щаповъ оказываетъ большую услугу литературѣ его постановкой, съ которой въ общемъ смыслѣ мы очень согласны. Намъ остается сказать въ частности о томъ, какъ г. Щаповъ исполнилъ свою задачу.

Справедливость требуетъ прежде всего устранить, въ критической оцѣнкѣ труда, тѣ предметы, которые не входили въ его планъ; этотъ планъ ограничивается «общественно-педагогическими условіями», вліявшими на умственное развитіе народа въ его исторіи. Поэтому нельзя искать въ книгѣ объясненія положеній, поставленныхъ авторомъ à priori о первоначальной неразвитости русскаго племени и т. п.; по всей вѣроятности авторъ отлагаетъ это и другія подобныя объясненія до другихъ частей своего труда. Мы не можемъ также требовать здѣсь послѣдовательной исторіи явленій русской умственной жизни, — эта исторія можетъ, повидимому, явиться какъ résumé цѣлаго труда, послѣ ряда изслѣдованій объ отдѣльныхъ группахъ условій, при которыхъ историческій процессъ совершался. Но за всѣми этими исключеніями, трудъ г. Щапова вызываетъ нѣсколько замѣчаній и противорѣчій.

Начать съ того, что г. Щаповъ напрасно далъ своей темѣ видъ схоластическаго силлогизма, растянутаго на цѣлую книгу. Всю тему онъ разбилъ на нѣсколько общихъ положеній, доказываемыхъ примѣрами, и затѣмъ на нѣсколько слѣдствій, выводимыхъ изъ этихъ положеній, и опять объясняемыхъ примѣрами. При этомъ случается, что одинъ и тотъ же фактъ, или однородные факты являются и положеніемъ и слѣдствіемъ, т. е. въ одно время играютъ двѣ разныя логическія роли. Вслѣдствіе этого теряется та историческая преемственность фактовъ, которую и требуется указать.

Далѣе, слишкомъ обобщая свои главныя положенія и торопясь къ выводамъ, г. Щаповъ дѣлаетъ другую ошибку. Основныя положенія остаются мало объяснены; авторъ довольствуется тѣмъ, что указываетъ въ общихъ чертахъ то или другое условіе, не указывая различнаго значенія и объема этого условія въ разное время и не опредѣляя его относительной важности въ ряду другихъ условій. Такимъ же слишкомъ общимъ образомъ, изъ этихъ условій выводятся послѣдствія, которыя, собственно говоря, были результатомъ весьма многоразличныхъ причинъ, и кромѣ тѣхъ, какія авторомъ указываются, и вслѣдствіе того извѣстныя явленія умственнаго развитія получаютъ у автора слишкомъ узкое истолкованіе, не соотвѣтствующее ихъ сущности. Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Мѣркой умственнаго развитія разныхъ историческихъ эпохъ г. Щаповъ всего чаще принимаетъ степень развитія естественно-научныхъ понятій. Эта мѣрка можетъ быть дѣйствительно принята, но развѣ только тогда, когда вопросъ ставится совершенно абсолютно; но абсолютная точка зрѣнія не есть историческая; опредѣлять степень умственнаго развитія исключительно этой мѣркой конечно невозможно, иначе мы потеряемъ всякую историческую послѣдовательность явленій. Не забудемъ прежде всего, что то естествознаніе, которое г. Щаповъ ставитъ своимъ критеріумомъ, начинается только въ новой Европѣ, съ XV — XVI столѣтій. Всѣ средніе вѣка, въ самой западной Европѣ, прошли, собственно говоря, въ томъ же сенсуально-галлюцинаціонномъ воззрѣніи, въ какомъ проводилъ эти вѣка и русскій народъ: въ понятіяхъ о природѣ было множество однихъ и тѣхъ же грубыхъ суевѣрій, но тѣмъ не менѣе была и громадная разница въ умственномъ состояніи древней Россіи и запада Европы. Западная мысль тѣхъ временъ еще была слаба въ вопросахъ естествознанія, но она упорно работала въ другихъ сферахъ, и эта работа не только не была безплодна, но напротивъ была постепеннымъ приготовленіемъ послѣдующихъ успѣховъ мысли. И далѣе, какъ понять, съ точки зрѣнія автора, такія личности какъ былъ Бодэнъ, высоко замѣчательный, почти геніальный политическій мыслитель XVI-го столѣтія, авторъ извѣстной книги о «Республикѣ», который однако вмѣстѣ съ тѣмъ печально знаменитъ и своимъ галлюцинаціоннымъ суевѣріемъ, вѣрой въ союзы людей съ дьяволомъ, въ вѣдьмъ и колдуновъ, о которыхъ онъ написалъ другую, иначе извѣстную книгу: «О демономаніи колдуновъ». Какъ понять и такую личность какъ Ньютонъ, авторъ «Principia» и авторъ толкованій на Апокалипсисъ; или Кеплеръ, въ трудахъ котораго точно также къ великимъ астрономическимъ открытіямъ присоединяется туманный мистицизмъ, и т. д. Если въ самыхъ великихъ именахъ самого естествознанія мы можемъ встрѣтить два столь различные порядка идей, то не показываетъ ли это, что и въ цѣлыхъ обществахъ могутъ существовать столь же двойственныя явленія развитія, извѣстная сила мысли въ однихъ предметахъ и слабость ея въ другихъ, и что историческая оцѣнка этой мысли не можетъ состоять въ указаніи только какой-либо одной изъ двухъ ея сторонъ? Безъ сомнѣнія, авторъ былъ бы справедливѣе и къ исторіи русской мысли, еслибы обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Иначе, какое мѣсто въ этой исторіи онъ дастъ людямъ, мысль которыхъ, не направленная на естествознаніе или не имѣвшая возможности съ нимъ познакомиться, была слаба и суевѣрна въ этой сферѣ, но за то

была довольно смѣла и оригинальна въ другихъ? Какое мѣсто могутъ занять люди, принадлежавшіе еще старой Россіи, какъ напр. Кошихинъ или Посошковъ, вѣроятно плохіе натуралисты, но безъ сомнѣнія очень умные критики общественныхъ дѣлъ своего времени; или какъ Новиковъ, имя котораго авторъ приводитъ только для указанія его грубо-суевѣрныхъ понятій о природѣ, и который однако несомнѣнно долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи русскаго «умственнаго развитія», какъ одинъ изъ первыхъ умныхъ сатириковъ, обвинявшихъ общественную пустоту и возбуждавшихъ къ наукѣ, и одинъ изъ первыхъ, возъимѣвшихъ серьезный интересъ къ общественнымъ предметамъ и изъ первыхъ, рѣшившихся говорить противъ крѣпостного права. Видѣть у него только одни грубыя понятія о естествознаніи, и забыть другую сторону его дѣятельности было бы странно; и такъ какъ Новиковъ былъ вовсе не одинъ въ своемъ родѣ, то для исторической оцѣнки и являлась бы необходимость объяснить это явленіе.

Г. Щаповъ вообще мало заботился о такомъ ближайшемъ опредѣленіи историческихъ фактовъ. Сосредоточивая свое вниманіе почти исключительно на развитіи естественно-научныхъ представленій, онъ забываетъ, что принципы естествознанія въ самой европейской наукѣ только въ самое послѣднее время пріобрѣтаютъ то систематическое построеніе и универсальное господство, которое позволяетъ считать ихъ «новымъ завѣтомъ великихъ міровыхъ идей и открытій». Въ самой Европѣ эти идеи и открытія долго оставались уединенными фактами спеціальной науки, пока пріобрѣли это значеніе: система Коперника не вдругъ получила господство въ наукѣ; Бэконъ и не думалъ принимать ея; открытія Ньютона не вдругъ перешли на континентъ, и вообще европейская мысль въ теченіе XVIII-го и большой доли XIX-го столѣтій вовсе еще не стояла на той дорогѣ, которая представляется теперь единственно возможной,—той, которую указываетъ естествознаніе. Въ самой европейской наукѣ еще очень недавно играли свою роль тѣ «натуръ-философіи», къ которымъ съ такимъ пренебреженіемъ отнесется современный естествоиспытатель. Классическое движеніе временъ Возрожденія, религіозное движеніе временъ реформаціи исходили вовсе не изъ естественно-научныхъ возбужденій и также соединялись со многими крупными предразсудками въ естественно-научныхъ понятіяхъ, но тѣмъ не менѣе оба эти движенія были великими явленіями въ исторіи освобожденія человѣческой мысли. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, сильное движеніе общественныхъ идей и стремленіе къ общественному освобожденію также были очень далеки отъ этихъ спеціаль-

ныхъ возбужденій, и тѣ философскія системы, въ XIX-мъ столѣтіи (Шеллингъ и т. д.), которыя г. Щаповъ осуждаетъ какъ мистико-идеалистическія, въ свое время имѣли, даже у насъ, гдѣ онѣ были извѣстны только въ очень ограниченномъ размѣрѣ, свое большое значеніе для умственнаго развитія. Такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока естествознаніе не пріобрѣло еще своего настоящаго значенія, умственное движеніе тѣмъ не менѣе совершалось въ другихъ сферахъ; логическія силы ума могли работать въ другихъ областяхъ науки и проходить въ нихъ тѣ историческія ступени совершенствованія, изъ которыхъ составляется его развитіе. Въ этомъ отношеніи г. Щаповъ впадаетъ въ странныя историческія ошибки: онъ какъ будто не хочетъ признавать образовательнаго и развивающаго вліянія другихъ наукъ, кромѣ естествознанія, и вліянія литературы. Такъ онъ направляетъ свое осужденіе противъ археологизма и законовѣдѣнія, господствовавшихъ въ реакціонный періодъ съ 1815 года и развивавшихъ одну археологическую и «сводо-законную» память, не возбуждая высшей критической и философской дѣятельности. Здѣсь справедливо то, что въ господствѣ этихъ наукъ и въ характерѣ ихъ тогдашней обработки дѣйствительно была несомнѣнная связь съ реакціонными стремленіями времени,—какъ въ наше время опять подобныя стремленія выдвинули консервативно-піэтистическую археологію, — но изображать эти изученія только въ реакціонномъ свѣтѣ конечно странно и невѣрно, потому что самый археологизмъ былъ необходимой ступенью, черезъ которую должно было пройти умственное развитіе общества. Онъ не только приготовлялъ научный матеріалъ, безъ котораго невозможно было само историческое изученіе, но имѣлъ свое дѣйствіе и на общественныя понятія, въ которыхъ сталъ складываться интересъ къ сознательному пониманію старины и современной народной жизни. Точно также г. Щаповъ оставляетъ весьма мало объясненными вліянія литературы. Масса общества бываетъ всегда болѣе или менѣе далека отъ тѣхъ движеній и успѣховъ, которые совершаются въ высшихъ областяхъ науки; проходитъ обыкновенно нѣкоторое время прежде, чѣмъ истины, добытыя въ этой области, начинаютъ переходить изъ тѣснаго кружка спеціалистовъ въ болѣе обширный кругъ общества и оказывать здѣсь свое вліяніе. Съ другой стороны, извѣстныя идеи получаютъ въ обществѣ значеніе и вліянія не столько въ силу строгихъ логическихъ доказательствъ, сколько вслѣдствіе ихъ общей наглядной вѣроятности, а также и ихъ согласія съ практическими стремленіями и опытомъ общества. Въ этомъ смыслѣ обыкновенная литература, независимо

отъ хода высшихъ научныхъ идей, можетъ оказывать значительное дѣйствіе на умственное развитіе; правда, что это дѣйствіе очень трудно опредѣлять и разсчитывать, и особенно въ условіяхъ нашей литературы. Такъ, въ XVIII и даже XIX-мъ вѣкѣ наука имѣла у насъ очень мало настоящихъ дѣятелей, и была кромѣ того крайне стѣснена въ своей свободѣ, такъ что трудно было бы ожидать какого-нибудь прямого и широкаго дѣйствія ея на умы; но, несмотря на это отсутствіе прямого дѣйствія науки на понятія общества, наука тѣмъ не менѣе дѣйствовала такъ-сказать черезъ вторыя руки, и понятія образованнаго общества измѣнялись и развивались въ томъ же направленіи отъ вліяній чисто литературныхъ. Литература, подъ европейскими вліяніями, болѣе или менѣе входила въ область европейскихъ понятій, которыя начинали обращаться въ нашемъ обществѣ раньше, чѣмъ могла придти къ нимъ наша наука; такъ, множество переводовъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія знакомило русскихъ любознательныхъ читателей съ различными отрывками философіи энциклопедистовъ; поэтическая литература точно также вводила новыя идеи, принадлежавшія европейской образованности, раньше чѣмъ могла дойти до нихъ русская наука; наконецъ, въ самостоятельной русской литературѣ поэтическія произведенія ея имѣли нерѣдко такой общественный смыслъ, какого еще не рѣшилась бы никакъ высказать научная критика русской жизни, какъ, напр., тотъ скептическій взглядъ, который пробуждается сатирой Гоголя. Правда, эти поэтическія идеи, иногда безсознательныя у самихъ авторовъ, очень часто оставляютъ только неопредѣленное впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе составляютъ дѣятельную силу умственнаго развитія, которая не можетъ быть забыта въ счетѣ. Вообще, въ развитіи русскаго образованія европейскія вліянія постоянно давали новый готовый матеріалъ, который болѣе и болѣе прививался, встрѣчая соотвѣтственныя стремленія внутри русскаго общества. Этотъ матеріалъ былъ разнообразный, различнаго содержанія и различныхъ направленій. Для русскаго умственнаго развитія, которое и до сихъ поръ еще не вполнѣ освоилось съ европейскимъ направленіемъ мысли, этотъ матеріалъ очень часто являлся, какъ deus ex machina, и исторія русской литературы достаточно свидѣтельствуетъ, до какой степени варіаціи и ступени русскаго умственнаго развитія отражали на себѣ его непосредственное вліяніе. Какъ ни были, по большей части, далеки эти вліянія отъ собственной области естественно-научной мысли, они подготовляли почву и для нея; и если литературные и научные интересы общества направлялись въ область наукъ этико-юридиче-

скихъ, археологическихъ и т. д., то странно конечно обвинять эти интересы въ реакціонномъ духѣ, потому что всѣ эти области составляютъ необходимыя звенья въ цѣлой научной системѣ, постепенно воспринимаемой образованностію общества.

Къ сожалѣнію, г. Щаповъ обратилъ на эти и подобныя стороны дѣла мало вниманія и картина умственной неразвитости, представленная имъ, можетъ показаться утрированной даже для тѣхъ, кто не имѣетъ слишкомъ большого довѣрія къ нынѣшней степени развитія русскаго общества. Направляя все изслѣдованіе къ тому предмету, въ которомъ онъ видитъ цѣль для умственной дѣятельности русскаго народа, — къ теоретическому и практическому естествознанію, авторъ слишкомъ мало цѣнитъ другія стороны русской умственной жизни, и забываетъ много усилій, которыя были сдѣланы ею въ другихъ сферахъ и не остались безплодными для ея цѣлаго развитія.

Нельзя, наконецъ, сказать, чтобы русская мысль до сихъ поръ была такъ безплодна въ томъ критическомъ изслѣдованіи жизни, въ которомъ авторъ видитъ спасеніе русскаго общественнаго развитія. Нѣсколько разъ со временъ Петра Великаго въ русскомъ обществѣ являлись умы, для которыхъ очень ясно представлялись основныя задачи русской жизни; если они не могли сдѣлать всего, къ чему были способны, причина этого была въ неприготовленности массы общества. Не было недостатка и въ томъ духѣ сомнѣнія, необходимость котораго указываетъ г. Щаповъ; не было недостатка и въ положительномъ «отрицаніи», которое выразилось въ литературѣ цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ сатирическихъ картинъ русской жизни, обозначающихъ очень рѣшительный отказъ сознанія отъ ея преданій и ея настоящаго,—теперь за это «отрицаніе» нападаютъ даже, какъ на общественную язву. Справедливо, что все это принесло еще мало результатовъ, но существованіе и характеръ направленія не подлежатъ сомнѣнію, и конечно должны были привлечь вниманіе историка.

Для историка умственнаго развитія предстояло бы здѣсь точнѣе указать дѣйствіе общественно-педагогическихъ условій. Если общество, какъ въ томъ нельзя сомнѣваться, въ послѣднемъ періодѣ обнаруживаетъ тѣ стремленія, которыя, по словамъ автора, указываетъ ему исторія, т. е. обнаруживаетъ стремленіе къ самоизученію и провѣркѣ своихъ традицій, стремленіе къ самостоятельной дѣятельности внѣ системы опеки, и интересъ къ естественно-научному образованію понятій и изученію жизненныхъ условій; — если это такъ (хотя до извѣстной степени), то надобно признать, что нѣкоторый успѣхъ сдѣланъ, что нѣкоторыя изъ прежнихъ неблагопріятныхъ условій нѣсколько ослаблены, и

остается опредѣлить: что продолжаетъ до сихъ поръ мѣшать дальнѣйшему успѣху, и какъ измѣнилось относительное значеніе данныхъ условій.

Вопросъ могъ бы значительно выясниться, еслибы авторъ посвятилъ больше вниманія этимъ попыткамъ самодѣятельности общественной мысли, на которыя мы указывали. Историческая послѣдовательность этихъ попытокъ показала бы, что онѣ не были случайными вспышками мысли, а, напротивъ, правильнымъ развитіемъ, органическимъ явленіемъ жизни, а характеръ ихъ показалъ бы направленіе общественныхъ понятій и стремленіе ихъ именно къ тому, въ чемъ надобно видѣть залогъ лучшаго будущаго. Выводъ вѣроятно былъ бы тотъ, что традиціонная тупость мысли, на которую авторъ указываетъ такъ часто, уже не такъ велика, какъ ему кажется, но что теперь чувствительнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, становятся стѣсненія, исходящія отъ системы опеки.

Есть еще одно обстоятельство въ общественно-педагогическихъ условіяхъ, о которомъ не упоминаетъ г. Щаповъ,—быть можетъ, намѣреваясь говорить о немъ въ какой-нибудь иной рубрикѣ условій. Это—цѣлое устройство народнаго образованія, въ которомъ прежде всего поражаетъ крайняя ограниченность удѣляемыхъ ему *средствъ*. Это обстоятельство является для общества готовымъ даннымъ условіемъ, отъ котораго должна по необходимости зависѣть степень его образованности или необразованности, и котораго нельзя не принять въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, какой процентъ народа получаетъ образованіе какое бы то ни было, то нельзя не считать естественной той массы невѣжества, которая до сихъ поръ вообще господствуетъ въ русской жизни. Мы не сомнѣваемся, что въ составѣ народной массы есть достаточный запасъ натуръ, одаренныхъ умомъ и талантами, но эти таланты должны въ огромной долѣ пропадать безплодно, потому что имъ недостаетъ ни малѣйшихъ средствъ воспитанія и образованія. Принявъ въ соображеніе всѣ другія, крайне неблагопріятныя условія русской умственной жизни, выставленныя г. Щаповымъ, мы должны будемъ многое изъ ея бѣдственнаго состоянія приписать именно этому элементарному условію. Статистика грамотности въ нашемъ отечествѣ представляетъ, какъ извѣстно, самую жалкую цифру сравнительно со всѣми другими европейскими странами, кромѣ Турціи. О статистикѣ высшаго образованія можно судить приблизительно по количеству гимназій и университетовъ: первыхъ приходится съ небольшимъ 100, вторыхъ—8 на 80,000,000 населенія, или одинъ университетъ на 10,000,000 жителей (а

если отдѣлить университеты въ Гельсингфорсѣ и Варшавѣ, находящіеся въ особенныхъ условіяхъ, то для самой русской имперіи послѣдняя цифра будетъ еще выше 10 милліоновъ). Если сравнить эти цифры, напр., съ числомъ нѣмецкихъ среднихъ заведеній и университетовъ, даже независимо отъ сравнительнаго качества тѣхъ и другихъ, то мы получимъ новое весьма наглядное объясненіе той степени умственнаго развитія, на которой стоитъ русское общество, и объясненіе, которое можетъ быть должно убѣждать, что причина низкаго уровня этого развитія состоитъ не въ *качествахъ* самаго ума, сколько въ отсутствіи средствъ его воспитанія. Если чисто народная среда могла еще въ XVIII столѣтіи произвести Ломоносова, то эти качества можно было бы уже поставить внѣ сомнѣнія. Даровитость русскаго народа между прочимъ у насъ любятъ также доказывать появленіемъ самоучекъ. У насъ ихъ бывало довольно; бывали самоучки-механики, астрономы, писатели (между прочими такіе, какъ Кольцовъ) и т. д. Этихъ самоучекъ у насъ дѣлали обыкновенно предметомъ національной гордости, ставили ихъ въ примѣръ талантовъ русскаго человѣка, дѣлающаго удивительныя вещи и безъ пособій науки, и т. п. На самомъ дѣлѣ эта гордость довольно печальная, потому что лишній разъ напоминаетъ о томъ жалкомъ невѣжествѣ, на которое обрекалась народная масса: всѣ эти самоучки (кромѣ Кольцова), лишенные пособій науки, а потомъ воображавшіе даже, что онѣ имъ и совсѣмъ не нужны, могли конечно доказать свою даровитость, но затѣмъ оставались только любопытнымъ курьезомъ, рѣдкостью, и не въ состояніи были произвести ничего прочнаго, не могли прибавить ровно ничего ни къ научному знанію, ни къ образованію своихъ соотечественниковъ: они пропадали безплодно, какъ неразвившійся зародышъ. Если мы соберемъ всѣ эти факты: какъ невозможность образованія для податныхъ классовъ въ прежнее время и еще теперь (которую авторъ указываетъ), ограниченность числа высшихъ и низшихъ школъ для классовъ, имѣвшихъ возможность образованія, плохое качество большинства этихъ школъ, отдѣльные (довольно многочисленные) случаи замѣчательныхъ талантовъ, выходившихъ изъ низшихъ слоевъ народа, далѣе, внѣшняя невозможность свободной дѣятельности и для тѣхъ умственныхъ силъ, какія есть,—то въ результатѣ мы получимъ конечно не столь низкую оцѣнку существующихъ (хотя часто въ скрытомъ состояніи) умственныхъ силъ народа и общества или *качествъ* народнаго ума; но, такъ какъ значительная часть этихъ силъ фактически все-таки находится въ скрытомъ состояніи, не имѣя возможности дѣйствовать и высказываться,

то окончательный выводъ г. Щапова о печальномъ результатѣ этого порядка вещей останется вѣренъ дѣйствительности.

Книга г. Щапова, какъ мы здѣсь отчасти указывали, не свободна отъ недостатковъ, мѣшающихъ точности ея изслѣдованія, не свободна отъ торопливости выводовъ, иногда отъ невѣрнаго примѣненія фактовъ, или отъ явныхъ недосмотровъ въ частностяхъ. Мы не ошибемся, кажется, приписавъ значительную долю этихъ недостатковъ спѣшности работы, и трудности ея въ личныхъ условіяхъ автора; признаемся, что эти личныя условія (авторъ живетъ въ Иркутскѣ), влекущія за собою трудность имѣть подъ руками необходимыя библіотечныя средства, вѣроятно невозможность пересмотра сочиненія при печатаніи и т. п., по нашему мнѣнію, должны умѣрить требовательность критики, хотя повторяемъ, что сущность изслѣдованія, основныя его положенія представляютъ очень много справедливаго [1]).

Въ своемъ изложеніи авторъ не удержался отъ эпизодовъ публицистическаго свойства, и это совершенно понятно: предметъ изслѣдованія такъ близокъ ко всѣмъ лучшимъ стремленіямъ нашего времени, такъ сливается съ тѣми надеждами и сомнѣніями, которыя овладѣваютъ каждымъ, кого занимаютъ интересы русскаго общественнаго развитія и образованія, — что онъ конечно долженъ былъ невольно наводить автора на эти эпизоды. Мы съ своей стороны не видимъ въ этомъ никакой бѣды, и напротивъ находимъ это очень умѣстнымъ и полезнымъ: большинство нашихъ присяжныхъ ученыхъ до такой степени отличаются совершенно противоположнымъ свойствомъ, т.-е. всякій предметъ сколько возможно удаляютъ и отрываютъ отъ жизни, дѣлаютъ изъ него мертвый ученый препаратъ, обыкновенно однимъ своимъ видомъ отгоняющій обыкновеннаго читателя (а спеціальныхъ читателей у насъ всегда приходится считать нѣсколькими десятками), что эти эпизоды и обращенія автора къ настоящему производятъ пріятное впечатлѣніе — сколько онѣ ни поднимутъ, вѣроятно, противъ него обличеній въ «ненаучныхъ» цѣляхъ и пріемахъ.

А. П.

---

[1]) Немалый недостатокъ этой книги составляетъ еще стилистическая манера г. Щапова. Онъ пишетъ вообще очень живо и легко, но изложеніе его бываетъ обыкновенно слишкомъ пересыпано разными вычурными словами, а также и ненужными амплификаціями и повтореніями, напр. особенно въ заключеніи этой книги.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо въ редакцію.

II *).

Мы должны начать второе письмо съ извиненія предъ *маріупольскими* негоціантами, которые вѣроятно легко поймутъ возможность описки, которая вкралась въ наше первое письмо: я сообщилъ читателямъ о томъ, что въ Маріуполѣ осужденъ богатый купецъ за обмѣръ и обвѣсъ чумаковъ; этотъ случай былъ не въ Маріуполѣ, а въ *Бердянскѣ*, которые мы, поставщики этихъ хлѣбныхъ рынковъ, не рѣдко смѣшиваемъ, находясь часто въ сношеніяхъ то съ тѣмъ, то съ другимъ портомъ [1]). Послѣ этой поправки, продолжаемъ бесѣду о нашей мировой юстиціи, съ точки зрѣнія провинціальнаго жителя.

Составители судебныхъ уставовъ, редактируя новыя узаконенія, были одушевлены самыми лучшими желаніями; они, прежде всего, заботились о томъ, чтобы сдѣлать текстъ закона доступнымъ не-спеціалистамъ, т.-е. тяжущимся и мировымъ судьямъ. Такъ, мы читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта, № 65, въ видѣ вступленія къ книгѣ первой устава гражданскаго судопроизводства: «для того, чтобы *облегчить* мировыхъ судей въ отправленіи ихъ обязанностей и сдѣлать, для тяжущихся, доступнѣе порядокъ установляемаго, для мировыхъ учрежденій, судопроизводства, настоящая книга составлена въ такомъ видѣ, чтобы она представляла какъ бы *отдѣльный кодексъ* судопроизводства. Съ этою цѣлію въ книгѣ сей опредѣлены *всѣ* от-

---

*) См. выше, окт. 1869, стр. 913.

[1]) Само по себѣ понятно, впрочемъ, что во всякомъ случаѣ осужденіе *одного* торговца отнюдь не можетъ набрасывать тѣни на всю корпорацію, если только сотоварищи его считаютъ дѣйствія осужденнаго предосудительными.

дѣльные фазисы судопроизводства и помѣщены даже *нѣкоторыя* такія правила, которыя *буквально содержатся* въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ въ общихъ судахъ». Понятно само по себѣ, что невозможно было въ кодексѣ мировой юстиціи повторить цѣликомъ весь судебный уставъ; понятно также, что если избирались «нѣкоторыя» узаконенія, для повторенія ихъ въ законахъ, *для мировыхъ судей*, то въ виду статей (80 гражд. суд. и 118 угол. судопр.), которыми опредѣлено для мировыхъ судей разрѣшать всѣ затрудненія, по соображенію съ правилами, для общихъ судебныхъ мѣстъ установленныхъ, — избирались лишь узаконенія наиболѣе важныя, всего чаще могущія встрѣтиться на практикѣ. Несомнѣнно, что такъ желали поступить составители судебныхъ уставовъ; но исполнена эта задача только въ той мѣрѣ, насколько она была доступна труженикамъ, большинство которыхъ отлично знали законы, но не были непосредственно заинтересованы въ примѣненіи закона къ провинціальной жизни, быть можетъ не были и знакомы съ бытомъ и потребностями большинства провинціальныхъ жителей, т. е. сельскаго населенія, землевладѣльцевъ и крестьянъ, Убѣдиться въ этомъ не трудно, если только прослѣдить за тѣмъ, какія статьи уставовъ перепечатаны въ узаконеніяхъ для мировыхъ судей и какія нѣтъ. Такъ, мы встрѣчаемъ буквальное повтореніе статей о повѣренныхъ и о свидѣтеляхъ; но о послѣднихъ повторяются узаконенія, опредѣляющія, кто можетъ быть свидѣтелемъ и затѣмъ сдѣлана выборка «нѣкоторыхъ» статей, опредѣляющихъ силу свидѣтельскихъ показаній. Первая половина статьи 411 устава гражд. судопр. повторяется буквально, для мировой юстиціи, въ статьѣ 102 того же устава, предоставляющей совѣсти и убѣжденію судьи опредѣленіе силы свидѣтельскихъ показаній; но статья 409 устава гражд. судопр., которая вводитъ совершенно новое начало, чуждое провинціальной жизни и которую приходится мировому судьѣ примѣнять по нѣскольку разъ въ день, не повторяется въ уставѣ для мировыхъ судей, въ которомъ предположено было совмѣстить все существенное для неспеціалистовъ. На этой статьѣ закона, не повторенной (свидѣт.), которую сенатъ многочисленными рѣшеніями сдѣлалъ однако обязательною для *мировой* юстиціи, свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ, по закону, не требуется *письменнаго* удостовѣренія. Изъ этого слѣдуетъ, что если крестьянинъ ссудилъ кому-либо денегъ *при свидѣтеляхъ*; если онъ требовалъ этихъ денегъ, *при свидѣтеляхъ*, и должникъ не отвергалъ своего долга; если такой крестьянинъ, за *неграмотностію*, не могущій запастись *письменнымъ* доказательствомъ о долгѣ, какъ того требуетъ законъ, пожалуется мировому судьѣ, а должникъ скажетъ «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю», скажетъ это нагло, вопреки свидѣтелямъ, видѣвшимъ, какъ тотъ бралъ деньги—

то судья обязанъ отказать крестьянину въ искѣ. Кáкъ долженъ дѣйствовать подобный законъ на совѣсть массы, которая прежде всего ищетъ у мирового судьи суда *по совѣсти*? Назоветъ ли *неграмотный* крестьянинъ правдою то, чтобы законъ требовалъ отъ него *письма* въ то время, когда никто до сихъ поръ не позаботился о томъ, чтобы дать ему возможность научиться грамотѣ? Назоветъ ли *благочестивый* крестьянинъ правдою то, чтобы судъ не вѣрилъ *присяжному* свидѣтельскому показанію, которое во мнѣніи народа считается *неопровержимымъ* доказательствомъ?... Мнѣ не разъ случалось выслушивать сомнѣнія такого рода; не трудно бывало мнѣ убѣдить въ томъ, что этотъ законъ ограждаетъ отъ лжесвидѣтелей, которые могли бы своими ложными показаніями навязать иному долгъ не существующій. Но на это я получалъ въ отвѣтъ: «кто же рѣшится *ложно* показать подъ присягой?» Мы въ самомъ дѣлѣ убѣждены въ томъ, что въ *сѣлахъ*, среди русскаго, или малорусскаго населенія, случаи лжесвидѣтельства будутъ чрезвычайно рѣдки; но отрицать возможность ихъ мы не рѣшимся, а потому и не позволимъ себѣ находить непрактичнымъ примѣненіе 409 ст. уст. гражд. суд. къ извѣстнымъ случаямъ мировой практики. Но, въ виду того, что *неграмотный* человѣкъ не въ состояніи провѣрить того *письменнаго* доказательства, которое ему предлагаютъ и что *написать* долговой документъ крайне затрудняетъ крестьянина, а свидѣтели, въ большинствѣ случаевъ, говорятъ правду подъ присягой, — намъ казалось бы вполнѣ цѣлесообразнымъ, еслибъ было разрѣшено *не* примѣнять 409 статьи о свидѣтельскихъ показаніяхъ къ самымъ мелкимъ, обыденнымъ сдѣлкамъ, т.-е. къ искамъ до 30 руб. сер., рѣшаемымъ мировымъ судьею окончательно. Но какъ бы ни относиться къ разсматриваемой статьѣ закона, поразившей своею новизною многихъ и многихъ въ провинціи, трудно не согласиться съ тѣмъ, что она принадлежитъ къ самымъ насущнымъ, для практики, а потому необходимо вошла бы въ мировой кодексъ, если бы только онъ составлялся людьми, которымъ близко знакома провинціальная жизнь. Видѣть въ уставѣ для мировыхъ судей статью 102, дающую мировому судьѣ право взвѣшивать силу свидѣтельскихъ показаній, безъ ограниченія и не встрѣтить въ томъ же уставѣ 409 статьи, представляющей столь важное ограниченіе для свободы совѣсти судьи,—это легко могло бы наводить на мысль, не будь рѣшеній сената, что законодатель *преднамѣренно* установилъ ограничительную статью только для *общихъ* судебныхъ мѣстъ, предоставивъ мировому суду болѣе простора и связавъ его меньшими формальностями. Мы не беремъ на себя рѣшить, угадана ли правительствующимъ сенатомъ мысль составителей устава въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя сдѣлали 409 статью гражд. суд. обязательною для мировой юстиціи; мы склонны однако думать, что законъ вѣрно истолкованъ, иначе

не получилъ бы онъ до сихъ поръ повсемѣстнаго примѣненія, а потому и полагаемъ, что невключеніе 409-й статьи въ мировой уставъ доказываетъ, что въ судебныхъ уставахъ есть признаки того, что они написаны въ столицѣ, безъ участія провинціи.

Укажемъ еще на одинъ изъ такихъ признаковъ, не для того, чтобы отнестись съ упрекомъ къ лучшимъ людямъ Россіи, оказавшимъ ей благодѣяніе написаніемъ судебныхъ уставовъ, но потому, что неполнота мирового кодекса, на которую мы хотимъ указать, ведетъ къ весьма значительнымъ недоразумѣніямъ въ провинціи. Представимъ себѣ, что землевладѣлецъ Екатеринославской губерніи нанялъ рабочихъ изъ Курской губерніи, ежегодно наводняющихъ наши безлюдныя степи, на рабочую пору; представимъ себѣ, что съ этими рабочими заключено условіе, на срокъ, и что рабочіе, что́ случается не рѣдко, бросятъ хозяина, не дослуживъ срока, чѣмъ причинятъ ему не малый убытокъ, такъ какъ на мѣстѣ хозяинъ не достанетъ порою рабочихъ ни за какія деньги. Но фактъ совершился, рабочіе ушли въ Курскую губернію; что́ дѣлать такому хозяину? Онъ открываетъ уставъ гражд. судопр., который составители желали сдѣлать «*доступнымъ* для тяжущихся», и читаетъ въ статьѣ 32-й устава, что «искъ предъявляется тому мировому судьѣ, въ участкѣ котораго отвѣтчикъ имѣетъ жительство, или временное пребываніе». Другой статьи нѣтъ въ *мировомъ* кодексѣ; хозяинъ рѣшаетъ, что ему необходимо начинать искъ въ Курской губерніи, за сотни верстъ, высылать повѣреннаго въ Курскую губернію и проч...., у него падаютъ руки и онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ такая бѣда согласуется съ судомъ «скорымъ», желавшимъ, для каждаго, сдѣлать *доступнымъ* защиту своихъ интересовъ. Не изъ такого ли источника вытекли слова гласнаго отъ землевладѣльцевъ въ земскомъ собраніи, которое мы бы назвали, если бы законъ не воспрещалъ сообщать того, что́ творитъ земство? Этотъ гласный сказалъ: «послѣ введенія мировыхъ судей въ нашемъ уѣздѣ отношенія наши къ рабочимъ стали до того неопредѣленны, что это грозитъ гибелью нашему хозяйству, совершеннымъ разореніемъ». Мы увидимъ впослѣдствіи, что хозяева имѣютъ, независимо отъ неполноты мирового устава, нѣкоторое основаніе сѣтовать на законы о рабочихъ; но мы повторимъ теперь еще разъ, что едвали не 32 статья, за отсутствіемъ другихъ указаній, навѣяла меланхолію на нашего гласнаго. И въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ быть?.... Дѣло однако очень просто, по судебнымъ уставамъ, и будь за *провинціальною* жизнію признаны извѣстныя права, то, несомнѣнно, въ мировой кодексъ были бы введены статьи изъ общихъ уставовъ, касающіяся настоящаго случая настолько, насколько вся сельская жизнь слагается изъ безпрерывныхъ отношеній хозяевъ къ рабочимъ.

По ст. 209 устава гражд. судопр., помѣщенной въ уставѣ для *об-*

щихъ судебныхъ мѣстъ, «иски, возникающіе изъ договора, въ которомъ *условлено мѣсто исполненія*, или изъ договора, исполненіе котораго, по свойству обязательства, можетъ послѣдовать только въ опредѣленномъ мѣстѣ (полевыя работы совершаются на полѣ, принадлежащемъ нанимателю), предъявляются мѣстному, *по исполненію договора*, суду. Независимо отъ этого существуетъ статья 227, разрѣшающая, *во всякомъ случаѣ*, въ самомъ договорѣ опредѣлить тотъ судъ первой степени, которому договаривающіяся стороны подчиняютъ разбирательство могущихъ возникнуть между ними недоразумѣній. Итакъ, наниматель Екатеринославской губерніи предъявляетъ искъ противъ рабочихъ Курской губерніи тому мировому судьѣ, въ участкѣ котораго состоитъ земля, находящаяся въ собственности или пользованіи нанимателя, даже если бы не было такого условія въ договорѣ, на что обѣ стороны имѣютъ право. Рабочаго, противъ котораго предъявленъ искъ, нѣтъ на лицо; мировой судья вызываетъ его къ разбирательству изъ Курской губерніи въ Екатеринославскую, назначая ему поверстный срокъ для явки (ст. 59); въ случаѣ неявки рабочаго къ назначенному, для разбора дѣла, сроку, мировой судья постановляетъ заочное рѣшеніе (ст. 145), копію съ котораго пересылаетъ рабочему (ст. 150) и которое приводится въ исполненіе, если въ теченіи двухъ недѣль не послѣдуетъ отзыва рабочаго о новомъ разсмотрѣніи дѣла (ст. 151), или въ теченіе мѣсяца со дня состоявшагося рѣшенія не послѣдуетъ апелляціи, если цѣна иска превышаетъ 30 руб. сер. (ст. 155, 162, 134). Независимо отъ этого, наниматель вправѣ просить судью о томъ, чтобы онъ, не выжидая срока, назначеннаго для разбора иска, допросилъ немедленно свидѣтелей, или осмотрѣлъ мѣстность, или спросилъ заключеніе свѣдущихъ людей (ст. 148). Наконецъ, въ обезпеченіе быстроты производства, статья 724, также не помѣщенная въ мировомъ кодексѣ, установляетъ, что при участіи въ дѣлѣ нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, изъ которыхъ одни явились, а другіе нѣтъ, судъ постановляетъ рѣшеніе, которое не считается заочнымъ и отзыву о новомъ разсмотрѣніи не подлежитъ, а только апелляціи. Наниматель вправѣ, при самомъ предъявленіи иска, просить объ *обезпеченіи* его (125—128 ст.) посредствомъ наложенія ареста на движимое имущество рабочаго, или слѣдующіе ему платежи. Казалось бы, чего лучше? *Обезпечить* искъ при самомъ возникновеніи его! Но практика говоритъ иное; практика гласитъ, что идутъ въ рабочіе почти всегда только люди *бѣдные*, которымъ нечѣмъ обезпечить иска и съ которыхъ, кромѣ ихъ личнаго труда, нечего взять. Мировой судья постановляетъ: обязать рабочаго дослужить срокъ, согласно договору, а рабочій не исполняетъ рѣшенія судьи и наниматель вновь жалуется. Что дѣлать судьѣ? Если идетъ рѣчь не о *сельскомъ* рабочемъ, къ которому примѣняются спеціальныя правила о наймѣ *сельскихъ* рабочихъ 1-го апрѣля 1863

года, но о рабочемъ, нанятомъ подрядчикомъ (правила 31-го марта 1861 года), то мировой судья, согласно § 82 временныхъ правилъ о рабочихъ, можетъ *выслать* его на работу и даже арестовать его, по 63 ст. устава о наказаніяхъ. Если же идетъ рѣчь о *сельскомъ* рабочемъ, то судъ совершенно безсиленъ предъ произволомъ его и единственною угрозою рабочему, не подчиняющемуся рѣшенію судьи, является статья 29 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, карающая за неисполненіе законныхъ распоряженій правительства штрафомъ до 15 руб. сер., который для несостоятельнаго рабочаго замѣняется арестомъ на три дня (ст. 7 п. 1-й устава о наказ.), къ сожалѣнію, не имѣющимъ вліянія на грубую натуру. Чѣмъ инымъ, какъ не безсиліемъ суда по дѣламъ о наймѣ *сельскихъ* рабочихъ, возможно объяснить, *отнюдь не оправдать*, постановленіе мирового судьи Холмскаго уѣзда, утвержденное мировымъ съѣздомъ, но кассированное сенатомъ, въ рѣшеніи угол. кас. деп. 1867 года № 502. Помѣщикъ Куропаткинъ жаловался мировому судьѣ на крестьянина Ѳомина за то, что послѣдній, заключивъ условіе о поступленіи къ Куропаткину въ работники и получивъ по оному, въ счетъ жалованья, 6 руб. сер. и провизію, самовольно оставилъ работы и не возвратилъ полученныхъ денегъ и хлѣба. Мировой судья и съѣздъ усмотрѣли въ этомъ не нарушеніе условія, какъ справедливо нашелъ сенатъ, но уголовный проступокъ, *обманъ* и приговорили Ѳомина къ заключенію въ тюрьмѣ, сдѣлавъ изъ гражданскаго спора уголовное дѣло. Мы не желали бы и никогда не позволимъ себѣ заподозрить судъ въ сословныхъ стремленіяхъ, а потому и не можемъ объяснить приговора холмскаго съѣзда ничѣмъ инымъ, кромѣ сознанія того, что *сельскій* рабочій, по закону, какъ бы имѣетъ возможность издѣваться надъ приговоромъ, обязывающимъ его исполнить договоръ. Мы глубоко убѣждены въ ошибочности холмскаго приговора; но мы въ то же время убѣждены и въ томъ, что возможность подобныхъ натяжекъ указываетъ на недостаточность существующихъ законовъ *о сельскихъ* рабочихъ; стоило бы только распространить на нихъ § 82 временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ вообще, и тогда мировой судья, получивъ возможность выслать рабочаго на работу и даже арестовать его, по 63 ст. устава о наказ. не свыше трехъ мѣсяцевъ, получилъ бы возможность настоять на исполненіи договора такими рабочими, которые не въ состояніи вознаградить хозяина за убытки, происшедшіе отъ самовольнаго оставленія работы. Само по себѣ понятно, что законъ и долгъ совѣсти, прежде всего, обязываютъ мирового судью внимательно обсудить причины, по которымъ рабочій оставилъ нанимателя.

Возвратимся однако къ сказанному выше. При желаніи помѣстить въ узаконеніяхъ, *для мировыхъ судей*, все существенное изъ судебныхъ уставовъ, что̀ могло бы коснуться ихъ юридической практики, соста-

вители мировыхъ уставовъ не помѣстили въ этомъ раздѣлѣ статьи о подсудности исковъ нанимателей противъ рабочихъ, между тѣмъ какъ такого рода исками наполняется дѣятельность сельскаго мирового судьи. Не подтверждается ли еще разъ сказанное нами, что провинціальная жизнь не отразилась въ судебныхъ уставахъ, составленныхъ въ столицѣ и не въ томъ ли задача настоящихъ дѣятелей по судебной реформѣ въ провинціи, чтобы выяснить тѣ стороны этой terra incognita, которыя не имѣлись въ виду при написаніи уставовъ.

Знаютъ ли напримѣръ въ столицѣ, до какой степени страдаютъ въ провинціи отъ *конокрадства*, обратившагося въ профессію, доведенную до большого искусства, вслѣдствіе продолжительнаго, безпрепятственнаго упражненія артистовъ? Составители уставовъ имѣли въ виду эту язву и потому признали конокрадство подсуднымъ *мировому суду*, какъ ближайшему и самому быстрому суду (зап. втор. отд., стр. 42—47). Но въ то же время уложеніемъ о наказаніяхъ 1866 года (ст. 1,604) признано не подсуднымъ мировой юстиціи, если кто-либо насильственнымъ или инымъ образомъ отгонитъ отъ чужого стада, или табуна, хотя бы одну лошадь и не возвратитъ ее по первому требованію хозяина; за это, виновный карается только штрафомъ въ 30 руб. сер., но самый проступокъ не подсуденъ мировой юстиціи, потому что можетъ граничить съ грабежомъ. Казалось бы, что въ виду статьи 117 угол. судопр., которою предусмотрѣнъ случай, если мировой судья самъ распознаетъ въ обсуживаемомъ имъ дѣйствіи признаки дѣянія, подсуднаго общимъ судебнымъ мѣстамъ, и которая обязываетъ судью передать дѣло судебному слѣдователю — казалось бы, что въ виду этой статьи не представляется надобности въ изъятіи изъ мирового разбирательства случая, указаннаго выше. Сохраненіе 1,604 статьи въ уложеніи о наказаніяхъ можетъ повести къ громаднымъ недоразумѣніямъ на практикѣ: такъ предъ однимъ изъ участковыхъ судей александровскаго судебнаго округа обвинялся крестьянинъ въ *воровствѣ* лошади, взятой изъ табуна, въ степи, т. е. въ самомъ обыкновенномъ видѣ конокрадства. Намъ достовѣрно извѣстно, что въ виду статьи 1,604 уложенія о наказаніяхъ, согласно которой общія судебныя мѣста, а не мировые судьи караютъ того, кто *отогналъ* бы хотя одну лошадь отъ табуна, судья долго колебался, признать ли себѣ подсуднымъ обыденнѣйшій видъ конокрадства. Легко представить себѣ, что бы вышло, если бы всякое конокрадство со степи восходило до окружнаго суда; это было бы истиннымъ бѣдствіемъ для сельскаго населенія и усложнило бы до невозможной степени кругъ дѣятельности окружнаго суда. Недоразумѣніе тутъ очевидно: случай предусмотрѣнный 1,604 статьею уложенія о наказ., помѣщенной въ раздѣлѣ о насильственномъ завладѣніи, а не о *похищеніи* чужой собственности, отнюдь не лишаетъ мирового судью права принимать къ разбору *всякое*

конокрадство, коль скоро оно только подходитъ подъ понятіе о *похищеніи*, подсудномъ мировой юстиціи. Статья 181 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, опредѣляетъ тѣ случаи, когда наказаніе за воровство, слѣдовательно и за *конокрадство*, опредѣляется не мировымъ судомъ, а общими судебными мѣстами и въ этой статьѣ не упоминается о 1,604 ст. уложенія о наказ.; т. е. о той статьѣ уложенія 1857 года, которую она замѣнила. Не правы ли мы однако, говоря, что еслибы земскія собранія хоть сколько-нибудь повліяли на редакцію уставовъ, то вопросъ о конокрадствѣ, который сотый разъ обсуждается въ земскихъ собраніяхъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ излеченія этой язвы мировымъ судомъ, не могъ бы быть обойденъ въ судебныхъ уставахъ, и состоялась бы по одному изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ провинціальной жизни такая редакція, которая предупредила бы всякія недоразумѣнія и успокоила бы населеніе; послѣднее, устрашенное конокрадами, ожидало мирового суда, какъ манны небесной. Не слѣдуетъ забывать при обсужденіи вопросовъ о подсудности того, что окружные суды, если принять во вниманіе отсутствіе путей сообщенія, *очень удалены* отъ массы бѣднаго населенія и ему недоступны; отнимите у мирового судьи право разбора насущнѣйшихъ житейскихъ дѣлъ, и огромныя суммы, на него затрачиваемыя, будутъ издерживаться безплодно населеніемъ, платежная сила котораго очень невелика. Конокрадство, а въ особенности простѣйшій видъ его, воровство лошадей изъ табуна, пасущагося на степи, обратилось, къ сожалѣнію, въ явленіе совершенно обыденное, но въ то же время касается насущнѣйшей стороны жизни сельскаго населенія; поэтому составители уставовъ, въ мотивахъ къ законамъ, совершенно справедливо указывали на то, что конокрадство должно строго караться мировыми судьями, такъ какъ лишить крестьянина лошади — значитъ лишить его средствъ къ пропитанію.

Бываютъ и такія правонарушенія, которыя не влекутъ за собою особенно чувствительнаго матеріальнаго ущерба, но имѣютъ развращающее вліяніе на населеніе; къ такимъ проступкамъ относится воровство фруктовъ изъ садовъ. Въ нашей безлѣсной мѣстности разведеніе сада стóитъ огромныхъ усилій, возможно только при большой энергіи и значительныхъ затратахъ времени и труда; дождаться своихъ плодовъ изъ сада составляетъ торжество для хозяина и плоды имѣютъ для него значительную *нравственную* цѣнность, не говоря о той пользѣ, которую приносятъ плоды въ хозяйствѣ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ возращенія плодовыхъ деревьевъ, они должны бы получить особенное значеніе во мнѣніи того населенія, на глазахъ котораго немногія энергическія личности борются со степной засухой, вредными насѣкомыми, губительными вѣтрами, весенними и

осенними морозами, для того, чтобы воспитать дерево. Между тѣмъ, дѣйствительность говоритъ совершенно иное: честнѣйшій крестьянинъ подчасъ не считаетъ посягательствомъ на чужую собственность похищеніе плодовъ изъ чужого сада, и предприниматели, нанимающіе землю для баштановъ, т.-е. для разведенія нѣсколькихъ десятинъ огурцовъ, дынь и арбузовъ, содержатъ десятки вооруженныхъ сторожей, для того, чтобы порою отбиваться отъ похитителей, которые считаютъ молодечествомъ набрать ночью, на баштанѣ, мѣшками арбузовъ и дынь. Дѣло суда воспитать массу, внушить ей уваженіе къ *труду* человѣка, ко *всякой* чужой собственности и поставить въ глазахъ ея любовь къ природѣ, культуру растеній, сáмую жизнь растеній на высоту, имъ принадлежащую, по самой сути вещей; суду могутъ помочь въ этомъ отношеніи только школы. Послѣ сказаннаго понятно, что въ нашемъ уѣздѣ возбудило особенный интересъ дѣло, которое могло бы показаться столичному жителю нестоющимъ выѣденнаго яйца. Дѣло шло о томъ, что трое молодыхъ крестьянъ, перебравшись чрезъ широкій ровъ и живую изгородь, которыми огражденъ былъ садъ, взлѣзли на яблоню и набрали, какъ показывали обвинитель и свидѣтели, за пазуху, до двухъ пудовъ яблоковъ; садовникъ и сторожа замѣтили ихъ и стали къ нимъ приближаться, а похитители, пустившись бѣжать, бросились въ рѣку, которою граничитъ садъ съ южной стороны и вплавь ушли отъ погони, но были узнаны и представлены къ мировому судьѣ; все это происходило днемъ. Мировой судья въ изложенныхъ обстоятельствахъ не усмотрѣлъ воровства, какъ того требовалъ обвинитель, но призналъ ихъ виновными, по 145 ст. устава о наказ., въ самовольномъ срываніи плодовъ и оштрафовалъ виновныхъ по 10 р. сер. Обвинитель принесъ кассаціонную жалобу съѣзду мировыхъ судей александровскаго округа; на съѣздѣ товарищъ прокурора, ссылаясь на мнѣніе Неклюдова и вполнѣ соглашаясь съ нимъ, давалъ заключеніе въ пользу утвержденія приговора судьи, но съѣздъ отмѣнилъ приговоръ, признавъ 145 ст. устава о наказ. неправильно примѣненною къ данному случаю и указавъ на необходимость примѣненія 169 статьи о наказ., *о воровствѣ*, влекущей за собою тюремное заключеніе. Для того, чтобы рѣшить, которое изъ мнѣній по дѣлу правильно, необходимо, прежде всего, совершенно выдѣлить изъ спора вопросъ о мѣрѣ наказанія, т.-е. вопросъ о томъ, стóитъ ли сажать въ тюрьму за воровство яблоковъ, или достаточно покарать за такой проступокъ денежнымъ штрафомъ. Видъ и мѣра наказанія не во власти суда, такъ какъ они составляютъ лишь неизбѣжное послѣдствіе того, къ какому роду проступковъ судъ отнесетъ данное преступное дѣяніе и едва ли судъ вправѣ, въ виду несимпатичныхъ для него послѣдствій приговора его собственно о родѣ и видѣ проступка, не-

вѣрно опредѣлить самыя свойства правонарушенія, для того чтобы достигнуть такого наказанія, которое судъ считалъ бы достаточнымъ, по совѣсти. Въ данномъ случаѣ съѣзду предстояло рѣшить *юридическій* вопросъ: считать ли трехъ крестьянъ, тайно бравшихъ яблоки и употребившихъ всѣ усилія для того, чтобы избѣжать преслѣдованія, похитителями чужой собственности, или нѣтъ? Самый текстъ статьи 145 устава о нак. доказываетъ, что законодатель отнюдь не имѣлъ въ виду изъять изъ понятія о *воровствѣ* всякое похищеніе плодовъ, но лишь такое, которое указываетъ не на желаніе совершить кражу, но на своеволіе, на небрежное отношеніе къ чужой собственности. Статья 145 уст. о нак. замѣнила статью 2,178 улож. о наказ. 1857 года, въ которой было сказано «кто самовольно, *но не тайно* и не въ видѣ кражи, воспользуется чужою собственностію....» Такимъ образомъ, прежняя редакція закона ясно указывала на то, что *тайна* совершенія составляетъ отличительный признакъ похищенія, а проступки, предусмотрѣнные 145 статьею устава о наказ. носятъ на себѣ характеръ не похищенія, а потравы. Поэтому мы полагаемъ, что съѣздъ, принявъ во вниманіе сообщество трехъ лицъ и обнаруживаемую тѣмъ преднамѣренность совершенія, пренебреженіе надежною оградою сада и обнаруживаемую тѣмъ преступность воли, количество взятыхъ плодовъ, бѣгство виновныхъ — правильно призналъ данный случай *воровствомъ*, а не самовольнымъ пользованіемъ чужимъ имуществомъ. Съѣздъ призналъ похищеніемъ такое дѣйствіе, которое совмѣщало въ себѣ всѣ признаки похищенія и едва ли такая аргументація не послѣдовательнѣе той, которой держится Неклюдовъ [1]), указывая на то, что взявшій клубники, искусственно разводимой подъ Петербургомъ, будетъ *воромъ*, потому что разведеніе клубники стóитъ большихъ затратъ предпринимателю, а взявшій, *при такихъ же обстоятельствахъ*, за исключеніемъ дороговизны производства взятаго, плодовъ въ саду не долженъ быть обвиняемъ въ воровствѣ? Едва ли судъ удовлетворитъ общественную совѣсть, если будетъ проводить строго *формальное* различіе между воровствомъ и самовольнымъ пользованіемъ чужимъ имуществомъ: человѣкъ тайкомъ вошелъ въ незапертую садовую сторожку, въ которой хранятся спѣлые плоды и взялъ *одно* яблоко — онъ воръ; тотъ же человѣкъ набралъ тайкомъ съ дерева, что гораздо труднѣе, *пудъ* яблоковъ, и онъ не воръ, потому только, что яблоки, какъ висѣвшіе на деревѣ, еще не были въ полной собственности хозяина. Мы позволяемъ себѣ утверждать, что

---

[1]) Большинству читателей, безъ сомнѣнія, извѣстно почтенное имя г. Неклюдова, оказавшаго такую великую услугу дѣлу составленіемъ „*Руководства для мировыхъ судей*“.

такой приговоръ не удовлетворилъ бы совѣсти большинства, которое сочло бы обоихъ невиновными, или, еслибы признало за ними вину, то второго сочла бы болѣе виновнымъ, чѣмъ перваго, такъ какъ онъ преодолѣлъ больше препятствій для приведенія въ исполненіе своего преступнаго намѣренія и нанесъ бо́льшій ущербъ. Совершенно иной вопросъ, насколько общество можетъ сочувствовать тому, чтобы троихъ молодыхъ людей, еще неиспорченныхъ, быть можетъ, засадить на полтора мѣсяца въ острогъ за то, что они соблазнились чужими яблоками, и для того, чтобы *научить* ихъ красть лучше и встрѣтиться съ ними впослѣдствіи, быть можетъ, на большой дорогѣ. Между тѣмъ такова *низшая* мѣра наказанія за воровство, и то только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, перечисленныхъ въ законѣ (ст. 171 уст. о нак.). Повторимъ сказанное нами въ первомъ письмѣ; не справедливѣе ли было бы не опредѣлять въ самомъ законѣ *наименьшаго* срока заключенія въ тюрьму, подобно тому, какъ арестъ опредѣляется только въ *высшемъ* размѣрѣ, и предоставить такимъ образомъ судьѣ право уменьшать срокъ тюремнаго заключенія, по совѣсти, сообразно обстоятельствамъ дѣла. Не выиграла ли бы также нравственность народная отъ того, чтобы за мелкое воровство, совершенное невѣжественными людьми, виновные подвергались *аресту* вблизи мѣста жительства и вовсе не отсылались въ тюрьму, иногда за сотню верстъ, въ рабочую пору, для того, чтобы на цѣлый годъ лишиться средствъ къ жизни и таким образомъ выдти на дорогу воровства крупнаго?... Все это законодательные вопросы, не пустые для того, кто знаетъ тотъ народъ, къ которому примѣняются законы. Вниманіе къ нуждамъ народа, о которыхъ возможно узнать только отъ народа, а не отъ чиновниковъ, побудило одного изъ участковыхъ судей нашего округа обратиться къ съѣзду съ вопросомъ, вправѣ ли онъ въ тѣхъ случаяхъ, еслибы крестьянину, дѣло котораго рѣшается въ іюнѣ, напримѣръ, предстояло сидѣть въ тюрьмѣ іюнь и іюль и затѣмъ остаться *безъ хлѣба на весь годъ*, отсрочивать исполненіе приговора до минованія рабочей поры? Съѣздъ разъяснилъ, что въ законѣ не воспрещено назначать въ приговорѣ срокъ, съ котораго должно *начаться* тюремное заключеніе для виновнаго, но что при этомъ необходимо соблюсти требованіе статьи 125, по которой лицо, присужденное къ тюремному заключенію, можетъ оставаться на свободѣ только въ томъ случаѣ, если представитъ залогъ, или поручительство. Въ виду того, что названная 125 статья говоритъ лишь о приговорахъ *неокончательныхъ*, превысилъ ли съѣздъ власть, примѣнивъ ее и къ приговорамъ окончательнымъ, т.-е. и къ тѣмъ неокончательнымъ приговорамъ, на которые виновнымъ изъявлено удовольствіе, или съѣздъ вѣрно истолковалъ мысль законодателя, желавшаго установить судъ «милостивый» и «правый?»

Мы успѣли коснуться въ настоящемъ письмѣ уже не мало вопросовъ; всѣ они вытекаютъ изъ практики мировой юстиціи, но мы не всегда излагали тѣ случаи, которыми эти вопросы возбуждались, потому что сами обстоятельства дѣла не представляли особеннаго интереса. Теперь же, напротивъ, намъ предстоитъ изложить обстоятельства такого дѣла, которое не разсмотрѣно мировымъ судомъ, за неподсудностію, такъ какъ на этотъ разъ самое существо дѣла наводитъ на размышленія. Къ одному изъ почетныхъ судей нашего округа обратился крестьянинъ съ словесною жалобою, слѣдующаго содержанія: 19-го октября сего года проситель, по производствѣ въ мѣстной церкви троекратнаго оглашенія о вступленіи его въ бракъ съ мѣстною крестьянскою дѣвушкою, пришелъ въ мѣстную церковь, вмѣстѣ съ своею невѣстою, къ вѣнчанію. Священникъ Василій Григоровичъ вышелъ, въ облаченіи, для того чтобы вѣнчать ихъ; но увидѣвъ, что невѣста, имѣвшая до брака ребенка, повязана платкомъ, *какъ дѣвушка*, а не въ такой повязкѣ, какую обыкновенно носятъ *женщины*, сказалъ, обращаясь къ просителю: «я не хочу вѣнчать васъ, пошелъ вонъ, свинья, собака!» При этомъ церковь была полна народу*). На возраженіе просителя: «за что же, батюшка, вы не хотите вѣнчать?» священникъ отвѣчалъ; «ее вѣнчать не стоитъ, она свой законъ получила.» Тогда проситель съ невѣстою вышли изъ церкви и отправились въ домъ священника, прося, или обвѣнчать ихъ, или выдать невѣстѣ метрическое свидѣтельство, для того чтобы они могли обвѣнчаться у другого священника. На эти просьбы священникъ, при свидѣтеляхъ, которыхъ проситель назвалъ судьѣ, отвѣчалъ просителю: «возьми ты метрическое свидѣтельство у моего кобеля, подъ....; пошелъ вонъ, собака!» Проситель, жалуясь на нанесенное ему оскорбленіе, просилъ судью взыскать съ священника по законамъ. Почетный мировой судья, согласно рѣшенію сената 1869 г. № 58, не выжидаетъ того, чтобы отъ обѣихъ сторонъ поступили заявленія о разборѣ дѣла, но по заявленію *одной* стороны дѣлаетъ вызовъ другой, которой предоставляется устранить почетнаго судью и выразить желаніе разбираться у судьи участковаго. Поэтому въ данномъ случаѣ почетному судьѣ предстояло обсудить, посылать ли повѣстку священнику, или нѣтъ? Принявъ во вниманіе статью 1,017 устава угол. судопр., ст. 210—213 устава духовныхъ консисторій и рѣшеніе сената 1867 года № 181, почетный мировой судья призналъ оскорбленіе, нанесенное

*) Такой же прискорбный случай въ началѣ прошлагó года произошелъ въ Берлинѣ, гдѣ одинъ изъ старѣйшихъ пасторовъ, оберъ-консисторіальратъ Фурнье, далъ оплеуху невѣстѣ за то, что она надѣла миртовый вѣнокъ, не имѣя на то права; это обстоятельство повело за собою процессъ. См. нашу корресп. изъ Берлина, апр. 1868, стр. 969. — *Ред.*

священникомъ, подсуднымъ суду духовному и неподсуднымъ мировой юстиціи, а потому постановилъ разбора этого дѣла не возбуждать и въ обсужденіе его не входить. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что епархіальное начальство обратитъ самое серьезное вниманіе на этотъ случай, и что публика, въ свое время, узнаетъ о томъ, чѣмъ дѣло кончится. Призадумался крестьянинъ, выслушавъ отказъ судьи и разобравъ въ чемъ дѣло; не подумалъ ли онъ: «какъ же это говорятъ, что установленъ судъ, *равный для всѣхъ?...*»

Мы познакомили читателей съ крестьяниномъ, у котораго развито чувство чести; многіе, на его мѣстѣ, не стали бы жаловаться, такъ какъ въ концѣ концовъ жалобщикъ обвѣнчанъ съ своею невѣстою оскорбившимъ его священникомъ. Да; еще весьма различно развито въ крестьянахъ понятіе о чести; вотъ, напримѣръ, сцена, которой мы были свидѣтелемъ въ сельской камерѣ. Выходятъ за рѣшетку два молодые человѣка, въ крестьянской одеждѣ; одинъ изъ нихъ смотритъ бойко, а другой сонливо; послѣдній истецъ, жалующійся судьѣ на то, что его побилъ, вмѣстѣ съ нимъ вышедшій за рѣшетку, отвѣтчикъ. Судья къ отвѣтчику, выслушавъ жалобу истца: «били вы N. N?» «Какъ же, билъ, ваше высокородіе, и сильно билъ!» *Судья*: «Какое же вы имѣли право бить; развѣ вы не знаете того, что законъ запрещаетъ бить?»—«Да я за дѣло билъ, ваше в-діе, ей-богу за дѣло; я ему велѣлъ оставаться при отарѣ, а онъ ее бросилъ; не дай Богъ бѣды!» *Судья*: «Вы могли жаловаться, но не должны были расправляться сами.» Отвѣтчикъ пожимаетъ плечами. Судья къ истцу: «не хотите ли вы помириться: я бы вамъ совѣтовалъ, принявъ во вниманіе то, что оскорбившій васъ человѣкъ бѣдный, а вы раздосадовали его своею небрежностію, взять съ него 3 р. сер. и подписать мировую. Хотите ли вы мириться?»—«Какъ прикажете, ваше в-діе», отвѣчаетъ истецъ.»—«Я не могу приказывать вамъ; я по закону только предлагаю вамъ миръ и еще разъ спрашиваю васъ, желаете ли вы сойтись на миръ за три рубля сер?» *Истецъ*: «три рубля маловато будетъ; вѣдь онъ *всю* палку на мнѣ избилъ». Судья къ отвѣтчику: «точно ли такъ было дѣло?» Отвѣтчикъ: «такъ, такъ! всю палку избилъ, какъ есть всю»! Судья къ истцу: «помиритесь съ нимъ за пять руб. сер.» *Истецъ*: «Ну *пять* рублей идетъ; пусть такъ, согласенъ». Подписывается мировая. Другой случай: отвѣтчикъ, оскорбившій дѣйствіемъ истца, предлагаетъ ему мировую: «Иванъ Петровичъ, возьмите, сдѣлайте милость, 25 р. сер., сдѣлайте милость, возьмите; вѣдь на этомъ свѣтѣ вмѣстѣ жить и на томъ свѣтѣ встрѣчаться, возьмите 25 руб. сер.». Истецъ отвѣчаетъ, послѣ нѣкотораго раздумья: «пусть будетъ 26 р. сер.! (sic)!» Отвѣтчикъ снова предлагаетъ 25 р. сер., опять указываетъ на отношеніе къ истцу на этомъ и на томъ свѣтѣ; истецъ

думаетъ и повторяетъ: «пусть будетъ 26 р.!» Отвѣтчикъ соглашается, и мировая состоялась.

Дѣло однако въ томъ, что обѣ стороны выходятъ изъ суда, благословляя мировой судъ. Но каково подѣйствуетъ на читателя такая сцена: приходитъ къ мировому судьѣ, за 10 верстъ пѣшкомъ, окровавленный крестьянинъ и проситъ взыскать съ крестьянина, побившаго его. Мировой судья объясняетъ ему, что это дѣло *волостного* суда. Крестьянинъ начинаетъ плакать горькими слезами, при мысли о томъ, что ему предстоитъ искать правды въ волостномъ судѣ, котораго онъ боится и которому онъ не вѣритъ. Долго ли еще мы будемъ видѣть такія слезы, или скоро ли наступитъ давно желанное время, чтобъ законъ позволилъ огромному большинству русскаго населенія пользоваться судомъ, который долженъ былъ быть судомъ *для всѣхъ*, и который пока еще остается судомъ *для меньшинства*, которому и до судебной реформы было легче добиться правды судомъ, чѣмъ большинству. Или крестьяне *менѣе* другихъ сословій платятъ земскихъ повинностей на содержаніе мировой юстиціи?... За что же они менѣе другихъ могутъ ею пользоваться? Спросите-ка *ихъ*, есть ли тутъ правда, а не только юристовъ.

Бар. Н. Корфъ.

Александр. уѣздъ,
Екатеринославской губ.

НАШИ СРЕДСТВА

къ

НАРОДНОМУ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

По поводу бюджета министерства народ. просвѣщ. на 1870 годъ.

Если мы станемъ прислушиваться къ одному языку цифръ, то будемъ вынуждены признать, что дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія у насъ въ послѣднее время должна была значительно возрости. Не далѣе, какъ семь лѣтъ тому назадъ, въ 1863 г., бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія не достигалъ 6 милліоновъ рублей, а теперь мы видимъ, что этотъ бюджетъ возросъ до 10 милліоновъ, назначеніе которыхъ уже опредѣлено финансовою смѣтою министерства народнаго просвѣщенія на 1870 годъ. Расходованіе 10 милл., конечно, наводитъ на мысль, что дѣятельность министерства теперь вдвое бо́льшая, нежели при прежнемъ расходованіи 6 милліоновъ.

Столь быстрое возрастаніе расходовъ казны на дѣло просвѣщенія въ Россіи, мы, собственно, не можемъ еще признать близкимъ къ нормальному; при 70-милліонномъ населеніи Россіи сумма въ 10 милліоновъ даетъ среднимъ числомъ всего 7 рублей на просвѣщеніе одного человѣка. Помимо того, бюджетная цифра расходовъ на народное просвѣщеніе, какъ бы ни представлялась она сравнительно съ прежнимъ временемъ значительною, все же эта цифра составляла не болѣе, какъ *два процента* всѣхъ занесенныхъ въ послѣднюю государственную роспись расходовъ на истекшій годъ. Съ другой стороны, мы не считаемъ себя въ правѣ заключать отъ увеличенія бюджетной цифры

объ улучшеніи качества дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Предположеніе израсходовать въ 1870 году 10 милл., конечно, свидѣтельствуетъ о расширеніи области дѣйствія, но еще ничего не говоритъ о ея цѣлесообразности. Остаются весьма важные вопросы: все ли, отпускаемое казною министерству, идетъ на дѣйствительныя нужды и потребности народнаго просвѣщенія и распредѣляется, по возможности, равномѣрно между всѣми частями обширной Россіи, въ виду того, что каждая изъ такихъ частей, по сущности дѣла, имѣетъ несомнѣнно одинаковое право на свою долю участія въ пользованіи благами просвѣщенія?

Имѣя въ виду такой вопросъ и ему подобные, мы съ особеннымъ любопытствомъ прослѣдили весь послѣдній отчетъ министерства народнаго просвѣщенія, помѣщенный въ мартовской и іюньской книжкахъ его журнала за прошедшій годъ, и нашли въ немъ большую массу самыхъ краснорѣчивыхъ статистическихъ данныхъ, рисующихъ вполнѣ вѣрную картину состоянія дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи въ наше время. Въ этомъ же отчетѣ мы можемъ найти полнѣйшія статистическія данныя для рѣшенія вопроса, какъ въ настоящее время регулируются въ министерствѣ народнаго просвѣщенія тѣ суммы, которыя отпускаются государственнымъ казначействомъ на дѣло просвѣщенія? А нѣтъ сомнѣнія, что успѣшность дѣйствій министерства нельзя измѣрять однимъ количествомъ затрачиваемыхъ имъ денегъ; высыпать даже большое количество зерна въ одну кучу, не значитъ засѣять поле, а потому при оцѣнкѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія нужно искать, равномѣрно ли распредѣлены суммы, вѣрна ли рука нашихъ сѣятелей?

Такъ какъ въ отчетѣ министерства за 1867 г. всѣ свѣдѣнія о подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ сгруппированы не по каждой губерніи въ отдѣльности, а по роду самихъ этихъ учрежденій, расходные же бюджеты министерства, по принятой для нихъ формѣ, распадаются на главные отдѣлы: административный, ученый и учебный,—то мы постараемся, при дальнѣйшемъ разборѣ этого матеріала, по возможности, придерживаться существующаго административнаго дѣленія министерства народнаго просвѣщенія на такъ-называемые *учебные округи*, выдѣливъ изъ нихъ всѣ тѣ учрежденія, которыя, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, не могутъ имѣть исключительнаго для той или другой мѣстности Россіи значенія, какъ учрежденія болѣе или менѣе универсальныя или же строго спеціальныя.

Въ настоящее время вся Европейская Россія, какъ извѣстно, дѣлится на 9 подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ округовъ, управляемыхъ особымъ въ каждомъ изъ нихъ попечителемъ[1]). Въ распредѣленіи округовъ насъ поражаетъ прежде

[1]) Учебныя заведенія Кавказскаго края составляютъ особый округъ, состоящій

всего ихъ крайняя неравномѣрность, какъ относительно пространства, такъ и населенности [1]):

	Число губерній:	Пространство въ кв. миляхъ:	Населенность:	На одну кв. мил. об. пола:
1. Петербургскій.	6	26,252	4,555,000	165
2. Казанскій.	11	27,513	150,000	418
3. Одесскій.	4	4,271	4,177,000	980
4. Виленскій.	6	5,496	5,550,000	1,009
5. Дерптскій.	3	1,676	1,813,000	1,080
5. Московскій.	9	7,587	11.020.000	1,452
7. Харьковскій.	5	5,080	8,865,000	1.745
8. Кіевскій.	5	4,844	8,880,000	1,833
9. Варшавскій.	10	2,199	5,320,000	2,400

При одномъ взглядѣ на эту таблицу, видно, наприм., что первые два округа, петербургскій и казанскій, (каждый изъ этихъ двухъ округовъ занимаетъ болѣе пространства четырехъ *вмѣстѣ взятыхъ* государствъ: Пруссіи, Франціи, Италіи и Англіи), раскинутые на чрезвычайно большомъ протяженіи при наименьшемъ противу прочихъ округовъ населеніи, занимаютъ болѣе *половины* всего пространства Европейской Россіи, такъ что крайніе населенные предѣлы этихъ округовъ отстоятъ другъ отъ друга на огромныхъ разстояніяхъ, какъ наприм. города Астрахань и Верхотурье въ Казанскомъ округѣ (до 2,500 верстъ).

Что же касается до неравномѣрности населенія этихъ округовъ, то она выразится еще нагляднѣе, если принять за *единицу* населенія число жителей въ наименьшемъ изъ нихъ, т.-е. дерптскомъ (съ числомъ жителей въ 1,813,000 об. пола); въ такомъ случаѣ, относительная масса населенія прочихъ округовъ выразится, приблизительно, въ слѣдующихъ цифрахъ: въ петербургскомъ — $2^1/_2$, виленскомъ и варшавскомъ — 3, одесскомъ — $3^1/_2$, кіевскомъ и харьковскомъ — 5, московскомъ — 6 и, наконецъ, число жителей въ казанскомъ округѣ слишкомъ въ $8^1/_2$ разъ болѣе чѣмъ въ дерптскомъ.

Изъ взаимнаго же сопоставленія этихъ послѣднихъ цифръ оказывается, что, напр., округа кіевскій и харьковскій, по *числу жителей*, *вдвое* болѣе петербургскаго, московскій же округъ болѣе *вдвое*, а казанскій почти *втрое* противъ каждаго изъ округовъ виленскаго и варшавскаго.

Историческій путь установленія нынѣшняго дѣленія имперіи на учебные округа указываетъ, что первоначальное учрежденіе старѣй-

---

въ непосредственномъ вѣдѣніи намѣстника кавказскаго; сибирскія же учебныя заведенія поставлены въ зависимость отъ мѣстныхъ губернаторовъ.

[1]) Цифры населенія округовъ имперіи взяты по свѣдѣніямъ за 1866 г., по губерніямъ же Привислинскаго края—за 1865 г.

ныхъ изъ этихъ округовъ, послѣдовавшее въ 1803 г. вслѣдъ за учрежденіемъ министерствъ, какъ видно изъ самаго указа о томъ, было вызвано намѣреніемъ, «училища нѣсколькихъ сосѣдственныхъ губерній, *сходствующихъ* между собою въ мѣстныхъ обстоятельствахъ, соединить въ особый округъ, который состоялъ бы подъ вѣдѣніемъ одного изъ членовъ главнаго правленія училищъ». Затѣмъ, спустя почти 20 лѣтъ, было признано необходимымъ измѣнить территоріальныя границы учрежденныхъ округовъ, пріурочивъ ихъ къ тогдашнему дѣленію губерній на округа генералъ-губернаторскаго управленія, съ тѣми притомъ небольшими отступленіями, которыя обусловливались необходимостію, «сколь возможно приблизить губерніи къ университетамъ, которыми онѣ по части училищной управляются». Наконецъ, съ открытіемъ кіевскаго учебнаго округа и съ освобожденіемъ (въ 1835 г.) университетовъ отъ управленія гимназіями и училищами округа, установившіяся тогда границы учебныхъ округовъ въ главныхъ чертахъ сохранились и до настоящаго времени, съ тою только перемѣною, что губерніи сибирскія и кавказскія отошли въ особыя управленія, бывшія же съ 1824 г. въ вѣдѣніи петербургскаго округа двѣ западныя губерніи—Витебская и Могилевская, вновь вошли (въ 1864 г.) въ составъ виленскаго учебнаго округа, къ которому эти губерніи были причислены еще при самомъ образованіи округовъ (въ 1803 г.) [1].

Изъ этого краткаго очерка можно заключить, что то или другое географическое дѣленіе губерній имперіи на учебные округи мотивировалось, главнымъ образомъ, довольно древнимъ положеніемъ вообще учебнаго дѣла въ Россіи, при которомъ, вслѣдствіе крайне неравномѣрнаго состоянія уровня образованія въ разныхъ частяхъ обширной Россіи, казалось въ свое время необходимымъ съ такою же неравномѣрностію распредѣлить и самыя губерніи по учебнымъ округамъ.

Не останавливаясь здѣсь на вопросѣ о томъ, на сколько установленныя почти 35 лѣтъ тому назадъ границы учебныхъ округовъ оправдываются какими-либо потребностями настоящаго времени при совершенно измѣнившихся съ тѣхъ поръ гражданскихъ и экономическихъ условіяхъ въ Россіи, перейдемъ къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, коими можетъ характеризоваться настоящее положеніе каждаго изъ учебныхъ округовъ, по отношенію вообще къ дѣлу народнаго просвѣщенія и ассигнуемымъ на него денежнымъ средствамъ.

Изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія за тотъ же 1867 г. видно, что къ 1 января 1868 г. состояло учащихся: въ 7 университетахъ и варшавской Главной школѣ — 5,575, въ гимназіяхъ —

[1]) Варшавскій учебный округъ, учрежденный первоначально въ 1840 г., преобразованъ въ 1867 г., съ подчиненіемъ центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія, наравнѣ съ прочими округами имперіи.

34,636, въ уѣздныхъ и вообще низшихъ обоего пола училищахъ — 171,321 и наконецъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ—298,105 учащихся. Сопоставляя эти данныя съ дѣйствительнымъ расходомъ на содержаніе учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ 1867 году, оказывается, что на университеты пошло въ томъ году около 25%, на гимназіи — 34%, на училища уѣздныя и другія низшія — до 14½%, и наконецъ *на народное образованіе* въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. на такъ-называемыя приходскія и всѣхъ другихъ наименованій народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія — съ небольшимъ *пять* процентовъ его годового бюджета.

Какъ видно изъ опубликованныхъ свѣдѣній, весь дѣйствительный расходный бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1867 г., простирался до 7,037,000 р., изъ которыхъ причиталось собственно на содержаніе всѣхъ нашихъ университетовъ, гимназій и училищъ всѣхъ наименованій около 5,556,000 р., т. е. почти 79% всего бюджета министерства за тотъ годъ; въ частности же эта послѣдняя сумма раздѣлялась между сказанными тремя родами учебныхъ заведеній такъ, что всѣ *низшія* училища обошлись круглымъ числомъ въ 1,423,000 р., затѣмъ всѣ *среднія* учебныя заведенія—въ 2,415,000 р. и наконецъ, *университеты* — въ 1,718,000 р. Такимъ образомъ, и по важности образовательнаго, въ историческомъ смыслѣ, значенія и по относительной стоимости содержанія, на первомъ планѣ стоятъ среднія учебныя заведенія, т. е. *гимназіи*, доставляющія, какъ извѣстно, главный контингентъ для нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Потому и мы обратимся прежде всего къ гимназіямъ.

I.

ГИМНАЗІИ.

Въ 1867 г., наши гимназіи заключали въ своихъ стѣнахъ 34,636 молодыхъ людей; ихъ обученіе стоило бюджету министерства народнаго просвѣщенія 2,415,000 р., или 34% всего бюджета. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько правильно затрачивать 34% всего бюджета на среднее образованіе 34,000 человѣкъ, когда начальное образованіе почти 300,000 человѣкъ составляетъ только 5% бюджета,— обратимся прямо къ изслѣдованію, какимъ образомъ распредѣлены тѣ два съ половиною милліона, которые издерживаются на гимназіи. Нѣтъ ли тутъ коренной ошибки, которая должна невыгодно отразиться на общемъ ходѣ нашего образованія.

Изъ послѣднихъ опубликованныхъ извѣстій видно, что во всѣхъ

девяти округахъ имперіи, со включеніемъ обѣихъ частей Сибири, въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состоитъ 139 мужскихъ гимназій, въ томъ числѣ 115 полныхъ и 24 неполныхъ или такъ-называемыхъ *прогимназій*; такъ что полныхъ гимназій приходится $1^1/_2$ на 1 милліонъ населенія. По времени своего открытія, эти гимназіи относятся: 5 гимназій—къ прошлому столѣтію, 47 къ первой четверти настоящаго, затѣмъ 25 ко второй четверти, и остальныя 31 гимназія получили свое существованіе въ теченіи послѣднихъ 19 лѣтъ [1]). По мѣстностямъ населенія, всѣ 139 гимназій распредѣляются такъ, что 39 гимназій существуютъ въ уѣздныхъ городахъ, остальные же 100 находятся въ 68 городахъ губернскихъ и областныхъ, въ томъ числѣ:

	Число гимназій.	Число жителей.		Число гимназій.	Число жителей.
въ Петербургѣ. . .	9	— 550,000	въ Харьковѣ . . .	3	— 60,000
— Москв.	5	— 370,000	— Одессѣ.	3	— 120,000
— Варшавѣ. . . .	10	— 182.000	— Казани	2	— 72,000
— Кіевѣ.	4	— 71,000	— Вильнѣ	2	— 79,000
— Нижн.Новгородѣ.	2	— 41,000	— Ригѣ	2	— 102,000

Изъ этихъ данныхъ, между прочимъ, видно, что въ Варшавѣ, при населеніи *вдвое меньшемъ*, чѣмъ въ Москвѣ, существуетъ *вдвое болѣе* казенныхъ гимназій; а по сравненію съ Петербургомъ, гдѣ населеніе втрое больше — въ Варшавѣ одной гимназіей больше.

Затѣмъ необходимо замѣтить, что во многихъ густонаселенныхъ городахъ округовъ имперіи, какъ наприм. въ Бердичевѣ (до 55,000, ж.), Вольскѣ (до 26,000 ж.), Ельцѣ (30,000 ж.), Козловѣ (23,000 ж.), Моршанскѣ (до 20,000 ж.), Рыбинскѣ (15,000 ж.), Сызранѣ (20,000 ж.), и друг. до сего времени нѣтъ ни гимназій, ни даже прогимназій, тогда какъ во многихъ городахъ варшавскаго учебнаго округа и нѣкоторыхъ городахъ западныхъ губерній, съ населеніемъ далеко меньшимъ, существуютъ казенныя гимназіи, какъ наприм. въ Маріамполѣ, Сандомірѣ, Холмѣ, Бѣлѣ, Пинчовѣ, Шавляхъ (Ковен. губ.), и др., изъ которыхъ въ каждомъ число жителей не достигаетъ даже 5,000. Кромѣ того, въ большинствѣ округовъ сѣверной и восточной полосъ имперіи существуетъ по одной только гимназіи на губернію, отдаленныя другъ отъ друга болѣе или менѣе на значительныя разстоянія, тогда какъ въ губерніяхъ всей западной и южной окраинъ Россіи находятся по 2, нерѣдко по 3 и даже 5 гимназій въ одной губерніи, какъ на-

---

[1]) Свѣдѣній о времени открытія 31 гимназій варшавскаго учебнаго округа у насъ нѣтъ подъ руками.

прим., въ Люблинской 4, Черниговской 3, Лифляндской 5, Гродненской 3, Минской 4 и проч. Наконецъ, обширная Сибирь, съ ея 4-милліоннымъ населеніемъ въ четырехъ своихъ губерніяхъ, имѣетъ только 3 гимназіи и 1 прогимназію (въ Якутскѣ).

Наконецъ, изъ всѣхъ округовъ имперіи въ настоящее время только въ двухъ, именно въ кіевскомъ и варшавскомъ, состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія женскія гимназіи, содержимыя на счетъ казны [1]; число женскихъ гимназій въ первомъ изъ нихъ 4, а во второмъ 18.

Общее годовое содержаніе всѣхъ указанныхъ гимназій (139 муж. и 22 женск.), по всѣмъ округамъ восходитъ до 4.100,000 руб.

Изъ этой суммы падаетъ непосредственно на государственную казну болѣе 75%, затѣмъ до 10% относится на сборъ за ученіе въ гимназіяхъ (за исключеніемъ гимназій варшавскаго округа), 9% — на сборъ за содержаніе частныхъ воспитанниковъ въ существующихъ при нѣкоторыхъ изъ гимназій пансіонахъ, около 2% — на счетъ процентовъ съ принадлежащихъ гимназіямъ неприкосновенныхъ капиталовъ (пожертвованныхъ въ разное время) и остальные, менѣе 4% составляютъ взносы обществъ и сословій на содержаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ гимназій. Такихъ гимназій до настоящаго времени оказывается весьма ограниченное число, и только три изъ нихъ, именно: въ Новочеркаскѣ, Усть-Медвѣдицкой станицѣ и Нижнемъ-Новгородѣ (дворянскій Институтъ—на правахъ гимназіи) содержатся исключительно на сословныя суммы. Затѣмъ, реальная гимназія въ Ригѣ и коммерческое училище въ Одессѣ (оба съ 1861 г.) получаютъ содержаніе отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ; гимназіи въ г. Вязьмѣ (Смоленской губ.) и въ Корочѣ (Курской), открытыя въ прошломъ году, содержатся на счетъ земства, съ пособіемъ отъ казны по 2,300 р. въ годъ и, наконецъ, три неполныя гимназіи въ гг. Аренсбургѣ (съ 1804 г.), Перновѣ (съ 1805 г.) и Либавѣ (съ 1806 г.), и гимназія въ г. Керчи (съ 1864 г.) — на счетъ мѣстныхъ обществъ съ пособіемъ отъ казны (въ сложности на всѣ три первыя прогимназіи до 12,000 р. и на послѣднюю—по 11,368 р. въ годъ). Достойно замѣчанія, что такіе незначительные по числу жителей города, какъ напр. Керчь (20,000 жит.), Перновъ (10,000 ж.) и Аренсбургъ (до 4,000 ж.) находятъ возможнымъ удѣлять изъ своихъ доходовъ довольно значительную часть на гимназіи (Аренсбургское общество даетъ ежегодно на свою гимназію по 3,825 р.) — фактъ, почти не встрѣчающійся даже въ весьма многолюдныхъ нашихъ городахъ, хотя недостатокъ въ такого рода среднихъ учебныхъ

[1] Въ минувшемъ году открыта еще женская гимназія (Ломоносовская) въ Ригѣ, которая содержится на счетъ городскихъ доходовъ, съ пособіемъ отъ казны ежегодно по 3,000 р.

заведеніяхъ, какъ гимназіи, крайне въ нихъ ощутителенъ, судя по наличному числу учащихся въ существующихъ въ нихъ казенныхъ гимназіяхъ. Въ особенности это замѣтно въ обѣихъ нашихъ столицахъ, гдѣ недостаточное и несоразмѣрное съ населеніемъ число казенныхъ гимназій, переполненныхъ учащимися, вызываетъ устройство частныхъ гимназій, которыя, въ силу присущаго имъ болѣе или менѣе коммерческаго характера, по своей дороговизнѣ платы за ученіе, доступны лишь для людей съ достаточными средствами.

Если изъ общаго расходнаго бюджета (до 4,100,000) всѣхъ 161 состоящихъ нынѣ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія гимназій исключить стоимость содержанія гимназій *женскихъ* и тѣхъ изъ мужскихъ, которыя содержатся сполна на мѣстныя средства, то оказывается, что на содержаніе казенныхъ 110 гимназій и 24 прогимназій всѣхъ учебныхъ округовъ потребно до 3,580,000 р., не считая при этомъ той части сборовъ за ученіе въ нихъ и за содержаніе частныхъ пансіонеровъ и прочихъ источниковъ (въ сложности до 300,000 р.) которая оставляется гимназіями на случай непредвидимыхъ расходовъ въ теченіи года — такъ что средняя стоимость годового содержанія каждой гимназіи опредѣляется въ 28½ т. р. и каждой прогимназіи — около 11,000 р.

Въ частности же, по каждому учебному округу отдѣльно, средняя стоимость содержанія гимназій вообще не одинакова. Такъ, гимназіи петербургскаго округа обходятся свыше 42,000 р., московскаго и одесскаго — до 36,000 р., затѣмъ гимназіи округовъ харьковскаго и кіевскаго около 30,000 р., остальныя же вообще не свыше 25,000 р. Въ варшавскомъ учебномъ округѣ, гдѣ всѣ гимназіи содержатся исключительно на счетъ казны [1]), на каждую изъ 21 гимназіи упадаетъ круглымъ числомъ съ небольшимъ 21,000 р., и на каждую изъ 10 прогимназій до 10½ т. р.

Наконецъ, обращаясь къ стоимости содержанія каждой гимназіи въ отдѣльности, видимъ, что въ общемъ числѣ всѣхъ 100 полныхъ казенныхъ гимназій встрѣчаются между прочимъ и такія, годовой оборотъ которыхъ восходитъ до 70,000 р., за то рядомъ съ тѣмъ стоятъ гимназіи и далеко бѣдныя, которыхъ всѣ матеріальныя средства для годового содержанія не достигаютъ даже полныхъ 20,000 р., какъ напр олонецкая и др.

Такая неравномѣрность въ стоимости содержанія гимназій въ разныхъ округахъ имперіи объясняется во-1-хъ, тѣмъ, что при нѣкоторыхъ изъ нихъ (при 39 гимназіяхъ) существуютъ пансіоны для частныхъ

---

[1]) Сборъ за ученіе въ этихъ гимназіяхъ поступаетъ въ общіе государственные доходы.

воспитанниковъ, съ которыхъ сборъ за содержаніе восходитъ въ сложности до 376,000 р., и во-2-хъ, неодинаковымъ для каждой гимназіи размѣромъ платы за ученіе, которая вообще не ниже 10 руб. и не выше 50 р., — такъ какъ сборы этого рода поступаютъ въ непосредственное распоряженіе каждой гимназіи въ отдѣльности, независимо отъ всѣхъ другихъ средствъ.

Всѣ эти, такъ-называемые внутренніе доходы нашихъ гимназій, составляя собственность каждой изъ нихъ отдѣльно, имѣютъ, по закону, строго опредѣленное (спеціальное) назначеніе и употребляются собственно на пополненіе штатныхъ средствъ гимназій, причемъ сборъ за ученіе идетъ преимущественно на усиленіе учебныхъ пособій и на вспоможеніе учащимъ и учащимся, а сборъ съ частныхъ пансіонеровъ — исключительно на ихъ содержаніе и вообще на нужды и потребности пансіоновъ, такъ какъ заведенія эти не составляютъ особыхъ отъ гимназій учрежденій и, въ виду болѣе или менѣе общаго съ послѣдними личнаго состава служащихъ, всѣ учебные по пансіонамъ расходы обусловливаются главнымъ образомъ штатами самихъ гимназій. При такой прямой спеціализаціи этихъ сборовъ, т. е. назначенія бо́льшей ихъ части на расходы по предметамъ однороднымъ съ штатными расходами гимназій, доходы эти въ существѣ дѣла сливаются съ суммами, отпускаемыми изъ государственной казны на содержаніе гимназій и, въ порядкѣ расходованія ихъ, подлежатъ общимъ правиламъ, установленнымъ для суммъ казенныхъ, съ тѣмъ только отличіемъ отъ послѣднихъ, что самое распредѣленіе бо́льшей части этихъ спеціальныхъ средствъ на тѣ или другія потребности гимназій зависитъ отъ гимназическаго начальства.

Изъ общаго годового расходнаго бюджета всѣхъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (4,100,000 р.), какъ уже сказано, падаетъ на государственную казну до 75%, т. е. около 3,075,000 р. По отчету министерства народнаго просвѣщенія за 1867 г. число учащихся въ казенныхъ гимназіяхъ къ 1 января 1868 г., какъ выше сказано, было до 34,000, слѣдовательно годовой расходъ казны на обученіе каждаго *гимназиста* среднимъ числомъ составляетъ до 100 р., а въ теченіи нормальнаго семилѣтняго гимназическаго курса — до 700 р., расходъ, который едва ли можно было бы признать сколько-нибудь значительнымъ въ томъ только случаѣ, еслибы, во-1-хъ, расходъ этотъ упадалъ по мѣстностямъ *равномѣрно*, во-2-хъ, еслибы самый сборъ за право учиться въ гимназіи распредѣлялся болѣе одинаково по всѣмъ гимназіямъ и, наконецъ, въ 3-хъ, если бы число ежегодно оканчивающихъ въ гимназіяхъ курсъ не составляло столь *малую* долю общаго числа въ нихъ учащихся, какъ это оказывается въ *дѣйствительности*. Между тѣмъ, разсматривая число учащихся въ гимназіяхъ отдѣльно по тому или другому учебному округу

и сопоставляя этимъ даннымъ расходные бюджеты гимназій, оказывается [1]), что число учащихся въ обоихъ обширнѣйшихъ округахъ — петербургскомъ и казанскомъ слишкомъ на двѣ тысячи *менѣе*, нежели въ гимназіяхъ одного варшавскаго округа, хотя расходные бюджеты гимназій первыхъ двухъ округовъ въ сложности почти *вдвое болѣе* бюджета гимназій послѣдняго; далѣе, при равномъ почти числѣ учащихся въ гимназіяхъ округовъ виленскаго и харьковскаго, стоимость содержанія въ первомъ изъ нихъ превышаетъ чуть не вдвое бюджеты гимназій во второмъ; наконецъ, сравнивая въ этомъ отношеніи всѣ округа западной окраины Россіи въ совокупности, т.-е. варшавскій, дерптскій, виленскій и кіевскій, съ остальными шестью учебными округами, мы увидимъ, что, при крайней *неравномѣрности* обѣихъ этихъ частей Европейской Россіи какъ по пространству, такъ и по числу жителей [2]), стоимость содержанія гимназій той и другой части, равно какъ и число учащихся въ нихъ, — почти *одинаковы*.

Сказаннаго, повидимому, достаточно, чтобы уяснить интересующій васъ по отношенію къ гимназіямъ вопросъ о *неравномѣрности* въ настоящее время состоянія уровня средняго образованія въ Россіи, неравномѣрности, прямо и непосредственно обусловливаемой числомъ этихъ учебныхъ заведеній и количествомъ затрачиваемыхъ на ихъ содержаніе финансовыхъ средствъ въ двухъ далеко неравномѣрныхъ частяхъ обширной и нераздѣльной Россіи. Не касаясь тѣхъ или другихъ причинъ такого, уже издавна установившагося порядка вещей, — такъ какъ вопросъ объ этихъ причинахъ отнюдь не входитъ въ нашу скромную задачу, поставить сколь возможно рельефнѣе всѣ данныя, взятыя изъ опубликованныхъ уже свѣдѣній, — для уясненія вопроса о

[1])

Учебные округи.	Число учащихся къ 1 янв. 1868 г.	Стоимость содержанія гимназій.	Учебные округи.	Число учащихся къ 1 янв. 1868 г.	Стоимость содержанія гимназій.
Въ Дерптскомъ . . .	1,791	146,000 р.	Въ Одесскомъ . . .	2,660 до	317,000 р.
— Виленскомъ . . .	3,539	415,000 р.	— Казанскомъ . . .	2,703	366,000 р.
— Кіевскомъ . . .	3,920	455,000 р.	— Петербургскомъ .	3,353	580,000 р.
— Варшавскомъ . .	8,178	555,000 р.	— Харьковскомъ . .	3,547	253,000 р.
			— Московскомъ . .	4,395	533,000 р.

Общее число учащихся въ гимназіяхъ по учебнымъ округамъ взято изъ приложенія къ отчету министра народнаго просвѣщенія за 1867 г., стоимость же содержанія гимназій показана согласно сдѣланному самимъ министерствомъ исчисленію всѣхъ потребныхъ на 1870 г. средствъ на содержаніе этихъ гимназій. Приведенныя цифры могутъ быть признаны вполнѣ достаточными для общихъ выводовъ, такъ какъ данныя по тому и другому вопросу, по самой сущности дѣла, не могутъ значительно разниться въ промежуткѣ двухъ только лѣтъ.

[2]) Четыре округа западной окраины Россіи въ сложности *менѣе* округовъ остальной Россіи въ 6 разъ по пространству и вдвое по числу жителей, не считая при этомъ обширнаго Сибирскаго округа.

распредѣленіи всѣхъ образовательныхъ силъ въ Россіи, упомянемъ въ дополненіе къ приведеннымъ фактамъ о тѣхъ только ближайшихъ по отношенію къ гимназіямъ мотивахъ, которые и въ настоящее время непосредственно вліяютъ на указанную неравномѣрность распространенія у насъ средняго образованія и вполнѣ могутъ подтвердить ту истину, что гимназіи западной полосы вообще обставлены выгоднѣе сравнительно съ прочими гимназіями имперіи*).

При неодинаковомъ вообще по мѣстностямъ размѣрѣ платы съ учащихся, постановлено общимъ правиломъ: во-1-хъ, освобождать отъ этой платы учениковъ недостаточныхъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы число освобожденныхъ не превышало десятой части общаго числа учащихся въ каждой гимназіи, и во-2-хъ, изъ сбора платы какъ за ученіе, такъ и за содержаніе частныхъ пансіонеровъ и стипендіатовъ удерживать 10% на усиленіе пенсіоннаго капитала *приходскихъ* учителей, и 2%—на содержаніе, существующаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученаго комитета. Изъ этого общаго для гимназій Россіи (кромѣ Варшавскаго округа) правила допущены изъятія по первому правилу — для всѣхъ гимназій собственно западнаго края, гдѣ число освобождаемыхъ отъ платы за ученіе можетъ восходить до $^{1}/_{5}$ общаго числа учащихся, и по второму — для всѣхъ учебныхъ заведеній Остзейскаго края, въ которыхъ, «въ видахъ облегченія въ удовлетвореніи расходовъ по ихъ содержанію», вычеты изъ суммы сбора за ученіе,—двухпроцентный въ пользу ученаго комитета, и десятипроцентный — на усиленіе капитала приходскихъ учителей,—разрѣшено (съ 1865 г.) производить лишь въ половинномъ размѣрѣ [1]).

*) Тотъ фактъ, что наши окраины обставлены выгоднѣе по средствамъ къ образованію, чѣмъ самое ядро русскаго народа—весьма важенъ при безконечныхъ толкахъ у насъ объ обрусеніи окраинъ. Онъ объясняетъ всю ошибку нашей системы: собственно изъ ядра русскаго народа должны выйти истинные обрусители окраинъ, т.-е. люди образованные, промышленные, предпріимчивые; а между тѣмъ на очеловѣченіе этого ядра обращаютъ менѣе вниманія, нежели на окраины, т.-е. его держатъ въ относительномъ невѣжествѣ, пожалуй и въ безотносительномъ, и думаютъ достигнуть обрусенія правительственными мѣрами, которыя невольно обращаются въ формальность, не находя себѣ поддержки въ жизни самого ядра. Пусть взглянутъ на приведенную выше таблицу расходовъ по округамъ, и тогда будетъ понятенъ недостатокъ нашей системы обрусенія: на Варшавскій округъ 555 тыс., на Виленскій 415 тыс., а на Казанскій 366 тыс., на Харьковскій 253 тысячи. — *Ред.*

[1]) Дерптскій университетъ и двѣ тамошнія гимназіи — Либавская и Перновская, отъ такихъ вычетовъ вовсе освобождены. Невольно при этомъ возникаетъ вопросъ, почему тотъ же самый аргументъ, т.-е. *«въ видахъ облегченія учебныхъ заведеній»*, можетъ казаться *менѣе* основательнымъ для распространенія такой льготы на русскія гимназіи въ такихъ небогатыхъ образовательными средствами мѣстностяхъ, какъ напримѣръ города: Архангельскъ, Вологда, Петрозаводскъ, Новгородъ, Сибирскіе города и друг. Между тѣмъ, даже во вновь открытой въ Ригѣ *русской* гимназіи (Александровской) оба эти вычета производятся въ *полномъ* размѣрѣ.

Такъ какъ сборъ за ученіе въ Дерптскомъ округѣ, несмотря на его, относительно прочихъ учебныхъ округовъ, ограниченность, въ сложности составляетъ все-таки довольно значительную сумму (до 75 тыс. руб.), то эта, сама по себѣ небольшая, льгота, т. е. вычетъ изъ сбора за ученіе лишь въ половинномъ размѣрѣ, служа дѣйствительно немаловажнымъ облегченіемъ въ учебномъ дѣлѣ, не можетъ однако же не имѣть вліянія на самое число учащихся, плата съ которыхъ во всѣхъ тамошнихъ гимназіяхъ вообще ниже платы въ гимназіяхъ другихъ учебныхъ округовъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ остзейскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ установленъ такой исключительный порядокъ взиманія платы, что вмѣстѣ съ расширеніемъ курса учащагося возвышается и самый размѣръ платы за ученіе, чтó, конечно, нельзя не признать болѣе согласнымъ и съ сущностію дѣла и съ справедливостію по отношенію къ учащимся, особенно если принять при этомъ во вниманіе тотъ, встрѣчающійся въ большинствѣ нашихъ гимназій, поразительный фактъ, что число ежегодно оканчивающихъ семилѣтній въ нихъ курсъ, какъ видно изъ отчетовъ самого министерства народнаго просвѣщенія, вообще не составляетъ и 4% общаго числа учащихся въ гимназіяхъ, тогда какъ число выбывающихъ ежегодно изъ гимназій *до* окончанія курса, среднимъ числомъ, не ниже 20% всего числа учащихся, т.-е. въ 5 разъ болѣе числа оканчивающихъ курсъ. Отъ этого именно факта зависитъ другой, не менѣе замѣчательный, фактъ, состоящій въ томъ, что наше среднее образованіе обходится равно не дешево какъ казнѣ, такъ и учащемуся. Въ отчетѣ министерства за 1867 г. не приведено свѣдѣній о числѣ окончившихъ въ томъ году курсъ во всѣхъ гимназіяхъ; изъ подробнаго же отчета его за 1864 г. видно, что, при общемъ числѣ 26,789 всѣхъ учащихся въ томъ году, окончило курсъ только 916, а такъ какъ, по отчету за 1867 годъ, число учащихся (къ 1 января 1868 г.) показано не выше 1864 г., именно 26,458, то можно съ достовѣрностію принять, что и число окончившихъ 1867 г. болѣе или менѣе близко къ 1864 году. Сопоставляя это послѣднее число (916 человѣкъ) съ дѣйствительно произведеннымъ въ 1867 г. *на счетъ казны* расходомъ на содержаніе всѣхъ гимназій министерства, простиравшимся, какъ видно изъ опубликованнаго финансоваго отчета по исполненію государственной росписи за тотъ годъ, до 2,415,000 р., оказывается, что на каждаго окончившаго курсъ въ нашихъ гимназіяхъ упадаетъ расходовъ казны до 2,600 р. Цифра весьма значительная, если принять въ соображеніе, чтó стоитъ самому учащемуся семилѣтній курсъ его ученія.

Главный видъ такихъ расходовъ казны составляетъ, какъ извѣстно, содержаніе такъ-называемаго *личнаго состава* гимназій, т.-е. преподавателей и прочихъ служащихъ въ гимназіяхъ. По исчисленію министерства народнаго просвѣщенія, весь этотъ служебный персоналъ

въ 1867 г. составлялъ до 2,200 лицъ, общее содержаніе которыхъ, какъ видно изъ того же отчета по исполненію росписи, стоило до 1,500,000 р.; если же сопоставить число всѣхъ служащихъ съ числомъ учащихся, то оказывается, что на каждыхъ 12 учащихся приходится по одному служащему въ гимназіи. Замѣтимъ, что въ общее число (2,200) служебнаго персонала входитъ до 1,200 такъ-называемыхъ штатныхъ преподавателей наукъ и до 200—лицъ начальствующихъ въ гимназіяхъ, остальное же число служащихъ въ гимназіяхъ (свыше $^1/_3$) составляетъ болѣе или менѣе далекій отъ учебнаго дѣла служебный персоналъ: письмоводителей, бухгалтеровъ, экономовъ, надзирателей, врачей, архитекторовъ и проч. За расходами по содержанію личнаго состава гимназій, составляющими до 62% общей стоимости содержанія этихъ заведеній, слѣдуютъ расходы на содержаніе казенныхъ и частныхъ пансіонеровъ, а также стипендіатовъ разныхъ лицъ и вѣдомствъ, простирающіеся въ сложности до 17%, затѣмъ идутъ расходы хозяйственные и учебные — до 14% и, наконецъ, издержки по содержанію дополнительныхъ классовъ (реальныхъ, агрономическихъ и параллельныхъ съ гимназическимъ курсомъ) — не свыше 7% всѣхъ издержекъ казны.

Таково отношеніе главныхъ видовъ расходовъ по содержанію гимназій собственно учебныхъ округовъ по имперіи [1]). А такъ какъ весь сверхштатный служебный персоналъ содержится на счетъ спеціальныхъ средствъ, распоряженіе коими зависитъ отъ ближайшаго учебнаго начальства, то отсюда и вытекаетъ такое положеніе дѣла, что гимназіи съ болѣе широкими собственными средствами (сборъ за ученіе и содержаніе частныхъ пансіонеровъ) имѣютъ возможность увеличивать служебный персоналъ, равно какъ и прочіе расходы, по мѣрѣ расширенія ихъ собственныхъ средствъ, не всегда строго сообразуясь съ дѣйствительною въ томъ потребностію учебныхъ заведеній [2]), тогда какъ рядомъ съ ними существуютъ гимназіи съ ограниченными спеціальными средствами, удовлетворяющими всѣ свои потребности одними штатными средствами—на счетъ казны.

---

[1]) Въ подтвержденіе справедливости этого достаточно сказать, что намъ извѣстны такія, напр., гимназіи, въ которыхъ въ числѣ личнаго состава служащихъ издавна состоятъ (на счетъ спеціальныхъ средствъ) по два врача, особо врачъ-терапевтъ и особо врачъ-дантистъ, съ приличнымъ обоимъ жалованьемъ. Роскошь, которую едва-ли можетъ позволить себѣ даже такое дорогое у насъ частное учебное заведеніе, какъ московскій классическій лицей г. Каткова.

[2]) Собственно въ университетахъ (за исключеніемъ дерптскаго и варшавскаго), сборъ за слушаніе лекцій, простирается нынѣ до 100,000 р., или 16%; въ низшихъ же училищахъ — до 70,000 или около 11% всего сбора за ученіе (до 630,000 р.), остальные до 7% составляютъ сборъ за ученіе въ спеціальныхъ заведеніяхъ и частію въ варшавскомъ университетѣ.

Изъ всѣхъ доходовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія самый существенный, по своему значенію, составляетъ сборъ за ученіе. Въ настоящее время сборъ этотъ по всѣмъ гимназіямъ въ сложности простирается до 420,000 р. или около 66% общаго сбора за ученіе во всѣхъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ.

Вопросъ о платѣ за ученіе, въ историческомъ ходѣ образованія въ Россіи, подвергался столькимъ видоизмѣненіямъ, съ самаго начала установленія этого сбора и до послѣдняго времени, что своеобразная его исторія заслуживаетъ особеннаго вниманія.

При первоначальной коренной реформѣ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ изданныхъ въ 1803 г., такъ-называемыхъ, *предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія въ Имперіи* было постановлено, между прочимъ, что всѣ существовавшія тогда, а также и предполагавшіяся къ открытію учебныя заведенія, должны содержаться «отъ казны на штатномъ положеніи, съ дополненіемъ суммъ *понынѣ* на сей предметъ отпускаемыхъ»: для гимназій — отъ приказовъ общественнаго призрѣнія и для уѣздныхъ училищъ — отъ городскихъ обществъ; содержаніе же низшихъ училищъ было отнесено въ городахъ — на городскія общества, въ селеніяхъ казенныхъ — на счетъ прихожанъ и въ помѣщичьихъ — на иждивеніе самихъ владѣльцевъ [1]). Ученіе во всѣхъ этихъ заведеніяхъ было допущено *даровое*, что́ и было особымъ пунктомъ тѣхъ правилъ регламентировано въ такой формѣ: «учитель, всѣхъ приходящихъ въ его классъ учиться его предметамъ, долженъ обучать, не требуя отъ нихъ никакой платы за ученіе». Начало сбору за ученіе въ казенныхъ публичныхъ заведеніяхъ было положено въ слѣдующемъ за тѣмъ году (1805) въ одномъ только дерптскомъ учебномъ округѣ, вслѣдствіе скуднаго въ то время содержанія учителей, въ пользу которыхъ этотъ сборъ и былъ установленъ. Ходатайство свое о введеніи этой новой мѣры по всѣмъ училищамъ дерптскаго округа тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій мотивировалъ тѣмъ, что если сборъ за ученіе будетъ предоставленъ въ пользу учащихъ, тогда послѣдніе «съ бо́льшею ревностію будутъ стараться проходить свою должность, *дабы имѣть больше учениковъ умножающихъ доходы*». На его докладѣ объ этомъ послѣдовала такая резолюція: «ежели самовольно и по прежнему обыкновенію учащіеся платятъ малую сумму, то Государь Императоръ соизволяетъ». Только спустя 12 лѣтъ послѣ того (1817 г.), по иниціативѣ попечителя петербургскаго учебнаго округа графа Уварова, было признано необходимымъ установить *самую умѣренную*, но постоянную

[1]) § 88 Выс. утв. 5-го ноября 1804 г., устава учеб. зав., подвѣдомыхъ университетамъ.

плату, на первый разъ въ учебныхъ заведеніяхъ одного только Петербурга, — съ тою же именно цѣлію, т. е., улучшить на счетъ этого сбора быть учителей безъ содѣйствія государственной казны; при этомъ докладъ указывалъ и на другую сторону дѣла — на зависимость успѣховъ самихъ учащихся отъ *не* дарового ученія, съ ссылкою въ этомъ отношеніи на авторитетъ западной Европы Самый размѣръ платы за ученіе былъ назначенъ на первый разъ не совсѣмъ одинаково (по тогдашнему времени) умѣренный, а именно: въ гимназіи — 15 р., въ уѣздныхъ училищахъ — 10 р., и въ начальныхъ — 5 р. въ годъ; такъ что, по наличному числу учившихся во всѣхъ такихъ заведеніяхъ Петербурга, итогъ сбора за ученіе составлялъ тогда сумму 17,600 р. [1].

Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, именно въ 1819 г., состоялось положеніе комитета министровъ о введеніи сбора платы за ученіе въ тѣхъ вообще училищахъ, *«гдѣ сіе окажется нужнымъ»*. Поводомъ къ столь быстрому обобщенію, введенной для одного только Петербурга, мѣры послужилъ слѣдующій въ учебномъ дѣлѣ историческій курьезъ.

Смотритель училища одного изъ великороссійскихъ уѣздныхъ городовъ, побуждаемый крайнею ограниченностію отпускавшихся казною на содержаніе училища суммъ, убѣдилъ мѣстное городское общество жертвовать изъ городскихъ доходовъ въ пользу училища по 400 р. ежегодно. Готовность свою на это приношеніе общество обусловило необходимостію имѣть на то разрѣшеніе надлежащаго начальства. Возникла по этому поводу довольно сложная переписка, и, пока она тянулась, въ это время общества еще нѣсколькихъ другихъ сосѣдственныхъ городовъ пожелали также изъ городскихъ своихъ доходовъ удѣлять часть на пользу мѣстныхъ уѣздныхъ училищъ. Такимъ образомъ возникъ уже общій вопросъ собственно о томъ, имѣетъ ли такое-то городское общество право жертвовать изъ своихъ городскихъ доходовъ въ пользу мѣстныхъ училищъ, въ которыхъ обучаются собственныя же ихъ дѣти. А такъ какъ всѣ городскіе доходы состояли тогда въ вѣдѣніи министерства финансовъ, то отъ него и должно было послѣдовать окончательное рѣшеніе этого курьезнаго вопроса.

Рѣшеніе послѣдовало.... *отрицательное*, по слѣдующимъ соображеніямъ: такъ какъ по уставу 1804 г., всѣ уѣздныя училища должны

---

[1]) Вотъ насколько измѣнились для Петербурга эти данныя въ теченіи почти полу-вѣка: въ 1817 году, учащихся во всѣхъ петербургскихъ учеб. зав. было — а) въ начальныхъ училищахъ — 1,145; б) въ уѣздныхъ — 878, и в) въ единственной тогда гимназіи (что нынѣ 2-я) — 177 челов.; къ концу же 1865 г. въ Петербургѣ находилось: а) въ начальныхъ училищахъ — 1,281, въ томъ числѣ 82 жен. п.; б) въ уѣздныхъ училищахъ — 436, и в) въ 7-ми гимназіяхъ и 1-й прогимназіи — 2,717.

Въ настоящее время, общій итогъ сбора за ученіе во всѣхъ среднихъ и низшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по исчисленію мин. нар. пр., простирается до 88,500 р., въ томъ числѣ по одному университету—22,000 р.

содержаться на счетъ казны, съ дополненіемъ суммъ *понынѣ* на сей предметъ отпускаемыхъ отъ городскихъ обществъ, то, очевидно, что въ пособіе училищамъ отъ городскихъ обществъ должны быть отпускаемы только тѣ суммы, какія на которое-либо изъ училищъ были отпускаемы до устава 1804 года. Послѣдствіемъ такого буквальнаго толкованія закона вышло то, что изъявившія первоначально полную готовность помогать училищамъ общества тѣхъ городовъ отказались уже отъ всякаго имъ пособія, несмотря на то, что вмѣстѣ съ такимъ рѣшеніемъ настоящаго вопроса, министерство финансовъ объяснило этимъ обществамъ, что новыя пособія училищамъ «могутъ чиниться изъ *добровольныхъ* пожертвованій градскихъ обществъ» (но не изъ городскихъ доходовъ). Такимъ образомъ, училища эти оставались при однихъ скудныхъ штатныхъ средствахъ; но такъ какъ потребности училищъ изъ года въ годъ возрастали, и поддерживать ихъ было нелегко, пособій же ни откуда не предвидѣлось, то мѣстный университетъ, подъ управленіемъ котораго тѣ училища состояли, пришелъ къ необходимости ходатайствовать объ установленіи платы съ учащихся въ тѣхъ собственно училищахъ, которыя не пользуются никакими пособіями отъ городовъ.

Необходимо замѣтить, что, установляя, въ 1819 году, плату за ученіе *тамъ, гдѣ сіе окажется нужнымъ,* министерство народнаго просвѣщенія, очевидно, вполнѣ понимало всю важность этой мѣры «яко основанной на взаимныхъ выгодахъ учащихъ и учащихся, и согласующей снисходительность къ умѣренному состоянію родителей съ нужнымъ подкрѣпленіемъ учителей и училищъ» и, въ этихъ именно видахъ, оно сохранило за собой право, во-1-хъ, назначать плату за ученіе, смотря по мѣстнымъ условіямъ, не придерживаясь размѣровъ, назначенныхъ для столичныхъ училищъ, и во-2-хъ, дѣтей недостаточныхъ родителей вовсе освобождать отъ всякой платы.

Въ университетахъ сборъ за слушаніе лекцій былъ установленъ первоначально (въ 1839 г.), только въ одномъ петербургскомъ университетѣ, съ размѣромъ платы въ 28 р. 57 к. въ годъ; причемъ министерству народнаго просвѣщенія тогда же было предоставлено право, буде оно признаетъ полезнымъ, распространить эту мѣру и на другіе университеты (кромѣ дерптскаго), съ тѣмъ, чтобы плата эта была не выше назначенной для университета петербургскаго.

Мѣру эту министерство народнаго просвѣщенія признало полезною и, видоизмѣняя самый размѣръ платы въ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, оно установило такой порядокъ по отношенію къ сбору за ученіе:

Въ столичныхъ университетахъ по	28 р. 57 к.
Въ прочихъ » »	14 » 28 »
Въ столичныхъ гимназіяхъ	отъ 11 до 17 р.

Въ гимназіяхъ внутреннихъ губерній . . . . отъ 3 до 5 р. Затѣмъ, въ гимназіяхъ сибирскихъ и кавказскихъ, а также во всѣхъ уѣздныхъ и другихъ низшихъ училищахъ, ученіе было безплатное.

До сихъ поръ, именно до 1845 года, вопросъ объ установленіи въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи платы за право ученія обыкновенно разрѣшался въ видахъ интересовъ самихъ же учебныхъ заведеній какъ въ экономическомъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, и потому сборъ этотъ имѣлъ болѣе или менѣе характеръ частнаго сбора, зависѣвшій отъ положенія каждаго учебнаго заведенія въ отдѣльности. Въ дальнѣйшихъ затѣмъ видоизмѣненіяхъ этого вопроса, самая цѣль первоначальнаго установленія платы за ученіе вообще все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто уже инымъ, высшимъ соображеніямъ и во всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ отражаются съ достаточною ясностію лишь однѣ внѣшнія, по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, обстоятельства.

1845 годъ, какъ извѣстно, составляетъ эпоху въ исторіи нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній: тогда, въ первый разъ, было признано необходимымъ уменьшить число учащихся въ этихъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлію, въ ряду другихъ мѣръ, установляется плата за ученіе повсемѣстно въ *увеличенномъ* размѣрѣ и, въ 1849 г., плата за ученіе возрасла: въ столичныхъ университетахъ—до 50 р., въ прочихъ—до 40 р.; въ гимназіяхъ же: столичныхъ—до 30 р., кіевской 1-й—до 20, одесской и таганрогской — 10, и вновь назначена плата за ученіе въ гимназіяхъ сибирскихъ—по 5 р., наравнѣ со всѣми гимназіями внутреннихъ губерній имперіи [1]). При такомъ значительномъ возвышеніи платы имѣлось тогда въ виду не столько усилить матеріальныя средства самихъ заведеній, сколько необходимость «удержать стремленіе юношества къ образованію *въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій*». Мѣра эта вытекла, между прочимъ, изъ тѣхъ соображеній, что «для молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, высшее образованіе безполезно, составляя лишь роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ и для государства».

Затѣмъ, съ 1858 года послѣдовало новое возвышеніе платы во всѣхъ гимназіяхъ внутреннихъ губерній: вмѣсто прежнихъ 5 р. назначено было *вдвое*, и съ этого же времени положено начало введенію

---

[1]) Къ этой эпохѣ относится и извѣстное постановленіе о *комплектѣ* студентовъ во всѣхъ университетахъ, которое оставалось въ своей силѣ: для столичныхъ университетовъ—по 1854 г., а для прочихъ—до начала настоящаго царствованія, когда, по волѣ Государя Императора, послѣдовалъ вновь пріемъ студентовъ въ неограниченномъ числѣ.

платы за ученіе въ тѣхъ *уѣздныхъ* училищахъ, гдѣ, по усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства, могло оказаться это возможнымъ (въ размѣрахъ отъ 1 до 8 руб.).

Новая эта мѣра была вызвана уже одними только экономическими соображеніями самого министерства народнаго просвѣщенія, въ видахъ интересовъ учебныхъ заведеній, такъ какъ къ измѣненію устарѣвшихъ штатовъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, по затруднительнымъ тогдашнимъ финансовымъ обстоятельствамъ, не представлялось никакой возможности.

Что же касается собственно начальныхъ *народныхъ* училищъ министерства народнаго просвѣщенія, то вопросъ о платѣ за ученіе въ такихъ училищахъ особымъ о нихъ *«положеніемъ»* (въ 1864 г.) разрѣшенъ въ томъ лишь смыслѣ, что установленіе платы зависитъ отъ усмотрѣнія тѣхъ вѣдомствъ, городскихъ и сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, на счетъ которыхъ училища содержатся.

Изъ этого краткаго очерка видно, что вопросъ о введеніи платы за право ученія въ подвѣдомыхъ министерству высшихъ, среднихъ и начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ нынѣ признается уже какъ бы окончательно рѣшеннымъ; относительно же самаго размѣра этой платы необходимо замѣтить, что, за исключеніемъ нашихъ университетовъ, для которыхъ однажды признанный необходимымъ (въ 1849 г.) размѣръ платы за слушаніе лекцій, окончательно уже узаконенъ самимъ ихъ уставомъ 1863 г., — право назначенія платы, въ томъ или другомъ размѣрѣ, въ *гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ* предоставлено самому министерству народнаго просвѣщенія, въ силу котораго оно признаетъ необходимымъ вообще возвышать эту плату въ своихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Что гимназіи наши могутъ теперь же обходиться не только безъ новыхъ повышеній въ нихъ сбора за ученіе, но даже и ограничиться тѣми вышеприведенными размѣрами, какіе были установлены лѣтъ тому назадъ 15—20, и тѣмъ самымъ, такъ сказать, понизить тарифъ на пропускъ средняго образованія въ массу, въ томъ не трудно убѣдиться всякому при бѣгломъ даже просмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ уже повсемѣстно новыхъ (съ 1864) штатовъ гимназій. Согласно этимъ штатамъ, государственное казначейство уже ассигнуетъ къ ежегодному отпуску до ½ милліона руб., причитавшихся собственно въ добавокъ къ тѣмъ штатамъ содержанія нашихъ гимназій, которые дѣйствовали съ 1859 г.,

---

[1]) Такъ напр., по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія признано необходимымъ въ минувшемъ году плату за ученіе во всѣхъ семи петербургскихъ гимназіяхъ возвысить съ 30 на 40 р; такимъ образомъ оказывается, что 10-лѣтніе ученики 1-хъ классовъ гимназій свое право учиться оплачиваютъ такой же суммой, какъ и студенты нестоличныхъ университетовъ.

тогда какъ до этого времени на содержаніе гимназій отпускались изъ казны суммы по разсчету, сдѣланному еще въ 1828 г., т.-е. болѣе чѣмъ за 30 лѣтъ назадъ. Вотъ это-то продолжительное постоянство штатовъ и было главной причиной дальнѣйшаго невполнѣ нормальнаго развитія у насъ вопроса о платѣ за ученіе.

Въ виду столь значительнаго приращенія средствъ къ содержанію нашихъ гимназій, вполнѣ достаточнаго для удовлетворенія существенныхъ ихъ потребностей и въ видахъ интересовъ самаго ученія въ этихъ главныхъ у насъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, съ 30 т. учащихся, преимущественно дѣтей небогатыхъ родителей, вопросъ о размѣрахъ платы за ученіе въ нихъ получаетъ въ настоящее время особенную важность. Насколько теперешнее положеніе этого вопроса можетъ быть признано вполнѣ отвѣчающимъ требованіямъ и условіямъ времени, рѣшать окончательно мы не беремся, такъ какъ компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ можетъ и должно быть само министерство народнаго просвѣщенія, которому, безъ всякаго сомнѣнія, ближе чѣмъ кому-либо, извѣстны тѣ основныя начала системы оплачиваемаго ученія, на основаніи которыхъ была введена плата за ученіе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія еще 50 лѣтъ тому назадъ. Мѣра эта признавалась тогда необходимою, «яко основанная на взаимныхъ выгодахъ учащихъ и учащихся, и согласующая снисходительность къ умѣренному состоянію родителей съ нужнымъ подкрѣпленіемъ учителей и училищъ», при чемъ было принято въ соображеніе и то обстоятельство, что «*малое пожертвованіе* со стороны родителей за обученіе ихъ дѣтей обратится *въ большую выгоду* для сихъ послѣднихъ *въ отношеніи къ ихъ учебному образованію*» [1]).

Но здѣсь мы считаемъ необходимымъ коснуться этого вопроса собственно по отношенію къ предметамъ употребленія этого сбора въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а также о настоящемъ значеніи его по отношенію къ самому обществу.

Въ ряду всякаго рода общественныхъ сборовъ и капиталовъ, въ ряду тѣхъ или другихъ въ государствѣ налоговъ, сборъ за право учиться, — и по закону, и по принципу, долженъ занимать, безспорно, самое первое мѣсто. Въ сборѣ общественномъ, вообще говоря, участвуютъ добровольно, по раскладкѣ, и такимъ образомъ сборъ этотъ дѣлается въ этомъ случаѣ обязательнымъ, какъ законъ, наравнѣ съ повинностію государственною, отъ которой никто и никогда отказаться не можетъ. Совершенно иное въ этомъ отношеніи представляетъ сборъ платы за право учиться: въ этотъ сборъ несетъ свою долю, собственно говоря, только тотъ, кто, мало того что хочетъ и можетъ

---

[1]) Докладъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 1 февр. 1819 г. Сбор. постанов. по министерству народнаго просвѣщенія 1864 г. Т. 1. стр. 1.147.

учиться, но и имѣетъ еще необходимыя къ тому средства. Такимъ образомъ, по строгой справедливости, сборъ за ученіе слѣдуетъ признать прямымъ достояніемъ самихъ учащихся, и, стало быть, никакая, даже самомалѣйшая часть этого сбора, не должна имѣть иного назначенія, какъ только на одно дѣло того же *ученія*.

Законъ, установившій настоящіе размѣры платы за право учиться, допускаетъ однако же и даровое ученіе, — собственно для лицъ, неимущихъ къ тому никакихъ средствъ, опредѣливъ напередъ процентъ таковыхъ въ $^1/_{10}$ долю общаго числа учащихся. Но, пусть намъ отвѣтятъ правдиво, — развѣ такова именно доля всѣхъ желающихъ и стремящихся учиться, для которыхъ обязательность взноса платы за это право равносильна прямому запрещенію учиться? Да и какими данными напередъ опредѣленъ именно десятый процентъ этихъ избранныхъ, — не болѣе и не менѣе? Развѣ и въ настоящее время не встрѣчается, весьма обыкновенный въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (на нашей памяти), фактъ отказа въ правѣ продолжать ученіе вслѣдствіе невзноса установленной платы? Если даже и допустить, что, благодаря болѣе нормальному въ настоящее время взгляду на свою обязанность самихъ учащихъ, подобные случаи становятся все рѣже и рѣже, — что разъ поступившій въ учебное заведеніе, при дознанномъ желаніи его учиться, уже не исключается за невзносъ платы за ученіе, то, съ другой стороны возникаетъ естественный вопросъ, какимъ образомъ можно опредѣлить, хотя приблизительно, цифру тѣхъ желавшихъ и желающихъ учиться, которые, въ виду положительнаго недостатка собственныхъ средствъ оплачивать свое право учиться, даже и не пытались поступать въ дорогое для нихъ учебное заведеніе [1])?

Во всякомъ случаѣ можно смѣло утверждать, что цифра послѣднихъ, при всей видимой массѣ благотворительныхъ и меценатныхъ стипендій, не можетъ быть вообще незначительна, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нашимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ, особенно если принять при этомъ въ соображеніе ихъ переполненность учащимися (вслѣдствіе недостаточнаго числа учебныхъ заведеній), что̀ заставляетъ эти заведенія, по своимъ экономическимъ разсчетамъ, вообще предпочитать платящаго неплатящему. Будетъ ли, наконецъ, согласно съ справедливостію, если сборъ за право учиться оказывается въ какомъ

[1]) Чтобы убѣдиться въ существованіи подобныхъ случаевъ и въ настоящее время, стоило бы только всѣ наши учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія пригласить *къ чистосердечному* отвѣту на этотъ вопросъ. Нужно не забывать при этомъ, что въ огромномъ числѣ ежегодно выбывающихъ изъ учебныхъ заведеній *до* окончанія курса, заключается весьма не малый процентъ и такихъ, для которыхъ ближайшая причина оставленія заведеній состояла *именно* въ высокомъ размѣрѣ платы за ученіе.

либо заведеніи настолько уже достаточнымъ, что, за удовлетвореніемъ на счетъ этого сбора всѣхъ существенныхъ нуждъ и потребностей заведенія, избытокъ этого сбора пойдетъ на такіе предметы, которые составляютъ какъ бы роскошь заведенія, тогда какъ одновременно, рядомъ съ нимъ стоящее такое же учебное заведеніе, не столько по ограниченности своихъ собственныхъ матеріальныхъ средствъ, сколько по обязательному для него закону, постановлено въ необходимость отказать кому-либо въ правѣ учиться, по причинѣ невзноса платы [1])?

Ближайшее рѣшеніе такого рода частныхъ вопросовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ общимъ вопросомъ о бо́льшемъ доступѣ къ учебнымъ заведеніямъ всѣмъ желающимъ учиться, лежитъ, конечно, на обязанности самого министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣднее время, нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь всѣ убѣждены въ той несомнѣнной истинѣ, что образованіе не составляетъ какой-либо частной привилегіи, что это—потребность всего народонаселенія въ государствѣ и единственно вѣрный источникъ его благосостоянія, а потому оно *должно быть доступно для всѣхъ*, *безъ различія пола* и *званія*.

Достойно особеннаго вниманія, что та же простая истина сознавалась у насъ и далеко прежде, лѣтъ 50 тому назадъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ одинъ изъ нашихъ уставовъ того времени для казенныхъ учебныхъ заведеній, правда, небольшой части обширной Россіи. Въ этомъ уставѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, настолько знаменательные параграфы, что считаемъ нужнымъ выписать нѣкоторые изъ нихъ съ буквальною точностію, въ назиданіе потомства:

§ 2. «Кругъ дѣйствія и цѣль училищъ всякаго рода сами собою уже опредѣляются различными классами, на которые человѣческое общество раздѣляется. Классы сіи, въ отношеніи къ публичному ученію, могутъ быть слѣдующіе: первый тотъ, принадлежащіе къ коему снискиваютъ себѣ ежедневное пропитаніе тяжелою тѣлесною работою; второй тотъ, состоящіе въ которомъ назначаются къ ремесламъ или промышленности; третій классъ тотъ, котораго члены посвящаютъ себя наукамъ, для службы государственной, или общественной.

---

[1]) До какой степени могутъ быть разнородны потребности нашихъ учебныхъ заведеній, удовлетвореніе которыхъ относится на счетъ *сбора* за ученіе, видно, между прочимъ, изъ того, что въ нѣкоторыхъ, напр., гимназіяхъ на счетъ этого сбора отнесено содержаніе *учителей танцованія*; есть даже и такія заведенія, въ которыхъ изъ суммъ сбора за ученіе ежегодно затрачивается по 300 руб. собственно на празднованіе юбилея этого заведенія, съ приличнымъ торжеству семейнымъ завтракомъ. Никто, конечно, не станетъ отрицать значеніе такого празднованія, но дѣло въ томъ, что въ этомъ же самомъ заведеніи бываетъ ежегодно нѣсколько случаевъ исключенія учащихся за *невзносъ платы* (по 50 р. въ годъ); такимъ образомъ оказывается, что учебное это заведеніе — *alma mater* — въ день празднованія своего юбилея, ежегодно, такъ сказать, съѣдаетъ по 6-ти своихъ собственныхъ дѣтей.

§ 3. «Какъ сіи три класса проистекаютъ не изъ особаго устройства государственнаго, но изъ произвольно избраннаго или обстоятельствами опредѣленнаго званія каждаго гражданина: то и разные роды училищъ не должны исключительно принадлежать одному какому-либо классу гражданъ, но всякій имѣетъ право пользоваться оными, т. е. правомъ продолжать дотолѣ свое образованіе, пока позволяютъ его внѣшнія обстоятельства, наипаче же тотъ, коего превосходныя дарованія могутъ преодолѣть всѣ внѣшнія затрудненія, и отъ поступающихъ въ училища *ничего болѣе не должно требовать*, кромѣ однихъ пріуготовительныхъ познаній, нужныхъ для вступленія въ тотъ или другой родъ училищъ, и нравственнаго поведенія.

§ 4. «Чтобы удовлетворить потребностямъ упомянутыхъ трехъ классовъ общества, училища должны быть трояваго рода, т. е. гимназіи, уѣздныя и начальныя училища.»

Параграфы эти вошли въ уставъ, написанный въ 1820 году для учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ дерптскому университету, т.-е. для трехъ прибалтійскихъ губерній, составляющихъ и нынѣ дерптскій учебный округъ.

Объ училищахъ *уѣздныхъ* и *народныхъ*, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, скажемъ особо въ слѣдующей статьѣ. Въ гимназіяхъ мы имѣли дѣло безъ малаго съ 35.000 обучающихся и стоющихъ государству до двухъ съ половиною милліоновъ; въ уѣздныхъ же и въ начальныхъ народныхъ училищахъ обучаются около 500.000, и ихъ обученіе стоитъ государству менѣе полутора милліона; при чемъ на уѣздныя училища и другія низшія, какъ мы видѣли, расходуется до $14^1/_2\%$, а на *народное образованіе*, въ тѣсномъ смыслѣ,—съ небольшимъ *пять процентовъ* изъ всего годового бюджета министерства народнаго просвѣщенія.

Т. Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января, 1870.

Прошедшій годъ. — Наши успѣхи и колебанія. — Главнѣйшія событія и новыя реформы.—Наши дѣла на окраинахъ.—Проектъ желѣзно-дорожныхъ округовъ.— Монополія большихъ компаній.—Московско-курская дорога.—Лыкско-брестская и Либавская дороги. — Протекціонизмъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Открытіе губернскаго земскаго собранія въ Петербургѣ.—Народное просвѣщеніе и статья князя Щербатова объ уваровскомъ министерствѣ.

Въ событіяхъ истекшаго года не встрѣчается ничего такого, что представляло бы слишкомъ рѣзкую перемѣну въ общественномъ настроеніи или въ правительственной системѣ. Теченіе нашей государственной и общественной жизни въ 1869 году было довольно ровное, хотя не было лишено ни успѣховъ, ни нѣкоторыхъ колебаній или уклоненій. Слѣдуетъ, конечно, жалѣть, что подобныя колебанія, хотя и не очень значительныя, все еще возможны въ общемъ дѣлѣ нашей реформы.

Если мы спеціально обратимся къ новому суду, земскому самоуправленію и положенію печати, то не можемъ не замѣтить, что въ обществѣ попрежнему легко возникаютъ опасенія, иногда преувеличенныя, и во всякомъ случаѣ не можемъ не признать, что на самомъ дѣлѣ нѣкоторыя стороны реформъ, произведенныхъ въ этой сферѣ, еще не выяснились съ полною опредѣленностью и не установились съ такою прочностью, которая бы уже отвращала самую возможность опасеній. Такъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что дѣятельность земскихъ учрежденій до сихъ поръ все еще недостаточно опредѣлилась въ своихъ правахъ: извѣстно также, что въ положеніи печати ожидаются новыя измѣненія; что одно, хотя и второстепенное, но немаловажное въ принципѣ, измѣненіе было введено въ порядокъ судебныхъ показаній лицъ извѣстныхъ категорій и т. п.

Но несомнѣнно также, что основное начало великихъ произведенныхъ реформъ съ каждымъ годомъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ созна-

нія всего общества, и что тѣмъ самымъ полная устойчивость этихъ реформъ съ каждымъ годомъ обезпечивается. А это всего важнѣе; это значитъ, что самый организмъ общества развивается и здоровѣетъ, и это ручается, что прежняя мѣрка не подойдетъ къ нему, не потому что не будетъ признана полезною, но и потому, что она уже не окажется ему по росту. Сошлемся на примѣръ одного изъ упомянутыхъ колебаній: лицамъ первыхъ трехъ классовъ предоставлено было не являться свидѣтелями въ судъ лично; какова бы ни была степень раціональности такого ограниченія, оно во всякомъ случаѣ не представляло нарушенія всей судебной реформы, будучи явленіемъ въ сущности второстепеннымъ. И однакоже, оно было примѣнено только одинъ разъ. Само то лицо, къ которому впервые пришлось примѣнить это облегченіе, отказалось впослѣдствіи имъ пользоваться. Затѣмъ уже было нѣсколько примѣровъ вызова къ свидѣтельству въ судъ лицъ, имѣвшихъ право воспользоваться такою льготою, и они не воспользовались ею. Весь этотъ фактъ, въ совокупности своихъ явленій, безспорно представляетъ колебаніе. Но конечный результатъ въ этомъ случаѣ развѣ не даетъ вывода благопріятнаго въ бо́льшей степени, чѣмъ могъ бы показаться самый фактъ колебанія?

Дѣятельность земскихъ учрежденій до сихъ поръ замкнута въ предѣлы и узкіе, и несовсѣмъ опредѣленные, этого отрицать нельзя. Не говоря уже о правѣ заявленія нуждъ, о правѣ обложенія сборами и т. д., еще не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ мы читали, что земскія учрежденія «ни по составу своему, ни по основнымъ началамъ не суть власти правительственныя» (что́ несомнѣнно, но только въ томъ смыслѣ, что они не коронныя) и въ данномъ частномъ случаѣ «не имѣютъ законнаго права на какія-либо передъ частными лицами и обществами преимущества» (относительно безплатной пересылки корреспонденціи). Но при всей ограниченности и вмѣстѣ не полной опредѣленности дѣятельности земствъ, мы не замѣчаемъ въ сессіяхъ земства ни усталости, ни разочарованія. Напротивъ, изъ оффиціальныхъ свѣдѣцій оказывается, что число несостоявшихся обыкновенныхъ сессій земствъ было незначительно. А обсужденіе ими разныхъ вопросовъ хозяйства и уясненіе общественныхъ потребностей, напр., по дѣлу о народномъ образованіи, дѣлаютъ даже положительные успѣхи: замѣчается и нѣкоторая общность стремленій и принятіе земствомъ одной губерніи въ свою пользу примѣра другой губерніи. При такихъ задаткахъ, нельзя не убѣдиться, что какъ бы тѣсенъ ни былъ кругъ, въ которомъ замкнута общественная жизнь, но если это — дѣйствительно жизнь всего общества, а не призракъ, не искусственное сословное прозябаніе, то эта жизнь найдетъ себѣ законный, естественный исходъ; она мирно, мало-по-малу, неотразимою силою своего развитія, обовьетъ многія преграды и укрѣпитъ свои основы.

Тоже слѣдуетъ сказать и о положеніи печати въ обществѣ. Что печать наша, даже взятая въ совокупности, едвали служитъ вѣрнымъ представительствомъ всѣхъ стремленій народа, это могутъ утверждать и мы этого не станемъ оспаривать. Но что потребность въ обществѣ слышать вольный голосъ печати сдѣлалась уже необходимостью, и такой необходимостью, которой не отмѣнить, какъ ни измѣнялись бы на время уставы—это несомнѣнно. Новыя правила можно постановить какія угодно, въ пользу ли прессы или къ ея невыгодѣ. Но у насъ ли, въ Россіи ли необходимо доказывать, что правила сами по себѣ значутъ далеко не все? Съ правилами весьма строгими, французская печать была вольнѣе, чѣмъ печать нѣкоторыхъ иныхъ странъ, гдѣ и пени были ниже, и тюремнаго заключенія не полагалось. Стѣснить печать правилами можно только на время, а потомъ жизнь, такъ или иначе, вступитъ въ свои права и именно въ соотвѣтствіи со степенью общественной потребности. Да и въ самый періодъ стѣсненія уровень голоса печати и потребности въ немъ общества все-таки измѣнить нельзя: то, что печатное слово потеряло бы во внѣшнемъ просторѣ, то самое оно выиграло бы во внутренней вѣскости своей, во вниманіи читателя, въ степени его впечатлительности. За печать стоитъ общественная потребность, и колебанія въ положеніи печати не могутъ уже въ настоящее время серьёзно угрожать ея будущности. Вотъ этотъ-то успѣхъ, несомнѣнный, важный, хотя и не внезапный, это укрѣпленіе общественнаго сознанія составляетъ чистое пріобрѣтеніе общества, болѣе важное, чѣмъ всякія колебанія.

Путь реформъ, которыя вносятъ въ самое сознаніе общества новые матеріалы для дѣятельности и новыя условія развитія, ознаменовался и въ истекшемъ году нѣсколькими весьма примѣтными законодательными мѣрами. Въ этомъ году отмѣнена наслѣдственная обязательность двухъ многочисленныхъ сословій: сословія духовнаго и сословія казацкихъ войскъ. Новымъ положеніемъ не только дѣтямъ лицъ православнаго духовенства предоставлено безъ стѣсненія переходить въ другія сословія, но самое духовное сословіе, въ смыслѣ совокупности духовныхъ семействъ, уничтожено. Дѣти священнослужителей получили права дѣтей личныхъ дворянъ, а дѣти причетниковъ—права личныхъ почетныхъ гражданъ. Но съ отмѣною духовнаго сословія не соединилась однако, отмѣна привилегій этого сословія относительно призрѣнія и образованія на суммы духовнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, хотя обязательность наслѣдственнаго сословія отмѣнена, но нѣкоторыя привилегіи сохранены въ силѣ. Здѣсь реформа остановилась предъ обобщеніемъ образованія, и не желая слитія даже низшихъ духовныхъ училищъ со свѣтскими, по необходимости сохранила сословныя привилегіи, остановясь такимъ образомъ на половинѣ.

Въ тоже время послѣдовала мѣра, направленная къ улучшенію по-

ложенія приходскаго духовенства посредствомъ уравненія приходовъ и сокращенія ихъ числа, что̀ самое должно сократить и число свѣтскаго духовенства. Въ духовномъ вѣдомствѣ, котораго менѣе другихъ касаются реформы общія, остается сдѣлать еще очень многое, чтобы провести въ эту отрасль общества благотворные принципы самоуправленія и гласности, болѣе или менѣе осуществленные уже для всѣхъ сословій въ государствѣ, кромѣ духовнаго. Само духовенство того желаетъ, какъ это было доказано замѣчательнымъ заявленіемъ съѣзда петербургскаго духовенства въ минувшемъ году. Петербургское духовенство подвергло строгому разбору дѣйствія по хозяйству духовнаго призрѣнія, училищъ и церковныхъ управленій и громко заявило себя въ пользу выборнаго начала въ духовномъ управленіи. Но до сихъ поръ трудно сказать, когда именно осуществится его желаніе, хотя нѣтъ сомнѣнія, что ему суждено осуществиться, какъ всякому стремленію одной изъ частей общественнаго организма слиться съ общею жизнью этого организма. Препятствія и здѣсь могутъ имѣть значеніе только временное. Третья важная реформа по духовному вѣдомству представляется новымъ уставомъ духовныхъ академій. Академіямъ этимъ дано устройство сходное съ университетскимъ, съ тою разницею, что ректоры не будутъ избираемы совѣтомъ и еще съ тою, неважною, но характеристическою особенностью, что всѣ преподаватели въ духовныхъ академіяхъ должны быть непремѣнно православнаго исповѣданія.

Отмѣна наслѣдственной обязательности сословія представляется и вышедшими въ истекшемъ году новыми постановленіями о казачьихъ войскахъ. Въ силу этихъ постановленій, всѣ граждане казачьихъ войскъ, имѣющіе чины, освобождены отъ обязательности дальнѣйшей службы и могутъ переходить въ другія войска и другія сословія. Право выхода изъ войскъ и перечисленія въ другія сословія предоставлено также всѣмъ мужескаго пола лицамъ войскового сословія, несостоящимъ въ служиломъ разрядѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ извѣстными условіями, допущено и вступленіе въ казачьи войска лицъ невойсковыхъ сословій.

Въ прошломъ же году послѣдовала отмѣна еще одной привилегіи: пріобрѣтенія на правѣ собственности дворянскихъ вотчинъ въ Эстляндской губерніи и на островѣ Эзелѣ. Въ Курляндіи и Лифляндіи право пріобрѣтенія такихъ вотчинъ уже принадлежало всѣмъ сословіямъ. Соглашеніе мѣстнаго эстляндскаго права съ этимъ общимъ фактомъ,— вотъ все, чѣмъ ограничилась брешь, сдѣланная въ минувшемъ году въ сословное устройство прибалтійскаго края. Положеніе крестьянскаго вопроса тамъ не измѣнилось и вопросъ о введеніи судебной реформы пока еще не рѣшенъ на практикѣ. Полемика между русскими и мѣстными нѣмецкими газетами, которыя встрѣчаютъ поддержку, впрочемъ

далеко не безусловную, въ прессѣ германской, продолжалась съ особенною энергіею. «Случаи» бывшіе съ дерптскими профессорами Ширреномъ и Валькеромъ иллюстрировали это чисто-полемическое положеніе остзейскаго вопроса; а между тѣмъ истинная суть его—вопросъ объ исключительномъ положеніи остзейскихъ крестьянъ оставленъ въ тѣни, за вопросомъ о введеніи русскаго языка и о значеніи мнимо-государственныхъ правъ нашихъ балтійскихъ губерній. Въ минувшемъ году остзейскіе крестьяне отпраздновали 50-ти-лѣтній юбилей своего личнаго освобожденія и оставленія подъ опекою вотчинной полиціи; но, къ сожалѣнію, трудно предвидѣть, съ котораго года пойдетъ срокъ для будущаго юбилея дѣйствительнаго ихъ освобожденія и улучшенія ихъ быта. Покамѣстъ, остзейскіе крестьяне лишены правъ крестьянъ русскихъ, но не пользуются и свободою крестьянъ германскихъ, такъ что даже еслибы согласиться съ нѣмецкими публицистами и считать остзейскія провинціи—нѣмецкими, то придется опять дѣлать разницу между порядками германскими и порядками «нѣмецкими».

На другой, противоположной окраинѣ Россіи, именно въ Оренбургскомъ краѣ произошли въ минувшемъ году серьезныя волненія, которыя не мало повредили нашей торговлѣ. Волненія эти были вызваны въ сущности недоразумѣніями, которыхъ однако отчасти можно было избѣгнуть еслибы новыя положенія, вводимыя въ средѣ киргизскихъ населеній, были сопряжены съ меньшими тягостями и имѣли болѣе цѣлію безопасность, чѣмъ преобразованіе до нѣкоторой степени быта. Опытъ показалъ, что киргизы еще не доразвились до самоуправленія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно имъ предлагалось. Какъ бы то ни было, волненія нынѣ прекратились, и будемъ надѣяться, что неустройства также скоро устранятся, какъ и открытое сопротивленіе. Въ отношеніяхъ нашихъ къ средне-азіятскимъ ханствамъ произошло нѣкоторое улучшеніе собственно что касается Бухаріи. Настоящій эмиръ, котораго посольство съ однимъ изъ сыновей его мы недавно видѣли въ столицѣ, повидимому, отказался отъ мысли о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Но очень можетъ быть, что самая цѣль этого посольства—вовлечь насъ въ виды эмира относительно предполагаемаго имъ наслѣдія его престола. Въ такомъ случаѣ, т.-е. предполагая сохраненіе независимости Бухары и постоянное наше тамъ вмѣшательство, мы только несли бы всѣ тягости владѣнія, не пользуясь ни его преимуществами, ни его гарантіями. Что касается нашихъ границъ въ Средней Азіи съ китайскою Монголіею, то тутъ продолжаетъ господствовать не совсѣмъ утѣшительная неопредѣленность. Ханства, возникшія въ нашемъ сосѣдствѣ, не представляютъ условій устойчивости и эпоха нашихъ войнъ и даже завоеваній въ средней Азіи, очевидно, еще не заключилось.

Переходя къ западной окраинѣ Россіи, мы видимъ продолжаю-

щееся объединеніе царства польскаго съ имперіею. Въ настоящее время намѣстникъ царства въ дѣйствительности уже не имѣетъ правительственной власти, а есть только главнокомандующій войскомъ. Въ западно-русскихъ губерніяхъ, къ сожалѣнію, все еще продолжается система исключительнаго положенія и безпрерывныхъ колебаній. И замѣчательно, что въ системѣ принятой для сближенія этого края съ остальною Россіею, или обрусенія его, колебаніямъ подвергается именно то, что болѣе важно, что имѣетъ внутреннюю силу, а неприкосновенно то, что можетъ имѣть только гораздо болѣе слабое, наружное вліяніе на истинное обрусеніе этого края. Исключительное положеніе, процентный сборъ, запрещеніе польскаго языка—мѣры внѣшнія, второстепенныя, наконецъ по существу своему временныя, поддерживаются со всею строгостію, и не мудрено, такъ какъ для этого не приходится бороться съ какими-либо вліяніями. Между тѣмъ, отношеніе къ крестьянству и предоставленные ему надѣлы и права, то-есть самый фундаментъ истиннаго обрусенія края, безпрестанно становятся «вопросомъ». Перевѣрка земель, пересмотръ правъ на пастьбу и т. д. и въ частности, и въ общемъ, еще не прекратились, чему недавно былъ весьма замѣтный примѣръ.

Въ отношеніи какъ неотмѣнимости исключительныхъ и запретительныхъ, т. е. внѣшнихъ, мѣръ, такъ и колебаній въ существенномъ вопросѣ крестьянскаго надѣла — управленіе нынѣшняго генералъ-губернатора сѣверозападнаго края не многимъ отличается отъ предшествовавшихъ. Но нельзя не признать за нимъ заслугу по улучшенію состава мѣстной администраціи отъ нѣкоторыхъ элементовъ, случайно попавшихъ туда во время повальнаго запроса на дѣятелей, и представлявшихъ недостаточно нравственную поддержку дѣлу обрусенія. Власть начальника сѣверозападнаго края въ нынѣшнемъ году уменьшилась вслѣдствіе отдѣленія отъ генералъ - губернаторства двухъ губерній и причисленія ихъ ко внутреннимъ. Распространеніе на весь сѣверозападный край общихъ мѣстныхъ учрежденій было бы самымъ дѣйствительнымъ шагомъ къ обрусенію. До сихъ поръ, бывшій мятежъ считается какъ бы аргументомъ въ пользу исключительности положенія этого края. Между тѣмъ, развѣ мятежъ этотъ въ томъ краѣ показалъ силу, а не безсиліе польскаго дѣла? Нѣтъ, онъ именно показалъ всю безнадежность отдѣленія этого края отъ Россіи; мятежъ возбужденный тамъ, только вызвалъ, такъ сказать, народное голосованіе въ смыслѣ нераздѣльности этого края съ остальною Россіею. А между тѣмъ, на этотъ преувеличенный мятежъ все еще ссылаются, какъ на доказательство возможности успѣха польской пропаганды. Спрашивается, въ чемъ же можетъ состоять тотъ сепаратизмъ, которымъ насъ пугаютъ? Въ дѣйствительности—сепаратизмъ сѣверозападнаго края, это — то исключительное положеніе, въ которомъ онъ

до сихъ поръ остается. Призраки всегда будутъ, пока будетъ вѣра въ призраки; а прочная связь этой части Россіи со всею Россіею до тѣхъ поръ не установится, пока мы сами будемъ въ ней сомнѣваться, да еще шатать главный ея фундаментъ, устройство крестьянскаго надѣла.

Въ истекшемъ году, былъ затронутъ одинъ изъ капитальныхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, именно — вопросъ о народномъ образованіи. Затронутъ онъ былъ и спеціальнымъ вѣдомствомъ, къ которому онъ относится, и земскими собраніями разныхъ губерній. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, не отличается рвеніемъ подчинить себѣ тѣ народныя школы, которыя теперь отъ него не зависятъ, находя, что есть вѣдомство болѣе для того компетентное, и довольствуется наблюденіемъ за небольшимъ, сравнительно, числомъ народныхъ школъ. Что касается важнѣйшаго изъ условій для распространенія въ народѣ образованія, именно приготовленія народныхъ учителей, то министерство считаетъ это дѣло уже окончательно зависящимъ отъ духовенства. Тѣмъ не менѣе, въ минувшемъ году, министерство исходатайствовало значительную сумму для усиленія своихъ средствъ и тѣхъ въ особенности, которыя оно будетъ въ состояніи предоставлять духовному вѣдомству съ этой цѣлію, а также и для усиленія своего наблюденія надъ школами зависящими отъ министерства, посредствомъ спеціальныхъ инспекторовъ и на учрежденіе двуклассныхъ и одноклассныхъ образцовыхъ школъ. За всѣмъ тѣмъ, министерство не предполагаетъ, повидимому, учреждать учительскихъ школъ и забота объ этомъ падаетъ на одни земства, которыхъ средства такъ ограничены. Къ вопросу этому мы сейчасъ возвратимся по поводу новыхъ фактовъ.

Въ минувшемъ году, въ Петербургѣ праздновалось нѣсколько юбилеевъ, и одинъ изъ нихъ въ особенности близокъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Пятидесятилѣтній юбилей петербургскаго университета ознаменовался щедростію на пользу высшаго образованія той державной руки, которая милліонамъ людей дала свободу. Память о прискорбныхъ, но второстепенныхъ недоразумѣніяхъ или безпорядкахъ давно исчезнетъ, а знакъ довѣрія останется навсегда, и воспоминаніе о немъ украситъ и будущій юбилей университета, когда, будемъ надѣяться, общественное мнѣніе окрѣпнетъ уже настолько, что не будетъ мѣста ни печальнымъ увлеченіямъ, ни преувеличеннымъ опасеніямъ.

Въ обзорѣ событій 1868 года, мы назвали этотъ годъ «желѣзнодорожнымъ», и еслибы потребовалась подобная отмѣтка характеристической черты года теперь истекшаго, мы могли бы назвать его «биржевымъ». Биржевая спекуляція, игра на публичные фонды и коммерческія цѣнности, не возникла въ 1869 году, но развилась въ теченіи его до такой степени, что многіе будутъ вспоминать о немъ именно

по этой примѣтѣ. Игра эта была вызвана разными причинами, между которыми главною были обиліе нашего ассигнаціоннаго обращенія и образованіе нѣсколькихъ банковъ. Но игра эта скоро истощила свои средства и въ настоящее время пала почти до полнаго застоя дѣлъ съ бумагами. На петербургской биржѣ было уже нѣсколько примѣровъ такъ-называемыхъ «экзекуцій», то-есть объявленій несостоятельности по выполненію срочныхъ сдѣлокъ, причемъ выказана была не малая доля самаго беззастѣнчиваго, картёжнаго неуваженія къ своимъ обязательствамъ. Люди увлекавшіеся, но добросовѣстные, понесли при этомъ кризисѣ наибольшія потери, какъ то всегда бываетъ. Потери эти, т.-е. такъ-называемый écart, въ цѣнности бумагъ, излюбленныхъ спекуляціею, доходили до 30 рублей на акцію Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и до 25 рублей на облигацію выигрышныхъ займовъ — широкій просторъ для банкротства спекулянтовъ, превысившихъ свои силы. Но спросъ цѣнныхъ бумагъ за границу поддержалъ ихъ курсъ на биржѣ, и когда нынѣшняя временная реакція пройдетъ, въ результатѣ всей этой пройденной лихорадки окажется установленіе на нашемъ денежномъ рынкѣ болѣе правильнаго и оживленнаго торга движимыми цѣнностями, чѣмъ тотъ, которымъ онъ довольствовался въ прежніе года неопытности и недостатка предпріимчивости.

О нѣкоторыхъ сторонахъ желѣзно-дорожнаго дѣла, особенно выдавшихся въ минувшемъ году, мы говоримъ ниже особо, по поводу новыхъ фактовъ. Здѣсь занесемъ только въ обзоръ года фактъ постояннаго возрастанія доходности нашихъ дорогъ, разрѣшеніе нѣсколькихъ новыхъ линій и расторженіе контракта съ Уайненсомъ и К°, по николаевской дорогѣ. Пожаръ мстинскаго моста, значительно затруднившій сообщеніе между столицами, послужилъ поводомъ ко множеству толковъ, какъ будто мостъ у насъ не можетъ сгорѣть просто, безъ всякихъ политическихъ причинъ, или какъ будто среди университетской молодежи не могутъ возникнуть недоразумѣнія вслѣдствіе самаго простого обстоятельства, безъ всякой связи со «всесвѣтною революціею». Это напоминаетъ убѣжденіе, что нашъ крестьянинъ стремится къ переселенію изъ голодной мѣстности не потому, что тамъ урожаи плохи, или даже ѣсть нечего, какъ дѣлаютъ нѣмецъ или ирландецъ, а потому, будто бы, что онъ «неспособенъ къ самоуправленію». Но эта подозрительность и чрезмѣрная опасливость, эта наклонность видѣть въ себѣ или вокругъ себя всегда нѣчто особенное, нигдѣ небывалое, таинственное, эта способность, которую такъ искусно эксплуатируютъ всегда враги народнаго развитія, враги истиннаго и искренняго пониманія правительствомъ народа, а народомъ намѣреній власти — исчезнутъ по мѣрѣ того, какъ за обществомъ установятся и признаются всѣ свойства и права возмужалости.

Въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ предвидится на новый годъ нѣсколько крупныхъ фактовъ, которые пока еще подготовляются. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, съѣздъ уполномоченныхъ отъ желѣзно-дорожныхъ компаній въ Москвѣ окончилъ свои работы. Результатомъ ихъ было заключеніе конвенціи относительно передаточнаго движенія грузовъ по разнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, и конвенція уже заключена на наступающій годъ, сорокомъ по 1-е ноября. Мы привѣтствовали въ самомъ началѣ извѣстіе о предстоявшемъ соглашеніи по этому предмету между компаніями. Установленіе единства въ движеніи грузовъ, устраненіе перегрузокъ и двойныхъ или тройныхъ экспедиціонныхъ хлопотъ — такое дѣло, котораго необходимость была очевидна, и которое не могло не устроиться такъ или иначе. Въ заключенной теперь конвенціи участвуютъ десять желѣзно-дорожныхъ компаній, въ томъ числѣ и Главное общество. Теперь подвижной составъ на линіяхъ этихъ компаній будетъ у нихъ, такъ сказать, въ общемъ пользованіи, а для простоты сношеній и разсчетовъ принято въ основаніе, что вагоны съ грузами, переходящіе съ одной линіи на другую, будутъ разсматриваемы послѣднею какъ бы принадлежащими первой, откуда бы они ни шли; такимъ образомъ устраняются непосредственныя отдаленныя сношенія, и каждая линія имѣетъ дѣло только съ примыкающими къ ней. Компаніямъ, не участвовавшимъ въ составленіи конвенціи или имѣющимъ образоваться впослѣдствіи, предоставляется приступить къ ней съ общаго согласія участвующихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ предстоящемъ году, опытъ обнаружитъ значительныя выгоды такого соглашенія, указавъ вмѣстѣ и данныя для послѣдующихъ дополненій его. Въ конвенціи установлены и правила для будущихъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ желѣзно-дорожныхъ компаній.

Гораздо меньше сочувствія заслуживаетъ слухъ о предстоящемъ будто бы въ устройствѣ нашего желѣзно-дорожнаго дѣла единствѣ иного рода: единствѣ не движенія, не техники, а — самого владѣнія желѣзно-дорожными предпріятіями. Распространился слухъ, что существуетъ предположеніе объ установленіи у насъ такъ-называемыхъ желѣзно-дорожныхъ округовъ, то-есть о предоставленіи постройки вспомогательныхъ вѣтвей въ опредѣленной мѣстности — той компаніи, которой принадлежитъ главная линія въ мѣстности. Предполагается ли осуществить такимъ образомъ повсемѣстную, исключительную монополію и диктатуру значительныхъ компаній или же только — монополію для тѣхъ компаній, которыя купятъ казенныя дороги, и стало быть въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ находятся эти дороги, т.-е. въ районѣ линій московско-курской и балтско-кіевской — принципъ будетъ одинъ и тотъ же, только размѣры его примѣненія различны. Принципъ этотъ — прямая противоположность началу конкурренціи.

Мы никогда не стояли за безусловное и постоянное удержаніе системы отдачи концессій съ торговъ. Система торговъ вообще представляетъ столько недостатковъ, что каждое управленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предпринимаетъ что-либо требующее особенно-тщательнаго исполненія и не представляющее особыхъ неудобствъ для контроля, охотно предпочитаетъ иную систему адъюдикаціи. Въ дѣлѣ же желѣзно-дорожномъ, гдѣ сбавка каждой тысячи рублей съ версты можетъ влечь за собою уменьшеніе на нѣсколько процентовъ безопасности пассажировъ—странно было бы особенно настаивать на безусловной отдачѣ постройки тому, кто объявляетъ низшую цѣну.

Система отдачи съ торговъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, говорили мы, была нужна только временно, для выясненія дѣйствительныхъ цѣнъ по постройкамъ желѣзныхъ путей въ разныхъ условіяхъ. Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь цифръ, свидѣтельствующихъ о томъ удешевленіи, которое было послѣдствіемъ примѣненія этой системы. Но чѣмъ краснорѣчивѣе эти цифры, тѣмъ яснѣе, что система эта уже сдѣлала свое дѣло, исполнила свое назначеніе. Цифры эти добыты неоспоримымъ опытомъ и скоро измѣниться не могутъ, потому, что въ дѣлѣ строительства желѣзныхъ дорогъ условія мѣстности до такой степени преобладаютъ надъ общими условіями, подлежащими колебаніямъ, какъ, напр. заработная плата, цѣны матеріаловъ и курсъ, что при послѣдующихъ концессіяхъ означенныя цифры надолго могутъ служить вѣрными справочными. . . . .

Но, отрицая отдачу съ торговъ, какъ безусловную и постоянную систему, мы никогда не думали возставать противъ примѣненія къ желѣзно-дорожному дѣлу самого принципа конкурренціи. Принципъ конкурренціи въ дѣлѣ желѣзно-дорожной предпріимчивости, какъ и во всякомъ промышленномъ дѣлѣ — единственный раціональный. Регламентація въ этомъ дѣлѣ необходима только для охраненія условій безопасности гражданъ, какъ она можетъ быть необходима въ этомъ смыслѣ и для другихъ промышленностей, но никакъ не для опредѣленія, поощренія или регулированія вообще самой предпріимчивости. Въ пользу той регламентаціи, о которой теперь идетъ рѣчь, можно привести только то соображеніе, что компаніямъ, которымъ будетъ предоставлена монополія въ извѣстномъ районѣ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вмѣнено въ обязанность построить нѣкоторыя дополнительныя вѣтви, которыя представляются почему-либо мало привлекательными для предпріимчивости. Но что такое въ сущности эта мысль, попробуемъ опредѣлить ее. Это—введеніе въ промышленное дѣло монополіи для развитія его, т. е. принципъ протекціонизма. . . . .

Говорятъ—эта мысль была, однако, осуществлена во Франціи. Да, и результатомъ ея осуществленія было то, что вся желѣзно-дорожная промышленность въ этой странѣ сосредоточилась въ рукахъ шести

27*

компаній, которыя поглотили прежнія слишкомъ пятьдесятъ, и стали неограниченно распоряжаться двумя съ половиною миллiардами *рублей* капитала. Противъ вліянія этихъ могущественнѣйшихъ компаній во Франціи ничто не устояло; онѣ сбросили съ себя всякій контроль, пріобрѣли полный произволъ и по отношенію къ правительству, у котораго выхлопатывали одну уступку за другою, и по отношенію къ своимъ акціонерамъ, и произволомъ этимъ воспользовались для того, чтобы до-чиста «высосать» желѣзно-дорожное дѣло. Обязательство выстроить въ извѣстные сроки дополнительныя линіи! Какія могутъ быть обязательства, когда эксплуататорамъ не угрожаетъ конкурренція? Если компанія, которой вы дадите монополію въ районѣ не построитъ въ срокъ вѣтви, на самомъ строительствѣ которой она не можетъ сорвать огромныхъ барышей, что сдѣлаютъ съ нею? Продолжатъ срокъ, больше ничего. И она учтетъ эту новую льготу на своихъ бумагахъ, на биржѣ, а потомъ для новой вѣтви выпроситъ еще ссуду отъ казны и опять учтетъ эту льготу на биржѣ. Или она войдетъ въ неоплатный долгъ казнѣ. Развѣ Главное Общество построило сѣть, которою обязалось при самомъ началѣ, и развѣ оказалось возможнымъ принудить его къ тому? Развѣ давно былъ примѣръ, что чрезвычайно доходной линіи дана была правительствомъ значительная ссуда на проложеніе вторыхъ рельсовъ, оттого только, что не догадались или не захотѣли обратиться къ конкурренціи, вызвать параллельную линію?

Такимъ образомъ, обезпеченіе постройки дополнительныхъ вѣтвей было бы куплено слишкомъ дорогою цѣною, именно цѣною неоплатныхъ долговъ казнѣ, уступокъ всякаго рода и отчужденіемъ промышленнаго дѣла первостепенной важности въ руки нѣсколькихъ компаній. А что такое компаніи на акціяхъ? Развѣ это живыя, неизмѣнныя лица, которыя на одномъ и томъ же дѣлѣ не могутъ выигрывать и проигрывать вмѣстѣ? Вовсе нѣтъ. Акціонерная компанія можетъ быть пассажъ, чрезъ который спекулянты-капиталисты проходятъ одинъ за другимъ, унося барыши, а торговать остаются мелкіе лавочники. Да еслибы и оставались все тѣ же главные дѣятели, еслибы большія компаніи представлялись постоянно тѣми же живыми лицами, то гдѣ гарантія контроля надъ ними внѣ конкурренціи? Мы уважаемъ г. Уайненса, какъ умнаго капиталиста, который былъ состоятеленъ въ своихъ дѣлахъ и отъ котораго нельзя требовать большаго. Г. Уайненсъ, по слухамъ, ведетъ переговоры о пріобрѣтеніи значительнѣйшей казенной линіи, именно московско-курской, и на немъ-то, стало быть, и примѣнилась бы впервые новая система. Г. Уайненсу или его компаніи была бы предоставлена монополія желѣзно-дорожнаго дѣла въ районѣ, съ обязательствомъ построить въ срокъ такія и такія вѣтви. Изъ этихъ вѣтвей нѣкоторыя, какъ уже нынѣ извѣстно, могутъ построиться даже безъ правительственной гарантіи. Обязатель-

ство строить ихъ, стало быть, будетъ не повинностью, а привилегіею. Обязательства г. Уайненса по другимъ вѣтвямъ будутъ опредѣлены, конечно, съ точностью и съ соблюденіемъ всѣхъ интересовъ. Но вѣдь за отказъ отъ одного обязательства и притомъ всего за $2^1/_2$ года, мы именно г. Уайненсу заплатили недавно пять милліоновъ! А кто заставлялъ насъ заключать съ нимъ это обязательство, когда вся невыгодность его была давно выяснена и общеизвѣстна? Сила обстоятельствъ.

Вотъ этой-то силы обстоятельствъ нельзя не опасаться, по отношенію къ огромнымъ монополистскимъ компаніямъ, въ Россіи еще болѣе, пожалуй, чѣмъ во Франціи. Во Франціи, нѣтъ спору, спекуляція болѣе развита чѣмъ у насъ. Но зато, въ той сторонѣ дѣла, которая заключаетъ въ себѣ постепенное отдаленіе сроковъ, облегченіе условій, ссуды, наконецъ безконтрольность, мы ужъ навѣрное не уступимъ Франціи.

И все это для этого, чтобы «обезпечить» постройку нѣкоторыхъ дополнительныхъ вѣтвей? Да вѣдь изъ нихъ нѣкоторыя построятся сами собой, при гарантіи, а частью и безъ гарантіи. И остальныя — хотимъ имѣть вдругъ? — выпустимъ два лотерейные займа, построимъ ихъ всѣ вмѣстѣ на казенный счетъ и продадимъ потомъ въ раздробь. Средство героическое, конечно, и вовсе нами не рекомендуемое. Но оно, во всякомъ случаѣ, десять разъ лучше, чѣмъ то, о которомъ говорятъ теперь. Тутъ и принципъ конкурренціи не будетъ нарушенъ, и не создастся произволъ большихъ компаній и—главное, самая постройка дополнительныхъ вѣтвей *въ дѣйствительности*, а не по концессіямъ только, будетъ гораздо болѣе обезпечена, чѣмъ при предлагаемомъ способѣ.

Не говоримъ уже о томъ, что самая мысль о сосредоточеніи промышленнаго дѣла въ рукахъ нѣсколькихъ громадныхъ компаній уничтожаетъ всѣ главныя выгоды частнаго хозяйства въ промышленномъ дѣлѣ. Огромныя компаніи не могутъ наблюдать мелочной экономіи, не могутъ и заботиться о наиболѣе выгодномъ и лучшемъ устройствѣ каждой вѣтви, на какое она только способна. У нихъ въ виду—общій результатъ для ихъ доходовъ и частныя улучшенія онѣ будутъ подчинять своимъ общимъ интересамъ. Техническое хозяйство огромной компаніи стоитъ почти въ тѣхъ же условіяхъ, какъ при казенномъ управленіи; разница только въ томъ, что хозяйство денежное и самая безопасность менѣе обезпечены. Все что можно сказать въ пользу частной предпріимчивости въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, можетъ относиться только къ отдѣльнымъ предпріятіямъ по каждой линіи и обусловливается именно принципомъ конкурренціи.

Рѣшеніе вопроса о продажѣ московско-курской дороги, въ декабрѣ на время отложено; зато къ числу концессій на новыя линіи прибавилось въ тотъ мѣсяцъ,—предоставленіе обществу южной восточно-

прусской желѣзной дороги постройки линіи лыкско-брестской. По поводу этой линіи, у насъ въ печати проявились нѣкоторыя странныя соображенія. Не говоримъ уже о томъ, что «Московскія Вѣдомости»—спеціальный микроскопъ измѣнъ и сепаратизмовъ, приписали компаніи либавской дороги нѣчто въ родѣ преднамѣренной медлительности и апатіи къ дѣлу этой дороги въ пользу прусскаго предпріятія, угрожающаго ему соперничествомъ. Это есть только примѣненіе подобнаго рода наблюденій къ еще одной отрасли человѣческой дѣятельности. Но въ печати вообще (и «Вѣсть» здѣсь встрѣчается съ «Моск. Вѣд.») высказалось не только нерасположеніе къ лыкско - брестской дорогѣ, но и желаніе, чтобы она не была разрѣшена. Первое мы вполнѣ понимаемъ, и до извѣстной степени раздѣляемъ. Несомнѣнно, что лыкско-брестская дорога будетъ соперничать съ либавскою по отношенію къ южному и югозападному району. Постройка дороги, которая соединила бы Кіевъ, Минскъ, Вильно съ Либавою, этимъ удобнѣйшимъ изъ русскихъ портовъ на Балтійскомъ морѣ, интересовала насъ не менѣе, чѣмъ кого-либо. Восточно-прусская торговля вообще и коммисіонерство въ особенности живутъ на счетъ Россіи, и очень желательно было бы оставить самой Россіи тѣ выгоды, какія извлекаютъ изъ нея кёнигсбергскіе и данцигскіе коммисіонеры и торговцы. Линія отъ Лыка къ Бѣлостоку, ставъ во главѣ линіи изъ Кіева на Брестъ и Бѣлостокъ, будетъ отвлекать часть днѣпровскихъ грузовъ и вообще югозападной торговли отъ Либавы къ Кёнигсбергу. Противъ этого нельзя спорить.

Въ виду такой конкуренціи естественно было бы не давать гарантіи на проведеніе лыкской дороги. Но естественно ли доводить нерасположеніе къ ней до желанія, чтобы она не была разрѣшена и безъ гарантіи? Вѣдь это—опять протекціонизмъ. Отчего же въ такомъ случаѣ не обложить дифференціальною пошлиною товары, идущіе на Пруссію сухопутно, а не изъ нашихъ портовъ? Это имѣло бы тотъ же смыслъ. Если торговое сословіе у насъ, по образованію, духу предпріимчивости и разсчетливости не близорукой, а раціональной, не будетъ поспѣвать за развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, то мы еще не того дождемся: мы дождемся, что на нижегородской ярмаркѣ намъ будутъ диктовать законы иностранные коммисіонеры. Съ другой стороны, развитіе желѣзно-дорожной сѣти у насъ, безъ сомнѣнія, облегчитъ доступъ дешевыхъ иностранныхъ издѣлій и въ отдаленныя мѣстности Россіи. Спрашивается, неужели же такія соображенія могли бы остановить въ свое время вообще покрытіе Россіи сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Какое препятствіе можетъ составить для развитія самого желѣзно-дорожнаго дѣла у насъ разрѣшеніе лыкской дороги, безъ гарантіи? Вотъ, еслибы на этотъ собственно вопросъ можно было бы представить дѣльное возраженіе противъ лыкской дороги, то естественно

было бы не разрѣшать ея. Но такого резона быть не можетъ; желѣзно-дорожное дѣло у насъ въ другихъ мѣстахъ нисколько не задержится тѣмъ, что лыкскую дорогу станутъ строить пруссаки безъ гарантіи. А запрещать ее, для того собственно, чтобы поощрить Либаву, развѣ это не значило бы уже искуственно направлять товары на Либаву, то-есть просто обогащать Либаву насчетъ отправителей, то-есть, скажемъ еще разъ, примѣнять къ дѣлу существенный пріемъ протекціонизма?

Существуетъ мнѣніе, что разрѣшеніе дороги отъ Лыка на Бѣлостокъ опасно до тѣхъ поръ, пока въ той мѣстности система нашихъ укрѣпленій не будетъ подготовлена до уравновѣшенія силы прусской системы пограничныхъ укрѣпленій и что, поэтому, слѣдовало отложить разрѣшеніе дороги на три года. Но не вдаваясь въ разсмотрѣніе стратегическаго вопроса, замѣтимъ, что война съ Пруссіею вовсе не принадлежитъ къ случайностямъ вѣроятнымъ въ теченіи предстоящаго трехлѣтія; да наконецъ, развѣ въ случаѣ войны, желѣзныя дороги не разрушаются? Повторяемъ, что можно несочувствовать лыкской дорогѣ, по вѣроятному соперничеству ея съ либавскою, и съ этимъ мы сами согласны; но отъ введенія принциповъ запретительной системы въ желѣзно-дорожное, какъ и вообще во всякое промышленное дѣло, мы не могли бы ожидать пользы для дѣла, потому что протекціонизмъ есть не что иное, какъ поощреніе однихъ гражданъ барышами изъ кармановъ другихъ гражданъ, и именно большинства.

Недостаточность средствъ земства — вотъ на что приходится указывать каждый разъ, какъ только поведешь рѣчь о земской дѣятельности. Фактъ это общеизвѣстный, конечно, а между тѣмъ, послушать строгихъ критиковъ, такъ выходитъ, что земскія учрежденія, едва ли не по своей винѣ, оказались ниже возложенныхъ на нихъ ожиданій. Иные не хотятъ и знать о томъ, въ какомъ *видѣ* предметы вѣдомства земствъ перешли къ нимъ, и соотвѣтствовали ли переданныя имъ средства самымъ насущнымъ потребностямъ. Между тѣмъ, передача въ вѣдѣніе земства заботъ о мѣстномъ хозяйствѣ, въ сущности, была ликвидаціею административнаго распоряженія этимъ хозяйствомъ. Но ясно, что принимающій какое-либо дѣло, по ликвидаціи, въ первое время своего управленія не можетъ быть признаваемъ вполнѣ отвѣтственнымъ за то, чего онъ не могъ сдѣлать, такъ какъ не отъ него зависѣла постановка дѣла. Земства, конечно, имѣютъ право увеличивать средства на хозяйство, посредствомъ установленія дополнительныхъ сборовъ, но въ этомъ отношеніи права ограничиваются возможностью, а во-вторыхъ и позднѣйшимъ постановленіемъ.

Мы возвращаемся къ этимъ простымъ истинамъ по случаю рѣчи, которою было открыто, въ прошломъ мѣсяцѣ, четвертое очередное земское собраніе Петербургской губерніи. Г. петербургскій губерна-

торъ нашелся въ невозможности «указать ни на одно существенное улучшеніе, въ которомъ выразилась бы дѣятельность управъ въ отношеніи къ общественному благоустройству, особенно соразмѣрно съ тѣми налогами, которые падаютъ теперь на земство». Но начальникъ губерніи поспѣшилъ прибавить, что говоритъ это не въ видѣ укора управамъ, а потому, что самъ убѣдился въ недостаткѣ средствъ. Поэтому, на изысканіе средствъ для улучшеній онъ и указалъ, какъ на главный предметъ для заботливости земства. Здѣсь мы не будемъ излагать дѣятельности петербургскаго земства вообще, и настоящей сессіи его въ особенности, надѣясь вскорѣ посвятить особую статью по этому предмету.

Но занося въ нашу хронику фактъ открытія петербургскаго земскаго собранія, считаемъ не лишними эти нѣсколько словъ о недостаткѣ средствъ для улучшеній. Земскимъ собраніямъ, дѣйствительно, присвоено не только право раскладки обязательныхъ повинностей, но также право «установленія новыхъ сборовъ на губернскія земскія потребности», съ ограниченіемъ относительно торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Но, какъ видно между прочимъ и изъ самой рѣчи г. губернатора, наличныя средства земства не соотвѣтствуютъ не только потребностямъ—что могло бы еще въ нѣкоторомъ смыслѣ быть отнесено къ винѣ земства—но и земскимъ налогамъ уже существующимъ. Изысканія средствъ, какъ бы старательно они ведены ни были, могутъ измѣнить это отношеніе къ лучшему только въ томъ случаѣ, если администрація поставитъ себѣ задачею никакъ не выдѣлять свои мѣстныя отправленія отъ общихъ земскихъ сборовъ, а земство устранять отъ всякихъ своихъ преимуществъ, какъ въ вопросѣ о пересылкѣ корреспонденціи. Сами же земства создать новыхъ средствъ не могутъ иначе, какъ установленіемъ новыхъ сборовъ: а сборы оказываются и то тяжелыми, какъ то компетентно засвидѣтельствовано теперь. Изъ всего этого совершенно несомнѣнно, что слова г. губернатора никакъ не могли содержать въ себѣ укора земству.

Нынѣшняя сессія петербургскаго земскаго собранія представила новый матеріалъ для вопроса о народномъ образованіи. Въ прошлогоднюю сессію образована была коммиссія для представленія въ слѣдующую сессію проекта участія губернскаго земства въ народномъ образованіи. Коммиссія эта совершенно основательно ограничила свой проектъ начальнымъ обученіемъ и въ дѣлѣ начальнаго обученія обратила особое вниманіе именно на приготовленіе народныхъ учителей, полагая, что самое учрежденіе школъ можетъ быть предоставлено исключительно иниціативѣ уѣздныхъ земствъ. Въ докладѣ коммиссіи мы находимъ слѣдующія слова: «Коммиссія обратила вниманіе губернскаго собранія на то, что необходимо принять всѣ мѣры для созданія со-

словія народныхъ учителей, котораго у насъ еще вовсе не существуетъ». Слова эти вызываютъ въ насъ полнѣйшее сочувствіе, и не входя въ разборъ спеціальныхъ мѣръ, предложенныхъ коммисіею и одобренныхъ собраніемъ, скажемъ только, что онѣ служатъ выраженіемъ сейчасъ приведенной мысли, и остановимся на значеніи этого новаго приговора общественнаго мнѣнія въ пользу созданія сословія народныхъ учителей.

Въ прошедшій разъ мы упоминали о начинаніяхъ въ томъ же смыслѣ земствъ рязанскаго и новгородскаго. Петербургское земство не постановило учредить спеціальныя учительскія семинаріи, какъ названныя земства, а сочло возможнымъ пока ограничиться учрежденіемъ стипендій при существующихъ педагогическихъ курсахъ и учрежденіемъ такихъ же курсовъ лѣтомъ. Но смыслъ рѣшенія его тотъ же, какъ и начинаній нѣсколькихъ другихъ земствъ: именно, что с ранѣ необходимы хорошіе учителя, спеціально посвящающіе себя преподаванію, такъ что петербургская коммиссія уже рѣшила-было даже обѣщать имъ пенсіи. Важно то, что убѣжденіе въ необходимости дать дѣлу народнаго образованія серьезную и прочную постановку, употребленіемъ всѣхъ усилій на приготовленіе профессіонныхъ учителей, дѣлаетъ у насъ замѣтные успѣхи. Теперь даже «Московскія Вѣдомости», которыя нѣкогда опасались, что учительскія семинаріи сдѣлаются гнѣздами нигилизма, въ виду очевидно крѣпнущаго въ обществѣ убѣжденія, отказываются отъ тенденціозности въ этомъ вопросѣ, рекомендуютъ учрежденіе учительскихъ семинарій и не только постоянныхъ, но еще «странствующихъ», т.-е. лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ.

Факты эти представляютъ рѣшительный приговоръ общества надъ тѣмъ мрачно-недальновиднымъ мнѣніемъ, будто образованіе спеціальныхъ учителей можетъ вести только къ распространенію безбожія, и будто лучше оставить народное образованіе исключительно въ рукахъ духовенства, а за обремененіемъ его другими занятіями—въ рукахъ пономарей и церковныхъ сторожей, чѣмъ въ рукахъ людей, которые бы предались ему всецѣло и раціонально.

Какъ то нерѣдко бываетъ, «общество», только преодолѣвъ разныя реакціонныя опасенія и поползновенія, приходитъ къ тому выводу, къ которому масса неграмотная, но прямо-заинтересованная въ дѣлѣ, приходитъ безъ всякаго труда. Такъ въ нынѣшнемъ петербургскомъ земскомъ собраніи одинъ гласный могъ еще поставить слѣдующій вопросъ: «достаточно ли мы уяснили себѣ, что такое народное образованіе *для нашего отечества*, насколько великъ запросъ на него въ народѣ и какого преимущественно онъ спрашиваетъ?... Я слышу здѣсь предложеніе объ образованіи особыхъ педагоговъ.... но нужно ли это? Народъ не ищетъ такого (?) образованія, обязать мы не можемъ», и т. д.

Ораторъ, вѣроятно, принадлежитъ къ числу того рода людей, которые убѣждены, что *въ нашемъ отечествѣ* все должно идти *иначе:* и развитіе учрежденій, и условія промышленности и народное образованіе. Извѣстно, что такой взглядъ долгое время препятствовалъ и проложенію въ Россіи желѣзныхъ дорогъ. Но нынѣ, относительно желѣзныхъ дорогъ уже ни одинъ гласный ни рѣшится высказать подобный взглядъ, а относительно народнаго образованія—рѣшится тѣмъ легче, что можетъ сослаться, въ случаѣ нужды, на компетентныя лица.

А между тѣмъ, пока «общество» еще не выясняло себѣ, «какого именно» образованія желаетъ себѣ народъ, неграмотная масса, лишь только освобожденная отъ узъ, стала ясно показывать, кокого образованія она «не желаетъ», и вотъ школы, учрежденныя по вѣдомству государственныхъ имуществъ, стали закрываться одна за другою. «Московскія Вѣдомости» теперь хотя и преклоняются передъ сознанною необходимостью учительскихъ семинарій, однако — вѣроятно для «облегченія перехода» отъ прежнихъ своихъ взглядовъ къ новымъ — все еще трактуютъ, что главное дѣло лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность скоро, даже вдругъ, въ два мѣсяца; потребность-молъ въ «хорошихъ» учителяхъ явится ужъ послѣ»; а потому этой газетѣ особенно нравится «поверхностное обученіе чтенію и письму въ теченіе 1—3 мѣсяцевъ», которому, по ея отзыву, такъ много помогаетъ простота нашего букваря. Само собою разумѣется, что для какого-либо успѣха умственнаго развитія два мѣсяца—срокъ—слишкомъ краткій, и что простота букваря тутъ ужъ ни при чемъ. Но московской газетѣ, въ ея переходномъ настроеніи, всего важнѣе и кажется именно только поверхностное умѣнье читать и писать; вотъ почему она особенно рекомендуетъ умножать школы, а относительно учительскихъ семинарій заботится болѣе всего о «странствующихъ». Переходъ очень ясенъ и въ немъ еще отзывается прежняя мысль.

Чтобы учить кое-какъ грамотѣ, на это, конечно, способны и случайные учителя—духовные семинаристы и даже дьячки. Но, во-первыхъ, именно такіе-то учителя неспособны даже и къ скорому обученію грамотѣ. Чтобы выучить ребенка въ два мѣсяца грамотѣ, недостаточно простоты букваря; нужна еще—раціональная простота метода обученія. Духовные семинаристы учатъ неиначе, какъ по складамъ, да пожалуй еще сперва по церковно-славянскому букварю, который совсѣмъ не такъ простъ.

А во-вторыхъ, позволимъ себѣ поставить обратно вопросъ упомянутаго выше гласнаго, говорившаго за духовныхъ семинаристовъ — «ищетъ ли нашъ народъ *такого* образованія»? Вотъ здѣсь-то и оказывается, что тотъ результатъ, къ которому «обществ» приходитъ иногда только послѣ колебаній, преодолѣвъ сбивающія его съ толку реакціорныя стремленія объ учрежденіи для Россіи какого-то огульнаго *иначе*

масса безграмотная, но прямо заинтересованная въ дѣлѣ и наученная опытомъ, что когда «корень ученія горекъ», то плодовъ онъ не только сладкихъ, но никакихъ не производитъ, этотъ результатъ масса усвоиваетъ себѣ гораздо легче. Мы уже сослались на то свидѣтельство въ этомъ смыслѣ, какое представляется почти повсемѣстнымъ явленіемъ закрытія школъ государственныхъ имуществъ. Но подобныя свидѣтельства въ частности встрѣчаются на каждомъ шагу; ими изобилуютъ всякія описанія народно-училищнаго дѣла. Одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и безпристрастныхъ дѣятелей народнаго образованія, баронъ Н. А. Корфъ, въ отчетѣ александровскому уѣздному училищному совѣту за 1869 годъ, говоритъ: «въ прошлогоднемъ отчетѣ я уже имѣлъ честь доложить совѣту, что священники *зная, что за школами существуетъ строгій контроль*, не берутся за преподаваніе; истекающій годъ подтверждаетъ тоже явленіе: изъ русскихъ и греческихъ селъ, въ учебномъ году мною осмотрѣнныхъ, ни въ одномъ *не приглашенъ* учителемъ священникъ, несмотря на то, что въ этихъ селахъ платятъ учителямъ около 200 руб. сер. и болѣе жалованья. Лицъ изъ духовнаго званія, т.-е. священническихъ и діаконскихъ сыновей, всего 4 на 40 учителей участка; изъ 40 учителей, одинъ священникъ». Далѣе, бар. Корфъ замѣчаетъ, что такъ какъ священникамъ самимъ закономъ облегченъ доступъ къ преподаванію, ибо они не нуждаются для того въ свидѣтельствахъ отъ училищныхъ совѣтовъ, то приведенныя цифры доказываютъ, что «сама жизнь свидѣтельствуетъ о невозможности совмѣстить учительскія занятія съ пастырскими обязанностями». Другое дѣло, религіозное вліяніе на учениковъ посредствомъ преподаванія въ школѣ закона божія,—противъ этого никто не споритъ.

А въ петербургскомъ земскомъ собраніи, гласный Обольяниновъ прямо показалъ о гдовскомъ уѣздѣ: «говорятъ, есть готовый контингентъ учителей (т.-е. духовные); въ виду этого заявленія, я не считаю себя болѣе вправѣ умалчивать о томъ весьма грустномъ фактѣ, что во многихъ волостяхъ нашего уѣзда существуютъ мірскіе приговоры, гласящіе — если учителемъ будетъ священникъ, не дадимъ на школу и копѣйки, а если *настоящій* учитель, то дадимъ и по 10 коп. съ души». Одинъ членъ коммиссіи сообщилъ, что во всѣхъ 298 школахъ Петербургской губерніи всего 45 священниковъ и діаконовъ.

Ясно ли, «какого образованія ищетъ» народъ, невѣдающій реакціонныхъ опасеній, смущающихъ немногочисленную, но вліятельную часть «общества», и какихъ учителей онъ желаетъ? *Настоящихъ* — вотъ его отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ долженъ пристыдить тѣхъ, кто считаетъ нужною или возможною фальсификацію народнаго образованія, хотя бы съ самыми благонамѣренными цѣлями.

Въ исторіи нашего народнаго образованія, которая измѣряетъ все прошедшее не столѣтіями, а почти не болѣе какъ десятилѣтіями, имя графа С. С. Уварова окружено чрезвычайнымъ блескомъ, который еще усиливается сравненіемъ съ близкими къ нему эпохами и различіемъ среды, въ которой приходилось дѣйствовать графу Уварову—и другимъ. Насколько труднѣе было тогда его положеніе, настолько онъ выдается теперь изъ ряду прочихъ. Въ наше время, правильная оцѣнка дѣятельности такого человѣка, какъ гр. Уваровъ, пріобрѣтаетъ особую важность, и потому мы не можемъ не обратить вниманія читателей на статьи князя Г. А. Щербатова: «Характеръ и значеніе гр. Сергѣя Семеновича Уварова»; авторъ не только пережилъ ту эпоху, но и дѣйствовалъ въ ней, именно по дѣлу народнаго просвѣщенія, управляя въ послѣдніе годы министерства Уварова московскимъ учебнымъ округомъ *). «Въ послѣднее время — говоритъ кн. Щербатовъ — имя гр. С. С. Уварова стало чаще раздаваться въ кружкахъ, интересы которыхъ связаны съ дѣломъ народнаго образованія. Въ началѣ нынѣшняго (1869 г.) въ собраніяхъ, бывшихъ по случаю юбилея с.-петербургскаго университета, теперешній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, среди раздававшихся торжественныхъ восхваленій настоящему и шумныхъ, заздравныхъ тостовъ живущимъ, неоднократно возвращалъ къ прошедшему вниманіе присутствующихъ и упоминалъ имя своего предшественника. Весьма многими изъ слушателей слова гр. Толстого должны были быть приняты болѣе чѣмъ сочувственно».

О гр. Уваровѣ, какъ о министрѣ народнаго просвѣщенія, мы рѣшились бы даже сказать больше: ему вынуждены отдавать справедливость во многомъ самые его противники, а потому имя его нельзя не упомянуть даже и тогда, когда хотѣлось бы пройти его молчаніемъ. Потому-то, одно упоминовеніе имени Уварова для насъ не такъ важно: несравненно важнѣе понять внутренній смыслъ дѣятельности этого министра, при обстановкѣ далеко не столь благопріятной, какъ современная, когда часто приходилось ему стараться быть полезнымъ даже противъ воли тѣхъ, кому хочешь быть полезнымъ. Этотъ-то внутренній смыслъ дѣятельности Уварова превосходно объяснилъ князь Щербатовъ въ вышеупомянутыхъ статьяхъ. Главною заслугою Уварова считаютъ обыкновенно утвержденіе у насъ классическаго образованія, забывая при этомъ, что классицизмъ служилъ цѣлыми вѣками въ Россіи основою образованія огромнаго духовнаго сословія, а потому подражателямъ Уварова предстояла всегда опасность защищать у насъ семинарскую схоластику и воображать себѣ, что мы идемъ по стопамъ графа Уварова. Въ первый разъ, кн. Щербатовъ объяснилъ вполнѣ

*) См. «С.-Петерб. Вѣд.» № 334 (1869) и слѣд.

то, что составляло въ гр. Уваровѣ истинно-классическое направленіе и мы позволимъ себѣ выписать это мѣсто цѣликомъ, чтобы нагляднѣе показать различіе между тѣми и другими эпохами въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія:

«Значеніе графа Уварова, какъ министра народнаго просвѣщенія, — говоритъ авторъ — по мнѣнію весьма многихъ, выражается почти исключительно заслугами, оказанными имъ упроченію классическаго образованія въ нашихъ, преимущественно среднихъ, учебныхъ заведеніяхъ. Я нахожу, что подобная оцѣнка невѣрна; она умаляетъ значеніе его дѣятельности, которая въ подобныхъ размѣрахъ, конечно, еще не пріобрѣла бы ему заслуженной имъ славы государственнаго человѣка. И дѣйствительно, неужели многосложная задача министра народнаго просвѣщенія можетъ быть удовлетворительно разрѣшена *заявленіемъ только программы своего направленія*, хотя бы, напримѣръ, въ смыслѣ усиленнаго преподаванія греческаго и латинскаго языковъ въ гимназіяхъ? Графъ Уваровъ самъ по себѣ былъ превосходно классически образованъ: онъ владѣлъ древними языками, могъ на нихъ объясняться и устно, и письменно, былъ отличный филологъ и вѣрный цѣнитель литературы, какъ древней, такъ и новѣйшей; личное образованіе его обнимало кругъ тѣхъ наукъ, которыми очерчиваются историко-филологическіе факультеты нашихъ университетовъ. Я убѣжденъ, что всѣ симпатіи его были къ классицизму, и что онъ вѣрилъ въ силу его образовательнаго на юношество вліянія. Будь онъ въ другомъ положеніи, будь онъ поставленъ во главѣ учебнаго заведенія—руководимое имъ заведеніе имѣло бы, быть можетъ, чисто-классическій характеръ. И въ этомъ случаѣ исключительность его взгляда могла бы быть признана заслугой.... Но призваніе графа Уварова было иное. Какъ министръ народнаго просвѣщенія, онъ имѣлъ дѣло не съ ограниченной группой добровольно порученныхъ ему родителями юношей; кругъ его дѣятельности былъ болѣе *общій*, обнималъ вопросъ образованія *цѣлой страны* и *цѣлыхъ поколѣній*. Тутъ односторонность была бы вредна, и личныя качества педагога въ государственномъ человѣкѣ выражались бы узкостію взгляда. Графъ Уваровъ въ подобной узкости заподозрѣнъ быть не можетъ. Умъ его, столь щедро одаренный природою, столь выработанный воспитаніемъ, ручался за вѣрность и правильность его пониманія размѣровъ и цѣли предпринятаго дѣла. Къ тому же, графъ Уваровъ вступалъ въ свою министерскую дѣятельность уже подготовленнымъ. Въ 20-хъ годахъ онъ былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа; позднѣйшіе досуги свои онъ проводилъ въ умственныхъ занятіяхъ, въ кругу людей, интересовавшихся духовною стороною развитія общества, и понималъ, что одна только внѣшняя обрядность, правильность канцелярской обстановки не обусловливаютъ еще смысла какой бы то ни было отрасли

государственнаго управленія, а тѣмъ болѣе управленія по дѣлу образованія. Словомъ, взглядъ его былъ сознательный, выработанный, твердый, и потому онъ не увлекался и не мудрствовалъ. Во все время его многолѣтняго управленія не было колебаній. Онъ ощупью не доискивался, но всегда оставался вѣрнымъ своей программѣ, какъ въ основной ея мысли, такъ и въ средствахъ ея развитія; измѣнялись только пріемы, какъ того требуетъ всякое дѣло, проводимое человѣкомъ неупрямымъ и наблюдательнымъ; но въ самой системѣ не было противорѣчивыхъ неожиданностей. Ихъ и не могло быть. Графу Уварову не было нужды на счетъ и ко вреду общества, порученнаго его воспитанію, самому воспитываться и рядомъ попытокъ, ошибокъ и экспериментовъ доходить до нѣкоторой опытности.

«Графъ Уваровъ понималъ, что ввѣренное его попеченію образованіе русскихъ молодыхъ людей—будущихъ русскихъ гражданъ—есть дѣло нелегкое, и что дѣятельности его предстоитъ строгій судъ потомства. Онъ понималъ, что *призваніе его не есть исключительно только принятіе мѣръ къ огражденію текущаго дня отъ мелкихъ, часто неизбѣжныхъ, тревогъ*, что это призваніе не выражается только въ пальятивныхъ распоряженіяхъ, дѣйствующихъ на выразившійся какой-либо одиночный фактъ, но должно состоять въ стремленіи — развитіемъ и направленіемъ органическихъ силъ юношества дѣйствовать на его умъ и образованіе въ немъ твердой и здравой воли. *Онъ боялся мѣропріятіями, удовлетворяющими только требованіямъ внѣшняго спокойствія, пагубно вліять на внутреннее развитіе и, поблажая безсознательнымъ ощущеніямъ или инстинктивному страху въ настоящемъ, компромметировать успѣхъ будущаго.* Онъ сознавалъ, что призваніе просвѣщенія—выработывать истину. Онъ зналъ, что истина въ своихъ проявленіяхъ скромна, безстрастна и спокойна, и не признавая за собою обладанія магическимъ жезломъ, могущимъ измѣнять непреложные законы жизни, былъ убѣжденъ, что мракъ не разсѣевается однимъ почеркомъ пера, что заблужденіе и ошибки не искореняются однимъ распоряженіемъ, что безмолвная покорность не есть еще сознательное повиновеніе; онъ зналъ, что вліяніе просвѣщенія на развитіе медленно, постепенно; что грубою силою можно подавить выраженіе, что можно заставить людей молчать и не двигаться, зажавъ имъ ротъ и связавъ ихъ по рукамъ и по ногамъ, но что эти неразумныя мѣры, оскорбляя нравственное чувство, еще болѣе возбуждаютъ страсти, которыя, только наружно смирившись передъ силою, воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ къ сопротивленію. Наконецъ, онъ ясно сознавалъ, что подобныя *дѣйствія, нравящіяся вообще какъ выраженіе силы, въ глазахъ образованности суть выраженіе безсилія, сознанія нравственной несостоятельности, и что это мнимое, кажущееся торжество здравыхъ началъ въ сущности есть*

только туманъ, скрывающій отъ глазъ все болѣе и болѣе разъѣдаемыя язвы невѣжества, съ ихъ вредными для общества послѣдствіями. Я говорю *вредными*, потому что убѣжденъ, что истинное просвѣщеніе есть необходимѣйшее и первѣйшее условіе благосостоянія общества...

«Графу Уварову представлялись двѣ системы. Съ одной стороны— управленіе, основанное на системѣ утилитарности съ ея послѣдствіями—*т. е. непрерывною цѣпью распоряженій эфемерныхъ, другъ другу противорѣчащихъ, но удовлетворяющихъ своею внѣшнею формою полезности, въ минуту ихъ появленія, безсознательнымъ и близорукимъ требованіямъ грубаго пониманія общественной пользы.* Эта система не могла нравиться графу Уварову. Въ дѣйствіяхъ, которыя во имя просвѣщенія, во имя нравственнаго совершенства общества, подчиняютъ его умъ и волю гнету требованій, навязанныхъ силою и препятствующихъ правильному и разумному развитію, онъ не могъ не видѣть какъ бы презрѣнія къ духовному призванію человѣчества, какъ бы кощунства надъ воспитаніемъ, и онъ не чувствовалъ себя способнымъ подъ маскою просвѣщенія изувѣчивать и растлѣвать юношество, пришедшее къ нему съ довѣріемъ искать у него истины и правды. И онъ избралъ систему нравственнаго воспитанія.

«При такомъ взглядѣ на просвѣщеніе, графъ Уваровъ, конечно, не могъ не видѣть въ наукѣ выраженія умственной дѣятельности человѣчества, стремящейся къ уясненію *всѣхъ* законовъ жизни въ ея духовныхъ и физическихъ проявленіяхъ. Онъ уважалъ науку вообще, науку въ совокупномъ ея смыслѣ, и личное пристрастіе свое къ той или другой изъ ея отраслей не возводилъ самонадѣянно въ признакъ исключительнаго ея превосходства надъ другими отраслями науки.

«Въ примѣненіи этого убѣжденія къ научному образованію въ школахъ, гдѣ наука, теряя субъективность своего характера, является образовательнымъ средствомъ, графъ Уваровъ не могъ не оставаться послѣдовательнымъ. Онъ подводилъ предметы преподаванія подъ мѣрило ихъ вліянія на умственное развитіе учащихся и отбрасывалъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ признаки практической полезности брали верхъ надъ признаками нравственной пользы... Тѣ изъ нихъ, за которыми онъ признавалъ образовательное достоинство, пользовались въ глазахъ его одинаковымъ значеніемъ, и онъ считалъ, что эти предметы, въ предѣлахъ, непрепятствующихъ ни одному изъ нихъ вліять на развитіе отдѣльныхъ пружинъ ума, въ совокупномъ дѣйствіи своемъ должны были достигать желаемаго результата — общаго умственнаго развитія учащейся молодежи.

«Итакъ, по характеру графа Уварова, я не могу считать его исключительнымъ поборникомъ классицизма, какъ единственнаго образовательнаго для юношества средства; но далѣе и самые факты подкрѣпляютъ высказанное мною убѣжденіе.

«Развитію гражданскихъ школъ нашихъ предшествовало развитіе школъ духовныхъ, служившихъ первымъ образчикомъ методы и снабжавшихъ гражданскія школы учителями. Понятно, что духъ классицизма и даже схоластизма, существовавшій въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, перешелъ въ гражданскія школы и укрѣпился подъ вліяніемъ наставниковъ и преподавателей, преимущественно изъ духовнаго званія и получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ.

«Уставы 1828 г., между прочимъ, опредѣлили весь кругъ гимназическаго курса, и эти уставы, выработанные коммиссіею изъ лицъ, призванныхъ къ участію въ дѣлѣ не по внѣшней служебной ихъ связи въ просвѣщеніемъ, но по внутренней ихъ компетентности въ обсужденіи вопросовъ народнаго образованія, сохранили въ школахъ классическое направленіе, но въ размѣрахъ, отстранявшихъ исключительность и безусловность. И дѣйствительно, въ программахъ ученія того времени мы видимъ, что даже въ гимназіяхъ полное классическое образованіе не представлялось единственнымъ путемъ для учащейся молодежи. Латинскій языкъ обязательно преподавался во всѣхъ гимназіяхъ, греческій языкъ былъ обязателенъ въ одной только 3-й гимназіи въ Петербургѣ и, кажется, тоже въ одной гимназіи въ Москвѣ. Въ прочихъ гимназіяхъ, за весьма немногими, быть можетъ, исключеніями, преподаватели греческаго языка были въ числѣ штатныхъ гимназическихъ учителей, но на волю учащихся предоставлялось изученіе этого языка. Правительство, въ правительственныхъ своихъ школахъ, предоставляло каждому возможность заниматься греческимъ языкомъ, но его не навязывало, и незнаніе его не служило препятствіемъ къ вступленію въ университетъ (за исключеніемъ историко-филологическаго факультета, для котораго, естественно, греческій языкъ былъ обязателенъ)... Оттого неудивительно, что *гр. Уваровъ, классикъ и филологъ, первый основалъ въ Москвѣ реальную гимназію, равную съ прочими по правамъ для вступленія въ университетъ*... Во всякомъ случаѣ, *тѣ, которые полагаютъ, что для образованія страны внѣ латинскаго и греческаго языковъ нѣтъ спасенія, лишены права возвеличивать графа Уварова, и не слѣдуетъ имъ, дѣйствуя въ своемъ направленіи, искать себѣ опоры въ авторитетѣ его имени.*

«Мнѣ кажется, опытъ доказалъ, что графъ Уваровъ былъ правъ. За весь періодъ его управленія жизнь гимназій текла спокойно, послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ, постоянно развивая изъ самой себя свой общеобразовательный характеръ, не увлекаясь ни крайностію теоретическихъ воззрѣній, ни противоположною, утилитарною крайностію. Результаты, ими достигнутые, и въ настоящее время оцѣниваются по заслугамъ и должны быть по справедливости приписаны просвѣщенному государственному такту тогдашняго министра народнаго просвѣщенія.

«Такимъ образомъ, классическое настроеніе графа Уварова выражалось въ его министерской дѣятельности не въ смыслѣ обыкновенно ему придаваемомъ. Онъ былъ защитникомъ классическаго воспитанія въ томъ отношеніи, что при немъ школы имѣли назначеніемъ развитіе учащейся молодежи исключительно съ цѣлію этого развитія безъ примѣси утилитарности; но *онъ не былъ классикомъ, если подъ этимъ понимать убѣжденіе, что только классическіе языки имѣютъ исключительное свойство способствовать этому развитію*».

И могло-ли, прибавимъ къ словамъ кн. Щербатова, ужиться такое безсодержательное убѣжденіе съ истинно-министерскимъ, а не департаментско-семинарскимъ, воззрѣніемъ Уварова на свое высокое призваніе государственнаго человѣка?! Повторяемъ при этомъ, Уваровъ жилъ въ эпоху, когда нельзя было промолвить слова объ уничтоженіи крѣпостного быта, когда одни прямо рождались для наслажденія жизнью, а другіе — для орошенія земли своимъ пбтомъ; когда классическое образованіе дѣйствительно было у насъ народнымъ для того маленькаго народа, который благоденствовалъ, какъ нѣкогда благоденствовала горсть римскихъ патриціевъ, на счетъ массы плебеевъ; а огромное число людей находились въ такомъ положеніи, что для нихъ, по выраженію одного древняго островитянина, образованіе, «кромѣ вреда, не могло принести никакой пользы». И въ такую эпоху, Уваровъ, какъ прекрасно то указалъ кн. Щербатовъ, не увлекался ни личнымъ своимъ вкусомъ, ни требованіемъ настоящаго, и работалъ для будущаго, пробуждая въ массахъ практическія свѣдѣнія, необходимыя для улучшенія его матеріальнаго быта. Какъ плодотворна могла бы быть дѣятельность подобнаго свѣтлаго просвѣщеннаго ума въ наше время, — легко себѣ представить; теперь ему не пришлось бы бороться ни съ сомнѣніями сверху относительно пользы образованія, ни съ равнодушіемъ внизу. «Пусть учится всякій, какъ знаетъ» — сказалъ бы намъ Уваровъ, какъ нѣкогда сказалъ Фридрихъ Великій: «пусть молится каждый, какъ умѣетъ»; и тогда бы мы не услышали тѣхъ жалобъ со стороны земства, которыя такъ ясно резюмировалъ выше одинъ изъ нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ въ своей статьѣ: «Земство и народное образованіе».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января, 1870.

Министерскіе кризисы въ западныхъ государствахъ. — Парламентскія партіи и новое министерство во Франціи. — Вѣнскій рейхсратъ и петиція рабочихъ. — Министерскій кризисъ въ Баваріи и его отношеніе къ германскому единству: ультрамонтаны и націоналисты.

Давно не случалось Европѣ встрѣчать новый годъ съ такимъ видимымъ, по крайней мѣрѣ, спокойствіемъ во внѣшней политикѣ, и взамѣнъ того съ такими всеобщими тревогами каждаго по своимъ внутреннимъ дѣламъ; можетъ быть, послѣднее обстоятельство именно и обусловливаетъ всеобщее мирное настроеніе, и избавляетъ насъ отъ такъ-называемыхъ великихъ европейскихъ вопросовъ. Дипломаты сидятъ совсѣмъ безъ дѣла; но нельзя того сказать о министерствахъ большей части западныхъ государствъ: конецъ прошедшаго года ознаменовался въ большей ихъ части министерскимъ кризисомъ — извѣстною конституціонною болѣзнью, благодаря которой правительство можетъ, не доводя общество до революціи, повиноваться общественному мнѣнію страны, и въ этомъ повиновеніи находить даже новый источникъ власти, уже не гнетущей, а правящей. Министерство въ западныхъ государствахъ выражаетъ въ лицѣ его главы и всего состава извѣстную мысль правительства, его политическую систему, если можно такъ выразиться, тенденцію; если министерство пріобрѣтаетъ въ палатѣ, которая опять служитъ или по крайней мѣрѣ должна служить, выраженіемъ мысли и воли страны, — большинство, въ такомъ случаѣ правительство находитъ себѣ поддержку въ самой странѣ, и наоборотъ, правительство уединяется, ко вреду для самого себя. Если правительство страдаетъ неопредѣленностію идей, или вообще расходится съ мнѣніемъ и волею страны, министерство подвергается кризису, и такимъ кризисомъ поражена теперь большая часть континентальныхъ государствъ. Одновременно съ министерскимъ кризисомъ во Франціи, министерскій кризисъ занималъ Италію; въ Австріи, положеніе мини-

отерства весьма тяжело, въ виду далматскаго возстанія и внутренняго противоборства. Берлинскій кабинетъ мало еще приблизился къ разрѣшенію главной задачи, а именно провести черту между Сѣверо-германскимъ Союзомъ и старою Пруссіею; стремленіе Пруссіи замѣстить собою Германію, и усилія Германіи не превратиться изъ Германіи въ Пруссію, производятъ для берлинскаго кабинета затрудненія, аналогическія съ положеніемъ вѣнскаго кабинета. Одновременное собраніе парламентовъ, за исключеніемъ англійскаго, усиливаетъ значеніе всеобщихъ министерскихъ кризисовъ, которымъ суждено характеризовать собою начало новаго гражданскаго года.

Такое положеніе парламентскихъ, говорящихъ, націй Европы, какъ бы оно ни было тяжело въ данную минуту, все же можетъ быть разсматриваемо, какъ ихъ преимущество, какъ одна изъ силъ, развивающихся подъ условіемъ опредѣленныхъ законовъ, и потому эти силы имѣютъ неизбѣжно свои кризисы, свои критическія минуты. Во всякомъ случаѣ, за этими кризисами всегда скрываются невидимые пока перевороты, которые совершаются въ жизни самихъ народовъ. Во Франціи, наприм., кризисъ министерскій сопровождается, такъ сказать, парламентскимъ кризисомъ, который усложняетъ дѣло внутренней политики. Всѣ партіи, одна за другой, выставили свои программы, но эти программы послужили не къ объясненію ихъ, а къ новымъ подраздѣленіямъ. Вслѣдствіе того, парламентскія пренія въ декабрѣ терялись въ мелочахъ и вызвали справедливое замѣчаніе въ средѣ самого законодательнаго собранія: «Не знаю — сказалъ одинъ изъ его членовъ — не дорого ли намъ платитъ страна за то, что мы занимаемся ея дѣлами, и найдетъ ли она, что мы сегодня съ пользою употребили время». Такое напоминовеніе показываетъ, что Франція въ наше время не довольствуется оппозиціею для оппозиціи, что страну нельзя удовлетворить одними отрицательными результатами, одною борьбою съ правительствомъ; страна требуетъ отъ своихъ представителей достиженія положительныхъ цѣлей, самобытности въ управленіи своими мѣстными дѣлами, свободы труда, свободы мысли. Съ другой стороны, неопредѣленность программы свидѣтельствуетъ о томъ, что переворотъ, совершающійся во Франціи въ настоящее время, не придуманъ, а вызывается потребностями времени, что это не абстрактная теорія и не порывъ, а результатъ естественнаго роста. Франція просто выросла изъ дѣтскаго костюма, сшитаго ей личнымъ правительствомъ Наполеона. Самъ творецъ этого костюма вынужденъ былъ сознаться, въ послѣдней рѣчи, что Франція не хочетъ не только революціи, но она съ такою же силою не хочетъ и абсолютизма; и Наполеонъ правъ, потому что абсолютизмъ есть обратная медаль революціи, или та же революція, но растянутая на цѣлыя десятилѣтія. Однимъ словомъ, Франція, какъ выразился одинъ изъ французскихъ публицистовъ,

характеризуя послѣднія пренія законодательнаго собранія, — Франція хочетъ установить у себя *un gouvernement libre*, свободное правительство, и она не ошибается въ такомъ желаніи: правительство, основанное на régime personnel, всего менѣе можетъ быть названо свободнымъ правительствомъ; оно можетъ быть своевольно, но никогда оно не свободно, такъ какъ прежде всего такое правительство осуждено подпасть деспотизму собственной же администраціи. Къ первому дню новаго года, экстраординарное засѣданіе законодательнаго корпуса закрыто съ тѣмъ, чтобы уступить мѣсто ординарному, и вмѣстѣ правительство нашло себя вынужденнымъ распустить прежнее министерство, какъ возникшее въ эпоху личнаго правленія. На Эм. Олливье возложено составленіе новаго министерства конституціоннаго, т.-е. такого, которое выражало бы собою большинство палаты и въ тоже время было бы однородно по составу.

Открытіе австрійскаго парламента или рейхсрата сопровождалось особеннаго рода явленіемъ, характеризующимъ переживаемое нами время. Ни въ одномъ государствѣ западной Европы вопросъ о національностяхъ не представляетъ столько матеріала, какъ въ Австріи, и нигдѣ деспотизмъ не строилъ своихъ комбинацій на антагонизмѣ національностей, какъ въ той же Австріи. Другое послѣдствіе внутреннихъ національныхъ вопросовъ, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, не менѣе пагубно для страны: моральное значеніе человѣка въ такихъ странахъ исчезаетъ за его національностію; люди не дѣлятся на честныхъ и безчестныхъ, тружениковъ и дармоѣдовъ; всѣ эти качества опредѣляются впередъ національностію каждаго; одни считаются лучшими, другіе — худшими людьми, одни — добрыми подданными, другіе — подозрительными и ненадежными; одни преслѣдуютъ, другіе — преслѣдуются, и все это съ точки зрѣнія національности. Предъ открытіемъ нынѣшней сессіи рейхсрата, въ Вѣнѣ произошло движеніе, которое было сдѣлано не во имя нѣмецкой, славянской или венгерской національности, но во имя трудящагося класса населенія.

Еще за нѣсколько дней до открытія рейхсрата въ городѣ ходили слухи, что готовится демонстрація рабочихъ, и притомъ въ большихъ размѣрахъ. Въ послѣдніе дни городская почта Вѣны была переполнена письмами на имя рабочихъ самыхъ главныхъ фабрикъ, которыхъ приглашали собраться въ день открытія рейхсрата на площади предъ его зданіемъ. Въ письмахъ заключалась прокламація слѣдующаго содержанія: «Рабочіе! послѣ продолжительнаго перерыва, рейхсратъ соберется снова 13-го декабря. Въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, онъ совсѣмъ забылъ о рабочихъ. Чтобы и въ нынѣшнемъ году не повторилось тоже самое, мы напомнимъ ему о существованіи рабочихъ и соберемся передъ зданіемъ рейхсрата. Братья! дѣло идетъ не о насиліи, а только о томъ, чтобы ясно показать, сколько рабочихъ въ

Вѣнѣ. Мы разсчитываемъ на присутствіе по крайней мѣрѣ отъ 40 до 60 тысячъ человѣкъ». Дѣйствительно, утромъ 13-го декабря, начиная съ девятаго часа утра, обнаружилось въ Вѣнѣ необыкновенное движеніе, а къ 11 часамъ собралось до 30 тысячъ человѣкъ. Рабочіе немедленно приступили къ выбору депутаціи, которая должна была представить президенту графу Тааффе и министру Гискрѣ слѣдующую петицію: «Побужденные собраніемъ народныхъ массъ, соединившихся сегодня къ открытію рейхсрата съ цѣлію поддерживать требованія, столь часто высказываемыя на сходкахъ и въ петиціяхъ, нижеподписавшіеся рѣшились ходатайствовать о томъ, чтобы министерство приняло на себя трудъ дѣйствовать въ интересѣ благоденствія австрійскаго народа, съ тѣмъ, чтобы, начиная со времени открытія рейхсрата, было предоставлено неограниченное право коалицій и уничтоженъ законъ объ обязательныхъ корпораціяхъ; кромѣ того, представить рейхсрату, въ теченіе настоящей сессіи, проекты закона относительно свободы ассоціаціи и сходокъ, свободы печати и устройства прямыхъ выборовъ. Мы считаемъ своею обязанностію напомнить министерству, что народъ ищетъ обезпеченій для мира и свободы, а именно замѣны постоянныхъ армій всеобщимъ народнымъ вооруженіемъ».

Когда пушечные выстрѣлы дали знать объ окончаніи чтенія тронной рѣчи, рабочіе построились въ порядкѣ на площади и предводители рабочихъ ассоціацій, въ числѣ 12, сдѣлали смотръ, какъ на военномъ парадѣ. Послѣ того, опредѣлено было, не произнося никакихъ рѣчей, послать депутацію изъ 12 человѣкъ къ гр. Тааффе съ вышеупомянутой петиціей. Въ полдень депутація явилась къ министру, а рабочіе спокойно ожидали результатовъ. Послѣ цѣлаго часа совѣщаній съ министромъ, депутаты явились къ рабочимъ и объявили имъ, что ихъ петиція будетъ разсмотрѣна въ совѣтѣ министровъ.

Трудно себѣ представить, чтобы такая петиція имѣла непосредственные результаты, наприм., по вопросу о замѣнѣ постоянныхъ войскъ всеобщимъ вооруженіемъ, которое не тяготѣло бы надъ бюджетомъ страны такъ, какъ тяготѣетъ содержаніе арміи. Болѣе умѣренное предложеніе извѣстнаго члена прусской палаты Вирхова, сдѣланное въ нынѣшнюю сессію, относительно сокращенія военныхъ силъ, не имѣло успѣха даже въ палатѣ; но въ подобныхъ предложеніяхъ важны не непосредственные результаты, а то, что они указываютъ на существованіе зла, неизбѣжнаго въ данную минуту, и вынуждаютъ искать практическаго исхода. Сцена же рабочихъ, происшедшая въ Вѣнѣ, служитъ кромѣ того отвѣтомъ тѣмъ изъ нашихъ публицистовъ, которые никакъ не хотятъ помириться съ мыслью, что Австрія принадлежитъ въ послѣднее время къ числу либеральныхъ государствъ западной Европы. При описаніи такой же сцены въ государствѣ не-конституціонномъ, мы непремѣнно подумали бы, что дѣло идетъ о бунтѣ, а между

тѣмъ мы видимъ, что собраніе на площади 30.000 человѣкъ не возбудило никакихъ опасеній со стороны правительства; не были вызваны войска для разсѣянія ихъ, между тѣмъ какъ такое собраніе на площади, повидимому, представляетъ несравненно бо́льшую опасность и угрожаетъ спокойствію несравненно больше, нежели какія-нибудь юношескія шалости. Очевидно, въ Австріи, еще столь недавно страдавшей подъ игомъ деспотизма, привычки къ конституціонной жизни пустили уже корни, и въ правительствѣ и въ обществѣ. Такой взглядъ на современную Австрію одинъ изъ петербургскихъ публицистовъ называетъ взглядомъ «близорукихъ и наивныхъ либераловъ»; но вдумавшись основательнѣе и углубившись въ самого себя, этотъ публицистъ долженъ будетъ согласиться, что и близорукость и наивность принадлежатъ не намъ.

Къ кризисамъ, переживаемымъ нынѣ великими державами Европы, слѣдуетъ причислить министерскій кризисъ въ Баваріи, государствѣ второстепенномъ, но въ тоже время первоклассномъ по отношенію вопроса объ единствѣ Германіи. Особенно замѣчательна будетъ нынѣшняя сессія баварской палаты. Въ декабрѣ происходили выборы въ Баваріи весьма оживленные, но мало замѣченные, по ничтожности европейскаго положенія Баваріи. Для Пруссіи эти выборы имѣли громадную важность: одержатъ ли верхъ *ультрамонтаны*, враги прусскаго единства, или *націоналисты-либералы*, ихъ противники. Выборы кончились, хотя и незначительнымъ, однако торжествомъ ультрамонтановъ, что́ поколебало министерство князя Гогенлоэ, тянувшее къ Пруссіи. Теперь, при новой палатѣ, положеніе правительства сдѣлалось затруднительнымъ: въ палатѣ, очевидно, обнаружится новое направленіе: послѣдовать ему и измѣнить въ этомъ смыслѣ министерство—значитъ придти въ неизбѣжное столкновеніе съ Пруссіею; пренебречь мнѣніемъ страны и держаться прежняго министерства, опасно, такъ какъ оно лишится поддержки палаты и можетъ вызвать внутреннія затрудненія. Потому надобно ожидать, что нынѣшнія пренія въ баварской палатѣ представятъ чрезвычайно большой интересъ: тамъ можно будетъ видѣть ясно, насколько подвинулось впередъ дѣло объединенія Германіи въ общественномъ сознаніи, и насколько Пруссія дѣлаетъ успѣхи въ южной Германіи.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Вторая имперія и парламентъ.

24-ое декабря, 1869 г.

Настоящій моментъ — безспорно одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ исторіи Франціи, и тотъ, кто бы вѣрно предсказалъ, что изъ всего этого выйдетъ, заслуживалъ бы премію за догадливость. Мы проживаемъ настоящую революцію, если такъ можно называть переходъ отъ одного правленія къ другому, почти противоположному, но эта революція совершается пока путемъ мирнымъ. У насъ возстановляется правленіе парламентское, и оно будетъ возстановлено вполнѣ, если только не окажется, что нѣтъ для него людей; а этого опасаться можно. Причины, вызвавшія эту великую и внезапную перемѣну, не вполнѣ уяснились. Правда, смыслъ послѣднихъ выборовъ былъ очень понятенъ, и правительство, хотя ему удалось и на этотъ разъ провесть къ избранію большинство своихъ кандидатовъ, тѣмъ не менѣе потерпѣло страшную неудачу, неудачу, которой все значеніе можетъ оцѣнить именно само правительство, зная всю наличность тѣхъ средствъ, которыя были употреблены имъ въ дѣло для отвращенія такого результата. Правда и то, что немалое число собственныхъ его кандидатовъ, тѣхъ людей, которыхъ оно само заставило избрать, присоединились къ реформистскому движенію, и тѣмъ самымъ дали правительству мѣрку всей силы этого движенія.

Но движеніе это революціоннымъ не было. Тѣ, которые называютъ или считаютъ себя «непримиримыми», — представляютъ собою только весьма малую долю общественнаго мнѣнія. Правительству не угрожала никакая непосредственная опасность, и вопросъ: за чѣмъ оно ускорило ходъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы лавировать и выигрывать время — остается еще загадкою. Конечно, было бы неосторожно, еслибы оно напрямикъ отвергло извѣстный запросъ «ста-шестнадцати», по крайней мѣрѣ тотъ запросъ, который они предъявили въ прошломъ іюлѣ, и изъ котораго вытекло все настоящее движеніе. Когда ужъ запросъ былъ предъявленъ, отвергнуть его прямо — было неудобно, но можно было отклонить предъявленіе его, не спѣша созывать палату тотчасъ послѣ выборовъ. Еслибы открытіе палаты было отсрочено на нѣсколько мѣсяцевъ, что не было невозможно, и если бы притомъ лѣто прошло спокойно, тогда раздраженіе умовъ

значительно бы ослабло, и во всякомъ случаѣ, правительство выгадало бы себѣ время, чтобы присмотрѣться къ положенію дѣлъ и, по возможности, ограничить свои уступки, давъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ видъ пожертвованій вполнѣ добровольныхъ.

Почему правительство предпочло иной образъ дѣйствій? — Вотъ этого-то и нельзя знать съ достовѣрностію. Судя по быстротѣ, съ какою оно какъ будто катится по склону, фаталисты могутъ подумать, что его толкаетъ нѣкая демоническая внутренняя сила. Можно только дѣлать предположенія, и вѣроятно то, что на императора подѣйствовали при этомъ соображенія относительно его лѣтъ и состоянія здоровья, и желаніе облегчить будущность своей династіи, и безъ того столь неупроченную, по крайней мѣрѣ въ случаѣ кризиса, сопряженнаго съ переходомъ, который оказался въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ. Къ сожалѣнію, хотя императоръ рѣшился скоро, онъ все-таки дѣйствуетъ какъ будто неохотно и нерѣшительно, такъ что и общественное мнѣніе не знаетъ, какъ относиться къ его актамъ, и онъ не извлекаетъ особенной пользы для себя изъ своихъ уступокъ. Онъ положительно имѣетъ видъ монарха, побѣжденнаго и неумѣющаго покориться судьбѣ. Но надо сказать и то, что положеніе само по себѣ — одно изъ самыхъ затруднительныхъ. Нельзя декретомъ, когда вздумается, измѣнить систему; для этого недостаточно провозгласить другіе принципы: для того, чтобы примѣнить эти принципы, нужны люди, а парламентское правленіе еще болѣе иного именно нуждается въ людяхъ, такъ какъ для него нужны цѣлыя двѣ правительственныя смѣны — одинъ комплектъ людей въ должностяхъ, да другой — въ оппозиціи, готовый заступить мѣста вытѣсненнаго имъ.

Въ этомъ отношеніи мы — бѣдны. Политическій смыслъ никогда не изобиловалъ во Франціи, что доказывается и частыми нашими революціями, а характеристическою чертою народа политическаго служитъ именно безмятежность, съ какою онъ осуществляетъ прогрессъ. Въ настоящую минуту, людей съ истинно политическимъ смысломъ у насъ меньше, чѣмъ когда либо; и сама оппозиція, въ которой есть много и притомъ замѣчательныхъ талантовъ, людьми истинно политическими не богаче самого правительства. Въ числѣ людей, могущихъ теперь попасть въ управленіе, нѣтъ ни одного въ самомъ дѣлѣ первостатейнаго. Ораторовъ у насъ много, но нѣтъ ни одного государственнаго человѣка, — за исключеніемъ г. Тьера, который, во-первыхъ, и самъ не лишенъ недостатковъ, а во-вторыхъ, по многимъ причинамъ, не можетъ быть кандидатомъ въ министры. Г. Руэ — послѣдній и самый блестящій изъ министровъ имперіи самовластной, государственнымъ человѣкомъ вовсе не былъ; но онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше всѣхъ тѣхъ людей, которые могутъ служить министрами новой имперіи, имперіи либеральной. Г. Эмиль Олливье —

котораго трудно было бы обойти и который въ действительности человѣкъ талантливый — надѣлалъ столько неловкостей, что лишилъ себя довѣрія и такъ сказать износился прежде, чѣмъ сталъ служить.

Остальные кандидаты на министерство, это — люди честные, но мало возвышающіеся надъ посредственностію. Для либеральной имперіи нѣтъ слугъ — и это, конечно, одно изъ важнѣйшихъ затрудненій въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

Виновата въ этомъ отчасти сама имперія, такъ какъ тѣ осьмнадцать лѣтъ, которые мы прожили съ 1852 года, ужъ конечно не могли благопріятствовать развитію политическихъ способностей. Но виноватъ также и характеръ французской націи, которая, какъ я уже сказалъ, не можетъ похвалиться особенною политическою даровитостію. Сама оппозиція доказываетъ это именно теперь, дѣлая ошибку за ошибкой и оказываясь неспособной практически воспользоваться предоставленными палатѣ новыми правами. Общественное мнѣніе настроено такъ, что еслибы лѣвая сторона въ самомъ дѣлѣ откровенно взялась за дѣло конституціоннаго прогресса, она увлекла бы за собою и правительство, и палату, и всю страну. Между тѣмъ, она, считая себя обязанною угождать партіи крайней, показываетъ видъ, какъ будто она лелѣетъ надежды на ниспровержение, надежды, которыхъ она сама не считаетъ серьезными, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаютъ у нея всякую силу на почвѣ законно-парламентской. Она — безсильна, потому что она постоянно находится въ фальшивомъ положеніи. Она упорно держится въ сферѣ безусловнаго, а между тѣмъ политика, по существу своему, есть область относительнаго. По моему мнѣнію, есть одинъ человѣкъ одаренный нѣкоторымъ политическимъ умомъ на этой сторонѣ палаты, именно—г. Эрнестъ Пикаръ, и я опасаюсь, что ему не удастся сохранить на долгое время солидарность съ его товарищами, которые слишкомъ преданы химерамъ.

Когда вы получите эти строки, новое министерство, по всей вѣроятности, уже устроится. За исключеніемъ г. Оливье—который, конечно, въ немъ будетъ, не могу предвидѣть, изъ кого оно будетъ состоять; но каково бы оно ни было, весьма вѣроятно, что оно будетъ только переходное, такъ какъ нѣтъ ни человѣка способнаго сообщить твердое направленіе колеблющейся палатѣ, ни большинства, которое было бы способно пополнить своей инициативой вѣроятную недостаточность перваго парламентскаго кабинета. Все чего можно требовать отъ новаго министерства и отъ нынѣшней палаты, это — новаго избирательнаго закона, который освободилъ бы всеобщую подачу голосовъ отъ оффиціальнаго давленія. Добиться его будетъ нелегко, такъ какъ избирательная реформа, въ нѣкоторомъ родѣ—самоубійство для нынѣшней палаты; но я все-таки

полагаю, что добиться этой реформы можно, потому что требованіе общественнаго мнѣнія на этотъ счетъ опредѣленно и рѣшительно.

Итакъ, выборы, которые у насъ будутъ — и быть можетъ скоро — будутъ выборы свободные. Надо надѣяться на это, желать этого, такъ какъ свободные выборы, очевидно, должны служить первымъ условіемъ свободному правленію, котораго Франція желаетъ безъ всякаго сомнѣнія. Но даже и тогда, будемъ ли мы имѣть увѣренность, что у насъ есть наконецъ то правленіе, за которымъ мы гонялись среди стольких революцій? На это можно, пожалуй, надѣяться, но ручаться за то нельзя. Дѣло въ томъ, что сверхъ свободы выборовъ, необходимо еще одно условіе; необходимо, чтобы выборы эти приносили пользу, выставляя впередъ и возвышая до власти людей способныхъ управлять при свободѣ. Окажется ли это — отвѣтитъ опытъ, и я горячо желаю, чтобы результатъ опыта былъ благопріятный, но предвижу, что онъ встрѣтится со многими затрудненіями, среди которыхъ, сверхъ недостатка подготовленныхъ людей, будетъ еще то ошибочное понятіе о свободѣ, которое вообще распространено во Франціи. У насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ склонны представлять себѣ свободу болѣе всего въ смыслѣ права безнаказанно нападать на правительство, каково бы оно ни было. Не знаютъ, что свобода обязываетъ къ большой самосдержанности тѣхъ, кто хочетъ пользоваться ею, не подвергая ея опасности, и что она есть, прежде всего, не грубая возможность производить нападеніе, а — самоуправленіе мысли. Людямъ все-таки нужна дисциплина, и истинное преимущество человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы сбросить съ себя все, что его сдерживаетъ, а въ томъ напротивъ, чтобы самому создавать для себя эту дисциплину, не ожидая, чтобы ее создали другіе. Тѣ крайнія выходки, которыя обнаруживаются въ нашихъ общественныхъ сходкахъ и въ нѣкоторой части нашей печати, достаточно показываютъ, какъ мало усвоено еще французскимъ умомъ истинное понятіе о свободѣ.

Но что замѣчательно въ настоящую минуту, это — фактъ, что неосторожныя и достойныя сожалѣнія выходки, на которыя я намекнулъ, вовсе не производятъ на общественное мнѣніе того дѣйствія, котораго можно было опасаться. Съ одной стороны — возбужденія словомъ и перомъ не переходятъ въ дѣла; съ другой стороны — робкіе умы, всегда столь многочисленные, не выказываютъ страха, и общественное мнѣніе остается рѣшительно благопріятнымъ свободѣ. Нѣтъ лучшаго доказательства, до какой степени страна въ самомъ дѣлѣ томится самовластіемъ, которому она не видитъ болѣе оправданія, съ тѣхъ поръ какъ оно уже не пожинаетъ успѣха за успѣхомъ. Ничто также не доказываетъ лучше, что опытъ либерализма будетъ произведенъ и совершится вполнѣ, наперекоръ всѣмъ внѣшнимъ признакамъ противоположнаго свойства.

И въ самомъ дѣлѣ, правительство не можетъ пойти назадъ, еслибы и захотѣло. То, что происходило въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ показываетъ, что партіи крайнія и непримиримыя ограничатся неосторожностями на словахъ, безумными выходками — въ рѣчахъ только, и что онѣ благоразумно рѣшились не вызывать борьбу съ правительствомъ на улицахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что единственный предлогъ къ новому государственному перевороту подамъ не будетъ, такъ какъ императору не можетъ прійти мысль о возстановленія диктатуры, если онъ не будетъ вызванъ къ тому какою-нибудь попыткою произвесть безпорядки. Онъ нанесъ бы своему правленію смертельный ударъ, еслибы отмѣнилъ вновь свободу потому только, что нашли бы невозможнымъ управлять при ней, ужиться съ нею. Да и возстановить диктатуру значило бы еще не все: возстановивъ ее, надо было бы употребить ее на какое-нибудь дѣло, и даже на великія дѣла. Успѣхъ 2-го декабря упрочили вовсе не тѣ террористскія мѣры, воспоминаніе о которыхъ до сихъ поръ такъ жестоко тяготѣетъ надъ императорскимъ правленіемъ, а тотъ огромной толчекъ, который оно могло немедленно дать промышленнымъ дѣламъ, и тѣ успѣхи, которыми ознаменовалась внѣшняя его политика. Теперь, еслибы императоръ захотѣлъ сдѣлать повтореніе государственнаго переворота, то этимъ онъ не только не успокоилъ бы промышленные интересы, а напротивъ испугалъ бы ихъ, такъ какъ они уже утратили вѣру въ его проницательность и его счастіе, и не видятъ болѣе въ полновластіи одного человѣка лучшей для себя гарантіи. Въ этомъ отношеніи, настроеніе умовъ прямо противоположно теперь тому, каково оно было 2-го декабря 1851 г. Возстановленіе деспотизма теперь было бы всѣми понято, какъ предвѣщаніе какой-либо большой войны, предположенной съ цѣлію отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ. Когда-нибудь, быть можетъ, французскій народъ снова станетъ воинственнымъ, но теперь онъ положительно не одушевленъ войною, и я рѣшаюсь даже замѣтить, что съ тою легкостію, съ какою онъ вдается вообще въ крайности, онъ въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ бы слѣдовало, отбрасываетъ отъ себя, съ предвзятымъ намѣреніемъ, всякую мысль объ иностранныхъ дѣлахъ, какихъ бы то ни было. Происходитъ это частію вслѣдствіе мексиканской войны, а частію отъ желанія, которое само по себѣ похвально, только, пожалуй немного преувеличено — не дать ничѣмъ отвлечь себя отъ великой внутренней задачи.

Правда, общественное мнѣніе далеко не примирилось съ результатами битвы при Садовѣ, но все свое недовольство ими оно перенесло на французское правительство, которое въ 1866 году въ самомъ дѣлѣ сдѣлало грубыя ошибки, и развѣ только уже самое безцеремонное обращеніе г. фонъ-Бисмарка съ пражскимъ трактатомъ могло бы разбу-

дить въ насъ шовинистскую щепетильность, которая рѣшительно дремлетъ. Вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстно, слѣдуетъ ли придавать политическую важность телеграммамъ, которыми недавно обмѣнялись вашъ государь и король прусскій, по поводу военнаго ордена св. Георгія. Я, лично, думаю, что не слѣдуетъ. Но будьте увѣрены, что еслибы это напоминовеніе о войнахъ противъ Франціи произошло при королѣ Людовикѣ-Филиппѣ, у насъ умы сильно бы разгорячились. Между тѣмъ, теперь никто даже не обратилъ на это вниманіе. Не обращаютъ вниманія на дѣла и болѣе важныя, чѣмъ это. Напримѣръ, вамъ извѣстно, что вице-короли египетскіе, начиная съ Мегемета-Али, считаются по преданію кліентами Франціи. И чтожъ мы видимъ? Турко-египетское столкновеніе окончилось неуспѣхомъ для хедива, а наша публика и газеты остались совсѣмъ равнодушны къ такому результату. Кто хочетъ, чтобы его слушали, тотъ пусть говоритъ намъ о необходимости реформы, о будущемъ министерствѣ, объ отмѣнѣ оффиціальныхъ кандидатуръ, объ уничтоженіи исключительнаго положенія должностныхъ лицъ. Совсѣмъ не то было при прежнихъ правленіяхъ, да и при нынѣшнемъ, пока оно было счастливо въ своихъ предпріятіяхъ. Надо всѣмъ господствуетъ заботливость устранить всякія неожиданности и слишкомъ смѣлыя внѣшнія предпріятія, поставить правительство, каково бы оно ни было, въ невозможность сдѣлать что-нибудь подобное. Отъ этой заботливости родилось отвращеніе къ войнѣ вообще и ко всякой войнѣ въ частности.

Такимъ образомъ, правительство находится въ извѣстномъ смыслѣ въ состояніи блокады. Отступить назадъ оно не можетъ; оно не можетъ выпутаться посредствомъ диверсіи; оно должно пребывать въ неподвижности, что лишаетъ его довѣрія, истощаетъ его силу, - или же идти впередъ и вступить рѣшительно въ систему парламентаризма, систему, которую оно нѣкогда само отмѣнило, и эта отмѣна оправдывала даже появленіе имперіи, ту систему, наконецъ, которой воспоминанія, надо признаться, не очень-то утѣшительны у насъ для основателя новой династіи. Правительство принуждено вступить въ эту систему, вдобавокъ, при условіяхъ новыхъ и очень трудныхъ, при всеобщей подачѣ голосовъ, которая заключаетъ въ себѣ еще столько элементовъ неизвѣстности, и которая, даже и при отсутствіи новой избирательной реформы, естественно стремится стать болѣе свободною, то есть болѣе повелительною, наконецъ, при такомъ недостаткѣ въ людяхъ, который въ самомъ дѣлѣ безпримѣренъ въ исторіи. Повторяю: опытъ совершится, потому что не совершиться онъ не можетъ, но довѣріе къ нему я могу имѣть только весьма посредственное. Еще одно изъ условій успѣха, котораго не оказывается — обаяніе самой царствующей личности. Довольно распространено мнѣніе, что императоръ истощился, и что онъ не пользуется уже всѣми своими прежними способностями.

Что касается императрицы, то она — рѣшительно непопулярна. Ей приписываютъ вредное вліяніе, и ей, во всякомъ случаѣ, недостаетъ ни такта, ни истиннаго достоинства.

За успѣхъ того великаго опыта, который совершится у насъ предъ глазами, я не ручаюсь въ особенности именно съ точки зрѣнія интересовъ династіи. Но чтобы ни случилось, опытъ этотъ, во всякомъ случаѣ, доставитъ намъ нѣсколько результатовъ, хотя и частнаго свойства, но такихъ, которые, какъ мнѣ кажется, будутъ усвоены окончательно, которыхъ никакая революція, ни реакція уже не будетъ въ состояніи уничтожить. Такъ, право исключительной подсудности должностныхъ лицъ, преимущество, которое на практикѣ было равносильно уничтоженію ихъ отвѣтственности, стало быть вело къ безнаказанности ихъ — навѣрное исчезнетъ, и никогда уже не возстановится, развѣ въ томъ случаѣ, если сама всеобщая подача голосовъ была бы отмѣнена, а ее кажется невозможно когда-либо коснуться. Такой успѣхъ, такое пріобрѣтеніе, на взглядъ разумныхъ либераловъ, будетъ гораздо важнѣе замѣны монархіи республикою. Точно также, правительство лишится права — и никакое правительство современемъ уже не получитъ его — произвольно измѣнять очертаніе избирательныхъ округовъ, по внушенію своихъ разсчетовъ или прихотей, безъ всякой справки съ естественными связями или удобствами мѣстностей. Все это такіе пункты, относительно которыхъ приговоръ общественнаго мнѣнія совсѣмъ готовъ и уже никогда измѣненъ быть не можетъ.

Если парламентарное отправленіе, которое теперь начнется, будетъ имѣть возможность пройти чрезъ правильные фазисы, то можно ожидать еще и другихъ реформъ, какъ напримѣръ судебной реформы, которой въ настоящее время желаютъ всѣ свѣтлые умы, въ томъ числѣ немало и самихъ судей. Наше судейское сословіе, во-первыхъ, слишкомъ многочисленно, а во-вторыхъ, поставлено въ слишкомъ большую зависимость условіями повышенія. Первостепенныя лица изъ сословія судей коснулись этого деликатнаго вопроса въ своихъ рѣчахъ при возобновленіи судебной сессіи; но мнѣ хочется въ особенности указать вамъ на отличную книгу недавно изданную г. Эженомъ Пуату, совѣтникомъ императорскаго суда въ Анжерѣ. Она носитъ заглавіе: «De la liberté civile et du pouvoir administratif en France». Авторъ совершенно слѣдуетъ здравой и великой традиціи нашихъ Монтескьё, Бенжаменъ-Констановъ, Токвиллей; онъ касается разныхъ вопросовъ, но въ особенности — отвѣтственности должностныхъ лицъ и реформы судоустройства. «Спрашиваю себя», говоритъ онъ, «находится ли судейское сословіе во Франціи въ условіяхъ, которыя бы достаточно обезпечивали, какъ его нравственную силу, такъ и свободу дѣйствія? Представляютъ ли устройство его и условія, при которыхъ оно пополняется, всѣ желательныя гарантіи? Достаточно ли охранена его не-

зависимость? Затѣмъ и самая безпристрастность ея во всѣхъ дѣлахъ, а преимущественно въ тѣхъ, гдѣ замѣшанъ интересъ политическій, такъ ли поставлена она выше всякихъ подозрѣній, какъ то необходимо для ея достоинства, ея нравственной силы и того уваженія, какое должны внушать ея приговоры?»—Вотъ тѣ вопросы, которые предлагаетъ себѣ авторъ, самъ—судья, и на которые онъ не колеблясь отвѣчаетъ отрицательно. Книга г. Пуату, только-что вышедшая, произведетъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, большое впечатлѣніе, и представляетъ всѣ данныя къ тому, чтобы ускорить рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которымъ она посвящена.

Вы видите, что либеральному правительству не будетъ недостатка въ дѣлѣ, если только такое правительство успѣетъ образоваться, что и составляетъ главный вопросъ минуты, вопросъ, о которомъ я съ намѣреніемъ воздерживаюсь выразить слишкомъ опредѣленное мнѣніе. Если различать демократію отъ свободы (различать ихъ надо, ибо между ними можетъ иногда быть цѣлая бездна), то слѣдуетъ признать, что въ смыслѣ свободы все во Франціи должно преобразоваться. Демократическіе интересы почти совершенно удовлетворены установленіемъ поголовной подачи голосовъ, которой нельзя уже отмѣнить и дальше которой невозможно пойти. Но свободу предстоитъ, такъ сказать, цѣликомъ создать или акклиматизировать, и не одно только правительство 2-го декабря, а всѣ наши правленія, послѣ революціи, погрѣшили противъ нея, отчасти по недоброжелательству, отчасти по неразумію. Даже и тѣ, кто истинно хотѣлъ быть либераломъ, оставили въ цѣлости весь механическій приборъ деспотизма, и вотъ эту-то именно механику, то есть всемогущество администраціи, требуется теперь отбросить. Всѣ тѣ, кто хорошо понимаетъ это, положительно предпочтутъ правильное развитіе невѣрнымъ шансамъ революціи. Къ сожалѣнію, въ политикѣ никогда не считалось достаточнымъ высказать чего желаешь, чтобы получить желаемое. Правильное развитіе установится у насъ, если правительство съумѣетъ отдать себѣ вѣрный отчетъ въ положеніи дѣлъ, и если ему удастся найти тѣхъ либеральныхъ, умныхъ и популярныхъ министровъ, которые ему необходимы. Какъ видите—я все возвращаюсь къ этому пункту.

При разсмотрѣніи вопроса о реформахъ, не слѣдуетъ забывать въ числѣ тѣхъ, которыя вѣроятны и даже близки—отмѣну штемпельнаго налога на газеты. Вамъ, конечно, извѣстно, что французская печать въ настоящее время несетъ большее бремя налога, чѣмъ какая-либо *). А такъ какъ привычка установившаяся въ публикѣ не позволяетъ согласить цѣну газетъ съ тяжестью налога, то печать и бьется нынѣ въ печальныхъ и вредныхъ экономическихъ условіяхъ, которыя, разу-

*) Къ счастью, мы не испытали этого бѣдствія. — *Ред.*

мѣстѣ, оказываютъ вліяніе и на политическое и нравственное достоинство газетъ. Вслѣдствіе тѣхъ крайностей, въ которыя вдаются нѣкоторыя изданія, и о которыхъ я уже упоминалъ,—періодическая печать далеко не на хорошемъ счету. Но состояніе, въ какомъ она находится, такъ невыносимо, что почти всѣ признаютъ необходимымъ облегчить ее. Отмѣна штемпельной пошлины вошла во всѣ программы, даже въ программу г. Эмиля Оливье. Весьма вѣроятно, что въ эту внезапную и довольно общую благосклонность входитъ и надежда, довольно основательная, что газеты, умножась, ослабѣютъ, нейтрализируютъ одна другую; но каковы бы ни были побудительныя причины, печать вѣроятно освободится отъ давящаго ея налога. Послѣдствіемъ этого будетъ, конечно, большое наводненіе плохихъ, но дешевыхъ газетъ; но будутъ и серьезныя попытки обновленія, въ которомъ французская журналистика очень нуждается, и о которомъ, при существованіи нынѣшнихъ условій, нельзя было и помышлять. Съ точки зрѣнія финансовой, вопросъ объ отмѣнѣ штемпеля — вопросъ немаловажный, такъ какъ пошлина эта приноситъ въ настоящее время отъ девяти до десяти милліоновъ. Вотъ почему, всѣхъ менѣе благопріятствуетъ этой реформѣ нынѣшній министръ финансовъ, г. Маньё. Но онъ, вѣроятно, не останется министромъ, а если бы и остался, ему едва ли удастся устоять противъ общаго требованія. Самъ императоръ расположенъ въ пользу этой реформы и по причинѣ совершенно личной. Онъ самъ поддерживаетъ субсидіею газету, которая служитъ органомъ личной его мысли, и которая, съ цѣлью возможно большей распространенности продается по пяти сантимовъ за номеръ. Фактъ этотъ такъ извѣстенъ, что не будетъ даже никакой нескромности, если я назову эту газету, именно «Le Peuple Français». Главный редакторъ ея — новѣйшій фаворитъ императора — г. Клеманъ Дюверну, молодой публицистъ, который недавно вступилъ въ палату, вслѣдствіе избранія сопряженнаго съ нѣкоторымъ скандаломъ, такъ какъ подкупъ тутъ былъ уже слишкомъ очевиденъ. «Le Peuple Français» стоитъ его величеству до пяти тысячъ франковъ въ день, замѣтьте — *въ день*, а это составляетъ *сумму* даже и для императорскихъ доходовъ.

Вотъ почему Наполеонъ III расположенъ въ пользу отмѣны штемпельной пошлины. Сверхъ того, и финансовое положеніе нынѣ благопріятно, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ предшествующими годами. Окончательная ликвидація разорительнаго предпріятія въ Мексикѣ и благоразуміе нашей иностранной политики вообще, положили наконецъ предѣлъ дефицитамъ, которые стали-было нормальнымъ явленіемъ при второй имперіи; и хотя штемпельная пошлина приноситъ немало, теперь можно бы, кажется, рѣшиться на ея отмѣну. Сверхъ того, я уже указалъ вамъ причину, по которой императоръ изъ всѣхъ реформъ, о которыхъ идетъ рѣчь, наиболѣе благопріятствуетъ именно

этой. Значитъ, въ этомъ отношеніи, есть довольно основательныя надежды.

Мнѣ приходитъ на мысль, что я даю вамъ скорѣе общіе взгляды, чѣмъ подробности объ отдѣльныхъ политическихъ фактахъ. Но дѣло въ томъ, что о послѣднихъ сказать почти нечего. Нашъ законодательный корпусъ открылъ свою сессію съ мѣсяцъ тому назадъ, и до сихъ поръ сдѣлалъ немного. Повѣрка выборовъ совершалась медленно и не безъ скандаловъ, но безъ пользы, такъ какъ большинство палаты, несмотря на новыя, либеральныя программы, держится вообще правила утверждать самыя спорныя избранія, даже тѣ, въ которыхъ очевидное вмѣшательство власти наиболѣе явнымъ образомъ исказило выраженіе всенародной подачи голосовъ. По справедливости, слѣдовало бы кассировать цѣлую четверть, даже треть всѣхъ выборовъ; но какъ вы знаете, собранія вообще не очень-то любятъ преобразовывать самихъ себя. Немного есть депутатовъ, у которыхъ совѣсть была бы достаточно чиста, относительно уловокъ и давленія на выборахъ, чтобы они могли быть строги. Впрочемъ, палата, можетъ быть, выказала бы менѣе снисходительности, еслибы не опасалась уничтоженіемъ слишкомъ большого числа избраній, дать серьезный аргументъ въ пользу немедленнаго ея распущенія; а этого не желаютъ члены не только большинства, но и самой оппозиціи. Дѣло въ томъ, что во-первыхъ, избраніе въ депутаты стоитъ нынѣ во Франціи очень дорого (около двадцати пяти тысячъ франковъ, и замѣчу, что въ этомъ смыслѣ общая подача голосовъ весьма не демократична); и во-вторыхъ, очень многіе депутаты, какъ правой стороны, такъ и лѣвой, не безъ основанія боятся не быть избранными вновь: депутаты правой стороны — потому что вліяніе правительства на выборы уменьшается и еще уменьшится, а депутаты лѣвой стороны — потому что по мнѣнію крайнихъ партій, господствующихъ въ Парижѣ и Ліонѣ, они недостаточно выступили впередъ. Радикальные избиратели этихъ двухъ городовъ требуютъ отъ представителей своихъ вещей совсѣмъ невозможныхъ. Главный тріумфаторъ на майскихъ выборахъ, г. Гамбетта, теперь провозглашается на общественныхъ сходкахъ ренегатомъ, и самъ г. Рошфоръ удовлетворяетъ своихъ избирателей только въ половину.

Когда палата окончательно составится и когда у насъ будетъ наконецъ министерство, очень можетъ случиться, что вопросы экономическаго свойства выступятъ на арену прежде чисто-политическихъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что мы приближаемся къ сроку дѣйствія торговаго трактата съ Англіею: предстоитъ или возобновить его, или предварить о его невозобновленіи. Въ этомъ вопросѣ интересы раздѣлены на два рѣзко опредѣленныхъ лагеря, которые соотвѣтствуютъ, впрочемъ, и географическому дѣленію. Югъ Франціи, гдѣ преобладаетъ земледѣліе и въ особенности винодѣліе, вполнѣ преданъ сво-

бодѣ торговли, которой приверженцы преобладаютъ и въ Парижѣ. Но сѣверъ и востокъ — области прядильныхъ фабрикантовъ, литейныхъ и механическихъ заводчиковъ, сильно жалуются на этотъ трактатъ. Достовѣрно, что обѣ эти важныя отрасли нашей промышленности страдаютъ, и немало. Желѣзное дѣло поражено наиболѣе, и многія заведенія, занявшіяся имъ, не могли устоять противъ иностранной конкурренціи. Прядильное дѣло также переживаетъ кризисъ въ Нормандіи, Альзасѣ и особенно въ Вогезахъ, гдѣ многія небольшія фабрики, правда, поставленныя невыгодно, пришли къ паденію. Но въ этомъ, чтобы ни говорили заинтересованные люди — виноватъ далеко не одинъ трактатъ, и даже не онъ виноватъ преимущественно. Англичане точно также жалуются, и терпятъ еще больше нашего потому именно, что размѣры ихъ промышленности болѣе значительны. Кризисъ хлопчато-бумажнаго дѣла — явленіе положительно общее, и одна изъ главныхъ причинъ его, быть можетъ даже самая главная, заключается въ томъ, что Соединенные Штаты, вмѣсто того, чтобы присылать свой хлопокъ для обработки въ Европу, стали сами ткать и прясть большую часть его. Это — цѣлый рынокъ, закрывающійся, и вѣроятно навсегда, для европейской фабрикаціи. Наши фабриканты не могутъ не знать этого факта, но притворяются, будто не знаютъ и все сваливаютъ на торговый трактатъ. Въ положеніи французской промышленности много ненормальнаго. Даже желѣзныя дороги невсегда служатъ ей такъ, какъ бы слѣдовало. Напр., восточная дорога, чтобы отбить у Германіи транзитъ чрезъ Швейцарію, беретъ дешевле съ хлопка отправляемаго въ Базель, чѣмъ съ того, который идетъ въ Мюльгаузенъ, и разность эта такъ значительна, что альзаскіе фабриканты находятъ для себя выгоднымъ отправлять свои грузы кругомъ, чрезъ Швейцарію. Вотъ, конечно, ненормальное условіе, но наши желѣзныя дороги, изъ которыхъ большая часть даютъ малые дивиденды, конечно должны думать прежде всего о самихъ себѣ, а не о выгодахъ промышленности. Что еще лучше показываетъ затруднительность положенія французской фабрикаціи, такъ это — борьба между владѣльцами съ одной стороны бумаго-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, а съ другой — набойщиковъ ситцовъ. Эти послѣдніе доказывали, что имъ невозможно набивать французскія ткани достаточно дешево, чтобы выдерживать за границею соперничество съ продуктами англійскими, нѣмецкими, швейцарскими и т. д. Вслѣдствіе того, имъ дозволенъ безпошлинный ввозъ тканей, которыя служатъ для нихъ сырымъ матеріаломъ; но подъ однимъ условіемъ, именно что эти ткани иностраннаго происхожденія не должны быть бросаемы ими на французскій рынокъ, а должны, послѣ набивки, отправляться заграницу. Вотъ при этихъ условіяхъ набивное дѣло и процвѣтаетъ уже нѣсколько лѣтъ, преимущественно въ департаментѣ верхняго Рейна. Что же слу-

чилось?—Французскіе ткачи и прядильщики, которые сами не процвѣтаютъ, стали приписывать долю своей бѣды преимуществу, дарованному набойщикамъ. Они жалуются не только на то, что не могутъ сбывать набойщикамъ своихъ тканей, но и на то, что покупка послѣднихъ заграницею сбиваетъ цѣну французскихъ тканей, такъ что она стремится къ одному уровню съ цѣною иностраннаго продукта, въ особенности идущаго изъ Швейцаріи, гдѣ фабриканты платятъ несравненно менѣе налоговъ, а сверхъ того пользуются еще упомянутою выше выгодою, какую приносятъ имъ французскія желѣзныя дороги, доставляя имъ хлопокъ дешевле, чѣмъ французскимъ фабрикантамъ. Это столкновеніе между ткачами и набойщиками представляетъ одинъ изъ самыхъ полезныхъ и можетъ быть самыхъ поучительныхъ пунктовъ въ нашей современной экономической агитаціи. Ткачи и прядильщики многочисленнѣе, и такъ какъ они въ самомъ дѣлѣ страждутъ, то вѣроятно имъ удастся взять верхъ, но за то дѣло набойщиковъ и ихъ вывозъ пострадаютъ. Увѣряютъ даже, и это очень можетъ быть, что если право безпошлиннаго ввоза иностранныхъ тканей будетъ отнято у нихъ, то часть этой отрасли нашей промышленности перенесется изъ Альзаса въ Баденъ и Швейцарію. Когда данное экономическое положеніе производитъ подобные результаты, то въ немъ, безъ сомнѣнія, есть недостатки. Но вмѣсто того, чтобы агитировать одни противъ другихъ и противъ трактата или за принципъ свободной торговли, наши фабриканты поступили бы благоразумнѣе, еслибы потребовали единодушно уменьшенія тѣхъ налоговъ, которые обременяютъ ихъ и ставятъ въ условія невыгодныя сравнительно съ иностранными производителями. Вмѣсто того, чтобы отнимать у набойщиковъ право запасаться въ Швейцаріи болѣе дешевымъ матеріаломъ, наши ткачи должны бы требовать, чтобы ихъ самихъ правительство поставило въ условія равныя съ тѣмъ, въ какихъ находятся ткачи швейцарскіе. Если оставить въ сторонѣ потерю американскаго рынка, которую, кажется, уже нельзя поправить, вопросъ о торговой свободѣ сводится, въ послѣднемъ анализѣ, къ облегченію налоговъ, то-есть къ внутренней реформѣ. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы эта общая точка зрѣнія могла стать преобладающею посреди запутанной борьбы интересовъ.

Послѣ повѣрки выборовъ, палата вѣроятно захочетъ тотчасъ заняться этими важными вопросами, которые уже поставлены на очередь заявленіями нѣкоторыхъ депутатовъ, и вѣроятно назначитъ изъ себя коммиссію для парламентскаго изученія вопроса о трактатѣ, но приходится торопиться, такъ какъ срокъ для предваренія о невозобновленіи трактата уже очень близокъ. Правительство само назначило коммиссію, думая успокоить умы административнымъ изслѣдованіемъ вопроса. Но прошло то время, когда такіе суррогаты были достаточны. Мѣра, приня-

тая правительствомъ, вызвала настоящій взрывъ гнѣва въ мануфактурныхъ центрахъ, и многіе фабриканты и члены мануфактурныхъ палатъ или совѣтовъ отказались принять участіе въ этомъ изслѣдованіи, не внушающемъ имъ довѣрія — вотъ какая перемѣна произошла въ умахъ, и вотъ сколько потеряло правительство. Въ Нормандіи, одушевленной протекціонизмомъ, и гдѣ умы наиболѣе раздражены относительно коммерческихъ вопросовъ, уже заходила на митингахъ рѣчь объ отказѣ отъ платежа налоговъ.

Если эти вопросы: желѣзный и бумажный, занимаютъ въ настоящее время важное мѣсто въ общественномъ вниманіи, за то соборъ, засѣдающій въ Римѣ, оставляетъ насъ гораздо болѣе равнодушными, быть можетъ даже слишкомъ: Франція, какъ вы знаете — старшая дочь церкви. Но у этой дочери умъ въ теченіи двухъ вѣковъ проходилъ немало странныхъ приключеній. Самые ревностные приверженцы св. престола находятся, быть можетъ, именно у насъ, но за то у насъ же находятся и самые рѣшительные его противники, и эти послѣдніе, по ненависти къ единственной религіи, которую они когда либо знали, сдѣлались непримиримыми врагами всякой религіи. Отсюда понятно, что усилія тѣхъ изъ французскихъ и германскихъ епископовъ, которые, изъ политики или по благоразумію, или изъ участія къ истинно-понимаемой религіи, противятся провозглашенію нелѣпыхъ догматовъ, встрѣчаютъ очень мало сочувствія въ той значительной части общественнаго мнѣнія, которой настроеніе я сейчасъ очертилъ. На походъ предпринятый епископомъ орлеанскимъ и его приверженцами смотрятъ единственно съ любопытствомъ. Нельзя, впрочемъ, и сомнѣваться въ его исходѣ. На соборѣ, какъ численная сила, такъ и внутренняя логика католицизма на сторонѣ тѣхъ, кто хочетъ провозгласить догматомъ безусловную непогрѣшимость папѣ. Не на той сторонѣ, конечно, благоразуміе. Римскій дворъ, извлекая послѣдній выводъ изъ своего принципа, много повредитъ себѣ. Такова роковая судьба устарѣвшихъ учрежденій, что они ослабляются именно тѣмъ, что сами себя утверждаютъ, опредѣляютъ точнѣе и открыто высказываютъ все, что они содержатъ въ себѣ. Немало католиковъ или считающихъ себя католиками уже испугались догмата «непорочнаго зачатія»; еще труднѣе имъ будетъ примириться съ мыслію о безусловной непогрѣшимости одного человѣка: однако, по всей вѣроятности, догматъ этотъ будетъ такъ провозглашенъ, и бездна, раздѣляющая католицизмъ и современное общество, еще расширится. Вѣроятно, что рѣшенія собора произведутъ нѣкоторое волненіе въ странахъ, гдѣ есть вѣрующіе католики; но результатъ всего этого кризиса будетъ непремѣнно неблагопріятенъ той церкви, которая допускаетъ развитіе только своего же принципа, а неспособна преобразовать ея въ

соглашеніи съ требованіями духа современности, «его же не одолѣетъ» она.

Среди этихъ общественныхъ заботъ, проходятъ почти незамѣченными такіе литературные факты, которые въ другое время были бы событіями. Я хочу указать особенно на новый романъ Густава Флобера и на новую пьесу Эмиля Ожье. Въ другое время уже по именамъ авторовъ, смѣлости и странности ихъ попытокъ, эти новыя произведенія возбудили бы страстныя пренія. Мнѣ даже кажется, это случается въ первый разъ, что политическія заботы дѣйствуютъ на парижанъ довольно сильно, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ литературы, и признакъ этотъ не лишенъ значенія. Нѣкоторыя пьесы знаменитыя своимъ успѣхомъ, напр., «la Dame aux camélias» и «Mademoiselle de la Seiglière» появились въ моменты весьма безпокойные, что однако не повредило ихъ успѣху. Нынѣ же «l'Education Sentimentale» Флобера и «Lions et Renards» Ожье встрѣчены съ равнодушіемъ, что однако не избавляетъ насъ отъ необходимости сказать нѣсколько словъ объ этихъ произведеніяхъ двухъ замѣчательныхъ писателей.

Въ своемъ новомъ романѣ, Флоберъ остается однимъ изъ мастеровъ языка; это совершеннѣйшій художникъ—въ искусствѣ передавать нѣсколькими словами фигуру, характеръ, или нѣсколькими трезвыми, но рѣзкими штрихами очерчивать положеніе. У него нѣтъ ни могущественной, а порою и чудовищной рельефности Виктора Гюго, ни магическаго колорита Теофиля Готье, но онъ отлично умѣетъ находить черты въ одно время и самыя вѣрныя, и самыя живописныя, бросать на свои картины свѣтъ внезапный, сильный и точный. Въ этихъ отношеніяхъ, онъ и въ «Education Sentimentale», какъ и въ прежнихъ романахъ, не ниже самого себя, а пожалуй и выше. Но ему дѣлаютъ, съ другой стороны, немало и упрековъ *).

*) Въ этой же январьской книжкѣ (см. выше) мы познакомили нашихъ читателей ближе съ содержаніемъ новаго романа Флобера; тамъ читатель найдетъ указаніе тѣхъ упрековъ, съ которыми обратилась большая часть французской прессы къ автору «Madame Bovary», и возраженіе, которое можно сдѣлать на эти упреки. На дняхъ, корреспондентъ одной изъ здѣшнихъ газетъ, сообщилъ замѣчательный отзывъ о новомъ романѣ Флобера, высказанный печатно Ж. Зандомъ и подкрѣпляющій приведенное у насъ возраженіе противникамъ Флобера:

«Романъ—говоритъ знаменитая писательница нашего времени—новая побѣда ума. Онъ потерялъ бы свой смыслъ, еслибъ не слѣдовалъ за движеніемъ эпохъ, которыя онъ долженъ постоянно воспроизводить. Ему нужно постоянно мѣняться, и въ формѣ, и въ колоритѣ. Абсолютныя классическія правила теперь оставлены, и романъ способствовалъ этому столько же, сколько и театръ; онъ по преимуществу — средняя и независимая почва. Чѣмъ дальше мы подвигаемся въ исторіи, которой мы служимъ живыми элементами, тѣмъ болѣе заявляетъ себя разность взглядовъ, т. е. свобода совѣсти. Поэтому, нельзя правдиво и ясно судить о новыхъ художникахъ во имя строгихъ теорій, такъ долго тиранствовавшихъ надъ литературою... Въ новомъ романѣ

«L'Education sentimentale» не было единственнымъ литературнымъ событіемъ послѣднихъ недѣль. Г. Мишлè, знаменитый историкъ и моралистъ нѣсколько-страннаго свойства, подарилъ намъ новый томъ: «Nos fils», въ видѣ продолженія къ «La Femme», «L'amour» и проч. Вы, безъ сомнѣнія, знакомы съ его странными, нѣсколько-историческими пріемами, и съ той курьезной смѣсью естествовѣдѣнія, физіологіи и морали, которою онъ такъ любитъ заниматься. На этотъ разъ впрочемъ, избранный имъ предметъ лучше поддержалъ его, чѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его опытовъ. Сочиненія его нельзя принять безъ оговорокъ, но въ немъ есть прекрасныя и благородныя страницы и въ немъ господствуетъ духъ совсѣмъ другого свойства, чѣмъ у Флобера. Но есть и странныя несогласія, и вообще надо сказать, что г. Мишлè—умъ недостаточно степенный, для того чтобы браться съ успѣхомъ за этотъ страшный вопросъ о воспитаніи, вопросъ болѣе страшный во Франціи, быть можетъ, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе глубокой умственной розни и вслѣдствіе состоянія настоящаго нравственнаго разлученія въ семьѣ, гдѣ женщины вообще клерикальны, а мущины вольнодумцы. Это раздвоеніе умовъ согласно поламъ представляется пока неизлечимымъ и представляетъ, быть можетъ, наибольшее препятствіе къ нравственному и общественному прогрессу. Едва ли, посреди такихъ условій, не только не ослабѣвающихъ, но, наоборотъ, постоянно усиливающихся, возможно, чтобы возникли здоровыя поколѣнія. Нынѣшняя Франція состоитъ изъ двухъ Францій: одной одушевленной суевѣріемъ и другой дышащей отрицаніемъ; и обѣ онѣ одинаково фанатичны.

Флобера не ставится *нравственнаго* вопроса, въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Всѣ вопросы, солидарные между собою, разомъ представляется въ ней уму, и каждое мнѣніе само себя судитъ. Авторъ умѣетъ такъ хорошо заставлять жить созданныя имъ фигуры, что вовсе не нуждается въ выставленіи на показъ собственной морали. Всякая мысль, всякое слово, всякій жестъ той или иной личности выражаютъ ясно каждой совѣсти заблужденіе или истину, заключающіяся въ нихъ. Въ такомъ обработанномъ трудѣ свѣтъ брыжжетъ отовсюду и обходится безъ догматическаго вывода. Не быть педантомъ вовсе не значитъ быть скептикомъ...

«Принадлежитъ ли книга Флобера къ реализму? Признаемся, мы никогда не понимали, гдѣ начинается реальное въ отличіе отъ истиннаго. Правда можетъ быть правдой только тогда, когда она опирается на реальность. Реальность — пьедесталъ; правда—статуя...

«Авторъ представилъ намъ зеркало, говоря: «посмотритесь; если вы сами не похожи, то навѣрно похожъ вашъ сосѣдъ». И въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ нашли, что сосѣдъ похожъ. Наше дѣло вывести изъ этого заключеніе и спросить, дѣйствительно ли наша эпоха мелка, смѣшна и обречена на вѣчный недоносъ своихъ стремленій?..

«Мы не вправѣ требовать отъ художника, чтобъ онъ разсказалъ намъ будущность; но мы можемъ отблагодарить его за то, что онъ написалъ твердою рукою критику прошедшаго».

Таково мнѣніе Ж. Занда, и его не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ новаго романа Флобера. — *Ред.*

Съ религіознымъ вопросомъ мы встрѣчаемся и въ театрѣ, гдѣ на немъ не посчастливилось нашему доброму и популярному Эмилю Ожьѐ. Новая комедія его «Lions et Renards» имѣла нѣчто совсѣмъ противоположное успѣху, и надо признаться, на этотъ разъ, самъ авторъ ошибся страннымъ образомъ. Самый выборъ сюжета одинъ изъ наиболѣе неловкихъ и долженъ былъ предвѣщать паденіе. Г. Ожьѐ никогда не отличался особою изобрѣтательностію. Вымыселъ у него обыкновенно бѣденъ, плохо обдуманъ и плохо развитъ. Торжествуетъ же онъ своимъ добродушіемъ, силою остроумія и безпощадною сатирою. Нельзя сказать, что новая пьеса его совсѣмъ лишена этихъ достоинствъ. Напротивъ; но онѣ высказались нѣсколько меньше, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ, да еслибы и высказались въ полномъ блескѣ, то едва ли прикрыли бы вымыселъ совершенно невозможный. Г. Ожьѐ хотѣлъ на этотъ разъ самъ повести генеральную аттаку на іезуитовъ, которыхъ онъ уже касался въ нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ пьесъ. Но цѣли своей онъ нисколько не достигъ, ибо вмѣсто того, чтобъ выставить ихъ столь опасными, какъ онъ то полагаетъ и какъ, можетъ быть, они и есть въ самомъ дѣлѣ, онъ представилъ ихъ глупыми, гораздо болѣе достойными жалости, чѣмъ способными вызвать ненависть или ужасъ. Вымыселъ его имѣетъ сходство съ основною мыслью «Вѣчнаго Жида». У Ожьѐ, какъ и у Сю дѣло идетъ о наслѣдствѣ. Но, во-первыхъ, въ романѣ наслѣдство гораздо значительнѣе и болѣе достойно тѣхъ интригъ, которыя изъ-за него завязываются; во-вторыхъ — и въ особенности — въ романѣ, общество Іисуса хочетъ для себя, именно, для исключительнаго своего владѣнія, захватить милліоны семейства Ренненоновъ. У Ожье, г. де-Сентъ-Агатъ, его «Роденъ», гораздо безкорыстнѣе; къ милліонамъ M-lle де-Бирагъ онъ подбирается только съ тѣмъ, чтобы доставить ихъ нѣкоему молодому провинціальному дворянину, котораго онъ былъ воспитателемъ, и котораго онъ теперь хочетъ женить на наслѣдницѣ милліоновъ. Ужъ это само по себѣ—слишкомъ наивно; вѣдь ясно, что сколько бы обольщенный дворянинъ не сталъ платить лепты св. Петра, онъ все-таки лучшую часть милліоновъ удержитъ для себя и дѣтей, которыя могутъ у него родиться. Религіозные интересы, вообще говоря, когда они удостоиваютъ заняться земными благами, хлопочутъ не столько объ устройствѣ свадебъ, сколько о захватѣ завѣщаній. Но это еще не все. Самъ молодой человѣкъ, воспитанный этимъ страшнымъ іезуитомъ, какъ слѣдовало бы полагать совершенно въ его духѣ, въ полномъ ему подчиненіи—ибо таково именно вредное могущество, приписываемое іезуитскому преподаванію—молодой человѣкъ этотъ вовсе не обнаруживаетъ на себѣ, какъ то было необходимо для тезиса Ожьѐ, послѣдствія своего воспитанія. Онъ совсѣмъ не слушается своего воспитателя, какъ будто бы никогда и не под-

подвергался сильному вліянію, онъ даже совсѣмъ вырывается у него изъ рукъ, и не только совершаетъ шалости весьма мірского свойства, что было бы понятно, но и вступаетъ въ союзъ съ противниками іезуита, что́ ужъ совершенно несогласно съ намѣреніемъ пьесы. Если іезуитовъ такъ легко обманываютъ ихъ же воспитанники, то они вовсе не такъ страшны, какъ поэтъ хотѣлъ ихъ представить, и г. Ожьѐ, въ такомъ случаѣ, напрасно занялся ими. Или я сильно ошибаюсь, или во всемъ этомъ есть такой коренной недостатокъ, котораго не могло пополнить никакое вдохновеніе. Г. де-Сентъ-Агатъ, который долженъ былъ казаться намъ страшнымъ или по меньшей мѣрѣ серьезнымъ — просто смѣшонъ отъ начала до конца. Къ цѣли своей онъ стремится съ хитростію ребяческаго свойства, а потомъ соединяется съ другимъ мошенникомъ, котораго авторъ представляетъ также чудовищемъ наглости, испорченности и двуличности, а между тѣмъ, изъ всего этого ужаснаго союза не исходитъ ничего, кромѣ какой-то паутины, отъ которой героиня пьесы освобождается безъ труда и безъ заслуги. Одна только и есть удачная роль, — если допустить, что она не невѣроятна, именно — роль молодого дворянина, который ускользаетъ изъ рукъ своего наставника и ведетъ интриги противъ осуществленія этого самаго брака, которымъ тотъ хочетъ его осчастливить. Есть и другія, второстепенныя неловкости. Героиня не хотѣла выходить замужъ, и слишкомъ быстро перемѣняетъ свое намѣреніе. Вообще, пьеса вполнѣ неудачна, хотя, благодаря огромнымъ сокращеніямъ и превосходной игрѣ актеровъ, держится еще на афишкѣ. Антирелигіозныя страсти тоже ее поддерживаютъ: ненавистники іезуитовъ считаютъ долгомъ сходить и похлопать «добрымъ намѣреніямъ» автора, за недостаткомъ другихъ достоинствъ.

Въ нѣсколько низшей сферѣ искусства, большой успѣхъ минуты принадлежитъ послѣдней новости театра «Gymnase», пьесѣ *Froufrou*, гг. Людовика Галеви́ и Мельяка. Не буду останавливаться на ней, такъ какъ письмо мое и безъ того слишкомъ длинно, да и вы безъ сомнѣнія увидите или уже видѣли ее на петербургской французской сценѣ. Эта пьеса имѣетъ недостатки, но она легка, остроумна, трогательна, и должна, при сколько-нибудь умной игрѣ, имѣть успѣхъ вездѣ. Ваша французская труппа передастъ ее конечно такъ же хорошо, какъ она исполняется въ Парижѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, главной роли, въ которой артистка, играющая ее здѣсь, г-жа Декле́ (Desclée), вдругъ и совершенно неожиданно возвысилась на первую степень искусства *).

---

*) На Михайловской сценѣ въ Петербургѣ, эту же роль выполняла г-жа Делапортъ, лучшая артистка здѣшней французской труппы, и потому неудивительно, что именно главная роль и въ Петербургѣ была съиграна превосходно. — *Ред.*

P. S. Оканчивая эту корреспонденцію и соображаясь съ впечатлѣніями, приносимыми каждою новою минутою, я не имѣю ничего ни прибавить, ни измѣнить въ политическихъ сужденіяхъ въ ней высказанныхъ. Наше положеніе рѣшительно запутано и темно до невозможности. Повѣрка выборовъ, теперь оканчивающаяся, обнаружила такіе скандалы, вдобавокъ одобренные или извиненные депутатами, что уничтожается всякое довѣріе къ той палатѣ, которой, между тѣмъ, предлежитъ великая задача положить основы парламентскаго правленія. По всей вѣроятности, чрезъ нѣсколько дней у насъ уже будетъ новое министерство, и вѣроятно именно, какъ уже сказано выше — министерство Олливье́ *). Боюсь, что оно проживетъ недолго. Во всякомъ случаѣ, оно будетъ встрѣчено общественнымъ мнѣніемъ вовсе не съ распростертыми объятіями, такъ какъ Олливье́ все болѣе и болѣе склоняется къ правой сторонѣ. Наши дѣла, мнѣ кажется, могутъ быть резюмированы въ двухъ положеніяхъ малоутѣшительнаго свойства: съ одной стороны, *необходимо* основать парламентское правительство, такъ какъ личное правительство истощено окончательно; съ другой — *невозможно* основать парламентское правительство, такъ какъ такое правительство не найдетъ для себя необходимыхъ элементовъ. Выводите сами заключеніе при такомъ порядкѣ вещей!

Н.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Парламентская сессія и министерство.

24 декабря 1869.

Еще 6-го октября (24-го сентября) началась нынѣшняя сессія прусскаго парламента, и хотя всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ скорѣйшаго закрытія его, чтобы потомъ присутствовать на совѣщаніяхъ сѣверогерманскаго рейхстага, однако окончанія этой сессіи пока не предвидится. Есть важныя причины, почему нынѣшній парламентъ былъ созванъ слишкомъ рано (обыкновенно его созываютъ въ ноябрѣ). Желали, во-первыхъ, чтобы нынѣшняя сессія не длилась, подобно прошлогодней, до поздняго лѣта, и, во-вторыхъ, министру финансовъ нужно

*) Два дня спустя послѣ того, какъ писалъ нашъ корреспондентъ, министерство дѣйствительно подало въ отставку, а 28-го декабря явилось въ «Journal Officiel» письмо императора къ Олливье́ съ предложеніемъ образовать новое министерство.

Ред.

было провести новые законы о налогахъ до представленія государственныхъ смѣтъ на 1870 годъ. И многія другія обстоятельства придавали нынѣшней сессіи необыкновенное, хотя и нешумное, значеніе. Чтобы лучше оцѣнить эти обстоятельства, мы должны вернуться нѣсколько назадъ, къ началу лѣта, когда графъ Бисмаркъ вдругъ взялъ отпускъ, по болѣзни, отъ должности перваго министра Пруссіи (но не отъ должности канцлера сѣверо-германскаго союза), и выѣхалъ въ Варцинъ. Безконечныя догадки о причинахъ, побудившихъ графа взять этотъ отпускъ, не приводили журналистовъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Неизвѣстно было даже—боленъ ли союзный канцлеръ, или нѣтъ? Одни оплакивали его, какъ неизбѣжную жертву смерти, другіе утверждали, напротивъ, что Бисмаркъ здоровѣе всѣхъ и каждаго. Во всякомъ случаѣ, первое изъ этихъ мнѣній нисколько не подтвердилось въ дѣйствительности: графъ живъ до сихъ поръ и пользуется наружнымъ здоровьемъ, какъ всѣ другіе смертные. Ясно, слѣдовательно, что если вопросъ о здоровьи и имѣлъ какое-нибудь вліяніе на рѣшимость графа покинуть постъ перваго министра въ Пруссіи, то въ этой рѣшимости все-таки есть и политическая сторона. Вообще полагали — и, я думаю, справедливо — что графъ Бисмаркъ съ удовольствіемъ удалилъ бы изъ своего кабинета многихъ нынѣшнихъ министровъ, которые служатъ ему только въ тягость; но, къ несчастію, всѣ его старанія въ этомъ отношеніи потерпѣли неудачу отчасти потому, что эти министры не хотятъ сами выйти въ отставку, а король не желаетъ огорчить ихъ, такъ какъ эти люди поддерживали его въ трудное время парламентской борьбы и войны 1866 года. Вотъ почему графъ Бисмаркъ бросилъ свой постъ и предоставилъ министерству вѣдать свои дѣла, какъ оно само понимаетъ. Министры, съ своей стороны, рѣшились подвергнуться этому испытанію и приготовили для нынѣшней сессіи нѣсколько важныхъ проектовъ законовъ. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ составилъ новый законъ объ окружномъ управленіи (Kreisordnung); министръ народнаго просвѣщенія составилъ проектъ закона о народномъ образованіи, а въ министерствѣ финансовъ хлопотали о покрытіи дефицита, не прибѣгая къ установленію новыхъ налоговъ, такъ какъ всѣ новые налоги, представленные прежде на утвержденіе сѣверо-германскаго парламента, были имъ отвергнуты. Однако тронная рѣчь извѣстила, что министерство нашло необходимымъ увеличить старые налоги; вскорѣ затѣмъ въ палату депутатовъ внесли новый законъ объ окружномъ управленіи, и потомъ новый законъ о народномъ образованіи. Но не успѣлъ парламентъ приступить къ обсужденію этихъ законовъ, какъ вдругъ предсталъ передъ нимъ совершенно неожиданный фактъ.

Все лѣто ходили слухи, что здѣшнее «Учетное общество» (Disconto-Gesellschaft), одно изъ самыхъ крупныхъ денежныхъ учреж-

деній въ Берлинѣ, вошло въ тѣсныя связи съ четырьмя главнѣйшими обществами желѣзныхъ дорогъ, чтобы покрыть ихъ потребность въ деньгахъ посредствомъ займа съ преміями, въ количествѣ 100 милліоновъ талеровъ. Недоставало только согласія со стороны правительства; многіе министры успѣли, однако, дать Обществу столь опредѣленныя обѣщанія, что оно не сомнѣвалось уже въ окончательномъ утвержденіи своей операціи. Даже пресса поддерживала это предпріятіе почти единогласно. Но едва собрались депутаты въ парламентъ, какъ уже для всѣхъ стало очевиднымъ, что проектъ займа потерпитъ рѣшительное пораженіе. Консерваторы въ палатѣ господъ порицали проектъ изъ боязни, что такой крупный заемъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ отзовется дурно на землевладѣніи, которое и безъ того находится въ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ;—вмѣстѣ съ займомъ увеличится цѣнность денегъ и вздорожаетъ кредитъ. Политико-экономы отвергали заемъ, какъ заемъ съ преміями, такъ какъ подобные займы осуждаются наукою. Наконецъ, многіе опасались, что большой барышъ, на который разсчитывали предприниматели, подѣйствуетъ крайне дурно на нравственное достоинство самого Учетнаго общества. Барышъ представлялся въ видѣ привлекательной суммы въ 10 милліоновъ талеровъ; такою суммою можно покрыть многія издержки, а кто знаетъ, въ какіе каналы отольетъ хотя нѣкоторая часть ихъ? Всего хуже было то, что палата не имѣла никакого права вмѣшиваться въ это дѣло; однимъ соизволеніемъ правительства заемъ могъ стать закономъ страны, — полныхъ и прямыхъ узаконеній о необходимости утвержденія со стороны палатъ нѣтъ въ прусскомъ кодексѣ. Какъ бы то ни было, палата господъ смѣло подняла это дѣло и представила запросъ министру торговли, а когда этотъ послѣдній заявилъ, что правительство склонно утвердить проектъ Учетнаго общества, то графъ Мюнстеръ тотчасъ же внесъ въ палату предложеніе о томъ, что палата господъ заявляетъ, что она считаетъ этотъ заемъ совершенно несогласнымъ съ пользами государства. Въ томъ же духѣ высказалась и палата депутатовъ. Это единодушное заявленіе обѣихъ палатъ, явленіе почти небывалое въ конституціонной исторіи Пруссіи, лишило министровъ нравственнаго права утвердить проектъ займа, и имъ оставалось только покориться волѣ парламента, что они и сдѣлали. Въ то время полагали, что этотъ ударъ министерству поведетъ за собою увольненіе министра торговли, графа Итценплитца, такъ какъ онъ давалъ положительныя обѣщанія Учетному обществу и агентамъ желѣзныхъ дорогъ, но этого не случилось, хотя жертва все-таки принесена, впрочемъ независимо отъ займа съ преміями. Этою жертвою является министръ финансовъ Гейдтъ, который, впродолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ, служилъ почти безъ перерыва во всѣхъ министерствахъ. Причина его отставки совер-

ственно понятна, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи. Финансовые планы фонъ-дер-Гейдта ни въ комъ не встрѣчали сочувствія, и даже консерваторы знать не хотѣли его новыхъ добавленій къ старымъ налогамъ. Но всѣ эти непріятности податливый министръ могъ бы еще перенесть, и если онъ все-таки подалъ въ отставку, то значитъ тутъ были еще другія обстоятельства, и притомъ тѣсно связанныя съ «болѣзнью» графа Бисмарка.

Кто займетъ открывшееся мѣсто въ министерствѣ,—объ этомъ говорили всего одинъ день. Предлагали двухъ кандидатовъ: президента Института морской торговли (Seehandlung-Institut); институтъ этотъ, впрочемъ, морскою торговлею вовсе не занимается, а есть обыкновенное банковое учрежденіе—Л. Кампгаузена (Camphausen) и обер-президента провинціи Познани, графа Кенигсмарка. Послѣдній былъ кандидатомъ консервативной партіи. Всѣ его права на мѣсто министра заключались лишь въ его знатномъ происхожденіи и строго-консервативномъ образѣ мыслей. О финансахъ онъ не имѣетъ никакого понятія, что, по мнѣнію многихъ, лишь напрасная роскошь для министра, ибо, какъ говоритъ нѣмецкая пословица: «кому Богъ мѣсто даетъ, тому даетъ и разумъ». Но, противно всѣмъ ожиданіямъ, министромъ сталъ либеральный и незнатный Кампгаузенъ, — родовитый и консервативный графъ забракованъ. Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ мы имѣемъ теперь перваго либерала въ кабинетѣ министровъ; фактъ этотъ заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, того, чтобы на него обратили вниманіе.

Съ самого вступленія своего въ кабинетъ, новый министръ финансовъ увидѣлъ себя въ весьма дурномъ положеніи, такъ какъ бюджетъ былъ уже представленъ палатѣ депутатовъ и не было времени подвергнуть его тщательной переработкѣ, но съ другой стороны нельзя было также предстать передъ палатою съ предложеніями фонъ-деръ-Гейдта о повышеніи налоговъ. Осмотрѣвшись хорошенько, Кампгаузенъ разомъ рѣшился представить парламенту великолѣпный планъ о превращеніи 4-хъ и 4½ процентныхъ займовъ въ одну однообразную ренту, погашеніе которой предоставляется правительству по мѣрѣ накопленія у него свободныхъ суммъ. Займы въ Пруссіи заключались во все не такъ, какъ во Франціи, гдѣ господствуетъ однообразная система; напротивъ, въ Пруссіи, каждый заемъ опредѣлялся своимъ собственнымъ срокомъ погашенія и не имѣлъ ничего общаго съ прочими займами, такъ что въ настоящее время число этихъ различныхъ займовъ доходило до сотни. Кромѣ этого запутаннаго состоянія государственнаго долга, въ прусскихъ займахъ были еще другія несообразности. Для каждаго займа приходилось высчитывать особо его ежегодную цифру погашенія и уплачивать его, вслѣдствіе чего случалось, что государство, выдавая значительныя суммы денегъ на погашеніе зай-

мовъ, должно было въ тоже самое время прибѣгать къ новымъ займамъ для покрытія неотложныхъ расходовъ. Многіе финансовые авторитеты уже давно возставали противъ этой системы, признавая ее рѣшительно негодною, но только нынѣшнимъ лѣтомъ мы прочли серьезныя мысли о необходимости объединенія государственнаго долга, въ дѣльной книгѣ либеральнаго депутата Евгенія Рихтера [1]). Новый министръ ухватился за мысль Рихтера, и представилъ палатѣ депутатовъ проектъ объ обращеніи всѣхъ 4-хъ и 4½ процентныхъ государственныхъ долговъ, лежащихъ на плечахъ старыхъ прусскихъ провинцій, въ однообразную 4½ процентную ренту, погашеніе которой не опредѣляется особенномъ срокомъ, но предоставляется на волю самого государства. Всѣ государственные долги Пруссіи простирались въ 1869 году, круглымъ числомъ, до 480 милліоновъ талеровъ, на ежегодное погашеніе которыхъ расходовалось до 8.666,000 талеровъ. Изъ всей суммы государственнаго долга извлечены теперь 4-хъ и 4½ процентные займы, общая сумма которыхъ опредѣлена въ 223 милліона; въ фондъ погашенія по этому долгу пришлось бы внести 3,422,855 талеровъ; всѣ прочіе неутвержденные долги требуютъ еще, для своего погашенія, слишкомъ пять милліоновъ. Я не могу входить во всѣ подробности предложенной операціи, но главная сущность ея ясна и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Сберегая слишкомъ три милліона посредствомъ этого «объединенія», Кампгаузенъ постарался покрыть и остальную часть дефицита, безъ помощи повышенія налоговъ. Когда финансовыя обстоятельства поправятся, можно будетъ снова приняться за погашеніе. Первыя объясненія новаго министра были приняты въ палатѣ депутатовъ съ радостнымъ изумленіемъ, которое особенно замѣтно въ рѣчи депутата Лёве, одного изъ вождей прогрессивной партіи. Однако вдругъ подуло въ другую сторону. Лѣвая сторона палаты стала доказывать и, по всей вѣроятности, вполнѣ искренно, что всѣ сбереженія, которыя пріобрѣтаются мѣрою Кампгаузена, пойдутъ въ будущемъ на поддержаніе громаднаго военнаго бюджета; въ союзъ съ лѣвою партіею вступила крайняя сторона, а такъ какъ министръ заявилъ, что онъ связываетъ съ своимъ проектомъ свое пребываніе въ министерствѣ, то можно было опасаться, что въ кабинетѣ снова не останется ни слѣда либерализма. Столь открытое признаніе конституціонныхъ обычаевъ, заявленное изъ устъ члена министерства Бисмарка, произвело на «національныхъ либераловъ» столь благопріятное впечатлѣніе, что они рѣшились поддержать Кампгаузена и увѣряли членовъ лѣвой стороны, что всѣ друзья конституціи обязаны въ этомъ дѣлѣ принять сторону министра. Прогрес-

---

[1]) Eugen Richter: Das Preussische Staatsshuldenwesen und die preussischen Staatspapiere. Breslau, 1869. Marushke u. Berendt.

систы, однако, видѣли въ заявленіи новаго министра лишь уловку министерства съ цѣлію обмануть либераловъ и самого Кампгаузена, который — такъ думали они — будетъ милъ Бисмарку лишь до тѣхъ поръ, пока исполняетъ планы коварнаго министра, послѣ чего уже Бисмаркъ снова покажетъ всему міру, что онъ какъ былъ реакціонеромъ всегда и вездѣ, такимъ и остался до сегодняшняго дня. Кто правъ — либералы ли, или прогрессисты, покажетъ будущее. Между тѣмъ, Кампгаузенъ одержалъ побѣду, и его проектъ объединенія государственнаго долга прошелъ, вопреки усиліямъ прогрессистовъ и консерваторовъ, чрезъ палату депутатовъ, гдѣ въ пользу его состоялось значительное большинство голосовъ, и чрезъ палату господъ, которая послѣдовала примѣру нижней палаты. Фонъ-деръ-Гейдтъ принималъ во всѣхъ этихъ преніяхъ лишь молчаливое участіе, въ качествѣ депутата, но въ немъ хватило на столько дипломатическаго такта, что онъ не возставалъ противъ своего счастливаго преемника.

Совсѣмъ иначе держалъ себя графъ Липпе, бывшій министръ юстиціи, теперь членъ палаты господъ. Когда графъ Липпе сидѣлъ на министерскомъ мѣстѣ, — это былъ самый молчаливый и скромный министръ, какого когда-либо имѣла Пруссія; но съ тѣхъ поръ, какъ ему дали отставку, графъ отличается замѣчательною развязностію и неутомимою дѣятельностію, цѣлію которой служитъ противодѣйствіе національной объединительной политикѣ Бисмарка. Графъ Липпе сталъ, наконецъ, настоящимъ столпомъ сѣверогерманскаго партикуляризма. Будь палата господъ болѣе мужественною и самостоятельною въ своихъ дѣйствіяхъ, она давно бы послѣдовала за Липпе, стремящимся произвести серьезное столкновеніе между нею и министерствомъ Бисмарка; — сама палата господъ настроена также точно въ духѣ партикуляризма, ибо усиленіе сѣверогерманскаго парламента если поведетъ къ чему-нибудь, то прежде всего къ ослабленію вліянія палаты господъ на прусскія дѣла. Зная всѣ эти обстоятельства, графъ Липпе не теряетъ надежды на достиженіе своей желанной цѣли.

Уже во второмъ засѣданіи палаты господъ, Липпе явился съ особымъ проектомъ, который долженъ былъ нанести смертельный ударъ союзной политикѣ. Въ послѣдней сессіи рейхстага рѣшено было учредить общее высшее судилище для торговыхъ дѣлъ въ Союзѣ, и принять законъ объ объединеніи одной изъ сторонъ судопроизводства; эти оба постановленія были одобрены союзнымъ совѣтомъ и обнародованы. Графъ Липпе предложилъ палатѣ господъ заявить, что оба постановленія не должны были войти въ силу безъ согласія прусскаго парламента, и что, поэтому, палата требуетъ, чтобы правительство не дозволяло въ *будущемъ* производить такія перемѣны въ союзной конституціи, которыя касаются прусскихъ основныхъ законовъ, и отнюдь не безъ согласія прусскаго парламента. Мотивомъ къ этому

предложенію выставлено было желаніе «охранить права, принадлежащія, по конституціи, прусскому народному представительству». Какая иронія! Министръ юстиціи временъ парламентской борьбы съ министерствомъ, зачинщикъ того приговора верховнаго суда, посредствомъ котораго была уничтожена свобода парламентской рѣчи, которою пользовались депутаты впродолженіи 20-ти лѣтъ сряду,—этотъ человѣкъ, отличавшійся всегда въ качествѣ защитника всякихъ конституціонныхъ натяжекъ и нарушеній, является теперь защитникомъ и охранителемъ этой самой конституціи! Понятно, что по всей странѣ выходка графа Липпе вызвала только смѣхъ. Палата господъ взглянула, однако, на дѣло совсѣмъ иначе, и ея коммиссія, которой поручено было разсмотрѣть проектъ графа, ревностно принялась составлять докладъ, между тѣмъ какъ внѣ парламента стали ходить слухи, что правительство смотритъ на проектъ благосклонно, въ видахъ пріобрѣсти въ немъ опору для окончательнаго отреченія отъ союзной политики. Графу Бисмарку сильно не понравились всѣ эти продѣлки партикуляристовъ, и онъ прислалъ изъ Варцина письмо къ князю Путбусу, стороннику бисмарковой политики въ палатѣ господъ. Съ дозволенія министра, письмо это обошло всѣхъ членовъ палаты господъ и произвело хорошее впечатлѣніе. Бисмаркъ сильно возставалъ противъ предложенія графа Липпе и убѣждалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ дать этому предложенію дружный отпоръ, и отпоръ дѣйствительно воспослѣдовалъ: предложеніе графа Липпе было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ удалось сломить партикуляризмъ въ самомъ опасномъ пунктѣ,—болѣе слабыя проявленія того же духа въ мекленбургскомъ и саксонскомъ парламентахъ удалось устранить еще легче.

Въ оппозиціи графа Липпе и другихъ крупныхъ партикуляристовъ Бисмаркъ пожинаетъ лишь то, что самъ посѣялъ своею двусмысленною политикою. Онъ выдаетъ себя за консерватора и, въ своей внутренней политикѣ, покровительствуетъ консервативной партіи, гдѣ только можетъ. Между тѣмъ, его «національная» политика находится въ прямомъ противорѣчіи со всѣми принципами и наклонностями консервативной партіи, которая слѣдуетъ за нимъ противно своимъ дѣйствительнымъ желаніямъ; національно-либеральная партія, напротивъ, охотно поддерживаетъ Бисмарка въ его нѣмецкой политикѣ, но борется противъ его внутренней политики. Очень можетъ быть, что министръ не становится на сторону либераловъ потому только, что боится потерять довѣріе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Но можетъ быть и то, что въ его умѣ дѣйствительно господствуетъ это противорѣчіе, избавиться отъ котораго онъ не въ состояніи. Какъ бы то ни было, рано ли, поздно ли, но это странное противорѣчіе должно же рѣшиться въ пользу либеральной партіи, такъ какъ въ

ея рядахъ находится и больше талантовъ, и больше знаній, такъ какъ она служитъ носительницею идей нашего времени. Конечно побѣда либераловъ состоится еще не скоро, и имъ придется вынести много неудачъ, прежде чѣмъ наступитъ полное торжество либерализма.

Еще недавно пытались снова подорвать довѣріе къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Мюлеру (Mühler), но опять безуспѣшно. Ненавистный министръ подавалъ въ послѣднее время особенно много поводовъ для справедливыхъ нападеній. Покровительство, имъ оказываемое ортодоксальному направленію въ протестантской церкви, начинаетъ приносить горькіе плоды. Въ свадебныхъ дѣлахъ, особенно между лицами живущими въ разводѣ послѣ перваго брака, священники являются прямыми нарушителями государственныхъ узаконеній; нетерпимость все сильнѣе пробивается наружу. Всего яснѣе видѣли мы это въ провинціальныхъ синодахъ, собиравшихся въ срединѣ прошлаго мѣсяца. Эти синоды, состоящіе отчасти изъ свѣтскихъ лицъ, и отчасти изъ духовныхъ (часть ихъ засѣдаетъ тамъ по выбору, другая по королевскому назначенію), имѣютъ своею задачею установленіе церковнаго самоуправленія, но они оказываются рѣшительно неспособными на такое важное дѣло, благодаря тому обстоятельству, что большинство членовъ въ этихъ синодахъ принадлежитъ къ ортодоксальной партіи, которая хлопочетъ только объ упроченіи своего владычества и объ уничтоженіи всякаго свободнаго направленія въ церковныхъ дѣлахъ. Прислушиваясь къ заявленіямъ «ортодоксовъ», убѣждаешься лишь въ томъ, что они хлопочутъ только объ установленіи какихъ-то догматическихъ кодексовъ, особо для каждой провинціи. Понимаю очень хорошо, что такое явленіе покажется вашимъ читателямъ почти невозможнымъ, однако оно существуетъ въ дѣйствительности и объясняется тою склонностію нѣмцевъ къ партикуляризму, которая находится въ прямомъ антагонизмѣ съ нивеллирующимъ духомъ либерализма.

Сперва клерикальный партикуляризмъ проявился во всей силѣ въ померанскомъ синодѣ, гдѣ члены договорились до такихъ вещей, что правительство сочло нужнымъ закрыть собраніе, прежде чѣмъ оно постановило свои рѣшенія. За померанскимъ по той же дорогѣ потянулся ганноверскій синодъ, и привелъ свои дѣла къ тому же насильственному перерыву. Ганноверскій синодъ повелъ свою аттаку прямо противъ прусскаго правительства, и въ своихъ сепаратистскихъ стремленіяхъ заговорилъ открыто о *королевствѣ* Ганноверѣ (вмѣсто провинціи).

Замѣчательный знатокъ церковной исторіи, профессоръ Нипппольдъ (Nippold), о которомъ я упоминалъ въ прошломъ письмѣ, какъ объ издателѣ мемуаровъ Бунзена, читалъ здѣсь и въ Штеттинѣ недавно публичныя лекціи о «путяхъ изъ Берлина въ Римъ», въ которыхъ

онъ обнаружилъ католическія тенденціи нынѣшняго протестантскаго духовенства. Оказывается, что въ одной Германіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, католицизмъ пріобрѣлъ 60 духовныхъ лицъ, отказавшихся отъ евангелическаго лютеранства. Всѣ эти священники безъ исключенія принадлежали къ модному богословію — то-есть, къ партіи ортодоксовъ, сильно возстающей противъ «просвѣщеннаго протестантизма». Многіе члены штетинскаго синода принадлежатъ, по увѣренію Нипподьда, къ семействамъ, въ которыхъ религіозныя обращенія совершались не разъ, и имена ихъ уже давно внесены въ католическіе списки, какъ лицъ, которыя рано-ли поздно-ли перейдутъ въ лоно католицизма. «Пора бы членамъ провинціальныхъ синодовъ, этихъ преддверій папскаго собора, перебраться и въ самый соборъ!» Такъ воскликнулъ въ заключеніе ораторъ, съ улыбкою презрѣнія на умномъ лицѣ. Извѣстно, что и въ англиканской церкви совершается подобное же движеніе. И тамъ крайняя правая сторона склоняется въ пользу католицизма, и эти переходы совершались бы тамъ въ большомъ числѣ, еслибы высшія духовныя мѣста не приносили хорошихъ доходовъ.

Аттаку противъ министра духовныхъ дѣлъ повелъ извѣстный либеральный и весьма остроумный депутатъ Циглеръ (Ziegler). Въ громоносной рѣчи раскрылъ онъ всѣ политическія ошибки министра и, указывая на пагубныя послѣдствія заблужденій министра, воскликнулъ: «г. министръ фонъ-Мюлеръ долженъ слетѣть съ своего мѣста»; палата приняла это восклицаніе восторженными кликами одобренія, и вся страна послала депутату благодарственные адрессы за сильное выраженіе. Спустя нѣсколько дней послѣ этого перваго нападенія, послѣдовала общая аттака, какъ въ прошломъ году, по поводу бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Даже правая сторона не поддерживала министра, такъ что вся тяжесть оправданія легла на него самого и на его коммиссаровъ; нашлись, правда, еще два защитника — двое училищныхъ совѣтниковъ (Schulrath), но и этихъ подчиненныхъ министру чиновниковъ слѣдуетъ считать тоже коммиссарами. Какъ бы то ни было, Мюлеръ и теперь занимаетъ свое министерское мѣсто, благодаря тому обстоятельству, что въ Пруссіи до сихъ поръ, Богъ знаетъ, что разумѣютъ подъ увольненіемъ министра по желанію парламента,—это значило бы уступить «парламентаризму», а парламентаризмъ—ужасное слово въ Пруссіи, нѣчто въ родѣ «нигилизма» въ Россіи.

Кромѣ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, парламентъ обратилъ вниманіе на новый законъ объ окружномъ управленіи; но такъ какъ объ этомъ предметѣ должны еще послѣдовать весьма важныя пренія послѣ Новаго Года, то я счелъ бы лучше выждать конца, а пока достаточно теперь передать вашимъ читателямъ еще нѣсколько

случайныхъ происшествій, хорошо характеризующихъ общее положеніе дѣлъ. Особенно пріятное впечатлѣніе производятъ въ Берлинѣ всѣ факты, доказывающіе паденіе духа опеки и ненужныхъ попеченій. Въ этомъ отношеніи мнѣ слѣдуетъ упомянуть о новомъ законѣ, опредѣляющимъ срокъ совершеннолѣтія во всѣхъ провинціяхъ Пруссіи 21-мъ годомъ отъ роду. До послѣдняго времени срокъ совершеннолѣтія въ разныхъ провинціяхъ Пруссіи былъ различный, такъ что юноша, переходя изъ одной провинціи въ другую, рисковалъ изъ совершеннолѣтняго обратиться въ несовершеннолѣтняго и на оборотъ; въ иныхъ провинціяхъ совершенно-лѣтнимъ признавали лишь людей, достигшихъ 25-лѣтняго возраста.

Другимъ интереснымъ эпизодомъ парламентской жизни въ нынѣшней сессіи слѣдуетъ признать пренія по поводу законовъ о печати. Уже въ прежнихъ сессіяхъ либеральная партія постоянно возвращалась къ вопросу о преобразованіи законовъ о печати, но всякій разъ, когда палата депутатовъ принимала какую-нибудь облегчающую мѣру, палата господъ непремѣнно отвергала ее. Въ началѣ нынѣшней сессіи, двое депутатовъ, Дункеръ и Эберти (Eberty), снова принялись проводить проектъ закона о предоставленіи всѣхъ процессовъ по дѣламъ печати суду присяжныхъ, и проэктъ ихъ принятъ въ палатѣ депутатовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ палатѣ господъ обсужденіе этого проекта отложено на будущій годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ, наконецъ, заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что правительство намѣрено внести въ палату свое собственное предложеніе о расширеніи свободы печати, и полагаютъ, что этимъ предложеніемъ правительство желаетъ отмѣнить предварительные залоги на изданіе журналовъ или газетъ, а также захватъ газеты до судебнаго приговора, и вѣроятно, штемпельную пошлину. Если палата господъ отвергнетъ и министерскій проектъ, то законодательство о прессѣ перейдетъ въ руки сѣверо-германскаго союзнаго парламента.

Вскорѣ послѣ открытія парламента, прибылъ сюда членъ англійской палаты общинъ, Ричардъ, посѣтивъ предварительно Парижъ и Брюссель, гдѣ онъ тоже, какъ и въ Берлинѣ, предлагалъ либеральнымъ партіямъ въ парламентахъ произвесть серьезную демонстрацію въ пользу разоруженія. Прогрессивная партія обрадовалась этому предложенію, и вожди ея, въ лицѣ Вирхова, явились въ палату съ предложеніемъ обсудить этотъ вопросъ по окончаніи общихъ преній о бюджетѣ. Предложеніе было мотивировано въ такихъ выраженіяхъ: «Имѣя въ виду, что постоянное содержаніе войскъ въ готовности къ войнѣ обусловливается почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ не взаимною завистью народовъ, а лишь поведеніемъ кабинетовъ, палата приглашаетъ королевское правительство постараться о томъ, чтобы сократить расходы

сѣверо-германскаго военнаго вѣдомства, и достигнуть, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, всеобщаго обезоруженія». Предложеніе прогрессистовъ пришлось, какъ правительству такъ и либеральной партіи, не по вкусу, — правительству потому, что своимъ отказомъ принять его, оно могло лично подать поводъ иностранцамъ заподозрить Пруссію въ воинственныхъ замыслахъ, — и національно-либеральной партіи потому, что ей не хотѣлось отказаться отъ извѣстной сдѣлки съ министерствомъ, въ силу которой военный бюджетъ долженъ остаться неприкосновеннымъ до 1872 года (этотъ срокъ внесенъ въ кодексъ союзнаго законодательства и имѣетъ цѣлью упрочить военную организацію сѣверо-германскаго Союза). Вождь либераловъ, Ласкеръ, заявилъ, поэтому, что онъ считаетъ подобные дипломатическіе переговоры напрасными, нецѣлесообразными и даже опасными. Великіе вопросы культуры—сказалъ либеральный ораторъ — нельзя рѣшать посредствомъ такихъ устарѣлыхъ средствъ, какъ дипломатія, — они рѣшаются успѣхами самой культуры. Дипломатическіе переговоры объ обезоруженіи—это самое вѣрное средство къ возбужденію войны. Съ другой стороны, обезоруженіе Германіи невозможно до тѣхъ поръ, пока ея положеніе не упрочится окончательно. Рѣчь Ласкера нанесла пораженіе вышеприведенному предложенію Вирхова, — палата отвергла его.

Въ заключеніе письма упомяну о нѣкоторыхъ внѣпарламентскихъ событіяхъ, а именно о двухъ.

3-го декабря, минуло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ прусскую исторію внесено неизгладимыми чертами имя г. Вальдека (Waldeck), по поводу его знаменитаго процесса, и политическіе друзья этого замѣчательнаго человѣка пожелали отпраздновать этотъ день торжественнымъ обѣдомъ, подарками и адрессами. Еще до 1848 года, Вальдекъ былъ членомъ верховнаго суда, а въ 1848 году, его избрали въ національное собраніе, гдѣ онъ обнаружилъ неутомимую дѣятельность, какъ членъ коммиссіи для составленія конституціи. Его участіе въ этомъ трудѣ было столь велико, что реакціонеры говорили потомъ объ этой конституціи не иначе, какъ называя ее «хартіею Вальдека». Замѣчательно, что во всѣхъ своихъ стремленіяхъ онъ всегда строго держался законныхъ основаній, и поэтому, правительство не имѣло никакихъ поводовъ къ удаленію его отъ должности судьи (судьи могутъ быть удалены лишь по приговору суда). Какъ бы то ни было, реакціонерная партія не могла сродниться съ мыслью о томъ, что такой ужасный человѣкъ, какъ Вальдекъ, имѣетъ право засѣдать въ верховномъ судѣ королевства. Въ 1849 году, когда Берлинъ все еще оставался на осадномъ положеніи и пресса осуждена была на молчаніе (за исключеніемъ реакціонерной, разумѣется, которой въ такихъ случаяхъ позволяютъ всякія клеветы и доносы), —всемогущій президентъ полиціи Гинкельдей

давилъ, при помощи цѣлой орды полицейскихъ чиновниковъ, явныхъ и тайныхъ, всякое либеральное движеніе, и чтобы показать полезность своей дѣятельности, распускалъ постоянные слухи о политическихъ заговорахъ, составленныхъ будто бы разными либералами. Въ числѣ этихъ заговорщиковъ упомянули и Вальдека. Его схватили. Обвинители употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы и общественное мнѣніе настроить противъ Вальдека. Семь мѣсяцевъ томился этотъ почтенный человѣкъ въ тюрьмѣ, но наконецъ наступило время гласнаго суда, и что же всѣ увидѣли!? Съ перваго же слова ясно было что Вальдекъ не только не составлялъ никакихъ заговоровъ, но что его обвинители представили противъ него ложные документы. Это были письма, сочиненныя какимъ-то прикащикомъ Омомъ (Omh), подкупленнымъ «Крестовою Газетою» *). Особенно сильно скомпрометтированъ былъ самъ президентъ полиціи и нѣкто Гедше (Goedsche), который былъ въ то время и остается до сихъ поръ редакторомъ обозрѣній въ «Крестовой Газетѣ». Двѣ фразы, произнесенныя во время процесса Вальдека, не забыты до сихъ поръ. Когда Гинкельдей, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, разгорячился до такой степени, что сталъ стучать кулакомъ по столу, Таддель, предсѣдатель суда, воскликнулъ: «Господинъ фонъ-Гинкельдей, это не прилично!» а потомъ, когда неосновательность всего обвиненія вызвала всеобщій смѣхъ въ постороннихъ слушателяхъ, тотъ же предсѣдатель, Таддель, назвалъ все обвиненіе—«мошенническою продѣлкою (Bubenstück), придуманною съ цѣлью погубить человѣка». Въ мрачной, душной атмосферѣ того времени эти слова подѣйствовали, какъ громъ въ знойный лѣтній день.

Исходъ этого процесса поднялъ духъ либеральной партіи по крайней мѣрѣ на столько, чтобы выждать время, и онъ спокойно прождалъ все это ужасное время до лучшей эры, которая началась со вступленіемъ нынѣшняго короля (сперва въ качествѣ регента) въ управленіе государствомъ. Вальдекъ снова занялъ свое мѣсто въ верховномъ судѣ, и, хотя онъ держался вдалекѣ отъ политической жизни (чтобы не дать своимъ противникамъ ни малѣйшаго повода къ новымъ преслѣдованіямъ), все-таки всѣ признавали его съ тѣхъ поръ вождемъ демократической партіи. Лишь въ 1861 году онъ снова вступаетъ въ парламентъ въ качествѣ члена палаты депутатовъ, гдѣ онъ сразу всталъ во главѣ демократовъ и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ важныхъ вопросахъ до 1867 года, когда, наконецъ, слабое состояніе здоровья заставило его навсегда отказаться отъ парламентской дѣятельности.

Такъ прошли, на вальдекскомъ празднествѣ, передъ глазами пи-

---

*) «Крестовая газета» распространяется въ Пруссіи, какъ у насъ «Московскія Вѣдомости». — *Ред.*

рующихъ, два десятилѣтія политической жизни Пруссіи—періодъ тяжкой борьбы, безчисленныхъ жертвъ, добровольной сдержанности и напрасныхъ ожиданій. Однако, оглядываясь теперь назадъ, нельзя сказать, чтобы всѣ эти невзгоды привели насъ въ отчаяніе за будущее. Совсѣмъ напротивъ. Въ борьбѣ укрѣпляются силы. Впродолженіи этихъ двухъ десятилѣтій прусскій народъ созрѣлъ въ политическомъ отношеніи, и развитіе его прошло безъ всякихъ потрясеній и катастрофъ, которымъ подвергались, напримѣръ, Франція и Австрія. Если это развитіе шло въ Пруссіи крайне медленно, за то оно никогда не прерывалось и въ самой своей медленности несетъ вѣрный залогъ противъ возможности самой реакціи. Каждое политическое право въ Пруссіи пріобрѣтено путемъ долгой борьбы, которая убѣждала въ справедливости либеральныхъ требованій самихъ консерваторовъ и правительство. Поэтому, можно съ положительностью утверждать, что всѣ политическія права прусскаго гражданина дѣйствительны не на бумагѣ только, какъ конституція 1848 года, но и вошли въ плоть и кровь всего народа. Этого мало,—не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что либеральное настроеніе господствуетъ теперь во всей Германіи, и что прусское министерство, несмотря на свои консервативныя наклонности, не можетъ не принимать этого факта въ свои политическіе разсчеты.

Говорить о прусскихъ дѣлахъ и не сказать ничего о графѣ Бисмаркѣ было бы въ настоящее время такимъ же промахомъ, какъ побывать въ Римѣ и не увидѣть папы. Графъ Бисмаркъ выѣхалъ изъ Варцина и въ первыхъ числахъ нынѣшняго мѣсяца вернулся въ Берлинъ, но въ отправленіе своихъ министерскихъ обязанностей еще не вступилъ, по крайней мѣрѣ не вполнѣ. Причиною его преждевременнаго возвращенія (ибо онъ намѣревался прожить въ Варцинѣ весь декабрь мѣсяцъ) было грустное для отцовскаго сердца извѣстіе изъ Бонна, гдѣ слушаютъ университетскій курсъ двое сыновей министра. Одинъ изъ нихъ подрался съ кѣмъ-то на дуели и, раненый въ голову, заболѣлъ рожею, прикинувшеюся къ ранѣ. Болѣзнь угрожала опасностью жизни, и вотъ Бисмаркъ, вмѣстѣ съ женою, поспѣшилъ въ Берлинъ, гдѣ, получивъ успокоительную телеграму, послалъ жену въ Боннъ, а самъ остался въ столицѣ. Интересно, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ фактъ на графа теперь, бывшаго всегда ревностнымъ приверженцемъ такого «рыцарскаго» обычая, какъ дуель. Въ настоящее время Бисмаркъ гуляетъ на охотѣ, а политическою дѣятельностью займется лишь послѣ рождественскихъ праздниковъ.

На дняхъ состоялся приговоръ судебной палаты по дѣлу объ оберконсистеріальномъ совѣтникѣ Фурнье (Fournier), который, какъ извѣстно вашимъ читателямъ, далъ пощечину одной невѣстѣ, во время вѣнчальнаго обряда, за то, что она была въ интересномъ положеніи. Хота

вѣнчавшаяся чета старалась-было замять этотъ скандалъ, онъ все-таки вышелъ наружу, и судъ приговорилъ Фурнье, во вниманіе къ его старческому возрасту и почету среди мірянъ, принадлежащихъ къ его приходу, лишь къ 300 талерамъ штрафа или къ тюремному заключенію на четыре мѣсяца. Однако Фурнье не удовлетворился такимъ счастливымъ исходомъ процесса, и на слѣдующей же обѣднѣ, съ церковной каѳедры призывалъ Бога въ свидѣтели тому, что онъ совершенно невиненъ, и что, слѣдовательно, всѣ одиннадцать свидѣтелей, подтвердившихъ фактъ подъ присягою, приняли ложную присягу. Послѣ того, судебная палата допросила еще двухъ свидѣтелей, невѣсту въ томъ числѣ (она не явилась въ судъ при первомъ допросѣ вслѣдствіе болѣзни), и оба они подтвердили показаніе прежнихъ свидѣтелей, и судъ поэтому, вновь подтвердилъ свое постановленіе. Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ пастору Фурнье продолжать исполненіе своихъ духовныхъ обязанностей, хотя очевидно, что подобный фактъ можетъ только унижать достоинство какъ суда, такъ и самой церкви. Такія аномаліи въ общественной жизни Пруссіи встрѣчаются еще часто, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ изчезнутъ въ скоромъ времени.

Очеркъ парламентской сессіи задержалъ меня болѣе, нежели я разсчитывалъ, и потому прошу извиненія, если нынѣшній разъ отступлю отъ моего обычая обозрѣвать въ концѣ письма важнѣйшіе литературные факты. Отлагаю это до слѣдующаго письма. Нынѣшній разъ мнѣ хотѣлось особенно показать, что юная парламентская жизнь въ Пруссіи, какъ она еще ни слаба, но уже успѣла вызвать въ странѣ умственное и нравственное напряженіе, освѣжившее общественную дѣятельность. Надежды реакціонеровъ погубить парламентаризмъ его же преувеличеніями сбываются плохо, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ.

К.

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

Хроника общественной жизни.

Петербургъ. 1-е января 1870.

У меня былъ сосѣдъ по деревнѣ, вы его навѣрное знали; въ припадкѣ хандры, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Но когда человѣка преслѣдуютъ неудачи, такъ преслѣдуютъ до конца: ему и тутъ не удалось; пуля, вмѣсто сердца, ударилась въ ребро, скользнула по немъ и вышла съ боку. Рана была, однакожъ, опасна. Призвали доктора. Это былъ нѣмецъ задумчивый и молчаливый; онъ смотрѣлъ всегда внизъ и имѣлъ такой видъ и цвѣтъ лица, какъ бы былъ схороненъ и потомъ вынутъ, пролежавши дня два или три въ землѣ, что̀ не мѣшало ему серьезно заниматься наукой и во время-оно осторожно принимать благодарность въ рекрутскомъ присутствіи нашего маленькаго городка.

«Докторъ!» сказалъ больной, когда тотъ осматривалъ рану,—«да какъ же я не попалъ въ сердце? Гдѣ же оно у меня?»

— Ну, объ этомъ надо было спросить прежде выстрѣла! отвѣчалъ вынутый изъ земли докторъ, а теперь слѣдуетъ лечиться.

Да! и мнѣ надо было подумать прежде, нежели давать слово землякамъ, оставшимся въ глуши, не забыть ихъ,—а теперь слѣдуетъ писать, и писать обо всемъ, и о томъ, что дѣлается, хотя бы лучше, еслибы это не дѣлалось, а больше о томъ, чего не дѣлаютъ, и что пожалуй сдѣлалось бы и само собой, еслибъ не то, да не другое. Впрочемъ, положимъ, я не возвышусь до уровня любознательности своихъ читателей, но меня при этомъ можетъ утѣшать и поддерживать одна мысль. Въ Петербургѣ пишутъ особыми химическими чернилами, которыя весьма ярки сначала, когда ложатся на бумагѣ, а потомъ они блѣднѣютъ въ печати, въ корректурѣ же мѣстами совсѣмъ исчезаютъ. Другое дѣло,еслибы наши письма посылались въ какую-нибудь «Zeitung», или, еще лучше, «Times», тогда они возвратились бы сюда на нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ и невозбранно въ собственномъ видѣ доходили до читателя. Но надняхъ происходила перепись всѣхъ жителей Петербурга, и въ рубрикѣ «Родной языкъ» я объявилъ: *русскій*, а потому, какъ бы то ни было, буду писать землякамъ по-русски, да при томъ отдай я переводить мои письма въ какой-нибудь нѣмецкій «Zeitung» «Голосъ» не оставитъ меня въ покоѣ и переведетъ на русскій, и я противъ воли могу сдѣлаться сотрудникомъ «Голоса». Итакъ, пусть мои блѣдныя чернила еще поблѣднѣютъ: пожалуй, тѣмъ вѣрнѣе письма

будутъ отражать современный Петербургъ.... Чтó же такое этотъ современный Петербургъ?

Было время, когда Петербургъ, въ понятіяхъ русскихъ людей, считался однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ на свѣтѣ. Какой-нибудь Усть-сысольскій казначей, отъ-роду не выѣзжавшій изъ своего города и мечтавшій объ одномъ — чтобъ ему до конца дней сохранить свое казначейское мѣсто, любилъ поговорить объ англичанинѣ, который пріѣзжалъ нарочно за тѣмъ только, чтобы взглянуть на рѣшетку Лѣтняго сада, подозрѣвалъ какое-то необыкновенное созданіе искусства въ шпицѣ Петропавловской церкви и твердо вѣровалъ, что лучше Невскаго проспекта нѣтъ улицы въ мірѣ. Потомъ Петербургъ пріобрѣлъ репутацію города стройности и порядка: явились цѣлыя улицы подъ одинъ фасадъ и цвѣтъ, разрослись казармы и департаменты, штандартъ скакалъ въ полной формѣ, и на улицѣ блюстителями благочинія явились гвардейскіе унтеръ-офицеры. Затѣмъ, какъ извѣстно, произошло нѣкоторое маленькое столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, вспыхнула сильнѣе чѣмъ когда-либо старая пря между Москвою и Петербургомъ,—но туманъ тяжелый разсѣялся—

И всталъ Петрополь,

нашъ теперешній Петрополь, чѣмъ-то въ родѣ того жениха, о которомъ мечтала Гоголевская Агаѳья Тихоновна: «Еслибы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазар.....» Нѣтъ, виноватъ: развязности Балтазара Балтазаровича у современнаго Петербурга совсѣмъ нѣтъ, и даже прежняя, его собственная развязность куда-то поубавилась.

Когда къ лицу одного человѣка приставятъ носъ другого и губы третьяго, то полагать надо, что онъ—хоть на время—не будетъ имѣть никакой собственной физіономіи, — не будетъ ее имѣть по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не обноситъ нѣсколько этой чужой носъ и приставленныя губы, не выучится свободно нюхать однимъ и шевелить другими. Петербургъ переживаетъ теперь этотъ періодъ обнашиванья приставныхъ частей.

Дѣйствительно. Времена счастливыхъ иллюзій на счетъ рѣшетки, шпица и Невскаго проспекта давно прошли невозвратно, и даже Александровская колонна и Исакіевскій соборъ утратили свое обаяніе; «стройный видъ» тоже нарушился; домà, построенные подъ одинъ фасадъ, окрашены необузданнымъ болѣе своеволіемъ владѣльцевъ, каждый въ свой особый цвѣтъ и нарушили гармонію. Штандартъ еще скачетъ—но появляется въ фуражкѣ; торчитъ арбузъ, по-прежнему ожидающій дурака, который заплатитъ за него десять рублей, и дураки эти являются отнюдь не въ меньшемъ числѣ, — но дураки

совсѣмъ не исключительно того сорта и класса, что прежде: дураки эти стали разнообразнѣе и многіе слывутъ за очень дѣльныхъ людей. Департаменты также обширны, и бронзовыя ручки ихъ дверей такъ же блестятъ; дотлѣваютъ въ той же тѣснотѣ и грязи старыя присутственныя мѣста, но зато на другомъ концѣ возникли новые суды и появились щитообразныя вывѣски мировыхъ судовъ. Итакъ, Петербургъ утратилъ свою прежнюю физіономію, и хотя новый судъ и газеты на улицѣ были уже не совсѣмъ свойственными его физіономіи, но все же это былъ только—говоря словами Фета—

Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица...

И вдругъ — у этого лица появилось нѣчто хуже приставного носа и губъ, въ Петербургѣ появился—horribile dictu—московскій запахъ!

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» среднихъ вѣковъ—между новымъ временемъ и древнею эпохою Бѣлинскаго—по какому-то поводу, было глубокомысленно сказано: «исторія доказываетъ, что человѣкъ—всегда былъ человѣкомъ». Тогда надъ этой фразой много смѣялись и находили, что такія истины изрекать не стоитъ, хотя послѣ той поры явилось ученіе Дарвина—и вопросъ о томъ, былъ ли человѣкъ всегда человѣкомъ или выродился изъ обезьяны, сталъ по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Но что Петербургъ съ самаго своего основанія и до послѣдней эпохи, былъ всегда Петербургомъ и, какъ чичиковскій Петрушка, носилъ неизмѣнно свой собственный запахъ — этого не опровергнетъ никакой Дарвинъ.

Да, это непреложно: Петербургъ, вмѣстѣ съ органическимъ запахомъ вонючихъ канавъ, доселѣ имѣлъ свой собственный и ему одному во всей Россіи присущій нравственный запахъ. Пусть одни находили, что это зловонный запахъ гніенія, занесенный къ нему съ Запада, другіе — что это запахъ европейскаго прогресса, положимъ нѣсколько попорченнаго, но все-таки прогресса, однимъ словомъ: мнѣнія и вкусы были различные. Одни отъ этого запаха зажимали носъ и отворачивались, другіе находили, что хоть и отзывается онъ индѣ казармой, индѣ департаментомъ, но все-таки это единственный запахъ, которымъ можно пока дышать; и не было никакого сомнѣнія, что Петербургъ пахнетъ единственно Петербургомъ. Вдругъ въ немъ повѣяло Москвой, и москвичи, пріѣзжающіе искать концессій или мѣстечка, и имѣющіе здѣсь обыкновенно видъ большого, добродушнаго ньюфаундленда, поджавшаго хвостъ—почуявъ этотъ воздухъ—вдругъ почувствовали въ своемъ хвостѣ бодрость и радостно имъ помахиваютъ. Впрочемъ, нельзя не признаться, слѣдовъ московскаго вліянія здѣсь довольно много. Сперва появились московскія булочныя, потомъ между купечествомъ стала проявляться привычка знаменовать событія

не дѣлами благотворительности, какъ то было прежде, а сооруженіемъ образовъ и часовень; московское юродство отразилось въ особомъ видѣ спиритизма на постномъ маслѣ, и затѣмъ появилась, вслѣдъ за инбирнымъ квасомъ, такъ - называемая, національная политика въ нѣкоторыхъ, такъ-называемыхъ, политическихъ газетахъ.

Національная политика есть новѣйшее изобрѣтеніе, сдѣланное Москвою и стяжавшее изобрѣтателямъ вліяніе и популярность, близко подходящія даже къ той огромной популярности и вліянію, которыми пользовался извѣстнѣйшій московскій мыслитель и оракулъ Иванъ Яковлевичъ Корейша. Почему эта политика называетъ себя національной—неизвѣстно. Полагать надобно, что политика, поддержавшая нѣкогда Турцію противъ Египта и австрійцевъ противъ венгровъ, думала руководствоваться тоже національными интересами, и считала себя національною; но каждому политику свойственно думать, что онъ-то именно и стоитъ на самомъ пути истины, и не наша задача разбирать, въ какой степени вѣрно названіе, присвоенное изобрѣтателями своей системѣ. Иностранцы, судя по себѣ, приписываютъ эту политику какой-то старо - русской партіи, хотя партій у насъ ровно никакихъ нѣтъ; но политика, изобрѣтенная въ Москвѣ, дѣйствительно отзывается очень старой Русью, именно Русью временъ царя Ивана Васильевича. Программа этой политики, какъ извѣстно, не отличается своей послѣдовательностью. Съ одной стороны, она видитъ въ Россіи какую-то грозную и плодотворную силу, противъ которой, однакоже, несмотря на ея благотворность, не только вся Европа, но и присоединенныя провинціи ведутъ всевозможнѣйшія козни и интриги, а съ другой—этихъ же русскихъ величаетъ панурговымъ стадомъ, или — говоря по-просту—олухами царя небеснаго, которыхъ лѣнивый только не обойдетъ и не надуваетъ; избавиться же отъ всего этого она полагаетъ возбужденіемъ чувства любви къ себѣ по системѣ Домостроя, т.-е. приставляя къ носу кулакъ. Система эта дѣйствительно пришла по сердцу тѣмъ многимъ соотечественникамъ, которые съ одной стороны — любятъ считать себя умнѣе всевозможныхъ «нѣмцевъ», а съ другой—полагаютъ, что холеру производятъ лекаря, отравляя воду....

И вотъ это-то московское направленіе появилось и въ петербургской прессѣ! Но тутъ я долженъ оговориться.

Нашей журналистикѣ предоставлена полная свобода изливать свою желчь.... другъ на друга. И она пользуется своимъ правомъ, пользуется до того, что порой хочется повторить ей слова, которыя кто-то сказалъ своимъ собратіямъ по такому же поводу: «Господа! не деритесь на улицѣ: дураки смѣются!»

Журналъ, чрезъ посредство котораго я намѣренъ послать свое письмо землякамъ, по возможности избѣгаетъ полемики, и я, вполнѣ ему въ этомъ сочувствуя, желаю менѣе всего, чтобы мои письма именно и на-

рушили его воздержность. Но не упомянуть о такомъ характеристическомъ и небываломъ до сихъ поръ фактѣ — какъ вліяніе московской журналистики на петербургскую—я не могъ, и потому, становясь на эту топкую почву, постараюсь избѣгнуть всякихъ адресовъ, и не назову ни улицы, ни дома, гдѣ употребленіе порошка противъ насѣкомыхъ было бы вовсе не безполезно.

Торговля московскими калачами и сайками идетъ здѣсь бойко. Газеты—ихъ можно назвать московскими газетами, издающимися въ Петербургѣ, какъ онѣ любятъ называть другія таковыми же польскими или нѣмецкими—газеты, сначала одна, а потомъ и другая, усвоили себѣ взглядъ московской прессы и соперничаютъ съ нею въ извѣстнаго сорта проповѣди. Такъ, напримѣръ, недавно въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ клубовъ, гдѣ всего менѣе занимаются политикой, два господина сказали другъ другу нѣсколько колкостей; послѣдствіями была дуэль, окончившаяся къ счастію столь же легко, какъ легки были и поводы къ ней. Но одинъ изъ соперниковъ носилъ нѣмецкую фамилію, а другой — дважды русскую. И вотъ — достаточно оказалось этого обстоятельства для одной изъ вышеупомянутыхъ газетъ, чтобы ссору приписать враждебному столкновенію двухъ національностей по остзейскому вопросу! Когда на дняхъ петербургскій водопроводъ оставилъ без утренняго чаю полгорода, прекративъ водоснабженіе, мы, признаюсь, ожидали, что этотъ случай припишется тоже какой-нибудь враждебной намъ польской интригѣ. Къ счастію, дѣло разъяснилось прежде, нежели—искренне или нѣтъ—но извѣстнымъ образомъ настроенная пресса успѣла сообщить свои догадки; оказалось просто, что труба, опущенная въ рѣку, не была снабжена сѣткой и строители не догадались, что въ такую открытую трубу можетъ набиться всякая дрянь: дрянь и набивалась, и ее, вмѣстѣ съ водой, за изрядную плату исправно доставляли во всѣ дома до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ея не скопилось въ трубѣ болѣе нежели воды...

Подозрительность и какая-то недальновидность и непослѣдовательность, какъ извѣстно, есть самая характеристическая и зловредная черта невѣжества, узкаго пониманія и реакціи. Кажется не такъ давно было и не такъ вполнѣ прошло для нашей прессы то время, когда цензура видѣла въ самой этой прессѣ тоже какую-то тайную и враждебную организованную интригу и тщательно осматривала и выворачивала каждое печатное слово. Положеніе нашей печати вовсе не такъ упрочилось, чтобы, въ томъ или иномъ видѣ, на нее не опустилась опять, всею своею тяжестью, знакомая ей рука: что̀ тогда скажутъ эти газеты привилегированнаго національнаго направленія, такъ охотно поощряющія и поддерживающія подозрительность? И не отвѣтятъ ли имъ тогда: «tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as bien voulu»!

Не думайте, однакожъ, чтобы московскіе взгляды здѣсь пустили

корень. Нѣтъ: ихъ появленіе временно. Бисмаркъ, увы! не посылаетъ Швейница подкупать здѣшнія газеты, которыя подражаютъ недостаткамъ, не имѣя виртуозности московскаго оригинала. Мы не сомнѣваемся, что перемѣнится вѣтеръ — и перемѣнится ихъ пѣсня; но мы упомянули объ ихъ настоящемъ обращеніи къ востоку, какъ о чертѣ современнаго настроенія Петербурга; это признакъ болѣе отрицательный, нежели положительный.

Затѣмъ обратимся къ текущимъ, болѣе или менѣе характеристичнымъ новостямъ.

Была у насъ недавно закладка памятника императрицѣ Екатеринѣ II; было торжество столѣтія Георгіевскаго ордена; были толки и засѣданія въ разныхъ обществахъ; общество распространенія грамотности—вы, можетъ, не слыхали, что есть у насъ и такое—коснулось вопроса объ открытіи народныхъ театровъ, но.... но остановимся на послѣднемъ вопросѣ.

Можетъ быть, безъ достаточнаго основанія, дѣятельность бо́льшей части нашихъ обществъ напоминаетъ мнѣ тотъ вѣщій и таинственный сонъ, который видѣлъ Гоголевскій городничій передъ пріѣздомъ ревизора. Извѣстно, что этого администратора смутило видѣніе двухъ крысъ, которыя — разсказывалъ онъ — «пришли, понюхали — и пошли прочь»! Не смѣю оспаривать, что дѣятельность нашихъ обществъ не имѣетъ, подобно этому сну, какого-нибудь пророческаго значенія въ будущемъ; но въ настоящемъ эта дѣятельность, по роду занятій и по ихъ послѣдствіямъ—да извинятъ меня почтенные гг. члены — невольно заставляетъ сказать: «пришли, понюхали и пошли прочь». Современные, проникнутые благонамѣренностію и жаждою гражданской дѣятельности Загорѣцкіе не могутъ даже сказать про себя: «шумимъ, братецъ, шумимъ», — потому что они даже и не шумятъ, а ведутъ себя очень тихо. Да иначе и быть не можетъ, потому что, по самому уставу, всѣ наши общества, споспѣшествующія тому или другому развитію, имѣютъ право только говорить и просить, а вся дѣятельность и реализація лежитъ на томъ или другомъ оффиціальномъ учрежденіи, которое имѣетъ свой установившійся взглядъ и свои причины не оставлять избранной дороги—и не оставляютъ ее. Такъ и теперь общество грамотности, принявъ подъ свое покровительство вопросъ, о которомъ уже охрипла толковать вся печать, — составило коммиссію. Коммиссія напишетъ записку. Записка эта, тѣмъ или инымъ путемъ, придетъ въ дирекцію театровъ, которая театровъ, говорятъ, не дозволяетъ, и все, на что можетъ надѣяться, это — вызвать отписку. По полученіи отписки, волненіе въ стаканѣ воды утихнетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, кажется, есть какое-то недоразумѣніе; дѣло въ томъ, что театральная дирекція никогда не запрещала народныхъ театровъ,

и напрасно и общество, и журналистика на нее въ этомъ случаѣ сѣтуютъ.

Да! театральная дирекція вовсе не противъ народныхъ театровъ, чему служитъ доказательствомъ нѣсколько лѣтъ назадъ открывшійся у насъ «народный театръ» Берга; его такимъ почитали нѣкоторое время и на него возлагала надежды наша добродушная пресса, и онъ существовалъ бы подъ этимъ именемъ и доселѣ, еслибы нѣкоторыя неосторожныя глумленія не оскорбили г-на Берга и онъ въ негодованіи не сказалъ: «Вы смѣетесь надъ моимъ народнымъ театромъ, такъ не будетъ же у васъ его»! и дѣйствительно лишилъ насъ народнаго театра, — снявъ это слово со своей вывѣски.

Итакъ, какъ видите, дирекція вовсе не противъ народнаго театра. Дѣло въ томъ только, что она по-своему понимаетъ воспитательную силу сцены и видитъ ее исключительно въ легкихъ танцахъ, допуская, для бо́льшаго ихъ уясненія, французскія пѣсенки извѣстнаго смысла. Твердость этого убѣжденія и послѣдовательность, съ которою его проводитъ дирекція, такъ сильны, что ни пресса, ни тѣмъ болѣе записки какого-нибудь комитета — ее не собьютъ и не разувѣрятъ. Она всѣми мѣрами способствуетъ развитію этой воспитательно-образовательной силы; кромѣ театра Берга, она разрѣшаетъ подобный же на минеральныхъ водахъ, въ пассажѣ и—конечно, если согласятся на ея программу—то и въ обществѣ грамотности. Болѣе того: она содержитъ значительное воспитательно-образовательное заведеніе, содержаніе котораго—полагаемъ—сто́итъ не менѣе чѣмъ вся академія наукъ—съ единственною цѣлью ежегодно освѣжать цивилизующія и развивающія силы танцевъ. Ежегодно эти силы, въ лицѣ хорошенькихъ, спеціально приготовленныхъ и развитыхъ балеринъ, выпускаются на подмостки; радостно встрѣчаетъ, иногда даже предвосхищаетъ ихъ, понимающая ея цѣли благодарная публика, предлагаетъ юнымъ учительницамъ средства къ жизни, и усыпаетъ путь ихъ цвѣтами. Иногда—если слушающая публика слишкомъ уже неистово начинаетъ зѣвать въ безталанномъ (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ) драматическомъ театрѣ,—она и туда отряжаетъ балерину — Елену, и театръ ломится отъ зрителей. Однажды только изъ училища дирекціи вышелъ такой выродокъ, какъ Мартыновъ — но это произошло совершенно противъ ея воли и по недоразумѣнію. Изъ Мартынова, какъ извѣстно, она готовила танцора.

Какой-то пессимистъ замѣтилъ, что чѣмъ сильнѣе преобладаютъ танцъ-сцены и танцъ-классы, чѣмъ выше и развязнѣе поднимаются ноги, тѣмъ ниже опускаются головы и уровень общественнаго строя. Дѣйствительно, въ первыхъ рядахъ креселъ балета, занимаемыхъ старцами ex-и юными администраторами in-spe можно иногда замѣтить подобное соотношеніе, но не думаю, чтобы эту параллель можно было про-

вести далѣе: иначе мы должны бы вывести неутѣшительное мнѣніе о нынѣшнемъ настроеніи Петербурга. Дѣйствительно, въ прошедшемъ году была хоть остроумная и веселая Елена, сводила съ ума Патти; нынѣ—увы! ни Елена, ни даже Патти не волнуютъ насъ,—а въ балетѣ еще сыплются цвѣты, и экс-національный театръ Берга не оскудѣваетъ.

Передъ бѣднымъ—талантами и репертуаромъ—Александринскимъ театромъ воздвигается памятникъ императрицѣ Екатеринѣ. Какъ было бы грустно этой державной драматической писательницѣ смотрѣть на такое положеніе русской сцены, если, по счастію, она не будетъ обращена къ ней спиною. Памятникъ проектированъ и выполняется — какъ водится — г. Микѣшинымъ, этимъ монументныхъ дѣлъ мастеромъ и вмѣстѣ каррикатуристомъ одного сатирическаго журнала: злые языки не рѣшили, гдѣ онъ болѣе выказалъ свою неспособность, но оптимисты находятъ его каррикатуры слишкомъ величественными, а монументы — забавными: впрочемъ, мы въ этомъ дѣлѣ не судьи. При закладкѣ памятника хотѣли заложить въ фундаментъ всѣ монеты, выбитыя со временъ императрицы Екатерины, но нашли, что это будетъ стоить до 30 т. руб. и ограничились монетами нынѣшняго царствованія, что̀ стоило, говорятъ — хотя и сомнѣваемся: нѣтъ ли тутъ ошибки — до 1½ т. р. Въ царствованіе императрицы Екатерины, какъ извѣстно, выпущены первыя ассигнаціи, и потому могла бы придти мысль положить, вмѣсто монетъ, коллекцію ассигнацій, столѣтній юбилей которыхъ былъ неблагодарно пропущенъ экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ.

По случаю столѣтняго юбилея ордена св. Георгія, торжество котораго было подробно описано въ газетахъ, гг. Степановъ и Н. И. Григоровичъ составили книгу, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ списокъ всѣхъ кавалеровъ ордена отъ самаго основанія. Большинству русскихъ, особенно гг. военнымъ, извѣстны всѣ русскіе кавалеры высшихъ степеней этого высокочтимаго ордена, на который, по словамъ статута, не даютъ права «ни высокая порода, ни полученныя передъ непріятелемъ раны». Мы упомянемъ только о замѣчательнѣйшихъ иностранцахъ, его имѣющихъ. Старшимъ изъ кавалеровъ (№ 291, 4-й степ.) значится подъ 1813 годомъ прусскій король — тогда еще принцъ — получившій его 16-ти лѣтъ. Нынѣ, какъ извѣстно, онъ пожалованъ 1-ю степенью ордена и единственный изъ живыхъ кавалеровъ, имѣющій ее. Австрійскій императоръ получилъ 4-ю степень ордена въ 1841 году; подъ 1861 годомъ (4-й ст.) мы находимъ Франциска II, бывшаго короля обѣихъ Сицилій, братьевъ его — графовъ Трапійскаго, Казертскаго, дядю Трапанскаго и супругу Марію-Софію-Амалію, безспорно, храбрѣйшую изъ всѣхъ. Замѣтимъ кстати медицинской академіи, что если дума военнаго ордена такъ неоспоримо при-

знала въ женщинѣ качество наименѣе свойственное ея природѣ,—то способность женщины къ медицинѣ могла бы не подвергаться сомнѣнію, а признавъ способность, странно затворять отъ нея двери академіи.

Изъ иностранныхъ генераловъ мы находимъ Веллингтона, Блюхера, Шварценберга, Радецкаго, послѣдній изъ кавалеровъ 1-й степени (1849), Гейнау (4-й ст. въ 1849), Гесса (2-й ст. 1849 г.) и пр.; имени генерала Гарибальди, которому такъ много обязана дружественная намъ Италія и ея рыцарскій король—мы не нашли.

Гласный судъ, помимо его великаго значенія въ общемъ организмѣ государства, даетъ намъ фотографически вѣрное изображеніе не только современныхъ нравовъ, но и взгляда на нихъ общественной совѣсти. Въ этомъ отношеніи недавняя уголовная хроника здѣшняго окружного суда представляетъ въ высшей степени интересные матеріалы наблюдателю петербургской жизни.

Дѣло по фальшивымъ векселямъ г-жи Плещеевой и подложному завѣщанію Андреева открыло цѣлую организацію мошенничества въ самыхъ смѣлыхъ и широкихъ размѣрахъ. Подобныя компаніи для эксплуатаціи ближняго и обмана оффиціальнаго правосудія составляютъ явленіе весьма обыкновенное въ общественной жизни; онѣ даже далеко не такъ вредны, какъ иныя дозволенныя и даже привилегированныя компаніи, которыя дѣйствуютъ въявь и еще хвастаются своимъ успѣхомъ; первыя эксплуатируютъ по крайней мѣрѣ какое-нибудь одно зажиточное лицо, а другія—часто цѣлое общество.

Два вышеупомянутыя дѣла, для того, кто не смотритъ на все съ предвзятой точки безпардоннаго моралиста, и по поводу вытащеннаго изъ кармана платка не имѣетъ привычки вопіять о растлѣніи нравовъ— представляютъ даже нѣкоторые утѣшительные выводы въ пользу русскаго человѣка. Они, во-первыхъ, доказываютъ, что тамъ, гдѣ отечественный недѣлимый рѣшается скинуть нѣкоторую общественную опеку и дѣйствовать не справляясь съ XV-ю томами свода законовъ и ихъ продолженіями, то онъ, въ изобрѣтательности, находчивости и энергіи выполненія, вичуть не уступаетъ своему западному собрату, и мы удивляемся, что патріоты извѣстнаго сорта не замѣтили этихъ особенностей и дозволили намъ предвосхитить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ: предстала нѣкоторымъ изобрѣтательнымъ людямъ надобность когонибудь эксплуатировать — и вотъ открывается богатая женщина, соединяющая въ себѣ многія къ тому удобства. Предъявляются ея векселя ко взысканію; она весьма слабо отвергаетъ свою подпись; по первымъ дознаніямъ оказалось, что векселя эти яко-бы даны нѣкоему французу, за то, что тотъ обѣщался достать титулъ своему соотечественнику, стоящему въ близкихъ будто-бы отношеніяхъ къ векселедательницѣ. На слѣдствіи оказывается, что французъ этотъ дѣйствительно

существовалъ и умеръ, соотечественникъ его дѣйствительно существовалъ и можетъ быть до-днесь существуетъ; адвокатъ, котораго обиженная сама избрала и который началъ уже защищать ея интересы — является настолько добросовѣстнымъ, что отказывается вести процессъ, ибо ему его кліентка созналась, что векселя не фальшивые, а дѣйствительно ея собственные векселя; онъ не нарушаетъ довѣрія — онъ этого не заявляетъ, но проговорился въ кружкѣ своихъ друзей, и только вынужденный ихъ нескромностію, сознается въ томъ слѣдователю. Не правда-ли, какъ все это ловко задумано, подобрано и выполнено? Слѣдственная часть потратила много труда прежде, нежели добралась, что умершій французъ былъ бѣднякъ-ремесленникъ, который никакой протекціи оказать не могъ, векселедательница его не знала, адвокатъ былъ ей подсунутъ съ ловкостію фокусника, который вамъ втираетъ желанную карту, когда вы полагаете, что сами вытаскиваете ее, и что адвокатъ этотъ и былъ самъ авторъ дѣла и, такъ сказать, самъ себя подсунулъ!

Другое дѣло не менѣе замысловато и характеристично: подробности его тоже извѣстны. Въ Харьковской губерніи умираетъ помѣщикъ, богатый и неимѣющій близкихъ наслѣдниковъ. Имѣніе его, какъ можно было судить по словамъ старика и по общему ожиданію, долженъ былъ наслѣдовать его молодой управляющій, пользовавшійся его полною довѣренностію и расположеніемъ и близкій къ нему — какъ носились слухи — по родственнымъ, хотя не легальнымъ отношеніямъ. Но, вопреки ожиданіямъ, и можетъ быть — намѣреніямъ самого владѣльца, онъ умираетъ не оставивъ завѣщанія, и имѣніе должно перейти къ дальнимъ родственникамъ. Вдругъ за двѣ тысячи верстъ, въ Петербургѣ, находятся благодѣтельные люди, которые поправляютъ ошибку и непредусмотрительность покойника. Является завѣщаніе, подписанное, не наемными свидѣтелями, а людьми, вѣрящими въ его подлинность. Предъявляется оно душеприказчиками, повидимому, заслуживающими полнаго довѣрія: это князь, настоящій, чистокровный князь древняго русскаго рода и статскій генералъ, то же старинной и почтенной фамиліи; статскій генералъ нашелся впослѣдствіи почему-то неудобнымъ и вдругъ совершенно улетучился; но князь остался и выдержалъ свою роль до конца. Завѣщаніе имѣло всѣ шансы на успѣхъ, ошибка умершаго старика была поправлена, обиженныхъ не было, и все бы кончилось, какъ въ англійскихъ семейныхъ романахъ, къ общему удовольствію, еслибы — о родъ безпокойный! — два компаніона-журналисты не поссорились между собою и одинъ не обличилъ другого. Все это опять задумано умно, ведено ловко и энергично, — хоть бы во Франціи! Но нѣтъ: это лучше французскаго, и лучше настолько, насколько — мы говоримъ это искренно — натура русскаго сама-по-себѣ лучше натуры француза. Конечно, насъ не заподозрятъ

въ дифирамбѣ мошенничеству и подлогу; мы разсматриваемъ характеръ этого мошенничества, ищемъ въ немъ его типическія стороны и, поскобливъ, по совѣту Наполеона, этихъ русскихъ, открываемъ съ удовольствіемъ вовсе не варварскія, а симпатичныя намъ, родовыя черты, свидѣтельствующія о несравненно бо́льшей нашей цивилизованности, нежели можно было ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какой мягкій и добродушный колоритъ лежитъ на всѣхъ этихъ неслучайныхъ мошенничествахъ, а тщательнѣйше обдуманныхъ и выполненныхъ цѣлой хорошо-подобранной и спѣвшейся шайкой. Во-первыхъ, тутъ нѣтъ никакого грубаго насилія, а видна, напротивъ, глубокая привычка къ соблюденію формальностей даже въ мошенничествѣ. Не выбранъ былъ какой-нибудь непокорный видъ его, грубо нарушающій права собственности. Напротивъ. Смошенничали—и сейчасъ въ управу благочинія, смошенничали и сейчасъ въ гражданскую палату: нельзя-ли, дескать, хоть обманнымъ образомъ получить оффиціальную санкцію и помощь замыслу. И что́ за добродушіе и наивность дѣйствующихъ лицъ! Этотъ князь, напримѣръ, который въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что какой-то помѣщикъ, котораго онъ и не помнитъ, чтобы видѣлъ—дѣлаетъ его душеприкащикомъ единственно изъ почтенія къ его особѣ, и представляетъ завѣщаніе, взявъ за это *всего* 18 рублей! А этотъ наслѣдникъ? Онъ человѣкъ съ состояніемъ и вовсе не имѣлъ помысловъ ни о какихъ подлогахъ,—но если уже нашлись такіе добрые люди, что сдѣлали его и предлагаютъ, то отчего же, думаетъ, и не взять, когда и самъ покойникъ, вѣроятно, не протестовалъ бы противъ него. Или этотъ исполнитель, который сорокъ лѣтъ жилъ честно и, по его сознанію, не понималъ, какъ можно рѣшиться на мошенничество, черезъ мѣсяцъ знакомства съ главнымъ организаторомъ не понималъ уже, какъ можно не мошенничать, коли есть надежда не быть открытымъ! За то чуть только правосудіе дотронулось до него пальцемъ, такъ онъ и пошелъ все разсказывать и обвинилъ себя въ такихъ дѣлахъ, о которыхъ прокуратура не имѣла и понятія. И самъ организаторъ, который всѣми вертѣлъ, все обдумывалъ, въ то же время пользуется такимъ довѣріемъ, что незнакомыя ему добродушныя старушки на слово довѣряютъ свои кровныя и немалыя деньги, и онъ эти деньги добросовѣстнѣйшимъ образомъ возвращаетъ. Не правда ли, что все это необыкновенно наивно и весьма характерно, и если на зрителей и читателей процесса кто произвелъ самое непріятное впечатлѣніе, такъ это черствая, отталкивающая и бальзаковская фигура ростовщика-свидѣтеля, который забралъ въ свои руки запутавшагося журналиста, играетъ имъ какъ кошка мышью, то посадитъ въ тюрьму, то выпуститъ и, не преступая законности, высасываетъ всѣ деньги, которыя тотъ достаетъ преступленіемъ, ведущимъ его въ тюрьму и ссылку!

Новый судъ высказалъ въ этомъ дѣлѣ все неоспоримое преимущество своего строя передъ старымъ порядкомъ. Всѣ вовлеченные, обманутые участники, на которыхъ бы именно и обрушилось наказаніе при прежнемъ судопроизводствѣ, потому что ихъ руками совершался неопровержимый подлогъ — были совершенно оправданы, а истинные организаторы, которые остались бы по всей вѣроятности только въ подозрѣніи — осуждены. Замѣтимъ также вполнѣ гуманную мягкость взысканія. Такъ, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, неприкосновенный къ другимъ дѣламъ, сосланъ всего на два года въ Самарскую губернію, тогда какъ часто ссылки административнымъ порядкомъ длятся несравненно долѣе и въ болѣе суровыхъ мѣстахъ, правда безъ лишенія правъ состоянія, но и безъ тѣхъ способовъ къ оправданію, которые даетъ организація гласнаго суда.

Прежде, нежели кончу это письмо, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о двухъ весьма знаменательныхъ фактахъ, которые даетъ намъ послѣдняя лѣтопись петербургскаго уголовнаго суда. Къ нему, въ короткій промежутокъ времени, привлечены были двѣ дѣвушки, обвиняемыя въ страшномъ дѣлѣ дѣтоубійства.

Это одна изъ тѣхъ старыхъ исторій, которыя, по выраженію Гейне, всегда новы, и всегда, прибавимъ мы, заставляютъ глубоко задуматься. Двѣ дѣвушки — родили и, подъ вліяніемъ стыда, смущенія и страха, бросили новорожденныхъ туда, куда обыкновенно ихъ въ такомъ случаѣ бросаютъ. Дѣти оказались доношенными и живорожденными; дѣвушки сознались... Нечего повторять тѣ извѣстныя фразы о положеніи трудами заработывающихъ себѣ хлѣбъ рожениць, о ненормальности нѣкоторыхъ установившихся отношеній и нѣкоторыхъ установившихся взглядовъ, которые всѣ вмѣстѣ приводятъ къ извѣстному преступленію, гдѣ самый фактъ рожденія свидѣтельствуетъ противъ развратности преступницы, а фактъ убійства — о чувствѣ стыда и боязни общественнаго мнѣнія. Пока общество не выработало себѣ, въ этомъ отношеніи, другого экономическаго и нравственнаго склада жизни, — единственнымъ лекарствомъ противъ этого общественнаго недуга признано учрежденіе дѣтопріимныхъ домовъ, — и самодержавная женщина, вполнѣ понимавшая нужды своего пола, основала въ Петербургѣ воспитательный домъ. Зачѣмъ же, спросимъ мы теперь, стоятъ эти каменныя палаты Разумовскаго, населяемыя смотрителями, надзирателями и пр. и пр., если въ такой короткій промежутокъ времени двѣ дѣвушки предпочли сдѣлать преступленіе, а не обратиться къ нимъ? Чтóжъ это, недостаточность въ размѣрахъ, непопулярность, или формальности, въ немъ заведенныя, заставляютъ обѣгать его? Намъ извѣстны филантропическія мѣры, принятыя громаднѣйшимъ московскимъ воспитательнымъ домомъ съ цѣлію сколь возможно затруднить доступъ къ себѣ нуждающихся рожениць. Въ Курскѣ еще лучше: тамъ земство открыло «люльку» для

приносимыхъ дѣтей и какая-то неизвѣстная рука хватаетъ приносящихъ и представляетъ ихъ въ судъ. У насъ, слава Богу, не слышно, чтобъ эти московскіе или курскіе порядки были приняты нашимъ человѣколюбивымъ учрежденіемъ: однакожъ фактъ, свидѣтельствующій о несостоятельности казенной филантропіи, остается неопровержимымъ фактомъ, и лица, получающія жалованье за свое обязательное человѣколюбіе, плохо выказываютъ его! Но случаи эти дали возможность высказаться и превосходству суда присяжныхъ, и замѣчательной чертѣ гуманности петербургскаго общества: обвиненныя, несмотря на явныя улики и собственное сознаніе, были признаны невинными. Этотъ приговоръ общественной совѣсти тѣмъ утѣшительнѣе, что это не приговоръ развитой или извѣстнымъ образомъ настроенной партіи: присяжные выбираются изъ всѣхъ слоевъ общества; тутъ приговоръ людей различнаго воспитанія, положенія, образованія—это по истинѣ приговоръ петербургскаго общества, и мы съ гордостію и отрадой указываемъ на него обществамъ другихъ городовъ. Вотъ то значеніе цивилизатора-Петербурга, вотъ тотъ петербургскій запахъ, который, хотя слабъ еще, и забивается многимъ другимъ, но все-таки изъ него одного льется по Россіи и въ немъ одномъ держится болѣе, нежели во всѣхъ городахъ и весяхъ имперіи, вмѣстѣ взятыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, провинціальная лѣтопись новаго суда часто доказываетъ, что присяжные ложно понимаютъ свое значеніе; храня еще вѣрность старымъ порядкамъ, они считаютъ себя судьями и судьями по закону, а не по совѣсти, и въ рѣшеніяхъ своихъ боятся согрѣшить противъ перваго, а не руководствуются послѣдней. Человѣкъ съ голоду укралъ булку, баба учинила воровство моркови, оцѣненной въ 1½ копѣйки. Присяжные знаютъ, что воровство должно, по закону, быть наказано, и изрекаютъ «виновенъ»! Мы могли бы привести много примѣровъ этого рутиннаго и ложнаго взгляда провинціальнаго общества. Къ счастію, петербургскіе присяжные постоянно даютъ намъ свидѣтельство гораздо болѣе здраваго и гуманнаго развитія всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ избраны они. Они поняли, что когда преступленіе вынуждено печальными условіями жизни, то дѣло общественной совѣсти заслонить отъ безстрастнаго правосудія тѣ приниженныя и угнетенныя головы, отъ которыхъ человѣколюбіе съ гербовыми пуговицами прячетъ свои руки въ карманъ!

И на этой утѣшительной чертѣ петербургскихъ нравовъ мы остановимся. Да и не слѣдуетъ, говорятъ французы, опоражнивать свой мѣшокъ до дна.

М. Ав—въ.

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Мы до сихъ поръ не отозвались ни однимъ словомъ о тѣхъ безпорядкахъ, которые происходили въ московскомъ университетѣ, въ послѣднихъ числахъ октября прошедшаго года, по поводу отказа, выраженнаго студентами IV-го курса медицинскаго факультета, слушать лекціи пр. Полунина. Тогда намъ пришлось бы основываться на слухахъ, частныхъ извѣстіяхъ, и во всякомъ случаѣ говорить въ такое время, когда нашли бы возможнымъ истолковать всякое наше мнѣніе въ дурную сторону. Теперь это дѣло совершенно окончилось, и предъ нами лежитъ оффиціальный отчетъ о бывшихъ безпорядкахъ, составленный самимъ совѣтомъ московскаго университета, назначенный къ опубликованію г. министромъ народнаго просвѣщенія и недавно опубликованный въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Отчетъ предназначается совѣтомъ университета для руковожденія общественнымъ мнѣніемъ, въ томъ предположеніи — говоритъ отчетъ — «что лучшая (?) часть публики, дѣйствительно принимающей участіе въ занятіяхъ и положеніи молодыхъ людей въ университетѣ, воспользуется таковымъ изложеніемъ дѣла для составленія вѣрнаго мнѣнія о немъ». Совѣтъ московскаго университета справедливо угадалъ потребность публики имѣть вѣрное понятіе о дѣлѣ, вызвавшемъ столь повсемѣстное сожалѣніе въ обществѣ, что едва ли даже справедливо то раздѣленіе публики на «лучшую часть» и худшую, какъ оно обозначено въ самомъ началѣ отчета. Отчетъ совѣта вызвалъ, безъ сомнѣнія, интересъ во всѣхъ частяхъ публики, и напоминовеніе со стороны совѣта университета о раздѣленіи ея на «лучшую» и худшую, можетъ только навести на мысль, что подъ «лучшею» публикою, пожалуй, разумѣются тѣ, которые повѣрятъ всему печатному и не примутъ на себя провѣрки отчета,—а тѣхъ, которые отнесутся критически и сдѣлаютъ кому-нибудь непріятные выводы, можно впослѣдствіи причислить къ «худшей» публикѣ. Мы не думаемъ, чтобы такова могла быть мысль составлявшихъ отчетъ, и потому воспользуемся ихъ предложеніемъ составить «вѣрное мнѣніе» о дѣлѣ. Но прежде всего сдѣлаемъ необходимую оговорку для

читателя. Насъ интересуетъ въ этой «студентской исторіи» не ея, такъ-сказать, сценическая сторона. Нѣтъ сомнѣнія также, что даже и полнѣйшая несправедливость старшихъ не можетъ быть принята за оправданіе грубости и личныхъ оскорбленій со стороны младшихъ; но съ другой стороны, наши учебныя заведенія никогда не претендовали утвердить въ своей средѣ понятіе о повиновеніи, сложившееся въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Потому въ настоящемъ случаѣ насъ интересуетъ не само событіе, во всякомъ случаѣ, плачевное, но тѣ принципы, которые лежали въ основаніи дѣйствующихъ лицъ, и тѣ результаты, которые можно вывести для будущаго, въ видахъ невозможности повторенія такихъ «исторій».

Не будемъ излагать содержанія дѣла во всѣхъ его подробностяхъ: студентскія исторіи всѣ на одну мѣрку и также древни, какъ древни университеты; полнаго прекращенія ихъ можно надѣяться развѣ отъ той эпохи, когда въ студенты будутъ принимать не моложе лѣтъ сорока или пятидесяти. Мы хотимъ сказать этимъ, что главный корень зла лежитъ въ той болѣзни, которою страдаютъ студенты, и отъ которой, по словамъ извѣстной поговорки, мы всѣ излѣчиваемся съ сожалѣніемъ: это — молодость! Въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» перепечатали отчетъ совѣта московскаго университета, мы прочли весьма интересную статью бывшаго попечителя московскаго округа, кн. Г. А. Щербатова: «Характеръ и значеніе графа Сергѣя Семеновича Уварова». Между прочимъ, почтенный авторъ приводитъ свои воспоминанія изъ собственной студентской эпохи, которая также не обходилась безъ «исторій». Вотъ одна изъ такихъ исторій. «Въ томъ же году — говоритъ кн. Щербатовъ — или въ началѣ 1838 г., навѣрно не упомню, была другая студентская исторія. Мы не хотѣли принять одного вновь назначеннаго профессора. Конечно, мы не были правы; впослѣдствіи хладнокровіе заставило насъ признаться въ неумѣстномъ увлеченіи. Мы могли не посѣщать лекцій профессора, но ни въ какомъ случаѣ мы не должны были нарушать приличія и прибѣгать къ грубому проявленію несдержанной воли. Тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ мы увлеклись. Въ день, въ который профессоръ долженъ былъ явиться въ первый разъ на каѳедру, мы толпой встрѣтили его на лѣстницѣ, и шумными нашими криками заставили его удалиться. На слѣдующій день, попечитель явился въ университетъ, и передъ многочисленнымъ сборомъ студентовъ выразилъ намъ свое неудовольствіе, грозилъ, что поступокъ нашъ будетъ доведенъ до свѣдѣнія Государя, что десятаго изъ насъ отдадутъ въ солдаты (примѣры подобнаго взысканія встрѣчались въ заведеніяхъ иного вѣдомства); но вмѣстѣ съ тѣмъ доброю своею рѣчью онъ обратился къ другой сторонѣ, развитой въ насъ болѣе страха. Мы внутренно смѣя-

лись надъ его угрозами и не считали его способнымъ привести въ исполненіе, но были поколеблены его убѣжденіями. Онъ Государя этимъ чисто-университетскимъ дѣломъ не безпокоилъ, посторонныя власти не были призваны имъ на помощь, и вскорѣ, хотя и не мгновенно, дѣло уладилось внутреннимъ порядкомъ, благодаря нравственному вліянію университетскаго начальства, а не внѣшнему формальному его авторитету. И желанный результатъ былъ достигнутъ. Власть не унизилась неумѣстными уступками, но, съ другой стороны, не было и круненія для студентовъ. Все пошло, по-прежнему, спокойно, и съ обѣихъ сторонъ безъ злопамятства». . . . .

Такъ началась и кончилась студентская исторія въ 1838 году — но то было время графа Уварова, и авторъ справедливо заключаетъ: «таково вліяніе истинно-просвѣщеннаго человѣка!» Тогда студенты не только отказались слушать профессора, но позволили себѣ грубую выходку противъ лица, котораго даже и не знали, и не пустили его въ аудиторію. Такая же студентская исторія, но безъ такой грубой обстановки, повторилась теперь, 30 лѣтъ спустя, въ московскомъ университетѣ: 17-го октября, студенты IV курса медицинскаго факультета собрались въ клинику, но рѣшительно отказались идти на лекцію къ профессору Полунину, замѣстившему собою другого профессора, который находился въ заграничной командировкѣ. Въ виду такого факта, студентамъ объявили и, по нашему мнѣнію, весьма справедливо, «что они не будутъ допущены къ переводному испытанію». Мѣра вполнѣ справедливая, вполнѣ законная, и привести ее въ исполненіе было бы весьма легко. Но тутъ-то и начинается со стороны старшихъ рядъ ошибокъ, которыя повлекли за собою печальныя послѣдствія. Если мы разъ объявляемъ кому-нибудь, что за нарушеніе имъ своихъ обязанностей его ожидаетъ такое-то лишеніе, то не слѣдуетъ отступать отъ своего слова. Студенты объявили, что «они уже рѣшились лучше потерять годъ, чѣмъ слушать лекціи профессора Полунина». Тогда только увидѣли, что наказаніе, вѣроятно, небольшое, когда виновный такъ легко принимаетъ его, и сказанное старшими слово обратилось въ пустой звукъ. Объявленіе о томъ, что студенты останутся на второй годъ въ курсѣ, оказалось не серьезнымъ, и тогда рѣшились предать ихъ университетскому суду. Тутъ начало второй ошибки, и притомъ такого свойства, что мы затрудняемся объяснить причину ея. По словамъ отчета, оказалось, что «правленіе университета *не имѣло законнаго основанія предать студентовъ университетскому суду*, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ не было никакихъ столкновеній между студентами и профессоромъ Полунинымъ». Итакъ, правленіе университета сознялось, что нѣтъ законнаго основанія предать обвиненныхъ суду. Если студентовъ не за что предать суду, то по-

чему же они исключены изъ университета? спроситъ каждый, въ виду такого заявленія. «Такъ какъ—объясняетъ отчетъ—объясненный выше проступокъ студентовъ очевиденъ и безспоренъ по своему противозаконному качеству, то правленіе университета не имѣло законнаго основанія предать студентовъ университетскому суду» и т. д. Другими словами: поступокъ студентовъ до такой степени противозаконенъ, что нѣтъ законнаго основанія предать ихъ суду. Что это такое!? Когда и гдѣ видано, что очевидность и безспорность поступка самаго противузаконнаго качества дѣлаютъ судъ излишнимъ?! Намъ не случалось ни слышать, ни читать чего-нибудь подобнаго тому, что громогласно заявилъ совѣтъ московскаго университета, представляющій въ своемъ составѣ и юристовъ. Если преступникъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, если онъ даже и самъ сознался въ преступленіи, тѣмъ не менѣе необходимо и судебное слѣдствіе, и судъ. Намъ совѣстно объяснять, почему и для чего; но засѣданіе совѣта, 25-го октября, само указываетъ въ настоящемъ случаѣ, почему судъ и въ настоящемъ случаѣ былъ необходимъ: судъ избавилъ бы совѣтъ отъ новыхъ ошибокъ, которыя ни въ чемъ не уступятъ двумъ первымъ.

Въ совѣтѣ взялъ на себя прочесть, такъ-сказать, обвинительный актъ—профессоръ Варвинскій. Указавъ на ученыя заслуги профессора Полунина, а именно: на переводъ сочиненія д-ра Шкоды, переводъ Канштатта, изданіе медицинскаго журнала, и на то, что профессоръ Полунинъ былъ избранъ на 5 лѣтъ, послѣ 25-ти-лѣтней службы, ораторъ объявилъ: «по собраннымъ мною точнымъ свѣдѣніямъ, очевидно, что студенты IV-го курса медицинскаго факультета, *уже при самомъ началѣ своихъ клиническихъ занятій*, показали, что выборъ факультета и совѣта пришелся имъ не по вкусу: они посѣщали клиническія лекціи профессора Полунина въ самомъ маломъ числѣ: изъ 56-ти на курсѣ бывали на лекціяхъ 10, 15, рѣдко въ бóльшемъ числѣ (!). Но и эти студенты относились къ излагаемому на лекціяхъ холодно и небрежно». Итакъ, оказывается, что 17-ое октября вовсе не могло быть неожиданностью для университетскаго начальства: еще сначала года лекціи профессора Полунина посѣщала только $^1/_6$ часть, и университетское начальство нѣсколько мѣсяцевъ сряду не обращало вниманія на то, что такъ очевидно нарушается § 21-й правилъ: «студенты обязаны исправно посѣщать лекціи». 17-го октября, не 56 человѣкъ не пришло вдругъ на лекціи г. Полунина, а собственно только 10; давно уже *46 человѣкъ не ходили на лекціи*, и никто ихъ не думалъ преслѣдовать, на основаніи § 21; за § 21 взялись только тогда, когда и послѣдніе 10 человѣкъ не пришли. Почему же то, что́ дѣлали прежде 46 человѣкъ безнаказанно, не могли теперь сдѣлать 10? Слова профессора Варвинскаго открываютъ, что противъ § 21-го

были виновны студенты и университетское начальство до 17-го октября; и только съ 18-го октября вина была возложена на однихъ студентовъ. Все это могло бы быть открыто судомъ и принято въ соображеніе, а потому судъ не былъ [illegible], несмотря на то, что «проступокъ студентовъ очевиденъ и безспоренъ по своему противозаконному качеству». Изслѣдуя причины, побудившія студентовъ отказаться отъ лекцій г. Полунина, профессоръ Варвинскій заявилъ, что «учащіеся молодые люди, къ сожалѣнію, легко поддаются *стороннимъ* (?) увлеченіямъ, препятствующимъ правильному ходу ихъ научныхъ занятій». Такое объясненіе дозволяется высказывать въ пріятельскомъ кружкѣ, но не въ средѣ совѣта, а на судѣ оно никогда не было бы пропущено даромъ. Или г. Варвинскій не знаетъ ничего о «стороннихъ» вліяніяхъ, и только бросаетъ эти слова такъ, на вѣтеръ, чего не долженъ себѣ позволять серьезный человѣкъ, или онъ знаетъ что-нибудь, и въ такомъ случаѣ не слѣдовало оставаться при общемъ обвиненіи, которое можетъ падать на всѣхъ и каждаго. Въ словахъ г. Варвинскаго вѣрно одно, что учащіеся молодые люди легко поддаются увлеченіямъ, и объ этомъ нельзя даже и сожалѣть: это — прекрасное свойство юности; но вотъ что всегда достойно сожалѣнія: кому ближе и легче, какъ не профессорамъ, вовлекать молодыхъ людей въ научные интересы: примѣры благодѣтельныхъ увлеченій профессорами можно найти въ исторіи того же московскаго университета, напр., при Грановскомъ, Кудрявцовѣ и др.; между тѣмъ, въ настоящую минуту мы видимъ, что въ противность засвидѣтельствованной г. Варвинскимъ способности молодыхъ людей увлекаться, они не могли увлечься лекціями, и начальству пришлось заботиться не о томъ, чтобы студенты охотно посѣщали лекціи, а о томъ, чтобы они исполняли § 21-й, чтобы сидѣли на скамьяхъ, хотя бы и съ заткнутыми ушами.

Мы очень хорошо знаемъ, что «жизнь школы» не есть еще «общественная жизнь», что отношенія власти къ подчиненному не могутъ устраиваться въ школѣ, какъ въ обществѣ. Но въ чемъ состоитъ различіе? Различіе состоитъ въ томъ, что власть въ школѣ должна вооружаться несравненно бо́льшимъ терпѣніемъ, такъ сказать, любовью къ юному «преступнику»; судья въ обществѣ можетъ явиться слѣпо строгимъ и видѣть въ преступникѣ извращенную натуру, злую волю, требующую, къ сожалѣнію, энергическихъ мѣръ; преступленіе же въ области школы бываетъ часто признакомъ энергіи, характера, превышающаго способность самообладанія, и во всякомъ случаѣ происходитъ отъ естественнаго недостатка гармоническаго развитія всѣхъ способностей души. Потому-то намъ показалось страннымъ прочесть въ отчетѣ московскаго университета, что 12 дней, которые прошли между

17 октября, когда студенты не явились на лекцію г. Полунина, и 29 октября, когда они были исключены изъ университета, а нѣкоторые даже высланы изъ Москвы, — эти 12-ть дней названы «длиннымъ промежуткомъ времени». Несравненно болѣе длиненъ другой промежутокъ времени, который придется перенести намъ, въ среду которыхъ пущены теперь люди безъ средствъ, безъ оконченнаго образованія: они лягутъ на насъ бременемъ, между тѣмъ какъ эти же люди могли бы сдѣлаться полезными членами и тружениками общества. Что значатъ 12 дней, перенесенныхъ профессорами московскаго университета, въ сравненіи съ десятками лѣтъ, на которые осуждены мы? Нельзя сказать, чтобы эпоха графа Уварова страдала недостаткомъ субординаціи, однако изъ вышеприведеннаго разсказа князя Щербатова, мы видимъ, что студентская исторія 1838 года и студентская исторія 1869 года имѣли весьма различный исходъ, и различный — не въ пользу нашего времени. Тогда отъ 12 дней не уставали и обошлись безъ жертвъ, которыя, какъ мы сказали выше, служатъ всегда наказаніемъ и цѣлому обществу. Еще разъ въ заключеніе повторяемъ: повиновеніе есть, безспорно, одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ порядка въ школѣ, но это повиновеніе, чтобы отличаться отъ такого же требованія въ іезуитскихъ коллегіяхъ, должно предписывать повелѣвающему значительную долю терпѣнія и безусловной справедливости. Fiat justitia, pereat mundus — худое правило и въ жизни, а въ школѣ оно никуда не годится, особенно когда, какъ мы видѣли, и *justitia* не нашла себѣ въ настоящемъ случаѣ полнаго удовлетворенія.

А.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СУДЬБЫ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Портретная Галлерея русскихъ дѣятелей. Изданіе А. Мюнстера. Томъ второй. Сто Біографій. Спб. 1869.

Если кто, полюбовавшись, въ превосходномъ изданіи г. Мюнстера, внѣшностію вереницы русскихъ литераторовъ, слѣдующей за вереницею гражданскихъ и военныхъ дѣятелей, заключенныхъ въ первомъ томѣ, не ограничится тѣмъ, и захочетъ заглянуть въ ихъ внутренній бытъ, въ ихъ судьбы, того на первый разъ могутъ удовлетворить біографическіе очерки «Галлереи» всѣхъ этихъ дѣятелей и писателей. Тамъ чита-

тель найдетъ, конечно, небольшія деянія, выраженныя иногда лаконически, но и въ своемъ лаконизмѣ — краснорѣчивыя. Прежде всего, каждаго поразитъ огромное различіе судьбы русскихъ дѣятелей перваго тома и русскихъ дѣятелей второго тома; надъ первымъ томомъ распростирается рогъ изобилія, изъ котораго вылетаютъ аренды, имѣнія, чины, милліоны, сначала въ червонцахъ, потомъ въ депозиткахъ; для обитателей второго тома — совершенно иная перспектива: борьба съ нуждою, съ бѣдностію, даже съ нищенствомъ, борьба съ предразсудками, невѣжествомъ; есть, иногда, борьба и для обитателей перваго тома, борьба, обставленная шипами, но эти шипы не безъ розъ. При перелистываніи перваго тома, предъ нашими глазами мелькаютъ слова: «произведенъ», «награжденъ», «оставленъ съ сохраненіемъ содержанія», «оказалъ неоцѣненныя услуги отечеству»; во второмъ томѣ только и видимъ: «написалъ то-то», «возбудилъ неудовольствіе того-то», «подвергся рѣзкимъ отзывамъ тамъ-то», «переведенъ на жительство туда-то», «предался пагубному недугу», «скончался отъ злѣйшей чахотки» и изрѣдка «получилъ табакерку съ червонцами», и т. далѣе. Сколько тутъ надломленныхъ жизней, разбитыхъ надеждъ, подорванныхъ существованій, и трудно послѣ этого строго судить ошибки и увлеченія этихъ «русскихъ дѣятелей».

Русскій писатель, сначала, въ лицѣ Тредьяковскаго, служитъ шутомъ и подставляетъ свою спину ударамъ вельможи; онъ ползаетъ, заискиваетъ, высматриваетъ себѣ меценатовъ, сочиняетъ торжественныя оды и надписи къ фейерверкамъ и иллюминаціямъ. Знаменитый «меценатъ» И. И. Шуваловъ забавляется «травлей», которую онъ у себя устраиваетъ между Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Претензіи Сумарокова на званіе «русскаго Вольтера» смѣшны, но сколько презрѣнныхъ и ничтожныхъ было между тѣми, которые поднимали его на смѣхъ! Письмо Ломоносова къ Шувалову, въ которомъ онъ говоритъ, что не желаетъ быть дуракомъ не только у его превосходительства, но даже и у Господа Бога — рѣшительный подвигъ въ то время со стороны писателя; но то была только вспышка, и Ломоносовъ цѣлую жизнь бился изъ-за куска хлѣба, выпрашивалъ милостей, прерывалъ свои серьезныя работы сочиненіемъ стиховъ на разные случаи и умеръ, предаваясь иногда запою. Сумароковъ тоже спился и, состоя въ высокомъ чинѣ, ходилъ въ халатѣ, съ генеральскою лентою черезъ плечо, въ кабакъ черезъ улицу. Толпа фаворитовъ, бездарныхъ и ничтожныхъ, пользуются всѣми благами и высоко поднимаютъ свою голову передъ представителями русской мысли, науки и искусства; русскій писатель боязливо просовываетъ между ними свою голову, изображая на лицѣ своемъ просительную, уничиженную мину. Публика мало читаетъ и покупаетъ его творенія; писатель зависитъ исключительно отъ своей

службы и того поощренія, которое можетъ дать ему правительство; но послѣднее, даже въ царствованіе Екатерины, удѣляетъ ему лишь ничтожныя крохи. Правда, Державинъ получаетъ табакерку съ червонцами за свои хвалебные гимны, исполненные таланта и лести, но несравненно большее количество червонцевъ идетъ за границу, въ руки «господина Вольтера» и другихъ, берущихъ на себя обязанность пѣть торжественныя хвалы царицѣ на французскомъ языкѣ; еще большія суммы этихъ червонцевъ идутъ разнымъ Зоричамъ, о заслугахъ которыхъ исторія никогда ничего не сообщитъ. Вообще на русскую литературу смотрятъ какъ на роскошь, пригодную для декорацій на разныя празднества, на русскаго писателя—съ обидною снисходительностію. Новиковъ явился-было настоящимъ литераторомъ и журналистомъ, поставившимъ свою дѣятельность прямо въ зависимость отъ публики; но эта широкая дѣятельность подрѣзана въ самомъ разгарѣ своемъ, и несчастный представитель русской мысли, первый, въ европейскомъ смыслѣ, издатель приговоренъ къ смерти; хорошо еще, что «по милосердію императрицы осужденъ на 15-ти-лѣтнее заключеніе въ томъ самомъ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ содержался и трагически погибъ принцъ Иванъ Антоновичъ Брауншвейгъ-Беверні-Люнебургскій». Двѣ политическія жертвы не одинаково важныя. Съ Новикова начинается рядъ писателей, которые подвергаются болѣе или менѣе значительному неодобренію и карамъ за ту независимость мысли, которую они выражаютъ въ произведеніяхъ своихъ, печатныхъ и рукописныхъ. Списокъ ихъ длиненъ сравнительно съ тѣмъ незначительнымъ временемъ, которое прожила русская литература. Исключая Карамзина, Крылова и Жуковскаго, не было ни одного замѣчательнаго писателя, который бы не вынесъ на плечахъ своихъ, бремени неодобренія. Пушкинъ попадаетъ въ Бессарабію, потомъ въ Одессу, потомъ въ псковское имѣніе своей матери. Въ дѣлахъ архива псковскаго губернскаго правленія хранится слѣдующее отношеніе, отъ 1824 г., псковского генералъ-губернатора маркиза Паулуччи къ губернатору той же губерніи Адеркасу:

«Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, къ несчастію, не только не перемѣнилъ поведенія и дурныхъ правилъ, которыя ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже *распространяетъ въ письмахъ своихъ* предосудительныя и вредныя мнѣнія. Посему, по высочайшему повелѣнію, онъ исключенъ изъ списка чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и дабы отвратить, по возможности, отъ молодого человѣка всю строгость законовъ, которой бы онъ, *оставшись въ совершенной независимости*, могъ подвергнуться при ненадежности своего поведенія, Государь Императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство Псков-

-ской губерніи въ помѣстье родителей своихъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства».

Изъ этого документа видно, что «предосудительныя и вредныя мнѣнія» (въ этомъ случаѣ: «легкомысленныя сужденія о религіи») преслѣдовались даже въ письмахъ къ пріятелямъ. О Пушкинѣ у насъ въ послѣднее время стали появляться мнѣнія, силящіяся повалить его окончательно не только какъ человѣка, но и какъ писателя. Намъ кажется, что слѣдовало бы принимать больше къ свѣдѣнію обстоятельства, въ которыя онъ былъ поставленъ; въ жизни его едва ли можно насчитать много дней, когда бы онъ не находился подъ бдительной опекой; еще молодымъ человѣкомъ не оставляли его «въ совершенной независимости», наблюдали за его «поведеніемъ», распечатывали и читали его письма, упрекали въ неблагодарности, то ласкали его, то на него хмурились, то угрожали ему. Едва ли и сильный характеръ выдержалъ бы не покачнувшись при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жилъ онъ. Между тѣмъ, еслибъ захотѣлъ онъ, то выходъ изъ такого положенія не представилъ бы для него значительныхъ препятствій и онъ также спокойно могъ бы пѣть, какъ пѣлъ Жуковскій, этотъ счастливѣйшій изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ, на жизненномъ небѣ котораго не прошло ни единаго мрачнаго облачка, если не считать за таковое насмѣшку надъ нимъ князя Шаховского, представившаго его въ комедіи своей «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» въ лицѣ поэта Фіалкина; но и тутъ, какъ говоритъ самъ Жуковскій: «Друзья за меня заступились. Дашковъ написалъ жестокое письмо къ новому Аристофану; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскому сдѣлался поносъ эпиграммами... Городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ парнасской бури». Жуковскій былъ яркимъ представителемъ искусства для искусства, между тѣмъ какъ Пушкинъ пролагалъ путь направленію реальному и отзывался на стремленія своихъ современниковъ. Гармонію стиха и поэтическіе образы Жуковскій ставилъ выше всего, поэтому неудивительно, что онъ писалъ стихотворный «Отчетъ о Лунѣ», находилъ, что «настоящее призваніе Гоголя — монашество», высказывая самыя странныя мысли о европейскихъ политическихъ событіяхъ, относился «съ большой похвалой» къ сборнику плохихъ стихотвореній Некрасова «Мечты и Звуки» и до того былъ пораженъ и восхищенъ книжкою звучныхъ стихотвореній Бенедиктова, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ бенедиктовскими звуками. Пушкинъ, на вопросъ: какого онъ мнѣнія о новомъ поэтѣ? — отвѣчалъ, что «у него есть превосходное сравненіе неба съ опрокинутой чашей».

Плеяда поэтовъ и писателей, вышедшихъ на поприще дѣятельности

вмѣстѣ съ Пушкинымъ, была крайне несчастна и погибла въ ранней юности. Даровитый Батюшковъ сошелъ съ ума въ цвѣтѣ таланта и силы; причины этого болѣзненнаго состоянія поэта недостаточно изслѣдованы, но письма его, напечатанныя года два тому назадъ въ «Русскомъ Архивѣ», свидѣтельствуютъ, что онъ близко принималъ къ сердцу современныя ему событія, и реакція послѣднихъ годовъ царствованія Александра I-го произвела на него весьма тяжелое впечатлѣніе. Невозможно отрицать, чтобы политическія событія не подѣйствовали и на Грибоѣдова; мы знаемъ, что онъ сидѣлъ въ крѣпости и противъ воли поѣхалъ посланникомъ въ Персію, которая наскучила ему еще въ то время, когда онъ былъ секретаремъ при тамошней миссіи; еще въ 1820 г. онъ писалъ въ Петербургъ: «Чѣмъ просвѣщеннѣе человѣкъ, тѣмъ полезнѣе можетъ онъ быть своему отечеству. И именно для пріобрѣтенія средствъ къ просвѣщенію испрашиваю я увольненія или отзыва моего изъ этого грустнаго царства, гдѣ, вмѣсто того, чтобъ научиться чему-нибудь, забываешь все, что зналъ до сихъ поръ». «Персія—моя могила», говорилъ онъ друзьямъ, уѣзжая въ 1828 г. изъ Петербурга. Безсмертная комедія его могла явиться только четыре года спустя послѣ смерти ея автора. Кто не знаетъ, какъ невыносимо для писателя, когда готовое произведеніе, долженствующее произвести на общество большое впечатлѣніе, должно оставаться въ его портфелѣ или ходить въ потаенныхъ спискахъ! Страдаетъ его самолюбіе, его достоинство, подрѣзываются въ корнѣ лучшія начинанія. Мы не удивляемся, что онъ принялся за романтическую трагедію «Грузинская ночь»; въ душѣ его горѣло пламя, въ головѣ рождались мысли, онъ чувствовалъ потребность высказаться, потребность къ творчеству, а между тѣмъ высказываться нельзя было и на половину; эта борьба между внутреннимъ жаромъ поэта-сатирика и между окружающимъ его холодомъ могла разрѣшиться или подавленіемъ въ себѣ всѣхъ образовъ, населившихъ воображеніе писателя, или произведеніемъ чуждымъ жизни и чуждымъ дарованію писателя. «Грузинская ночь»—вещь вымученная и потому фальшивая и ничтожная. Она вовсе не показываетъ, какъ думаютъ нѣкоторые критики, что Грибоѣдовъ весь высказался въ «Горе отъ ума», и что новаго произведенія въ такомъ же родѣ создать былъ не въ силахъ; нѣтъ, силы у него были, но подавили ихъ обстоятельства. Онъ сдѣлался жертвою своего времени какъ и многіе другіе, менѣе даровитые, но также остановленные или въ началѣ пути или на полдорогѣ. Полевому запрещаютъ «Московскій Телеграфъ» за невинную рецензію на драму Кукольника «Рука Всевышняго Отечество спасла»; Надеждину запрещаютъ «Телескопъ» за статьи Чаадаева; редактора высылаютъ въ Устьсысольскъ, а авторъ принужденъ затворникомъ прожить въ Москвѣ цѣлую жизнь; Кирѣев-

скому запрещаютъ «Европейца» и даровитый человѣкъ погружается въ мистицизмъ, изъ котораго такъ и не нашелъ выхода. «Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій», писалъ Пушкинъ Жуковскому, «представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ. Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или, по крайней мѣрѣ, клевета—устыдятся и будутъ изобличены.» Вспомните, что̀ стоило Гоголю и друзьямъ его провести «Ревизора» и «Мертвыя Души», и считайте послѣдніе годы его дѣятельности также продуктомъ болѣзненнаго развитія. Лермонтовъ страдаетъ за стихотвореніе «На смерть Пушкина», которое въ наши, болѣе счастливые дни, помѣщается въ христоматіяхъ для гимназистовъ. Выростаетъ новое племя писателей, но и оно не много счастливѣе. За что̀, иногда подвергались отвѣтственности писатели, видно изъ примѣра Тургенева, который провинился тѣмъ, что написалъ въ 1852 году некрологъ Гоголя; назвавъ творца «Мертвыхъ Душъ»—великимъ писателемъ. Попечитель петербургскаго учебнаго округа счелъ это выраженіе величайшею дерзостью, ибо, по мнѣнію попечителя, громко высказанному, Гоголь былъ «лакейскій писатель».

Таковы факты изъ исторіи русской литературы, которые мелькаютъ предъ глазами, при перелистываніи второго тома «Галлереи»; этотъ томъ можно принять за «Адъ» Данте: на каждомъ шагу встрѣчаются души, изнывающія въ мукахъ.

Обратите вниманіе на безвременную смерть писателей, на тотъ недолгій срокъ, который живутъ они. Пушкинъ умираетъ 37 лѣтъ, Гоголь—44, Лермонтовъ—26, Грибоѣдовъ—34, Веневитиновъ—22, Кольцовъ—34, Бѣлинскій—38, Добролюбовъ—26, Дружининъ—39. Всѣ они начинаютъ очень рано свою дѣятельность; изъ писателей живущихъ особенно рано развился Некрасовъ: лѣтъ 17-ти онъ издалъ книжечку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Мечты и Звуки», 19-ти напечаталъ повѣсть «Опытная Женщина», 25-ти лѣтъ сдѣлался издателемъ-редакторомъ «Современника», опаснымъ соперникомъ Краевскаго, издателя-редактора «Отечественныхъ Записокъ».

Возвращаясь спеціально къ «Портретной Галлереѣ», мы должны сказать, что въ ней встрѣчаются ошибки, напр., весьма извѣстное стихотвореніе Мея изъ «Пѣсни Пѣсней», приписано Щербинѣ, и кромѣ того попадаются необъяснимыя странности. Къ числу послѣднихъ мы относимъ рѣзкія противорѣчія въ біографіяхъ Бѣлинскаго и г. Краевскаго. Не говоря о томъ, что біографъ признаетъ за г. Краевскимъ «очень великія заслуги», вѣроятно, на томъ основаніи, что въ юныхъ лѣтахъ этотъ журналистъ писалъ о «нѣкоторыхъ вопросахъ философіи и исторіи литературы»—сочиненія оставшіяся, къ сожалѣнію, до сей поры неизвѣстными—онъ, біографъ, утверждаетъ, что «враги А. А. (т.-е. г. Краевскаго) распу-

стили клевету объ эксплуатированіи имъ Бѣлинскаго, тогда какъ они (враги?) оставались всегда въ *самыхъ близкихъ и пріязненныхъ отношеніяхъ* между собою, и если Бѣлинскій, въ послѣдніе два года своей жизни, оставилъ журналъ Краевскаго, то потому, что онъ думалъ быть хозяиномъ въ новомъ изданіи, гдѣ поступили съ нимъ совершенно безцеремонно, найдя неудобною критическую статью его о повѣсти Григоровича, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ 1846 года.» Если «совершенная безцеремонность» заключалась только въ одномъ этомъ, то большой бѣды мы еще не видимъ. «Чахотка», продолжаетъ біографъ, «развилась въ Бѣлинскомъ еще до университета, и если онъ увеличилъ ее журнальной работой, то потому, что *усидчивый трудъ былъ въ его натурѣ* и онъ предавался ему со всѣмъ жаромъ увлеченія, не умѣя ничего дѣлать въ половину, разсчитывать и соразмѣрять свои силы. Отъ этой же *неразсчетливости* (въ трудѣ или въ платѣ за него?) онъ никогда не жилъ въ довольствѣ и постоянно нуждался, что также заставляло его прибѣгать къ усиленнымъ занятіямъ.» Далѣе: «Съ Краевскимъ Бѣлинскій *разстался самымъ пріятельскимъ образомъ*».

Итакъ, Бѣлинскій «постоянно нуждался», потому что работалъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, усидчиво, неразсчетливо. Одно сопоставленіе этихъ словъ уже свидѣтельствуетъ о крайней натяжкѣ; но въ біографіи Бѣлинскаго, помѣщенной въ той же «Портретной Галлереѣ», находимъ слѣдующія строки: «Сотрудничество Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» продолжалось до 1846 г. (съ 1840 г.) — и оно-то, главнымъ образомъ, сокрушило физическія силы геніальнаго критика, вынуждаемаго, *за весьма умѣренную плату*, трудиться ежемѣсячно надъ разборомъ и оцѣнкою всякой всячины, иногда *по осьми часовъ сряду не класть пера*... Весною 1846 г., Бѣлинскій, истомленный работою, рѣшился отдохнуть въ Москвѣ, оттуда, лѣтомъ, отправился съ М. С. Щепкинымъ въ южныя губерніи и, безъ особенной пользы своему здоровью, осенью 1846 г. возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ, *несмотря на совершенное отсутствіе средствъ къ существованію, уже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ редакціей* «Отечественныхъ Записокъ».

Съ одной стороны — «самыя близкія отношенія», «пріятельское разставанье», съ другой — нежеланіе имѣть съ г. Краевскимъ «никакого дѣла», трудъ «за весьма умѣренную плату», «трудъ, сокрушившій физическія силы Бѣлинскаго». Мы вовсе не желаемъ брать на себя рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ г. Краевскаго къ Бѣлинскому, ибо вопросъ этотъ не имѣетъ существенной важности: былъ ли г. Краевскій въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому, какъ утверждаетъ біографъ г. Краевскаго, или не былъ, какъ говоритъ біо-

графъ Бѣлинскаго въ той же самой «Портретной Галлереѣ» — въ исторіи русской литературы во всякомъ случаѣ имя Бѣлинскаго займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, на ряду съ именами Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Вопросъ о томъ, хорошо ли или «весьма умѣренно» платилъ г. Краевскій Бѣлинскому — также существеннаго значенія не имѣетъ, но онъ не безъ интереса для исторіи вознагражденія за литературный трудъ, которое составляетъ также одно изъ важныхъ условій независимости писателя.

Извѣстно, что наши прежніе писатели ничего не брали за свои труды, а когда плата начала входить въ обычай, И. И. Дмитріевъ горько на это жаловался, находя, что служеніе музамъ должно быть безкорыстно и что плата унижаетъ писателя; онъ не подозрѣвалъ, что вознагражденіе за литературный трудъ освобождаетъ писателя, а съ нимъ литературу и мысль, отъ постороннихъ вліяній; пока не было платы — писательствомъ могли заниматься или только люди богатые, или состоящіе на государственной службѣ или на службѣ у меценатовъ, т.-е. люди уже получившіе плату, и слѣдовательно пишущіе также не даромъ. Плата открыла поприще всѣмъ, и чѣмъ талантъ выше, тѣмъ болѣе можетъ онъ разсчитывать на независимое матеріальное положеніе. Это, однако, случается, не прежде, чѣмъ литература разовьется надлежащимъ образомъ и конкурренція между издателями позволитъ писателю дѣлать выборъ. При существованіи же двухъ-трехъ журналовъ, разумѣется, нельзя разсчитывать на правильную заработную плату, тѣмъ болѣе, что журнальныя фирмы — не тоже что фирма фабричная; при выборѣ журнальной фирмы уважающій себя писатель принимаетъ въ соображеніе нравственныя и политическія ея достоинства, и выборъ становится особенно затруднительнымъ въ томъ случаѣ, если придется выбирать изъ дурного менѣе дурное. При такомъ положеніи вещей, не рабочіе регулируютъ плату, а предприниматели, и очень естественно, что отъ послѣднихъ зависитъ держать писателя въ черномъ тѣлѣ, въ проголодь; еслибъ писатель сталъ жаловаться на такое невыгодное для него положеніе, то, во-первыхъ, жалоба ни къ чему бы его не привела, во-вторыхъ, предприниматель легко и безнаказанно могъ бы упрекнуть писателя въ неразсчетливости и даже мотовствѣ. И онъ былъ бы правъ съ своей точки зрѣнія, ибо можно жить на 500 р., на 1,000 р., даже на 100 р.; если получаете 100 р. — соразмѣряйте съ этимъ вознагражденіемъ свою жизнь, но соразмѣрять съ нимъ свой трудъ — будетъ возможно вамъ, при отсутствіи конкурренціи, лишь въ томъ случаѣ, если позволитъ вамъ это предприниматель. Прибавьте къ этому, что репутація, пріобрѣтенная писателемъ при участіи въ извѣстной журнальной фирмѣ, которой онъ придалъ блескъ и значеніе, нравственно привязываетъ его къ ней и заставляетъ держаться ея во что бы то ни стало.

Біографъ Бѣлинскаго говоритъ, что г. Краевскій платилъ своему критику 3,000 р. асс. жалованья въ 1840 году; за это жалованье онъ долженъ былъ писать извѣстное число листовъ въ мѣсяцъ; если не измѣняетъ намъ память, газета «Голосъ», издаваемая г. Краевскимъ, прошлымъ лѣтомъ говорила, что Бѣлинскій получалъ въ последніе годы своего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ» до 5,000 или 6,000 р. асс. въ годъ. Мы не можемъ сказать — хорошая ли это плата или весьма умѣренная; но въ «Портретной Галлереѣ» мы находимъ слѣдующій фактъ: «Съ 1840 года Губеръ (переводчикъ «Фауста», стихотворецъ, весьма посредственный критикъ) примирившійся съ Сенковскимъ, взялъ на себя постоянное сотрудничество въ «Библіотекѣ для Чтенія», по отдѣлу критики, съ жалованьемъ по 6 т. рублей асс. въ годъ, кромѣ гонорарія въ 200 р. асс. за каждый печатный листъ, — и началъ свѣтскую жизнь, безпрерывно посѣщалъ аристократическіе салоны, или маскарады, особенно ему нравившіеся, а въ 1842 году совершенно оставилъ службу и на лѣто долженъ былъ, *для поправленія разстроеннаго здоровья*, уѣхать въ орловскую деревню одного изъ своихъ пріятелей».

Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же 1840 году, два писателя, мало извѣстный Губеръ и весьма извѣстный Бѣлинскій, поступаютъ въ качествѣ критиковъ въ два журнала, причемъ Губеръ получаетъ 6,000 р. жалованья и 200 р. полистной платы, а Бѣлинскій—3,000 р. жалованья вмѣсто всякой полистной платы. Такая большая плата дала возможность Губеру посѣщать салоны и маскарады и онъ «уничтожилъ свое здоровье у Дюссо и въ маскарадахъ», какъ говоритъ далѣе біографъ его; незначительное жалованье Бѣлинскаго не давало ему средствъ посѣщать Дюссо и маскарады и онъ, конечно, прилежнѣе работалъ вслѣдствіе этого. Правда, и онъ разстроилъ здоровье, но трудомъ, а не распущенною жизнью, какъ Губеръ. Впрочемъ, умерли они почти въ одно время: Бѣлинскій 28 мая 1848 г., а Губеръ 10-го апрѣля 1847 г.; не можемъ, однако, не замѣтить, что на сторонѣ умѣренной жизни и неумѣреннаго труда все-таки преимущество на одинъ годъ и 48 дней. Въ числѣ условій при назначеніи заработной платы, о чемъ говорено нами выше, мы забыли упомянуть, что предприниматели не даютъ баловаться рабочимъ и лучшимъ средствомъ для удержанія ихъ въ предѣлахъ «трезваго поведенія» считаютъ именно умѣренную плату. Кто знаетъ: быть можетъ, они и не ошибаются.

Другую странность встрѣтили мы въ біографіи г. Каткова: «Если до него (г. Каткова) мнѣнія прессы подчинялись мнѣніямъ толпы, или административнымъ взглядамъ, то теперь, наоборотъ, голосъ прессы управляетъ часто мнѣніемъ публики». Произнося эту оцѣнку, біографъ погрѣшаетъ противъ фактовъ извѣстныхъ всѣмъ и каждому. Значеніе

прессы началось у насъ не со вчерашняго дня, не со времени г. Каткова, и въ лучшихъ своихъ представителяхъ она никогда не подчинялась ни взглядамъ толпы, ни взглядамъ административнымъ; она постоянно шла впереди общества, даже въ тѣ отдаленныя времена, когда Новиковъ явился на журнальномъ поприщѣ; не говоря о вліяніи на общество первоклассныхъ нашихъ писателей и принимая значеніе слова «пресса» въ тѣсномъ смыслѣ журналистики, мы увидимъ, что они руководили обществомъ, по мѣрѣ силъ и возможности, даже въ самыя тяжкія времена господства цензуры, когда администрація налагала свою печать на всякую мысль. Развѣ Бѣлинскій, напр., подчинялся взглядамъ толпы или администраціи, и развѣ его вліяніе на общество не было во сто кратъ сильнѣе и благотворнѣе, чѣмъ вліяніе г. Каткова? Возьмемъ даже беллетристику сороковыхъ годовъ, развѣ она не подготовила отчасти общество къ той реформѣ, которая совершилась 19-го февраля 1861 года? Мы могли бы указать на другихъ дѣятелей, но считаемъ достаточнымъ и приведенныхъ примѣровъ. Когда нельзя было ничего «проводить», журналистика въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей предпочитала молчаніе подчиненію чьимъ бы то ни было взглядамъ. Слова біографа о г. Катковѣ справедливы только по отношенію къ «Сѣверной Пчелѣ» и нѣкоторымъ другимъ органамъ, имѣвшимъ вліяніе на общество, но извѣстнаго рода; дѣйствительно, г. Катковъ оставилъ ихъ далеко за собою, и теперь, кажется, наступило время, оцѣнить справедливо значеніе г. Каткова.

Значеніе г. Каткова заключается именно въ томъ, что онъ постоянно подчинялся взглядамъ толпы или администраціи, и если шелъ иногда впереди той или другой, то почти исключительно въ томъ смыслѣ, что развивалъ ихъ же взгляды... и развивалъ иногда до абсурда. Такое значеніе пріобрѣлъ онъ преимущественно съ 1863 г. Польское возстаніе тревожно настроило русское общество и администрацію. «Московскія Вѣдомости» старались развить эту тревогу и подозрительность до высшей степени, до того предѣла, когда люди перестаютъ узнавать другъ друга, и друзья начинаютъ видѣть въ друзьяхъ враговъ, держащихъ камень за пазухой. Едва ли осталось въ Россіи много губерній, патріотизмъ которыхъ не былъ бы заподозрѣнъ, едва ли много осталось государственныхъ людей, которые намекомъ или прямо не были обвинены въ измѣнѣ. «Измѣна, сепаратизмъ и нигилизмъ»—эти три слова были для г. Каткова тѣмъ талисманомъ, который далъ ему подписчиковъ и вліяніе. Многіе и до сихъ поръ наивно вѣрятъ, что безъ г. Каткова Россія пропала бы, какъ будто наша исторія представляетъ мало примѣровъ, когда отечеству нашему грозили неизмѣримо бóльшія опасности, чѣмъ въ 1863 году, и оно выходило изъ борьбы не только цѣлымъ, но и обновлен-

нимъ. Роль публичнаго обвинителя такъ понравилась г. Каткову, что онъ не выходилъ изъ нея нѣсколько лѣтъ сряду и—надо отдать ему справедливость—онъ исполнялъ эту роль такъ блистательно, что даже сама администрація повѣрила въ него, какъ въ общественную силу и поставила его газету въ исключительное положеніе, наравнѣ съ «Русскимъ Инвалидомъ», то-есть освободила ее отъ цензуры. Ослѣпленіе толпы было такъ велико, что неудача вмѣшательства Франціи въ наши внутреннія дѣла, въ польское возстаніе, приписывалось болѣе г. Каткову, чѣмъ твердой политикѣ правительства, высокоталантливымъ истолкователемъ которой явился князь Горчаковъ. И этому нечего удивляться, хотя вспомнить объ этомъ смѣшно: г. Катковъ населилъ всю Россію громадно-ужасными призраками, которые протягивали костлявыя руки за нашимъ нравственнымъ и матеріальнымъ достояніемъ со всѣхъ сторонъ—съ сѣвера, съ запада, съ востока и юга. Съ сѣвера—петербургскій нигилизмъ и его представитель, какъ намекалъ г. Катковъ вовсе не двусмысленно, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, г. Головнинъ; съ востока—Владимірская губернія, приготовлявшая будто бы полушубки для повстанцевъ, и другія чудища; съ юга—малороссійскій сепаратизмъ, блистательнымъ доказательствомъ котораго г. Катковъ выставлялъ намѣреніе издать Евангеліе на малорусскомъ нарѣчіи и учить дѣтей грамотѣ на природномъ ихъ говорѣ; съ запада.... но западъ дѣйствительно покрывали тучи, и эта реальная опасность придала вѣру въ призраки, созданные московскимъ журналистомъ; но тучи съ запада разгонялъ не онъ; ихъ видѣли всѣ и простые русскіе люди, и люди государственные, безъ г. Каткова, и всѣ стремились къ тому, чтобъ наступилъ снова миръ, чтобъ проглянуло солнце. Одну изъ самыхъ необходимыхъ и наиболѣе плодотворныхъ мѣръ—освобожденія крестьянъ съ землею въ Польшѣ—г. Катковъ проглядѣлъ въ погонѣ за пугалами, и ее проповѣдали другіе.

Раздувъ опасность до размѣровъ колоссальныхъ и не разогнавъ западныхъ тучъ, онъ въ сторонахъ сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ дѣйствительно спугнулъ многихъ невинныхъ пташекъ, которыя клевали себѣ спокойно кормъ и никогда не воображали, что они—дикіе звѣри, чудовища, рожденныя природою для ниспроверженія Россіи. Пташекъ перевезли въ края болѣе отдаленные и менѣе плодородные, гдѣ, быть можетъ, онѣ дѣйствительно ожесточились и завострили свои бѣдные клювы о каменистую почву. Это—первая заслуга г. Каткова; но была и другая: разсѣевая подозрѣнія, представляя ту Россію, которая нераздѣляла его мнѣній, скопищемъ негодяевъ и измѣнниковъ, требуя реакціи, онъ влагалъ гнѣвъ даже и въ тѣ польскія, полупольскія и остзейскія души, которыя настроены были равнодушно и даже благодушно, и смотрѣли на всякое возстаніе какъ на неразумную и гибель-

ную попытку. Безсильные отвѣчать на дерзкій вызовъ вызовомъ, безсильные доказать свою невинность, слыша какъ попиралось самое имя поляка или остзейца, они ожесточались по немногу и отдалялись отъ насъ. Вотъ это, дѣйствительно, заслуга г. Каткова: безъ него мы могли бы имѣть сотни враговъ, а благодаря ему, мы встрѣчали ихъ тысячами. Своею неумѣренностію, возбужденіемъ дикихъ страстей и непримиримой національной и религіозной ненависти онъ въ то же время закладывалъ у насъ весьма твердую почву для реакціи и деморализаціи; онъ несоразмѣрно возвысилъ цѣну на тотъ ходульный и безсодержательный патріотизмъ, однимъ достоинствомъ котораго, даже его сущностію, явилось искусство подозрѣвать, величать себя «русскимъ дѣятелемъ» и ничего не дѣлать прочнаго и путнаго. Истинно просвѣщенныхъ людей, скромныхъ, не кричащихъ патріотовъ г. Катковъ удалилъ, апоѳеозой насилія и національной вражды, отъ дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ дѣлѣ обрусенія. Онъ вообразилъ себя «собирателемъ земли русской», когда ужъ она собрана и укрѣплена, и заставилъ въ себя увѣровать. Даже министры писали ему письма, испрашивали его совѣтовъ, и одинъ предлагалъ издать его творенія на казенный счетъ. Слава была куплена дешево, благодаря молчанію русской печати, которая поставлена была въ невозможность дать надлежащій отпоръ московскому журналисту.

Скорбное событіе 4-го апрѣля дало г. Каткову новую пищу для проповѣди ненависти и подозрѣній. «Высшія правительственныя сферы» были объявлены имъ, въ прозрачныхъ намекахъ, заговорщиками и руководителями. Онъ указывалъ изъ Москвы, гдѣ надо искать корень зла и направлялъ слѣдователей, какъ верховный публичный обвинитель и безаппелляціонный прокуроръ. Онъ давалъ понять, что ему все извѣстно; его, къ сожалѣнію, не подвергли допросу. Когда явился оффиціальный отчетъ слѣдствія, произведеннаго графомъ Муравьевымъ, и когда оказалось изъ него, что «высшія правительственныя сферы» не замѣшаны въ дѣло, г. Катковъ сдѣлалъ нагоняй своему любимцу, объявивъ, что онъ не туда направился, что онъ сдѣлалъ ложный шагъ. Это былъ тотъ моментъ, когда надлежало поручить пересмотръ слѣдствія руководителю «Москов. Вѣдомостей». Моментъ былъ важный, ибо онъ стоялъ рубежемъ между сильнымъ вліяніемъ и слабымъ. Слѣдствія г. Каткову не поручили — обвиненія его стали терять свою силу, свой кредитъ въ глазахъ читателей, хотя онъ увѣнчанъ былъ въ это время еще свѣжимъ, неувядшимъ вѣнкомъ мученика трехъ предостереженій. Заклятые его поклонники были смущены тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ вдругъ пересталъ придавать нигилизму прежнее значеніе, нигилистовъ называлъ ничтожными, безвредными по своему ничтожеству мальчишками, и бралъ ихъ подъ свою защиту

отъ слишкомъ неразборчивыхъ охотниковъ на эту дичь, которыхъ прежде онъ самъ одобрялъ. «Что же это такое», подумали друзья: «не самъ ли ужъ теперь измѣняетъ?» и, послѣ весьма хорошаго размышленія, къ которому самые заклятые друзья г. Каткова, вообще, прибѣгать не любили, какъ къ работѣ головоломной и ненужной въ ихъ философіи, друзья эти порѣшили, что онъ дѣйствительно измѣняетъ и есть не что иное, какъ «переодѣтый нигилистъ» и «неодѣтый демагогъ». Нѣсколько разумныхъ статей г. Каткова, по крестьянскому и другимъ вопросамъ, между прочимъ горячая и талантливая защита новыхъ судовъ и печати отъ нападокъ обскурантовъ, то-есть прежнихъ заклятыхъ друзей г. Каткова, и послѣдніе почти окончательно убѣдились въ своемъ предположеніи, что передъ ними что-то переодѣтое. Но съ другой стороны, они также ясно видѣли прежнюю струю, которая вдругъ иногда разливалась въ цѣлый потокъ, бурно мчавшійся за твердыя границы здраваго смысла и цивилизаціи. Въ сущности удивляться тутъ нечему: г. Катковъ слѣдовалъ правилу: *divide et impera*, т. е. ссорь всѣхъ, поселяй повсюду вражду, и будешь господствовать. А лучшее средство ссорить всѣхъ — это раздувать дурные инстинкты и въ обществѣ и въ администраціи, и потомъ время отъ времени читать имъ наставленія, чтобы спасти собственную репутацію, и заслужить славу спасителя общества и государства. Такую политику можно изобрѣсти только тамъ, гдѣ слабы понятія о свободѣ печати; только въ такой средѣ могъ, сто лѣтъ тому назадъ, Ломоносовъ не «желать быть дуракомъ у его превосходительства, ни даже и у Господа Бога», и въ тоже время биться изъ-за куска хлѣба. Та же причина осуждаетъ и современнаго литератора драпироваться Янусомъ, и играть вмѣстѣ въ оппозицію, и въ угоду. Но таковы были судьбы русскихъ литераторовъ: твердые принципы, глубокія убѣжденія, прямые путе представляли болѣе или менѣе неодолимыя препятствія, и карьера ихъ опредѣлялась личнымъ характеромъ: съ характеромъ Новикова на журнальномъ поприщѣ они были вредны самимъ себѣ; не имѣвшіе же характера Новикова, осуждены были, какъ г. Катковъ, нанести вредъ цѣлому обществу, возбудивъ въ немъ всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ.

А. С—нъ.

Осьмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый *Петромъ Бартеневымъ.* Книга четвертая. Москва. 1869.

Въ 1768 году, въ Парижѣ, появилось великолѣпное изданіе, украшенное гравюрами, сочиненія аббата Шаппа д'Отероша, который ѣздилъ, по приказанію короля и порученію французской академіи, въ

Тобольскъ въ 1761 году, для наблюденія прохожденія Венеры. Сочиненіе это было посвящено описанію всего того, что видѣлъ аббатъ, со включеніемъ того, что онъ слышалъ или прочиталъ о Россіи. Среди многихъ вѣрныхъ замѣчаній о правительствѣ, о бѣдности народа, его обычаяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, у аббата есть свѣдѣнія вздорныя и сужденія пристрастныя. Это сочиненіе, на безпристрастный взглядъ не представляющее ничего особенно рѣзкаго, однако, жестоко оскорбило императрицу, и она написала обширный разборъ его на французскомъ же языкѣ и напечатала его въ 1770 году, подъ заглавіемъ «Антидотъ» (противоядіе). Въ настоящее время сочиненіе это составляетъ большую библіографическую рѣдкость, и г. Бартеневъ, вознамѣрившись помѣстить его въ переводѣ въ своемъ изданіи, пользовался экземпляромъ Публичной библіотеки; рукопись «Антидотъ», написанная рукою статсъ-секретаря Г. В. Козицкаго, хранится въ государственномъ архивѣ. «Что Антидотъ писанъ, говоритъ г. Бартеневъ, если не собственноручно Екатериною, то по прямому ея указанію, съ ея словъ или подъ ея диктовку, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для тѣхъ читателей, которые знакомы съ ея образомъ мыслей, съ пріемами ея умозаключеній и съ политическими обстоятельствами того времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это сочиненіе Екатерины представляетъ собою черты, такъ-сказать, государственной ея автобіографіи; въ другихъ оно служитъ дополненіемъ къ ея «Запискамъ», какъ, напр., разсказъ о первомъ днѣ царствованія Петра III, о поѣздкѣ въ Казань и проч. Предпринятая сто лѣтъ тому назадъ самою государынею оборона русскаго народа отъ навѣта иностранцевъ должна быть извѣстна въ Россіи». Все это вѣрно, но, къ сожалѣнію, «защита предпринятая и проч.» во многихъ частяхъ слаба и въ настоящее время можетъ служить только матеріаломъ для характеристики самой государыни, для опредѣленія ея взглядовъ на русскую исторію и на современное ей положеніе русскаго народа.

Читая «Антидотъ», часто останавливаешься на мысли: искренно ли говоритъ Екатерина, дѣйствительно ли она убѣждена въ томъ, что пишетъ, или съ ея стороны это просто полемическій пріемъ, преднамѣренное желаніе выставить все русское, во что бы то ни стало въ привлекательномъ видѣ, вопреки истинѣ и очевидности? Нѣкоторыя, слишкомъ наивныя, мѣста «Антидота» заставляютъ думать, что она говоритъ искренно, что она дѣйствительно мало знала народъ, что она видѣла его только въ праздничной, декоративной обстановкѣ, и вѣрила на слово донесеніямъ своихъ губернаторовъ и приближенныхъ, которые во всѣ времена любили пріукрашать истину канцелярскимъ краснорѣчіемъ; но есть и такія натяжки, изъ которыхъ видно, что императрица сознательно черное называла бѣлымъ, разсчитывая на легкая

вѣріе или незнаніе читателей. Раздраженіе ея противъ злополучнаго аббата, доходящее до того, что она называетъ его «негодяемъ» и «осломъ»—полемическій пріемъ, не весьма одобрительный въ августѣйшей писательницѣ — раздраженіе ея, говоримъ, понятно. Не задолго до выхода сочиненія аббата, появился знаменитый «Наказъ» и затѣмъ была собрана не менѣе знаменитая коммиссія для сочиненія новаго уложенія; о «Наказѣ» и коммиссіи прокричали ея европейскіе друзья, и имя русской императрицы окружалось блестящимъ ореоломъ. Заговорить въ это время о русскомъ государствѣ тѣмъ тономъ, какимъ написана книга аббата Шаппа,—это не могло пріятно подѣйствовать на императрицу. Хорошо еще, что дѣло случилось въ первые годы ея царствованія, дѣйствительно либеральные, дѣйствительно ознаменованные блестящими фактами, какъ «Наказъ» и упомянутая коммиссія, на которые она могла ссылаться, какъ на явленія безпримѣрныя въ европейской исторіи; но и тутъ нельзя не замѣтить, что она злоупотребляетъ этими заслугами своими, придавая «Наказу» и коммиссіи такое значеніе, котораго они вовсе не имѣли. О коммиссіи она говоритъ положительно, что собрала ее съ тѣмъ, чтобъ сами представители народные могли себѣ составить законы; мы не думаемъ, чтобъ Екатерина серьезно на это рѣшалась когда-нибудь даже мысленно; напротивъ, какъ скоро она увидала, что коммиссія поднимаетъ важные государственные вопросы и судитъ о нихъ всегда здраво, какъ скоро она увидѣла, что коммиссія созрѣла для законодательства—она поторопилась закрыть ее. Она хочетъ заставить европейскихъ читателей судить о русскомъ правительствѣ по мыслямъ, выраженнымъ въ «Наказѣ». Аббатъ говоритъ: «Да и какъ могло бы оно (общество) развиться при правительствѣ, при которомъ никто не пользуется политическою свободою, во всѣхъ прочихъ странахъ (?) обезпечивающею безопасность каждаго гражданина». Екатерина возражаетъ: «Прочтите, читатель, «Наказъ» императрицы Екатерины II. Вы увидите, насколько мы стѣснены». Выписываемъ еще нѣсколько возраженій ея, изъ которыхъ видна и мысль аббата Шаппа: «Очень хотѣлось бы мнѣ знать, г. аббатъ, что̀ значитъ у васъ слово государь (souverain)? Король издающій законы? Нашъ государь дѣлаетъ тоже самое. Вы имѣете парламенты, отказывающіеся принимать дурные законы, но которыхъ къ тому принуждаютъ послѣ нѣкоторыхъ препираній: у насъ есть сенатъ, имѣющій тѣ же права (?); но наши государи избѣгали протестовъ, издавая законы лишь по представленію этого сената, или воздерживаясь отъ того, что̀ могло бы навлечь на нихъ протестъ».

«Аббатъ говоритъ: «всѣ чиновники—маленькіе тираны». Г. аббатъ, клянусь вамъ, что наши чиновники и на сотую долю не такіе тираны, какъ гг. чиновники французскаго короля».

«Знайте, невѣжа, что мало есть государствъ, въ которыхъ законъ уважался бы настолько, какъ у насъ. Никакой судья, крупный или малый, не можетъ постановить рѣшенія, не сославшись на законъ, сообразно съ которымъ онъ дѣйствуетъ. Знайте далѣе, что никакое постановленіе не должно быть исполнено, если оно несогласно съ закономъ».

«Она (Екатерина II) стояла между императрицею, своимъ супругомъ, ихъ любимцами и народомъ. Она была уважаема всѣми: иные ее любили, другіе ее боялись; доброта ея сердца, здравость ея сужденія и развитость ея ума позволяли ей не только перенести свое положеніе безъ жалобъ, но еще избрать самый вѣрный путь... Она спасла это государство (Россію), котораго она была единственною надеждою.

«Наказъ» Екатерины—это Евангеліе законности. Онъ становится у насъ закономъ».

Нельзя сказать, чтобъ императрица слишкомъ скромно говорила о своихъ достоинствахъ; но это не важнѣйшій недостатокъ «Антидота». Аргументація ея дѣлается наивною, когда она начинаетъ говорить о народѣ, о томъ народѣ, положеніе котораго было ничуть не лучше, чѣмъ оно показалось проѣзжему французу, имѣвшему случаи останавливаться въ крестьянскихъ избахъ. «Въ Россіи, говоритъ она, на народъ налагаютъ повинности лишь въ той мѣрѣ, въ какой извѣстно, что ихъ можетъ нести; но у васъ (во Франціи) на эти мелочи не смотрятъ: только и хлопочутъ о томъ, какъ изобрѣсть новые источники дохода, новые налоги». Это обыкновенный пріемъ государыни указывать, что во Франціи все гораздо хуже, чѣмъ въ Россіи. (Аббатъ говоритъ, напр., въ Россіи правленіе деспотическое; Екатерина возражаетъ ему, что деспотическое правленіе—во Франціи, а въ Россіи оно было всегда монархическимъ). Она увѣряетъ, что враги Россіи «стараются изобразить ея такою, какою они желали бы, чтобъ была эта страна, но не такою, какова она есть, то-есть, цвѣтущею и сильною». Доказать это положеніе государыня и стремится. Народъ прекрасно одѣтъ, прекрасно ѣстъ, всего у него въ волю; съѣстные припасы очень дешевы, рыба превосходная, мясо есть въ изобиліи, дичи не оберешься; помѣщики обращаются съ крестьянами очень мягко, не отягощаютъ ихъ излишними повинностями; хлѣбъ черный и бѣлый (калачъ) продается сплошь по всей Россіи, исключая развѣ одной Камчатки; нравы улучшаются и смягчаются; семейная жизнь добродѣтельна; при этомъ она сообщаетъ любопытное извѣстіе, что крестьяне женятъ своихъ сыновей иногда восьми лѣтъ, чтобъ имѣть лишнюю работницу въ домѣ. Аббатъ говоритъ, что въ Литвѣ у крестьянъ нѣтъ хлѣба—это чистый вздоръ: крестьяне вездѣ ѣдятъ отлично. И посмотрите, какой смѣшной этотъ аббатъ, онъ увѣряетъ, что крестьяне ѣдятъ конопляное

масло. «Я полагаю: что онъ шутитъ: конопляное масло употребляютъ лишь для лампъ, а медвѣжій жиръ, какъ наружное средство. Я никогда не слыхалъ [1]) ни отъ кого, кромѣ аббата, чтобы его ѣли въ Россіи, да еще постомъ. Жители Камчатки одни ѣдятъ все». Камчатка—это якорь спасенія: все, что дурно—все это въ Камчаткѣ. Екатерина не только не знаетъ, что крестьяне, даже зажиточные, въ изобиліи и до сей поры употребляютъ въ пищу конопляное масло, но увѣрена, что они освѣщаютъ свои жилища лампами. И самыя эти жилища — очень хороши. Аббатъ имѣетъ безсовѣстность распространять такую ложь, что будто крестьяне спятъ «въ перемежку» въ своихъ избахъ, при чемъ женатые ничѣмъ не отдѣлены отъ холостыхъ, и отцы и матери, своею искренностію, научаютъ юношество многому раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. «Но, г. аббатъ, вы ошибаетесь; ибо нѣтъ хижины, гдѣ для людей женатыхъ не было бы особаго отдѣленія». Аббатъ утверждаетъ, что крестьяне живутъ въ зловонномъ воздухѣ, спертомъ и душномъ въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Опять клевета: воздухъ ежедневно обновляется печью, и «г. аббатъ, всѣ согласны въ томъ, что ни что такъ не очищаетъ воздуха, какъ каминъ». «Но что всего смѣшнѣе у аббата, это, что будто оба пола моются въ баняхъ вмѣстѣ и что моющіеся другъ друга сѣкутъ пучками розогъ. Ахъ, г. аббатъ, я очень радъ, что васъ высѣкли—вы этого заслуживаете. Въ баняхъ моются различными способами. Когда хотятъ усилить жаръ паровыхъ бань, то надъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ, заставляютъ осторожно махать простынею, и затѣмъ заставляютъ себя вытирать ею. Люди менѣе богатые употребляютъ, вмѣсто простыни, пучки березовыхъ вѣтокъ, снабженныхъ листьями, то-есть осторожно махаютъ ими надъ моющимися.» Конечно, аббатъ смѣшенъ съ своими розгами, но объясненія Екатерины также вызываютъ улыбку. Мало этого: Екатерина защищаетъ даже природу, даже русскій морозъ, которымъ такъ хвалились мы въ 1812 году, при ея внукѣ. «Въ Соликамскѣ меня увѣряли, пишетъ аббатъ, что холодъ иногда усиливается въ теченіе нѣсколько часовъ съ такою быстротою, что при этихъ обстоятельствахъ люди и лошади падаютъ мертвые, если слишкомъ удаленные отъ жилищъ, они не успѣваютъ тотчасъ въ нихъ укрыться». «Это сказки, дѣтей пугать», отвѣчаетъ Екатерина. «Мы никогда не слыхали (ахъ, государыня, могъ бы сказать аббатъ, вы слишкомъ многое не слыхали!), чтобъ замерзали лошади или люди; подвергаются опасности лишь пьяницы, и то очень рѣдко, если они засыпаютъ на улицѣ. Въ большіе холода при вѣтрѣ случается, что нѣкоторыя обнаженныя части тѣла

[1]) «Антидотъ» сочиненіе анонимное, и императрица, само собой разумѣется, говоритъ въ третьемъ лицѣ мужескаго рода.

кошечьются, когда ихъ трутъ снѣгомъ или льдомъ, и это тотчасъ проходитъ».

Указывая на эти слабыя стороны полемики императрицы съ аббатомъ, мы, само собой разумѣется, отдаемъ должную справедливость ея похвальнымъ намѣреніямъ; нѣкоторыя замѣчанія ея, напр., что «нѣтъ народа, которымъ легче было бы руководить кротостію, чѣмъ русскіе», или «я положительно отвергаю и называю злою и лживой выдумкой обвиненіе всего народа въ чрезмѣрномъ употребленіи водки, потому что если счесть людей, употребляющихъ ее и тѣхъ, которые вовсе не пьютъ, то послѣднихъ окажется несравнительно больше», и многія фактическія ея опроверженія совершенно вѣрны; но намъ кажется, что было бы лучше, еслибъ государыня побольше узнала свой народъ, получше прислушалась къ его нуждамъ и потребностямъ, для чего подъ рукой у нея была «коммиссія депутатовъ», и вмѣсто того, чтобъ восхвалять его благосостояніе за границей, принять энергическія мѣры противъ злоупотребленій у себя дома; послѣ пугачевщины она должна была убѣдиться, что благосостояніе проповѣдывалось ею въ «Антидотѣ» напрасно: его не было и быть не могло при тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ ея время.

Любопытны мнѣнія ея о Борисѣ Годуновѣ и царевнѣ Софіи: «этотъ государь (Борисъ) былъ несчастенъ, а несчастные всегда виноваты; многіе историки наговаривали на него по наслышкѣ, или по молвѣ, распущенной его врагами или противными ему партіями». О Софіи она высокаго мнѣнія: «Она (Софія) въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ руководила дѣлами государства со всею проницательностію, которой возможно желать. Когда посмотришь на дѣла, прошедшія черезъ ея руки, нельзя не признать, что она была весьма способна царствовать». Нѣкоторыя мнѣнія крайне странны и невѣрны, напр.: «до царствованія Ѳеодора Ивановича мы шли ровнымъ шагомъ со всѣми прочими націями Европы, за исключеніемъ, быть можетъ, Италіи». Иностранные путешественники по Россіи, включая и Олеарія, по ея мнѣнію, годны только на то, чтобъ сочиненія ихъ сжечь въ печкѣ, и проч.

Издатель «Осьмнадцатаго Вѣка» защитникъ Екатерины во что бы то ни стало. Печатая современное письмо о казни извѣстной Салтычихи, изъ котораго видно, что народу и каретъ при этомъ было множество и что многихъ подавили, г. Бартеневъ утверждаетъ, что Екатерина «не поддерживала крѣпостнаго права», что это видно изъ того, что «правительство слѣдило за злоупотребленіями помѣщичьей власти» и что «по усмиреніи пугачевщины, когда помѣщики вздумали мстить простому народу и посылали распоряженія объ отрѣзаніи ушей и носовъ, а сенатъ замышлялъ издать какой-то законъ противъ крестьянъ, — Екатерина энергически высказала свой образъ мыслей и при-

зывала высшія сословія къ благоразумію и снисходительности». Это только дѣлаетъ честь благоразумію императрицы, но вовсе не говоритъ въ пользу того, что она не поддерживала крѣпостного права. Едва ли было другое царствованіе, столь обильное раздачею въ крѣпость крестьянъ, какъ царствованіе Екатерины; она ввела это право въ Малороссіи, она награждала крестьянами людей совершенно ничтожныхъ, рѣшительно никакихъ заслугъ не принесшихъ государству. Что она сознавала весь вредъ этого права, что она даже желала освободить крестьянъ — вѣримъ, но тѣмъ бóльшая отвѣтственность лежитъ на ней, что признавая въ теоріи одно, она на практикѣ создавала большія затрудненія грядущимъ царствованіямъ, увеличивая число крѣпостныхъ.

Кромѣ «Антидота», въ разсматриваемой книгѣ «Осьмнадц. Вѣкъ» помѣщено любопытное изслѣдованіе г. де-Пуле, по бумагамъ архива виленскаго генералъ-губернатора: «Послѣдній король польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII в.», и нѣсколько мелкихъ документовъ, между прочимъ: «Первые дни Екатерининскаго царствованія» по подлиннымъ бумагамъ и манифесты Екатерины II о вступленіи на престолъ. Отправляясь съ войскомъ противъ Петра III, она даетъ указъ сенату: «Господа сенаторы! я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ стражу, отечество, народъ и сына моего». Экспедиція, какъ извѣстно, имѣла успѣхъ, и Петръ III, по словамъ императрицы, «волею Всевышняго Бога скончался». Сказавъ, что «самовластіе, необузданное добрыми и человѣческими качествами въ государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною», императрица характеризуетъ Петра III въ одномъ изъ своихъ манифестовъ самыми рѣзкими красками: «законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ, и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ неполезными, но вредными государству издержками... возненавидѣлъ полки гвардіи... коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе, или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули о томъ ему напомянуть съ подобострастіемъ въ осторожность, то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду неподлежащаго властителя произойдти бы могли», и проч. и проч. Она даже утверждаетъ, что онъ хотѣлъ ее «истребить и жизни лишить», чтó

едва ли основательно. Во всякомъ случаѣ, мы не думаемъ, чтобъ этотъ манифестъ, написанный уже послѣ смерти Петра III, произвелъ въ народѣ хорошее впечатлѣніе; его рѣзкость могла удивить народъ, а несчастія Петра III примирить съ нимъ. Кто знаетъ, не отозвалось ли это совсѣмъ невеликодушное отношеніе Екатерины къ своему предшественнику въ пугачевскомъ бунтѣ?...

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Князя А. Васильчикова. Томъ I. Спб. 1869.

Истекшій годъ, сравнительно съ годами предшествовавшими, былъ богатъ сочиненіями крупныхъ землевладѣльцевъ о современныхъ вопросахъ въ Россіи. Мы говорили о сочиненіяхъ г. Бланка и г. Кошелева, изъ которыхъ первый приступилъ къ изложенію своихъ мыслей, заявляя предварительно о своемъ патріотизмѣ, о законѣ 6-го апрѣля, позволяющемъ русскимъ подданнымъ выражать свои посильныя мнѣнія и о разрушительныхъ элементахъ, а второй счелъ за благо отыскать во всѣхъ мнѣніяхъ общества и печати жемчужины—по крайней мѣрѣ на его взглядъ—и составилъ себѣ изъ нихъ политическій костюмъ. Это самый удобный пріемъ для дѣятеля, желающаго заявить свои убѣжденія. Князь Васильчиковъ приступилъ прямо къ своему предмету, предварительно изучивъ русскія, англійскія, французскія и нѣмецкія общественныя учрежденія: «Метода, нами принятая», говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобы изложить въ краткихъ, по возможности, очеркахъ существенныя правила, принятыя въ иностранныхъ государствахъ для хозяйственнаго, общественнаго благоустройства, составляющаго главный предметъ вѣдѣнія мѣстныхъ властей и учрежденій—затѣмъ сличить ихъ съ тѣми порядками, которые введены въ Россіи новѣйшими законоположеніями о крестьянскомъ, земскомъ и мірскомъ управленіи», и проч. Князь Васильчиковъ ни за кого не прячется, никого не обвиняетъ, не стремится доказывать и даже заявлять свою благонамѣренность: онъ поступаетъ, какъ вполнѣ независимый человѣкъ, считающій всѣ оговорки и подлаживанія подъ тотъ или другой тонъ— уловками недостойными писателя. Ничего подобнаго, конечно, онъ не говоритъ, но это вытекаетъ изъ всей его книги. Онъ, однимъ словомъ, весь на лицо, и ужъ одну такую откровенность можно считать далеко не послѣднимъ достоинствомъ въ человѣкѣ, принадлежащемъ къ извѣстному кругу и выступающимъ на литературное поприще, почти всегда усѣянное терніями. Кромѣ этого, мы находимъ въ книгѣ ясное изложеніе, старательный трудъ человѣка понимающаго трудность и сложность предпринятой имъ на себя задачи и горячее желаніе слу-

жить дѣлу русскаго прогресса. Всѣ эти качества должны обезпечить успѣхъ книги и пользу ея. Мы не войдемъ, на этотъ разъ, въ подробный разборъ ея, не станемъ указывать автору нѣкоторыя слишкомъ нерѣшительныя и какъ будто не вполнѣ усвоенныя имъ положенія, не станемъ отдѣлять нѣкоторую примѣсь славянофильства въ его воззрѣніяхъ, говорить о его слишкомъ большой вѣрѣ въ силу закона, могущаго измѣниться независимо отъ мѣстныхъ, земскихъ вліяній и проч., а укажемъ только на главнѣйшія его положенія относительно духа русскаго народа. Прежде всего онъ полагаетъ, что русскій народъ имѣетъ всѣ задатки для самоуправленія и «негоденъ для администраціи». Смѣтливость простого народа, сдержанность его чувствъ, здравый смыслъ и то высокое благоразуміе, которое обнаруживается въ Россіи во всѣхъ сословіяхъ, когда обсуждается сила совершившихся фактовъ, ходъ неминуемыхъ событій — все это говоритъ въ пользу самоуправленія. «Наоборотъ, мы сомнѣваемся», говоритъ онъ, «чтобы при поверхностномъ образованіи, которое дано было и дается понынѣ среднимъ и высшимъ классамъ въ Россіи, при ихъ легкомысленномъ отчужденіи отъ народнаго быта, непониманіи существенныхъ интересовъ страны и народа, администрація, въ смыслѣ французской centralisation или прусской Gutsherrlichkeit, могла бы когда-либо осуществить въ Россіи тѣ ожиданія, которыя возлагаютъ на нее приверженцы старыхъ порядковъ для возстановленія административнаго самовластія и помѣщичьяго управленія». Авторъ рѣшительно отвергаетъ у насъ не только существованіе, но даже возможность существованія аристократіи и демократіи въ европейскомъ смыслѣ слова. Онъ прямо говоритъ, что «противодѣйствіе высшихъ, помѣстныхъ сословій противъ первороднаго порядка наслѣдства (майораты) и низшихъ сельскихъ классовъ противъ участковаго исходитъ изъ всенароднаго, инстинктивнаго сознанія, что земля должна дѣлиться поровну между всѣми членами семейства и общества». Такимъ образомъ, земля есть тотъ фундаментъ, на которомъ построено зданіе русскаго общества, и крестьянство является первенствующимъ сословіемъ у насъ, какъ по количеству владѣемой имъ земли, такъ и по значенію своему въ исторіи развитія нашей гражданственности какъ по доходности и цѣнности имуществъ, такъ и потому, что оно лучше, полнѣе, самостоятельнѣе, тѣснѣе связано, и «среди всякихъ внѣшнихъ, свыше исходящихъ, притѣсненій и невзгодъ окрѣпло во внутреннемъ, униженномъ своемъ составѣ». Изъ этого слѣдуетъ, что у насъ крупное землевладѣніе, на которомъ основана сила европейскихъ аристократій, сосредоточена въ сельской общинѣ, главнымъ образомъ, и сравнительно въ незначительномъ числѣ крупныхъ собственниковъ: «въ Россіи аристократія и демократія сливаются въ землевладѣніи и въ земскихъ, изъ него вытекающихъ,

интересахъ такъ тѣсно, что никакой ясной, правильной черты различія между ними провести нельзя». На самоуправленіе авторъ смотритъ не какъ на орудіе для введенія и поддержанія различныхъ политическихъ вліяній, но какъ на особый порядокъ, вовсе чуждый политики, имѣющій свою особую цѣль и свою отдѣльную область дѣйствій, именно цѣлый разрядъ дѣлъ домашнихъ, мѣстныхъ, съ политикою не имѣющихъ большой связи, дѣлъ земскихъ. Если такъ-называемыя земскія учрежденія наши до сихъ поръ оказывались неудовлетворительными, то причина этому заключается въ слѣдующемъ: «*самоуправство* нѣкоторыхъ управъ и собраній прямо встрѣтилось съ *самовластіемъ* отдѣльныхъ начальниковъ, и все это вмѣстѣ приняло названіе *самоуправленія*». Въ свою очередь, такой порядокъ произошелъ отъ неопредѣлительности земскихъ положеній, въ которыхъ не точно обозначены предметы вѣдѣнія земскихъ учрежденій и зависимость ихъ отъ администраціи; безъ точнаго, вполнѣ яснаго закона развитіе этихъ учрежденій невозможно; при ясномъ же и опредѣлительномъ законѣ, онѣ могутъ существовать съ успѣхомъ и совершенствоваться при всякомъ образѣ правленія. Вотъ что легло въ основу изслѣдованія князя Васильчикова. Въ заключеніе упомянемъ главные предметы, которые должны, по мнѣнію автора, составлять вѣдомство земскихъ учрежденій. 1) По дорожному управленію: содержаніе всѣхъ грунтовыхъ дорогъ, какъ почтовыхъ, такъ и сельскихъ—правительство соглашаетъ только дѣйствія и интересы разныхъ губерній по трактамъ ихъ взаимныхъ сообщеній; исправленіе повинностей обывательской, подводной, почтовой и вообще содержаніе всякихъ сообщеній, бичевниковъ, перевозовъ и мостовъ. 2) Общественное призрѣніе; 3) народное продовольствіе; 4) по народному здравію: принятіе непосредственныхъ мѣръ при появленіи повальныхъ болѣзней и падежей скота, устройство и содержаніе больницъ; 5) по народному образованію: устройство и содержаніе элементарныхъ училищъ, сельскихъ и городскихъ школъ, и нормальныхъ училищъ для образованія учителей; 6) по общественному благоустройству: охраненіе личныхъ и имущественныхъ правъ мѣстныхъ жителей отъ такихъ поврежденій и опасностей, которыя происходятъ отъ неумышленныхъ или неосторожныхъ дѣйствій и упущеній; 7) управленіе тюремъ, назначенныхъ для заключенія присужденныхъ по приговорамъ мировыхъ судовъ и съѣздовъ; 8) составленіе смѣтъ и раскладокъ и расходованіе земскихъ сборовъ губернскихъ и уѣздныхъ; 9) раскладка государственныхъ прямыхъ налоговъ на цѣнности и доходности имуществъ и оцѣнка этихъ имуществъ для обложенія; 10) мировой судъ и судъ присяжныхъ, насколько они зависятъ отъ выборовъ, этого существеннаго самоуправленія.

А. С—нъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.—М. г. Я только сегодня получилъ № «Голоса», въ которомъ находится по истинѣ безобразный переводъ «Странная исторія», моего разсказа, долженствующаго появиться въ первой книгѣ «Вѣстника Европы» за 1870-й г. Вѣкъ живи — вѣкъ учись! Но, признаюсь, *этого* я не ожидалъ. Правда, я замѣтилъ издателю «Салона», журнала, въ которомъ, какъ извѣстно, появился нѣмецкій переводъ «Странной исторіи», что за отсутствіемъ литературной конвенціи въ родѣ той, которая заключена между Россіей и Франціей, всякій у насъ въ правѣ переводить любое нѣмецкое сочиненіе; что и мой разсказъ можетъ подвергнуться подобной участи. Но на это издатель возразилъ, что я напрасно приписываю такую неделикатность и недобросовѣстность моимъ соотечественникамъ. Къ сожалѣнію, я повѣрилъ ему, хотя я, по собственному опыту, долженъ былъ знать, до чего могутъ дойти неделикатность и недобросовѣстность *иныхъ* моихъ соотечественниковъ. Всякій легко себѣ представитъ чувства писателя, дѣтище котораго, какъ бы оно незначительно ни было, является въ первый разъ изуродованнымъ предъ публикою; но мнѣ особенно больно то, что часть послѣдствій этой безцеремонной продѣлки падаетъ на васъ. Впрочемъ, переводчикъ «Странной исторіи» слишкомъ дурно исполнилъ свою задачу, — притомъ нѣкоторыя и довольно важныя прибавленія, сдѣланныя мною уже по напечатаніи нѣмецкаго текста, избѣгли его пера.

Примите, и проч.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ. 2 января, 1870.

Редакція «Вѣстника Европы», съ своей стороны, должна сказать, что она слишкомъ хорошо понимаетъ все различіе между подлинникомъ и переводомъ, притомъ анабаптистскимъ, и во всемъ этомъ не видитъ для себя никакихъ особыхъ послѣдствій. Даже мы готовы, въ этомъ случаѣ, принять на себя защиту «Голоса». Поспѣшностью перевода «Странной исторіи», редакція «Голоса», быть можетъ, хотѣла показать, что ей извѣстенъ и понятенъ весь интересъ публики къ перу И. С. Тургенева, хотя бы испытавшему двойную передѣлку, и что она не хочетъ отстать отъ общества въ уваженіи къ имени автора. Надѣемся, что почтенный авторъ приметъ въ соображеніе эти «смягчающія обстоятельства» да и наши читатели согласятся, что никакой переводъ не устранитъ значеніе подлинника.

М. Стасюлевичъ.

данie суду, и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія. Сборникъ практическихъ замѣтокъ. *К. К. Арсеньева.* Спб. 1870. Стр. 225. Ц. 1 р.

Нынѣшній судъ у насъ, какъ и многое другое, новъ, а предразсудки стары; рѣчь о недостаткахъ суда, въ виду такихъ предразсудковъ, придется послѣднимъ по душѣ, а между тѣмъ, несовершенство новыхъ судовъ—и естественно, и дѣйствительно. Какъ и все новое, они нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи. К. К. Арсеньевъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ юристовъ и извѣстный адвокатъ, посвятилъ настоящій свой трудъ критикѣ важнѣйшихъ функцій новой судебной власти, именно съ цѣлью указать на то дальнѣйшее ея развитіе, которое необходимо для полноты благодѣтельнѣйшей реформы нынѣшняго царствованія. Въ первой части сборника авторъ анализируетъ самый актъ преданія суду, періодъ времени между преданіемъ суду и открытіемъ судебнаго засѣданія; наконецъ, судебное засѣданіе до начала судебнаго слѣдствія. Что частныя перемѣны въ судебныхъ порядкахъ къ лучшему можно дѣлать, не касаясь главныхъ и превосходныхъ началъ, — доказательствомъ тому служатъ сдѣланныя уже нѣкоторыя безполезныя отступленія, безъ всякаго общаго пересмотра уставовъ; потому мы думаемъ, что трудъ г. Арсеньева не останется только украшеніемъ нашей юридической литературы, но и будетъ во многомъ принятъ на практикѣ, какъ важное указаніе.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева.* Т. XIX. М. 1869. Стр. 392. Ц. 2 р.

Въ новомъ продолженіи этого монументальнаго труда мы можемъ пока только указать на одно его содержаніе, и мимоходомъ замѣтить, что интересъ его растетъ по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Начало вышедшаго XIX тома обнимаетъ собою пространство времени отъ 1725 до 1733 года: внѣшнія дѣла при Екатеринѣ I и ея кончина, царствованіе Петра II, и первые три года правленія Анны Іоанновны. Планъ ограниченія императрицы Анны олигархами съ цѣлью, по образцу Рѣчи-Посполитой, «полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить», и возвращеніе къ прежнему порядку вещей, всего лучше мотивированное въ письмѣ казанскаго губернатора Волынскаго, — занимаютъ весьма видное мѣсто въ настоящемъ томѣ.

Война и миръ. Сочин. гр. *Л. Н. Толстаго.* Томъ шестой. 1869, стр. 290. Ц. 2 р.

По ожиданіямъ читателей, шестой томъ долженъ былъ раскрыть предъ ними любопытнѣйшую эпоху времени Александра I, послѣ отечественной войны, а по исполненію оказалось, что шестой томъ нуженъ автору, чтобъ досказать въ немъ то, что онъ не успѣлъ объяснить въ своихъ теоріяхъ военнаго дѣла и философіи исторіи. Авторъ по прежнему поддерживаетъ непроизвольность дѣйствій полководцевъ и тщету ихъ плановъ; но не страдаютъ ли иногда и писатели такою же непроизвольностью и тщетою плановъ? и не потому ли иногда, садясь за романъ, они кончаютъ тѣмъ, что пишутъ курсъ философіи исторіи in usum delphini? Во всякомъ случаѣ, романъ графа Л. Толстаго не можетъ быть не признанъ капитальнымъ явленіемъ нашей новѣйшей литературы, и мы еще возвратимся къ болѣе близкому его изученію.

Причины вырожденія человѣка. Неполнота и неправильность его тѣлеснаго и душевнаго развитія въ настоящее время. Сост. по нѣм. соч. Ед. Рейха, *Окт. Мильчевскій.* М. 1870. Стр. 388. Ц. 2 р.

Кромѣ болѣзней, пріобрѣтаемыхъ единолично и случайно, есть болѣзни, которыя прививаются къ цѣлымъ поколѣніямъ, мѣстностямъ, и обращаются почти въ норму, вырождая такимъ образомъ физическій и нравственный типъ человѣка. Причины такихъ болѣзней лежатъ иногда въ непреодолимости вредныхъ вліяній природы, а чаще въ общемъ соціальномъ строѣ, неправильности хода цивилизаціи: таковы болѣзни половыя, фабричныя и т. д. Указанное сочиненіе, если и не есть полный трактатъ о цивилизаціонныхъ болѣзняхъ народа, то все же заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ и указаній, изъ которыхъ видно, что даже тотъ или другой государственный и политическій строй имѣетъ вліяніе на улучшеніе или ухудшеніе физической и нравственной породы человѣка. Гдѣ нѣтъ нравственной свободы, тамъ ищутъ плотскихъ наслажденій, истощаютъ на нихъ силы и родятъ слабыя поколѣнія съ готовыми болѣзнями, а потому авторъ относитъ и строгую цензуру къ числу причинъ вырожденія человѣка.

Исторія національной литературы въ Италіи. Лекціи, читанныя въ Спб. университетѣ. М. Пинто. Т. I. Спб. 1869. Стр. 317.

Весь томъ посвященъ почти исключительно жизни Данте и его классическому творенію. При скудости нашихъ изслѣдованій въ области иностранныхъ литературъ, мы должны поблагодарить автора за трудъ приведенія лекцій въ порядокъ и опубликованія ихъ, и вмѣстѣ пожалѣть, что наши профессора такъ рѣдко слѣдуютъ подобному примѣру: конечно, печатаніе лекцій можетъ вызвать ихъ критику и потребовать времени для литературной отдѣлки, но все это не такія препятствія,

ПОДПИСКА

на

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

въ 1870 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ,* и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ,* желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ,* для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ,* исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста,* съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія* и *Нидерланды*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія и Римъ* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ— шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иногороднымъ и иностраннымъ— въ бандероляхъ; экземпляры иногородные имѣютъ на себѣ адрессъ подписчика и отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получателей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

3. *ЖАЛОБА,* въ случаѣ неполученія книги журнала, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

М. Стасюлевичъ,
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

